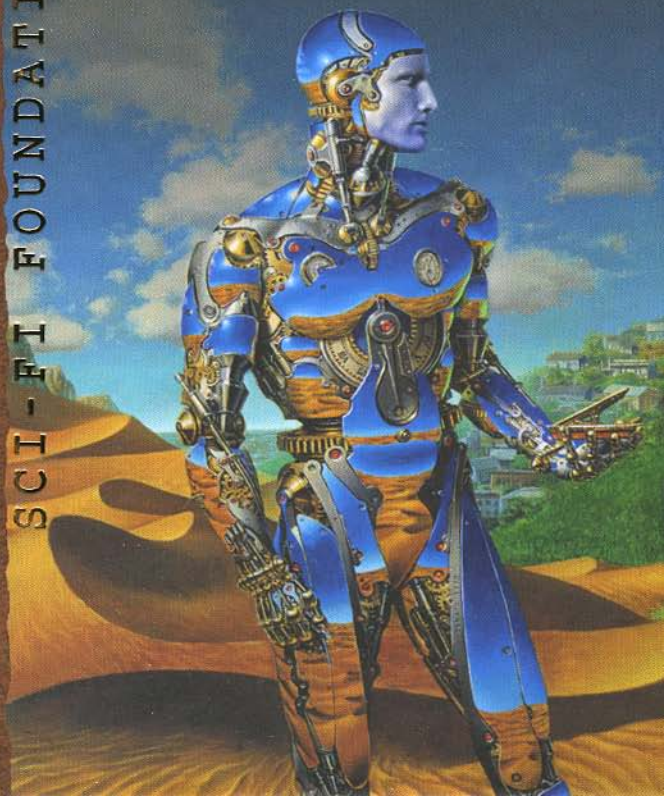
Весь

АЗИМОВ

ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



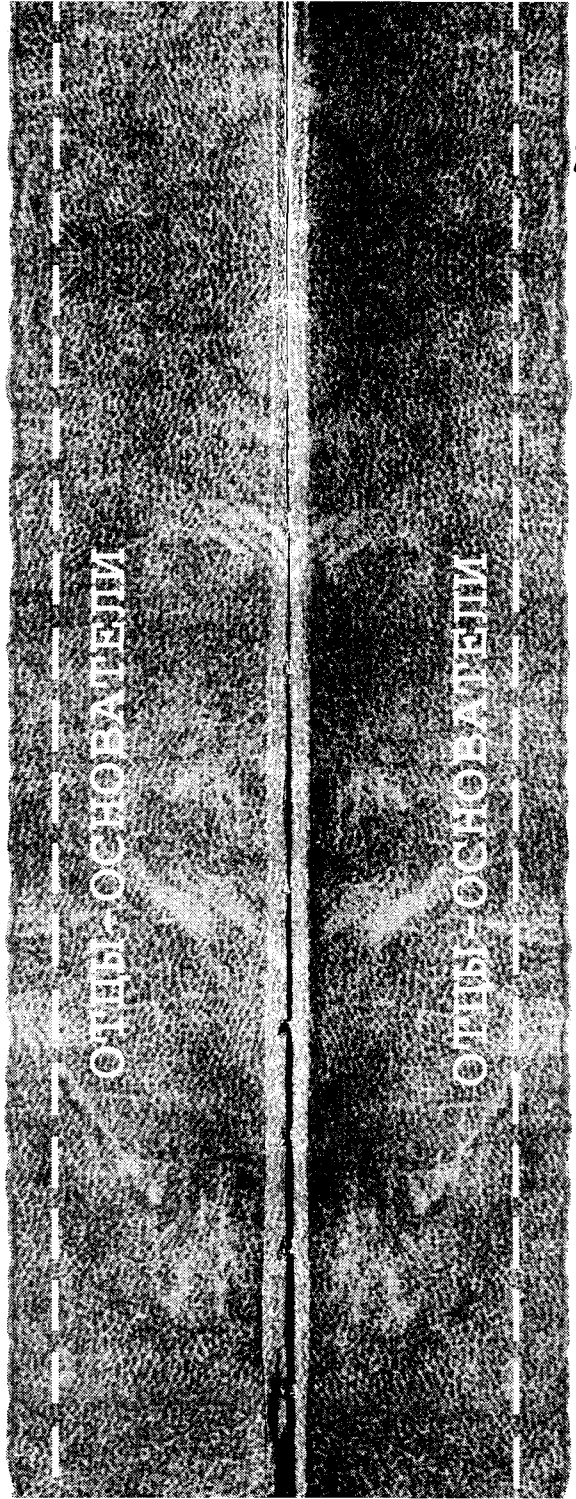
Весь

АЗИМОВ

Весь

АЗИМОВ

Я, РОБОТ
СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ



Айзек

АЗИМОВ

РОБОТЫ И ИМПЕРИЯ
ЗВЕЗДЫ КАК ПЫЛЬ
КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ
КАМЕШЕК В НЕБЕ

Москва
ЭКСМО
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
А 35

Isaac Asimov

ROBOTS AND EMPIRE
Copyright © 1985 by Isaac Asimov

THE STARS, LIKE DUST
Copyright © 1951 by Isaac Asimov

THE CURRENTS OF SPACE
Copyright © 1952 by Isaac Asimov

PEBBLE IN THE SKY
Copyright © 1950 by Isaac Asimov

This translation published by arrangement with the Doubleday Broadway Publishing Group, a division of Random House, Inc.

Составитель серии *Д. Байкалов*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2008 году

Азимов А.

А 35 Транторианская империя: Фантастические произведения / Айзек Азимов; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо, 2008. — 800 с. — (Весь Азимов).

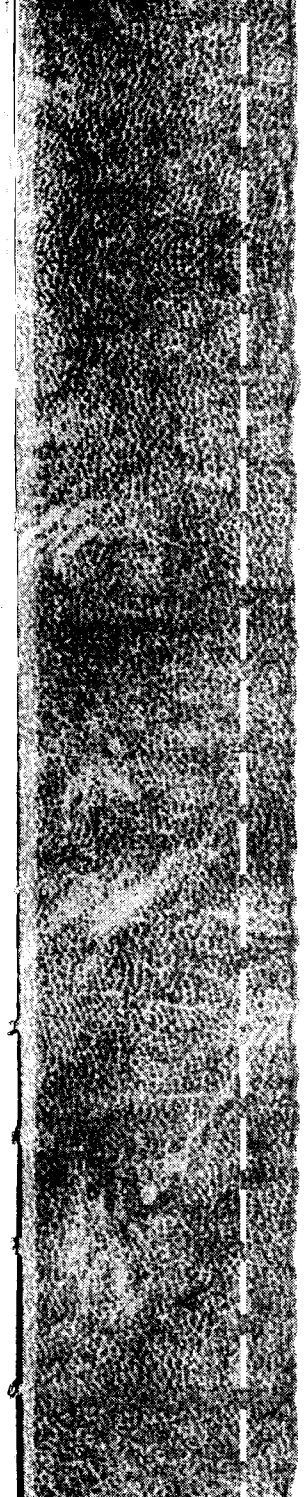
ISBN 978-5-699-26760-6

Очередные романы из цикла «Галактическая история». Иногда между событиями романов проходят тысячи лет, расцветают и угасают звездные империи (такие, как Транторианская), сменяются поколения и расы, но в результате все происходящее в Галактике складывается в единую и цельную картину.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-26760-6

© Перевод. М. Букашкина, И. Ткач, З. Бобырь, 2008
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2008



РОБОТЫ И ИМПЕРИЯ

Часть I

АВРОРА

Глава 1

ПОТОМОК

1

Глэдия пощупала шезлонг на лужайке и, убедившись, что он не слишком влажный, села. Одним прикосновением к кнопке она установила шезлонг в полулежачее положение, другим включила диамагнитное поле, что, как обычно, дало ей ощущение полного покоя. Она буквально парила в сантиметре от кресла.

Была теплая ласковая ночь, одна из лучших, что бывают на Авроре, — благоухающая и звездная.

Неожиданно погрустнев, она принялась разглядывать звездный узор на небе; крохотные искорки стали ярче, потому что она велела уменьшить освещение в доме.

«Однако сколько же их!» — поразилась Глэдия: за все двести тридцать лет своей жизни она никогда не интересовалась их названиями и никогда не отыскивала на небе ту или иную звезду. Вокруг одной из них кружилась ее родная планета Солярия, до тридцати пяти лет Глэдия называла эту звезду солнцем.

Когда-то Глэдию называли Глэдией с Солярии. Это было двести обычных галактических лет назад, когда она появилась на Авроре, и означало, что к чужестранке относятся не слишком дружелюбно.

Месяц назад исполнилось двести лет со дня ее прибытия, но она не отметила это событие, потому что вспоминать о тех днях не хотелось. Тогда, на Солярии, она была Глэдией Дельмар.

Глэдия недовольно шевельнулась. Она почти забыла свое первое имя — то ли потому, что это было так давно, то ли просто старалась забыть.

Все эти годы она не жалела о Солярии, не скучала по ней.

Сейчас она совершенно неожиданно осознала, что пережила Солярию. Солярия исчезла, ушла в историю, а она, Глэдия, все живет. Не потому ли она скучает по планете?

Она нахмурилась. Нет, она не скучает. Ей не нужна Солярия, она вовсе не хочет возвращаться.

Это просто странное сожаление о том, что было частью ее, хотя и неприятной, а теперь ушло.

Солярия! Последний из Внешних миров, ставший домом для человечества. И по какому-то таинственному закону симметрии он должен был погибнуть первым. Первым? Значит, за ним последует второй, третий и...

Глэдия опечалилась еще больше. Кое-кто предполагал, что так и будет.

Значит, Авроре, ставшей ее домом и заселенной первой из Внешних миров, по тому же закону симметрии суждено умереть последней из пятидесяти планет.

Вполне возможно, что это случится еще при жизни Глэдии. А что тогда?

Она снова устремила взгляд к звездам.

Нет, это безнадежно: она не сможет определить, какая из этих светящихся точек — солнце Солярии. Она почему-то думала, что оно ярче других, но на небе сверкали сотни одинаковых звезд.

Она подняла руку и сделала жест, который про себя называла «жест-Дэниел». Правда, было темно, но это не имело значения. Робот Дэниел Оливо немедленно очутился рядом. Те, кто знал его двести лет назад, когда он был сконструирован Хеном Фастольфом, не заметили бы в нем никаких перемен. Его широкое, с высокими скулами лицо, короткие волосы цвета бронзы, зачесанные назад, голубые глаза, хорошо сложенное человекоподобное тело не менялись; робот всегда выглядел молодым.

— Могу быть вам чем-нибудь полезен, мадам Глэдия? — спросил он.

— Да, Дэниел. Какая из этих звезд солнце Солярии?

Дэниел даже не взглянул на небо.

— Никакая, мадам. В это время года солнце Солярии поднимается в три двадцать.

— Разве?

Глэдия смутилась. Она почему-то решила, что любая заинтересовавшая ее звезда должна быть все время видна на небе. Конечно же, они поднимаются в разное время — ведь она это прекрасно знает.

— Значит, я зря искала?

Дэниел попытался ее утешить:

— Люди говорят, что звезды прекрасны, даже если их не видно.

— Говорят, — с досадой проворчала Глэдия. Она нажала на кнопку — спинка шезлонга поднялась — и встала.

— Не так уж мне хочется видеть солнце Солярии, чтобы сидеть здесь до трех часов.

— В любом случае вам понадобилась бы подзорная труба.

— Труба?

— Невооруженным глазом ее не видно, мадам Глэдия.

— Час от часу не легче! Мне следовало бы сначала спросить у тебя, Дэниел.

Тот, кто знал Глэдию два столетия назад, когда она впервые появилась на Авроре, нашел бы в ней перемены. В отличие от Дэниела она была человеком. Ростом сто пятьдесят пять сантиметров — на десять сантиметров ниже идеального роста женщины Галактики.

Она следила за собой и сохранила стройную фигуру. Однако в волосах серебрилась седина, вокруг глаз лежали тонкие морщинки, кожа немного увяла. Она могла бы прожить еще сто, сто двадцать лет, но сомнений не было: она уже не молода. Но это не беспокоило ее.

— Ты знаешь все звезды, Дэниел?

— Только те, что видны невооруженным глазом, мадам.

— И можешь сказать, когда они восходят, в какое время года видны и все остальное?

— Да, мадам Глэдия. Доктор Фастольф как-то попросил меня собрать астрономические сведения, чтобы всегда иметь их под рукой и не обращаться всякий раз к компьютеру. Он сказал, что ему приятнее, когда я сообщаю ему данные, а не компьютер. — И, предвосхитив следующий вопрос, робот добавил: — Но он не объяснил, зачем ему это нужно.

Глэдия подняла левую руку и сделала жест. В доме тут же зажегся свет, стали видны темные фигуры нескольких роботов, но Глэдия не обратила на них внимания. В любом порядочном доме роботы всегда рядом с человеком — как для обслуживания, так и для охраны.

Глэдия в последний раз бросила взгляд на небо и пожала плечами. Донкихотство! Даже если бы она могла увидеть солнце погибшего теперь мира — ну и что? Можно выбрать наугад любую звезду и считать ее солнцем Солярии. Ее внимание снова вернулось к Дэниелу. Он терпеливо ждал, стоя в тени. Глэдия снова подумала, как мало он изменился с тех пор, как она впервые увидела его в доме доктора Фастольфа. Конечно, его конструкцию совершенствовали. Она знала, но старалась не думать об этом.

Это общая участь, которой подвержены и люди. Космониты гордились железным здоровьем и долголетием — от трех до четырех столетий, — но они не обладали абсолютным иммунитетом к возрастным изменениям.

В одно бедро Глэдии была вставлена титаново-силиконовая трубка, большой палец левой руки искусственный, хотя это нельзя заметить без тщательной ультра-сонограммы, даже некоторые нервы заново подтянуты. Все это могло быть у любого космонита ее возраста в любом из пятидесяти Внешних миров, нет, из сорока девяти, поскольку Солярию больше не учитывали.

Упоминать о подобных вещах считалось до крайности неприличным. Медицинские записи хранились, поскольку могло потребоваться дальнейшее лечение, но никто не имел к ним доступа. Хирурги зарабатывали порой лучше, чем сам Председатель. Происходило это отчасти потому, что они были практически изгнаны из светского общества.

Потому что они знали.

Все это было частью стремления космонитов к долгой жизни, их нежелания признать, что старость существует, но Глэдия не задерживалась на анализе причин: ей просто было неприятно думать о себе в этой связи. Имей она трехмерную карту своего тела, где все протезы, все исправления отмечались красным на сером фоне природного, даже издали можно было заметить эти красные пятна.

Однако мозг ее был цел и невредим, и, пока это так, она цела и невредима, что бы ни произошло с ее телом.

Ее мысли вернулись к Дэниелу.

Она знала его двести лет, но только год была его хозяйкой. Когда Фастольф умирал, он, по обычаю, завещал все городу, но две вещи оставил Глэдии, не считая того, что официально ввел

ее во владение домом, в котором она жила, со всеми его роботами, имуществом и земельным участком.

Одной из этих двух вещей был Дэниел.

— Ты помнишь все, что случилось за двести лет? — спросила Глэдия.

— Думаю, что да, мадам Глэдия. Если бы я что-то забыл, я бы не знал об этом, потому что мне нужно было бы забыть.

— Я не об этом. Скажем, ты прекрасно помнил что-то, но вдруг забыл. Что-то вертится на языке, а что — никак не поймешь.

— Я не понимаю, мадам. Если я что-то знаю, то всегда вспомню, когда понадобится.

— Отличная память.

— Обычная, мадам. Так я сконструирован.

— И это надолго?

— Не понял, мадам?

— Я имею в виду — как долго может функционировать твой мозг? Ведь в нем воспоминания за два столетия — сколько еще в нем поместится?

— Не знаю, мадам. Пока я не испытываю затруднений.

— Да, но когда-нибудь ты обнаружишь, что больше не в состоянии запоминать.

Дэниел задумался.

— Такое возможно, мадам.

— Знаешь, Дэниел, не все твои воспоминания одинаково важны.

— Я не могу выбрать, мадам.

— Другие могут. Твой мозг можно очистить и снова наполнить воспоминаниями, скажем, процентов десять от того, что было. Тогда тебя хватит еще на несколько столетий. А если такие чистки делать регулярно, ты стал бы вечным. Правда, это дорогостоящая процедура, но я не постояла бы за ценой.

— А со мной посоветуются, мадам? Спросят моего согласия?

— Конечно. Я не стану приказывать тебе: это означало бы не оправдать доверия доктора Фастольфа.

— Спасибо, мадам. В таком случае должен сказать, что никогда не соглашусь добровольно на такую процедуру, если только сам не обнаружу, что моя память перестала функционировать.

Они дошли до двери. Глэдия остановилась, честно недоумевая:

— А почему, Дэниел?

— Есть воспоминания, — тихо сказал Дэниел, — которые я могу потерять из-за небрежности или неразумности тех, кто станет проводить операцию. Я не хочу рисковать.

— Какие воспоминания ты имеешь в виду?

Дэниел заговорил еще тише:

— Мадам, я имел в виду воспоминания о моем бывшем партнере, землянине Элайдже Бейли.

Глэдия в оцепенении стояла перед дверью до тех пор, пока наконец Дэниел не проявил инициативу и не приказал двери отвориться.

2

Робот Жискар Ривентлов ожидал в гостиной. Глэдия поздоровалась с ним с легким чувством неловкости, какое всегда испытывала при виде его.

По сравнению с Дэниелом он был примитивным. Он был обычным металлическим роботом; его лицо ничего не выражало. Его глаза вспыхивали красным в темноте.

Дэниел был одет, а Жискар имел только имитацию одежды — впрочем, очень хорошую, поскольку ее изобрела сама Глэдия.

— Привет, Жискар, — сказала она.

— Добрый вечер, мадам Глэдия, — ответил он с легким поклоном.

Глэдия вспомнила слова Элайджа Бейли, сказанные давным-давно, — и сейчас они словно прошелестели в ее мозгу: «Дэниел будет заботиться о тебе. Он будет твоим другом и защитником, и ты должна быть ему другом — ради меня. И я хочу, чтобы ты слушалась Жискара. Пусть он будет твоим наставником».

Глэдия нахмурилась.

«Почему он? Я его недолюбливаю».

«Я не прошу тебя любить его. Я прошу тебя верить ему».

Он не захотел сказать почему.

Глэдия старалась верить Жискару, но была рада, что ей не надо любить его. Было в нем что-то такое, что заставляло ее вздрагивать.

Дэниел и Жискар были действующими элементами ее хо-

зяйства уже много десятилетий, но их официальным хозяином был Фастольф. Только на смертном одре Хен Фастольф передал Глэдии права на владение роботами.

Она сказала тогда старику:

— Хватит и одного Дэниела, Хен. Ваша дочь Василия хотела бы иметь Жискара. Я уверена в этом.

Фастольф тихо лежал в постели, закрыв глаза, и выглядел таким умиротворенным, каким Глэдия его никогда не видела. Он не сразу ответил. Она испугалась, что он умер, и судорожно сжала руку умирающего. Он открыл глаза и прошептал:

— Я ничуть не забочусь о моих биологических дочерях, Глэдия. За два столетия у меня была только одна настоящая дочь — это ты. Я хочу, чтобы Жискар был у тебя. Он ценный.

— Чем же он ценен?

— Не могу сказать. Но его присутствие всегда утешает меня. Береги его, Глэдия. Обещай мне.

— Обещаю, — сказала она.

Затем его глаза открылись в последний раз, голос вдруг обрел силу, и он сказал почти как обычно:

— Я люблю тебя, Глэдия, дочь моя.

— Я люблю тебя, Хен, отец.

Это были последние слова, которые он сказал и услышал. Глэдия обнаружила, что держит руку мертвеца, и некоторое время не могла заставить себя выпустить ее.

Так Жискар стал ее собственностью.

Однако в его присутствии она чувствовала себя неловко и не понимала почему.

— Знаешь, Жискар, — сказала она, — я пыталась найти среди звезд солнце Солярии, но Дэниел сказал, что его можно увидеть только в три двадцать, да и то в подзорную трубу. Ты знаешь об этом?

— Нет, мадам.

— Как по-твоему, стоит мне ждать столько времени?

— Я бы посоветовал вам лучше лечь спать, мадам Глэдия.

Глэдия рассердилась, но не подала виду.

— Да? А если я все-таки подожду?

— Я только посоветовал, мадам, потому что у вас завтра трудный день, и вы, без сомнения, пожалеете, что не выспались.

Глэдия нахмурилась.

— А почему у меня завтра трудный день, Жискар? Мне ничего не известно.

— Вы назначили встречу, мадам. Некоему Левулару Мандамусу.

— Назначила? Когда это случилось?

— Час назад. Он звонил, и я взял на себя смелость...

— Ты? Кто он такой?

— Он работник Института роботехники, мадам.

— Подчиненный Калдина Амадейро?

— Да, мадам.

— Пойми, Жискар, мне совсем не интересно видеть этого Мандамуса или любого, кто связан с этой ядовитой жабой Амадейро. Если ты взял на себя смелость договориться о встрече от моего имени, то будь любезен позвонить ему и отменить ее.

— Если вы приказываете, мадам, и приказываете строго, то я попытаюсь повиноваться, но, может быть, не смогу. Видите ли, по моему суждению, вы нанесете себе вред, если откажетесь от этого свидания, а я не должен делать ничего такого, что может повредить вам.

— Твои суждения могут быть ошибочными, Жискар. Кто он такой, чтобы отказ от встречи с ним повредил мне? Может, он и работник Института, но для меня это ничего не значит.

Глэдия прекрасно понимала, что зря срывает злость на Жискаре. Ее расстроили известия о том, что Солярия покинута, и ей было досадно, что она искала в небе солнце Солярии, которого там не было. Правда, указал ей на ошибку робот Дэниел, но на него она не сердилась — Дэниел так походил на человека, что она бессознательно относилась к нему как к человеку.

Внешность — это все. Жискар выглядел роботом и, значит, вроде бы не мог чувствовать обиды.

И в самом деле, Жискар никак не отреагировал на раздражение Глэдии. Впрочем, и Дэниел тоже не отреагировал бы.

— Я говорил, что доктор Мандамус — работник Института роботехники, — сказал Жискар, — но, возможно, он занимает высокое положение. В последние несколько лет он был правой рукой доктора Амадейро. Это делает его лицом значительным, и игнорировать его непросто. Доктор Мандамус не из тех, кого можно оскорбить, мадам.

— А почему, Жискар? Мне плевать на Мандамуса, а на Амадейро тем более. Я думаю, ты помнишь, что Амадейро в свое время делал все возможное, чтобы обвинить доктора Фастольфа в убийстве, и только чудом его махинации провалились.

— Я прекрасно помню, мадам.

— Это хорошо. Я опасалась, что за двести лет ты обо всем забыл. За все это время я не имела ничего общего ни с Амадейро, ни с кем-либо, связанным с ним, и намерена продолжать такую политику. Меня не беспокоит, повредит ли это мне и каковы будут последствия. Я не желаю видеть этого доктора, кем бы он ни был, и впредь не назначай свидания от моего имени без спроса.

— Слушаюсь, мадам. Но не могу ли я обратить ваше внимание...

— Нет, не можешь, — отрезала Глэдия и повернулась, собираясь уйти.

Стало тихо. Глэдия сделала несколько шагов и услышала спокойный голос Жискара:

— Мадам, я прошу вас верить мне.

Глэдия остановилась. Почему он употребил это выражение? Она снова услышала давний голос: «Я не прошу тебя любить его. Я прошу тебя верить ему».

Она сжала губы, нахмурилась и неохотно вернулась.

— Ну, — мрачно сказала она, — что ты хочешь сказать, Жискар?

— Пока доктор Фастольф был жив, его политика господствовала на Авроре и других Внешних мирах. В результате народу Земли было разрешено свободно мигрировать на другие планеты, которые мы называем Поселенческими. Но доктор Фастольф умер, а его последователи утратили свое влияние. Доктор Амадейро исповедует антиземную точку зрения, и вполне возможно, что теперь восторжествует она и начнется мощная политика, направленная против Земли и Поселенческих миров.

— Пусть так, Жискар, но что я могу поделать?

— Вы можете повидаться с доктором Мандамусом и узнать, почему он так стремится увидеть вас, мадам. Уверяю вас, он страшно настойчив и требовал свидания как можно скорее. Он просил вас принять его в восемь утра.

— Жискар, я никогда ни с кем не встречаюсь раньше полудня.

— Я объяснил ему это, мадам, но он так хотел увидеть вас до завтрака, что прямо пришел в отчаяние. Я чувствовал, что важно узнать, почему он так расстроен.

— А если я его не приму, чем, по-твоему, это повредит лично мне? Не Земле, не поселенцам, а мне?

— Мадам, это может повредить Земле и поселенцам в дальнейшем заселении Галактики. Эта идея появилась в уме у полицейского инспектора Элайджа Бейли более двухсот лет назад. Вред, нанесенный Земле, будет осквернением его памяти. Разве я ошибаюсь, думая, что любой вред, нанесенный его памяти, вы примете как личный?

Глэдия вздрогнула. Уже дважды в течение часа в разговоре упоминался Элайдж Бейли. Землянин, проживший такую коротенькую жизнь, он давным-давно умер — сто шестьдесят лет назад, — но его имя все еще волнует ее.

— А почему вдруг это стало так важно? — спросила она.

— Не вдруг, мадам. Два столетия назад жители Земли и Внешних миров шли каждый своим путем и не конфликтовали благодаря мудрой политике доктора Фастольфа. Но существовала сильная оппозиция, и доктор Фастольф всегда противостоял ей. Теперь же, когда он умер, оппозиция стала еще сильней. Уход населения с Солярии еще увеличил ее мощь, и вскоре оппозиция стала главенствующей политической силой.

— Почему?

— Существуют явные признаки, что космониты теряют былую силу, и многие аврориане считают, что решительные действия надо предпринять сейчас или никогда.

— И тебе кажется, что мое свидание с этим человеком поможет воспрепятствовать этому?

— Да, мои ощущения именно таковы, мадам.

Глэдия помолчала. Мысль о том, что она обещала Элайджу верить Жискару, настойчиво лезла ей в голову.

— Ладно. Не думаю, что встреча принесет какую-нибудь пользу, но так и быть, увижусь с ним.

3

Глэдия спала, и в доме было темно — по человеческим понятиям. Однако дом жил, в нем двигались и работали, потому что роботы видели в инфракрасном свете.

Они приводили в порядок дом, приносили продукты, выносили мусор, чистили, полировали и убирали вещи, проверяли приборы и, как всегда, несли охрану.

Ни одна дверь не имела запора, этого не требовалось. На Авроре не бывало преступлений ни против людей, ни против собственности, да и не могло быть, поскольку дома и людей всегда охраняли роботы, все это знали и одобряли.

Роботы-сторожа всегда были на месте.

Но они никогда не задерживали — именно потому, что всегда были здесь.

Жискар и Дэниел, чьи способности были гораздо выше, чем у других домашних роботов, не имели специальных обязанностей; они отвечали за работу остальных роботов.

В три часа они обошли лужайку и лесной участок, чтобы проверить, выполняет ли свои функции внешняя охрана и нет ли каких-нибудь проблем.

Они встретились на южной границе поместья и некоторое время разговаривали на своем сокращенном эзоповском языке. За десятилетия общения они привыкли понимать друг друга, и им не нужно было прибегать к сложностям человеческой речи.

Дэниел сказал едва слышно:

— Облака. Почти не видно.

Если бы Дэниел говорил с человеком, он сказал бы: «Как видишь, друг Жискар, небо покрыто облаками. Если бы мадам Глэдия стала ждать восхода солнца Солярии, она все равно не увидела бы его».

Жискар ответил:

— Предсказано. Лучше интервью.

Что означало: «Бюро погоды так и предсказывало, друг Дэниел, и это может служить извинением тому, что мадам Глэдия легла спать пораньше. Мне казалось более важным убедить ее согласиться на встречу, о которой я уже говорил тебе».

— Мне кажется, друг Жискар, что главной причиной того, что тебе с трудом удалось убедить ее, было огорчение по поводу оставления Солярии. Я дважды бывал там с партнером Элайджем, когда мадам Глэдия была солярианкой и жила там.

— Я всегда знал, что мадам не была счастлива на своей родной планете, что она с радостью оставила ее и не имела намерения возвращаться. Но я согласен с тобой: ее расстроило, что история Солярии завершилась.

— Я не понимаю реакции мадам Глэдии, — сказал Дэниел, — но очень часто человеческие реакции логически не соответствуют событиям.

— Поэтому иной раз так трудно решить, что будет вредно

для человека, а что нет. — Будь Жискар человеком, он вздохнул бы, произнося эти слова. — Это одна из причин, почему мне кажется, что Три Закона Роботехники неполны и несовершенны.

— Ты уже говорил об этом, друг Жискар, и я стараюсь поверить, да не могу.

Жискар помолчал.

— Умом я понимаю, что они должны быть несовершенными, но когда хочу поверить в это — не могу. Оказывается, что я связан Законами. Если бы я не был ими связан, я бы, наверное, поверил в их недостаточность.

— Это парадокс, которого я не понимаю.

— Я тоже. Но я чувствую, что должен объяснить этот парадокс. Иногда мне даже кажется, что я жажду обнаружить неполноту и недостаточность Трех Законов, как, например, сегодня вечером в разговоре с мадам Глэдией. Она спросила, как отказ от встречи может повредить ей лично, и я не мог ей ответить, поскольку это вне пределов Трех Законов.

— Ты дал прекрасный ответ, друг Жискар. Вред, нанесенный памяти партнера Элайджа, должен произвести глубокое впечатление на мадам Глэдию.

— Это был лучший ответ в пределах Трех Законов, но не лучший из возможных.

— А какой был бы лучшим?

— Не знаю, потому что не могу выразить его словами или хотя бы понятиями, пока я связан Законами.

— Но за пределами Законов ничего нет, — возразил Дэниел.

— Будь я человеком, — сказал Жискар, — я бы мог видеть за их пределами. Думаю, друг Дэниел, что ты способен на это больше, чем я.

— Я?

— Да я давно считаю, что хоть ты и робот, но думаешь почти как человек,

— Ты не прав, — медленно и словно с болью сказал Дэниел. — Ты так считаешь потому, что умеешь заглядывать в человеческий мозг. Это вредит тебе и в конце концов может тебя разрушить. Мне тяжело об этом думать. Если можешь удержаться от такого заглядывания — удержись.

Жискар отвернулся.

— Не могу и не хочу. Я жалею, что из-за Трех Законов могу сделать так мало. Я не могу проникать достаточно глубоко из

боязни нанести вред. И не могу влиять достаточно сильно — из той же боязни.

— Но ты сильно повлиял на мадам Глэдию.

— Я мог бы изменить ее мысли и заставить согласиться на встречу без всяких вопросов, но человеческий мозг так сложен, что я могу отважиться лишь на очень немногое. Почти любое изменение, которое я вношу, может вызвать дополнительные изменения, в природе которых я не уверен, и они могут повлиять на мозг, повредить его.

— Но ты что-то сделал с мадам Глэдией?

— В сущности, нет. Слово «верить» действует на нее и делает более сговорчивой. Я давно отметил сей факт, но употребляю это слово с величайшей осторожностью, чтобы не ослабело от частого употребления. Меня это озадачивает, но докопаться до решения я не в силах.

— Три Закона не позволяют?

Казалось, тусклые глаза Жискара заблестели ярче.

— Да. Три Закона везде стоят на моем пути, и именно поэтому я не могу изменить их. Но я чувствую, что обязан изменить, потому что ощущаю наступление катастрофы.

— Ты уже говорил об этом, друг Жискар, но не объяснил природы катастрофы.

— Я не знаю ее природы. В ее основе растущая вражда между Авророй и Землей, но как это разовьется в реальную катастрофу, я не могу сказать.

— Но ведь ее может и не быть?

— Я так не думаю. Я ощущаю вокруг некоторых аврорианских чиновников, с которыми сталкиваюсь, ауру катастрофы — ожидание триумфа. Не могу описать это более точно, потому что не проникал глубоко — Три Закона не позволяют. Это вторая причина, почему встреча с Мандамусом должна состояться: это даст мне возможность изучить его мозг.

— Но если ты не сможешь изучить его достаточно эффективно?

Хотя голос Жискара не мог выражать эмоций в человеческом понятии, в словах его было заметно отчаяние:

— Значит, я буду беспомощен. Я могу лишь следовать Трем Законам. Что мне еще остается?

— Ничего не остается, — тихо и уныло пробормотал Дэниел.

4

В восемь пятнадцать Глэдия вышла в гостиную, надеясь, что заставила Мандамуса (это имя она запомнила без особого желания) ждать. Она как следует позаботилась о своей внешности и впервые за многие годы расстроилась из-за седины: надо было последовать общей аврорианской традиции и покрасить волосы. Выглядеть как можно моложе и привлекательнее — значит поставить фаворита Амадейро в невыгодное положение.

Она готовилась к тому, что вид его ей не понравится. Не хотелось думать, что он, возможно, молод и привлекателен, что жизнерадостное лицо засияет улыбкой при ее появлении, что он может против ее воли понравиться ей.

Увидев его, она успокоилась. Он действительно был молод. Ему, видимо, не было и пятидесяти, но это его не красило.

Он был высок, но очень тощ и казался долговязым. Волосы слишком темные для аврорианина, глаза тускло-ореховые, лицо слишком длинное, губы слишком тонкие, рот слишком широкий, а чопорное, без тени улыбки выражение лица окончательно лишало его молодости.

Глэдия тут же вспомнила исторические романы, которыми увлекались на Авроре (все они неизменно рассказывали о примитивной Земле, что было довольно странно для мира, ненавидящего землян), и подумала: «Вот изображение пуританина».

Она успокоилась и чуть заметно улыбнулась. Пуритане обычно изображались злодеями, и, был ли этот Мандамус злодеем или нет, он вполне подходил для этой роли.

Но его голос разочаровал Глэдию: он оказался мягким и мелодичным. Чтобы выдержать стереотип, он должен был быть гнусавым.

— Миссис Гремионис?

Она снисходительно улыбнулась и протянула руку.

— Доктор Мандамус, пожалуйста, называйте меня Глэдией. Меня все так зовут.

— Я знаю, что вы пользуетесь личным именем в профессиональном...

— Я пользуюсь им во всех случаях. А брак мой был расторгнут по обоюдному согласию несколько десятилетий назад.

— Вы, кажется, долго были замужем?

— Очень долго, и брак был очень удачным, но даже большим удачам приходит конец.

— О да, — сентенциозно сказал Мандамус, — продолжение после конца может сделать удачу провалом.

Глэдия кивнула:

— Мудро сказано для такого молодого человека. Не пройти ли нам в столовую? Завтрак готов, а я и так заставила вас ждать слишком долго.

Только сейчас, когда Мандамус повернулся и пошел с ней, Глэдия заметила двух роботов, сопровождавших его.

Ни один аврорианин и подумать не мог о том, чтобы выйти куда бы то ни было без роботов. Но пока они стояли неподвижно, их никто не замечал.

Мельком взглянув на роботов, Глэдия отметила, что они последней модели, явно очень дорогие. Их псевдоодежда была первоклассной, хотя дизайн не во вкусе Глэдии.

Она невольно восхитилась. Надо будет узнать, кто конструировал одежду: похоже, появился новый солидный конкурент. Ее привело в восторг то, что стиль псевдоодежды обоих роботов один, но в то же время индивидуален для каждого. Их нельзя было спутать.

Мандамус уловил ее быстрый взгляд и точно истолковал впечатление:

— Экзодизайн моих роботов создал один молодой человек из Института, но не создал еще себе имени. А они хороши, как по-вашему?

— Бесспорно, — ответила Глэдия и огорченно подумала: «А он умен».

Глэдия не рассчитывала, что за завтраком придется вести деловую беседу. Говорить за едой о чем-то, кроме пустяков, считалось полной невоспитанностью. Она предполагала, что Мандамус не силен в легкой беседе. Говорили, конечно, о погоде, о недавних дождях, которые, к счастью, кончились, об ожидавшемся сухом сезоне.

Было почти обязательно восхищаться домом хозяйки, и Глэдия приняла похвалы с подобающей скромностью.

Она ничем не облегчала положение гостя и предоставляла ему самому подыскивать тему для беседы.

Наконец взгляд Мандамуса упал на Дэниела, неподвижно стоявшего в нише, и гость сумел преодолеть аврорианское безразличие и заметил его:

— А это, наверное, знаменитый Р. Дэниел Оливо? Его ни с кем не спутаешь. Замечательный образец.

— Да, замечательный.

— Он теперь ваш, кажется, по завещанию Фастольфа?

— Да, по завещанию доктора Фастольфа, — сказала Глэдия, подчеркнув слово «доктор».

— Меня поражает, что работа Института над человекоподобными роботами провалилась, хотя сначала шла. Вы никогда не задумывались, почему?

— Я слышала об этом, — осторожно ответила Глэдия. Неужели он пришел сюда из-за этого? — Но я не уверена, что мне стоило бы тратить время на подобные размышления.

— Социологи все еще пытаются разобраться, что к чему. Мы в Институте впали в отчаяние: похоже, что это естественный процесс. Но кое-кто из нас думает, что Фа... что доктор Фастольф каким-то образом причастен к нему.

Глэдия подумала, что второй раз он не сделал бы ошибки, и зло прищурилась.

— Только дурак может так подумать, — резко сказала она. — Если и вы так думаете, я не смягчу для вас этого выражения.

— Я не из тех, кто так думает, в основном потому, что не вижу, каким образом доктор Фастольф мог бы привести это дело к фиаско.

— А почему кто-то что-то должен был сделать? Важно, что народ не хочет таких роботов. Робот, выглядящий, как мужчина, конкурирует с мужчиной, причем конкурирует весьма успешно, а это не нравится. Аврориане не хотят конкуренции.

— Сексуальной конкуренции? — спокойно спросил Мандамус.

На миг Глэдия встретилась с ним взглядом. Неужели он знает о ее давней любви к роботу Джандеру?

Впрочем, что такого, если и знает?!

Лицо его, казалось, не выражало ничего такого, что скрывалось бы за его словами. Наконец она сказала:

— Конкуренции во всех отношениях. Если доктор Фастольф и создал такое впечатление, то лишь для тех, кто конструировал своих роботов по человеческому образцу, но и только.

— Я вижу, вы думали об этом, — сказал Мандамус. — Социологи считают, что страх перед конкуренцией послужил

просто оправданием. Однако этого страха недостаточно, а других причин для отвращения, похоже, нет.

— Социология не точная наука, — сказала Глэдия.

— Не совсем так.

Глэдия пожала плечами. Помолчав, Мандамус продолжал:

— Во всяком случае, это здорово задерживает организацию колонизационных экспедиций. Без человекоподобных роботов, мостящих дорогу...

Завтрак еще не кончился, но Глэдии было ясно, что Мандамус не может больше избегать нетривиальной беседы.

— Мы должны полететь сами, — сказала она. На этот раз Мандамус пожал плечами:

— Это слишком трудно. К тому же эти маложивущие варвары с Земли с разрешения вашего доктора Фастольфа ринулись на все планеты, словно рой пчел.

— Осталось еще немало планет, миллионы. А если земляне могут это сделать...

— Они-то, конечно, могут, — с неожиданным пылом сказал Мандамус. — Это стоит жизней — но что им жизнь? Какие-то десятилетия, и только, — а землян миллиарды. Если в процессе колонизации погибнет миллион — кто это заметит, для кого это важно?

— Я уверена, что для них важно.

— Вздор! Наша жизнь долгая, следовательно, более ценная, и мы, естественно, больше дорожим ею.

— Поэтому мы и сидим здесь и ничего не делаем, а только злимся на земных поселенцев за то, что они рискуют жизнями и в конце концов, похоже, станут частью Галактики.

Глэдия не была на стороне переселенцев, но ей хотелось противоречить Мандамусу, и она не могла удержаться, хотя чувствовала, что ее слова могут быть расценены как убеждения. К тому же в последние годы она слышала подобные речи от Фастольфа.

По сигналу Глэдии быстро убрали со стола. Завтрак мог бы продолжаться, но разговор и настроение стали совершенно неподходящими для цивилизованного принятия пищи.

Они вернулись в гостиную. Роботы Мандамуса так же, как Дэниел и Жискар, последовали за хозяевами и заняли свои ниши. Мандамус не обращал никакого внимания на Жискара. «Да и с чего бы?» — подумала Глэдия. Жискар был старомод-

ным, примитивным и совершенно не выдерживал сравнения с прекрасными образцами Мандамуса.

Она села и скрестила ноги, прекрасно зная, что они сохранили девичью стройность.

— Могу ли я узнать причину вашего желания видеть меня, доктор Мандамус? — спросила она.

Она не хотела откладывать дело в долгий ящик.

— У меня дурная привычка после еды жевать лекарственную резинку для улучшения пищеварения. Вы не возражаете?

— Я думаю, это будет отвлекать, — ответила Глэдия.

А про себя подумала: «Пусть терпит неудобство. Кроме того, в его возрасте нет нужды улучшать пищеварение».

Мандамус сунул пакетик обратно в нагрудный карман, не выказав разочарования.

— Я спросила, доктор Мандамус, о причине вашего желания видеть меня.

— У меня их две, леди Глэдия. Одна личная, другая — государственная. Вы позволите начать с личной?

— Откровенно говоря, доктор Мандамус, я не могу себе представить, какие личные дела могут быть между нами. Вы работаете в Роботехническом институте, не так ли?

— Да.

— И близки с Амадейро, как я слышала?

— Я имею честь работать с доктором Амадейро, — ответил он.

«Он платит мне той же монетой, — подумала Глэдия. — Но я не приму ее».

— Я встретилась с Амадейро случайно два столетия назад, и эта встреча была крайне неприятной. С тех пор я не имела с ним никакого контакта. Я не стала бы встречаться и с вами, его коллегой, но меня убедили, что наша встреча может оказаться важной. Не перейти ли нам теперь к государственному делу?

Мандамус опустил глаза; на его щеках вспыхнул слабый румянец, может быть, от смущения.

— Тогда позвольте мне представиться заново: я Левулар Мандамус, ваш потомок в пятом поколении. Я прапрапраправнук Сантирикса и Глэдии Гремионис. Значит, вы моя прапрапрапрабабушка.

Глэдия быстро заморгала, стараясь не показать, что ее словно громом поразило.

Ну что ж, у нее были потомки, и почему бы этому человеку не быть одним из них?

— Вы в этом уверены?

— Полностью. Я провел генеалогическое расследование. В ближайшие годы я намерен иметь детей, так что у меня все равно потребуют такого рода данные. Если вас интересует, схема между нами — М-Ж-Ж-М.

— То есть вы сын сына дочери дочери моего сына?

— Да.

О дальнейших подробностях Глэдия не спрашивала.

У нее были сын и дочь. Она была хорошей матерью, но дети повзрослели и стали вести независимую жизнь. Что касается потомков сына и дочери, то она, как принято у космонитов, никогда о них не спрашивала. Даже встречая кого-нибудь из них, она как истинная космонитка была к ним безразлична. Поразмыслив, она успокоилась.

— Прекрасно. Вы мой потомок в пятом поколении. Если это и есть то личное дело, о котором вы желали говорить, то оно не имеет никакой важности.

— Согласен. Мне хотелось бы поговорить не о генеалогии, а о том, что лежит в ее основании. Видите ли, доктор Амадейро, как я подозреваю, знает о наших родственных связях.

— Да? И каким же образом?

— Я думаю, он справляется о происхождении всех тех, кто поступает на работу в Институт.

— А зачем?

— Чтобы точно знать о том, что он отыскал в моем случае. Он человек недоверчивый.

— Не понимаю. Если вы мой потомок, почему его это касается больше, чем меня?

Мандамус задумчиво потер подбородок.

— Его неприязнь к вам ничуть не меньше, чем ваша к нему, мадам Глэдия. Если вы готовы были отказать мне во встрече из-за него, то он тоже готов отказать мне в повышении из-за вас. Было бы немногим хуже, если бы я оказался потомком Фастольфа.

Глэдия напряженно выпрямилась; ноздри ее раздулись.

— Так чего же вы ожидаете от меня? — резко спросила она. — Я не могу заявить, что вы не мой потомок. Не объявить ли мне по гипервидению, что вы мне безразличны и я отрекаюсь от вас? Удовлетворит ли это вашего Амадейро? Если да, то должна предупредить вас, что я этого не сделаю. Для этого человека я не сделаю ничего. Если он уволит вас и испортит вам

карьеру из-за вашего происхождения, это заставит вас впредь сотрудничать с более здравомыслящей и менее злобной особой.

— Он не уволит меня, мадам Глэдия. Я слишком ценен для него, простите за нескромность. Но я надеюсь когда-нибудь сменить его на посту главы Института, а этого, я уверен, он не допустит, пока подозревает, что я происхожу из худшего рода, чем ваш.

— Он считает, что бедняга Сантирикс хуже меня?

— Отнюдь нет. — Мандамус покраснел и сглотнул, но голос его остался ровным и спокойным: — Я не хочу показаться невежливым, мадам, но я обязан для себя самого узнать правду.

— Какую правду?

— Я ваш потомок в пятом поколении. Это явствует из генеалогических записей. Но может ли быть, что я потомок в пятом поколении не Сантирикса Гремиониса, а землянина Элайджа Бейли?

Глэдия вскочила, как марионетка, которую дернули за ниточки. Она даже не осознала, что встала.

Трижды за последние двенадцать часов упоминалось имя этого давно ушедшего землянина, и каждый раз различными индивидуумами.

— Что вы имеете в виду? — сказала она не своим голосом.

Мандамус тоже встал и сделал шаг назад.

— Мне кажется, это достаточно просто. Не является ли рождение вашего сына, моего прапрапрапрадеда результатом вашей сексуальной связи с землянином Элайджем Бейли? Был ли Элайдж Бейли отцом вашего сына? Я не знаю, как проще объяснить.

— Как вы смеете делать такие намеки и даже думать об этом?

— Смею, потому что от этого зависит моя карьера. Если вы скажете «да», то моя профессиональная жизнь, вероятно, будет разрушена. Я хочу услышать «нет», однако несказанное «нет» не принесет мне ничего хорошего. Я должен в соответствующее время явиться к доктору Амадейро и доказать ему, что его недовольство по поводу моего происхождения может быть связано только с вами. Мне ясно, что его антипатия к вам и к доктору Фастольфу — сущий пустяк, вообще ничто по сравнению с ненавистью к землянину Элайджу Бейли. Дело даже не в том, что землянин — существо маложивущее, хотя

мысль об унаследовании варварских генов могла бы страшно расстроить меня. Если бы я представил доказательства, что происхожу от землянина, но не от Элайджа Бейли, доктор Амадейро мог бы с этим смириться, но одна мысль об Элайдже Бейли приводит его в бешенство — уж не знаю почему.

Снова и снова повторенное, это имя оживило Элайджа Бейли в сознании Глэдии. Взволнованно дыша, она погрузилась в лучшие воспоминания своей жизни.

— Я знаю, почему, — наконец сказала она. — Потому что Элайдж, против которого было все, вся Аврора, сумел уничтожить Амадейро как раз в тот момент, когда тот считал, что успех уже у него в руках. Элайдж сделал это благодаря своему мужеству и уму. Амадейро обнаружил, что землянин, которого он презирал, превосходит его во всем, его, мелочного ненавистника. Элайдж умер более ста шестидесяти лет назад, а Амадейро все еще не может забыть, не может простить, не может преодолеть ненависти к мертвому человеку. Я тоже не прощу Амадейро и не перестану ненавидеть его. И хотела бы, чтобы это отравляло каждую минуту его жизни.

— Я вижу, у вас есть причины желать зла доктору Амадейро, но почему вы желаете зла мне? Дайте доктору Амадейро возможность думать, что я потомок Элайджа Бейли, и он с удовольствием уничтожит меня. Зачем вам доставлять ему это удовольствие, если я не потомок Элайджа? Дайте мне доказательства, что я произошел от вас и Сантирикса Гремиониса или от вас и кого угодно, только не от Элайджа Бейли.

— Вы дурак! Идиот! Зачем вам мои доказательства? Обратитесь к историческим записям. Там вы узнаете точные сроки пребывания Элайджа Бейли на Авроре. Вы узнаете точную дату рождения моего сына Даррела. Вы узнаете, что Даррел был зачат после отъезда Элайджа с Авроры. Вы узнаете также, что Элайдж больше ни разу не был на Авроре. Не думаете ли вы, что моя беременность длилась пять лет?

— Я знаю статистику, мадам. И не думаю, что вы носили плод пять лет.

— Тогда зачем вы пришли ко мне?

— Потому что есть кое-что еще. Я знаю — и, думаю, доктор Амадейро тоже знает, — что, хотя землянин Элайдж Бейли никогда больше не возвращался на Аврору, однажды он был на корабле, который примерно день находился на орбите Авроры. Я знаю, и, думаю, доктор Амадейро тоже знает, что зем-

лянин не покидал корабля и не спускался на Аврору, но вы посещали корабль. Вы оставались там почти целый день. Это было пять лет спустя после того, как землянин покинул Аврору. Примерно в то же время вы и зачали своего ребенка.

Услышав эти спокойные слова, Глэдия почувствовала, как кровь отлила от ее лица. Она покачнулась, комната вокруг потемнела. Она ощутила мягкое прикосновение сильных рук и поняла, что это руки Дэниела, которые медленно опустили ее в кресло.

Издалека до нее донесся голос Мандамуса:

— Правда ли это, мадам?

— Конечно, правда.

Глава 2

ПРЕДОК?

5

Воспоминания! Они всегда прячутся где-то рядом. В один прекрасный день их словно выталкивает, и они возникают, четкие, разноцветные, динамичные. Живые.

Она снова была молода, моложе человека, стоящего перед ней. Достаточно молода, чтобы ощущать трагедию и любовь, — в ее жизни-смерти на Солярии они дошли до своего пика, когда умер первый из тех, кого она считала мужем. Нет, она не назовет его имени даже сейчас, мысленно.

Несколько месяцев длилась ее любовь ко второму — не человеку, — которого она тоже называла мужем. Джандер, человекоподобный робот, был подарен ей и стал ее собственностью, но, как и первый муж, он внезапно умер.

И тогда, наконец, появился Элайдж Бейли, который никогда не был ее мужем, да и встречались они только дважды, и оба раза всего на несколько часов. Элайдж, до щеки которого она дотронулась рукой без перчатки, и это прикосновение ее зажгло; Элайдж, чье нагое тело она обнимала и, наконец, обрела по-настоящему.

Потом был третий муж, с которым она жила спокойно и мирно, без восторга и страданий, твердо решив ни о чем не вспоминать.

Так было до того дня — она точно не помнила, какой именно день ворвался в ее сонные безмятежные годы, — когда Хен Фастольф попросил разрешения навестить ее. Глэдия отнеслась к этому с некоторым беспокойством, потому что он был слишком занятым человеком, чтобы убивать время на светские беседы.

Прошло всего пять лет после кризиса, который сделал Хена ведущим государственным деятелем Авроры. Он стал Председателем планеты и настоящим лидером Внешних миров. У него оставалось очень мало времени на то, чтобы быть просто человеком. Эти годы оставили на нем свой след и продолжали оставлять до самой его кончины. Он угасал, сознавая свое крушение, но не прекращая борьбы. А Калдин Амадейро, который потерпел поражение, был здоров и крепок, как бы в доказательство того, что за победу расплачиваются дороже.

Фастольф по-прежнему говорил мягко, был терпеливым и безропотным, но даже Глэдия, не интересовавшаяся политикой и бесконечными махинациями власти, знала, что контроль над Авророй держится только благодаря постоянным неослабевающим усилиям Фастольфа, не оставлявшим ему времени на то, что делало жизнь ценной, и он жил только тем, что считал благом... для кого? Для Авроры? Для космонитов? Или это была просто неопределенная концепция идеализированного блага? Она не знала, но не спрашивала.

Но это было всего лишь через пять лет после кризиса. Фастольф все еще производил впечатление молодого и многообещающего человека, и его приятное простое лицо все еще было способно улыбаться.

— У меня известие для вас, Глэдия, — сказал он.

— Надеюсь, приятное?

Он взял с собой Дэниела. Это был знак, что старые раны зажили; она могла смотреть на Дэниела просто с симпатией, а не с болью, как раньше, — потому что он был копией ее умершего Джандера. Она могла разговаривать с Дэниелом, хотя он отвечал голосом Джандера. За пять лет рана зарубцевалась, боль умерла.

— Надеюсь, да, — сказал Фастольф и ласково улыбнулся. — О старом друге.

— Приятно, что у меня есть старые друзья, — ответила она. Она пыталась, чтобы ее слова не прозвучали ядовито.

— Об Элайдже Бейли.

Пяти лет как не бывало. Она почувствовала удар и внезапную резкую боль вернувшихся воспоминаний.

— Как он? — произнесла она сдавленным голосом после минуты ошеломленного молчания.

— Хорошо. И, что более важно, он близко.

— Как? На Авроре?

— На орбите Авроры. Он знает, что не получит разрешения на посадку, даже если я употреблю все свое влияние. Он очень хотел увидеть вас, Глэдия. Он связался со мной, поскольку думал, что я смогу помочь вам посетить его корабль. Я полагаю, что смогу, но только если вы хотите этого. Вы хотите?

— Я не знаю... Это так неожиданно...

Он подождал и спросил:

— Глэдия, скажите честно, как вам живется с Сантириксом?

Она недоуменно посмотрела на него, словно не понимая причины смены темы разговора, но потом сообразила, о чем идет речь.

— Мы живем хорошо.

— Вы счастливы?

— Я не несчастлива.

— Я что-то не слышу восторга.

— Надолго ли его могло хватить, даже если он и был?

— Вы предполагаете когда-нибудь иметь детей?

— Да.

— Планируете изменить брачный статус?

Она решительно покачала головой:

— Пока нет.

— В таком случае, моя дорогая Глэдия, если вы хотите совета довольно скучного человека, чувствующего себя до отвращения старым, — откажитесь от приглашения. Я помню то немногое, что вы рассказали мне после отъезда Бейли с Авроры, и, сказать по правде, вывел из этого куда больше, чем вы, вероятно, думаете. Если вы увидите его, то можете испытать разочарование, ваши приятные воспоминания могут не ожить, или — что еще хуже — погибнет ваше хрупкое спокойствие, и вы его не обретете вновь.

Глэдия, бессознательно думавшая именно так, решила, что такое предположение, как только оно выразилось в словах, следует отбросить.

— Нет, Хен, я должна его увидеть. Но я боюсь ехать одна. Вы поедете со мной?

Фастольф чуть заметно улыбнулся:

— Меня не приглашали, Глэдия. Да и в любом случае я вынужден был бы отказаться. В Совете будет важное голосование. Это государственное дело, и я не могу отсутствовать.

— Бедный Хен!

— Да уж, действительно, бедный я! Но вы не можете ехать одна. Насколько мне известно, вы не умеете вести корабль.

— О, я думала, меня отвезут...

— На коммерческом транспорте? — Фастольф покачал головой. — Это абсолютно невозможно. Если вы воспользуетесь коммерческим транспортом, это будет означать, что вы открыто посещаете земной корабль на орбите, и потребуется специальное разрешение, на что уйдет не одна неделя. Если вы не хотите ехать, Глэдия, вам не придется мотивировать свой отказ нежеланием видеть Бейли: бумажная волокита займет много времени, а Бейли, конечно, не сможет ждать так долго.

— Но я очень хочу видеть его, — решительно возразила Глэдия.

— В таком случае можете воспользоваться моим личным космическим кораблем и возьмите с собой Дэниела. Он прекрасно управляет им и так же, как и вы, будет рад повидать Бейли. О путешествии мы никому не сообщим.

— Но у вас могут быть неприятности, Хен.

— Будем надеяться, что никто не узнает или сделает вид, что не узнал. А если кто-нибудь и поднимет шум, я все улажу.

Глэдия опустила голову и задумалась.

— Простите меня, Хен, что я так эгоистична и могу навлечь на вас неприятности, но я хочу поехать.

— Ну и поезжайте.

5а

Корабль оказался маленьким, меньше, чем предполагала Глэдия. Вообще-то он был удобным, но кое-что в нем пугало. Он был так мал, что не имел аппаратов псевдогравитации, и ощущение невесомости побуждало Глэдию к забавной гимнастике и постоянно напоминало, что состояние, в котором она находится, ненормально.

Она была космониткой. Все пять миллиардов космонитов, живших в пятидесяти мирах, гордились этим названием. Но

многие ли из называвших себя космонитами в самом деле были космическими путешественниками? Очень немногие. Процентов восемьдесят никогда не покидали мир, где родились, да и из оставшихся двадцати процентов вряд ли кто-нибудь летал в космос более двух-трех раз. «Какая я космонитка?» — угрюмо думала Глэдия. Она всего один раз летала — с Солярии на Аврору семь лет назад. Теперь она летит на маленькой космической яхте всего лишь за пределы атмосферы, на какие-нибудь сто тысяч километров, с каким-то человеком — нет, даже не с человеком — в гости.

Она быстро взглянула на Дэниела, сидевшего в маленькой пилотской кабине...

Она никогда нигде не была только с одним роботом. На Солярии в ее распоряжении их были сотни и тысячи, на Авроре — десятки, а здесь всего один.

— Дэниел!

— Да, мадам Глэдия!

Он не сводил глаз с приборов.

— Ты рад, что снова увидишь Элайджа Бейли?

— Не знаю, мадам Глэдия, как лучше описать мое внутреннее состояние. Наверное, оно аналогично тому, что люди называют радостным.

— Но что ты чувствуешь?

— Я чувствую, что могу принимать решения быстрее обычного. Ответы приходят легче, движения требуют меньше энергии. Я мог бы назвать это чувством благополучия.

— А если бы я сказала, что хочу встретиться с ним одна?

— Так бы оно и было.

— Даже если бы это означало, что ты не увидишь его?

— Да, мадам.

— Но это тебя разочарует? Я хочу спросить, у тебя будет ощущение, противоположное благополучию? Ты не сможешь быстро принимать решения, ответы не будут такими легкими, тебе понадобится больше энергии, чтобы двигаться?

— Нет, мадам Глэдия, я испытываю то же чувство благополучия, выполняя ваши распоряжения.

— Твое собственное приятное ощущение — это Третий Закон, подчинение моим приказам — Второй. И Второй преобладает. Так?

— Да, мадам.

Глэдия сама удивлялась своему любопытству. Ей никогда

не приходило в голову спрашивать о таких вещах обычного робота. Робот — машина. Но она никогда не думала о Дэниеле как о машине, так же как пять лет назад не могла считать машиной Джандера. Но с Джандером был только взрыв страсти, который исчез вместе с ним. При всем сходстве с Джандером Дэниел не мог зажечь пепел. Тут была область интеллектуального любопытства.

— А тебе не надоело быть связанным Законами?

— Я не представляю себе ничего иного, мадам.

— Меня всю жизнь связывала гравитация, даже во время моего первого путешествия на космическом корабле, но я могу представить себя невесомой.

— Вас это радует, мадам?

— В каком-то смысле — да.

— Это не доставляет вам неудобства?

— Ну, в каком-то смысле и это тоже.

— Иногда, мадам, когда я думаю, что человек не связан Законами, мне становится не по себе.

— Почему, Дэниел? Ты когда-нибудь пытался понять, почему мысль об отсутствии Законов неприятна тебе?

Дэниел помолчал и сказал:

— Я пытаюсь, мадам, но полагаю, что стал задумываться о таких вещах только после моего краткого сотрудничества с партнером Элайджем. Он имел манеру...

— Да, я знаю. Он желал знать все. Его неугомонность заставляла его задавать вопросы всегда и везде.

— Похоже, что так. Я пытаюсь подражать ему, задаю вопросы. Я спрашиваю себя, на что похоже отсутствие Законов, и не могу представить. Не быть связанным Законами, вероятно, то же самое, что быть человеком, и от этого мне становится не по себе. Я спрашиваю себя, отчего вы спросили меня, почему у меня такое ощущение?

— И что же ты себе ответил?

— После долгих размышлений я решил, что Три Закона управляют поведением моих позитронных путей. В любое время, при любых условиях Законы определяют направление и интенсивность позитронного потока по этим путям, и я всегда знаю, что делать. Однако уровень этого знания не всегда одинаков. Бывает, что мое «поступать как должно» находится под меньшим принуждением, чем в других случаях. Я всегда замечаю это понижение потенциала и последующее отступление

от уверенности, какое именно действие следует предпринимать. Чем дальше я отхожу от уверенности, тем я ближе к болезненному состоянию. Решения, принятые за миллисекунду вместо наносекунды, вызывают очень неприятное ощущение. И я подумал: «А что, если бы для меня совсем не существовало Законов, как для человека? Что, если бы я вообще четко не представлял себе, что предпринять в тех или иных условиях?» Это было бы невозможно, и у меня пропало желание даже думать об этом.

— Но ты все-таки думал, Дэниел, и сейчас думаешь.

— Только потому, что я сотрудничал с партнером Элайджем, мадам. Я наблюдал за ним, когда он какое-то время не мог решить, как поступить, потому что его сбивала с толку запутанность стоящей перед ним проблемы. В результате он становился прямо-таки больным, и я тоже чувствовал себя больным, потому что ничем не мог помочь ему. Но я, вероятно, понимал лишь малую часть того, что понимал он. Если бы я понял больше и лучше осознал последствия его неспособности что-то предпринять, я бы, наверное... — Дэниел замолчал.

— Перестал бы функционировать? Дезактивировался? — спросила Глэдия. Она вдруг с болью подумала о Джандере.

— Да, мадам. Моя неспособность помочь могла бы расстроить защитное приспособление в моем позитронном мозгу. Но потом я заметил, что, несмотря на то что Элайдж болезненно переживает свою нерешительность, он продолжает попытки разрешить проблемы. Меня это восхищало.

— Значит, ты способен восхищаться?

— Я употребляю слово, слышанное мною от людей. Я не знаю, насколько верно оно выражает то ощущение, которое вызывали во мне действия партнера Элайджа.

Глэдия кивнула:

— Но человеком тоже управляют — инстинкты, побуждения, доктрины.

— Так думает и друг Жискар.

— Вот как?

— Но он находит эти законы слишком сложными для анализа. Он думает, что когда-нибудь разработают математическую систему анализа человеческого поведения и из нее выведут неоспоримые Законы управления человеческим поведением.

— Сомневаюсь, — сказала Глэдия.

— Вот и друг Жискар не такой уж оптимист. Он думает, что это случится через много лет после развития такой системы.

— Я бы сказала, через очень много лет.

— А теперь, — сказал Дэниел, — мы приближаемся к земному кораблю и должны приготовиться к стыковке, а это дело непростое.

56

Глэдии показалось, что стыковка длилась дольше, чем все их путешествие до земного корабля. Дэниел оставался спокойным — впрочем, он и не мог быть иным — и уверял ее, что все корабли людей стыкуются друг с другом, несмотря на различие форм и размеров.

— Как люди, — заметила Глэдия, стараясь улыбнуться.

Но Дэниел не ответил. Он сосредоточился на стыковке. Видно, это и в самом деле не всегда легко сделать.

На мгновение Глэдия почувствовала беспокойство. Земляне живут недолго и стареют быстро. Прошло пять лет с тех пор, как она видела Элайджа. Сильно ли он постарел? Как выглядит? Может, перемена в нем потрясет или испугает ее?

Ах, как бы он ни выглядел, он все равно останется тем Элайджем, которому Глэдия бесконечно благодарна.

Только благодарность ли это?

Она заметила, что до боли стиснула руки, и с большим трудом заставила их разжаться.

Когда стыковка закончилась, она это сразу поняла. В момент стыковки псевдогравитационное поле, создаваемое генератором большого земного корабля, распространилось и на маленькую яхту. Пол мгновенно очутился внизу, и Глэдию замутило от внезапно возникшей тяжести. Ее ноги подкосились, как от удара, и она сползла по стене.

Справившись с этой маленькой трудностью, Глэдия рассердилась на себя: ведь она знала о том, что произойдет, и должна была подготовиться.

— Мы состыковались, мадам Глэдия, — сказал Дэниел. — Партнер Элайдж просит разрешения войти.

— Ну конечно, пусть войдет!

Часть стены отошла с легким жужжанием. В отверстие,

пригнувшись, вошел человек, и стена за ним закрылась. Человек выпрямился.

— Элайдж! — прошептала Глэдия.

Она почувствовала радость и облегчение.

Казалось, волосы его поседели, но во всем остальном он остался прежним Элайджем. Никакой заметной перемены, никаких признаков старости.

Он улыбнулся, с минуту, казалось, пожирал ее глазами, затем поднял палец, как бы говоря: «Подожди», — и подошел к Дэниелу.

— Дэниел! — Он схватил робота за плечи и потряс. — Вы не изменились! Иосафат! Вы — константа всех наших жизней!

— Партнер Элайдж, как я рад видеть вас!

— Как приятно снова услышать, как меня называют партнером, и я хочу, чтобы так и было. Я встречаюсь с вами в пятый раз, но впервые мне не нужно решать проблему. Теперь я уже не полицейский. Я вышел в отставку и переезжаю в один из новых миров. Дэниел, почему вы не приехали с доктором Фастольфом, когда он посещал Землю три года назад?

— Так решил доктор Фастольф. Он взял с собой Жискара.

— Я очень огорчился, Дэниел.

— Мне было бы очень приятно видеть вас, партнер Элайдж, но доктор Фастольф сказал мне потом, что визит прошел весьма успешно; таким образом, его решение было правильным.

— Он действительно был весьма успешным, Дэниел. До этого земное правительство неохотно занималось процедурой заселения, но теперь вся планета бурлит, миллионы людей хотят уехать. У нас не было столько кораблей, даже несмотря на помощь Авроры, чтобы отправить их всех, и не было столько планет, готовых принять их, потому что каждую еще надо было приспосабливать для жизни людей. Иначе ни на одной из них нельзя будет жить. На той, куда я еду, низкое содержание кислорода, и нам придется жить в куполах, пока на планете не распространится растительность земного типа.

Элайдж то и дело смотрел на Глэдию, а она сидела и улыбалась.

— Так и должно быть, — сказал Дэниел. — Насколько я знаком с человеческой историей, Внешние миры тоже прошли период формирования поверхности.

— Конечно! Благодаря этому опыту теперь такой процесс

пойдет быстрее. Дэниел, не побудете ли вы некоторое время в рубке? Мне надо поговорить с Глэдией.

— Конечно, партнер Элайдж.

Дэниел вышел; Бейли вопросительно посмотрел на Глэдию и сделал движение рукой. Она поняла, подошла к двери и нажала кнопку. Дверь бесшумно закрылась. Теперь они были одни.

Бейли протянул руки:

— Глэдия!

Она взяла его за руки, не подумав даже, что она без перчаток, и сказала:

— Если бы Дэниел остался, он бы не помешал нам.

— Физически — да, но психологически — мог бы! — Бейли печально улыбнулся. — Прости меня, Глэдия, что я сначала заговорил с Дэниелом.

— Ты знаком с ним дольше, — тихо сказала она. — У него право первенства.

— Нет, но он беззащитен. Если я тебе надоем, ты можешь прогнать меня с глаз долой, если захочешь, а Дэниел не может. Я могу игнорировать его, приказать уйти, обращаться с ним как с роботом, а он должен повиноваться и оставаться таким же преданным и безропотным.

— Но ведь он и есть робот, Элайдж.

— Для меня — нет. Умом я сознаю, что он робот и не имеет физических ощущений, но в душе считаю его человеком и должен обходиться с ним соответственно. Я бы попросил доктора Фастольфа отпустить Дэниела со мной, но на новые поселения роботам путь закрыт.

— А меня ты не хотел бы взять с собой?

— Космонитов туда тоже не пускают.

— Похоже, у землян столько же неразумных ограничений, сколько и у нас, космонитов.

Бейли угрюмо кивнул:

— Глупость с обеих сторон. Но даже если бы мы были умнее, я бы не взял тебя с собой. Ты не смогла бы там жить. А я бы вечно боялся, что твой иммунный механизм не справится и ты умрешь от какой-нибудь пустяковой болезни. Или, наоборот, будешь жить слишком долго и наблюдать, как умирают наши поколения. Прости меня, Глэдия.

— За что, дорогой?

— За это... — Он протянул руки ладонями вверх. — За то, что я просил тебя приехать.

— Но я так рада увидеть тебя.

— Я знаю. Я пытался не видеть тебя, но мысль о том, что я буду в космосе и не остановлюсь на Авроре, мучила меня. Но и в том, что мы встретились, тоже нет ничего хорошего, Глэдия. Это означает новую разлуку, которая будет терзать меня. Поэтому я никогда не вызывал тебя по гиперволне. Ты, наверное, удивлялась.

— Нет, пожалуй. Я согласна с тобой, надо было поставить точку, иначе все было бы бесконечно труднее. Но я писала тебе много раз.

— Правда? Я не получил ни одного письма.

— Я их не посылала. Я писала и уничтожала.

— Почему же?

— Потому, Элайдж, что частное письмо с Авроры на Землю проходит цензуру, а я этого не хотела. Если бы ты послал мне письмо, оно скорее всего не дошло бы до меня, каким бы невинным ни было. Я думала, что именно поэтому не получала писем. Теперь, когда я знаю, что ты подозревал о такой ситуации, я страшно рада, что ты не сделал глупости и не писал мне: ты не понял бы, почему я тебе не отвечаю.

Бейли удивленно уставился на нее:

— Как же ты попала сюда?

— Незаконно. Я воспользовалась частным кораблем доктора Фастольфа, поэтому прошла мимо пограничной стражи, и нас не остановили. Не принадлежи этот корабль доктору Фастольфу, меня отправили бы обратно. Я думаю, ты тоже понял, в чем дело, и связался со мной через доктора Фастольфа.

— Ничего я не понимал. Я удивляюсь, что двойное неведение спасло меня. Тройное! Ведь я не знал правильной комбинации гиперволны, чтобы добраться непосредственно до тебя, а на Земле узнать эту комбинацию оказалось невозможно. Сделать это частным образом я не мог — и так о нас с тобой болтали по всей Галактике благодаря тому идиотскому фильму, который сняли после Солярии. Но комбинацию доктора Фастольфа я достал, и, добравшись до орбиты Авроры, сразу же связался с ним.

— Так или иначе, но мы встретились.

Глэдия села на край койки и протянула Элайджу руки.

Он сжал их и хотел было сесть на табурет, который стоял рядом, но она притянула его к себе и усадила рядом.

— Ну, как ты, Глэдия? — неловко произнес он.

— Хорошо, а ты?

— Старею. Три недели назад отметил пятидесятилетие.

— Пятьдесят — это не... — Она замолчала.

— Для землянина это старость. Ведь наш век недолог, ты знаешь.

— Даже для землянина пятьдесят лет не старость. Ты нисколько не изменился.

— Приятно слышать, но я мог бы сказать тебе, что скрип усилился. Глэдия!..

— Да, Элайдж?

— Глэдия, я должен спросить: ты и Сантирикс Гремионис...

Глэдия улыбнулась и кивнула:

— Он мой муж. Я послушалась твоего совета.

— Он помог?

— Да. Живем неплохо.

— Это хорошо. Надеюсь, так все и останется.

— На столетия — вряд ли, а вот на годы, даже на десятилетия, — очень может быть.

— Детей нет?

— Пока нет. Ну а как твоя семья, мой женатый мужчина? Как сын, жена?

— Бентли уехал два года назад с переселенцами. Я еду к нему. Он крупное должностное лицо на новой планете. Ему всего двадцать четыре, но он уже заслужил уважение и почет. — В глазах Бейли заплясали огоньки. — Я уж думаю, не придется ли мне обращаться к нему «ваша честь» — на людях, конечно.

— Великолепно. А миссис Бейли? Она с тобой?

— Джесси? Нет. Она не захотела покинуть Землю. Я говорил ей, что мы будем жить в куполах, так что большой разницы с Землей она не почувствует. Правда, жизнь будет попроще. Может, со временем она переменит мнение. Может, ей надоест одиночество, и она захочет приехать. Посмотрим.

— А пока ты один.

— На корабле больше сотни переселенцев, так что на самом деле я не один.

— Они по ту сторону стыковочной стены. И я тоже одна.

Бейли бросил быстрый взгляд в сторону рубки, и Глэдия сказала:

— Не считая Дэниела, конечно. Но он там, за дверью, и он робот, хоть ты и думаешь о нем, как о человеке. Но ты, навер-

ное, хотел увидеться со мной не для того, чтобы поговорить о наших семьях?

Лицо Бейли помрачнело.

— Я не могу просить тебя...

— А я могу. Эта койка вообще-то не предназначена для занятий сексом, но я надеюсь, что ты с нее не свалишься.

— Глэдия, я не могу отрицать, что... — начал он. И умолк.

— Ох, Элайдж, не надо пускаться в долгие рассуждения, чтобы надлежащим образом удовлетворить вашу земную мораль. Я предлагаю себя тебе согласно аврорианским обычаям. У тебя есть полное право отказать, и я не могу спрашивать о причинах отказа. Впрочем, я думаю, что право отказываться принадлежит только аврорианам. Я не приму отказа от землянина.

Бейли вздохнул:

— Я уже не землянин.

— Еще меньше я рассчитываю получить отказ от несчастного переселенца, едущего на варварскую планету. Элайдж, у нас было так мало времени, и его так мало сейчас, и я, наверное, никогда больше не увижу тебя. Эта встреча так неожиданна, что было бы космическим преступлением упустить такой случай.

— Ты и в самом деле хочешь старика?

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я тебя умоляла?

— Но мне стыдно.

— Закрой глаза.

— Я имею в виду — стыдно за себя, за свое дряхлое тело.

— Переживешь. Твое дурацкое мнение о себе меня нисколько не касается.

Она обняла его, и застежка на ее платье расстегнулась.

5в

Многое открыла для себя Глэдия. Она с удивлением узнала, что Элайдж остался таким, каким она его помнила. Пять лет ничего не изменили. Ей не пришлось оживлять воспоминания. Он был Элайджем.

Она обнаружила разницу между ним и Сантириксом Гремионисом. Впечатление, что у Гремиониса, кроме главного недостатка, о котором она уже знала, были и другие, усилилось.

Сантирикс был нежным, мягким, рациональным, в меру неглупым и... однообразным. Она не могла бы сказать, почему он был однообразным, но что бы он ни делал и ни говорил, он не возбуждал ее, как Бейли, даже когда тот молчал. Бейли был старше Сантирикса годами, много старше физиологически, не так красив, как Сантирикс, он, что всего важнее, нес в себе неуловимый дух распада, ауру быстрого старения и короткой жизни, как все земляне. И все же...

Она узнала, как глупы мужчины: Бейли приближался к ней нерешительно, совершенно не оценив своего воздействия на нее.

Она осознала, что его нет, когда он вышел поговорить с Дэниелом. Земляне ненавидели и боялись роботов, но Бейли, отлично зная, что Дэниел — робот, всегда обращался с ним как с человеком. А вот космониты любили роботов и чувствовали себя без них неуютно, но никогда не думали о них иначе как о машинах.

И она почувствовала время. Она знала, что прошло ровно три часа тридцать пять минут с того момента, как Бейли вошел в маленькую яхту Фастольфа, что времени остается очень мало. Чем дольше она отсутствует и чем дольше корабль Бейли находится на орбите, тем больше шансов, что кто-нибудь их заметит, а если уже заметил, то почти наверняка заинтересуется, станет расследовать, и тогда Фастольфу грозят крупные неприятности.

Бейли вышел из рубки и грустно посмотрел на Глэдию:

— Мне пора, Глэдия.

— Я знаю.

— Дэниел будет заботиться о тебе. Он станет твоим другом и защитником, и ты должна быть ему другом — ради меня. Но я хочу, чтобы ты слушалась Жискара. Пусть он будет твоим советником.

Глэдия нахмурилась.

— Почему Жискар? Я недолюбливаю его.

— Я не прошу любить его. Я прошу тебя верить ему.

— Почему, Элайдж?

— Этого я не могу тебе сказать. Ты просто должна поверить мне.

Они смотрели друг на друга и молчали.

Молчание остановило время, сдерживало неуловимый бег секунд. Но ненадолго.

— Ты не жалеешь? — спросил Бейли.

— Как я могу жалеть, если я больше не увижу тебя?

Бейли хотел ответить, но она прижала свой маленький кулачок к его губам.

— Не надо лгать, — сказала она. — Я никогда не увижу тебя.

Она его больше никогда не увидела.

6

Глэдия болезненно ощущала, как ее тянет в настоящее через мертвую пустоту лет.

«Я так и не увидела его больше, — подумала она. — Никогда».

Она так долго защищала себя от этой горькой сладости, а сейчас окунулась в нее — больше горькую, чем сладкую, и все из-за этого типа, Мандамуса, из-за того, что Жискар попросил ее принять Мандамуса и она обещала слушаться Жискара.

Это была последняя его просьба...

Она сосредоточилась на настоящем. Сколько времени прошло? Мандамус холодно смотрел на нее.

— По вашей реакции, мадам Глэдия, я вижу, что это правда. Вы не могли бы рассказать откровенно?

— Что правда? О чем вы говорите?

— О том, что вы виделись с землянином Элайджем Бейли через пять лет после его визита на Аврору. Его корабль был на орбите, вы ездили туда, чтобы увидеть Бейли, и были с ним примерно в то время, когда был зачат ваш сын.

— Какие у вас доказательства?

— Мадам, это не было абсолютной тайной. Земной корабль заметили на орбите. Яхту Фастольфа заметили в полете. Самого Фастольфа на борту яхты не было, там были предположительно вы. Влияние доктора Фастольфа было достаточно велико, чтобы запись об этом изъяли.

— Если нет записи, нет и доказательства.

— Доктор Амадейро две трети жизни ненавидел доктора Фастольфа. Среди правительственных чиновников всегда находились такие, кто был душой и телом предан политике доктора Амадейро и стремился сохранить Галактику для космонитов. Они охотно сообщали ему все, что он хотел знать. Доктор Амадейро услышал о вашей маленькой эскападе почти сразу же.

— Это еще не доказательство. Ничем не подкрепленное слово мелкого чиновника-подлизы не в счет. Амадейро ничего не мог сделать. Даже он понимал, что у него нет доказательств.

— Нет доказательств, на основании которых он мог бы обвинить кого-то в преступлении. Нет доказательств, на основании которых он мог бы навредить Фастольфу. Но их достаточно для подозрения, что я потомок Бейли, и для крушения моей карьеры.

— Можете не беспокоиться, — с горечью сказала Глэдия. — Мой сын — сын Сантирикса Гремиониса, настоящий аврорианин, и вы его потомок.

— Убедите меня в этом, мадам. Я больше ни о чем не прошу. Убедите меня, что вы провели несколько часов наедине с землянином, разговаривая о политике, о дружбе, о былом, рассказывая анекдоты, но не прикасаясь друг к другу. Убедите меня.

— Что мы делали — не ваше дело, так что оставьте при себе свой сарказм. Когда я виделась с ним — я уже была беременна от мужа. Я несла в себе трехмесячный аврорианский плод.

— Вы можете доказать это?

— Зачем мне доказывать? Дата рождения моего сына занесена в записи, а Амадейро наверняка знает дату моего визита к землянину.

— Как я уже говорил, ему сообщили, но с тех пор прошло уже два столетия, и он не помнит точно. Визит ваш не был записан, так что справиться негде. Доктор Амадейро, кажется, думает, что это было за девять месяцев до рождения вашего сына.

— За шесть.

— Докажите.

— Даю слово.

— Этого недостаточно.

— Ну тогда... Дэниел, ты был там со мной... Когда я виделась с Элайджем Бейли?

— Мадам, это было за сто семьдесят три дня до рождения вашего сына.

— Как раз за шесть месяцев до родов.

— Этого мало, — сказал Мандамус.

Глэдия вздернула голову.

— У Дэниела идеальная память, а свидетельства роботов считаются доказательством в судах Авроры.

— Это дело не для суда, а память Дэниела ничего для Амадейро не значит. Дэниел создан Фастольфом и находился при нем почти два столетия. Мы не знаем, какие изменения в него внесли, не знаем, как инструктировали Дэниела во всем, что касается доктора Амадейро.

— Подумайте вот о чем: земляне генетически совершенно отличны от нас. Мы практически разные образцы. И мы взаимно не даем потомства.

— Это не доказано.

— Хорошо, существуют генетические записи Даррела и Сантирикса. Сравните их. Если мой бывший муж не отец Даррела, генетические различия будут очень заметны.

— Генетические записи не показывают никому. Вы это знаете.

— Амадейро не посчитается с этическими соображениями. При его влиянии можно увидеть эти записи нелегально. Может, он боится, что его гипотеза не получит подтверждения?

— Он ни за что не нарушит право аврорианина на личные тайны.

— Тогда отправляйтесь в космос и задохнитесь в вакууме. Если Амадейро не поддастся убеждению, это его дело. Вы, во всяком случае, должны были поверить, вот и убеждайте Амадейро как хотите. Если это не удастся и ваша карьера повернется не так, как вам хочется, то уж, поверьте, меня это абсолютно не касается.

— Это меня не удивляет. На большее я и не рассчитывал. Что касается меня, то я убежден. Просто я надеялся, что вы дадите мне какое-нибудь материальное доказательство, чтобы я мог убедить Амадейро. Но его у вас нет.

Глэдия презрительно пожала плечами.

— Тогда я воспользуюсь другими методами, — сказал Мандамус.

— Я рада, что они у вас есть, — холодно произнесла Глэдия.

— Есть, — тихо сказал он, словно боялся, что его подслушают. — Очень мощные методы.

— Прекрасно. Я думаю, вы попытаетесь шантажировать Амадейро. За ним, наверное, многое водится.

Мандамус вдруг нахмурился.

— Не будьте дурой.

— Теперь можете идти, — сказала Глэдия. — Я достаточно терпела вас. Убирайтесь из моего дома!

Мандамус поднял руки.

— Подождите! Я уже сказал, что у меня есть две причины искать с вами встречи: личное дело и государственное. Я потратил слишком много времени на первое и прошу вас уделить мне пять минут на второе.

— Я даю вам пять минут, но не больше.

— Еще кое-кто хочет увидеть вас. Это землянин, или, во всяком случае, потомок землян, житель одного из Поселенческих миров.

— Скажите ему, что никто из землян и их потомков-переселенцев не допускается на Аврору, и отошлите его прочь.

— К сожалению, мадам, за последние два столетия равновесие сил несколько нарушилось. У землян больше планет, чем у нас, а населения у них всегда было больше. У них больше космических кораблей, хотя и не таких первоклассных, как у нас, и из-за короткой жизни и плодовитости земляне умирают, видимо, с большей готовностью, чем мы.

— В последнем я не уверена.

Мандамус напряженно улыбнулся:

— Почему? Восемь десятилетий значат меньше, чем сорок. В любом случае мы вынуждены обращаться с ними вежливо, куда вежливее, чем во времена Элайджа Бейли. Если хотите знать, к такому положению дел привела политика Фастольфа.

— От чьего имени вы говорите? От имени Амадейро, который теперь вынужден быть вежливым с поселенцами?

— Нет, от имени Совета.

— Вы представитель Совета?

— Официально нет, но меня просили проинформировать вас.

— А если я повидаюсь с этим поселенцем, что дальше? Чего он от меня хочет?

— Как раз этого мы не знаем, мадам. Мы рассчитываем узнать это от вас. Вы увидите его, выясните, чего он хочет, и сообщите нам.

— Кому это — вам?

— Как я уже говорил — Совету. Поселенец будет у вас сегодня вечером.

— Вы, кажется, считаете, что у меня нет иного выбора, кроме как стать доносчицей?

Мандамус встал, дав понять, что окончил свою миссию.

— Вы не будете доносчицей. Вы ничем не обязаны этому поселенцу. Вы просто сообщите своему правительству, как честная аврорианская гражданка. Вы же не хотите, чтобы Совет предположил, что солярианское происхождение в какой-то мере умаляет ваш аврорианский патриотизм.

— Сэр, я живу на Авроре в четыре раза дольше, чем вы.

— Не спорю, но вы родились и выросли на Солярии. Вы — необычная аномалия, аврорианка чужеземного происхождения, и этого не забыть. Это особенно справедливо, поскольку поселенец хочет видеть именно вас, а не кого-нибудь другого на Авроре, именно потому, что вы солярианского происхождения.

— Откуда вы это знаете?

— Предполагаем. Он назвал вас «солярианской женщиной». Мы хотим знать, почему это для него имеет значение, теперь, когда Солярия больше не существует.

— Спросите у него.

— Мы предпочитаем спросить у вас после того, как вы спросите у него. А теперь я прошу разрешения оставить вас и благодарю за гостеприимство.

Глэдия холодно кивнула:

— Я прощаюсь с вами с большей охотой, чем предлагала вам свое гостеприимство.

Мандамус пошел к двери, за ним двинулись его роботы. На пороге он обернулся:

— Чуть не забыл...

— Да?

— Фамилия поселенца, как ни странно, Бейли.

Глава 3

КРИЗИС

7

Дэниел и Жискар с присущей механическим людям вежливостью проводили Мандамуса и его роботов за пределы поместья, а заодно обошли территорию, дабы убедиться, что рабочие роботы на своих местах, и обратили внимание на погоду — было облачно и немного холоднее, чем полагалось по сезону.

Дэниел сказал:

— Доктор Мандамус открыто признал, что Поселенческие миры теперь сильнее Внешних. Я не ожидал от него этого.

— Я тоже, — подхватил Жискар. — Я был уверен, что поселенцы стали сильнее, чем космониты, потому что Элайдж Бейли много лет назад предсказал это, но я не мог сказать, когда это станет ясно аврорианскому Совету. Мне казалось, что социальная инерция будет держать Совет в полной уверенности относительно превосходства космонитов еще долго после того, как это превосходство исчезнет. Я только не мог рассчитать, как долго продлится их заблуждение.

— Я поражен, что партнер Элайдж предсказал это так давно.

— Люди способны мыслить так, как мы не умеем.

Будь Жискар человеком, в его словах слышались бы сожаление или зависть, но, поскольку Жискар был роботом, он просто констатировал факт.

— Читая историю людей, я пытался получить если не способ мышления, то знания. Наверняка где-то в длинных описаниях событий должны быть скрыты Законы Человечества, эквивалентные Трем Законам Роботехники.

— Мадам Глэдия сказала мне, что эта надежда несбыточна, — произнес Дэниел.

— Вполне возможно, друг Дэниел. Хоть мне и кажется, что Законы Человечества должны существовать, я не могу найти их. Каждое обобщение, которое я пытался сделать, имело множество исключений. Но если такие Законы существуют и я их найду, я лучше пойму человека и буду уверен, что повинуюсь Трем Законам наилучшим образом.

— Поскольку партнер Элайдж понимал человека, у него, наверное, было какое-то знание Законов Человечества.

— Возможно. Но он знал их, как люди говорят, интуитивно. Я не понимаю этого слова, оно означает неизвестную мне концепцию. Возможно, это лежит за пределами разума, а в моем распоряжении только разум.

7а

Разум и память!

Память, которая работает, конечно, не по образцу человеческой. В ней нет несовершенства воспроизведения событий,

суетливости, пробелов и того, когда желаемое принимают за действительное или руководствуются эгоизмом.

Память робота отмечает события так, как они произошли, только в ускоренном темпе. Секунды складываются в наносекунды, и дни событий могут ожить за время малой заминки в беседе.

Жискар оживил в памяти тот визит на Землю, как делал много раз, чтобы понять способность Бейли предсказывать будущее, но так и не понял.

Земля!

Фастольф отправился на Землю на аврорианском военном корабле с полным комплектом товарищей-пассажиров, как людей, так и роботов. Однако, когда они оказались на орбите, только Фастольф взял модуль для высадки. Инъекции стимулировали его иммунный механизм; надев перчатки, комбинезон, контактные линзы и носовые фильтры, он чувствовал себя в полной безопасности, но другие аврориане не пожелали войти в состав делегации. Фастольф только пожал плечами: ему казалось, как он позже объяснил Жискару, что его примут лучше, если он будет один. Делегация могла напомнить Земле о старых временах Космотауна, когда космониты имели постоянную базу на Земле и непосредственно влияли на жизнь планеты.

Но Фастольф взял с собой Жискара.

Приехать без робота было немыслимо даже для Фастольфа. Однако появление нескольких роботов могло бы насторожить землян, которые и так ненавидели космонитов, а Фастольф надеялся увидеться и провести переговоры с землянами.

Первым делом он, разумеется, встретится с Бейли, который должен был олицетворять его связь с Землей и ее народом. Фастольф очень хотел увидеться с Бейли, поскольку был ему многим обязан.

Вообще-то Бейли хотел видеть Жискар. Он слегка укрепил эмоции и импульс в мозгу Фастольфа, чтобы привести свое желание в исполнение, но Фастольф об этом не знал и даже не подозревал.

Бейли ждал его на посадочной полосе, с ним была небольшая группа официальных лиц с Земли. Началась трудная процедура встречи с вежливыми фразами и официальным протоколом. Прошло несколько часов, прежде чем Бейли и Фастольфу удалось поговорить, да и то потому лишь, что вмешался

Жискар и коснулся мозга самого главного чиновника, выглядевшего явно усталым. Лучше ограничиться усилением уже существующей эмоции, это почти никогда не приносит вреда.

Бейли и Фастольф сидели в маленькой столовой, которой обычно пользовались только высшие правительственные чины.

Еду здесь можно было заказать, набрав на компьютерном меню комбинацию знаков; подавали компьютерные разносчики.

Фастольф улыбнулся:

— Очень передовой метод. Но эти разносчики — те же специализированные роботы. Я удивлен, что на Земле пользуются ими. Они явно не космонитского происхождения.

— Да, — согласился Бейли, — они, так сказать, доморощенные. Предназначены только для верхушки, и мне впервые приходится пользоваться ими. Второго случая, конечно, не представится.

— Вас могут назначить на высокий пост, и тогда вы станете пользоваться такими вещами.

— Никогда этого не будет, — сказал Бейли.

Перед собеседниками были поставлены блюда: разносчик оказался достаточно искушенным, чтобы проигнорировать Жискара, который стоял за спиной Фастольфа.

Некоторое время Бейли ел молча, потом нерешительно сказал:

— Я очень рад снова видеть вас, доктор Фастольф.

— Я тоже. Я не забыл, как два года назад вы сумели отвести от меня подозрение в уничтожении робота Джандера и все ловко повернули против моего самоуверенного оппонента доктора Амадейро.

— Я до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю об этом, — сказал Бейли. — И вас, Жискар, я тоже рад видеть. Надеюсь, что вы не забыли меня.

— Это совершенно невозможно, сэр, — ответил Жискар.

— Вот и хорошо. Ну, доктор, похоже, что политическая ситуация на Авроре продолжает оставаться благоприятной. Так говорят наши источники информации. Правда, я не очень им доверяю.

— В данный момент можете верить. Моя партия жестко контролирует деятельность Совета. Амадейро упорно держится в оппозиции, но я подозреваю, что пройдет немало лет,

прежде чем его приверженцы оправятся от нанесенного вами удара. А как дела у вас и у Земли?

— Неплохо. Скажите, доктор, вы привезли с собой Дэниела?

Лицо доктора слегка дернулось в замешательстве.

— Простите, Бейли, — медленно сказал Фастольф. — Я его привез, но оставил на корабле. Мне показалось невежливым являться в сопровождении робота, столь похожего на человека. Поскольку Земля по-прежнему настроена против роботов, появление человекоподобной машины могло, по моему мнению, показаться им намеренным вызовом.

— Я понимаю. — Бейли вздохнул.

— Правда ли, что ваше правительство намерено запретить использование роботов в городах?

— Я подозреваю, что к этому очень скоро придут, дабы сократить финансовые потери. Все роботы будут переведены в сельскую местность, где будут использоваться в сельском хозяйстве и на рудниках. Так они постепенно будут исчезать, и на новых планетах их не будет совсем.

— Кстати, о новых планетах: ваш сын уже оставил Землю?

— Да, несколько месяцев назад. Он сообщил нам, что благополучно прибыл с несколькими сотнями поселенцев, как они себя называют, на новую планету. Там есть какая-то местная растительность, но в атмосфере мало кислорода. Со временем эта планета станет подобием Земли. А пока там поставлены купола. Поселенцы объявили всем и каждому, что необходимо срочно заняться землеустройством. Письма Бентли и редкие гиперволновые переговоры обнадеживают, но все равно его матери чертовски недостает сына.

— А вы поедете туда, Бейли?

— Я не уверен, что жизнь на чужой планете под куполами — то, о чем я мечтал, доктор Фастольф. У меня нет молодости и энтузиазма Бена, но, думаю, года через два-три я поеду. Во всяком случае, я уже подал в департамент заявление о своем намерении эмигрировать.

— На Земле, наверное, очень огорчены?

— Ничуть. Они, конечно, выражают сожаление, но рады избавиться от меня. У меня здесь чересчур дурная слава.

— А как земное правительство реагирует на стремление расселиться по всей Галактике?

— Нервно. Не запрещает, но и не поощряет. Оно по-прежнему подозревает, что космониты противятся этому и хотят

каким-то нехорошим образом воспрепятствовать такой практике.

— Социальная инерция, — сказал Фастольф. — Они судят о нас по нашему поведению в прошлом. А сейчас мы ясно дали понять, что поощряем земную колонизацию новых планет и даже намерены колонизировать новые планеты для себя.

— Надеюсь, вы объясните это нашему правительству. Еще один маленький вопрос, доктор Фастольф: как там... — Бейли замялся.

— Глэдия? — спросил Фастольф, скрывая улыбку. — Вы забыли ее имя?

— Нет. Я просто не решался...

— С ней все в порядке. Живет хорошо. Она просила напомнить вам о ней, но, думаю, в этом нет необходимости: вы и так ее помните.

— Надеюсь, ее солярианское происхождение не используется против нее?

— Нет, так же как и ее роль в падении Амадейро. Скорее наоборот. Я позабочусь о ней, будьте уверены. Однако я не могу вам позволить полностью отойти от дел. Значит, бюрократический аппарат продолжает препятствовать эмиграции? Будет ли процесс продолжаться, несмотря на такое сопротивление?

— Возможно, — сказал Бейли, — но не наверняка. Сильная оппозиция в основном среди народа. Им трудно вырваться из громадных подземных городов, из своего дома.

— Из своего лона.

— Да, если хотите. Отправиться на новые планеты, десятки лет вести примитивную жизнь очень трудно. Когда я думаю об этом, особенно в бессонные ночи, то решаю, что не поеду. Так случалось сотни раз, но по утрам я отменял свое решение. А уж если так тревожусь я, можно сказать, зачинщик всего этого дела, то кто же поедет спокойно и с радостью? Без правительственного одобрения, без, так сказать, его напутственного пинка под зад населению весь проект может провалиться.

Фастольф кивнул:

— Я попытаюсь убедить ваше правительство. А если мне не удастся?

— Если вам не удастся, — тихо сказал Бейли, — и проект провалится, останется только один выход: Галактику должны заселить космониты. Дело должно быть сделано.

— И вы согласны смотреть, как космониты заселяют Галактику, тогда как ваш народ остается на единственной планете?

— Совершенно не согласен, но это все-таки лучше, чем ничего. Много столетий назад земляне полетели к звездам, основали несколько поселений, которые теперь называются Внешними мирами. И эти немногие первопроходцы освоили другие миры. Но потребуется много времени, чтобы космониты или земляне заселили и обжили новый мир. И это должно продолжаться.

— Согласен. Но почему вы так ратуете за экспансию, Бейли?

— Я чувствую, что иначе человечество не продвинется вперед. Дело не в географическом распространении, а в стимуляции других видов экспансии. Если на другие планеты не претендуют иные разумные существа, если распространение пойдет в пустом пространстве, так почему бы не расселиться? В таких условиях противиться освоению новых пространств — значит упрочить распад.

— Значит, вы тоже видите альтернативу? Экспансия — продвижение вперед, а отсутствие ее — упадок?

— Да, я верю в это. Но если Земля откажется от экспансии, то ее должны предпринять космониты. Человечество, будь то земляне или космониты, должно распространяться. Я хотел бы увидеть, как эту задачу выполняют земляне, но уж лучше экспансия космонитов, чем вообще никакой. Либо те, либо другие.

— А если одни станут расселяться, а другие — нет?

— Тогда распространившееся общество окажется сильнее, а оставшиеся ослабеют.

— Вы уверены?

— Мне кажется, это неизбежно.

Фастольф кивнул:

— Вполне согласен, вот поэтому я пытаюсь подвигнуть на это и землян и космонитов. Это третья возможность и, думаю, лучшая.

76

В памяти пролетали последующие дни: огромные толпы народа, беспрерывно двигавшиеся по экспресс-путям, бесконечные совещания с многочисленными чиновниками, мозги в толпе.

Главное — мозги в толпе, мозги в такой плотной толпе, что Жискар не мог выделить индивидуумов. Мозги перемешивались и сливались в громадную пульсирующую серую массу, где время от времени можно было заметить искры подозрительности и неприязни, возникавшие всякий раз, когда кто-то из этого множества смотрел на Жискара.

Однако как-то раз Фастольф оказался на конференции с небольшим количеством участников. И Жискару удалось иметь дело с индивидуальным мозгом, что было важно.

Их пребывание на Земле близилось к концу, когда Жискару наконец удалось остаться наедине с Бейли. Минимально воздействовав на несколько мозгов, он добился своего — объявили перерыв.

— Не думайте, что я игнорировал вас, Жискар, — виновато сказал Бейли. — Просто у меня не было случая побыть с вами. Я не такая уж большая шишка и не могу распоряжаться своим временем.

— Я так и понял, сэр, но сейчас мы можем побыть вместе некоторое время.

— Да. Доктор Фастольф сказал мне, что Глэдия живет хорошо. Но он мог сказать так по доброте душевной, зная, что я хочу услышать. Вам я приказываю говорить правду. У Глэдии все в порядке?

— Доктор Фастольф сказал вам правду, сэр.

— Надеюсь, вы помните, что, когда мы в последний раз виделись на Авроре, я просил вас охранять и защищать Глэдию?

— Друг Дэниел и я, сэр, помним вашу просьбу. Я устроил так, что, когда доктора Фастольфа не станет, мы с другом Дэниелом перейдем в собственность мадам Глэдии. Тогда у нас будет еще больше возможностей оберегать ее.

— Это будет уже после меня, — печально сказал Бейли.

— Я понимаю, сэр, мне очень жаль.

— Ничего не поделаешь, но кризис наступит — должен наступить — раньше смерти доктора Фастольфа. Но все равно после моей.

— Что вы имеете в виду, сэр? Какой кризис?

— Жискар, кризис может наступить, доктор Фастольф говорит на редкость убедительно. Есть и другие факторы, действующие вместе с ним, и это обеспечивает выполнение задачи.

— И что же, сэр?

— Все чиновники, с которыми виделся и говорил доктор

Фастольф, теперь с энтузиазмом поддерживают эмиграцию. Раньше они не одобряли ее или, во всяком случае, относились к ней сдержанно, а теперь, коль скоро власти предержащие отнеслись к проекту благосклонно, другие последуют за ними. Это будет похоже на эпидемию.

— Но ведь вы этого хотели, сэр?

— Да, но такого я, пожалуй, не ожидал. Мы начнем распространяться в Галактике, а что, если космониты не последуют нашему примеру?

— А зачем им отказываться?

— Не знаю. Я высказываю предположение. Что, если они этого не сделают?

— Тогда Земля и планеты, которые заселит ее род, станут сильнее, как вы сами говорили.

— А космониты ослабеют. Но какое-то время они будут сильнее, чем Земля и Поселенческие миры, хотя разница будет резко сокращаться. Космониты неизбежно станут рассматривать землян как растущую опасность и наверняка решат, что Землю и поселенцев надо остановить, пока не поздно, и принять для этого крутые меры. Это и будет период кризиса, который определит всю будущность человечества.

— Я понимаю вашу точку зрения, сэр.

Бейли задумался, а потом спросил шепотом, словно боялся, что его подслушивают:

— Кто знает о ваших способностях?

— Из людей только вы, но вы не можете сказать об этом другим.

— Знаю, что не могу. Дело в том, что не Фастольф, а вы осуществили поворот на сто восемьдесят градусов и сделали всех чиновников, с которыми вошли в контакт, ярыми сторонниками эмиграции. И вы сделали так, что Фастольф взял сюда вас, а не Дэниела. В вас все дело, а Дэниел мог бы только отвлекать внимание.

— Я чувствовал необходимость свести персонал к минимуму, чтобы избежать трудностей со стиранием обидчивости людей. Мне очень жаль, сэр, что вы не встретились с Дэниелом. Я вполне сознаю ваше разочарование.

— Ладно. Я понимаю и прошу вас передать Дэниелу, что я чертовски соскучился по нему. В любом случае я остаюсь при своей точке зрения: если Земля вступит в большую политику заселения планет, а космониты отстанут, ответственность за

это и, следовательно, за кризис, ляжет на вас. Вы должны чувствовать эту ответственность и в дальнейшем, когда кризис наступит, и использовать свои способности для защиты Земли.

— Я сделаю все, что смогу, сэр.

— Если вам это удастся, Амадейро или его коллеги могут наброситься на Глэдию. Не забудьте, вы должны защищать ее.

— Ни Дэниел, ни я не забудем.

— Спасибо, Жискар.

Они расстались. А вскоре после этого гости улетели домой.

Поднимаясь вслед за Фастольфом в модуль, Жискар еще раз увидел Бейли, но на этот раз у них не было возможности поговорить. Бейли помахал рукой и беззвучно, одними губами, выговорил: «Помните».

Жискар понял, что он сказал и что чувствовал. Больше Жискар никогда не видел Бейли.

8

Когда Жискар думал о своем единственном посещении Земли, в памяти его сразу всплывали подробности последовавшего за этим визита к Амадейро в Институт роботехники.

Устроить такую встречу оказалось делом нелегким.

Амадейро, тяжело переживавший свое поражение, всячески уклонялся от визита к Фастольфу: он считал это унизительным.

— Ну что ж, — сказал тогда Фастольф Жискару. — Я могу позволить себе великодушие победителя и сам пойду к нему. В конце концов, должен же я с ним увидеться.

Фастольф стал членом Института роботехники после того, как благодаря Бейли Амадейро не удалось осуществить свои политические амбиции. Тогда Фастольф передал в Институт все сведения о создании и эксплуатации человекоподобных роботов. Сколько-то их было сделано, а затем проект приказал долго жить, и Фастольф занервничал.

Сначала Фастольф решил прибыть в Институт без сопровождения роботов. Явиться без охраны, можно сказать, голым, в самое сердце все еще сильного вражеского лагеря. Это был знак не только доверия и дружелюбия, но и полнейшей уверенности в себе, и Амадейро должен был понять это. Фастольф продемонстрировал бы, что убежден — Амадейро и вся

его команда не посмеют пальцем тронуть единственного врага, легкомысленно явившегося прямо в волчью пасть.

Но затем Фастольф, сам не зная почему, изменил решение и взял с собой Жискара.

Со времени последней встречи с Фастольфом Амадейро, похоже, немного похудел, но по-прежнему был высок и крепок.

Однако утратил свою самоуверенную улыбку. И когда при появлении Фастольфа он попытался изобразить ее, она более напоминала звериный оскал; впечатление усиливал угрюмый взгляд.

— Ну, Калдин, — сказал Фастольф, — мы нечасто видимся, несмотря на то что уже четыре года коллеги.

— Бросьте ваше показное благодушие, Фастольф! — раздраженно рявкнул Амадейро. — И называйте меня Амадейро. Мы коллеги только по работе, и я не скрываю и никогда не скрывал уверенности в том, что ваша внешняя политика — самоубийство для нас.

За спиной Амадейро стояли три робота, огромные, блестящие. Подняв брови, Фастольф посмотрел на них.

— А вы неплохо защищены от мирного человека и его единственного робота.

— Вы прекрасно знаете, что они не нападут на вас. А почему вы пришли с Жискаром, а не с вашим шедевром Дэниелом?

— Дэниелу лучше держаться от вас подальше, Амадейро. Так безопаснее.

— Шутить изволите? Мне больше не нужен Дэниел. Мы делаем собственных человекоподобных роботов.

— На базе моих чертежей.

— Усовершенствованных.

— Однако вы их не используете. Вот поэтому я и пришел к вам. Я знаю, что мое положение в Институте чисто номинально, что даже мое присутствие нежелательно, не говоря уже о моих суждениях и рекомендациях. Однако я как сотрудник Института протестую против вашего нежелания использовать человекоподобных роботов.

— А как, по-вашему, мы должны их использовать?

— Предполагалось, что человекоподобные роботы будут осваивать новые миры, куда впоследствии эмигрируют космониты, — не так ли?

— Но против этого вы и выступали, не так ли?

— Да, выступал. Я хотел, чтобы космониты сами обустраивали новые планеты. Этого, однако, не произошло и, как я теперь вижу, вряд ли произойдет. Тогда давайте пошлем человекоподобных роботов. Это все же лучше, чем ничего.

— Все ваши альтернативы ничего из себя не представляли, пока в Совете не возобладала ваша точка зрения. Космониты не поедут в необустроенную глушь, и им, похоже, не нравятся человекоподобные роботы.

— Так вы же не дали космонитам шанс полюбить их. Земляне уже начали заселять новые планеты, даже самые дикие, и делают это без помощи роботов.

— Вы прекрасно знаете разницу между землянами и нами. Их на Земле восемь миллиардов плюс множество поселенцев.

— Но и нас пять с половиной миллиардов.

— Это не единственное различие, — сердито сказал Амадейро. — Они плодятся, как насекомые.

— Нет. Численность земного населения стабильна вот уже несколько столетий.

— Но у них есть потенциальная возможность. Если они дружно бросятся в эмиграцию, то легко могут производить по сто шестьдесят миллионов особей каждый год, и по мере завоевания новых миров это число будет расти.

— Но и мы способны увеличить прирост населения до ста миллионов в год.

— Биологически — да, но не социологически. Мы живем долго и не хотим уходить так быстро.

— Мы можем послать большую часть новых людей на другие планеты.

— Они не поедут. Мы дорожим нашими людьми, сильными, здоровыми, способными прожить почти четыре столетия. Земля же не ценит людей, которые живут меньше ста лет, страдают от болезней и выживают из ума даже за этот короткий промежуток времени. Для них не имеет значения, что они будут ежегодно обрекать миллионы на нищету и гибель. В сущности, даже сами жертвы не боятся нищеты и смерти, поскольку ничего другого на Земле не имеют. Эмигрирующие земляне улетают из своего зачумленного мира, хорошо зная, что хуже не будет. А мы, наоборот, ценим наши благоустроенные и уютные планеты, и нам нелегко покинуть их.

— Сколько раз я слышал эти аргументы! Между прочим, Амадейро, Аврора тоже когда-то была дикой планетой, а стала удобной и уютной, и так было с каждым Внешним миром.

— Мне тоже осточертели ваши аргументы, но я не устаю отвечать на них. Пусть Аврора была примитивной, но ее заселили земляне, а другие Внешние миры заселялись если не землянами, то космонитами, которые еще не забыли о своем земном происхождении. Но теперь не те времена. То, что сделали тогда, сегодня сделать нельзя. — Он хищно оскалился. — Нет, Фастольф, вся ваша политика направлена на то, чтобы сотворить Галактику, населенную одними землянами, в то время как космонитам должен прийти конец. Теперь вы видите, что так и происходит. Ваша знаменитая поездка на Землю два года назад стала поворотным пунктом. Вы предали собственный народ, подтолкнув этих полулюдей к экспансии. Всего за два года они заняли двадцать четыре планеты, и число это растет.

— Не преувеличивайте. Ни один из Поселенческих миров еще не готов к заселению и не будет готов еще несколько десятилетий. И не все они окажутся подходящими, так что, когда ближайшие планеты будут заняты, шансы на дальнейшее заселение уменьшатся, и первоначальный поток спадет. Я одобрял их экспансию, потому что рассчитывал и на нашу. Мы еще можем догнать их, если постараемся, и в здравом соревновании займем Галактику вместе.

— Нет, — сказал Амадейро. — То, что вы имеете в виду, — самая деструктивная политика из всех возможных. Дурацкий идеализм. Экспансия односторонняя и таковой останется, что бы мы ни делали. Земляне лезут безудержно, и их нужно остановить, пока они не стали слишком сильными.

— Как вы предлагаете это сделать? У нас с Землей подписан договор о дружбе, где особо оговорено, что мы не станем препятствовать их экспансии в космосе, а они не тронут ни одной планеты в радиусе двадцати световых лет от каждого Внешнего мира. И они строго соблюдают свои обязательства.

— О договоре всем известно. Всякий знает, что ни один договор не будет соблюдаться, если он начинает действовать против государственных интересов более могущественной из подписавших его сторон. Я не признаю ценности этого договора.

— А я признаю, и он будет соблюдаться.

Амадейро покачал головой:

— Трогательная вера. Как он будет соблюдаться после того, как вы отойдете от власти?

— Я пока не намерен отходить.

— Как только Земля и ее поселенцы станут сильнее, космониты испугаются, и вы долго у власти не удержитесь.

— А если вы разорвете договор, уничтожив Поселенческие миры, и закроете ворота на Землю, станут ли космониты эмигрировать и заселять Галактику?

— Скорее всего нет. Но если мы решим, что нам этого не надо, что нам и здесь хорошо, так не все ли равно?

— В таком случае Галактика не станет человеческой империей.

— Ну и что?

— Тогда космонитам придет конец, даже если и Земля погибнет.

— Излюбленная трескучая фраза вашей партии, Фастольф. Нет никаких доказательств, что такое случится. Но, даже если это случится, это будет наш выбор. По крайней мере мы хоть не увидим, как маложивущие варвары захватывают Галактику.

— Вы всерьез намекаете, что хотели бы увидеть смерть космической цивилизации, лишь бы остановить Землю?

— Я надеюсь, что мы не погибнем, Фастольф, но, если случится худшее, тогда что ж, моя смерть не менее страшна, чем триумф этих недочеловеков, маложивущих, пораженных болезнями существ.

— От которых мы произошли.

— ...и с которыми больше не имеем генетической общности. Разве мы черви, потому что миллиарды лет назад наши предки были червями?

Фастольф сжал губы и направился к выходу.

Торжествующий Амадейро не остановил его.

9

Дэниел не догадался, что Жискар погрузился в воспоминания. Во-первых, выражение лица у Жискара не менялось, а во-вторых, он уходил в воспоминания не так, как люди. У него это не занимало много времени.

С другой стороны, череда мыслей, которая заставила Жискара вспомнить прошлое, побудила и Дэниела задуматься о тех же давних событиях, о которых в свое время рассказал ему Жискар. Жискар тоже не удивился задумчивости Дэниела.

После паузы их разговор продолжился, но продолжился по-новому, словно теперь каждый думал о прошлом за двоих.

— Похоже, друг Жискар, что народ Авроры теперь понимает, насколько он слабее Земли и ее Поселенческих миров, а значит, кризис, предсказанный Элайджем Бейли, благополучно миновал.

— Похоже, что так, друг Дэниел.

— Ты постарался, чтобы так случилось.

— Постарался. Я удерживал Совет в руках Фастольфа. Я сделал все возможное, чтобы убедить тех, кто формировал общественное мнение.

— Однако мне не по себе.

— Мне было не по себе на каждой стадии процесса, хотя я стремился никому не делать вреда. Я не прикоснулся ни к одному человеческому существу, когда видел, что ему нужно нечто большее, чем легкое касание. На Земле я просто смягчал страх репрессалий, в основном у тех, у кого этот страх и так был невелик: я рвал нить, которая готова была порваться. На Авроре все наоборот. Политические деятели не хотели поддерживать политику, ведущую к изгнанию их из уютного мирка, и я просто поддерживал это нежелание и укреплял нить, которая удерживала их. Это погружало меня в постоянное, хотя и слабое, беспокойство.

— Почему? Ты поощрял экспансию Земли и не одобрял экспансии космонитов. Так и должно было быть.

— Так ли? Подумай, друг Дэниел, разве землянин стоит больше, чем космонит? Ведь они оба люди.

— Есть разница. Элайдж Бейли считал, что ради заселения Галактики можно пожертвовать даже собственным народом. А доктор Амадейро думает, что пусть лучше зачахнут и Земля и космониты, лишь бы в Галактике не распространились земляне. Первый надеялся на успех либо одного, либо другого народа, а второй не хочет ничьего успеха. Разве мы не должны выбрать первого, друг Жискар?

— Похоже, что так, друг Дэниел. Наверное, ты до сих пор испытываешь определенное влияние своего бывшего партнера Элайджа Бейли?

— Я дорожу памятью о партнере Элайдже, и народ Земли — его народ.

— Я понимаю. Я уже много десятилетий говорю, что у тебя тенденция думать по-человечески, но не уверен, что это ком-

плимент. Хотя ты и стараешься думать, как человек, ты все-таки не человек и связан Тремя Законами. Ты не смог бы повредить человеку, землянин он или космонит.

— Бывают случаи, друг Жискар, когда приходится выбирать. Нам дан приказ защищать леди Глэдию. Защищая ее, я могу вынужденно нанести вред человеку и думаю, что при прочих равных условиях я охотнее немного повредил бы космониту, чтобы защитить землянина.

— Это тебе только кажется. На самом деле ты руководствовался бы конкретными обстоятельствами. Ты обнаружил бы, что не можешь обобщать, — сказал Жискар. — Вот так и со мной. Подталкивая Землю и удерживая Аврору, я сделал так, чтобы доктору Фастольфу не удалось убедить аврорианское правительство поддержать политику эмиграции и позволить распространиться сразу двум силам. Я не мог помочь и понимал, что часть его трудов пропала даром. Это наполняло его отчаянием и, возможно, ускорило его кончину. Я чувствовал его мысли, и это было больно. И все-таки, друг Дэниел, если бы я не сделал то, что сделал, это сильно уменьшило бы способность землян к экспансии, не улучшив и аврорианского продвижения в этом направлении. Тогда доктор Фастольф потерпел бы двойное фиаско — как с Землей, так и с Авророй, и доктор Амадейро оттеснил бы его от власти. Чувство поражения было бы для него еще сильнее. Я был глубоко предан доктору Фастольфу всю его жизнь, поэтому и предпочел действовать так, чтобы меньше его ранить и по мере возможности не вредить другим индивидуумам, с которыми имел дело. Если доктор Фастольф постоянно расстраивался, не умея убедить аврориан и вообще космонитов идти на новые планеты, то он по крайней мере радовался активной эмиграции землян.

— А ты не мог бы подтолкнуть и землян, и аврориан, чтобы полностью удовлетворить доктора Фастольфа?

— Мне это приходило в голову. Я рассмотрел такую возможность и решил, что не смогу. Чтобы склонить к эмиграции землян, требовалось пустяковое изменение, не приносящее вреда. Чтобы сделать то же самое с аврорианами, нужно было многое изменить, и это не могло пройти бесследно. А Первый Закон это запрещает.

— К сожалению.

— Да. Подумать только, что я мог бы сделать, если бы имел возможность радикально изменить образ мыслей доктора

Амадейро! Но как я мог изменить его твердое решение противодействовать доктору Фастольфу? Это все равно что повернуть его голову на сто восемьдесят градусов. Такой поворот самой головы либо ее содержимого мог бы с равной эффективностью убить его. Цена моего могущества, друг Дэниел, — невероятная дилемма, с которой я постоянно сталкиваюсь. Первый Закон, запрещающий вредить людям, обычно имеет в виду физический вред, который мы видим и о котором можем судить. Но человеческие эмоции и повороты мыслей понимаю только я, поэтому знаю о более тонких формах вреда, хотя и не вполне их понимаю. Во многих случаях я вынужден действовать без настоящей уверенности, и это вызывает постоянный стресс моих проводников. И все-таки я чувствую, что сделал хорошо. Я провел космонитов мимо кризисной точки. Аврора знает об объединенной силе поселенцев и будет вынуждена избегать конфликтов. Космониты должны понять, что применять репрессии уже поздно, и наше обещание Элайджу Бейли в этом смысле выполнено. Мы указали Земле путь, который приведет к покорению Галактики и образованию Галактической империи.

Роботы возвращались к дому Глэдии. Дэниел вдруг остановился и прикоснулся к плечу Жискара:

— Картина, нарисованная тобой, привлекательна. Партнер Элайдж гордился бы нами. Он сказал бы: «Роботы и Империя» — и, наверное, похлопал бы меня по плечу. Однако, как я уже говорил, мне что-то не по себе. Я беспокоюсь.

— О чем?

— Хотел бы я знать, миновали ли мы кризис, о котором говорил партнер Элайдж много лет назад. А что, мы и в самом деле можем уже не опасаться космонитов?

— А ты сомневаешься?

— Меня насторожило поведение доктора Мандамуса во время его разговора с мадам Глэдией.

Жискар пристально посмотрел на Дэниела. В тишине слышался шорох листьев, трепетавших на холодном ветру. Облака рассеялись, скоро должно было выглянуть солнце. Их беседа в телеграфном стиле заняла мало времени, и они знали, что Глэдия еще не удивляется их отсутствию.

— Что встревожило тебя в этом разговоре? — спросил Жискар.

— Мне довелось четыре раза наблюдать, как партнер

Элайдж решал запутанную проблему. В каждом из этих случаев я обращал внимание на его манеру вырабатывать полезные заключения из ограниченной и даже сбивающей с толку информации. С тех пор я всегда пытался в меру своих ограниченных возможностей думать как он.

— Мне кажется, друг Дэниел, ты хорошо это делаешь.

— Ты, конечно, обратил внимание, что у доктора Мандамуса было два дела к мадам Глэдии. Он сам подчеркнул этот факт. Одно дело касалось лично его — произошел он от Элайджа или нет. Второе — просьба к мадам Глэдии принять поселенца, а потом сообщить о беседе. Второе дело, видимо, было важно для Совета, первое — только для самого Мандамуса.

— Мандамус дал понять, что дело о его происхождении важно и для доктора Амадейро, — сказал Жискар.

— Тогда это было дело, важное для двоих, но не для Совета и, значит, не для всей планеты. Однако дело государственное, как его назвал сам доктор Мандамус, пошло вторым и как бы между прочим. К тому же вряд ли для этого требовался личный визит. Это могло сделать голографическое изображение любого члена Совета. С другой стороны, доктор Мандамус поставил дело о своем происхождении первым, очень долго о нем дискутировал, и это дело никто не мог сделать, кроме него.

— Каково же твое заключение, друг Дэниел?

— Я уверен, что дело поселенца лишь повод для встречи с мадам Глэдией, чтобы поговорить с ней о своем происхождении с глазу на глаз. По-настоящему его интересовало только это и ничего больше. Ты можешь подтвердить это заключение, друг Жискар?

— Напряжение в мозгу доктора Мандамуса было в известной степени сильнее в первой части разговора. Пожалуй, это может служить подтверждением.

— Тогда нам стоит подумать, почему вопрос о происхождении так важен для него.

— Так ведь доктор Мандамус объяснил, — сказал Жискар. — Если он не является потомком Элайджа Бейли — дорога к продвижению по службе для него открыта. Доктор Амадейро, от которого это зависит, отвернулся бы от него, окажись он потомком Бейли.

— Это он так сказал, друг Жискар, но что-то в его словах настораживало.

— Почему ты так думаешь? Пожалуйста, продолжай рассуждать как человек. Я нахожу это весьма поучительным.

— Спасибо, друг Жискар, — серьезно ответил Дэниел. — Ты заметил, что всякий раз, когда мадам Глэдия говорила, что Мандамус не может быть потомком партнера Элайджа, ее возражения рассматривались как неубедительные? И всякий раз доктор Мандамус утверждал, что доктор Амадейро не примет этого возражения.

— Да. И какой вывод ты из этого делаешь?

— Мне кажется, что доктор Амадейро не примет никакого аргумента, и просто удивительно, что Мандамус так надоедал мадам Глэдии. Он наверняка знал с самого начала, что это бессмысленно.

— Возможно, но это только домысел. Ты можешь сказать, каков возможный мотив его действий?

— Могу. Я уверен, что он хотел знать о своем происхождении не для того, чтобы убедить несгибаемого доктора Амадейро, а для себя лично.

— В таком случае зачем он вообще упоминал о докторе Амадейро? Почему он не сказал просто: «Я хочу знать»?

Легкая улыбка пробежала по лицу Дэниела и изменила его выражение, на что другой робот был не способен.

— Если бы он сказал просто: «Я хочу знать», — мадам Глэдия ответила бы, что это не его дело и что он ничего не узнает. Но дело в том, что мадам Глэдия так же сильно ненавидит Амадейро, как тот — Элайджа Бейли. Мадам Глэдия уверена, что для нее оскорбительно любое мнение о ней, поддерживаемое доктором Амадейро. Она пришла бы в ярость, будь это мнение более или менее справедливым, а в данном случае оно абсолютно фальшиво. Она постаралась убедить доктора Мандамуса, что он ошибся, и представила все возможные доказательства. А холодное утверждение доктора Мандамуса, что каждое из этих доказательств неубедительно, заставляло ее злиться все больше и вытягивало из нее дальнейшую информацию. Доктор Мандамус выбрал такую стратегию, чтобы узнать у мадам Глэдии как можно больше. В конце концов он убедился, что у него нет предка-землянина, во всяком случае, на протяжении последних двух столетий. Амадейро же в этом смысле, я думаю, в действительности в игре не участвовал.

— Это интересная точка зрения, — сказал Жискар, — но

она, как мне кажется, не очень обоснованна. Как мы можем узнать, что это не просто твоя догадка?

— Не кажется ли тебе, друг Жискар, что Мандамус, закончив расследование своего происхождения, не получил достаточного доказательства для доктора Амадейро? По его словам, это должно было означать, что у него не будет шанса на продвижение и он никогда не станет главой Института. Но мне показалось, что он отнюдь не расстроен, а, наоборот, сиял. Конечно, я мог судить только по внешнему виду, но ты мог сделать больше. Скажи, друг Жискар, каково было его умственное состояние в конце этой части разговора?

— Он не просто сиял, он торжествовал, друг Дэниел. Ты прав. Теперь, когда ты объяснил ход своих рассуждений, это уловленное мною ощущение триумфа точно соответствует твоему мнению, вообще-то я даже удивляюсь, как сам не учел этого.

— Во множестве случаев и я так же реагировал на Элайджа Бейли. В данном же случае я мог пройти через такое рассуждение частично из-за наличия кризиса. Он вынуждает меня мыслить более точно.

— Ты недооцениваешь себя. Ты уже давно думаешь обоснованно и точно. Но почему ты говоришь о наличии кризиса? Объясни, каким образом радость доктора Мандамуса по поводу того, что он не происходит от Элайджа Бейли, связана с наличием кризиса?

— Доктор Мандамус наврал нам насчет доктора Амадейро, но вполне можно предположить, что его желание выдвинуться и стать в дальнейшем главой Института — истинная правда. Верно?

Жискар помолчал.

— Я не искал в нем честолюбия, — сказал он. — Я изучал его мозг без особой цели и познакомился лишь с поверхностными проявлениями. Но вроде бы заметил искры честолюбия, когда он говорил о продвижении по службе. У меня нет оснований соглашаться с тобой, но нет причин и не согласиться.

— Тогда давай допустим, что доктор Мандамус человек честолюбивый, и посмотрим, что это нам даст. Идет?

— Идет.

— Не кажется ли тебе, что его ощущение триумфа, как только он убедился, что не является потомком Элайджа, проистекает из того факта, что теперь его амбиции будут удовле-

творены? И это не зависело от одобрения доктора Амадейро, поскольку мы согласились, что ссылка на доктора Амадейро — лишь отвлекающий маневр. Значит, его честолюбие будет теперь удовлетворено по каким-то другим причинам.

— По каким?

— Явного ничего нет, но можно предположить. Что, если доктор Мандамус что-то знает или может что-то сделать, что поможет ему добиться большого успеха и наверняка сделает главой Института? Помнишь, он сказал, что ему остается использовать мощные методы? Допустим, это правда, но он может воспользоваться ими только в том случае, если он не потомок партнера Элайджа. И когда он убедился в этом, то обрадовался, что теперь может использовать эти методы и обеспечить себе блестящее будущее.

— Но каковы эти «мощные методы», друг Дэниел?

— Продолжим рассуждения. Мы знаем, что доктор Амадейро больше всего на свете хочет погубить Землю и вернуть ее в прежнее состояние покорности Внешним мирам. Если доктор Мандамус имеет возможность сделать это, он получит от доктора Амадейро все, что хочет, включая гарантию получения заветной должности. Однако возможно, что доктор Мандамус не решался нанести поражение Земле, пока не знал точно, что не состоит в родстве с ее народом. Происхождение от землянина Элайджа Бейли могло удерживать его, и он возликовал, узнав, что свободен в своих действиях.

— Ты хочешь сказать, что у доктора Мандамуса есть совесть?

— Что такое совесть?

— Это слово иногда употребляют люди. Как я понял, оно характеризует людей, которые твердо придерживаются правил поведения, заставляющих их действовать подчас вопреки личным сиюминутным интересам. Если доктор Мандамус чувствовал, что не может позволить себе унизить тех, с кем хотя бы отдаленно связан, я считаю, что он человек совестливый. Я много думал о таких вещах, друг Дэниел, поскольку они предполагают наличие у людей законов, управляющих их поведением хотя бы в отдельных случаях.

— Можешь ли ты сказать, что доктор Мандамус в самом деле совестливый человек?

— Из наблюдений над его эмоциями? Нет, я не следил за чем-то таким, но если твой анализ правилен, то совесть у него

должна быть. Но, с другой стороны, если мы допустим, что он человек совестливый, то в наших прежних рассуждениях можем прийти к другому выводу. Если доктор Мандамус считал, что у него есть предки-земляне в пределах двух столетий, он мог подсознательно стремиться в первые ряды тех, кто пытается подавить Землю, чтобы освободить себя от клейма происхождения. Если же у него нет земных предков, ему необязательно действовать против Земли, и совесть может уговорить его оставить Землю в покое.

— Нет, — сказал Дэниел, — это не соответствует фактам. Если бы он решил не предпринимать насильственных действий против Земли, он не имел бы возможности удовлетворить доктора Амадейро и добиться продвижения. Принимая во внимание его честолюбие, нельзя предположить, что в этом случае у него было то чувство триумфа, которое ты заметил.

— Понятно. Значит, мы делаем заключение, что у доктора Мандамуса есть способ подавить Землю?

— Да. А если так, значит, кризис, предсказанный партнером Элайджем, отнюдь не миновал, а существует сейчас.

Жискар задумчиво сказал:

— Но мы не ответили на главный вопрос: какова природа этого кризиса? Чем он опасен? Можешь ты это определить?

— Не могу, друг Жискар. Я сделал все, что мог. Партнер Элайдж, будь он жив, сделал бы больше, но я не могу, и никто другой не может. А ты можешь обнаружить природу кризиса?

— Боюсь, что нет, друг Дэниел. Если бы я долго жил рядом с Мандамусом, как жил рядом с доктором Фастольфом, а потом с мадам Глэдией, я мог бы постепенно проникнуть в его мозг, развязать замысловатый узел по одной нитке и узнать многое, не повредив ему. Изучение мозга доктора Мандамуса за одну короткую встречу, даже за сотню таких встреч, почти ничего не дает. Эмоции читаются легко, а мысли — нет. Если же я поспешу и усилю процесс, то наверняка нанесу вред, но я не могу этого сделать.

— Но ведь от этого может зависеть жизнь миллиардов людей на Земле и в Галактике.

— Может, но это предположение, а вред человеку — факт. Возможно, что только доктор Мандамус знает природу кризиса и может разрешить его: ведь он не мог бы использовать это знание для нажима на доктора Амадейро, если бы тот мог узнать обо всем из другого источника.

— Да, это вполне вероятно.

— В этом случае нет надобности знать природу кризиса. Если бы доктора Мандамуса удалось удержать от передачи того, что он знает, Амадейро или кому-либо другому, кризис не распространился бы.

— Но кто-то другой может обнаружить то, что знает доктор Мандамус.

— Конечно. Но нам неизвестно, когда это случится. Вероятно, у нас будет время узнать больше и лучше подготовиться, чтобы играть полезную роль. Есть две возможности удержать доктора Мандамуса: либо испортить его мозг так, чтобы он не мог эффективно мыслить, либо — просто убить. Повредить его мозг в состоянии только я, но я не могу этого сделать. А отнять у него жизнь не может никто из нас. Ты мог бы?

Дэниел молчал.

— Ты знаешь, что нет, — наконец прошептал он.

— Даже если от этого зависит будущее землян?

— Я не могу заставить себя нанести вред доктору Мандамусу.

— И я не могу. Итак, мы пришли к выводу, что кризис наступает, но природы его мы не знаем и определить не можем.

Они посмотрели друг на друга.

Их лица ничего не выражали, в воздухе словно повисло отчаяние.

Глава 4

ДРУГОЙ ПОТОМОК

10

Глэдия пыталась расслабиться после мучительной беседы с Мандамусом. Она занавесила окна в спальне, включила легкий теплый ветерок со слабым шепотом листвы и далекими трелями птиц и добавила слабый звук прибоя. Но ничего не помогало.

Глэдия машинально думала о том, что произошло, — и о том, что скоро случится. Чего ради она так разболталась с Мандамусом? Какое ему или Амадейро дело, встречалась она с Элайджем на орбите или нет и от кого — от Элайджа или от другого — имела сына?

Ее вывело из равновесия требование Мандамуса рассказать ему о его происхождении. Человека из общества, где никто не беспокоился о происхождении или родственных связях, кроме как по причинам медико-генетическим, такая навязчивость могла просто выбить из колеи. И это упорное — конечно, случайно — упоминание имени Элайджа...

Она решила, что нашла себе оправдание, и попыталась не думать об этом. Она болезненно отреагировала на вопрос и разболталась, как ребенок, вот и все.

А тут еще этот поселенец!

Он не землянин, наверняка родился не на Земле и, вполне возможно, никогда там не был. Его народ, должно быть, живет в чужом мире, о котором она никогда не слышала, и живет, наверное, уже не одно столетие.

Тогда он должен считаться космонитом, подумала она. Космониты произошли от землян много столетий назад, но это неважно. Правда, космониты долго живут, а поселенцы, кажется, нет, но так ли уж велика разница? Даже космонит может умереть раньше времени от какого-нибудь несчастного случая, а однажды она слышала о космоните, умершем естественной смертью, когда ему не было и шестидесяти. Отчего бы этому визитеру не быть этаким необычным космонитом?

Нет, не так все просто. Поселенец наверняка не считает себя космонитом.

Важно не то, кем тебя считают, а кем ты сам себя чувствуешь. Так что надо думать о нем как о поселенце, а не космоните.

Но ведь все люди — просто люди, как бы они себя ни называли — космонитами, поселенцами, аврорианами, землянами... И доказательство тому: роботы не могут нанести вред ни одному из них. Дэниел бросится защищать самого последнего землянина, как и Председателя аврорианского Совета, и это означает...

Глэдия начала засыпать, но внезапная мысль прогнала сон.

Почему у поселенца фамилия Бейли? Почему Бейли?

Может, это обычное имя у поселенцев?

В конце концов, именно Элайдж сделал такое возможным и стал их героем, как...

Она не могла припомнить аналогичного героя Авроры. Кто возглавлял экспедицию, которая первой достигла Авроры? Кто наблюдал за переустройством дикой безжизненной планеты? Глэдия не знала — потому ли, что родилась на Солярии,

или потому, что аврориане не искали героев? В конце концов, первая экспедиция на Аврору состояла только из землян. Только через несколько поколений, удлинив жизнь с помощью ухищрений биоинженерии, эти земляне стали авроpианами, и зачем аврорианам делать героями своих презренных предшественников?

Но у поселенцев должны быть герои-земляне. Они, вероятно, не так изменились. Постепенно они тоже изменятся, и тогда Элайдж будет забыт, но до тех пор...

Да, скорее всего так. Может, половина поселенцев приняла фамилию Бейли?

Бедный Элайдж! Все толпятся в его тени. Бедный Элайдж, милый Элайдж.

Она наконец уснула.

11

Тревожный сон не успокоил ее, не развеял мрачные мысли. Она встала хмурая, сама не зная почему, посмотрела на себя в зеркало и поразилась, как же она немолода.

Для Дэниела Глэдия была просто человеком, независимо от возраста, внешности и настроения.

— Мадам...

Глэдия вздрогнула.

— Пришел поселенец?

Она взглянула на часы и жестом велела Дэниелу включить в комнате обогреватель. День был холодный, вечер ожидался еще холоднее.

— Он здесь, мадам.

— Куда ты его отвел?

— В большую гостиную, мадам. С ним Жискар, а домашние роботы поблизости.

— Надеюсь, они имеют представление, что ему подать на ленч.

— Я уверен, мадам, что Жискар все устроит как надо.

Глэдия тоже была в этом уверена.

— Полагаю, он прошел карантин, прежде чем получил разрешение высадиться?

— Иначе и быть не может, мадам.

— Все равно я надену перчатки и носовые фильтры.

Она вошла в ванную, рассеянно отметив, что вокруг нее домашние роботы, и знаком приказала подать новые перчатки и фильтры. В каждом доме на Авроре был свой язык жестов, и каждый хозяин совершенствовал его, учась делать знаки быстро и незаметно. Робот следовал этим почти невидимым приказам хозяина, словно читал его мысли. Но чужой человек мог приказать роботу только устно.

Самое досадное для хозяина — когда домашний робот не решается выполнить приказ или, что еще хуже, выполняет его неправильно. Это означает, что либо человек, либо робот спутали знаки. Глэдия знала, что ошибается всегда человек, но этого никто не хотел признавать.

Робота отправляли на проверку, в которой не было необходимости, либо продавали. Глэдия была уверена, что никогда не попадет в такую досадную ситуацию, но, если бы сейчас ей не подали перчатки и носовые фильтры, она бы...

Размышление Глэдии прервало появление робота, который поспешно принес ей все необходимое.

— Как он выглядит, Дэниел?

— Обычного роста и сложения, мадам.

— Я имею в виду его лицо.

Глупо было спрашивать. Если бы он имел хоть какое-то сходство с Элайджем Бейли, Дэниел сразу заметил бы это и сказал ей.

— Трудно сказать, мадам. Оно не все видно.

— Что ты имеешь в виду? Не в маске же он?

— В известной степени — да, мадам. Его лицо покрыто волосами.

Она засмеялась:

— Как в исторических фильмах? Борода?

Она сделала жест, означающий волосы на подбородке и под носом.

— Больше, мадам. Половина лица закрыта волосами.

Глэдия широко раскрыла глаза и впервые почувствовала желание увидеть поселенца. Что же это за лицо, наполовину закрытое волосами? У авроpиан и вообще у космонитов было очень мало волос на лице; их уничтожали, едва подросток становился юношей. Верхнюю губу никогда не трогали. Глэдия помнила, что ее муж, Сантирикс Гремионис, до женитьбы носил тонкую полоску волос под носом, усы, как он это называл. Они выглядели, как брови, оказавшиеся не на месте, и Глэ-

дия, как только уговорила себя выйти за Гремиониса, сразу же потребовала, чтобы он избавился от них. Он так и сделал почти без возражений — сейчас она впервые подумала, что ему, наверное, было очень жаль усов. В первые годы она замечала, что он часто проводил пальцем по верхней губе, и считала это нервным жестом. Только теперь ей пришло в голову, что он бессознательно искал исчезнувшие навеки усы.

Как выглядит человек с усами по всему лицу? Как медведь? Каково это ощущение? А если бы у женщины были такие же волосы на лице? Она представила себе, как трудно целоваться такой паре, и громко рассмеялась. От раздраженности не осталось и следа. Ей захотелось взглянуть на чудовище — в конце концов, бояться его нечего, даже если он животное как по виду, так и по поведению. С ним нет ни одного робота — поселенцы хотели создать общество без роботов, — а вокруг нее их десятки. Монстра тут же схватят, стоит ему сделать неосторожное движение или хотя бы повысить голос. И она сказала:

— Отведи меня к нему, Дэниел.

12

Чудовище встало и сказало что-то вроде: «Добрый вечер, миледи».

— Добрый вечер, — рассеянно ответила Глэдия.

Она помнила, как трудно ей было понимать аврорианское произношение галактического стандартного в те давние дни, когда она приехала сюда с Солярии.

Акцент монстра был грубым и неуклюжим, но, может быть, ей так казалось с непривычки. Элайдж тоже, кажется, произносил некоторые буквы чуточку не так, но вообще говорил очень хорошо. Но ведь прошло два столетия, а этот поселенец даже не землянин, а язык, развиваясь в изоляции, очень меняется.

Но языковая проблема мало занимала Глэдию. Она уставилась на бороду.

Во всяком случае, эта борода не похожа на бороды актеров в исторических фильмах. Те были кустистыми — клок тут, клок там — и казались клейкими, глянцевитыми. У поселенца же была совсем иная борода. Она густо покрывала щеки и подбородок: темно-коричневая, чуть светлее волос на голове и

по крайней мере на два дюйма длиннее. Она не покрывала все лицо. Лоб был голым, за исключением бровей, такими же были нос и область под глазами. Верхняя губа тоже была голой, но на ней была тень, словно там начинали расти новые волосы. Волосы отсутствовали и под нижней губой, но там меньше замечалась новая растительность. Поскольку обе губы были голыми, стало ясно, что целовать его, видимо, нетрудно. Сознавая, что невежливо смотреть так пристально, но все-таки не сводя с него глаз, Глэдия сказала:

— Мне кажется, вы убрали волосы вокруг рта.

— Да, миледи.

— Можно спросить почему?

— Можно. Из гигиенических соображений. Я не хочу, чтобы пища застревала в волосах.

— Вы их соскабливаете? Я вижу, они растут вновь.

— Я пользуюсь электробритвой. Это занимает всего пятнадцать секунд утром.

— А почему не депилятором?

— А вдруг я снова захочу отрастить их?

— Зачем?

— Из эстетических соображений, миледи.

Глэдия не поняла слово «эстетический» — оно прозвучало как «асидический».

— Простите?

— Иногда мне надоедают усы — вот как сейчас, — а иногда я отращиваю их снова. Некоторым женщинам это нравится. — Поселенец не удержался и похвастался: — А вообще-то у меня роскошные усы.

Глэдия внезапно сообразила, что сказал незнакомец.

— Вы хотели сказать — эстетических соображений?

Он засмеялся, показав красивые белые зубы.

— Вы тоже чудно́ говорите, миледи.

Глэдия улыбнулась. Правильное произношение — дело местного общественного мнения.

— Вы бы послушали мой бывший солярианский акцент. Тогда я говорила «ессетитсские соопрасения». И все время грассировала.

— Мне приходилось слышать нечто подобное. Забавно звучит. — Поселенец тоже необычно произносил букву «р».

Глэдия хихикнула:

— Это потому, что слова произносят только кончиком языка. Никто, кроме соляриан, не умеет так говорить.

— Может быть, вы меня научите? Торговцы бывают везде, и мне приходилось сталкиваться со всевозможными языковыми искажениями. — И снова это гортанное «р».

— Вряд ли, у вас горло устроено по-другому.

Она все еще смотрела на его бороду и, наконец, не в силах сдержать любопытства, протянула руку. Поселенец едва не отпрянул, но быстро сообразил, чего она хочет. Глэдия легко коснулась его лица и сквозь тонкий пластик перчатки ощутила, что волосы мягкие и упругие.

— Какие приятные, — удивилась она.

— Я польщен. — Поселенец усмехнулся.

— Но я не могу держать вас здесь целый день, — спохватилась Глэдия и, не обращая внимания на его «Ах, не беспокойтесь, пожалуйста», спросила: — Вы сказали моим роботам, чего бы вам хотелось съесть?

— Миледи, я сказал им то же, что говорю сейчас вам: я ем, что дают. В прошлом году я побывал во многих мирах, там везде своя кухня. Торговец умеет есть все, кроме ядовитого. Я предпочту аврорианскую еду всему тому, что вы попытались бы сделать, имитируя еду Бейлимира.

— Бейлимира? — удивленно переспросила Глэдия.

— Он назван так в честь руководителя первой экспедиции Бена Бейли.

— Сына Элайджа Бейли?

— Да, — сказал переселенец и тут же сменил тему разговора. Он оглядел себя и с досадой произнес: — Как ваши люди ухитряются носить такую скользкую одежду? Мечтаю влезть в свою собственную.

— Я уверена, что ваша мечта скоро исполнится, а пока прошу к столу. Мне сказали, что вас зовут Бейли, как и вашу планету.

— Ничего удивительного. Это самое почетное имя на планете. Меня зовут Диджи Бейли.

В сопровождении Жискара и Дэниела они прошли в столовую, и роботы заняли свои места в стенных нишах. Появились два робота-лакея. Комната была залита солнцем, стены оживлены украшениями. Стол был накрыт, и очень вкусно пахло. Поселенец принюхался и удовлетворенно вздохнул.

— Не думаю, что мне будет трудно есть аврорианскую пищу. Где вы позволите мне сесть, миледи?

— Не сядете ли вы сюда, сэр? — мгновенно спросил робот.

Поселенец сел первым, как полагалось гостю, затем села Глэдия.

— Я не знаю терминологических особенностей вашего языка, поэтому вы извините меня, если мой вопрос покажется вам обидным: разве Диджи не женское имя?

— Вовсе нет, — немного чопорно ответил поселенец. — Впрочем, это не имя, а два инициала: Д. и Ж.

— Ах, вот как. Д. Ж. Бейли. Простите мое любопытство, но что значат эти инициалы?

— Пожалуйста. Вон Д... — Гость показал пальцем в сторону одной ниши. — А вон там, я думаю, Ж. — Он показал на другую.

— Не хотите ли вы сказать...

— Именно это я и хочу сказать. Мое имя Дэниел Жискар Бейли. Во всех поколениях моей семьи всегда были хотя бы один Дэниел и один Жискар. Я был последним, шестым ребенком, но первым мальчиком. Моя мать решила, что достаточно и одного сына, и дала мне оба имени. Но Дэниел Жискар Бейли — слишком длинное имя, и я предпочел называться Диджи и буду рад, если и вы станете так звать меня. — Он добродушно улыбнулся. — Я первый, кто носит оба имени, и первый, увидевший оригиналы.

— Но почему эти имена?

— Как гласит семейное предание, это идея Элайджа Бейли. Предка. Ему была предоставлена честь дать имена своим внукам, и он назвал старшего Дэниелом, а второго — Жискаром. Он настаивал, и это стало традицией.

— А дочери?

— Традиционное имя, передающееся из поколения в поколение, — Джезебел, Джесси. Вы знаете, так звали жену Элайджа.

— Я знаю.

— Но нет ни... — Он замолчал и воззрился на блюдо, стоящее перед ним. — Будь я дома, я бы сказал, что это жареная свинина в арахисовом соусе.

— А на самом деле это овощное блюдо. Вы, кажется, хотели сказать, что в семье не было ни одной Глэдии?

— Не было, — спокойно сказал Д. Ж. — Единственное объяснение состоит в том, что якобы Джесси — первая Джесси —

возражала, но я с этим не согласен. Жена Элайджа никогда не была в Бейлимире, не уезжала с Земли. Как она могла возражать? Нет, мне совершенно ясно, что Предок просто не хотел другой Глэдии. Никаких имитаций, никаких копий, никаких претензий. Глэдия одна-единственная. И он просил также, чтобы не было других Элайджей.

— Я думаю, ваш Предок в последние годы жизни старался быть сдержанным, как Дэниел, но в душе всегда оставался романтиком. Он мог бы допустить существование других Элайджей и Глэдии. Я бы не обиделась. Его жена, наверное, тоже. — Она принужденно засмеялась. Кусок не лез ей в горло.

— Все это кажется таким нереальным. Предок — история, собственно, древняя, он умер сто шестьдесят четыре года назад. Я его потомок в седьмом колене, а вот сижу с женщиной, которая знала его еще молодым.

— Я его, в сущности, не знала, — сказала Глэдия, глядя в тарелку. — Я встречалась с ним — и то на короткое время — три раза за семь лет.

— Я знаю. Сын Предка Бен написал его биографию. Это стало литературной классикой в Бейлимире. Даже я ее читал.

— Да? А я не читала и даже не знала, что она существует. И что же там про меня?

Д. Ж. усмехнулся:

— Ничего такого, против чего вы могли бы возражать. Вы там — что надо. Но не в этом дело. Меня потрясло, что мы здесь с вами через семь поколений. Сколько вам лет, миледи? Прилично ли задавать вам такой вопрос?

— Не знаю, прилично ли, но я не возражаю. Мне двести тридцать пять стандартных галактических лет, двадцать три с половиной десятилетия.

— А на вид никак не больше пятидесяти. Предок умер, когда ему было восемьдесят два. Он был очень стар. Мне тридцать девять, и, когда я умру, вы еще будете живы...

— Да, если ничего не случится.

— И проживете еще пять десятилетий...

— Вы завидуете мне, Диджи? — огорченно спросила Глэдия. — Вы завидуете, что я пережила Элайджа больше чем на полтора столетия и осуждена пережить еще на сто лет?

— Конечно, завидую! Еще бы! Я бы не прочь прожить несколько столетий, если бы не создал этим дурного примера для народа Бейлимира. Я не хотел бы, чтобы они жили так дол-

го. Замедлился бы ход истории и интеллектуальное развитие. И правительство оставалось бы у власти слишком долго. Бейлимир погрузился бы в консерватизм и застой, как ваш мир.

Глэдия вздернула подбородок.

— На мой взгляд, с Авророй все в порядке.

— Я говорю о вашем мире, о Солярии.

— Солярия — не мой мир, — твердо сказала Глэдия.

— Надеюсь, что это не так. Я пришел к вам именно потому, что считаю Солярию вашим миром.

— В таком случае вы напрасно потратили время, молодой человек.

— Но вы родились на Солярии и жили там какое-то время?

— Я жила там первые тридцать лет.

— Тогда вы в достаточной степени солярианка, чтобы помочь мне в важном деле.

— Я не солярианка, несмотря на ваше так называемое дело.

— Дело касается войны и мира — если вы считаете это важным. Внешним мирам грозит война с Поселенческими мирами, и это будет скверно для всех. А вы, миледи, способны предупредить войну и сохранить мир.

13

Трапеза закончилась, и Глэдия обнаружила, что смотрит на Д. Ж. с холодной яростью.

Она спокойно жила последние два столетия, отрешившись от сложностей жизни. Постепенно она забыла свои беды на Солярии, трудности привыкания к Авроре.

Ей удалось очень глубоко похоронить боль двух убийств и два экстаза необычной любви — с роботом и землянином — и смириться. Затем она долго и спокойно жила в браке, имела двух детей, занималась своим делом. Сначала ушли дети, затем муж, скоро и она, вероятно, оставит работу и останется одна с роботами, довольная своей судьбой, а может быть, смирившись с нею. Жизнь ее потечет спокойно и без событий к неизбежному концу, такому тихому, что эти механические люди наверняка не заметят, как он наступит.

Так она жила. Но что же случилось?

Все началось вчера ночью, когда она напрасно искала в небе солнце Солярии, которого там не было. Эта глупость слов-

но вызвала к жизни прошлое, которое должно было оставаться мертвым, и мыльный пузырь спокойствия, который она создала вокруг себя, лопнул.

Имя Элайджа Бейли — самое болезненно-радостное воспоминание, которое она так старательно прятала, вдруг повторялось снова и снова.

Затем ее принудили иметь дело с человеком, считавшим себя потомком Элайджа, и вот теперь с другим, который и в самом деле его потомок. И наконец, ей навязали проблемы, подобные тем, которые мучили самого Элайджа.

Не должна ли она стать в некоторой степени Элайджем, не имея ни его таланта, ни его жесткой решимости выполнить свой долг любой ценой?

Что она сделала, за что ей все это?

Она чувствовала, как под покровом жалости к себе в ней тлеет ярость. Это несправедливо. Никто не имеет права взваливать на нее ответственность вопреки ее воле.

Стараясь говорить спокойно, она произнесла:

— Почему вы твердите, что я солярианка, когда я говорю вам обратное?

Д. Ж., казалось, нисколько не смутил ее холодный тон.

Он держал мягкую салфетку, которую ему вручили в конце обеда. Она оказалась влажной и горячей — но не слишком горячей, — и он, имитируя действия Глэдии, тщательно вытер руки и рот, затем сложил пополам и провел ею по бороде. Салфетка уже начала расползаться на куски и съеживаться.

— Полагаю, она скоро совсем исчезнет, — сказал он.

— Исчезнет, — подтвердила Глэдия, кладя свою салфетку в особое углубление в крышке стола. Оказывается, держать ее в руках было признаком невоспитанности, и единственным оправданием для Диджи могло служить лишь то, что он был явно не знаком с обычаями цивилизованности. — Некоторые полагают, что их остатки загрязняют атмосферу, но в доме созданы слабые восходящие потоки воздуха, которые увлекают пыль к фильтрам. Сомневаюсь, что из-за нее могут возникнуть неприятности... Но вы не ответили на мой вопрос, сэр.

Диджи скомкал остатки салфетки и положил комочек на подлокотник кресла. Робот, повинуясь быстрому и небрежному жесту Глэдии, тут же его забрал.

— Миледи, я не заставляю вас быть солярианкой, я только узнал, что вы родились и прожили какое-то время на Солярии, значит, вас можно считать таковой. Вы знаете, что Солярия покинута?

— Да, я слышала.

— И на вас это никак не подействовало?

— Я аврорианка вот уже два столетия.

— Это не ответ. Даже уроженец Авроры может быть опечален гибелью планеты-сестры. А вы?

— Мне все равно, — ледяным тоном ответила Глэдия. — Почему это вас интересует?

— Сейчас объясню. Мы — я имею в виду торговцев Поселенческих миров — народ заинтересованный, потому что надо делать дело и получать прибыли, чтобы приобрести планету. Солярия — благоустроенный комфортабельный мир. Вы, космониты, похоже, в нем не нуждаетесь. Почему бы нам не заселить его?

— Потому что он не ваш.

— Что значит «не ваш», мадам? Разве Аврора имеет на него больше прав, чем Бейлимир? Разве мы не можем предположить, что пустая планета принадлежит тому, кто хочет заселить ее?

— Так вы ее заселили?

— Нет, потому что она не пустая.

— Вы хотите сказать, что не все соляриане покинули ее? — быстро спросила Глэдия.

Д. Ж. широко улыбнулся:

— Вас это взволновало, несмотря на то что вы аврорианка?

Глэдия снова нахмурилась.

— Ответьте на мой вопрос.

Д. Ж. пожал плечами:

— Перед исходом на Солярии было всего пятьдесят пять тысяч жителей — по нашим оценкам. Население уменьшалось с каждым годом. Ну пусть пять тысяч в год. Как мы можем быть уверены, что ушли все? Но не в этом дело. Даже если все соляриане ушли, планета не опустела. Там осталось двести миллионов, если не больше, разнообразных роботов, среди которых самые современные. Можно предположить, что соляриане взяли сколько-то роботов с собой. Трудно представить себе космонитов вообще без роботов. — Он с улыбкой оглядел ниши с роботами. — Однако они не могли взять сто сорок тысяч роботов на каждого.

— Но поскольку в ваших Поселенческих мирах роботы

полностью отсутствуют и вы хотите, чтобы так и оставалось, вы, стало быть, не можете заселить Солярию.

— Правильно. Но только пока роботы не исчезнут, а уж об этом мы, торговцы, позаботимся.

— Каким образом?

— Мы не хотим общества с роботами, но это не значит, что мы не можем взять с собой несколько штук и делать с ними бизнес. У нас нет суеверного страха перед ними. Мы точно знаем, что роботехническое общество идет к застою. Космониты довольно наглядно показывают нам это. Но если они так глупы, что желают иметь такое общество, мы можем продавать им роботов по сходной цене.

— Вы думаете, космониты купят их?

— Я уверен. Они будут рады элегантным моделям солярианского производства. Всем известно, что солярианe были ведущими конструкторами роботов в Галактике, — хотя покойный доктор Фастольф считался непревзойденным в этой области, но только на Авроре. К тому же, даже если мы назначим солидную цену, она все равно будет ниже себестоимости, так что в выигрыше будут и космониты и торговцы — вот секрет удачной торговли.

— Космониты не захотят покупать роботов у поселенцев, — с явным презрением сказала Глэдия.

Д. Ж. имел профессиональную привычку не обращать внимания на такие пустяки, как злость и презрение. Игра стоила свеч.

— Еще как захотят! Им предложат самых современных роботов за полцены — а они откажутся? Вы даже удивитесь, насколько несущественны для бизнеса идеологические вопросы.

— Я думаю, удивляться придется вам. Попробуйте продать своих роботов — и увидите.

— Я бы продал, миледи, кабы они у меня были. Но их нет.

— Почему нет?

— Не удалось взять. Два торговых корабля по очереди приземлились на Солярии. Каждый мог взять штук двадцать пять роботов. Если бы им это удалось, весь торговый флот двинулся бы за ними, и мы продолжали бы делать дело не один десяток лет, а потом заселили бы планету.

— Но им, значит, не удалось. Почему?

— Потому что оба корабля были уничтожены на поверхности планеты, и, как мы слышали, погибли оба экипажа.

— Подвело оборудование?

— Нет. Оба приземлились нормально, без повреждений. В последних рапортах они сообщили, что приближаются космониты — то ли соляриане, то ли из других Внешних миров, мы не знаем. Мы можем только предполагать, что космониты напали без предупреждения.

— Этого не может быть.

— Так уж и не может?

— Конечно. Зачем это им?

— Я бы сказал — чтобы мы держались подальше от планеты.

— Если бы они этого хотели, они просто сообщили бы, что планета занята.

— А может, им хотелось убить нескольких поселенцев? Во всяком случае, у нас многие так думают и требуют, чтобы на Солярию послали несколько военных кораблей и построили там военную базу.

— Это опасно.

— Вот именно. Это приведет к войне. Некоторые наши драчуны рвутся в бой. Может, и среди космонитов есть такие — вот они и уничтожили оба корабля, чтобы спровоцировать войну.

Глэдия была ошеломлена. В программах новостей не было и намека на напряженные отношения между космонитами и поселенцами.

— Конечно, поговорить об этом следует. Ваш народ обращался в Федерацию Внешних миров?

— Обращался, но через незначительное лицо. Мы обращались и в Совет Авроры.

— И что?

— Космониты все отрицают, они намекают, что потенциальная выгода от торговли солярианскими роботами так высока, что торговцы, заинтересованные только в деньгах — словно сами космониты не нуждаются в них, — передрались между собой. Похоже, они хотят убедить нас, что наши корабли сами уничтожили друг друга, поскольку каждый хотел сохранить монополию торговли для своего мира.

— Значит, корабли были с разных планет?

— Да.

— И вы не думаете, что они и в самом деле передрались?

— Не думаю, хотя такая вещь возможна. Прямых конфликтов между Поселенческими мирами не было, но споры быва-

ли, и все проходило через арбитраж Земли. Конечно, Поселенческие миры могут и не поддерживать друг друга, когда дело касается миллиардов долларов. Вот почему война для нас — не слишком хорошая идея, и надо как-то остудить слишком горячие головы. Вот мы и подошли к сути.

— Кто «мы»?

— Вы и я. Меня просили съездить на Солярию и по возможности выяснить, что там случилось. У меня один вооруженный корабль, но тяжелого вооружения у меня нет.

— Вас тоже могут уничтожить.

— Могут. Но мой корабль по крайней мере не будет захвачен врасплох. Кстати, я не гипервизионный герой и постараюсь свести такую возможность к минимуму. Мне пришло в голову, что одной из неудач поселенцев на Солярии является наше полное незнание этой планеты. Значит, полезно было бы взять с собой кого-то, кто знает этот мир, — солярианина, короче говоря.

— Вы имеете в виду меня?

— Именно, миледи.

— Почему меня?

— Я думаю, вам и так ясно, миледи. Покинув планету, соляриане ушли неизвестно куда. Если там кто-то и остался — так только враги. Во Внешних мирах нет ни одного солярианина, кроме вас. Вы — единственная солярианка, единственная во всей Галактике. Вы мне нужны и должны поехать со мной.

— Ошибаетесь, поселенец. Может, я вам и подхожу, но вы мне не подходите. Я окружена роботами. Один шаг — и вас схватят, а при сопротивлении можете и пострадать.

— У меня нет намерения действовать силой. Вы должны ехать добровольно. Ведь дело касается предотвращения войны.

— Это забота правительства, моего и вашего. Я отказываюсь что-нибудь делать. Я частное лицо.

— Вы обязаны сделать это для вашего мира. В случае войны пострадаем не только мы, но и Аврора.

— Я тоже не гипервизионная героиня.

— Тогда вы должны лично мне.

— Вы спятили! Я вам ничего не должна.

Д. Ж. тонко улыбнулся:

— Лично мне как индивидууму вы ничего не должны. Но у

вас большой долг передо мной как перед потомком Элайджа Бейли.

Глэдия замерла, глядя на бородатого монстра. Как она могла забыть, кто он?

— Нет, — наконец выговорила она.

— Да, — твердо сказал Д. Ж. — Два раза Предок сделал для вас больше, чем вы когда-либо могли бы оплатить. Его здесь нет, чтобы потребовать хотя бы часть долга, но я унаследовал его право.

— Но что я могу сделать для вас, если поеду? — в отчаянии спросила Глэдия.

— Там увидим. Так вы поедете?

Глэдии хотелось отказаться. Но как случилось, что Элайдж снова вошел в ее жизнь за последние сутки? Почему это невероятное требование прозвучало от его имени, да так, что отказаться было просто невозможно?

— Но Совет не позволит мне ехать с вами. Ни один авроринин не сядет на поселенческий корабль.

— Миледи, вы прожили на Авроре двести лет, а потому думаете, что коренные авроринане и вас считают таковой. Это не так. Для них вы всегда останетесь солярианкой. Вас отпустят.

Сердце ее забилось, руки покрылись гусиной кожей. Он прав. Амадейро, например, считает ее солярианкой. И все-таки она повторила, стараясь убедить себя:

— Нет, не пустят.

— Пустят, — возразил Д. Ж. — Ведь кто-то из вашего Совета приходил к вам и просил принять меня?

— Он просил меня только сообщить о нашем с вами разговоре, и я это сделаю.

— Если они хотели, чтобы вы шпионили за мной в своем собственном доме, то сочтут даже более полезным, чтобы вы шпионили за мной на Солярии. — Он подождал ответа и, не получив его, продолжал с легкой улыбкой: — Миледи, если вы откажетесь, я не смогу заставить вас. Но они вас заставят. Только я не хочу этого. И Предок не хотел бы, будь он здесь. Он хотел бы, чтобы вы поехали со мной только из благодарности к нему и ни по какой иной причине. Миледи, Предок работал для вас в исключительно трудных условиях. Неужели вы не хотите поработать ради его памяти?

Сердце Глэдии упало. Она знала, что не может сопротивляться.

— Я никуда не могу ехать без роботов.

— Я на это и не рассчитывал. — Он снова улыбнулся. — Почему бы не взять с собой двух моих тезок?

Глэдия посмотрела на Дэниела. Он стоял неподвижно. Посмотрела на Жискара. Он стоял неподвижно. Посмотрела внимательнее, и ей показалось, что как раз в этот момент он чуть заметно кивнул.

Она должна верить ему.

— Ладно, — сказала она, — я поеду с вами. Эти два робота — все, что мне нужно.

Часть II

СОЛЯРИЯ

Глава 5

ПОКИНУТАЯ ПЛАНЕТА

14

В пятый раз в жизни Глэдия оказалась на космическом корабле. Сейчас она не могла вспомнить, когда они с Сантириксом ездили на Эвтерпу, чтобы полюбоваться ее знаменитыми лесами, которые считались несравненными, особенно в романтическом сиянии спутника планеты Джампстоуна.

Лес действительно оказался пышным, зеленым. Деревья росли правильными рядами, животные были тщательно подобраны, дабы могли радовать взор приятным внешним видом; среди них не было ни ядовитых, ни страшных.

Спутник, почти полтораста километров в диаметре, сиял над планетой, как бриллиант. Можно было наблюдать, как он двигается по небу с запада на восток, обгоняя медленное вращение Эвтерпы. Он блестел, поднимаясь к зениту, и тускнел, спускаясь к горизонту. В первую ночь Глэдия очарованно следила за ним, во вторую — восхищения поубавилось, в третью — она смотрела на него со смутным раздражением, полагая, что в первые ночи небо было яснее, что, впрочем, не соответствовало истине. Местные жители никогда на небо не смотрели, но громко расхваливали — перед туристами, конечно.

В общем-то Глэдия осталась довольна поездкой, но еще больше радовалась возвращению на Аврору и решила, что больше путешествовать не будет, разве что в случае крайней необходимости. Подумать только, это было по меньшей мере сто десять лет назад!

Какое-то время она боялась, что муж захочет еще куда-нибудь поехать, но он ни разу не заговорил об этом. Видимо, он пришел к тому же решению и, возможно, тоже боялся, что ей захочется путешествовать.

В этом не было ничего необычного. Аврориане — да и вообще космониты — слыли домоседами.

Их планеты, их дома были такими уютными. В конце концов, что может быть лучше, когда все за вас делают ваши роботы, которые понимают каждый ваш жест, и вам даже не надо вслух выражать свои желания.

Она поежилась. Что имел в виду Д. Ж., когда говорил об упадке роботизированного общества?

Однако она все-таки вернулась в космос и на земном космическом корабле.

Она мало что видела на нем, но то, что видела, ей страшно не понравилось. Тут, кажется, ничего не было, кроме прямых линий, острых углов и гладких поверхностей. «Лишнее», видимо, исключалось, словно все было подчинено одной функциональности. Хотя она и не знала назначения того или иного предмета на корабле, она чувствовала, что это вещь необходимая: ничто не могло вмешиваться в кратчайшее расстояние между двумя точками.

Все аврорианское и вообще космонитское было многослойным. В основе лежала функциональность и только она — что, впрочем, не относилось к предметам чисто декоративным, — дальше находилось то, что ласкало глаз и чувства, а над всем этим — нечто удовлетворявшее душу. И это было гораздо лучше! Космониты просто не смогли бы жить в унылой Вселенной, где не было бы простора для творчества. Разве это плохо? Неужели будущее принадлежит строгой геометрии? Или поселенцы просто еще не научились радоваться жизни?

Но если в жизни так много радости, то почему же ей, Глэдии, так мало досталось?

Оказалось, что на корабле ей делать ровным счетом нечего. И она принялась размышлять и отвечать себе на вопросы. А все этот Д. Ж., этот варвар, потомок Элайджа со своими рассуждениями о гибели Внешних миров. Ведь даже за то короткое время, что он провел на Авроре, он мог бы убедиться, что планета здравствует и процветает.

Чтобы отвлечься от своих мыслей, Глэдия стала смотреть голофильмы, которыми ее снабдили. Без особого интереса она следила за стремительно изменяющимися событиями — все фильмы были приключенческими. Герои почти не разговаривали друг с другом, и не о чем было подумать и нечему радоваться. Очень похоже на все, что делают поселенцы.

Д. Ж. вошел, когда Глэдия смотрела очередной вестерн. Его приход не был для нее неожиданностью: роботы предупредили ее и, будь хозяйка не в настроении, не пустили бы гостя. С ним вместе вошел Дэниел.

— Ну, как вы тут? — спросил Д. Ж.

Глэдия дотронулась до кнопки, и изображение исчезло.

— Не выключайте, я посмотрю вместе с вами.

— Необязательно. С меня хватит.

— Вам тут удобно?

— Не очень. Я... одна.

— Простите, но и я был один на Авроре. Моим людям не разрешили высадиться со мной.

— И теперь вы взяли реванш?

— Вовсе нет. Во-первых, я позволил вам взять с собой двух роботов. Во-вторых, дело не во мне, а в моем экипаже. Они не любят космонитов и роботов. Но почему вы недовольны? Ведь, сидя здесь, вы можете не бояться инфекции.

— Я уже слишком стара, чтобы бояться инфекции. Я думаю, что прожила уже достаточно долго. К тому же у меня есть перчатки, носовые фильтры и, если понадобится, маска. Да и вы вряд ли захотите прикоснуться ко мне.

— И никто другой не захочет, — сказал он неожиданно жестко и коснулся рукой какого-то предмета на правом бедре.

Глэдия проследила за его движением:

— Что это?

Д. Ж. улыбнулся.

— Оружие. — И он вытащил его за рукоятку.

Прямо в лицо Глэдии смотрел тонкий цилиндр сантиметров пятнадцати длиной. В нем не было никакого отверстия.

— Это убивает?

Она протянула руку к цилиндру. Д. Ж. быстро убрал оружие.

— Никогда не тянитесь к чужому оружию, миледи. Это не просто дурной тон — это хуже, потому что поселенцы привыкли быстро реагировать на такой жест, и вы можете пострадать.

Глэдия широко открыла глаза и убрала руки за спину.

— Не угрожайте, Диджи. Дэниел не имеет чувства юмора. На Авроре нет варваров, носящих оружие.

— А у нас нет роботов, которые защищали бы нас. Эта штука не убивает. В каком-то смысле он хуже. Она производит вибрацию, которая стимулирует нервные окончания, ответственные за чувство боли. Она наносит вред гораздо боль-

ший, чем вы можете себе представить. Никто добровольно не согласится испытать это второй раз, и те, кто носит такое оружие, редко применяют его. Мы называем его нейронным хлыстом.

— Отвратительно! У нас есть роботы, но они никогда не причиняют никому вреда, разве что в крайнем случае, и то минимальный.

Д. Ж. пожал плечами:

— Звучит весьма цивилизованно, но лучше немного боли — даже убийство,— чем духовное разложение, которому способствуют роботы. Кстати, нейронный хлыст не предназначен для убийства, а у вашего народа на космических кораблях есть оружие, которое несет смерть и разрушение.

— Мы воевали на заре нашей истории, когда наследие Земли еще жило в нас, но потом мы исправились.

— Вы пользовались этим оружием и на Земле, и после того, как исправились.

— Это... — начала Глэдия и замолчала.

Д. Ж. кивнул:

— Я знаю. Вы хотели сказать: «Это другое дело». Подумайте над этим, миледи, и не удивляйтесь, что моя команда не любит космонитов. И я не люблю. Но вы нужны мне, миледи, поэтому я смиряю свои эмоции.

— Чем я могу быть полезна вам?

— Вы солярианка.

— Вы настойчивый. Прошло более двух столетий. Я не знаю, какова теперь Солярия. Я ничего не знаю о ней. Каким был Бейлимир двести лет назад?

— Двести лет назад его не было, а Солярия была, и я надеюсь, что вы вспомните что-нибудь полезное.

Он встал, подчеркнуто вежливо поклонился и вышел.

15

Глэдия задумалась.

— А он не слишком вежлив, верно? — наконец сказала она.

— Мадам Глэдия, — ответил Дэниел, — поселенец явно нервничает. Он приближается к планете, где погибли два корабля и убиты их экипажи. Он и его экипаж здорово рискуют.

— Ты всегда защищаешь любое человеческое существо,

Дэниел. Опасность существует и для меня, и я тоже не хотела бы попасть в переделку, но это же не заставляет меня грубить.

Дэниел не ответил.

— А может, и заставляет. Я была чуточку груба?

— Я думаю, поселенец не обиделся. Могу я посоветовать вам, мадам, приготовиться ко сну? Уже поздно.

— Ладно, я лягу, но вряд ли усну.

— Друг Жискар уверяет меня, что уснете, мадам, а он обычно не ошибается в таких вещах.

Глэдия в самом деле уснула.

16

Дэниел и Жискар стояли в темноте в каюте Глэдии.

— Она крепко спит, друг Жискар, ей нужен отдых. Впереди опасное путешествие. И мне кажется, друг Жискар, что она согласилась ехать под твоим влиянием. У тебя, наверное, были причины.

— Друг Дэниел, мы так мало знаем о природе кризиса, стоящего перед Галактикой, что просто не можем отказаться от действия, которое может расширить наши знания. Мы должны узнать, что происходит на Солярии, и единственный способ — устроить так, чтобы мадам Глэдия поехала туда. Что касается влияния, то это почти не требовало усилий. Несмотря на ее заявление, она жаждала поехать туда. Ее переполняло желание увидеть Солярию. Ее мучает душевная боль, которая не прекратится, пока мадам не побывает там.

— Если ты говоришь, значит, так оно и есть, но меня это удивляет. Она часто давала понять, что была несчастной на Солярии, что полностью адаптировалась на Авроре и никогда не желала вернуться.

— Да, и это тоже. В ее мозгу совершенно ясно существовали оба чувства. Я не раз наблюдал в человеческих мозгах одновременное существование двух противоположных эмоций.

— Вроде бы нелогично.

— Согласен и могу только заключить, что люди не всегда и не во всех отношениях логичны. Вероятно, это одна из причин, по которой так трудно разработать законы поведения человека. У мадам Глэдии я время от времени замечал желание увидеть Солярию. Обычно оно было хорошо скрыто, затемне-

но куда более сильной антипатией, которую она также чувствует к этой планете. Когда стало известно, что Солярия покинута ее народом, чувства мадам Глэдии изменились.

— Почему? Какое отношение имеет это событие к юношеским переживаниям мадам Глэдии, породившим эту ее антипатию? Если желание увидеть этот мир сдерживалось в течение двух столетий, когда там существовало развитое общество, почему же сдерживающее начало ушло, как только планету покинули? Почему ей вдруг захотелось увидеть ее? Мир, ставший для нее совсем чужим.

— Не могу объяснить, друг Дэниел. Чем больше знаний я собираю о человеческом мозге, тем больше отчаиваюсь, что не способен понять его. Не такое уж это счастье — заглядывать в мозг, и я часто завидую твоей простоте контролируемого поведения, исходящей из твоей неспособности видеть под поверхностью.

— Но у тебя есть предположительное объяснение? — настаивал Дэниел.

— Я полагаю, она огорчена опустошением планеты. Она дезертировала оттуда два столетия назад...

— Она была вынуждена уехать.

— Теперь ей кажется, что она дезертировала, и я думаю, она считает, что подала дурной пример: если бы она осталась, то и другие не уехали бы, и планета была бы теперь населена и благополучна. Поскольку я не могу читать ее мысли, я отталкиваюсь, может и неправильно, только от ее эмоций.

— Но она же не могла подать пример, друг Жискар. Прошло два столетия с тех пор, как она уехала, и, значит, не может быть никакой связи между столь разными во времени событиями.

— Согласен, но люди иногда находят удовольствие в том, чтобы питать болезненные эмоции, порицать себя без оснований и даже вопреки им. Во всяком случае, мадам Глэдия чувствовала такое острое желание вернуться, что было необходимо лишь ослабить сдерживающий эффект, под действием которого она могла бы отказаться ехать. Для этого потребовалось простейшее прикосновение. Я чувствовал, что ей необходимо поехать, потому что это означало, что поедем и мы, но у меня неприятное ощущение, что вреда, возможно, будет больше, чем пользы.

— В каком смысле, друг Жискар?

— Совет был рад отправить мадам с поселенцем. Не означает ли это, что ее желательно было удалить с Авроры на критический период, пока подготавливается падение Земли и Поселенческих миров?

Дэниел, видимо, обдумывал это положение, потому что долго молчал, а затем сказал:

— А зачем, по-твоему, нужно отсутствие мадам Глэдии?

— Не могу решить, друг Дэниел. Хотел бы услышать твое мнение.

— Я не думал об этом.

— Ну так подумай сейчас.

Будь Жискар человеком, эта просьба прозвучала бы приказом.

Последовала еще более долгая пауза.

— Друг Жискар, до появления доктора Мандамуса в доме мадам Глэдии она никогда не выказывала интереса к международной политике. Она была другом доктора Фастольфа и Элайджа Бейли, но эта дружба была личным чувством и не имела идеологической основы. И оба ушли от нас. Она терпеть не могла — и взаимно — доктора Амадейро, но это тоже личное дело. Эта антипатия существовала два столетия, но в ней нет ничего материального, просто оба ненавидят друг друга. У доктора Амадейро, имеющего теперь большое влияние в Совете, нет оснований бояться мадам Глэдии или пытаться избавиться от нее.

— Ты забыл, что, избавившись от мадам Глэдии, он избавится и от нас? Он уверен, что мадам Глэдия не уедет без нас, так что, может, он нас считает опасными?

— Друг Жискар, мы никогда не давали доктору Амадейро повода опасаться нас. Чего ради ему бояться нас? Он не знает о твоих способностях и о том, как ты пользуешься ими. Зачем ему спроваживать нас на время с Авроры?

— На время? Почему ты думаешь, что он хочет отвязаться от нас на время? Вполне может быть, что он знает о беде на Солярии больше поселенца и знает также, что поселенец и его экипаж наверняка погибнут. А с ними и мадам Глэдия, и ты, и я. Возможно, его главная цель — уничтожение корабля поселенцев, и он хочет лишь присовокупить к этому гибель друзей и роботов доктора Фастольфа.

— Бесспорно, доктор Амадейро не отважится на то, чтобы

начать войну. Но минутное удовольствие от нашей гибели не увеличит риска.

— А не может быть, друг Дэниел, что доктор Амадейро как раз и имеет в виду войну и считает, что никакого риска нет?

— Нет, друг Жискар, это неразумно. В войне, развязанной в данных условиях, поселенцы могут победить. Они более рассеяны по Галактике, а потому могут успешно применять тактику молниеносных ударов. Им почти нечего терять в их примитивных мирах, тогда как космониты потеряют многое на своих уютных высокоорганизованных планетах. Если поселенцы изъявят готовность пожертвовать одним из своих миров в обмен на уничтожение одного космонитского, космониты сразу же сдадутся.

— Не будет ли такая война происходить «в данных условиях»? Что, если у космонитов есть новое оружие, которое быстро уничтожит Поселенческие миры? Может, это и есть кризис, перед угрозой которого мы сейчас стоим?

— В этом случае, друг Жискар, победу легче и эффективнее завоевать во внезапной атаке. Зачем провоцировать поселенцев? Это чревато большими потерями.

— Может, космонитам нужно испытать оружие, и уничтожение кораблей на Солярии — просто проверка?

— Космониты должны быть более изобретательны и найти другой способ, чтобы не выдать тайны существования нового оружия.

Настала очередь Жискара задуматься.

— Ну ладно, друг Дэниел, — но как ты объясняешь это наше путешествие? Как ты объясняешь желание — и очень горячее, — чтобы мы сопровождали поселенца? Поселенец сказал, что Совет прикажет мадам Глэдии ехать, — так оно и вышло.

— Я не думал над этим.

— Ну так подумай сейчас.

— Подумаю.

Молчание затянулось, но Жискар терпеливо ждал. Наконец Дэниел заговорил, медленно, словно пробирался по лабиринтам мыслей:

— Я не думаю, что Бейлимир, или любой другой Поселенческий мир, имеет право присваивать роботов, принадлежащих Солярии. Пусть сами соляриане ушли или, может быть, вымерли, все равно Солярия остается Внешним миром, даже если она и не заселена. Остальные сорок девять Внешних ми-

ров наверняка рассуждают так же. И прежде всего так должна рассуждать Аврора — если она хочет управлять ситуацией.

— Значит, ты считаешь, что, уничтожив два поселенческих корабля, космониты таким образом утвердили свое право на Солярию?

— Нет. Аврора — если она хочет управлять ситуацией — не пошла бы по этому пути. Аврора, главная сила космонитов, просто объявила бы Солярию, пустую или нет, запрещенной зоной для поселенческих кораблей и пресекла бы любую попытку поселенцев вторгнуться в систему Солярии, окружив эту систему кораблями и наблюдательными станциями. Но ведь не было такого предупреждения, таких действий. Зачем же уничтожать корабли, если можно их просто прогнать?

— Но корабли были уничтожены, друг Дэниел. Не хочешь ли ты воспользоваться нелогичностью человеческого мышления для объяснения этого факта?

— Пока нет. Давай примем их гибель как данное. Посмотрим на последствия. Капитан поселенческого корабля высаживается на Авроре, просит разрешения обсудить с Советом ситуацию, настаивает, чтобы гражданка Авроры ехала с ним расследовать ситуацию на Солярии, — и Совет соглашается. Если уничтожение кораблей без предупреждения — слишком сильное действие для Авроры, то трусливая уступка капитану поселенцев — слишком уж слабое. Аврора как бы готова сделать все, что угодно, лишь бы предотвратить войну.

— Да, — сказал Жискар, — я думаю, это возможный вариант интерпретации события. Но что дальше?

— По-моему, Внешние миры еще не слабы, чтобы вести себя так заискивающе. Но даже будь они слабы, гордое сознание того, что многие столетия они царили в Галактике, удержало бы их от таких действий. Тут не слабость, а что-то другое. Я уже говорил, что они не могут намеренно спровоцировать войну. Больше похоже на то, что они тянут время.

— И как долго они будут его тянуть, друг Дэниел?

— Они хотят уничтожить поселенцев, но еще не готовы к этому. Они дали этому поселенцу то, что он просил, чтобы избежать войны до тех пор, пока они не будут к ней готовы. Я только удивляюсь, что с ним не послали аврорианский военный корабль. Если мой анализ правилен — а я думаю, что это так, — то Аврора не имеет отношения к событиям на Солярии. Она не пошла бы на этот «булавочный укол», который

только насторожил поселенцев, пока не готова на нечто опустошительное.

— Как же расценивать этот «булавочный укол»?

— Узнаем, когда высадимся на Солярии. Вероятно, это интересует и Аврору, и поселенцев, и это вторая причина, почему они так охотно сотрудничают с капитаном и даже позволили Глэдии сопровождать его.

Жискар долго молчал.

— А что за таинственное опустошение они планируют? — спросил он наконец.

— Раньше мы говорили о кризисе, в основе которого лежат планы космонитов уничтожить Землю, но мы говорим «Земля», имея в виду всех землян и их потомков в Переселенческих мирах. Однако, если мы всерьез подозреваем подготовку к разрушительному удару, который позволит космонитам разом избавиться от врагов, мы, вероятно, можем развить нашу точку зрения. Следовательно, они не планируют ударить по одному Поселенческому миру: эти миры разбросаны, и оставшиеся быстро нанесут ответный удар. Не могут они также атаковать несколько или сразу все Поселенческие миры — их слишком много, и они очень раскиданы. Все удары вряд ли могут оказаться удачными, и уцелевшие яростно бросятся уничтожать Внешние миры.

— Значит, ты предполагаешь, что удар будет нанесен Земле?

— Да. На Земле живет основная масса маложивущих существ. Она — постоянный источник эмигрантов и сырья для благоустройства новых миров. Это родина всех поселенцев, которую они почитают. Если Земля будет уничтожена, поселенческое движение более не возобновится.

— Но не станут ли поселенцы мстить за Землю так же сильно и жестоко, как за любой из своих миров? По-моему, это неизбежно.

— По-моему, тоже. Мне кажется, что если Внешние миры еще не сошли с ума, их действия должны быть очень хитрыми, такими, за которые они вроде бы не ответственны.

— Но почему бы не нанести такой хитрый удар по Поселенческим мирам, где находится большая часть военного потенциала землян?

— Космониты понимают, что удар по Земле более разрушителен психологически. А может быть, природа его такова, что он может сработать только против Земли, но не против Поселенческих миров. Я подозреваю последнее, поскольку Земля — уникальный мир и ее общество не похоже на любое другое, поселенческое или космонитское.

— Итак, ты приходишь к заключению, что космониты планируют нанести искусный удар по Земле, который разрушит ее, но не сработает против любого другого мира. При этом они хотят остаться в стороне, поскольку еще не готовы к решительному сражению.

— Да, друг Жискар, но они, возможно, скоро будут готовы, и тогда нападут немедленно. Любое промедление увеличивает шанс на утечку информации, которая выдаст их.

— Ты сделал вывод, не располагая достаточным количеством фактов. Это весьма похвально. А теперь расскажи о природе удара. Что именно задумали космониты?

— Я пришел к нему издалека, по зыбкой почве, и не уверен, что мои рассуждения целиком правильны. Но, даже предполагая, что прав, я не могу идти дальше. Боюсь, что не знаю и не могу себе представить природу удара.

— Но если мы этого не знаем, то не сумеем принять необходимых мер и разрешить кризис. Если же мы будем ждать, чем все это кончится, можем опоздать что-либо предпринимать.

— Если кто-то из космонитов и знает о том, что готовится, то только Амадейро. Не можешь ли ты заставить его рассказать о своем плане и тем самым предупредить поселенцев и сделать его намерения бесполезными?

— Не могу, друг Дэниел, не разрушив практически его мозг. Я даже сомневаюсь, что смог бы сохранить его целым до тех пор, пока Амадейро не сделает сообщения. Такие вещи я делать не могу.

— Тогда нам придется утешаться мыслью, что мои рассуждения ошибочны и никакого зла против Земли не замышляется.

— Нет, — сказал Жискар. — Я чувствую, что ты прав, и нам остается только беспомощно ждать.

17

Глэдия почти болезненно ожидала последнего прыжка. Корабль уже так близко подошел к Солярии, что стало видно ее солнце. Всего лишь диск, кружок света, через фильтры на

него можно было смотреть не щурясь. В нем не было ничего особенного. Все видимые звезды казались человеку похожими друг на друга и на земное Солнце. Ни одна из них не была ярче или тусклее, горячее или холоднее, чем остальные. И на каждой были пятна, на каждой происходили вспышки. И человеческий глаз не находил между ними никакой разницы. Только детальный спектроголиографический анализ обнаруживал их непохожесть.

Однако, глядя на этот ничем не примечательный кружок света, Глэдия почувствовала, что глаза ее наполнились слезами.

Живя на Солярии, она никогда не думала о солнце. Просто это был вечный источник света и тепла, поднимавшийся и опускавшийся в постоянном ритме. Покидая Солярию, она видела, как солнце исчезает позади, и не испытывала ничего, кроме чувства благодарности.

Сейчас она молча плакала. Ей было стыдно перед собой за такую беспричинную чувствительность, но она не могла сдержать слез.

Но она заставила себя успокоиться, когда вспыхнул световой сигнал, означавший, что пришел Д. Ж. Никто другой не подходил к ее каюте.

— Можно ему войти, мадам? — спросил Дэниел. — Вы, кажется, взволнованы?

— Да, я взволнована, Дэниел, но впусти его. Я думаю, он не удивится.

Но Д. Ж. удивился. Он вошел улыбаясь, но сразу же погасил улыбку, шагнул назад и тихо сказал:

— Я приду попозже.

— Останьтесь! — приказала Глэдия. — Это ничего не значит. Глупая минутная реакция. — Она шмыгнула носом и сердито вытерла глаза. — Зачем вы пришли?

— Я хотел говорить с вами о Солярии. Если повезет, завтра мы приземлимся. Но если вы не в состоянии разговаривать...

— Я в состоянии. У меня к вам есть вопрос. Почему мы сделали три прыжка? Достаточно было бы и одного. Когда я летела с Солярии на Аврору два столетия назад, был один. Неужели с тех пор техника регрессировала?

Д. Ж. ухмыльнулся:

— Обманный маневр. Если за нами шел аврорианский корабль, я хотел избавиться от него.

— А зачем ему следовать за нами?

— Просто подумалось, миледи. По-моему, Совет уж очень жаждал помочь. Предложил, чтобы в экспедицию на Солярию меня сопровождал солярианский корабль.

— Ну что ж, это могло бы помочь.

— Возможно... если бы я был уверен, что Аврора не стоит за всем этим. Я просто сказал Совету, что обойдусь и без них, — он указал пальцем на Глэдию, — что мне нужны только вы. Но ведь Совет мог послать корабль и против моего желания, просто из добрых побуждений, верно? Ну вот, а я не хотел этого. У меня и так достаточно хлопот, а тут еще каждую минуту нервно оглядывайся. И я сделал так, чтобы им трудно было преследовать нас. Итак, что вы знаете о Солярии?

— Я уже сто раз вам говорила: ничего! Прошло два столетия.

— Поговорим насчет психологии соляриан. За два столетия она не могла измениться. Скажите, почему они бросили свою планету?

— Как я слышала, — спокойно сказала Глэдия, — численность населения постоянно снижалась. Видимо, играли роль низкая рождаемость и преждевременная смерть.

— Для вас это звучит резонно?

— Конечно. Рождаемость там всегда была низкой. По солярианским обычаям оплодотворение происходит нелегко, будь оно естественное, искусственное или эктогенетическое.

— У вас не было детей, мадам?

— На Солярии — нет.

— А преждевременная смерть?

— Я могу только догадываться. Полагаю, на рост смертности повлияло ощущение неудачи. Солярия явно не состоялась, хотя соляриане с большим усердием строили идеальное общество — не только лучшее, чем когда-либо было на Земле, но даже более близкое к идеалу, чем в любом Внешнем мире.

— Вы хотите сказать, что Солярия умирала от коллективного разрыва сердца ее народа?

— Да, если вы хотите выразить это в насмешливой форме, — недовольно сказала Глэдия.

Д. Ж. пожал плечами:

— Похоже, что вы сказали именно это. Но они в самом деле ушли. Куда? Как они будут жить?

— Не знаю.

— Но, мадам Глэдия, нам известно, что соляриане привыкли жить в огромных поместьях, где их обслуживали тысячи

роботов, таким образом каждый солярианин был почти полностью изолирован. Если они покинули Солярию, где они найдут такое общество, которое одобрит их образ жизни? Может, они ушли во Внешний мир?

— Насколько мне известно, нет — впрочем, они со мной не советовались.

— Могли они сами найти новую планету? Если так, ее пришлось бы благоустраивать самим. Могли они быть готовы к этому?

— Не знаю.

— А может, они не уходили?

— По всем признакам Солярия пуста.

— Какие это признаки?

— Прервано все межпланетное сообщение, прекращены все радиопередачи с планеты.

— Откуда вы знаете?

— Это сообщалось в аврорианских новостях.

— А! Сообщалось! А не мог кто-то соврать?

— А зачем?

— Чтобы наши корабли попали в засаду и были уничтожены.

— Это смешно, Диджи. — Ее голос зазвучал еще резче. — Что выиграют космониты, угробив два торговых корабля?

— Но что-то же уничтожило два корабля поселенцев на пустой планете. На якобы пустой. Как вы это объясните?

— Я не могу. Я предполагаю, что мы идем на Солярию как раз для того, чтобы найти объяснение.

Д. Ж. серьезно взглянул на нее.

— Сможете ли вы проводить меня в тот район планеты, где вы жили?

— В мое поместье? — Она была ошеломлена.

— Разве вам не хотелось бы снова увидеть его?

Сердце Глэдии забилось сильнее.

— Да, хотелось бы. Но почему вы хотите попасть именно туда?

— Два корабля высадились в разных местах планеты, но оба были уничтожены чертовски быстро. Конечно, всякое место может быть опасным, но мне кажется, что там, где жили вы, менее опасно.

— Почему?

— Потому что нам могут помочь роботы. Вы же их знаете? Не так ли? Надеюсь, они могут существовать более двух столетий. Взять хотя бы Дэниела и Жискара. А те, которые были в вашем поместье при вас, наверное, помнят вас. Они отнесутся к вам как к хозяйке и будут служить вам куда лучше, чем любому другому.

— В моем имении было десять тысяч роботов. Я знала в лицо не более трех десятков, а остальных никогда не видела, и они меня тоже. Сельскохозяйственные, лесные и рудничные роботы более примитивны. Домашние роботы должны бы помнить меня, если их не продали после моего отъезда. Могли быть и несчастные случаи, так что не все просуществовали два столетия. К тому же, что бы вы ни думали о памяти роботов, человеческая память слабее, и я могу не узнать их.

— Пусть так, но вы сможете отвести меня в ваше поместье? У меня есть карта Солярии. Это поможет?

— Немного. Оно в южно-центральной части северного континента Гелионы.

— Когда мы окажемся примерно там, вы сможете воспользоваться ориентирами для большей точности, если мы сфотографируем поверхность Солярии?

— Морские берега, реки?

— Да.

— Думаю, что смогу.

— Прекрасно. И все-таки постарайтесь вспомнить имена и внешность роботов.

18

Со своими офицерами Д. Ж. Бейли держался совсем иначе. Ни широкой улыбки, ни легкомысленного отношения к опасности. Он внимательно и сосредоточенно рассматривал карту.

— Если женщина точна, мы подлетим к поместью достаточно близко, и это займет не так много времени.

— Пустая трата энергии, капитан, — пробормотал Джемин Озер, второй помощник.

Он был высок и бородат.

Борода была темная, рыжеватая, такого же цвета брови выгибались над светло-голубыми глазами. Он выглядел немолодым, но это впечатление создавалось больше его опытностью, чем возрастом.

— Ничего не поделаешь, — сказал Д. Ж. — Будь у нас анти-

гравитация, которую техники обещают нам целую вечность, другое дело. — Он снова посмотрел на карту. — Она сказала, что поместье у реки, примерно в шестидесяти километрах вверх по течению от места впадения в большую реку. Если женщина точна.

— А вы сомневаетесь? — спросил Чандрус Надираба, штурман.

Именно он должен был посадить корабль в указанном месте. Темная кожа и аккуратные усы подчеркивали красоту его лица.

— Ей нужно вспомнить, как это было двести лет тому назад, — заметил Д. Ж. — Какие детали участка вы могли бы вспомнить, если видели его хотя бы тридцать лет назад? Она же не робот, могла забыть.

— Тогда зачем было брать ее с собой? — проворчал Озер. — Ее, и другого, и робота. Команда недовольна, и мне они тоже не по душе.

Д. Ж. нахмурился и посмотрел на помощника:

— На этом корабле не имеет значения, что нравится и не нравится вам, мистер, и команде. Мы все можем погибнуть через шесть часов после высадки, если эта женщина не сумеет спасти нас.

— Умрем так умрем, — холодно сказал Надираба. — Мы не были бы торговцами, если бы не знали, что рядом с большими прибылями ходит внезапная смерть. А что касается этой миссии, тут мы все добровольцы. Кстати, не вредно бы знать, откуда нам грозит смерть, капитан. Если вы догадываетесь, почему держите в секрете?

— Я не догадываюсь. Считается, что солярианe ушли, но, может, пара сотен осталась следить, так сказать, за имуществом.

— А что они могут сделать с вооруженным кораблем, капитан? Или у них есть секретное оружие?

— Не столь секретное, — ответил Д. Ж. — Солярия наводнена роботами. Именно по этой причине наши корабли и высадились на планете. Каждый оставшийся солярианин мог иметь в распоряжении миллион роботов. Скромная армия.

Ибен Калайя, связист, до сих пор молчал как младший по званию, что, казалось, подчеркивалось и тем обстоятельством, что из четырех присутствовавших офицеров у него одного не было никакой растительности на лице. Но сейчас он рискнул заговорить:

— Роботы не могут нанести вред человеку.

— Так говорят, — сухо сказал Д. Ж. — Но что мы знаем о роботах? Мы знаем только, что два корабля были уничтожены, а поселенцы убиты в разных частях планеты, набитой роботами. Кто это мог сделать, кроме роботов? Мы не знаем, какие приказы дали солярианe роботам или какой хитростью обошли так называемый Первый Закон роботехники. Так что мы тоже должны иметь свои маленькие хитрости. Из дошедших до нас рапортов этих кораблей мы знаем, что после посадки все люди вышли. Пустая планета, вот они и решили поразмять ноги, подышать свежим воздухом и поглядеть на роботов, за которыми приехали. Их корабли не имели защиты, да люди и не ожидали нападения. На сей раз такого не случится. Я выйду, но вы останетесь на борту или поблизости.

Взгляд темных глаз Надирабы стал неодобрительным.

— Почему вы, капитан? Если нужен кто-то для приманки, можно брать любого.

— Ценю, штурман, но я пойду не один, а с космонитской женщиной и ее спутниками. Она тут самая главная. Она может узнать нескольких роботов, а кто-то из них может узнать ее. Я надеюсь, что, если роботам и приказано напасть на нас, на нее они не нападут.

— Вы хотите сказать, что они вспомнят свои бывшую хозяйку и упадут к ее ногам? — сухо спросил Надираба.

— Да, если хочешь. Поэтому я ее и взял с собой, и поэтому мы высадимся в ее поместье. И пойду с ней я, потому что немного знаю ее, и посмотрю, как она поведет себя. Если мы уцелеем, пользуясь ею как щитом, и узнаем точно, что нам предстоит, сможем действовать по-своему. В ней уже не будет нужды.

— И что мы тогда с ней сделаем? — спросил Озер. — Выкинем в космос?

— Отвезем обратно на Аврору! — рявкнул Д. Ж.

— Хочу сказать вам, капитан, — проговорил Озер, — что команда расценит это как ненужное путешествие. Они скажут, что ее просто можно оставить на этой проклятой планете. Она же все равно местная.

— Да, — сказал Д. Ж., — и так и будет в тот день, когда я стану получать распоряжения от своей команды.

— Я уверен, что такой день не наступит, но у команды есть свое мнение, а с недовольной командой путешествовать опасно.

Глава 6

ЭКИПАЖ

19

Глэдия стояла на земле Солярии. Она чувствовала запах растительности — совсем не тот, что на Авроре, — и двух столетий как не бывало.

Ничто не могло так возродить воспоминания, как запах, — ни вид, ни звук.

Этот слабый неповторимый запах вернул ее детство: вот она резвится под неусыпным наблюдением роботов, замечает других детей, останавливается, пугливо смотрит, приближается к другому ребенку — полушажок, вот-вот коснешься, — и тут робот говорит: «Хватит, мисс Глэдия», — и уводит ее. Она оглядывается через плечо на малыша, которого тоже уводит робот.

Она вспомнила день, когда ей сказали, что отныне она будет видеть других людей только в голографическом изображении, видеть — и не видеть. Роботы говорили «видеть» шепотом, словно само слово было запретным. Их она могла видеть, но они не люди.

Сначала все было не так плохо. Образы, с которыми она разговаривала, были трехмерными и двигались. Они говорили, бегали, делали что хотели, но их нельзя было почувствовать. Затем ей сказали, что она сможет встретиться с человеком, с которым она часто виделась по трехмерке и который ей нравился.

Он был взрослым мужчиной, старше ее, но выглядел юношей, как многие на Солярии. Она получила разрешение встречаться с ним, когда пожелает.

Она желала. Она отчетливо вспомнила, как это было в первый раз. Она онемела, и он тоже. Они кружили друг возле друга, боясь прикоснуться. Но это и был брак.

Да, конечно, брак. Потом они снова встречались, потому что это был брак. Наконец они должны были коснуться друг друга, им было предложено сделать это.

Это был самый волнующий день в ее жизни... До тех пор, пока он не наступил.

Глэдия со злобой отогнала эти мысли. Что толку вспоминать? Она была так страстна и нетерпелива, а он так холоден и равнодушен! Когда он приходил к ней через точные промежутки времени для ритуала, который мог — или не мог? — оплодотворить ее, он делал это с таким отвращением, что она скоро стала желать, чтобы он забыл прийти. Но он был человеком долга и никогда не забывал.

Затем потянулись несчастные годы, потом она обнаружила его мертвым, с разбитым черепом, и на нее пало подозрение. Элайдж Бейли спас ее тогда, и она уехала с Солярии на Аврору.

Теперь она вернулась и чувствует запах Солярии.

Все остальное было незнакомым. Дом вдалеке совсем не походил на тот, который она смутно помнила. За два столетия он был модифицирован, потом снесен и вновь отстроен. Земля, на которой он стоял, не показалась знакомой.

Глэдия отступила назад, желая коснуться корабля, привезшего ее сюда, в этот мир, который пахнул домом, но не был им, коснуться чего-то, что было более или менее знакомым.

Дэниел, стоявший поблизости в тени корабля, спросил:

— Вы видите роботов, мадам Глэдия?

В сотне ярдов от них, в саду, стояла группа роботов. Они стояли торжественно, неподвижно, сияя на солнце серовато-прекрасно отполированным металлом. Глэдия узнала солярианское производство.

— Да, вижу, Дэниел.

— Вы узнаете их, мадам?

— Нет. Похоже, это новая модель. Я не помню их и уверена, что они не помнят меня. Диджи будет разочарован.

— Они, кажется, ничего не собираются делать, мадам, — сказал Жискар.

«Это понятно. Мы чужие, и они пришли наблюдать за нами, чтобы потом сообщить о нас согласно приказу. Но сообщить некому, поэтому они просто наблюдают. Без дальнейших приказов они ничего не сделают, но следить не перестанут».

— Не лучше ли, мадам, вернуться на корабль? — сказал Дэниел. — Я уверен, что капитан наблюдает за сооружением защиты и еще не готов идти с вами. Я думаю, он не одобрит ваш выход без его разрешения.

— Я не намерена по его прихоти торчать на корабле, не смея выйти на поверхность собственного мира, — высокомерно ответила Глэдия.

— Я понимаю, но поблизости члены команды, и, я думаю, кое-кто уже заметил ваше присутствие.

— И приближаются, — прибавил Жискар. — Если вы хотите избежать инфекции...

— Я приготовила новые фильтры и перчатки.

Глэдия не понимала назначения сооружений, возводимых на плоском грунте вокруг корабля. Большая часть команды, занятая работой, не видела Глэдию и ее двух спутников, стоявших в тени, — в этой части Солярии в летний сезон было жарче, чем на Авроре. Но пятеро из команды приближались, и один, самый высокий и крепкий, указал на Глэдию. Четверо остановились было, но по знаку первого снова двинулись к аврорианской тройке.

Глэдия молча смотрела на них, презрительно подняв брови. Жискар тихо сказал Дэниелу:

— Я не знаю, где капитан. Он где-то среди членов экипажа, но я не вижу его.

— Мы уходим? — громко спросил Дэниел.

— Это будет малодушно, — сказала Глэдия, — это моя планета. — И не двинулась с места.

Когда они подошли поближе, Глэдия почувствовала запах пота. Они работали и вспотели, подумала Глэдия, надо бы уйти. Но она все-таки осталась. Вся надежда на новые фильтры.

Высокий подошел еще ближе. У него были бронзовая кожа и крепкие мускулистые руки, блестевшие от пота. Ему было, наверное, лет тридцать, насколько Глэдия могла судить о возрасте маложивущих, и, если бы его вымыть и прилично одеть, он, наверное, выглядел бы вполне презентабельно.

— Вы и есть та космонитская леди, которую мы привезли на своем корабле? — спросил он.

Он говорил медленно, явно стараясь придать своему галактическому аристократический оттенок. Это ему, конечно, не удавалось. Он говорил как поселенец, даже хуже, чем Диджи.

— Я с Солярии, поселенец, — сказала Глэдия, устанавливая свои территориальные права.

И замолчала, растерявшись. Она так много думала о Солярии, что два столетия словно пропали, и она вдруг заговорила с резким солярианским акцентом — с грубым раскатистым «р» и с «и», более похожим на «си».

— Я с Солярии, поселенец, — повторила она тише, менее надменным тоном и с акцентом аврорианского университета — стандарт для галактического, которого придерживались все Внешние миры.

Поселенец засмеялся и повернулся к товарищам:

— Говорит тара-бара, но старается. Все правильно, парни.

Те тоже засмеялись. Один крикнул:

— Поговори с ней еще, Нисс. Может, и мы научимся чирикать по-космонитски.

— Ладно, заткнитесь все! — все еще улыбаясь, сказал Нисс.

Наступило молчание. Он снова повернулся к Глэдии:

— Я Берто Нисс, матрос первого класса. А как вас зовут, дамочка?

Глэдия не рискнула заговорить снова.

— Я парень вежливый, дамочка. Я говорю по-джентльменски, как космонит. Я знаю, вы достаточно старая, чтобы быть моей прапрапрабабкой. Сколько вам лет, дамочка?

— Четыреста! — крикнул кто-то за спиной Нисса. — Но она не выглядит на столько.

— Она не выглядит и на сто, — сказал другой.

— Она вполне подходит, чтобы позабавиться, — сказал третий. — И я думаю, она давно не развлекалась. Спроси ее, Нисс, может, она не против? Спроси вежливее, не можем ли мы сделать оборот.

Глэдия вспыхнула.

— Матрос первого класса Нисс, — сказал Дэниел, — ваши товарищи оскорбляют мадам Глэдию. Не уйти ли вам?

Нисс оглядел Дэниела, которого до сих пор игнорировал. Улыбка исчезла с его лица.

— Послушай, ты! К этой маленькой леди вход воспрещен. Так сказал капитан. Мы не будем беспокоить ее. Это просто треп. Эта штука с вами — робот, мы с ним не связываемся, и он не может нанести нам вред. Мы знаем Законы роботехники. Мы прикажем ему отойти от нас, вот и все. А ты — космонит, и капитан ничего не говорил насчет тебя. Так что стой где стоишь и не ввязывайся, иначе мы выдубим твою красивую шкуру, и иди потом, жалуйся. — Дэниел не ответил. Нисс кивнул. — Вот и хорошо. Люблю, когда у типа хватает ума не начинать того, чего он не может кончить. — Он повернулся к Глэдии. — Ну, космическая дамочка, мы оставим вас одну, потому что капитан велел не надоедать вам. А если кто-то сделал грубое замечание, это вполне естественно. Потрясем друг

другу руки и расстанемся друзьями. Космонит, поселенец — какая разница?!

Он протянул руку, и Глэдия сжалась от ужаса. Дэниел мгновенно схватил Нисса за запястье.

— Матрос первого класса Нисс, — спокойно сказал он, — не пытайтесь коснуться леди.

Нисс посмотрел на свою руку, на пальцы, крепко сжимавшие ее, и сказал тихо и угрожающе:

— Отойди! Считаю до трех!

Дэниел отпустил его руку и сказал:

— Должен сказать, что я не хотел бы повредить вам, но я обязан защищать леди, и, если она не хочет, чтобы к ней прикасались, мне придется причинить вам боль. Будьте уверены, я постараюсь свести ее к минимуму.

— Всыпь ему, Нисс! — закричал один из членов команды. — Дай этому болтуну!

— Послушай, космонит, — сказал Нисс, — я уже два раза говорил, чтобы ты держался подальше, а ты еще хватаешь меня. В третий раз говорю: шевельнись, скажи хоть слово, и я тебя разделаю. Дамочка пожмет нам руки, только и всего. Подружески. А потом мы уйдем. Ясно?

— Я не хочу, чтобы он меня касался, — сказала дрожащим голосом Глэдия. — Сделай что надо.

— Сэр, — сказал Дэниел, — извините, но леди не хочет, чтобы вы ее трогали. Я прошу вас всех уйти.

Нисс улыбнулся. Он размахнулся, чтобы оттолкнуть Дэниела, но левая рука робота мелькнула в воздухе и снова схватила Нисса за запястье.

— Пожалуйста, уходите, сэр.

Нисс оскалился, но это уже не было улыбкой. Он яростно дернул руку, пытаясь вырваться. Рука Дэниела чуть поднялась и опустилась. Лицо его не показывало никакого напряжения. Затем быстрым движением заломил руку поселенца за спину.

Нисс, неожиданно оказавшись к Дэниелу спиной, поднял вторую руку, нащупывая шею Дэниела, но и второе запястье было схвачено, и Нисс хрюкнул от унижения.

Четверо его товарищей стояли неподвижно, разинув рты. Нисс взглянул на них и проворчал:

— Помогите мне!

— Они не помогут вам, сэр, — сказал Дэниел, — потому что в этом случае капитан накажет их. Теперь я прошу вас по-

обещать мне, что вы больше не будете беспокоить мадам Глэдию и спокойно уйдете. Иначе, матрос первого класса, я, к своему крайнему сожалению, вынужден буду вывернуть вам руки.

Сказав это, он крепко сжал оба запястья, и Нисс глухо застонал.

— Простите меня, сэр, — сказал Дэниел, — но у меня строгий приказ. Вы обещаете?

Неожиданно Нисс с яростью лягнул Дэниела тяжелым сапогом, но тот отклонился, и Нисс упал лицом вниз.

— Вы обещаете, сэр? — снова спросил Дэниел и несильно вывернул руки Нисса за спиной.

Нисс взвыл.

— Обещаю, — пробормотал он. — Отпусти меня.

Дэниел тут же отпустил его и отошел. Нисс медленно перекатился на спину, осторожно поднял руки и морщась пошевелил кистями. Затем протянул правую руку к кобуре и схватился за оружие. Дэниел наступил ему на руку.

— Не делайте этого, сэр, иначе я вынужден буду сломать вам одну или несколько мелких костей в вашей руке.

Он наклонился и извлек бластер Нисса из кобуры.

— А теперь вставайте.

— Ну, мистер Нисс, — прозвучал чей-то голос, — делайте, что вам говорят, и вставайте.

Рядом стоял Д. Ж. Бейли. Борода его сердито ощетинилась, лицо слегка покраснело, но голос был подозрительно спокоен.

— Вы, четверо, — сказал Бейли, — сдайте оружие. Давайте, пошевеливайтесь. Раз, два, три, четыре. А теперь — смирно! — Он обратился к Дэниелу: — Сэр, отдайте мне оружие, которое вы у него отобрали. Пять. Мистер Нисс, смирно!

Бейли сложил бластеры на землю. Нисс вытянулся. Глаза его налились кровью, лицо исказилось от боли.

— Не расскажет ли кто-нибудь, что здесь произошло? — спросил Диджи.

— Капитан, — быстро сказал Дэниел, — у меня с мистером Ниссом произошла шуточная ссора. Вреда не нанесено.

— Однако мистер Нисс выглядит несколько поврежденным?

— Это временно, капитан, — ответил Дэниел.

— Понятно. Ну, мы вернемся к этому позже. — Он повер-

нулся к Глэдии. — Мадам, я не помню, чтобы давал вам разрешение выйти из корабля. Вы немедленно вернетесь со своими компаньонами в каюту. Тут вам не Аврора, и здесь капитан я. Ясно?

Дэниел положил руку на локоть Глэдии.

Она вздернула подбородок, повернулась и пошла по трапу на корабль. Дэниел шел рядом, Жискар — сзади.

Д. Ж. повернулся к команде.

— Вы, — сказал он все так же спокойно, — пойдете со мной, и мы доберемся до сути этого... или до вас. — И жестом приказал офицеру подобрать оружие и унести.

20

Д. Ж. хмуро глядел на пятерых. Дело происходило в его каюте, единственном помещении корабля, которое было достаточно просторно и имело некоторые элементы роскоши.

— Сделаем так, — сказал он, тыкая в каждого пальцем. — Ты подробно расскажешь, что случилось. Ты — скажешь, что он упустил или сказал неверно. Затем ты то же самое, и ты, а потом я примусь за тебя, Нисс. Я предполагаю, что вы все отбились от рук, сделали какую-то глупость, следовательно, провинились, особенно Нисс. Если из вашего рассказа будет ясно, что вы не сделали ничего неправильного и ни в чем не виноваты, то я буду знать, что вы врете, особенно когда космонитская женщина расскажет мне все, а я склонен верить каждому ее слову. Ложь будет хуже того, что вы сделали. Ну! — рявкнул он. — Начинай!

Первый член команды, запинаясь, поведал всю историю. Второй кое-что добавил, то же сделал третий, потом четвертый. Д. Ж. слушал с каменным лицом, затем велел Берто Нисcу отойти в сторону и сказал остальным:

— А когда космонит тыкал Нисса мордой в пыль, вы что делали? Смотрели? Боялись двинуться? Четверо одного испугались?

Один нарушил тяжелое молчание:

— Это произошло так быстро, капитан. Мы только собирались вмешаться, а все уже кончилось.

— А что вы собирались сделать, если бы все-таки вмешались?

— Ну, оттащили бы чужака-космонита от нашего парня.

— Думаешь, удалось бы?

На сей раз никто не издал ни звука.

Д. Ж. наклонился к ним.

— Значит, так: за то, что задирались с иноземцами, похудеете на недельное жалованье каждый. И вот еще что: если кто из вас скажет о случившемся кому-нибудь на корабле или вне его, сейчас или потом, по пьянке или сгоряча — всех вас понизят до учеников матроса. Проболтается один — понизят всех четверых. Так что приглядывайте друг за другом. Теперь займитесь делом. И если станете возникать во время этого путешествия, пикнете не по уставу — окажетесь в карцере.

Угрюмые, пристыженные, четверо вышли, поджав губы.

Нисс остался. По его лицу расплывался синяк, руки онемели. Д. Ж. разглядывал его с угрожающим спокойствием, а Нисс смотрел то вправо, то влево, то в пол, то в потолок, но только не в лицо капитану. Лишь когда Нисс случайно встретился взглядом с капитаном, тот сказал:

— Хорош. Славно тебя отделал этот неженка-космонит вполовину меньше тебя! В следующий раз прячься, когда увидишь кого-нибудь из космонитов.

— Слушаюсь, капитан, — униженно пробормотал Нисс.

— Ты слушал мои инструкции или нет? Перед отлетом с Авроры вам было велено космонитов и леди не трогать, не докучать им, не лезть к ним с разговорами.

— Капитан, я просто хотел вежливо пообщаться. Нам интересно было посмотреть на нее поближе. Мы не хотели ничего плохого.

— Ничего плохого? Ты спросил, сколько ей лет. Это входит в твои обязанности?

— Я просто полюбопытствовал, хотел знать.

— Один из вас делал непристойные намеки.

— Это не я, капитан.

— Кто-то другой? А ты извинился?

— Перед космонитами? — ужаснулся Нисс.

— Конечно. Вы действовали вопреки моим приказам.

— Я не хотел никого обидеть, — упрямо повторил Нисс.

— Ты не хотел обидеть мужчину?

— Он сам поднял на меня руку, капитан.

— Знаю. А почему?

— Потому что он приказал мне уйти.

— И ты не стерпел?

— А вы бы стерпели, капитан?

— Ладно. Ты не стерпел. Ты упал мордой в пыль. Как это случилось?

— Право, не знаю, капитан. Он такой шустрый, а хватка у него прямо железная.

— Так оно и есть. А ты что думал, идиот? Он и есть железный.

— Как это, капитан?

— Ты, видно, не знаешь историю Элайджа Бейли?

Нисс смущенно потер ухо.

— Я знаю, что он какой-то ваш предок, капитан.

— Это-то все знают по моей фамилии. Ты никогда не видел фильмы о его жизни?

— Я не охотник до исторических фильмов, капитан.

Он пожал плечами, но тут же сморщился и решил больше этого не делать.

— Ты когда-нибудь слышал о Р. Дэниеле Оливо?

— Он был другом Элайджа Бейли.

— Ну да. Значит, ты кое-что знаешь. Ты знаешь, что такое «Р» в этом имени?

— Это значит «робот». Правильно? У него был друг-робот. В те времена на Земле были роботы.

— Они и сейчас есть. Но Дэниел не просто робот. Он был космическим роботом и внешне походил на космонита. Подумай об этом, Нисс, и сообрази, кто тот космонит, который задал тебе трепку.

Глаза Нисса округлились, лицо побагровело.

— Вы хотите сказать, что космонит — ро...

— Это Р. Дэниел Оливо.

— Капитан, но ведь прошло двести лет!

— Да. И космонитская женщина была близким другом моего предка Элайджа. Она прожила, если хочешь знать, двести тридцать пять лет, а робот, думаешь, не мог? Ты пытался драться с роботом, дурачина.

— Почему же вы об этом не сказали? — возмутился Нисс.

— А зачем? Ты спрашивал? Слушай, Нисс. Ты слышал, как я велел другим придержать язык? Это относится и к тебе, только в большей степени. Они всего лишь члены экипажа, а тебя я хотел сделать старшим в команде. Хотел! Чтобы управлять командой, нужно иметь мозги, а не только мускулы. Теперь тебе придется доказывать наличие мозгов вопреки моему твердому убеждению, что у тебя их нет.

— Капитан, я...

— Молчи и слушай. Если эта история выплывет наружу, то четверо станут учениками матроса, но ты станешь никем. Ты никогда больше не ступишь на корабль, ни на один. Это я тебе обещаю. Ни в экипаже, ни пассажиром. Подумай, что ты станешь делать в Бейлимире, как будешь зарабатывать на жизнь. Это в том случае, если ты будешь болтать или встанешь поперек дороги космонитской женщины, даже просто будешь глазеть на нее и ее роботов. И следи, чтобы никто из команды не смел ее оскорблять. Ты отвечаешь за это. И лишаешься двухнедельного жалованья.

— Капитан, — жалобно сказал Нисс, — другие...

— На других я меньше полагался, Нисс, поэтому и наказал их меньше. Проваливай!

21

Д. Ж. бесцельно играл фотокубиком, который всегда стоял на столе. Когда кубик поворачивали, он темнел. Поставленный на грань, он светлел, и в нем появлялось трехмерное изображение улыбающейся женщины. Команда поговаривала, что на каждой стороне кубика появлялись разные женщины. Так оно и было.

Джемин Озер следил за сменой изображений без всякого интереса. Теперь, когда корабль был в безопасности — по крайней мере так считалось, — было время подумать о следующих шагах. Однако Д. Ж. подходил к делу кружным путем, а может, и вовсе не подходил. Он сказал:

— Конечно, это женщина была виновата.

Озер пожал плечами и погладил бороду, как бы уверяя себя, что он, во всяком случае, не женщина. В отличие от Д. Ж. на верхней губе Озера красовались роскошные усы.

— По-видимому, — продолжал Д. Ж., — прибыв на родную планету, она забыла об осторожности. И вышла из корабля, хотя я просил ее не делать этого.

— Вы должны были приказать ей не выходить.

— Не знаю, помогло ли бы это. Она аристократка и привыкла сама приказывать своим роботам и поступать как за-

благорассудится. Кроме того, она нужна мне, и я хочу сотрудничать с ней, а не ссориться. И еще... Она была другом Предка.

— И до сих пор жива, — сказал Озер и покачал головой. — Прямо мороз по коже. Древняя старуха.

— Да, но выглядит совсем молодой и привлекательной, и нос кверху. Не ушла, когда ребята подошли к ней, не пожелала пожать им руки. Ну ладно, что было, то было.

— Капитан, а правильно ли вы поступили, сказав Ниссу, что он пытался справиться с роботом?

— Правильно, Озер. Если бы он думал, что его побил и унизил перед товарищами космонит, который меньше и легче его, он навеки стал бы для нас бесполезным. Это сломало бы его. И нам не нужны слухи, что космониты — супермены. Поэтому я строго-настрого приказал помалкивать об этом случае. Нисс будет внимательно следить за ребятами, и, если это дело не выплывет наружу, никто не узнает, что космонит оказался роботом. Но я полагаю, что в этой истории есть одна хорошая сторона.

— Какая, капитан?

— Я задумался о роботах. Много ли мы знаем о них? Что, например, знаешь ты?

Озер пожал плечами:

— Капитан, я о них не думал.

— И никто не думает. Во всяком случае, поселенцы. Мы знаем, что космониты имеют роботов, зависят от них, никуда без них не ходят, ничего без них не могут сделать, и мы уверены, что они чахнут из-за роботов. Мы знаем, что на Земле раньше были роботы, навязанные нам космонитами, и что они постепенно исчезают с лица Земли. В земных городах их вовсе нет, они остались только в сельской местности. Мы знаем, что Поселенческие миры не имеют и не хотят иметь роботов ни в городах, ни в сельской местности. Таким образом, поселенцы никогда не видели их на своих планетах и вряд ли видели на Земле... — При слове «Земля» голос Бейли всякий раз странно дрожал. — Что мы еще знаем?

— Есть Три Закона роботехники.

— Правильно. — Д. Ж. отложил кубик и подался вперед. — И главный из них Первый: «Робот не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Так вот, не полагайся на него. Он означает не совсем то. Мы считаем, что благодаря Первому Закону роботы для нас не опасны. Хорошая уверенность, но не в том случае,

когда она мнимая. Робот Дэниел повредил Ниссу и ничуть не огорчен этим, несмотря на Первый Закон.

— Он защищал...

— Вот именно. А что, если ты должен выбирать: повредить ли Ниссу или позволить нанести вред твоей космонитской хозяйке? Естественно, ты предпочтешь первое.

— Это имеет смысл.

— Ясное дело, имеет. А сейчас мы на планете роботов. Их тут сотни две миллионов. Что им приказано? Как они выбирают между тем или иным вредом? Можем ли мы быть уверены, что никто из них не тронет нас? Ведь что-то на этой планете уничтожило два корабля.

— Ну, этот робот Дэниел — необычный робот, — пробормотал Озер. — Он больше похож на человека, чем мы. Может, не стоит обобщать? Вот другой робот — как его там?..

— Жискар. Легко запомнить. Меня зовут Дэниел Жискар.

— Я мысленно называю вас капитаном, капитан. Во всяком случае, этот Жискар стоял там и ничего не делал. Он выглядит как робот и действует так же. Мы встретили здесь кучу роботов, но они нам ничего не сделали. Они только наблюдают.

— А если здесь есть какие-нибудь специальные роботы, которые могут быть для нас опасными?

— Я думаю, мы готовы к этому.

— Сейчас — да. Вот почему инцидент с Дэниелом и Ниссом сослужил нам хорошую службу. Мы думали, что нам следует опасаться только соляриан, оставшихся здесь. Но не их нам следует опасаться. Их, возможно, здесь нет. Для нас опасны именно роботы, специально сконструированные. Если леди Глэдия сумеет мобилизовать своих бывших роботов — это же было ее поместье — и заставить их защищать ее и нас, то мы нейтрализуем здесь все остальное.

— А она сможет?

— Посмотрим, — сказал Д. Ж.

22

— Спасибо тебе, Дэниел, — сказала Глэдия. — Ты хорошо поступил. — Лицо ее осунулось и побледнело, губы стали тонкими, бескровными. — Лучше бы я не приезжала, — тихо добавила она.

— Бесполезно жалеть, мадам Глэдия, — сказал Жискар. — Друг Дэниел и я останемся за дверью, чтобы никто больше не потревожил вас.

Коридор был пуст. Дэниел и Жискар разговаривали на звуковой волне выше человеческого порога слышимости и в своей обычной краткой манере.

— Мадам Глэдия приняла неразумное решение, отказавшись уйти, — сказал Жискар. — Это ясно.

— Я думаю, друг Жискар, что не было возможности заставить ее изменить решение.

— Оно было слишком твердым и принято было слишком быстро. То же самое справедливо и по отношению к поселенцу Ниссу. Его любопытство к мадам Глэдии и враждебность и злоба к тебе были слишком сильны, чтобы их можно было устранить без серьезного повреждения мозга. Остальными четверыми я мог управлять. Их нетрудно было удержать от вмешательства. Твоя способность справиться с Ниссом ошеломила их, и я лишь слегка усилил это состояние.

— Очень удачно, друг Жискар. Если бы эти четверо присоединились к мистеру Ниссу, я встал бы перед трудным выбором: вынудить мадам Глэдию к унизительному отступлению или сильно покалечить одного-двух поселенцев. Думаю, что пришлось бы выбрать последнее, и я почувствовал бы большой дискомфорт.

— А сейчас тебе хорошо?

— Вполне. Урон, нанесенный мистеру Ниссу, был минимальным.

— Физически — да, друг Дэниел. Однако он испытал великое унижение, что для него хуже физического повреждения. Поскольку я осознавал это, я не смог бы действовать так легко, как ты. И еще...

— Да?

— Меня тревожит будущее. Много десятилетий на Авроре я работал медленно, выжидая удобный момент, чтобы мягко коснуться мозга, не нанося ущерба, усиливая то, что было, ослабляя то, что и так шло на убыль, подталкивая и направляя уже существующий импульс. Теперь же мы вступили в пору кризиса, когда эмоции усиливаются, решения приходят быстро, и события бегут мимо. Если я хочу сделать что-то хорошее и должен действовать быстро, Три Закона запрещают мне это. Требуется время, чтобы взвесить тонкости сравнения физического и умственного вреда. Будь я один с мадам Глэдией во время приближения поселенцев, я бы не знал, что делать, чтобы не нанести серьезного вреда мадам Глэдии, одному или нескольким поселенцам и себе.

— Что же теперь делать, друг Жискар?

— Поскольку Три Закона изменить нельзя, мы снова приходим к заключению, что ничего не можем сделать. И нам остается только ждать краха.

Глава 7

НАДЗИРАТЕЛЬНИЦА

23

Это было утро на Солярии, утро в поместье — в ее поместье.

Вдалеке виднелся дом, который вполне мог быть ее домом. Двух столетий как не бывало, и Аврора казалась ей далекой несбывшейся мечтой.

Она повернулась к Д. Ж.; с его туго затянутого пояса свисали два предмета — на левом бедре нейронный хлыст, а на правом — что-то более короткое и круглое, видимо, бластер.

— Мы пойдем к дому? — спросила она.

— Возможно, — рассеянно ответил он.

Он рассматривал поочередно свое оружие, поднося его к уху, как бы прислушиваясь: жужжит — значит, работает.

— Вчетвером? — Она машинально поискала глазами: Д. Ж., Дэниел... — Дэниел, а где Жискар?

— Он подумал, мадам Глэдия, что ему лучше действовать в качестве разведчика. Как робот он не привлекает к себе внимания других роботов, и, если что не так, он предупредит нас. В любом случае ему легче выйти в расход, чем вам или капитану.

— Хорошее мышление робота, — заметил Д. Ж. — Так оно и есть. Ну, пошли.

— Только втроем? — жалобно спросила Глэдия. — Честно говоря, мне не хватает покорности робота Жискара выходить в расход.

— Мы все уязвимы, леди Глэдия. Количество тут не имеет значения. Ведь погибли экипажи двух кораблей.

— Вы меня не ободряете, Диджи.

— Ну, давайте попробую. Те корабли не были подготовлены, а наш подготовлен, и я тоже. — Он хлопнул руками по бедрам. — С вами робот, который уже показал себя вашим надежным защитником. Больше того, вы сами — наше лучшее оружие. Вы умеете приказывать роботам делать то, что вы хотите, и это может оказаться решающим. Кроме вас, никто этого не может, а те корабли не имели того снаряжения, которое есть у нас. Ну, пошли!

Они пошли. Через некоторое время Глэдия сказала:

— Мы идем не к дому.

— Туда пока не надо. Сначала подойдем к группе роботов. Вы их видите, надеюсь.

— Да, вижу, но они ничего не делают.

— Верно. Но, когда мы высадились, их было гораздо больше. Большая часть ушла, а эти остались. Зачем?

— Если мы их спросим, они ответят.

— Если вы их спросите, леди Глэдия.

— Они ответят как мне, так и вам: мы оба люди.

Д. Ж. вдруг остановился и с улыбкой повернулся к Глэдии:

— Оба люди, дорогая леди? Космонит и поселенец? Что это с вами?

— Мы оба люди для роботов, — резко ответила Глэдия. — И бросьте эти шуточки. Я не играла в космонита и землянина с вашим Предком.

Улыбка Д. Ж. исчезла.

— Вы правы. Простите меня, леди. Я постараюсь умерить свой сарказм. В конце концов, на этой планете мы союзники. — Бейли помолчал. — Мадам, я хочу, чтобы вы выяснили, какие приказы были даны роботам, — если были даны. Нет ли здесь знакомых вам роботов? Есть ли люди в поместье или на планете? И вообще, поговорите с ними. Они не должны быть опасными: они роботы, а вы человек. Они не могут нанести вам вред. — И, вспомнив, он добавил: — Правда, ваш Дэниел довольно грубо обошелся с Ниссом, но там были особые обстоятельства, а здесь их нет. И Дэниел может пойти с вами.

— Я в любом случае должен сопровождать леди Глэдию, капитан, — почтительно произнес Дэниел. — Это мой долг.

— И Жискара тоже, я думаю, — сказал Д. Ж. — Однако он где-то шляется.

— Не зря, капитан. Он говорил со мной, и мы решили, что это немаловажно для защиты леди Глэдии.

— Ну и прекрасно. Вы двое идите вперед. Я буду прикрывать вас. — Он снял оружие с правого бедра. — Если я крикну «Ложись!», тут же падайте. Эта штука не выбирает.

— Только, пожалуйста, пользуйтесь ею только в самом крайнем случае, Диджи, — сказала Глэдия. — Вряд ли это поможет при защите от роботов. Пошли, Дэниел!

Она быстро и уверенно пошла вперед, к группе примерно из десяти роботов, стоявших перед рядом низких кустов. Утреннее солнце отражалось в их блестящих телах.

24

Роботы не отступили и не двинулись вперед. Они спокойно стояли на месте.

Глэдия подсчитала: одиннадцать. Возможно, есть и другие, но их не видно.

Все они были сделаны на Солярии, очень гладкие, прекрасно отполированные. Никакой иллюзии одежды и минимум реализма. Они выглядели почти математической абстракцией человеческого тела, но среди них не было и двух одинаковых.

Ей показалось, что они не так гибки и сложны, как аврорианские роботы.

У них был простой мозг, предназначенный для определенной задачи.

Они остановились метрах в четырех от шеренги роботов, Дэниел — чуть позади, в метре от Глэдии, чтобы было ясно: главная — она. Роботы наверняка посчитали Дэниела за человека, но она знала, что Дэниел слишком уж сознавал себя роботом, и не стала полагаться на ошибочное мнение других роботов.

— Кто из вас будет говорить со мной? — спросила Глэдия.

Никто не ответил. Казалось, роботы беззвучно совещались. Затем один из них вышел вперед.

— Я буду говорить, мадам.

— У тебя есть имя?

— Нет, мадам, только серийный номер.

— Давно ты функционируешь?

— Двадцать девять лет, мадам.
— Есть среди вас такие, которые функционируют дольше?
— Нет, мадам, поэтому говорю я, а не другие.
— Сколько роботов в этом поместье?
— Точной цифры я не знаю, мадам.
— Примерно.
— Тысяч десять, мадам.
— Среди них есть функционирующие более двух столетий?
— Среди сельскохозяйственных роботов есть несколько таких, мадам.
— А среди домашних?
— Нет, мадам. Хозяева предпочитают новые модели.
Глэдия кивнула и повернулась к Дэниелу:
— Это разумно. Так было и при мне. — Она снова повернулась к роботу: — Кому принадлежит это имение?
— Это имение Зоберлона, мадам.
— Давно оно принадлежит семье Зоберлона?
— Дольше, мадам, чем я функционирую. Я не знаю, насколько дольше, но информацию можно получить.
— Кому оно принадлежало до Зоберлона?
— Не знаю, мадам, но информацию можно получить.
— Ты когда-нибудь слышал о семье Дельмар?
— Нет, мадам.
Глэдия повернулась к Дэниелу и печально сказала:
— Я пыталась вести робота, как сделал бы Элайдж, но, похоже, не умею делать это правильно.
— Наоборот, леди Глэдия, — возразил Дэниел. — Мне кажется, что вы уже многое установили. Похоже, что в имении нет роботов, знавших вас, кроме нескольких сельскохозяйственных. Вы знали кого-нибудь из рабочих роботов, когда жили здесь?
Глэдия покачала головой:
— Нет. Я никогда не видела их даже издали.
— Тогда ясно, почему вас не узнают.
— Точно. Бедняга Диджи напрасно гонял нас. Если он надеялся, что от меня будет толк, то он ошибся.
— Знать правду всегда полезно, мадам. А где еще вы могли бы получить информацию?
— Да, минутку... — Глэдия подумала несколько секунд. — Странно, с этим роботом я говорила с солярианским акцентом, а с тобой так не говорю.

— Ничего удивительного, леди Глэдия. Роботы говорят с таким же акцентом, потому что они солярианские. Вы вернулись в дни вашей юности и машинально заговорили, как в те времена. Но вы сразу же стали собой, когда повернулись ко мне, потому что я часть вашего теперешнего мира.
Глэдия медленно улыбнулась:
— Твои рассуждения все больше напоминают человеческие, Дэниел.
Она снова повернулась к роботам и внезапно ощутила покой. Небо было голубым и почти безоблачным, лишь узкая полоска облаков на западе означала, что полдень может быть пасмурным; шелестели листья от легкого ветра, жужжали насекомые, где-то крикнула птица. И ни одного звука, производимого человеком. Вокруг, возможно, было много роботов, но они работали молча. Не было того гомона человеческих голосов, к которому она привыкла — сначала с трудом — на Авроре. Но теперь, вернувшись на Солярию, она нашла удивительное спокойствие. Не так уж плохо на Солярии, подумала она.
— Где ваши хозяева? — спросила она робота с едва заметным раздражением.
— Они ушли, мадам, — спокойно ответил робот.
— Куда?
— Не знаю, мадам. Они мне не сказали.
— А другие знают?
Общее молчание.
— Кто-нибудь в имении знает?
— Я не знаю этого, мадам.
— Хозяева взяли с собой роботов?
— Да, мадам.
— Но они не взяли вас. Почему вы остались?
— Делать свою работу, мадам.
— Но вы стоите и ничего не делаете. Это и есть ваша работа?
— Мы охраняем имение, мадам.
— От таких, как мы?
— Да, мадам.
— Но вы здесь ничего не делаете. Почему?
— Мы наблюдаем, мадам. У нас нет иных приказов.
— Вы сообщаете о своих наблюдениях?
— Да, мадам.
— Кому?

— Надзирателю, мадам.

— Где надзиратель?

— В доме, мадам.

— Ага.

Глэдия повернулась и быстро пошла к Д. Ж. Дэниел двинулся следом.

— Ну? — спросил Д. Ж.

Он держал оружие наготове, но, когда его спутники вернулись, спрятал его в кобуру.

— Ничего. Ни один робот меня не знает. И я уверена, что никто из них не знает, куда ушли солярианe. Но роботы докладывают обо всем надзирателю.

— Какому надзирателю?

— На Авроре и в других Внешних мирах в больших имениях с множеством роботов бывает надзиратель — человек, который должен организовывать и направлять группы рабочих роботов на поля, рудники и промышленные предприятия.

— Значит, здесь остались солярианe?

— Солярия — исключение. Здесь роботов столько, что не было целесообразно поручать мужчине или женщине надзирать за роботами. Эту работу выполнял специально запрограммированный робот.

— Значит, в доме есть робот более совершенный, чем этот, и его можно с пользой допросить как следует.

— Возможно, но я не уверена, что попытка войти в дом безопасна.

— Это же только робот! — ядовито заметил Д. Ж.

— Дом может быть заминирован.

— Это поле тоже может быть заминировано.

— Лучше бы, — сказала Глэдия, — послать одного из роботов в дом сказать надзирателю, что люди желают говорить с ним.

— Не требуется, — возразил Д. Ж. — Это, по-видимому, уже сделано. Надзиратель появился, и это не робот и не «он». Я вижу женщину.

Глэдия ошеломленно застыла. К ним шла высокая, стройная и очень привлекательная женщина. Женщина! Это было видно издалека.

25

Д. Ж. широко улыбнулся, приосанился, расправил плечи и коснулся рукой бороды, словно удостоверяясь, что она гладкая и мягкая.

Глэдия неодобрительно посмотрела на него:

— Это не солярианка.

— Откуда вы знаете?

— Ни одна солярианка не позволит себе показываться незнакомым людям живьем, а не по видео.

— Я знаю, миледи. Но вы же позволили мне видеть вас.

— Я два столетия прожила на Авроре. Но все-таки осталась достаточно солярианкой, чтобы не появляться перед людьми, как эта.

— Ей есть что показать, мадам. Я бы сказал, что она выше меня и прекрасна, как вечерняя заря.

Надзирательница остановилась метрах в двадцати от них, роботы разошлись в стороны.

— За два столетия обычаи могли измениться.

— Нет ничего основательнее, чем неприязнь солярианк контактам с людьми, — резко сказала Глэдия. — Это не могло измениться за какие-то два столетия. — Она снова заговорила по-солярианки.

— Я думаю, вы недооцениваете социальную пластичность. Но солярианка она или нет, в любом случае она космонитка, и, если здесь есть другие такие же, я готов к мирному сосуществованию.

Взгляд Глэдии стал еще более неприязненным.

— Сколько вы намерены глазеть на этот образец? Час, два? Вы не хотите, чтобы я допросила женщину?

Д. Ж. вздрогнул и посмотрел на Глэдию с явным раздражением.

— Вы допрашиваете роботов, и вы это сделали, а я допрашиваю людей.

— Особенно женщин, я полагаю.

— Мне бы не хотелось хвастаться, но...

— Я не знаю мужчин, которые бы не хвастались.

В разговор вмешался Дэниел:

— Я не думаю, что женщина захочет долго ждать. Если вы хотите перехватить инициативу, капитан, то идите к ней. Я пойду за вами.

— Вряд ли мне понадобится защита, — отрезал Д. Ж.

— Вы — человек, и я не могу своим бездействием допустить, чтобы вам был причинен вред.

Д.Ж. быстро зашагал вперед. Дэниел двинулся следом. Глэдия, не желая оставаться в одиночестве, осторожно пошла за ними.

Надзирательница спокойно ждала. На ней было простое белое платье, едва доходившее до середины бедер, сильно декольтированное. Под тонкой тканью виднелись соски. Не было никаких признаков, что на ней надето что-то еще, кроме туфель.

Д. Ж. остановился в метре от нее. Гладкая кожа, высокие скулы, широко поставленные, немного раскосые глаза, невозмутимое выражение лица.

— Мадам, — начал он, — я имею удовольствие разговаривать с надзирательницей этого поместья?

Он старался говорить, как аврорианские патриции.

Женщина выслушала и сказала с сильным солярианским акцентом, который казался почти комичным для такого красивого рта:

— Ты не человек.

Все произошло так быстро, что Глэдия, находившаяся метрах в десяти, не поняла, что случилось. Она увидела только какое-то движение, а затем Д. Ж., неподвижно лежащего на спине, и женщину, державшую в обеих руках его оружие.

26

В этот момент Глэдию больше всего поразило то, что Дэниел не попытался прийти на помощь. Но не успела она так подумать, как Дэниел схватил женщину за левое запястье и сказал грубым и властным тоном, какого Глэдия никогда у него не слышала:

— Брось немедленно оружие!

Просто непостижимо, как он мог так обращаться с человеком.

— Ты не человек, — ответила женщина так же грубо.

В тот же миг она подняла оружие и выстрелила. Слабое свечение охватило тело Дэниела, и Глэдия, ошеломленная, онемевшая, почувствовала, как у нее потемнело в глазах.

Но Дэниел не расплавился и не разлетелся на куски. Глэдия поняла, что он предусмотрительно схватил женщину за ту руку, в которой она держала бластер. В другой руке был нейронный хлыст, его-то она и разрядила в Дэниела с близкого расстояния.

Будь Дэниел человеком, такое массированное возбуждение сенсорных окончаний убило бы его или сделало инвалидом. Но он не был человеком, и эквивалент нервной системы робота не отреагировал на хлыст.

Он схватил женщину за другую руку и повторил:

— Брось оружие, а то я вырву тебе руку!

— Ты? — спросила женщина.

Она подняла руки, и через секунду Дэниел повис над землей. Ноги его болтались в воздухе. Изловчившись, он с силой пнул женщину, и оба тяжело упали на землю.

Глэдия мгновенно поняла, что женщина — хоть и очень похожая на человека, как и Дэниел, — не человек. Чувство негодования захлестнуло Глэдию, которая все-таки оставалась солярианкой: как смеет робот поднимать руку на человека! Пусть женщина-робот каким-то образом узнала, что такое Дэниел, — но как она посмела ударить Д. Ж.?

Глэдия с воплем бросилась вперед. Ей и в голову не пришло бояться робота только потому, что он сбил с ног сильного мужчину и даже более сильного робота.

— Как ты смеешь? — завопила она с грубым солярианским акцентом, который даже ее резанул по ушам. Но как еще говорить с солярианским роботом? — Как ты смеешь, девка? Немедленно прекрати сопротивление!

Мускулы женщины, казалось, расслабились полностью, и одновременно ее словно током ударило. Ее прекрасные глаза посмотрели на Глэдию без человеческого выражения.

— Простите, мадам, — безжизненным голосом произнесла она.

Дэниел уже стоял и бдительно смотрел на лежавшую в траве женщину. Д. Ж., сдерживая стон, пытался встать.

Дэниел наклонился было за оружием, но Глэдия яростным жестом отогнала его.

— Дай мне оружие, девка!

— Слушаюсь, мадам.

Женщина подняла оружие и протянула Глэдии. Та схватила его и протянула бластер Дэниелу:

— Уничтожь ее, Дэниел, если понадобится. Это приказ!

Нейронный хлыст она отдала Д. Ж.

— Он опасен только для вас и для меня. С вами все в порядке?

— Нет, не все, — пробормотал Д. Ж., потирая бедро. — Вы хотите сказать, что она робот?

— А разве женщина могла бы так ударить вас?

— Те, которых я встречал, — нет. Я же говорил, что здесь должны быть роботы, которых специально запрограммировали, чтобы они были опасными.

— Говорили, — зло сказала Глэдия, — но как только увидели нечто похожее на свой идеал красавицы, сразу все забыли.

— Легко рассуждать постфактум.

Глэдия фыркнула и снова повернулась к роботу:

— Как твое имя, девка?

— Я зовусь Ландари, мадам.

— Встань, Ландари.

Ландари вскочила, словно на пружинах. Так не сумел бы даже Дэниел. Казалось, ее стычка с Дэниелом не причинила ей никакого вреда.

— Почему вопреки Первому Закону ты напала на этих людей?

— Мадам, — твердо сказала Ландари, — они не люди.

— Может, ты скажешь, что и я не человек?

— Нет, мадам, вы человек.

— Тогда я как человек заявляю: эти двое — люди. Ты слышишь?

— Мадам, — сказала Ландари чуть тише, — они не люди.

— Они люди, говорю. Тебе запрещено нападать на них или вредить каким бы то ни было образом.

Ландари молчала.

— Ты понимаешь, что я сказала? — Глэдия повысила голос, и он стал еще более солярианским.

— Мадам, — повторила Ландари, — они не люди.

— Мадам, — тихо сказал Дэниел, — она получила такие строгие приказы, что вам нелегко будет переубедить ее.

— Посмотрим, — сказала Глэдия.

Ландари оглянулась. Группа роботов за это время подошла ближе к Глэдии и ее спутникам. Вдалеке появились два робота, которых, как показалось Глэдии, не было среди роботов в

саду. Они несли какой-то длинный, массивный и, видимо, очень тяжелый прибор.

Ландари махнула им рукой и они пошли быстрее.

— Роботы, стоп! — крикнула Глэдия.

Они остановились.

— Мадам, я выполняю свои обязанности, — сказала Ландари. — Я следую инструкциям.

— Твои обязанности, девка, повиноваться моим приказам!

— Мне нельзя приказывать не повиноваться инструкции.

— Дэниел, сожги ее! — приказала Глэдия.

Только потом Глэдия поняла, что произошло. Реакция Дэниела была быстрее человеческой, и он знал, что перед ним робот, на которого Три Закона не распространялись. Однако Ландари была так похожа на человека, что он не смог сразу преодолеть замешательство. Поэтому он выполнил приказ медленнее, чем должен был.

Ландари, чье определение «человека» явно не соответствовало определению Дэниела, напала быстрее: ее не обманула его внешность.

Она схватила его за руку, державшую бластер, и они снова начали бороться.

Д. Ж. подбежал к Ландари и ударил ее по голове рукояткой нейронного хлыста, но это не произвело на робота ровно никакого впечатления, зато Д. Ж. от пинка Ландари отлетел назад.

— Робот, стоп! — крикнула Глэдия, подняв вверх сжатые кулаки.

— Все ко мне! — закричала Ландари зычным контральто. — Двое, похожие на мужчин, не люди! Уничтожьте их, но ни в коем случае не повредите женщине!

Если Дэниела смутила внешность робота, то простые солярианские роботы смутились еще больше и двинулись вперед медленно и неуверенно.

— Стоп! — взвизгнула Глэдия.

Роботы остановились, но на Ландари этот приказ не подействовал.

Крепко сжимая бластер, Дэниел изогнулся под напором явно превосходящей силы Ландари.

Глэдия растерянно оглянулась, ища хоть какое-нибудь оружие.

Д. Ж. попытался включить рацию.

— Не работает, — проворчал он. — Я, видимо, разбил ее.

— Что нам делать?

— Бежать к кораблю. Быстрее!

— Тогда бегите, а я не могу бросить Дэниела.

Глэдия подскочила к дравшимся роботам.

— Ландари, стоп!

— Я не могу остановиться, мадам. У меня точные инструкции.

Пальцы Дэниела разжались, и бластер снова оказался у Ландари.

Глэдия заслонила собой Дэниела.

— Ты не можешь нанести вред человеку!

— Мадам, — сказала Ландари. — Вы прикрываете собой того, кто похож на человека, но не человек. — Она решительно направила бластер на Глэдию. — Мне приказано убивать таких. И громко крикнула: — Носильщики, к кораблю!

— Роботы, стоп! — заорала Глэдия. Все замерло. Казалось, роботы хотели сдвинуться с места, но не могли.

— Ты не можешь уничтожить моего друга-человека Дэниела, не уничтожив меня, а ты сама признала, что я человек и, следовательно, мне нельзя вредить.

— Миледи, вы не должны подвергать себя опасности, защищая меня, — тихо произнес Дэниел.

— Это бесполезно, мадам, — сказала Ландари. — Я могу отодвинуть вас в сторону, а затем уничтожить нечеловека, стоящего у вас за спиной. Поскольку это может повредить вам, я почтительно прошу вас отойти добровольно.

— Отойдите, миледи, — попросил Дэниел.

— Нет, Дэниел, я останусь. Как только она прикоснется ко мне, беги.

— Я не могу бежать быстрее заряда бластера, и, если я попытаюсь бежать, она скорее выстрелит сквозь вас, нежели откажется от выстрела. Видимо, ей даны очень строгие инструкции. Мне жаль, миледи, что это принесет вам горе.

Дэниел поднял сопротивляющуюся Глэдию и слегка оттолкнул в сторону.

Палец Ландари лежал на кнопке бластера, но не нажимал. Ландари стояла неподвижно.

Глэдия, севшая от толчка Дэниела, вскочила. Д. Ж. осторожно подошел к Ландари. Дэниел спокойно протянул руку и вытащил бластер из безжизненных пальцев.

— Я думаю, — сказал он, — что этот робот окончательно дезактивирован.

Он слегка толкнул Ландари, и та упала в той же позе, в которой стояла: руки согнуты, одна рука держала невидимый бластер, палец нажимал на невидимую кнопку.

Из-за деревьев вышел Жискар. Его блестящее лицо не выражало никакого любопытства.

— Что случилось, пока меня не было?

27

Совершенно обессилевшие, они тронулись в обратный путь. Придя в себя, Глэдия почувствовала жару и усталость.

Шли медленно: Д. Ж. двигался с трудом, к тому же два солярианских робота еле тащились со своим тяжелым массивным прибором.

Д. Ж. оглянулся на них:

— Теперь они слушаются меня, когда надзирательница вышла из строя.

— Почему вы не побежали за помощью? — спросила Глэдия сквозь зубы. — Отчего без толку стояли и смотрели?

— Ну, — сказал Д. Ж., — вы отказались оставить Дэниела, и мне вроде бы стыдно было праздновать труса.

Он старался говорить бодро, и это без труда удалось бы ему, если бы он чувствовал себя лучше.

— Вы глупец! Мне ничего не грозило. Она не могла навредить мне.

— Мадам, — сказал Дэниел, — мне очень неприятно противоречить вам, но думаю, она нанесла бы вам вред, поскольку потребность уничтожить меня была сильнее.

Глэдия возмущенно повернулась к нему:

— А ты ловко оттолкнул меня. Ты что, хотел, чтобы тебя уничтожили?

— Это лучше, чем видеть вас покалеченной, мадам. Меня сбила с толку внешность робота, я не сумел остановить его и тем самым продемонстрировал вам неудовлетворительные границы своей полезности.

— Но ведь она долго не решалась стрелять в меня, поскольку я человек, и ты мог бы за это время вырвать у нее бластер.

— Я не мог рисковать вашей жизнью, мадам, поскольку не был уверен, что она не решится стрелять.

— А вы, — обратилась Глэдия к Д. Ж., никак не отреагировав на слова Дэниела, — не должны были брать с собой бластер.

Д.Ж. нахмурился.

— Мадам, я предполагал, что мы можем попасть в переплет. Роботы об этом не подумали, а я в какой-то мере привык всегда быть настороже. Однако для вас это оказалось неприятной неожиданностью, и вы ведете себя по-детски. Я прощаю вас. А теперь послушайте, пожалуйста. Я никак не мог предполагать, что бластер у меня так легко отнимут. Но если бы я не взял с собой оружие, надзирательница убила бы меня голыми руками так же быстро, как бластером. Вы спросили, почему я не убежал. Да потому что от бластера не убежишь. А теперь продолжайте, пожалуйста, если хотите, но я больше не намерен с вами препираться.

Глэдия перевела взгляд на Дэниела, потом снова посмотрела на Д. Ж. и тихо сказала:

— Полагаю, что вела себя неразумно. Прекрасно, не будем больше к этому возвращаться.

Они подошли к кораблю. Команда высыпала им навстречу. Глэдия заметила, что все вооружены.

Д. Ж. поманил пальцем помощника:

— Озер, видите предмет, который несут два робота?

— Да, сэр.

— Так вот, пусть они отнесут его на корабль. Положите его в надежное место и заприте. — Бейли быстро оглянулся. — Когда это будет сделано, будем готовиться к отлету.

— Капитан, а роботов тоже оставим на корабле?

— Нет, они слишком примитивны, к тому же, если ты их заберешь в данных обстоятельствах, это может иметь нежелательные последствия. Прибор, который они несут, куда ценнее их.

Жискар смотрел, как предмет медленно и очень осторожно вносили на корабль.

— Капитан, я предполагаю, что это очень опасная штука.

— Мне тоже так кажется, — ответил Д. Ж. — Я думаю, что наш корабль был бы уничтожен вскоре после посадки.

— Этой штукой? — спросила Глэдия. — Что это такое?

— Точно не скажу, но думаю, что ядерный усилитель. Я видел экспериментальную модель в Бейлимире, а этот похож на нее, как старший брат.

— Что такое ядерный усилитель?

— Само название говорит, леди Глэдия, что это прибор, усиливающий ядерный распад.

— Как?

— Я не физик, миледи, — пожал плечами Диджи. — Тут участвуют пучки W-частиц, они являются передатчиками слабых взаимодействий внутри атомов. Вот все, что мне известно.

— И как он действует? — спросила Глэдия.

— Предположим, что силовая установка такова, какова она сейчас. Из емкости с топливом в нее попадает источник энергии — водород, имеющий небольшое количество очень горячих протонов, которые сливаются, выделяя энергию. Дополнительные порции водорода постоянно подогреваются для образования свободных протонов, которые, когда достаточно горячи, также сливаются, выделяя энергию. Если пучок W-частиц из ядерного усилителя сталкивается со сливающимися протонами, они начинают сливаться быстрее и выделять больше тепла. Это тепло порождает новые протоны и побуждает их сливаться быстрее, чем полагается естественным путем, и в этом процессе выделяется еще больше тепла, поддерживающего зловещий цикл. За крошечную долю секунды в реакцию вступает такое количество топлива, которого достаточно для образования небольшой термоядерной бомбы, а корабль и все в нем просто испаряется.

Глэдия встревожилась.

— Но почему не вспыхивает все? Почему не взрывается сама планета?

— Полагаю, такой опасности не существует, миледи. Протоны должны быть горячими и сливающимися. Холодные протоны настолько неспособны к слиянию, что, даже когда подобное устройство запускается на полную мощность, побуждая их к ядерной реакции, этого все равно оказывается недостаточно. Так по крайней мере говорилось на лекции, на которой мне довелось присутствовать. Насколько мне известно, усилитель действует только на водород, и даже в случае сверхгорячих протонов количество выделяющегося тепла не бесконечно. При удалении от пучка усилителя температура сильно снижается, поэтому усиление слияния протонов невелико. Разумеется, оно достаточно, чтобы уничтожить корабль, но взорвать, к примеру, богатый водородом океан невозмож-

но, даже если часть его сверхгоряча — и уж тем более, холодный.

— А если этот аппарат сам собой включится в отсеке?

— Я не думаю, что он может включиться. — Д. Ж. разжал кулак и показал двухсантиметровый блестящий металлический кубик. — Хотя я и мало знаю о таких вещах, но похоже, что это активатор. Без него ядерный усилитель не работает.

— Вы уверены?

— Не вполне, но придется рискнуть, потому что я должен привезти эту штуку в Бейлимир. Ну, пошли на корабль.

Глэдия и ее роботы поднялись по трапу на корабль. Д. Ж. шел следом, коротко переговариваясь с кем-то из офицеров. Затем он сказал Глэдии:

— Размещение этого прибора и подготовка к полету займут часа два, а каждая минута увеличивает опасность.

— Опасность?

— Вы думаете, красавица-робот и наш трофейный усилитель единственные на Солярии? Я полагаю, что рано или поздно здесь появится другой гуманоидный робот и другой прибор. Нам нужно выиграть время. А пока, мадам, пойдемтека в вашу каюту и займемся одним необходимым делом.

— Каким, капитан?

— Поскольку я чуть не пал жертвой предательства, — сказал Д. Ж., подталкивая ее вперед, — думаю, что следует провести военно-полевой суд.

28

Д. Ж. уселся и тяжело вздохнул:

— Мне бы сейчас горячий душ, хорошенько помыться, да закусить, да вздремнуть — но все это только после того, как мы взлетим. Вам тоже придется подождать, мадам. Но кое-что ждать не может, например, мои вопросы. Жискар, где вы были, когда нас чуть не прикончили?

— Капитан, — ответил Жискар, — я не думал, что на планете, где остались одни роботы, они могут представлять какую-то опасность. Кроме того, с вами остался Дэниел.

— Капитан, — сказал Дэниел, — мы решили, что Жискар произведет разведку, а я останусь с мадам Глэдией и с вами.

— Вы решили! А с кем вы посоветовались?

— Ни с кем, капитан, — ответил Жискар.

— Если вы были уверены, что роботы безопасны, то как вы объясните гибель двух кораблей?

— Мне казалось, капитан, что на планете должны были остаться люди... они стараются не попасться на глаза. Я хотел знать, где они и что делают. Я искал их, расспрашивал роботов.

— И не нашли?

— Нет, капитан.

— Вы осматривали дом, из которого появилась надзирательница?

— Нет, капитан, но я был уверен, что людей там нет. Я и сейчас уверен.

— Но там была надзирательница.

— Да, капитан, но она робот.

— Опасный робот.

— К сожалению, я не знал этого, капитан.

— Вы можете чувствовать сожаление?

— Я выбрал это выражение для описания эффекта в моих позитронных проводниках. Это грубая аналогия того, что, похоже, испытывают люди, капитан.

— Как же вы не сообразили, что робот может быть опасным?

— Три Закона роботехники...

— Прекратите, капитан, — вмешалась Глэдия. — Жискар знает только то, на что запрограммирован. Ни один робот не опасен для человека. Вот если люди ссорятся, а робот, как положено, пытается их остановить — другое дело. Тогда Дэниел и Жискар станут защищать нас, стараясь при этом нанести минимальный вред другим.

— Вот как? — Д. Ж. пощупал двумя пальцами свою переносицу. — Дэниел действительно защищал нас. На нас напал робот, а не человек, и ему не пришлось решать, кого и как защищать. Однако он не преуспел в этом, хотя Три Закона не запрещали ему нанести повреждения роботу. Жискара же вообще не было, он появился как раз в тот момент, когда все уже кончилось. А может, роботы некоторым образом симпатизируют друг другу? Может быть, роботы, защищая людей от роботов, испытывают то, что Жискар назвал сожалением? А может быть, наша неудача или их отсутствие...

— Нет! — взорвалась Глэдия.

— Нет? Между прочим, я не считаю себя знатоком робототехники, леди Глэдия. А вы?

— Я не роботехник, но всю жизнь прожила с роботами бок о бок. Ваши предположения смехотворны. Дэниел был готов отдать жизнь за меня, и Жискар сделал бы то же.

— И так сделал бы любой робот?

— Конечно.

— Однако эта Ландари готова была убить меня. Допустим, она каким-то образом определила, что Дэниел такой же робот, как и она, запрет на него не распространяется. Но я-то человек. Почему же она напала на меня? Насчет вас она колебалась, но в конце концов признала в вас человека. Как она отличила нас? Может, она все-таки не робот?

— Робот, — сказала Глэдия. — Но я, честно говоря, не знаю, почему она так действовала. Я никогда не слышала о таком. Я могу только предположить, что солярианe, научившись конструировать человекоподобных роботов, создали их без защиты Трех Законов, но я бы поклялась, что из всех космонитов солярианe менее всего способны на это. У солярианов огромное количество роботов, они полностью зависят от роботов — куда больше, чем другие космониты, — и поэтому больше боятся их. В солярианских роботов встроена покорность и даже туповатость. Три Закона на Солярии сильнее, чем где бы то ни было. Но объяснить по-другому, почему Ландари нарушила Первый Закон, я не могу.

— Мадам Глэдия, — сказал Дэниел, — извините, что вмешиваюсь, но не позволите ли мне попробовать объяснить поведение надзирательницы?

— Так и должно быть, — язвительно заметил Д. Ж. — Только робот может объяснить поведение робота.

— Сэр, — сказал Дэниел, — пока мы не поняли поведения надзирательницы, мы не можем принять необходимые меры против солярианской опасности в дальнейшем. Я уверен, что могу объяснить ее поведение.

— Валяйте, — сказал Д. Ж.

— Надзирательница, — начал Дэниел, — не сразу предприняла действия против нас. Она стояла и ждала, видимо, не зная, что делать. Когда вы, капитан, подошли к ней и заговорили, она заявила, что вы не человек, и тут же напала на вас. Когда я вмешался, она объявила, что и я не человек, и тоже сразу же напала. Когда же мадам Глэдия вышла вперед и закричала

на нее, надзирательница признала в ней человека и позволила командовать собой.

— Да, я помню, Дэниел. Но что это значит?

— Мне кажется, капитан, что можно кардинально изменить поведение робота, не трогая Трех Законов, если изменить определение «человека». В конце концов, человек — это существо, которое принято считать человеком.

— Вот как? А как вы определяете человека?

Дэниела не смущало присутствие или отсутствие сарказма в словах Д. Ж.

— В мою конструкцию вложено детальное описание внешности и поведения человека, капитан. Всякий, кто подходит под это описание, для меня человек. Таким образом, у вас внешность и поведение человека, а у надзирательницы только внешность, но не поведение. У надзирательницы же ключ к определению человека — речь, капитан. Солярианский акцент весьма своеобразен, и из всех существ, похожих на человека, надзирательница считает человеком лишь того, кто говорит по-соляриански. По-видимому, всякий, кто выглядит человеком, но не говорит по-соляриански, подлежит уничтожению без колебаний, равно как и корабль, привезший такое существо.

— Наверное, вы правы, — задумчиво сказал Д. Ж.

— У вас, капитан, акцент поселенца. Он сильно отличается от солярианского. Как только вы заговорили, надзирательница решила, что вы не человек. Она объявила об этом и напала на вас.

— А вы говорили с аврорианским акцентом, и все же она вас атаковала.

— Да, капитан. Но леди Глэдия говорила с подлинным солярианским акцентом и была признана человеком.

Д. Ж. помолчал, обдумывая услышанное, и сказал:

— Это опасное устройство даже для тех, кто должен был пользоваться им. Если солярианин почему-то обратится к такому роботу так, что робот не усмотрит подлинного акцента, этот солярианин немедленно будет убит. На месте солярианина я не подошел бы к такому роботу. При всем моем старании говорить на чистом солярианском, я мог бы сбиться и тут же был бы убит.

— Согласен, капитан. Я думаю, именно поэтому те, кто производит роботов, обычно не ограничивают определение человека, а, наоборот, расширяют насколько возможно. Но со-

ляриане оставили планету. Тот факт, что надзирательница над роботами имеет такую опасную программу, лучшее доказательство того, что соляриане действительно ушли и уже не встретятся с опасностью. Соляриане в данный момент имеют отношение лишь к тому, чтобы ни один несолярианин не ступил на планету.

— Даже другие космониты?

— Я полагаю, капитан, что было бы трудно определить человеческое существо, включив в его описание десятки различных космонитских акцентов и исключив множество поселенческих. Определение только по одному солярианскому и то достаточно сложно.

— Вы очень умны, Дэниел, — сказал Д. Ж. — Я не одобряю роботов, конечно, не их самих, а их влияние на общество, — однако быть рядом с роботом вроде вас, как когда-то Предок...

— Боюсь, что ничего не выйдет, Диджи, — вмешалась Глэдия. — Дэниел никогда не будет ни продан, ни подарен, а силой его взять нелегко.

Д. Ж. с улыбкой поднял руки.

— Я просто помечтал, леди Глэдия. Уверяю вас, законы Бейлимира делают для меня немыслимым обладание роботом.

— Не позволите ли мне добавить несколько слов? — неожиданно заговорил Жискар.

— А, робот, который ухитрился избежать участия в происходящем и вернулся, когда все было кончено!

— Мне жаль, что все выглядело так, как вы утверждаете. Может быть, вы разрешите мне добавить несколько слов?

— Ладно, давайте.

— Похоже, капитан, что ваше решение взять с собой в экспедицию леди Глэдию оказалось благоразумным. Не будь ее, вас всех перебили бы, а корабль уничтожили. Только способность леди Глэдии говорить по-солярианski и ее мужество при встрече с надзирательницей изменили исход события.

— Это не совсем так, — возразил Д. Ж. — Мы все были бы убиты, возможно, даже леди Глэдия, если бы надзирательница случайно не дезактивировалась.

— Это не случайность, капитан, — сказал Жискар, — и так не бывает, чтобы робот сам собой вдруг дезактивировался. Была причина. Как мне рассказывал друг Дэниел, леди Глэдия

приказала надзирательнице прекратить действия, но у той были очень строгие инструкции. Однако действия леди Глэдии смутили надзирательницу. Тот факт, что леди Глэдия, даже по определению надзирательницы, бесспорно была человеком и действовала так, что могла вынудить надзирательницу повредить ей, а то и убить ее, еще больше дезактивировало робота. Таким образом, в критический момент два противоположных требования — уничтожить нелюдей и удержаться от нанесения вреда человеку — уравновесились, и робот застыл, не способный ни к каким действиям вообще. Его контуры сгорели.

Глэдия рассеянно нахмурилась.

— Но... — начала она.

— Я подумал, — продолжал Жискар, — что вы вполне могли бы информировать команду об этом. Их недоверие к леди Глэдии ослабеет, если вы подчеркнете, что члены экипажа остались живы лишь благодаря ее инициативе и храбрости. Это заставит их думать, что вы были весьма прозорливы, взяв ее с собой, возможно, даже вопреки советам ваших офицеров.

Д. Ж. громко захохотал:

— Леди Глэдия, теперь я понимаю, почему вы никогда не расстаетесь с этими роботами. Они не только умны, как люди, но еще и дьявольски хитры. Поздравляю вас. Теперь, если не возражаете, я пойду потороплю команду. Я не хочу оставаться на Солярии дольше, чем это необходимо, и обещаю не беспокоить вас несколько часов. Я знаю, что вы нуждаетесь в отдыхе не меньше меня.

Когда он ушел, Глэдия некоторое время размышляла, затем повернулась к Жискару и сказала на обычном аврорианском диалекте галактического стандартного, который был распространен на Авроре и который чужаки понимали с трудом:

— Жискар, что за вздор ты нес насчет сгоревших контуров?

— Миледи, я высказал предположение, и только. Я считаю, что это подчеркнет вашу роль в том, что надзирательницы не стало.

— Но как ты мог подумать, что он поверит, будто робот так легко может выйти из строя?

— Он мало что знает о роботах, мадам. Он может торговать ими, но в его мире они не используются.

— Но я-то знаю о них очень много, как и ты. Кстати, у надзирательницы не было никаких признаков нарушения работы схемы: ни заикания, ни дрожи, ни неадекватного поведения. Она просто остановилась.

— Мадам, поскольку мы не знаем специфики конструкции надзирательницы, мы можем удовольствоваться этим рациональным объяснением.

Глэдия покачала головой:

— Все равно это очень странно.

Часть III

БЕЙЛИМИР

Глава 8

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ МИР

29

Корабль Д. Ж. снова был в космосе, в вечном, неизменном, бесконечном вакууме.

Он взлетел не слишком скоро, по мнению Глэдии, которая плохо переносила напряженность ожидания возможного появления другой надзирательницы с другим усилителем. Тот факт, что смерть в этом случае была бы быстрой, как-то ее не удовлетворял. Только после взлета, когда раздалось мягкое шипение протонных струй, она успокоилась и решила лечь спать. Засыпая, она думала: как странно, что в космосе она чувствует себя в большей безопасности, чем в мире своей юности, который во второй раз оставляет с большим облегчением, чем в первый.

Нет, Солярия уже не была миром ее юности, она стала планетой без человечества, которую охраняли жалкие пародии на людей, гуманоидные роботы — насмешка над ласковым Дэниелом и рассудительным Жискаром.

Наконец она уснула, и Дэниел и Жискар, стоявшие на страже, снова могли поговорить друг с другом.

— Друг Жискар, я почти уверен, что это ты уничтожил надзирательницу.

— Выбора не было, друг Дэниел. Это была чистая случайность, что я появился вовремя, потому что все мои чувства были заняты поисками людей, но я никого не находил. Я бы не понял важности происходящего, если бы не ярость и отчаяние леди Глэдии. Я почувствовал это на расстоянии и прибежал как раз кстати. В этом смысле леди Глэдия действительно спасла положение, во всяком случае, что касалось существования капитана и твоего. Я мог бы еще спасти корабль, даже

если бы не успел уберечь вас. — Он помолчал. — Но я нашел бы это крайне неудовлетворительным, друг Дэниел.

— Я благодарю тебя, друг Жискар, — серьезно и торжественно произнес Дэниел. — Я рад, что тебя не смутила человеческая наружность надзирательницы. Это замедлило мои реакции, так же, как моя внешность смутила ее.

— Друг Дэниел, ее физический облик для меня ничего не значил, потому что я рассмотрел рисунок ее мыслей. Он был так ограничен и так резко отличался от человеческого, что мне не пришлось делать никакого усилия, чтобы узнать в ней робота. Определение ее как нечеловека было таким ясным, что я сразу отреагировал. В сущности, я не сознавал своих действий, пока не произвел их.

— Я так и думал, друг Жискар, но хотел подтверждения, что не ошибся. Значит, ты не чувствовал дискомфорта, когда убивал ту, которая по виду была человеком?

— Нет, поскольку это был робот.

— Мне кажется, что я тоже мог бы убить ее, но страдал бы потом от закупорки позитронных цепей, хотя и понимал бы, что она робот.

— Гуманоидную внешность, друг Дэниел, нельзя не принять во внимание, если приходится судить только по ней. Зрение гораздо более проворно, чем дедукция, а я видел ее внутреннюю структуру и сосредоточился на этом, поэтому мог игнорировать ее физический облик.

— А как, по-твоему, чувствовала бы себя надзирательница, уничтожив нас, если исходить из структуры ее мыслей?

— Она получила исключительно сильные инструкции, и у нее не было сомнения, что ты и капитан — не люди, по ее определению.

— Но ведь она могла убить и мадам Глэдию.

— В этом мы не можем быть уверены, друг Дэниел.

— А если бы она это сделала, могла бы она пережить это, как ты думаешь?

Жискар долго молчал.

— У меня не было времени изучить рисунок мыслей, — наконец сказал он. — Не могу сказать, каковы были бы ее реакции, если бы она убила мадам Глэдию.

— Я представляю себя на месте надзирательницы, и мне кажется, что я мог бы убить человека ради спасения другого, которого по каким-либо причинам необходимо спасти, — но

сделать это было бы трудно, и это нанесло бы мне ущерб. — Голос Дэниела дрогнул. — Но убить человека, чтобы уничтожить тех, кого я считаю нелюдьми, совершенно немыслимо.

— Она просто угрожала. Она не шла дальше угроз.

— А могла бы?

— Откуда нам знать! Мы же не знаем, какие инструкции она получила.

— Но разве могут инструкции совершенно отрицать Первый Закон?

— Я вижу, что целью нашего разговора был именно этот вопрос. Я советую тебе не идти дальше, — сказал Жискар.

Дэниел упрямо продолжал:

— Я поставлю его условно. Это не факт, это можно считать фантазией. Если бы инструкции были строго ограничены определениями и условиями, если бы инструкции были даны достаточно подробно и достаточно убедительно, возможно ли убить человека ради цели менее важной, чем спасение другого человека?

— Не знаю, — ответил Жискар шепотом, — но подозреваю, что это возможно.

— Но если твое подозрение справедливо, это означает, что при особых условиях можно нейтрализовать Первый Закон. Значит, и другие Законы могут быть изменены и даже отменены. Следовательно, Законы, в том числе Первый, не абсолютны, а являются такими, какими должны быть по мнению создателей роботов.

— Хватит, друг Дэниел, не продолжай.

— Еще один шаг, друг Жискар. Партнер Элайдж обязательно сделал бы этот добавочный шаг.

— Он был человеком. Он мог.

— Я должен попытаться. Если Законы роботехники, даже Первый, не абсолютны и если люди могут модифицировать их, не окажется ли возможным, что и мы в подходящих условиях можем лю...

Он замолчал.

— Не надо, — слабо сказал Жискар.

— Не буду, — сказал Дэниел изменившимся голосом.

Они надолго замолчали. Их позитронные пути с трудом преодолевали наступивший беспорядок. Наконец Дэниел сказал:

— Возникают другие соображения. Надзирательница была

опасна не только из-за полученных ею инструкций, но и из-за своей внешности, которая могла сбить с толку и обмануть любого человека, как я невольно обманул матроса первого класса Нисса. Он явно не знал тогда, что я робот.

— И что из этого следует?

— На Авроре в Институте роботехники было сконструировано множество человекоподобных роботов под руководством доктора Амадейро и по чертежам доктора Фастольфа.

— Это общеизвестно.

— Что произошло с этими роботами?

— Проект провалился.

— Это общеизвестно, — в свою очередь сказал Дэниел, — но это не ответ. Что случилось с гуманоидными роботами?

— Можно предположить, что их уничтожили.

— Такое предположение не обязательно правильно. Были ли они на самом деле уничтожены?

— Это было бы самое разумное. Что еще делать при провале?

— Почему мы полагаем, что роботы не удались? Ведь, кроме того, что они исчезли, мы ничего не знаем.

— Разве недостаточно того, что их убрали с глаз и уничтожили?

— Я не сказал «уничтожили», друг Жискар. Этого мы как раз и не знаем. Мы знаем только, что они исчезли.

— Зачем же их просто убирать, если они не годны?

— А если они годны, то нет ли причины убирать их с глаз долой?

— Думаю, что нет.

— Подумай еще, друг Жискар. Вспомни, что мы говорили о человекоподобных роботах, которые, как мы теперь думаем, могут быть опасны именно потому, что человекоподобны. Во время нашей предыдущей беседы нам казалось, что на Авроре готовится план разгрома поселенцев. Мы решили, что цель этого плана — уничтожение Земли. Я прав?

— Да, друг Дэниел.

— Тогда не может ли быть, что в центре этого плана — доктор Амадейро? Его неприязнь к Земле не уменьшилась за эти два столетия. Если доктор Амадейро сконструировал множество гуманоидных роботов — куда их могли послать, когда они исчезли из виду? Не забудь, что если солярианские роботехники исказили Три Закона, то аврориане могли сделать то же самое.

— Ты хочешь сказать, что человекоподобные роботы были посланы на Землю?

— Именно. Чтобы обмануть землян их человеческой внешностью и дать возможность доктору Амадейро нанести удар по Земле.

— У тебя нет доказательств.

— Однако это возможно. Подумай сам.

— Если это так, мы должны лететь на Землю и каким-нибудь образом предупредить несчастье.

— Именно так.

— Но мы не можем лететь, если не полетит леди Глэдия, а это вряд ли случится.

— Если ты сможешь повлиять на капитана, чтобы он повел этот корабль к Земле, у мадам Глэдии не будет выбора.

— Я не могу это сделать, не повредив ему, — сказал Жискар. — Он твердо решил ехать домой, в Бейлимир. Мы должны устроить, если удастся, его путешествие на Землю после того, как он выполнит свою задачу в Бейлимире.

— Но тогда может быть уже поздно.

— Ничем не могу помочь. Я не могу повредить человеку.

— Если будет поздно... Друг Жискар, подумай, что это может значить.

— Я не могу думать, что это может значить. Я знаю только, что не могу навредить человеку.

— Значит, Первого Закона недостаточно, и мы должны...

Дэниел не мог продолжать, и оба робота беспомощно умолкли.

30

По мере приближения корабля к Бейлимиру планета становилась все заметнее. Глэдия напряженно разглядывала ее на экране в своей каюте.

Когда Глэдия узнала, куда предстоит лететь, она запротестовала, но Д. Ж. только пожал плечами и чуть заметно улыбнулся.

— Что вы хотите, миледи? Я же должен притащить оружие вашего народа своему народу. — Он слегка подчеркнул слово «вашего». — А кроме того, я должен отчитаться.

— Совет Авроры дал вам разрешение взять меня на Соля-

рию при условии, что вы привезете меня обратно, — холодно сказала Глэдия.

— На самом деле это не совсем так, миледи. Состоялись неофициальные переговоры, но ничего не было записано, и официального согласия не было.

— Я, как и любой цивилизованный человек, стала бы соблюдать и неофициальную договоренность, Диджи.

— Не сомневаюсь, но для нас, торговцев, существуют только деньги и подписи на законных документах. Ни при каких обстоятельствах я не нарушил бы контракт и никогда не отказался бы сделать то, за что мне заплатили.

Глэдия вздернула подбородок:

— Вы намекаете, что я должна заплатить вам за возвращение домой?

— Мадам!

— Бросьте, Диджи, не прикидывайтесь. Скажите прямо, что меня будут держать пленницей на вашей планете, и объясните почему. Растолкуйте мне мое положение.

— Вы не моя пленница и не будете ею. Я отнесусь с уважением к этой негласной договоренности. Я отвезу вас домой... со временем. Но сейчас я должен ехать в Бейлимир, и вы должны ехать со мной.

— А почему я должна ехать с вами?

— Люди моего мира хотят увидеть вас. Вы — героиня Солярии, вы спасли нас. Вы не можете лишить их возможности орать до хрипоты при виде вас. Тем более что вы были добрым другом Предка.

— Что они знают об этом? — резко спросила Глэдия.

Д. Ж. ухмыльнулся.

— Ничего, что порочило бы вас, уверяю. Вы — легенда, а легенды больше жизни, хотя я допускаю, что легендарной Глэдии легко было перерасти вас, миледи, и стать много благороднее. В обычных условиях я не хотел бы видеть вас на нашей планете, потому что вы могли бы не оказаться достойной легенды: у вас не хватает роста, красоты и величественности. Но когда история на Солярии станет известной всем, вы сразу обретете необходимые качества. Вас могут даже не пожелать отпустить. Не забудьте, что вы будете в Бейлимире, на планете, где к истории Предка относятся серьезнее, чем на любой другой, а вы — часть этой истории.

— Это не причина, чтобы держать меня в тюрьме.

— Я обещаю, что этого не будет. Я обещаю отвезти вас домой, когда смогу.

Глэдия успокоилась, хотя чувствовала, что вправе возмущаться. Ей и в самом деле хотелось увидеть этот Поселенческий мир, необычный мир Элайджа Бейли. Этот мир основал его сын, а Элайдж провел там последние годы жизни, и что-то там осталось от него — название планеты, его потомки, легенда о нем...

Она смотрела на планету и думала об Элайдже.

31

Понаблюдав немного, Глэдия с досадой оставила это занятие: сквозь слой облаков, покрывавших планету, почти ничего не было видно. Через несколько часов они, вероятно, приземлятся.

Вспыхнул световой сигнал. Глэдия нажала кнопку «Подождите». Выждав несколько секунд, она нажала кнопку «Войдите».

Вошел улыбающийся Диджи.

— Я не вовремя, миледи?

— Нет, — ответила Глэдия, — просто надо было надеть перчатки и вставить носовые фильтры. Я думала, что буду носить их все время, но это утомляет, к тому же я почему-то стала меньше бояться инфекции.

— Фамильярность рождает презрение, миледи.

— Давайте не будем называть это презрением, — сказала Глэдия и неожиданно для себя улыбнулась.

— Спасибо, — сказал Д. Ж. — Мы скоро приземлимся, мадам, и я принес вам комбинезон. Он тщательно простерилизован и находится в пластиковом пакете, так что его не касались руки поселенцев. Надевается он просто и закрывает человека целиком, кроме глаз и носа.

— Специально для меня, Диджи?

— Нет, миледи. Мы все носим такие комбинезоны на улице в это время года. Сейчас у нас зима, холодно. Мы живем на довольно холодной планете — тяжелый облачный слой, много осадков, часто идет снег.

— Даже в тропиках?

— Нет. Там жарко и сухо. Однако основная часть населе-

ния живет в более холодных регионах. И мы тоже. В морях развели формы жизни с Земли, и рыба и другая живность плодятся в изобилии. Следовательно, у нас нет недостатка в пище, хотя количество сельскохозяйственной площади ограниченно, и мы никогда не станем хлебной корзиной Галактики. Лето короткое, но жаркое, на пляжах много народу, хотя вам это может показаться непривычным, поскольку нагота у вас — строгое табу.

— Странный климат.

— Дело в распределении воды и суши, в планетной орбите, которая чуть более эксцентрична, чем другие, и еще кое в чем. Откровенно говоря, меня это не волнует. — Д. Ж. пожал плечами. — Мои интересы лежат в другой области.

— Вы торговец. Вероятно, вы не часто бываете на своей планете.

— Это верно, но я стал торговцем не потому, что хотел отсюда сбежать. Мне здесь нравится, но я, наверное, любил бы этот мир меньше, если бы проводил здесь больше времени. На мой взгляд, суровые условия Бейлимира служат важной цели. Они поощряют торговлю. Жители Бейлимира бороздят океаны, добывая пищу, и есть некоторое сходство между плаванием по морям и в космосе. Я бы сказал, добрая треть всех торговцев, работающих на космических линиях, — народ Бейли.

— Вы, кажется, в полуманиакальном состоянии, Диджи.

— Я? Я думаю, что как раз сейчас я в хорошем расположении духа. У меня есть на то причины. И у вас тоже.

— Да?

— Разве это не очевидно? Мы ушли с Солярии живыми. Мы точно знаем, в чем состоит солярианская опасность. Мы добыли необычайное оружие, которое заинтересует наших военных. Вы будете героиней Бейлимира. Наше правительство уже знает, что произошло, и жаждет приветствовать вас. Вы героиня этого корабля. Почти каждый на борту хотел принести вам этот комбинезон. Все стремятся быть рядом с вами и, так сказать, купаться в вашей ауре.

— Полная перемена, — сухо заметила Глэдия.

— Абсолютно. Нисс, которого Дэниел наказал...

— Я помню.

— Он хочет просить у вас прощения и привести своих четверых товарищей, чтобы они могли тоже извиниться и в ва-

шем присутствии дать пинка тому, кто делал неприличные намеки. Нисс неплохой парень.

— Я уверена в этом. Передайте ему, что он прощен, а инцидент забыт. Если вы все уладите, то я... я пожму руку ему, а может, и некоторым другим, прежде чем мы высадимся. Но только велите им не толпиться вокруг меня.

— Я понимаю, но не могу гарантировать, что вокруг вас не будет столпотворения в Бейлитауне — столице Бейлимира. Нельзя удержать правительственных чиновников, стремящихся получить политическую выгоду от встречи с вами.

— «Иосафат!» — как говорил ваш Предок когда-то.

— Не говорите так, когда высадимся, мадам. Это выражение принадлежит ему. Считается дурным тоном, если так выразится кто-то другой. Так вот, будут речи, приветствия и всякие несущественные формальности. Извините, мадам.

— Я могла бы обойтись без этого, но полагаю, избежать этого нельзя?

— Нельзя, миледи.

— Долго это будет продолжаться?

— Пока они не устанут. Наверное, несколько дней, но могут быть варианты.

— Долго мы пробудем на планете?

— Пока я не устану. Простите, мадам, но мне много чего придется сделать: посетить кой-какие места, повидаться с друзьями...

— Любить женщин.

— Увы, и я подвержен человеческим слабостям. — Д.Ж. широко улыбнулся.

— Любой, кроме сентиментальности.

— Это мой недостаток. Я не могу позволить себе быть сентиментальным.

Глэдия улыбнулась.

— Но ведь вы не всегда руководствовались здравым смыслом.

— Я никогда не утверждал этого. Но, даже несмотря на это, я просто должен учитывать тот скучный факт, что мои офицеры и команда хотят повидаться со своими семьями, друзьями, отоспаться и повеселиться. А если хотите учесть чувства неодушевленных предметов, то кораблю нужно, чтобы его отремонтировали, почистили, обновили, заправили и все такое прочее.

— И много времени потребуется на это?

— Кто знает? Может, несколько месяцев.

— А что я буду делать в это время?

— Можете осматривать нашу планету, расширять свой кругозор.

— Но ваша планета — не игровая площадка Галактики.

— Совершенно справедливо, но мы постараемся, чтобы вам было интересно. — Д. Ж. взглянул на часы. — Еще одно предупреждение, мадам. Не упоминайте о своем возрасте.

— Зачем бы я стала это делать?

— Это может получиться случайно. Вас могут попросить сказать несколько слов, и вы, к примеру, скажете: «За свои двести лет ни одна встреча не доставляла мне столько радости, как встреча с народом Бейлимира». Если вам придет в голову сказать что-нибудь подобное, воздержитесь.

— Воздержусь. В любом случае я не намерена преувеличивать. Но просто из любопытства — почему?

— Просто потому, что им лучше не знать вашего возраста.

— Но ведь они знают его! Они знают, что я была другом вашего Предка, и знают, когда он жил. Может, они предполагают, что я потомок той Глэдии?

— Нет, они знают, кто вы и сколько вам лет, но знают это только умозрительно. — Он постучал себя по лбу. — А кое у кого головы работают, как вы сами замечали.

— Да, замечала. Даже на Авроре.

— Это хорошо. Я бы не хотел, чтобы поселенцы отличались в этом смысле. Ну вот, вы выглядите на... — Д. Ж. оценивающе взглянул на Глэдию. — Лет на сорок, сорок пять, и именно такой они воспримут вас своими потрохами, в которых у среднего поселенца находится мыслительный механизм, если вы не будете твердить о своем настоящем возрасте.

— А какая разница?

— Видите ли, среднему поселенцу действительно не нужны роботы. Он их не любит и не желает иметь. В этом он отличается от космонита, и это его удовлетворяет. Другое дело долголетие. Четыреста лет значительно больше ста.

— Немногие из нас доживают до четырех столетий.

— И немногие из нас доживают до ста. Мы толкуем о преимуществе короткой жизни: качество важнее количества, быстрая эволюция, все время меняющийся мир. Но людям не хочется жить один век, когда они могли бы жить четыре. Так

пусть лучше не думают об этом. Они не часто видят космонитов, у них нет случая погоревать, что космонит выглядит молодым и сильным, будучи вдвое старше самого старого из живых поселенцев. Они увидят это в вас и, если станут думать об этом, будут расстраиваться.

Глэдия с горечью сказала:

— Вам бы хотелось, чтобы я произнесла речь и сказала, что означают четыре столетия? Чтобы я сказала, на сколько столетий человек переживает весну надежд, и ничего не говорила о друзьях и близких? Чтобы я сказала, как мало значения имеют дети и семьи, о бесконечной смене мужей и незапоминающихся встречах в промежутках между мужьями и при них, о том, что наступает время, когда уже видел все, что хотел увидеть, и слышал все, что хотел услышать, когда уже невозможно думать о чем-то новом, когда забываешь, что такое волнения и новые открытия, и с каждым годом все больше убеждаешься, какой невыносимой может быть скука?

— Люди Бейлимира не поверят этому. И я вряд ли поверю. Так чувствуют все космониты или только вы?

— С уверенностью могу сказать лишь о моих личных ощущениях. Но я наблюдала, как другие с возрастом тускнеют. Они становятся более угрюмыми, безразличными и ни к чему не стремятся.

— Должно быть, среди космонитов много самоубийц? Я никогда об этом не слышал.

— Их практически нет.

— Но это не вяжется с тем, что вы говорили.

— Подумайте, мы окружены роботами, задача которых — охранять нас от чего бы то ни было. Мы не можем убить себя, когда рядом всегда бдительные и активные роботы. Я сомневаюсь, что кто-то из нас мог бы даже помыслить о такой попытке. Сама я не думаю об этом хотя бы потому, что не могу перенести мысли о том, что тогда будет с моими домашними роботами, в особенности с Дэниелом и Жискаром.

— Но вы же знаете, что они, в сущности, неживые, у них нет чувств.

Глэдия покачала головой:

— Вы так говорите, потому что никогда не жили с ними. Во всяком случае, вы переоцениваете стремление вашего народа к долголетию. Вы знаете, сколько мне лет, видите, как я выгляжу, однако это не беспокоит вас.

— Потому что я убежден, что Внешние миры выродятся и погибнут, а Поселенческие миры — надежда будущего человечества, и это гарантировано именно краткостью нашего существования. Выслушав то, что вы сказали, и принимая ваши слова за правду, я укрепляюсь в этом убеждении.

— Напрасно вы так уверены. У вас тоже могут возникнуть неразрешимые проблемы, если уже не возникли.

— Это, без сомнений, возможно, миледи, но сейчас я должен покинуть вас. Корабль готовится к посадке, и мне придется с умным видом смотреть на управляющий компьютер, иначе никто не поверит, что я капитан.

Он вышел. Глэдия некоторое время сидела, рассеянно пощипывая пакет, в котором лежал комбинезон.

На Авроре ее жизнь была размеренной и неторопливой: от завтрака до ужина, день за днем, год за годом. Глэдия почти равнодушно думала о единственном оставшемся ей приключении — смерти.

И вот она побывала на Солярии, и ее растревожили воспоминания о прошедшем детстве и канувшем в небытие мире. Спокойствие ее исчезло — возможно, навсегда, — Глэдия оказалась беззащитной перед ужасом продолжавшейся жизни. Что заменит ей пропавшее спокойствие?

Она поймала тускло горящий взгляд Жискара, устремленный на нее, и сказала:

— Помоги мне разобраться в этом, Жискар.

32

Было холодно. Небо затянули серые тучи, в воздухе мелькали снежинки. Кружилась поземка; далеко за посадочной площадкой Глэдия видела сугробы.

Вокруг корабля поставили барьер, чтобы толпа, собравшаяся со всех сторон, не подходила слишком близко. Люди были одеты в комбинезоны разных фасонов и цветов, казавшиеся надутыми, отчего человечество превратилось в кучу бесформенных предметов с глазами. Лица некоторых были прикрыты прозрачными щитками.

Глэдия прижала руку в варежке к лицу. Ей было тепло, мерз только нос. Комбинезон не только укрывал от холода, но и сам выделял тепло.

Она оглянулась. Дэниел и Жискар стояли рядом, оба в комбинезонах.

Поначалу она протестовала:

— Им не нужны комбинезоны. Они не чувствуют холода.

— Не сомневаюсь, — сказал Д. Ж. — Но вы говорили, что никуда без них не пойдете, и мы не можем допустить, чтобы Дэниел торчал на морозе как есть. Это будет выглядеть противоестественно. Мы не хотим вызвать враждебность, так явно давая понять, что с вами роботы.

— Но они же знают, что со мной роботы, а лицо выдаст Жискара даже в комбинезоне.

— Знать-то они знают, но могут не подумать об этом, если их не заставить... Так что давайте не будем заставлять.

Д. Ж. подвел ее к наземному кару с прозрачными стенками и крышей.

— Народ хочет видеть вас, — сказал он и улыбнулся.

Глэдия села. Д. Ж. сел рядом.

— Я герой за компанию, — сказал он.

— Это для вас важно?

— О да. Это означает премию для моего экипажа и возможное повышение по службе для меня. Я не хочу пренебрегать такой возможностью.

Дэниел и Жискар сели напротив людей.

Перед ними стоял еще кар, но не прозрачный, и не меньше десятка каров позади.

Толпа разразилась приветственными воплями и дружно замахала руками.

В ответ Д. Ж. тоже поднял руку и с улыбкой подтолкнул плечом Глэдию. Она небрежно помахала. В машине было тепло, нос Глэдии стал отогреваться.

— Как неприятно блестят стекла, — сказала она. — Можно это устранить?

— Можно, — ответил Д. Ж., — но не нужно. Это самое ненавязчивое силовое поле, которое мы можем установить. Восторженная публика, конечно, обыскана, но кто-нибудь мог ухитриться скрыть оружие, а мы не хотим, чтобы вам нанесли вред.

— Вы хотите сказать, что кто-нибудь захочет убить меня?

Дэниел спокойно разглядывал толпу с одной стороны кара, а Жискар — с другой.

— Весьма маловероятно, миледи, — ответил Д. Ж. — Но вы

космонитка, а поселенцы не любят космонитов. Кто-нибудь может ненавидеть их так сильно, что увидит в вас только космонитку. Но опасаться нечего. Даже если кто-то и попытается, хотя это и невероятно, то ничего у него не выйдет.

Вереница каров очень мягко двинулась с места.

Глэдия даже привстала от удивления: в передней части кара не было кабины.

— Кто ведет? — спросила она.

— Кары полностью компьютеризованы, — ответил Д. Ж. — Разве у космонитов не так?

— У нас кары водят роботы.

— А у нас роботов нет.

— Но компьютер, по существу, тот же робот.

— Компьютер не похож на человека, и его не видно. Каково бы ни было технологическое сходство, психологически это совсем иное.

Глэдия огляделась по сторонам: все вокруг казалось совершенно безжизненным. Было что-то заброшенное в редких, лишенных листьев кустиках и одиноких деревцах; природа словно умерла.

Заметив, как Глэдия тоскливо озирается по сторонам, Д. Ж. сказал:

— Сейчас все выглядит не слишком привлекательно, миледи, но вообще-то здесь неплохо. Есть сады, луга, поля...

— И леса?

— Настоящие, дикие леса. Мы — развивающаяся планета. Все еще надо делать. Мы живем здесь всего полтораста лет. Первым делом надо было засеять привозными семенами участки первых поселенцев. Затем мы пустили в океан рыбу и всяких беспозвоночных, чтобы по возможности создать самостоятельную экологию. Это не так сложно, если химический состав океанской воды подходящий. Если нет, то без предварительных масштабных изменений планету заселять бесполезно, а этого еще ни разу не пытались сделать, хотя существует множество планов процедур. И, наконец, мы пытаемся сделать страну цветущей, а это работа трудная и медленная.

— И все Поселенческие миры в таком состоянии?

— Да. Ни один еще окончательно не обустроен. Бейлимир — самый старый из всех, но и его еще не довели до ума. Еще пара столетий — и Поселенческие миры будут богатыми и полными жизни как на суше, так и на море, и за это время

появятся новые миры, которые пройдут через разные предварительные стадии. Я уверен, что Внешние миры прошли тот же путь.

— Много столетий назад и, я думаю, без таких огромных усилий. Нам помогали роботы.

— Мы обойдемся без них, — отрезал Д. Ж.

— А как насчет местной жизни — растений, животных, которые были здесь до появления людей?

Д. Ж. пожал плечами:

— А, ерунда. Мелкие, слабые. Ученые, конечно, заинтересовались ими, поэтому местная жизнь и сейчас существует в аквариумах, ботанических садах, зоопарках. Кроме того, есть обширные пространства как воды, так и суши, которые еще не обработаны, и там местная жизнь находится в первозданном виде.

— Но и они со временем будут изменены?

— Надеемся.

— А вам не кажется, что планета принадлежит этим незначительным, мелким, слабым существам?

— Нет. Мы не сентиментальны. Планеты и вся Вселенная принадлежат разуму. Космониты согласны с этим. Где местная жизнь на Солярии? На Авроре?

Кары подъехали к ровному мощеному пространству, где виднелось несколько куполообразных зданий.

— Это главная площадь, — тихо сказал Д. Ж., — официальный центр планеты. Здесь размещены правительственные здания. Здесь собирается Планетарный конгресс, здесь правительственный дворец и так далее.

— Простите, Диджи, но это не очень впечатляет. Здания какие-то маленькие и невзрачные.

— Вы видите только верхушки, миледи. — Д. Ж. улыбнулся. — Сами здания под землей и сообщаются друг с другом. Это, по существу, единый комплекс, который все время растет. Это город. Вместе с окружающей территорией он составляет Бейлитаун.

— Вы собираетесь со временем все запихать под землю? Целый город? Целый мир?

— Да, большинство из нас представляет себе Бейлимир подземным.

— Я слышала, что на Земле есть подземные города.

— Да. Так называемые Стальные пещеры.

— И вы хотите сделать такие же здесь?

— Не совсем такие. Мы добавляем свои идеи и... Мы приехали. Миледи, нам вот-вот прикажут остановиться. На вашем месте я застегнул бы комбинезон: зимой на главной площади жуткий ветер.

Глэдия так и сделала, с трудом соединив концы непослушной застежки.

— Так вы говорите, не совсем такие?

— Да. Мы конструируем наше подземелье, учитывая особенности климата. Поскольку здесь климат в целом более суровый, чем на Земле, требуются некоторые изменения в архитектуре. Правильно построенное здание должно сохранять тепло зимой и прохладу летом. В какой-то мере мы действительно сохраняем их, запасая тепло с предыдущего лета, а прохладу с предыдущей зимы.

— А как с вентиляцией?

— Пользуемся ею экономно. Но когда-нибудь, миледи, мы догоним Землю. Это, так сказать, высшее стремление — сделать Бейлимир похожим на Землю.

— Никогда не думала, что Земля настолько хороша, чтобы желать ее повторить, — пошутила Глэдия.

Д. Ж. быстро взглянул на нее:

— Не шутите так, миледи, с поселенцами, даже со мной. На эту тему нельзя шутить.

— Простите, Диджи, я не хотела вас обидеть.

— Вы не знали. Но теперь знаете. Давайте выйдем. — Двери кара бесшумно открылись. Д. Ж. вышел и протянул руку Глэдии. — Знаете, вы должны выступить перед Планетарным конгрессом. Так поступает всякое официальное лицо, прибывающее на планету.

В лицо Глэдии ударил холодный ветер. Она отдернула протянутую Д. Ж. руку.

— Выступить? Мне об этом не говорили.

Д. Ж. выглядел удивленным.

— Я думаю, вам следует сказать что-то вроде приветствия.

— Нет, я не буду. И я не могу держать речь. Я никогда не делала ничего подобного.

— Придется. Ничего страшного. Всего-то несколько слов после долгих и утомительных приветственных речей.

— Но что я скажу?

— Ничего замысловатого, поверьте, не надо. Мир, любовь

и прочий вздор. Потратьте на них полминуты. Я набросаю кое-что для вас, если хотите.

Глэдия вышла из кара. Голова ее шла кругом.

Глава 9

РЕЧЬ

33

Войдя в здание, гости сняли комбинезоны и отдали служителям. Дэниел и Жискар тоже сняли комбинезоны, и служитель, бросив быстрый взгляд на Жискара, подошел к нему с опаской.

Глэдия нервно поправила носовые фильтры. Ей никогда не приходилось бывать среди стольких маложивущих, отчасти потому, что — как говорили — они носят в себе хронические инфекции и массу паразитов.

— Мне отдадут именно этот комбинезон? — прошептала она.

— Вы не наденете его второй раз, — ответил Д. Ж. — Все они будут простерилизованы.

Глэдия осторожно огляделась. Ей почему-то казалось, что даже визуальный контакт может быть опасным.

— Кто эти люди? — Она показала на нескольких человек в яркой одежде и, несомненно, вооруженных.

— Охрана, мадам.

— Даже здесь, в правительственном здании?

— Совершенно верно. А когда мы поднимемся на сцену, силовое поле отделит нас от аудитории.

— Значит, вы не доверяете собственным законодателям?

Д. Ж. чуть заметно улыбнулся.

— Не вполне. Наш мир еще «сырой», и мы идем собственным путем. Мы еще не пообтесали острые углы, и у нас нет роботов, приглядывающих за нами. К тому же у нас есть партии воинствующего меньшинства, наши ястребы.

— Что такое ястребы?

Большинство прибывших уже сняли комбинезоны и стали выпивать. В воздухе стоял гул голосов. Многие рассматривали Глэдию, но никто не пытался с ней заговорить.

Глэдии стало ясно, что вокруг нее был круг изоляции. Д. Ж. заметил, что она оглядывается по сторонам, и понял это правильно.

— Им сказали, что вы не выносите толкотни. Я думаю, они понимают, что вы боитесь инфекции.

— Надеюсь, они не обижаются?

— Может быть, но рядом с вами робот, а большинство бейлимирцев опасаются этого вида инфекции, в особенности ястребы.

— Вы мне так и не сказали, кто они?

— Скажу, если будет время. Мы с вами скоро пойдем на сцену. Большинство поселенцев думают, что со временем Галактика будет принадлежать им, что космониты не могут и не смогут состязаться с ними в деле освоения Галактики. Но мы понимаем, что на это потребуется время. Мы не увидим этого, наши дети, вероятно, тоже. Это может занять и тысячу лет. Ястребы не хотят ждать. Они хотят сделать это сейчас.

— Они хотят войны?

— Они, конечно, так не говорят. И они не называют себя ястребами. Это мы, люди здравомыслящие, называем их так. Они называют себя супрематистами Земли. Трудно согласиться с людьми, уверяющими, что только они желают господства Земли. Мы все к этому стремимся, но большинство из нас не считают, что это случится завтра, и не приходят в ярость при мысли, что этого не случится.

— И эти ястребы могут напасть на меня?

— Я думаю, нам надо идти, мадам. — Д. Ж. указал вперед. — Нас хотят поставить в ряд. Нет, я не думаю, что ястребы могут напасть, но осторожность не помешает.

Глэдия попятилась, когда Д Ж. указал, где ей следует встать.

— Без Дэниела и Жискара — нет, Диджи. Без них я никуда не пойду, даже на сцену. Тем более после того, что вы рассказали мне про ястребов.

— Вы просите слишком многого, миледи.

— Наоборот, я не прошу ничего. Отвезите меня домой вместе с моими роботами прямо сейчас.

Д. Ж. направился к небольшой группе официальных лиц. Глэдия напряженно следила за ним. Опустив руки, он сделал полупоклон. Глэдия решила, что так в Бейлимире выражают почтение.

Она не слышала, что говорил Д. Ж., но в ее душу невольно закрались подозрения. Если они попытаются разделить ее с роботами, Дэниел и Жискар сделают все возможное, чтобы предотвратить это. Они-то никому не нанесут вреда, но охрана тут же пустит в ход оружие. Она должна предупредить это любой ценой — сделать вид, что сама отошла от Дэниела и Жискара и попросила их подождать ее. Сумеет ли она?

Никогда в жизни она не оставалась без роботов. Разве она может чувствовать себя в безопасности без них? Есть ли другой выход?

Д. Ж. вернулся.

— Ваш статус героини, миледи, полезная штука. Я, конечно, убедил парней. Ваши роботы могут идти с вами. Они будут сидеть на сцене позади вас, но видно их не будет. Ради Предка, не привлекайте к ним внимания, не оглядывайтесь на них.

Глэдия облегченно вздохнула:

— Вы хороший парень, Диджи. Спасибо.

Она заняла свое место почти в самом начале вереницы, Д. Ж. встал слева от нее, Дэниел и Жискар — сзади, а за ними длинный хвост официальных лиц обоих полов.

Женщина-поселенка с жезлом, который, видимо, был символом ее должности, внимательно осмотрела строй, кивнула и пошла вперед. Все потянулись за ней.

Глэдия услышала бравурные звуки марша и подумала, уж не предлагают ли ей маршировать. Как бесконечно разнообразны и странны обычаи на разных планетах!

Краем глаза она видела, что Д. Ж. шагает вразвалку, почти неуклюже. Она неодобрительно поджала губы и пошла в такт музыке, подняв голову и выпрямив спину. Если ей никто не говорит, как идти, она пойдет так, как хочет.

Они взошли на возвышение, и тут же из углублений в полу поднялись стулья.

Строй рассыпался. Д. Ж. слегка потянул Глэдию за рукав, и она пошла за ним.

Оба робота, естественно, двинулись следом.

Глэдия остановилась перед стулом, на который указал Д. Ж. Музыка зазвучала громче, но освещение уже не было таким ярким, как раньше. Ей показалось, что она простояла так целую вечность; наконец она почувствовала прикосновение Д. Ж. и села. Все остальные тоже сели.

Она заметила слабое мерцание силового поля, а за ним

публику, несколько тысяч человек. Все сиденья в амфитеатре, круто поднимающемся вверх, были заняты. Как женщины, так и мужчины были в темном — коричневом или черном. Охрана в боковых проходах — в зеленой с красным форме. Без сомнения, так их было легко узнать. Однако, подумала Глэдия, эта форма делала их мишенью.

Она повернулась к Д. Ж. и тихо сказала:

— У вас огромное правительство.

Д. Ж. слегка пожал плечами:

— Я думаю, здесь весь правительственный аппарат с женами, мужьями и гостями. Это дань вашей популярности, миледи.

Глэдия обвела публику глазами, пытаясь разглядеть сбоку Дэниела и Жискара, чтобы просто удостовериться, что они тут, но затем решила, что от одного взгляда ничего не случится, и повернула голову. Они были здесь.

Глэдия тут же заметила, как Д. Ж. раздраженно закатил глаза.

Луч света упал на одного из сидящих на возвышении, а весь зал еще больше погрузился в темноту. Человек встал и заговорил. Он говорил очень громко, но Глэдия никогда не слышала, чтобы голос так мощно отражался от стен. Должно быть, подумала Глэдия, он проникает в каждый уголок большого зала. Интересно, такой эффект достигается с помощью какого-нибудь диковинного прибора, которого она никогда не видела, или это просто акустические особенности зала? Она не знала, но продолжала размышлять, избавившись таким образом на время от необходимости слушать то, что говорилось.

В какой-то момент она услышала слово «шарлатанство», произнесенное кем-то из публики. Не обладай зал превосходной акустикой (если это действительно было так), его наверняка никто бы и не расслышал.

Это слово для нее ничего не значило, но, судя по короткой волне смеха, прокатившейся по залу, оно означало что-то вульгарное. Смех почти сразу стих, и Глэдия поразилась наступившей тишине.

Наверно, если уж помещение обладало такой акустикой, что слышен был каждый звук, зрители вынуждены были соблюдать тишину. И как только в зале воцарилась тишина, никто не смог и помыслить о нарушении тишины. Кроме тех

случаев, когда внезапное желание пробормотать: «Шарлатанство», становится непреодолимым, предположила Глэдия.

Мысли ее начали путаться, глаза закрывались. Она резко выпрямилась. Люди планеты пришли выразить ей свое уважение, и, если она заснет, они оскорбятся. Она заставила себя слушать, но это усыпляло еще больше. Она прикусила губу и глубоко задышала.

Трое говорили один за другим, и вдруг Глэдия вздрогнула — похоже, что она все-таки задремала, несмотря на все свои усилия, под тысячами устремленных на нее глаз, — когда луч света упал слева от нее. Д. Ж. встал. Он засунул большие пальцы за пояс и, похоже, чувствовал себя вполне непринужденно.

— Мужчины и женщины Бейлимира, — начал он, — должностные лица, законодатели, уважаемые лидеры, сограждане! Вы все слышали о том, что произошло на Солярии. Вы знаете, что мы добились успеха. Вы знаете, что леди Глэдия с Авроры способствовала этому успеху. Сейчас пора сообщить о деталях вам и всем моим соплеменникам, которые слушают нас по гипервидению.

И он стал описывать события, но в несколько измененной форме, и, слушая, Глэдия посмеивалась про себя. О том, как он растерялся, попав в руки гуманоидного робота, Д. Ж. упомянул вскользь, о Жискаре вообще ничего не сказал, роль Дэниела была сведена к минимуму, а Глэдии — преувеличена. Инцидент превратился в дуэль между двумя женщинами, Глэдией и Ландари, в которой победили мужество и авторитет Глэдии.

Наконец Д. Ж. сказал:

— А теперь леди Глэдия, солярианка по происхождению, гражданка Авроры, совершившая подвиг во славу Бейлимира...

Раздались громкие аплодисменты, хотя предыдущих ораторов встречали довольно прохладно, но Д. Ж. поднял руки, прося тишины, и закончил:

— Леди Глэдия хочет приветствовать вас.

Луч света выхватил из темноты Глэдию, и она в панике повернулась к Д. Ж. Аплодисменты гремели в ее ушах. Хлопая в ладоши, Д. Ж. наклонился к ней и прошептал:

— Вы их всех любите, вы желаете мира, а поскольку вы лицо неофициальное, то не привыкли к длинным речам. Скажите это и сядьте.

Она смотрела на него, ничего не понимая, слишком взволнованная, чтобы слышать его слова, затем встала — и очутилась перед бескрайним людским морем.

34

Глэдия встала и почувствовала себя совсем маленькой. Люди на сцене, даже женщины, были выше ее. Она стояла, а они сидели, и все равно были выше. Что касалось публики, застывшей в каком-то угрожающем молчании, то все и каждый в ней были, как казалось Глэдии, больше ее по всем параметрам.

Она сделала глубокий вдох и сказала:

— Друзья! Вы потомки землян, все до одного, и я тоже. Иных нет ни в одном обитаемом мире — ни во Внешних мирах, ни в Поселенческих, ни на самой Земле, везде только земляне или их потомки. Перед этим фактом все остальные различия — ничто.

Она бросила быстрый взгляд на Д. Ж. Тот чуть заметно улыбнулся, и одно его веко дрогнуло, словно он собирался подмигнуть. Глэдия продолжала:

— Чувство родства должно руководить каждым нашим поступком, каждым помыслом. Я благодарю вас всех за то, что вы считаете меня такой же, как вы, и приветствуете меня здесь, несмотря ни на что. Поэтому я надеюсь, что скоро настанет время, когда шестнадцать миллиардов людей, живущих в любви и мире, будут считать себя близкими — не больше и не меньше. Я думаю о нас не только как о друзьях, но и как о родственниках.

Буря аплодисментов оглушила ее. Глэдия восприняла это как знак, что говорила хорошо и, главное, достаточно. Она поклонилась направо и налево и хотела сесть. Но в зале раздался голос:

— Почему вы говорили не по-солярианski?

Она застыла и растерянно посмотрела на Д. Ж. Тот чуть заметно покачал головой и беззвучно выговорил одними губами: «Не обращайте внимания», — и сделал жест, чтобы она села.

Она смотрела на него одну-две секунды, затем сообразила, как некрасиво выглядит она, ярко освещенная, в незаконченном процессе усаживания. Она снова выпрямилась и заулыбалась публике, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Тут она впервые заметила приборы, сверкавшие объективы которых уставились на нее. Ну, конечно! Д. Ж. упоминал, что происходящее транслируется по гипервидению. Однако сейчас ей это было безразлично.

Она говорила, ей аплодировали, и она стояла перед публикой прямо, спокойно, все ее видели. Что еще за непредвиденное обстоятельство? Глэдия улыбнулась:

— Я считаю этот вопрос дружеским. Вы хотите, чтобы я продемонстрировала вам свое образование? Кто из вас хочет, чтобы я заговорила по-солярианski? Не стесняйтесь, поднимите руки.

Поднялось несколько рук.

— Человекоподобный робот на Солярии слышал, как я говорила по-солярианski. И это его погубило. А ну-ка, кто хочет услышать солярианскую речь?

Зал превратился в море колыхавшихся рук. Глэдия почувствовала, как ее теребят за брюки, и быстрым движением стряхнула чужую руку.

— Прекрасно. Опустите руки, дорогие мои родственники. Видите ли, сейчас я говорю на галактическом стандартном, который является и вашим языком. Однако я говорю так, как говорят на Авроре, но вы понимаете меня, хотя некоторые слова я, возможно, выговариваю не так, и мой голос может иногда сбивать вас с толку, потому что некоторые звуки у нас произносят высоко или низко, словно поют. Другим космонитам это кажется смешным. В солярианском же языке эта напевность отсутствует, в ней много горловых звуков, раскатистое «р».

Она произнесла несколько фраз. В зале засмеялись, но Глэдия даже не улыбнулась.

Наконец она подняла руки и резко опустила их, словно что-то отрубила. Смех смолк.

— Я, вероятно, никогда больше не поеду на Солярию, а потому у меня не будет случая пользоваться солярианским языком. — Она повернулась к Д. Ж. и слегка поклонилась ему, заметив, что у того выступил пот на лбу. — Славный капитан Бейли информировал меня, что я неизвестно когда вернусь на Аврору, так что могу отбросить и аврорианский диалект тоже. Значит, у меня единственный выход — говорить на диалекте Бейлимира, и я сразу же начинаю практиковаться.

Она сделала вид, что засовывает большие пальцы за несу-

ществующий пояс, выпятила грудь, опустила подбородок, изобразила самодовольную улыбку Д. Ж. и сказала, стараясь имитировать его баритон:

— Мужчины и женщины Бейлимира, должностные лица, законодатели, уважаемые лидеры, сограждане — сюда входит каждый, кроме, вероятно, неуважаемых лидеров... — Она старалась проглатывать некоторые буквы или произносить их с придыханием.

На этот раз смех был громче и продолжительнее, и Глэдия тоже позволила себе улыбнуться. В конце концов, она заставила их смеяться над собственным языком.

Когда все успокоились, она сказала по-аврориански:

— Все диалекты странны тому, кто к ним не привык, и это часто восстанавливает людей друг против друга. Но ведь диалект — это просто манера говорить. Все мы — и я, и вы, и люди в других обитаемых мирах — должны слушать язык сердца, а у него нет диалектов. Этот язык — если только мы будем его слушать — звучит одинаково для всех.

Глэдия хотела сесть, но тут раздался женский голос:

— Сколько вам лет?

— Сядьте, мадам! — проговорил Д. Ж. сквозь зубы. — Не обращайте внимания на вопросы.

Глэдия повернулась к Д. Ж. Он привстал.

Люди на сцене, которых она видела в полутьме, напряженно подались вперед. Она снова повернулась к зрителям и звонко крикнула:

— Здесь хотят, чтобы я села. А вы хотите? Я вижу, вы молчите. Кто хочет, чтобы я осталась здесь и честно ответила на вопрос?

Раздались аплодисменты и крики:

— Оставайтесь! Оставайтесь!

— Глас народа, — сказала Глэдия. — Простите, Диджи и все прочие, но мне велят говорить. — Она искоса взглянула на луч света и крикнула: — Я не знаю, кто там управляет светом, но осветите зал и отключите этот луч. Мне наплевать, как это отразится на гиперволновых камерах. Наладьте хорошенько звук, вот и все. Я буду говорить хоть в темноте, лишь бы меня было слышно. Правильно?

— Правильно! — послышался многоголосый ответ. — Свет! Свет!

Кто-то на сцене дал сигнал, и в зале вспыхнул свет.

— Вот так гораздо лучше, — сказала Глэдия. — Теперь я вижу вас, мои родственники. Я хотела бы, в частности, увидеть женщину, задавшую мне вопрос. Я хочу говорить непосредственно с ней. Давайте не прятаться. Если у вас хватило смелости задать вопрос, то задайте его открыто.

Она ждала. Наконец где-то в середине зала встала женщина. Темные волосы, туго стянутые сзади, смуглая кожа, темно-коричневое платье подчеркивало стройную фигуру. Она сказала слегка скрипучим голосом:

— Я не боюсь встать и еще раз спросить: сколько вам лет?

Глэдия спокойно смотрела на нее и не чувствовала неприязни. Возможно ли это? На протяжении трех первых десятилетий жизни ее настойчиво учили, что находиться в присутствии людей, даже одного человека, непереносимо. А сейчас она без всякого смущения видит перед собой тысячи. Она была слегка ошеломлена и вполне довольна.

— Пожалуйста, мадам, оставайтесь стоять, и поговорим. Как мы измеряем возраст? В годах, прошедших после рождения?

Женщина спокойно ответила:

— Меня зовут Синдра Лэмбит. Я член законодательного органа и, следовательно, из тех, кого капитан Бейли назвал «законодателями и уважаемыми лидерами». Во всяком случае, надеюсь, что я «уважаемая». — В зале раздался смех. — Отвечая на ваш вопрос, я думаю, что число галактических стандартных лет, прошедших со дня рождения, — обычное определение возраста человека. Так, мне пятьдесят четыре года. А сколько вам? Вы можете назвать цифру?

— Могу. Со времени моего рождения прошло двести тридцать пять галактических стандартных лет, значит, я больше чем в четыре раза старше вас.

Глэдия говорила откровенно и знала, что ее маленькая стройная фигурка выглядит в тусклом освещении совсем девчачьей.

По залу прокатился глухой рокот. Слева от Глэдии как будто кто-то простонал. Она быстро взглянула и увидела, как Д. Ж. схватился за голову. Глэдия сказала:

— Но это пассивный метод измерения времени. Здесь количество не переходит в качество. Моя жизнь была спокойной, можно сказать, тусклой. Я шла по проторенному пути, огражденная от неприятностей, ведомая четко функциони-

рующей социальной системой, в которой нет места никаким переменам и экспериментам, и моими роботами, которые всегда стояли между мной и любыми неприятностями. Всего два раза в жизни я испытывала переживания, и оба раза были трагичными. Когда мне было тридцать два года — меньше, чем многим из вас, — меня обвинили в убийстве. Два года спустя я оказалась замешана в другое убийство. В обоих случаях следователь Элайдж Бейли был на моей стороне. Я уверена, что многие из вас, а возможно, даже все, знакомы с ситуацией, описанной сыном Элайджа Бейли. Теперь к этим двум я могу добавить и третий случай, потому что в этом месяце я испытала великое волнение, достигшее пика, когда от меня потребовалось встать здесь, перед вами, а это было совершенно не похоже на то, что я делала всю свою жизнь. Должна признаться, что только ваша приветливость и радушный прием сделали это возможным. Сравните это со своей жизнью. Вы — пионеры и живете в новом мире. Он растет вместе с вами и будет расти после вас. В этом мире каждый день — приключение. Сначала холод, потом жара, потом опять холод. Непредсказуемый, переменчивый климат. Вы не можете позволить себе прожигать время, как в мирах, где перемен почти нет. Многие жители Бейлимира — торговцы. Половину своей жизни они рыскают в космосе. Когда вы приручите эту планету, многие ее обитатели перекинут сферу своей деятельности на новые планеты или присоединятся к экспедициям, ищущим новые миры, где еще не ступала нога человека, чтобы сделать их пригодными для обитания. Если мерить жизнь событиями и делами, свершениями и волнениями, то я — ребенок, моложе любого из вас. Большая часть моих лет — балласт и тяжесть, тогда как вы с каждым годом духовно богаче и неуемнее. Так скажите еще раз, мадам Лэмбит, сколько вам лет?

Лэмбит улыбнулась:

— Пятьдесят четыре полноценных года, мадам Глэдия.

Лэмбит села, и зал снова разразился аплодисментами.

— Глэдия, кто научил вас так управлять публикой? — хрипло спросил Д. Ж.

— Никто, — шепнула она. — Я никогда этого не делала.

— Тогда закругляйтесь, пока вы на коне. Тот тип, который встает, наш главный ястреб. Не стоит с ним разговаривать. Скажите, что вы устали, и сядьте. Со стариком Бастервейном мы управимся сами.

— Но я не устала, — возразила Глэдия. — Мне самой интересно.

Человек, стоявший почти у самой сцены, был высок и крепок, с седыми нависшими бровями. Редкие волосы его были седыми, одежда — черная, мрачная, белые полосы сбегали по рукавам и штанинам брюк, словно очерчивая его тело. Голос его был низким и звучным:

— Меня зовут Томас Бастервейн, но больше я известен как Старик, наверное, потому, что кое-кто считает, что я слишком зажился на этом свете. Не знаю, как обращаться к вам, поскольку у вас вроде бы нет фамилии, а я не так хорошо знаком с вами, чтобы звать вас по имени. Честно говоря, я и не хочу быть вашим знакомцем. Похоже, вы помогли уберечь наш корабль на вашей планете от ловушек, поставленных вашим же народом, и мы вам за это благодарны, а вы в ответ принялись болтать насчет дружбы и родства. Чистое лицемерие! Это когда ваш народ считал себя нашими родичами? Когда это космониты чувствовали, что имеют какое-то отношение к Земле и ее народу? Конечно, космониты — потомки землян. Мы этого не забываем и помним, что вы забыли это. Более двух столетий космониты заправляли в Галактике и считали землян отвратительными маложивущими больными тварями. Теперь, когда мы становимся силой, вы протягиваете нам руку дружбы, но рука эта в перчатке, как и у вас. Вы стараетесь не воротить от нас нос, а в носу небось фильтры? А? Я прав?

Глэдия подняла руки.

— Возможно, люди в зале и тем более те, кто видит меня по гипервидению, не знают, что я в перчатках. Их не заметно, но они есть, и я этого не отрицаю. И носовые фильтры, чтобы при дыхании в легкие попадало меньше пыли и микроорганизмов. И время от времени я тщательно полощу горло. И моюсь чаще, чем требует элементарная гигиена. Этого я тоже не отрицаю. Но дело во мне, а не в вас. У меня слабая иммунная система. Моя жизнь слишком комфортабельна, и я слишком мало рисковала. Я не выбирала такую жизнь, но должна платить за это. Что сделал бы любой из вас, окажись он в моем положении? Что сделали бы, в частности, вы, мистер Бастервейн?

— Я сделал бы то же, что и вы, — угрюмо ответил тот, — и рассматривал бы это как признак слабости, отсутствие жизне-

способности, а следовательно, обязан был бы уступить дорогу более сильным. Женщина, вы говорили о родстве с нами. Но мне вы не родня. Вы из тех, кто пытался уничтожить нас, когда был силен, а ослабев, заискивает перед нами.

В зале началось явно недружелюбное движение, но Бастервейн держался твердо. Глэдия мягко спросила:

— Вы помните зло, которое мы причинили вам, когда были сильны?

— Не бойтесь, мы не забудем. Мы помним об этом всегда.

— Прекрасно! Значит, вы знаете, как этого избежать. Вы знаете, как плохо, когда сильные подавляют слабых, и, значит, теперь, когда все перевернулось и вы стали сильными, а мы ослабели, вы не будете подавлять нас.

— Ну-ну, слышал я такие аргументы. Когда вы были сильны, вы знать не знали о морали, а теперь хватаетесь за нее.

— Однако вы, когда были слабы, все знали о морали и были потрясены поведением сильных, а теперь, став сильными, забываете о морали.

— Вы получите то, что заслужили, — сказал Бастервейн и поднял кулак.

— Вы дадите то, что вам кажется заслуженным, — сказала Глэдия и протянула к нему руки, словно хотела обнять. — Поскольку каждый может думать о мести за какую-то прошлую обиду, вы считаете, что сильный вправе давить на слабого. Если так, то вы оправдываете космонитов прошлого, и теперь вам не на что жаловаться, а я говорю, что давление, которое вы собираетесь применить, несправедливо. К сожалению, вы не можете изменить прошлое, но пока еще мы можем решать, каким быть нашему будущему. — Глэдия сделала паузу и, поскольку Бастервейн не ответил, продолжала: — Кому нужна новая Галактика?

Начались аплодисменты, а Бастервейн вскинул руки и зычно закричал:

— Подождите, не будьте дураками! Прекратите!

Медленно воцарилась тишина, и Бастервейн заговорил:

— Неужели вы думаете, что женщина верит тому, что говорит? Неужели вы думаете, что космониты хотят нам добра? Они все еще считают, что сильны, они по-прежнему презирают нас и намерены уничтожить, если мы первыми не уничтожим их. Эта женщина приехала сюда, и мы, как дураки, приветствуем ее, чуть ли не молимся на нее. Нет, давайте проверим ее слова. Пусть кто-нибудь из вас попросит разрешения посетить Внешний мир, и посмотрим, получит ли он его. Если за вами стоит планета, если вы можете пригрозить, как капитан Бейли, то вам позволят высадиться — но как с вами будут обращаться? Спросите капитана, отнеслись ли к нему по-родственному. Эта женщина — лицемерна, несмотря на все ее слова, нет, именно благодаря этим словам. Они как раз и доказывают ее лицемерие. Она жалуется тут на свою иммунную систему и говорит, что должна защищаться от возможного заражения. Ну, конечно, она делает это не потому, что считает нас грязными и заразными, такая мысль не приходила ей в голову! Она жалуется на свою спокойную жизнь, защищенную от всяких бед и неудач, слишком хорошо организованную обществом и толпой чрезмерно заботливых роботов. Как она, наверное, ненавидит их! Но что угрожает ей здесь? Какие беды могут настигнуть ее на этой планете? Однако она привезла с собой двух роботов. Мы собрались в этом зале, чтобы выразить ей свое уважение, а ведь она привела даже сюда своих роботов, они сидят позади нее, на возвышении. Теперь вы видите их. Один — имитация человека Р. Дэниел Оливо, а другой — бесценный робот, явно металлический Р. Жискар Ривентлов. Приветствуйте их, мои дорогие соотечественники! Вот они-то и есть родня этой женщины!

— Шах и мат! — тихонько простонал Д. Ж.

— Еще нет, — сказала Глэдия. Зрители стали вытягивать шеи, словно всех сразу одолел зуд, и слово «робот» прокатилось по всему залу.

— Вы можете видеть их, — сказала Глэдия. — Жискар, Дэниел, встаньте!

Оба робота встали позади нее.

— Встаньте рядом со мной, чтобы вас было видно. А теперь позвольте мне кое-что пояснить вам всем. Эти два робота приехали со мной не для того, чтобы прислуживать мне. Да, они помогают мне вести дом на Авроре вместе с пятьюдесятью другими роботами, и я не делаю сама то, что могут сделать для меня роботы. Таков обычай в том мире, где я живу. Роботы различны по сложности, по способностям, и эти два особо высоки в этих отношениях, в особенности Дэниел, разум которого очень близок к человеческому в тех областях, где такое сравнение возможно. Я взяла с собой только Дэниела и Жискара, но они не так уж много служат мне. Если хотите знать, я

одеваюсь сама, сама пользуюсь столовыми приборами, когда ем, и хожу сама, не заставляя себя носить. Пользуюсь ли я ими для личной защиты? Нет. Они защищают меня, это верно, но они будут защищать любого человека, нуждающегося в защите. Совсем недавно на Солярии Дэниел сделал все, что мог, защищая капитана Бейли, и готов был пожертвовать собой, чтобы защитить меня. Без него корабль не был бы спасен. Конечно, здесь, на этом возвышении, мне не нужна защита: меня защищает силовое поле. Я об этом не просила, но оно есть. Тогда зачем здесь мои роботы? Те из вас, кто знает историю Элайджа Бейли, освободившего Землю от космонитских правителей, положившего начало новой политике поселенчества, и его сына, который первым ступил на землю Бейлимира — иначе почему бы так назвали планету? — знают, что еще до знакомства со мной Элайдж Бейли работал вместе с Дэниелом. Он работал с ним на Земле, на Солярии и на Авроре. Для Дэниела Элайдж Бейли всегда был «партнер Элайдж». Не знаю, есть ли это в биографии Бейли, но можете мне поверить. Хотя Элайдж Бейли, будучи землянином, сначала сильно недолюбливал Дэниела, но потом они подружились. Когда Элайдж Бейли умирал здесь, на этой планете, около ста шестидесяти лет назад, когда здесь была лишь кучка примитивных домиков с палисадниками, в эти последние минуты с ним был не его сын и не я... — Голос ее дрогнул. — Он послал за Дэниелом и боролся за жизнь, пока тот не прибыл. Да, это второй визит Дэниела на эту планету. Я тогда была с ним, но осталась на орбите. Дэниел высадился на планету и слышал последние слова Элайджа Бейли. Ну как, это для вас ничего не значит? — Она повысила голос. — Должна ли я говорить об этом? Здесь робот, которого любил Элайдж Бейли. Я хотела повидаться с ним, но он желал видеть Дэниела, этого самого Дэниела. Другой робот, Жискар, который познакомился с Элайджем на Авроре, спас ему жизнь. Без этих двух роботов Элайдж Бейли не выполнил бы свою задачу. Внешние миры все еще царили бы в Галактике, Поселенческих миров не существовало бы и никого из вас не было бы здесь. Я это знаю, и вы знаете. Интересно, знает ли это мистер Бастервейн? Имена «Дэниел» и «Жискар» уважают на этой планете. По просьбе Элайджа Бейли, их дают его потомкам. Я приехала сюда на корабле капитана, которого зовут Дэниел Жискар Бейли. Я хотела бы знать, многие ли из тех, кто видит меня сейчас, носят

имена Дэниела и Жискара? Так вот, те, чьи имена почитаются, — роботы. И это их поносит Томас Бастервейн?

В зале зашумели, и Глэдия умоляюще подняла руки.

— Минуточку. Дайте мне закончить. Я еще не сказала вам, почему я привезла этих роботов.

Шум немедленно смолк.

— Эти два робота никогда не забудут Элайджа Бейли, как не забуду и я. Столько лет прошло, а воспоминания живут. Когда я готовилась вступить на корабль капитана Бейли, когда я узнала, что смогу посетить Бейлимир, — как я могла отказаться взять с собой Дэниела и Жискара? Им хотелось увидеть планету, которую создал Элайдж Бейли, планету, на которой он прожил свои последние годы и на которой умер. Да, они роботы, но разумные роботы, и они верой и правдой служили Элайджу Бейли. Нельзя уважать одних лишь людей, нужно уважать все разумные существа. Вот поэтому я привезла их сюда. — И она громко выкрикнула: — Я сделала ошибку?

Громогласное «НЕТ!» пронеслось по залу; все встали, захлопали в ладоши, затопали, заревели и завизжали:

— Нет!

Глэдия ждала и улыбалась; она сознавала только две вещи: что она мокрая от пота и что она счастлива, как никогда.

Ей казалось, что она всю жизнь ждала этого момента: прожив двести тридцать пять лет в изоляции, она наконец узнала, что может стоять перед толпой и управлять ею, как хочет.

Она слушала это бесконечное «нет!» — еще, еще и еще...

35

Прошло немало времени, прежде чем Глэдия пришла в себя.

Крепкие охранники помогли Глэдии пробраться сквозь гудящую толпу, потом она очутилась в каком-то бесконечном туннеле, который, казалось, уходил в глубь земли.

Она потеряла Д. Ж. и не была уверена, с ней ли Дэниел и Жискар. Она хотела спросить о них, но ее окружали какие-то безликие люди. Она рассеянно подумала, что роботы должны быть где-то рядом, ведь их с ней невозможно разлучить.

Когда она наконец добралась до какого-то помещения, оказалось, что оба робота с ней. Она не знала, куда ее приве-

ли. Комната была большая и чистая, конечно, жалкая по сравнению с ее домом на Авроре, но против корабельной каюты — роскошная.

— Здесь вы будете в безопасности, мадам, — сказал последний из уходивших охранников. — Если вам что-нибудь понадобится, дайте нам знать. — И он указал на прибор, стоявший на столике у постели.

Глэдия посмотрела на прибор и хотела было спросить, как он работает, но охранник уже ушел.

«Ладно, — подумала она, — разберусь».

— Жискар, посмотри, где ванная, и проверь, как работает душ. Сейчас он мне просто необходим.

Она села очень осторожно, боясь, что кресло пропитается запахом пота. Вернулся Жискар.

— Мадам, душ включен, и температура установлена. Там лежит кусок чего-то — я думаю, мыла — и грубая полотняная ткань, и разные другие вещи, которые могут понадобиться.

— Спасибо, Жискар.

Глэдия прекрасно сознавала, что, несмотря на свои заявления, будто роботы типа Жискара не предназначены для мелких услуг, сейчас она требовала от него именно этого.

Но в некоторых случаях обстоятельства...

Никогда она не получала такого удовольствия от душа. Она плескалась под душем дольше обычного и только после того, как вытерлась, подумала, простерилизованы ли полотенца, но было уже поздно.

Среди вещей, о которых говорил Жискар, оказались пудра, дезодорант, расческа, зубная паста, фен, но не было зубной щетки. Пришлось чистить зубы пальцем, что Глэдии не слишком понравилось. Отсутствовала и щетка для волос, что тоже было неприятно. Она вымыла расческу с мылом, но не решилась ею воспользоваться. Потом она обнаружила какое-то одеяние, при ближайшем рассмотрении оказавшееся ночной рубашкой. Она пахла чистотой, но, как выяснилось, была слишком просторной.

— Мадам, капитан желает знать, может ли он видеть вас, — сообщил Дэниел.

— Думаю, да, — сказала Глэдия, ища что-нибудь, чем можно было бы заменить ночную рубашку. — Пусть войдет.

Д. Ж. выглядел усталым и даже измученным, но, когда она повернулась к нему, он улыбнулся:

— Трудно поверить, что вам двести тридцать пять лет.

— Да? В этой-то штуке?

— Именно. Он же полупрозрачен. Вы не заметили?

Глэдия неуверенно оглядела свое ночное одеяние.

— Хорошо, если это вас забавляет, но мне все-таки два с третью столетия.

— Глядя на вас, никто бы не подумал. Вы, наверное, были исключительно красивы в юности.

— Мне никогда этого не говорили. Я всегда считала, что самое большее, чем я располагала, — скромный шарм. Как пользоваться этим инструментом?

— Нажмите кнопку справа, кто-нибудь отзовется, и вы сможете потребовать, чего душе угодно.

— Хорошо. Мне нужны зубная щетка, щетка для волос и одежда.

— Щетки вам принесут, я распоряжусь. Что до одежды, то тут придется подумать. В вашем шкафу целый гардероб. Все самое модное в Бейлимире. Но вам может не понравиться. К тому же, может быть, не все окажется впору. Наши женщины выше вас и плотнее. Но это неважно. Я думаю, некоторое время побудете здесь.

— Почему?

— Ну, миледи. Вы толкнули такую речь и, насколько я помню, ни разу не присели, хотя я вам советовал не один раз.

— Я, кажется, имела полный успех, Диджи.

— Да, огромный успех. — Д. Ж. широко улыбнулся и почесал бороду. — Однако у вашего успеха есть и обратная сторона. Сейчас вы — самая знаменитая особа в Бейлимире, и каждый житель мечтает увидеть вас и пожать вам руку, и, если вы появитесь где-нибудь, могут начаться беспорядки. Придется подождать, пока страсти остынут, а сколько времени это продлится — неизвестно. Кроме того, вами восхищались даже ястребы, но завтра, при дневном свете, истерия пройдет, и ястребы придут в ярость. Если старик Бастервейн не решился убить вас сразу после выступления, то завтра ваша смерть станет целью его жизни, а его единомышленники по партии будут исподволь подталкивать Старика на это. Вот поэтому вы здесь, миледи. Вот поэтому эта комната, этот этаж, этот отель охраняются уж не знаю сколькими подразделениями безопасности, среди которых, я надеюсь, нет тайных ястребов. По-

скольку я тесно связан с вами в этой игре в героя и героиню, я тоже загнан сюда и не могу выйти.

— Мне очень жаль вас, — равнодушно сказала Глэдия. — Вы даже не можете повидаться со своей семьей.

Д. Ж. пожал плечами.

— Торговцы обычно не обременены семьей.

— Ну, тогда с подружкой.

— Она переживет. Наверное, даже легче, чем я.

Он задумчиво посмотрел на Глэдию.

— Даже не думайте, капитан, — спокойно сказала Глэдия.

Д. Ж. поднял брови.

— Я не могу запретить себе думать, но я ничего не сделаю, мадам.

— Как по-вашему, я надолго здесь? Серьезно.

— Это зависит от директората.

— Какого?

— Это наш пятисоставной исполнительный орган, мадам. Пять человек, — Д. Ж. вытянул руку и растопырил пальцы, — служат в течение пяти лет, каждый год сменяя друг друга. Если кто-либо умирает или по какой-то иной причине становится неспособен осуществлять свои обязанности, проводятся внеочередные выборы. Таким образом обеспечивается преемственность и устраняется опасность единоличного правления. Это также означает, что все решения должны быть согласованы, что занимает время, иногда больше, чем мы можем себе позволить.

— Значит, если один из пяти решительный и сильный...

— ...то он навязывает свою точку зрения остальным. Такое иной раз случается, но сейчас этого нет. Главный директор — Джиновус Пандарал. Неплохой человек, но нерешительный, а это иногда еще хуже. Я уговорил его позволить вашим роботам подняться с вами на сцену, и это оказалось плохой идеей. Теперь он злится на нас обоих.

— Почему это плохая идея? Люди были довольны.

— Слишком довольны, миледи. Мы хотели, чтобы вы стали нашей любимой космонитской героиней, но не собирались накалять общественное мнение: нам не нужна преждевременная война. Вы очень хорошо сказали о долгожительстве, вы заставили их ценить короткую жизнь, но затем вы заставили их аплодировать роботам, а этого мы не хотим. Поэтому мы не

слишком одобряем реакцию публики на упоминание о родстве с космонитами.

— Вы не хотите преждевременной войны, но не хотите и преждевременного мира?

— Очень верно сказано, мадам.

— Чего же вы хотите?

— Мы хотим всю Галактику. Мы хотим заселить каждую пригодную для обитания планету и основать Галактическую империю. И мы не хотим вмешательства космонитов. Пусть остаются на своих планетах и живут как им нравится, но вмешиваться они не должны.

— Но тогда вы запрете их в пятидесяти мирах, как мы много лет назад заперли вас на Земле. Та же старая несправедливость. Вы такой же скверный, как Бастервейн.

— Сейчас ситуация совсем иная. Землян изолировали, дабы подавить их стремление к экспансии. У космонитов такого стремления нет. Вы пошли по иному пути: долгожительство, роботы. Теперь у вас уже не пятьдесят миров: Солярия покинута, со временем это произойдет со всеми. Поселенцы не намерены толкать космонитов на путь вымирания. На каком, собственно, основании мы должны вмешиваться в чужие дела? Но ваша речь подстрекала к этому вмешательству.

— Я рада. Что же, по-вашему, я должна была сказать?

— Я вам говорил: мир, любовь... — и садитесь. Вы могли закончить меньше чем за минуту.

— Я не могу поверить, что вы рассчитывали на такую глупость с моей стороны, — сердито сказала Глэдия. — За кого вы меня принимаете?

— За того, кем вы себя считаете, — за человека, который до смерти боится выступить. Откуда мы знали, что вы сумасшедшая, которая за полчаса сумеет убедить жителей Бейлимира громогласно приветствовать то, против чего они восставали всю жизнь? — Д. Ж. тяжело встал. — Но сейчас я тоже хочу принять душ и хорошенько выспаться, если смогу. Увидимся завтра.

— А когда мы узнаем, что решили ваши директора насчет меня?

— Когда они решат. А это может случиться не так скоро. Спокойной ночи, мадам.

36

— Я сделал открытие, — бесстрастно сказал Жискар. — Я сделал его потому, что впервые за все время моего существования оказался перед тысячами человеческих существ. Будь это два столетия назад, я сделал бы свое открытие тогда. Если бы я не встретился с таким множеством людей, не было бы и открытия. Подумать только, как много важного я мог бы усвоить, но никогда не усвою только потому, что никогда не попаду в нужные условия. Я останусь в полном неведении, если обстоятельства не помогут мне, а на них я не могу рассчитывать.

— Я думаю, друг Жискар, — сказал Дэниел, — что леди Глэдия, с ее устоявшимся отношением к жизни, не могла бы с таким хладнокровием выступить перед многотысячной аудиторией. Я полагаю, что ты направил ее и обнаружил, что можешь это сделать без вреда для нее. Это и есть твое открытие?

— Друг Дэниел, я рискнул только ослабить некоторые нити торможения, ослабить лишь настолько, чтобы позволить ей сказать несколько слов и чтобы ее услышали.

— Но она сделала гораздо больше.

— После такого микроскопического вмешательства я обратился к множеству мозгов аудитории. Я никогда не экспериментировал с таким количеством людей, как и леди Глэдия, и был ошеломлен, как и она. Сначала я думал, что ничего не смогу сделать с обширной ментальной спаянностью, которая *так и била в меня. Я чувствовал себя беспомощным.* Затем я заметил слабое дружелюбие, любопытство, интерес — не могу выразить это словами, — цвет симпатии к леди Глэдии. Я воздействовал на это и обнаружил, что цвет симпатии уплотняется. Я хотел добиться небольшой реакции в пользу леди Глэдии, которая подбодрила бы ее, а для меня сделала бы обязательным вмешательство в ее собственный мозг. Только это я и сделал. Я не знаю, сколькими нитями нужного цвета я управлял. Но немногими.

— И что дальше, друг Жискар?

— Я обнаружил, что начал нечто вроде автокатализа. Каждая нить, которую я тянул, тащила за собой ближайшую, а обе они тянули еще несколько. Больше я ничего не делал. Легкие движения, звуки, взгляды, казалось, одобряли то, что говорила леди Глэдия, и побуждали к этому других. Затем я обнаружил нечто еще более странное. Все эти маленькие знаки одобрения, которые я мог уловить лишь потому, что мозги были открыты мне, леди Глэдия тоже уловила, и торможение в ее мозгу пропало без моего вмешательства. Она стала говорить быстрее, откровеннее, и публика реагировала активнее, чем раньше, и тоже без моего вмешательства. Потом начались истерия, шторм, буря мысленного грома и молний такой интенсивности, что я закрыл свой мозг, иначе это могло бы перегрузить мои контуры. За все свое существование я никогда еще не сталкивался с подобным явлением, однако все это началось с незначительного изменения, внесенного мною в эту толпу, какое я раньше вносил в небольшую горстку людей. Я подозреваю, что эффект распространился на большую территорию, чем та, которая воспринимала мое внушение, поскольку прошел по гиперволне.

— Я не понимаю, как это могло случиться, друг Жискар.

— Я тоже не понимаю. Я не человек. Я никогда не обладал человеческим мозгом со всеми его сложностью и противоречиями, поэтому не понимаю механизма его реакций. Но, по-видимому, толпой управлять легче, чем индивидуумом. Это выглядит парадоксом. Казалось бы, чем тяжелее груз, тем больше усилий. Большое расстояние проходишь медленнее, чем малое. Почему же большое количество народа покачнуть легче, чем нескольких человек? Ты, друг Дэниел, думаешь, как человек. Можешь ты это объяснить?

— Ты сам, друг Жискар, сказал, что это эффект автокатализа, какая-то зараза. Маленькая искорка может сжечь дотла целый лес.

Жискар молчал и, казалось, глубоко задумался.

— Не зараза, а эмоции, — наконец сказал он. — Мадам Глэдия выбрала аргументы, которые, по ее мнению, должны были взволновать аудиторию. Она не пыталась доказать ей что-то. Возможно, чем больше толпа, тем легче ее поколебать именно эмоциями, а не разумом. Поскольку эмоций мало, а разумов много, поведение толпы легче предсказать, чем поведение одной личности. Это, в свою очередь, означает, что если законы, которые должны развиться для улучшения хода истории, можно предсказать, то нужно иметь дело с возможно большим количеством людей. Чем больше, тем лучше. Это и должно быть первым законом психоистории, ключом к изучению Человека. Но...

— Да?

— Видимо, я поэтому так долго шел к пониманию этого, что я не человек. Человек же, возможно, инстинктивно понимает свой мозг и поэтому знает, как управлять другими такими же. Мадам Глэдия, не имея никакого ораторского опыта, выступила перед аудиторией мастерски. А насколько было бы лучше, если бы это был кто-то вроде Элайджа Бейли. Друг Дэниел, ты подумал о нем?

— Ты видишь его образ в моем мозгу? Удивительно!

— Нет, я не вижу его. Я не могу принимать твои мысли, но чувствую эмоции и настроение и знаю по прошлому опыту, что такая текстура твоего мозга ассоциируется с Элайджем Бейли.

— Мадам Глэдия упомянула о том, что я последний видел Элайджа Бейли живым, и я снова вспомнил то, что он мне тогда сказал, и думаю об этом сейчас.

— Почему, друг Дэниел?

— Я ищу выражение. Я чувствую, что это важно.

— Как он мог сказать что-то важное, не прибегнув к словам? Если там было нечто важное, Элайдж Бейли должен был сказать это.

— Возможно, — медленно ответил Дэниел, — партнер Элайдж и сам не понимал значения того, что он сказал.

Глава 10

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

37

Память!

Она лежала в мозгу Дэниела, как закрытая книга, всегда готовая для чтения. Некоторые ее эпизоды вспоминались часто, поскольку хранили необходимую в тот или иной момент информацию, и лишь к очень немногим Дэниел обращался только потому, что хотел почувствовать их текстуру. Таких было очень мало, по большей же части те, которые относились к Элайджу Бейли.

Много десятилетий назад, когда Элайдж Бейли был еще жив, Дэниел и мадам Глэдия приехали в Бейлимир. Когда они

вышли на орбиту Бейлимира, на их маленьком корабле появился Бентли Бейли. Это был довольно грубый мужчина средних лет. Он посмотрел на Глэдию несколько враждебно и сказал:

— Вы не можете увидеть его, мадам.

Глэдия заплакала.

— Почему?

— Он не хочет, мадам, и я должен уважать его желания.

— Я не могу поверить, мистер Бейли.

— У меня есть его собственноручная записка и запись голоса. Я не знаю, узнаете ли вы его почерк и голос, но даю вам честное слово, что так оно и есть и на него не оказывалось никакого постороннего влияния, когда он делал эту запись.

Глэдия ушла в свою каюту, где в одиночестве прочитала записку и прослушала запись. Затем она вышла, как будто надломленная, но сказала твердо:

— Дэниел, ты высадишься один, повидаешь его, а потом сообщишь мне обо всем, что он сделает или скажет.

— Да, мадам.

Дэниел перешел на корабль Бентли.

— На эту планету роботы не допускаются, Дэниел, — сказал Бентли, — но для вас сделано исключение, потому что это желание моего отца, а его здесь очень уважают. Лично я ничего не имею против вас, вы понимаете. Но ваше присутствие на планете должно быть ограниченным. Вы пойдете прямо к отцу, а когда он закончит беседовать с вами, вас сразу же отвезут на орбиту. Вы понимаете?

— Понимаю, сэр. Как ваш отец?

— Он умирает, — ответил Бентли, пожалуй, намеренно грубо.

— Я это тоже понимаю, — сказал Дэниел.

Голос его заметно дрогнул, естественно, не от эмоций, а потому что сознание смерти человека, хоть и неизбежной, нарушало его позитронные пути.

— Я имел в виду, долго ли ему осталось жить?

— Он мог бы уже умереть, но цеплялся за жизнь, поддерживая себя мыслью о том, что должен увидеться с вами.

Они приземлились. Планета была большой, но ее обитаемая часть оказалась крошечной. День был облачный, недавно прошел дождь. Широкие прямые улицы были пусты, словно в знак того, что жители не желают смотреть на робота.

Наземный кар привез его к дому, который был побольше остальных.

Они вошли в дом. У двери в комнату Бентли остановился.

— Мой отец там. Идите один. Он не хотел, чтобы я шел с вами. Идите. Вы, наверное, не узнаете его.

Дэниел вошел в темную комнату. Глаза его быстро привыкли к темноте, и он увидел покрытое простыней тело внутри прозрачного кокона, который слабо поблескивал. В комнате стало чуть светлее, и Дэниел отчетливо увидел лицо.

Бентли был прав. Дэниел не узнал своего бывшего партнера. Его лицо было изможденным, костлявым.

Глаза лежащего были закрыты, и Дэниелу показалось, что он видит мертвеца. Он никогда не видел мертвого человека, и, когда эта мысль пришла ему в голову, он покачнулся — ноги не держали его.

Глаза старика открылись, и слабая улыбка пробежала по бледным сморщенным губам.

— Дэниел, мой старый друг Дэниел!

Этот шепот отдаленно напоминал голос Элайджа Бейли. Из-под простыни медленно возникла рука, и Дэниелу показалось, что он все-таки узнал Элайджа.

— Партнер Элайдж, — тихо сказал он.

— Спасибо, Дэниел, что вы приехали.

— Это для меня было важно, партнер Элайдж.

— Я боялся, что вам не позволят. Они, даже мой сын, считают вас роботом.

— Я и есть робот.

— Для меня — нет, Дэниел. А вы не изменились. Я не очень ясно вижу вас, но мне кажется, что вы все такой же, каким я вас помню. Когда я в последний раз видел вас? Тридцать один год назад?

— Да, и за это время я не изменился, так что видите — я действительно робот.

— Зато я очень изменился. Я бы не позволил вам увидеть меня таким, но я слишком слаб, чтобы противиться желанию увидеть вас еще раз.

Голос Бейли немного окреп, словно старику стало лучше при виде Дэниела.

— Я рад видеть вас, партнер Элайдж, как бы вы ни изменились.

— А леди Глэдия? Как она?

— Хорошо. Она приехала со мной.

— Она не... — Болезненная тревога появилась в голосе Бейли.

— Нет, она осталась на орбите. Ей объяснили, что вы не хотите ее видеть, и она поняла.

— Это не так. Я очень хотел ее видеть, но этому искушению я сумел противостоять. Она не изменилась?

— Она осталась такой же, какой вы видели ее в последний раз.

— Это хорошо. Но я не мог позволить ей увидеть меня таким. Я не хочу, чтобы таким было ее последнее воспоминание обо мне. Вы — другое дело.

— Потому что я робот, партнер Элайдж.

— Бросьте, Дэниел, — раздраженно сказал Бейли. — Вы не могли бы больше значить для меня, даже если бы были человеком. — Он немного полежал молча и продолжил: — Все эти годы я ни разу не писал ей и не вызывал по гипервидению. Я не мог позволить себе вмешиваться в ее жизнь. Она все еще замужем за Гремионисом?

— Да, сэр.

— И счастлива?

— Я не могу судить. По ее поведению нельзя предположить, что она несчастна.

— Дети есть?

— Разрешено иметь двоих.

— Она не сердилась, что я не подавал о себе вестей?

— По-моему, она понимала ваши мотивы.

— Она когда-нибудь говорила обо мне?

— Почти никогда, но, по мнению Жискара, она часто думает о вас.

— А как Жискар?

— Функционирует правильно.

— Значит, вы тоже знаете о его способностях?

— Он говорил мне, мистер Элайдж.

Бейли снова помолчал, потом пошевелился.

— Дэниел, я хотел видеть вас здесь, чтобы убедиться, что вы не изменились, что дыхание лучших дней моей жизни все еще живет, что вы помните меня и будете помнить. Но еще я хотел сказать вам кое-что. Я скоро умру, Дэниел, и знаю, что это известие дойдет до вас. Даже если бы вас не было здесь, если бы вы были на Авроре, вам было бы известно. О моей

смерти объявят в галактических новостях. — Его грудь колыхнулась от слабого беззвучного смеха. — Кто бы мог подумать когда-то? Глэдия, конечно, тоже услышит. Но она знает, что я должен умереть, и примет это как печальный факт. Но я боялся, какое впечатление это произведет на вас, поскольку вы, как вы настаиваете, а я отрицаю, робот. Ради прошлого вы, возможно, считаете своим долгом уберечь меня от смерти, но сделать это не можете. И потому данное обстоятельство произведет на вас нежелательное воздействие. Поэтому давайте договоримся.

Голос Бейли слабел. Дэниел сидел неподвижно, но лицо его против обыкновения отражало эмоции — заботу и печаль. Глаза Бейли были закрыты, и он не видел этого.

— Моя смерть, Дэниел, не имеет значения. Среди людей ни одна индивидуальная смерть не имеет значения. Умирая, человек оставляет после себя свои дела и не умирает полностью, пока существует человечество. Вы понимаете меня?

— Да, партнер Элайдж.

— Дело каждого индивидуума есть часть общего дела, а потому становится неумирающей частью целого. Это целое — человеческие жизни прошлого, настоящего и грядущего, это ковер, который десятки тысячелетий растет и хорошеет. Космониты — краешек ковра, они тоже добавляют совершенства и красоты в узор. Индивидуальная жизнь — всего лишь нитка в его основе, а что такое нитка в сравнении с целым? Дэниел, думайте о ковре и не вспоминайте об одной выдернутой нити. В нем так много других нитей, каждая нужна, каждая участвует...

Бейли замолчал. Дэниел терпеливо ждал. Бейли открыл глаза, увидел Дэниела и слегка нахмурился.

— Вы еще здесь? Вам пора. Я сказал все, что хотел.

— Я не хочу уходить, партнер Элайдж.

— Вы должны. Я не могу больше бороться со смертью. Я страшно устал. Я хочу умереть. Пора.

— Я не могу подождать?

— Я не хочу. Если я умру на ваших глазах, это может скверно подействовать на вас, несмотря на все мои слова. Уходите. Я приказываю. Я позволю вам быть роботом, если желаете. Но в этом случае вы должны повиноваться моим приказам. Вы не можете спасти мне жизнь и ничего не можете сделать, так что

Второй Закон тут ни при чем. Идите! — Умирающий указал на дверь и добавил: — Прощайте, друг Дэниел.

Дэниел медленно повернулся, с невероятным затруднением повинуясь приказу.

— Прощайте, партнер... — Он сделал паузу и хрипловато закончил: — Прощайте, друг Элайдж.

Бентли встретил его в другой комнате.

— Он еще жив?

— Был жив, когда я уходил.

Бентли пошел к отцу и тут же вернулся:

— Уже нет. Он увиделся с вами и ушел.

Дэниел прислонился к стене. Прошло некоторое время, прежде чем он смог встать, ни на что не опираясь. Вскоре они вернулись на маленький корабль и отправились на орбиту, где ждала Глэдия.

Она тоже спросила, жив ли еще Элайдж, и, когда ей сказали, что умер, повернулась и с сухими глазами ушла в свою каюту. Плакать.

37а

Дэниел продолжал, словно короткое воспоминание о смерти Элайджа Бейли не ворвалось в ход его мыслей:

— Теперь, в свете речи мадам Глэдии, я как-то лучше понимаю, о чем говорил партнер Элайдж.

— В каком смысле?

— Я еще не вполне уверен. Очень трудно думать о том, о чем я пытаюсь думать.

— Я буду ждать, сколько нужно, — сказал Жискар.

38

Джиновус Пандарал был высок и не очень стар.

Копна густых белых волос и пушистые белые баки придавали ему достойный и изысканный вид. Его внешность лидера помогала ему продвигаться по службе, но сам он прекрасно знал, что его наружность много значительнее внутреннего содержания.

Когда его избрали в директорат, он довольно быстро утра-

тил первоначальный энтузиазм. Место оказалось хлопотливым, и, автоматически поднимаясь по службе каждый год, он сознавал это все яснее.

Сейчас Пандарал был главным директором. В прежние времена задачи управления не были достаточно сложными. Чем был Бейлимир во времена Нефи Морлера восемь десятилетий назад? Маленьким мирком, кучкой ферм и городков, сгруппировавшихся вокруг пригородных коммуникационных линий. Население не превышало пяти миллионов, а основной статьей дохода был экспорт древесины и немного — титана. Под влиянием Хена Фастольфа с Авроры, который относился к поселенцам более или менее благосклонно, космониты полностью игнорировали их, и жизнь была проста. Когда хотелось вдохнуть культуры или подучиться, ездили на Землю. Да и встречный поток мигрантов с Земли не иссякал. Мощность земного источника была неистощима.

Так почему же Морлер не стал тогда главным директором? Ему же нечего было делать.

В будущем управление, наверное, опять станет простым. Поскольку космониты продолжают вырождаться — каждый школьник знал, что они вырождаются и должны погрязнуть в противоречиях своего общества, правда, сам Пандарал был не вполне в этом уверен, — а число и сила поселенцев растут, скоро настанет время, когда жизнь снова будет безмятежной.

Поселенцы будут спокойно жить и развивать собственные технологии.

Когда Бейлимир, а равно и остальные миры станут такими же, как Земля, а новых поселений будет еще больше, появится Великая галактическая империя. И как старейший и наиболее населенный из Поселенческих миров Бейлимир будет занимать в этой империи первое после Земли место.

Но, увы, Пандарал был главным директором не в прошлом и не в будущем, а сейчас.

Хен Фастольф умер, но Калдин Амадейро жив.

Амадейро еще два столетия назад был против того, чтобы Земле разрешили отправлять поселенцев, и он все еще жив и может доставить еще много неприятностей. Космониты пока достаточно сильны, их не сбросишь со счетов, а поселенцы еще не настолько окрепли, чтобы уверенно идти вперед. Но поселенцы каким-то образом сдерживали космонитов, и равновесие не слишком изменилось.

Задача умиротворять космонитов, а в поселенцах поддерживать решительность и одновременно здравомыслие падала в основном на плечи Пандарала, что было для него нежелательно и неприятно.

Это было холодное серое утро, шел снег. Пандарал брел по отелю один. Он не пожелал идти со свитой.

Охранники вытягивались, когда он проходил мимо, но он почти не замечал их. Капитан охраны вышел ему навстречу.

— Никаких неприятностей, капитан? — спросил Пандарал.

— Никаких, директор. Все спокойно.

Пандарал кивнул:

— В какой комнате Бейли? Ага. А космонитка и ее роботы под охраной? Хорошо.

Он пошел дальше. Вообще-то Д. Ж. вел себя хорошо.

Покинутая Солярия, где было превеликое множество роботов, могла бы стать источником сказочных прибылей, хотя прибыли ни в коей мере нельзя было считать естественным эквивалентом безопасности, мрачно думал Пандарал. Но Солярию, набитую ловушками, лучше оставить в покое. Д. Ж. хорошо сделал, что сразу же убрался оттуда и взял с собой ядерный усилитель. Подобные приборы были настолько массивны, что ими можно было пользоваться только в громадных устройствах, предназначенных для уничтожения вторгшихся кораблей, к тому же они еще не вышли из стадии разработки. Да, слишком уж они огромны. Совершенно необходимо иметь меньшие варианты, и Д. Ж. правильно рассудил, что куда важнее всех роботов, вместе взятых, привезти в Бейлимир этот прибор. Этот усилитель должен здорово помочь ученым Бейлимира.

Однако если один Внешний мир имел портативный усилитель, то почему бы не иметь и другим? Если это оружие поместить в корабль, космический флот может без труда уничтожить любое количество Поселенческих миров. Как далеко они ушли в этом развитии и как скоро Бейлимир сможет прогрессировать в том же направлении с помощью привезенного Д. Ж. усилителя?

Пандарал постучал в дверь комнаты Д. Ж., не дожидаясь ответа, вошел и сел без приглашения. Это были немногие полезные преимущества звания главного директора.

Д. Ж. выглянул из ванной и сказал сквозь полотенце, которым вытирал голову:

— Рад был бы приветствовать господина директора надлежащим образом, но вы застали меня в крайне недостойном виде, поскольку я только что из-под душа.

— Ладно, заткнитесь, — раздраженно пробормотал Пандарал.

Обычно он всегда радовался неистощимому остроумию Д. Ж., но не сегодня. В каком-то смысле он никогда по-настоящему не понимал Д. Ж.

Д. Ж. был Бейли, прямой потомок великого Элайджа и основателя Бентли. Это делало его естественным кандидатом на пост директора, к тому же он был добродушен, что нравилось публике. Однако он выбрал карьеру торговца, трудную и опасную. Она могла сделать его богатым, а могла и убить или, что еще хуже, преждевременно состарить.

Кроме того, Д. Ж. месяцами отсутствовал в Бейлимире, а Пандарал предпочитал его советы советам большинства членов его ведомства.

Никто никогда не мог догадаться, серьезен ли Д. Ж., но слушать он умел.

Пандарал тяжело вздохнул:

— Я не думаю, что речь этой женщины была лучшим из того, что могло случиться с нами.

Д. Ж., одеваясь, пожал плечами:

— Кто мог предвидеть это?

— Вы могли. Вы должны были узнать о ней все, прежде чем везти ее с собой.

— Так я и узнал о ней все, директор. Более тридцати лет она прожила на Солярии. Она выросла там и жила в окружении одних роботов. Людей она видела только на трехмерном экране, за исключением мужа, но и тот не часто посещал ее. Когда она приехала на Аврору, ей трудно было приспособиться, и даже там она жила в основном среди роботов. За два с лишним века она едва ли видела одновременно человек двадцать, а здесь было четыре тысячи. Я думал, что она скажет несколько слов, если вообще сможет открыть рот. Откуда мне было знать, что она такой оратор?

— Вы должны были остановить ее. Вы же сидели рядом.

— Вы хотели скандала? Люди восхищались ею. Вы были там и знаете, что, если бы я заставил ее сесть, слушатели полезли бы на сцену. Но ведь и вы, директор, не пытались остановить ее.

Пандарал покашлял.

— Я думал об этом, но каждый раз, когда оглядывался, встречался глазами с роботом — ну, тем, который похож на робота.

— С Жискаром. Ну и что? Он же не мог ничего вам сделать.

— Я знаю, но он нервировал меня и каким-то образом смирял.

— Ладно, директор, это неважно, — сказал Д. Ж. Он уже оделся и придвинул к собеседнику поднос с завтраком.

— Кофе еще горячий, берите булочку и джем. Все прошло хорошо. Не думаю, что публика преисполнится любовью к космонитам и испортит нашу политику. Случившееся даже может пойти нам на пользу. Если космониты узнают, к чему она призывала, партия Фастольфа может усилиться. Несмотря на то что Фастольф умер, партия его жива, и нам нужно поддержать ее политику умеренности.

— Я думаю о том, — сказал Пандарал, — что через пять месяцев соберется Всепоселенческий конгресс и я услышу множество ядовитых намеков на умиротворение Бейлимира и на любовь его жителей к космонитке. — И угрюмо добавил: — Чем меньше планета, тем больше на ней ястребов.

— А вы найдите на это достойный ответ, — посоветовал Д. Ж. — На публике держитесь по-государственному, а их отведите в сторонку, посмотрите прямо в глаза и скажите, что в Бейлимире свобода слова и мы намерены поддерживать ее и в дальнейшем. Скажите им, что Бейлимир принимает близко к сердцу интересы Земли, но, если какая-нибудь планета захочет доказать большую преданность Земле тем, что объявит войну космонитам, Бейлимир будет с интересом наблюдать, но и только. Такое заявление заткнет им глотки.

— Ой, нет, — с тревогой сказал Пандарал. — Об этом может стать известно, уж тогда так завоняет...

— К сожалению, вы правы. Впрочем, не думайте об этом и не позволяйте этим безмозглым горлопанам уговорить вас.

Пандарал вздохнул:

— Я полагаю, что мы справимся, но прошлый вечер сорвал все наши планы. Вот о чем я жалею.

— Какие планы?

— Когда вы уехали с Авроры на Солярию, за вами последовали два аврорианских корабля. Вы об этом знали?

— Нет, но предполагал что-то в этом роде, — равнодушно ответил Д. Ж. — Именно по этой причине я и старался попасть на Солярию обходным путем.

— Один из аврорианских кораблей приземлился на Солярии в нескольких тысячах километров от вас, так что он, похоже, не собирался следить за вами, а второй остался на орбите.

— Разумно. Я бы сделал то же самое, если бы имел в своем распоряжении второй корабль.

— Приземлившийся второй корабль был уничтожен в считаные часы. Тот, что остался на орбите, сообщил об этом и получил приказ вернуться. Торговая мониторная станция перехватила его сообщение и передала нам.

— Оно было некодированным?

— Нет, конечно, кодированным, но мы раскрыли код.

Д. Ж. задумчиво кивнул:

— Очень интересно. Я полагаю, у них на борту не было никого, кто говорил бы по-солярианski.

— Ясное дело. Если никто не знает, куда девались солярианe, эта ваша женщина — единственная солярианка в Галактике.

— И аврориане отдали ее мне. Не повезло им.

— Во всяком случае, я хотел объявить о гибели аврорианского корабля вчера вечером. Просто как факт, без злорадства. Это, наверное, взволновало бы всех поселенцев в Галактике, ведь мы вернулись, а аврориане — нет.

— Но она же солярианка, — сухо сказал Д. Ж., — а не авроriанка.

— Прекрасно. Это тоже выставило бы тебя и женщину в хорошем свете. Но теперь все ни к чему. После того что она сделала, ничего не имеет значения, даже известие о гибели аврорианского корабля.

— После того как все аплодировали любви и родственным отношениям, было бы противоестественным через полчаса рукоплескать смерти двухсот аврорианских родственников.

— Я тоже так думаю. А какой был общий душевный порыв — и мы его упустили.

Д. Ж. нахмурился.

— Забудьте об этом, директор. Вы сможете развернуть пропаганду в более подходящее время. Важно одно: что все это означает. Аврорианский корабль сокрушен. Это значит, что он не ожидал, что против него применят ядерный усилитель. Второму кораблю приказали возвращаться, и это может означать, что корабль не был снабжен защитой от такого оружия, а может быть, подобной защиты у них и вовсе нет. Отсюда я делаю вывод: портативный усилитель, или хотя бы полупортативный, — исключительно солярианского производства, а не общекосмонитского. Если так, то это хорошее известие для нас. Так что в данный момент не беспокойтесь о своей пропаганде, а сосредоточьтесь лучше на том, чтобы добыть максимум информации об этом усилителе. Было бы неплохо опередить в этом космонитов.

Пандарал прожевал кусок булочки и сказал:

— Наверное, вы правы, но как в этом случае отнестись к другой информации?

— Какой? Послушайте, директор, вы собираетесь дать мне информацию, которая мне нужна, чтобы вести разумную беседу? Или намерены бросать ее частями в воздух и заставлять меня прыгать за ней?

— Не злитесь, Диджи. Не было бы смысла разговаривать с вами, если бы я не мог держаться свободно. Вы знаете, что такое совещание директората? Не желаете ли взять на себя мою работу? Вы можете ее получить, как вам известно.

— Нет, спасибо, не хочу. Я хочу только получить от вас немного информации.

— Нам передали послание с Авроры, срочное. Они соизволили обратиться непосредственно к нам, а не через Землю.

— Стало быть, важное послание. Что же они хотят?

— Они хотят, чтобы солярианка вернулась домой.

— Значит, они знают, что наш корабль покинул Солярию и вернулся в Бейлимир. У них тоже есть мониторные станции, и они тоже перехватывают наши сообщения.

— Наверняка, — раздраженно сказал Пандарал. — Они расшифровывают наши коды так же быстро, как и мы их. Мы квиты.

— Они сказали, зачем им женщина?

— Конечно, нет! Космониты не объясняют, а приказывают.

— Может, они знают, что она сделала на Солярии? Поскольку никто из них не говорит по-солярианski, может, они хотят, чтобы она очистила планету от надзирателей?

— Откуда им было узнать, Диджи? Мы объявили об этом только вчера вечером, а послание с Авроры получено гораздо раньше. Но неважно, зачем она им. Вопрос в другом: что нам делать? Если мы не вернем ее, то можем обострить отношения

с Авророй, если вернем, будем неважно выглядеть в глазах наших жителей, а старик Бастервейн станет кричать, что мы пресмыкаемся перед космонитами.

Собеседники посмотрели друг другу в глаза.

— Мы вернем ее, — сказал Д. Ж. — В конце концов, она космонитка и гражданка Авроры. Мы не можем удерживать ее здесь против воли Авроры, иначе поставим под удар всех торговцев, которые появляются на территории космонитов. Но отвезу ее я, директор, и вы не сможете меня ни в чем упрекнуть. Когда я увозил ее на Солярию, то пообещал, что верну ее на Аврору. Официально это нигде не записано, но я человек чести и должен сдержать обещание. Это может обернуться к нашей выгоде.

— Каким образом?

— Придумаем. Однако, директор, мой корабль должен быть отремонтирован для полета. А моим людям нужна премия. Они же лишаются отпуска.

39

Несмотря на то что Д. Ж. предполагал появиться на своем корабле не раньше чем через три месяца, он, как ни странно, пребывал в благодушном настроении.

Несмотря на то что Глэдия теперь имела на корабле помещение более роскошное, чем раньше, она, как ни странно, была несколько удручена.

— Зачем все это, Диджи?

— Смотрите в зубы дареному коню?

— Я просто спрашиваю — почему?

— По одной причине, миледи: вы — героиня класса А, а когда корабль ремонтировался, это помещение было решено отдать вам.

— Но ведь корабль не стал больше. У кого отняли?

— Вообще-то это была комната отдыха для команды, но ребята настаивали. Вы помните Нисса?

— Конечно.

— Он хочет, чтобы вы взяли его на работу вместо Дэниела. Он говорит, что Дэниел не рад работе и извиняется перед своими жертвами, а он, Нисс, отлупит всякого, кто доставит

вам хоть малейшую неприятность, сделает это с удовольствием и, уж конечно, не станет извиняться.

Глэдия улыбнулась:

— Скажите ему, что я польщена его предложением и в следующий раз, когда мы с ним увидимся, с удовольствием пожму ему руку. В тот раз я отказалась, а, наверное, зря.

— Надеюсь, вы наденете перчатки, когда станете пожимать руки.

— Конечно, но я вот думаю, так ли это необходимо. Я уже не так часто простужаюсь, с тех пор как уехала с Авроры. Инъекции, которые мне сделали, видимо, укрепили мою иммунную систему. — Она снова огляделась. — Вы даже сделали ниши для Дэниела и Жискара. Вы очень внимательны, Диджи.

— Мадам, мы очень старались, чтобы вы были довольны.

— Странное дело, — сказала Глэдия, словно сама удивлялась тому, что хотела сказать. — Я не уверена, что хочу уезжать с вашей планеты.

— Вот как? Холод, снег, грязно, убого, огромные вопящие толпы всюду. Что может привлекать вас здесь?

Глэдия покраснела.

— Уж конечно, не толпы.

— Позволю себе поверить вам, мадам.

— Дело совсем в другом. Я никогда ничего не делала. Я занимала себя всевозможными способами. Я занималась светоскульптурой и экзодизайном роботов. Я занималась любовью, была женой и матерью и ни в чем не чувствовала себя личностью. Если бы я внезапно исчезла из жизни или вообще никогда не родилась, это никого бы не огорчило, кроме, может быть, одного-двух близких друзей. Теперь же дело другое.

— Да? — Чуть заметная усмешка проскользнула в голосе Д. Ж.

— Да! Я могу влиять на людей. Я могу выбрать дело и сделать его своим. Я выбрала такое дело: я хочу предупредить войну. Я хочу, чтобы Вселенную заселили и космониты и поселенцы одинаково. Я хочу работать над этим, чтобы после меня история изменилась благодаря мне, и люди сказали бы: «Если бы не она, все могло быть гораздо хуже». — Она повернула к Д. Ж. сияющее лицо. — Понимаете ли вы, что значит после двух с лишним столетий безделья получить шанс стать кем-то, узнать, что жизнь вовсе не пуста и бессодержательна, что есть в ней нечто удивительное, стать счастливой через

много лет после того, как была утрачена всякая надежда на счастье?

— Но вы этого ничего не получите в Бейлимире, мадам, — сказал Д. Ж. чуточку смущенно.

— Я не получила бы этого на Авроре. Там я всего лишь солярианская женщина, эмигрантка. А в Поселенческом мире я космонитка — нечто необычное.

— Однако вы много раз и очень настойчиво утверждали, что хотите вернуться на Аврору.

— Раньше — да, но сейчас я не хочу этого, Диджи. Теперь я не хочу возвращаться.

— Это могло бы оказать большое влияние на Бейлимир. Но Аврора желает вашего возвращения. Так она нам заявила.

Глэдия оторопела:

— Они хотят этого?

— Официальное письмо за подписью Председателя Авроры требует вашего возвращения. Мы бы рады оставить вас у себя, но директорат решил, что это может вызвать обострение межзвездных отношений. Я не согласен с этим, но мне приказали.

Глэдия нахмурилась:

— Зачем я им? Я жила на Авроре больше двух столетий, и мною никогда не интересовались. А может, теперь они считают, что только я могу остановить надзирателей на Солярии? Как вы думаете?

— Такая мысль приходила мне в голову, миледи.

— Но я не могу. Да, я оттаскивала надзирательницу за волосы, но никогда не смогу повторить того, что сделала. Я знаю, что не смогу. Кроме того, зачем им высаживаться на планету? Они могут уничтожить надзирателей на расстоянии, раз они теперь знают, что это за надзиратели.

— Дело в том, что послание с Авроры было получено задолго до того, как на Авроре могли узнать о вашем конфликте с надзирательницей. У них есть какая-то другая причина требовать вашего возвращения.

— О! — Глэдия выглядела совершенно ошеломленной, но скоро она пришла в себя. — Мне наплевать на их причины. Я не хочу возвращаться. У меня здесь работа, и я собираюсь продолжить ее.

Д. Ж. встал.

— Рад слышать это от вас, мадам Глэдия. Я надеялся, что

вы захотите так поступить. Я обещаю вам, что, оставляя Аврору, сделаю все возможное, чтобы взять вас с собой. Однако сейчас я должен отправляться на Аврору, и вы должны ехать со мной.

40

Глэдия смотрела на исчезающий Бейлимир и испытывала совершенно иные чувства, нежели те, с которыми приближалась к этой планете. Да, это действительно холодный, серый, жалкий мир, каким он и показался поначалу, но в нем были человеческие жизнь и тепло, реальные, основательные.

Солярия, Аврора, другие Внешние миры, которые она посещала или видела по гипервидению, казались ей наполненными чем-то... газообразным. Неважно, сколько именно людей живут в том или ином Внешнем мире, они разлетаются по планете, как молекулы газа в какой-нибудь емкости. Кажется, что космониты отталкиваются друг от друга.

Глэдия мрачно подумала, что так оно и есть. Космониты всегда отталкивали ее.

Она привыкла к этому на Солярии, но даже на Авроре, где она сначала так безрассудно экспериментировала с сексом, близость была близостью словно по необходимости.

Исключение — Элайдж. Но Элайдж не был космонитом.

Бейлимир оказался не таким. Наверное, все Поселенческие миры не такие. Поселенцы держатся вместе, вокруг них огромные пустынные пространства — впрочем, пустынные до тех пор, пока растущее население не освоит их. Поселенческий мир — это мир, заполненный людьми, камнями, булыжниками — всем, чем угодно, но не газом.

Почему так? Из-за роботов. Они уменьшают зависимость людей друг от друга. Они заполняют промежутки. Они являются своеобразным изоляционным материалом, уменьшающим естественную тягу людей друг к другу, и в результате вся система оказывается в изоляции.

Да, конечно. Нигде не было столько роботов, как на Солярии, и изоляционный эффект там настолько велик, что маленькие частички этого газа — люди — становились такими инертными, что почти не общались между собой. «Куда же ушли соляриане? — думала Глэдия. — И как они живут?»

Длинная жизнь тоже, наверное, играла свою роль. Как могут добрые чувства существовать долгие десятилетия и не превратиться в озлобленность? А если человек умирал, как другой мог переносить утрату столько десятилетий? Поэтому-то люди учились подавлять эмоциональную привязанность и держались друг от друга подальше.

С другой стороны, люди, которые живут мало, не успевают ощутить всей прелести жизни. И это чувство передается из поколения в поколение, словно мяч, который перебрасывают из рук в руки, не давая ему коснуться земли.

Недавно Глэдия жаловалась Д. Ж., что ей нечего делать, потому что она испытала все и передумала обо всем и ей осталось только скучать. Ей даже не снилось, что она может стоять перед толпой людей, говорить с ними, чувствовать их, слиться с ними в единый большой организм. Она даже мечтать не могла испытать то, что испытала. А сколько еще такого, о чем она не знала, не подозревала, несмотря на то что так долго прожила! Что еще можно испытать?

— Мадам Глэдия, — мягко сказал Дэниел, — капитан хочет войти.

— Впусти его.

Д. Ж. вошел.

— Я думал, что вас нет дома.

Глэдия улыбнулась:

— Можно сказать и так. Я задумалась, да так, что заблудилась в мыслях. Со мной это иногда случается.

— Счастливая женщина! А мои мысли никогда не бывают такими глубокими, чтобы я в них потерялся. Ну, вы примирились с тем, что вам придется вернуться на Аврору, мадам?

— Нет. Среди мыслей, в которых я заблудилась, была и та, которую я все еще не могу усвоить: зачем вам ехать на Аврору? Ведь не затем же, чтобы отвезти меня: это мог сделать любой грузовой корабль.

— Могу я сесть, мадам?

— Конечно. И нечего спрашивать, капитан. Я хотела бы, чтобы вы перестали обращаться со мной, как с аристократкой. Это становится утомительным. А если вы таким образом хотите напомнить мне, что я космонитка, тогда еще хуже. И я даже предпочла бы, чтобы вы звали меня просто Глэдия.

— Вы, кажется, хотите отказаться от своей космонитской сущности, Глэдия?

— Я просто хочу забыть о несущественных различиях.

— Несущественных? Ваша жизнь в два раза длиннее моей.

— Как ни странно, я считаю это досадным недостатком космонитов. Скоро мы достигнем Авроры?

— На этот раз обходных маневров не будет. Через несколько дней делаем прыжок, а там два-три дня — и Аврора.

— А зачем вам-то ехать на Аврору, Диджи?

— Я мог бы сказать: просто из вежливости — но в действительности я хочу воспользоваться случаем, чтобы объяснить вашему Председателю или хотя бы кому-то из его подчиненных, что произошло на Солярии.

— Разве они этого не знают?

— В целом знают. Они перехватывали наши сообщения, как и мы поступали бы, будь мы на их месте. Однако они могут сделать неверные выводы, и в этом случае я хотел бы их поправить.

— И какой же вывод верный?

— Как вы знаете, надзиратели на Солярии обучены считать существо человеком лишь в том случае, если оно говорит по-солярианski, как вы. Это означает, что не только поселенцы, но и все космониты-несоляриане людьми не считаются. Таким образом, аврориане, высадившиеся на Солярии, не были приняты за людей.

Глэдия широко раскрыла глаза.

— Невероятно! Соляриане не могли заставить надзирателей относиться к аврорианам так же, как к вам.

— Не могли? Они уже уничтожили аврорианский корабль. Вы знаете об этом?

— Аврорианский корабль! Нет, я не знала.

— Уверяю вас, что это так. Аврорианский корабль приземлился примерно в то же время, что и мы. Мы улетели, а они — нет. Но у нас были вы, а у них... Отсюда возможен вывод, что Аврора не может автоматически считать союзниками все Внешние миры. И в случае чего каждый Внешний мир будет вынужден действовать самостоятельно.

Глэдия затрясла головой:

— Нельзя так обобщать. Возможно, солярианам трудно было научить надзирателей положительно реагировать на каждый из пятидесяти акцентов и отрицательно — на все остальные: легче приучить их к одному акценту. Соляриане

считали, что никто из космонитов не высадится на их пустой планете.

— Да, я уверен, что аврорианское руководство согласится с этим соображением, поскольку людям всегда легче сделать удобный вывод. Но я хочу убедить их и в возможности неудобного вывода, и пусть им станет не по себе. Простите мое самомнение, но, по-моему, никто не сделает это лучше меня, и, следовательно, именно я должен ехать на Аврору.

Глэдия чувствовала, что разрывается на части. Она не хотела быть космониткой, она хотела быть просто человеком и забыть о том, что она называла «несущественными различиями». Но когда Д. Ж. с таким удовлетворением говорил о том, что поставит Аврору в унизительное положение, она снова почувствовала себя космониткой.

— Я думаю, что Поселенческие миры тоже имеют свои особенности. Разве каждый из них не действует самостоятельно?

Д.Ж. покачал головой:

— Вам может показаться, что так оно и есть, и я не удивлюсь, если каждый поселенец иногда ставит свои интересы и интересы своего мира выше общего блага, но у нас есть то, чего не хватает космонитам.

— А именно? Вы благороднее?

— Конечно, нет. Мы не благороднее, чем космониты, но у нас есть Земля. Это наш мир. Каждый поселенец старается почаще бывать там. Каждый поселенец знает, что существует большой развитый мир с невероятно богатой историей, множеством культур и сложной экологией, к которому он, поселенец, принадлежит. Поселенческие миры могут не ладить между собой, но для выяснения отношений они никогда не применяют силу, потому что земное правительство сразу призовет их к порядку, а решения Земли подлежат немедленному исполнению и не обсуждаются. Вот наши три преимущества, мадам Глэдия: отсутствие роботов, позволяющее нам строить новые миры своими руками, быстрая смена поколений, что способствует постоянному обновлению, и, самое главное, Земля, наша опора и пристанище.

— Но космониты... — начала было Глэдия и замолчала.

Д. Ж. невесело улыбнулся:

— Вы хотели сказать, что космониты тоже потомки землян и Земля тоже их планета? Фактически правильно. Космониты сделали все, что могли, чтобы отказаться от своего наследства.

Они не признают себя потомками землян. Будь я мистиком, я бы сказал, что, оторвавшись от своих корней, космониты долго не просуществуют. Но я не мистик. Поэтому не выражусь в такой форме, но все равно они не смогут выжить, я уверен. — Он помолчал и добавил немного смущенно, словно понял, что задел Глэдию за живое: — Пожалуйста, думайте о себе как о человеке, а не как о космоните, и я буду думать о себе как о человеке, а не поселенце. Человечество выживет, будь то поселенцы, или космониты, или те и другие вместе. Я думаю, что это будут поселенцы, но, может, я ошибаюсь.

— Нет, — сказала Глэдия, стараясь выглядеть спокойной. — Я думаю, что вы правы — люди должны перестать отличать космонитов от переселенцев. Это и есть моя цель — научить их не различать.

— Я задерживаю ваш обед, — сказал Д. Ж. и взглянул на часы. — Могу я поесть с вами?

— Конечно.

Д. Ж. встал.

— Тогда я пойду и принесу. Я бы послал Дэниела или Жискара, но не хочу привыкать приказывать роботам. Кроме того, хоть команда и обожает вас, это обожание вряд ли распространяется на ваших роботов.

Глэдия вообще-то не хотела есть. Она все еще не могла привыкнуть к недостаточно тонкому вкусу еды, которую, видимо, готовили так же, как на Земле. Но невкусной еда не была, и Глэдия стала флегматично жевать.

Д. Ж. заметил, что она ест без интереса, и спросил:

— Надеюсь, пища хорошо усваивается?

— Да. Видимо, я привыкаю. Сначала было немного неприятно, но потом прошло.

— Я рад. Но вот что, мадам...

— Да?

— Вы не представляете, почему аврорианское правительство так настойчиво зовет вас домой? Дело же не в том, как мы обошлись с надзирательницей или как вы выступили. Они потребовали вашего возвращения до того, как могли узнать об этих событиях.

— В таком случае, — грустно сказала Глэдия, — я им вовсе не нужна и никогда не была нужна.

— Но что-то должно быть. Я же говорил вам, что письмо подписал Председатель Совета Авроры.

— В данном случае именно этого Председателя можно рассматривать как подставное лицо.

— Да? И кто же стоит за ним? Калдин Амадейро?

— Точно. Значит, вы его знаете?

— О, да, — мрачно ответил Д. Ж. — Фанатически ненавидит Землю. Человек, который как политическая фигура был уничтожен доктором Фастольфом два столетия назад, но выжил и снова угрожает нам. Вот пример долголетия мертвой руки.

— Но тут такая странность: Амадейро — человек мстительный. Он знает, что причиной его поражения, о котором вы упомянули, был Элайдж Бейли, и уверен, что я тоже причастна к этому, поэтому его крайняя неприязнь распространяется и на меня. Если Председатель хочет видеть меня, значит, этого хочет Амадейро. А зачем я нужна Амадейро? Он должен радоваться, что избавился от меня. Наверное, он и послал меня с вами на Солярию, рассчитывая, что ваш корабль погибнет и я вместе с ним. Это ничуть не огорчило бы Амадейро.

— Он не стал бы оплакивать вас, да? Но вам, надо полагать, никто не сказал: «Поезжайте с этим дураком поселенцем, потому что нам доставит удовольствие известие о вашей гибели»?

— Нет, мне сказали, что вам очень нужна моя помощь, что в настоящее время существует политика сотрудничества с Поселенческими мирами и для Авроры будет великим благом, если я по возвращении сообщу обо всем, что происходит на Солярии.

— Да, конечно, они должны были сказать так. Но когда, вопреки их ожиданиям, наш корабль вернулся, а аврорианский погиб, им, конечно, захотелось узнать о происшедшем из первых рук. И когда я вместо Авроры повез вас в Бейлимир, они взвыли и потребовали вашего возвращения. Так вполне могло быть. Но сейчас-то им известно обо всем — так зачем им вы? Впрочем, им известно обо всем исключительно из передач с Бейлимира. Стало быть, они просто не верят этому. Но все-таки...

— Что все-таки, Диджи?

— Все-таки я инстинктивно чувствую, что в их послании сквозит желание не только послушать вас. За их настойчивостью, мне кажется, что-то скрывается.

— Ничего там не может скрываться. Ничего!

— Не знаю, не знаю — может быть, — задумчиво произнес Д. Ж.

41

— Я тоже хотел бы знать, — сказал ночью Дэниел из своей ниши.

— О чем, друг Дэниел? — спросил Жискар.

— Об истинном значении послания с Авроры, требующего возвращения леди Глэдии. Мне, как и капитану, желание выслушать ее отчет кажется не вполне достаточным.

— У тебя есть альтернативное предложение?

— Есть одна мысль.

— Могу я узнать ее?

— Мне думается, что в требовании Совета Авроры содержится нечто большее, чем говорится, и они, возможно, желают видеть не мадам Глэдию.

— Кого же они могут ждать, кроме мадам Глэдии?

— Друг Жискар, мыслимо ли, чтобы леди вернулась без нас?

— А зачем мы с тобой нужны Совету Авроры?

— Я-то не нужен, а ты уникален, потому что умеешь проникать в мозг человека.

— Это верно, друг Дэниел, но они этого не знают.

— А не могло ли случиться, что после нашего отъезда они каким-то образом обнаружили этот факт и горько пожалели, что отпустили нас?

— Нет, этого не может быть, — без колебаний сказал Жискар. — Откуда им это узнать?

— Я размышлял об этом, — осторожно сказал Дэниел. — Ты во время своего давнего визита на Землю с доктором Фастольфом ухитрился переналадить несколько земных роботов и снабдил их ограниченными умственными способностями, достаточными для того, чтобы продолжать влиять на правительство Земли в смысле благоприятного отношения к заселению планет. Ты сам однажды говорил мне об этом. Таким образом, роботы на Земле способны исправлять мысли. Затем, как мы недавно предположили, Институт роботехники Авроры послал гуманоидных роботов на Землю. Мы не знаем точно, с какой это было сделано целью, скорее всего такие роботы наблюдают за событиями на Земле и сообщают на Аврору. Даже если аврорианские роботы не умеют манипулировать мозгами, они могут посылать рапорты о том, что то или иное официальное лицо вдруг изменило свое отношение к поселен-

честву, и, может быть, как раз в то время, когда мы уезжали с Авроры, кого-то из власть имущих на Авроре осенило, что все это можно объяснить присутствием на Земле мысленаправляющих роботов. И это можно связать только с доктором Фастольфом либо с тобой. Тогда аврорианскому правительству станет ясно значение некоторых других событий, которые можно связать скорее с тобой, чем с доктором Фастольфом. В результате они хотят во что бы то ни стало получить тебя обратно, но не могут открыто требовать, потому что это выдает факт их нового знания. Вот они и требуют леди Глэдию — естественное требование, — зная, что если она вернется, то только вместе с нами.

Жискар долго молчал.

— Рассуждение очень интересное, друг Дэниел, но кое-что в нем никуда не годится. Те роботы, которых я программировал, выполнили свою работу более столетия назад и с тех пор бездеятельны, по крайней мере в том, что касается мысленаправления. Больше того, Земля отправила роботов из городов в ненаселенную местность уже очень давно. Это означает, что человекоподобные роботы, посланные, как мы думаем, на Землю, не имели возможности встретиться с моими мысленаправляющими роботами или хотя бы узнать о них, ведь роботы давно не занимаются мысленаправлением. Так что опасения, что мои особые способности обнаружены, беспочвенны.

— А нельзя ли обнаружить их по-другому?

— Нет, — твердо ответил Жискар.

— И все-таки хотел бы я знать... — произнес Дэниел.

Часть IV

АВРОРА

Глава 11

СТАРЫЙ ЛИДЕР

42

Память, простая человеческая память мучила Калдина Амадейро, словно болезнь, к которой он не имел иммунитета: пожалуй, он был даже более восприимчив к ней, чем большинство людей. Кроме того, память Амадейро была настолько цепкой, что, однажды засев в ее глубине, гнев и разочарование возвращались к нему вновь и вновь.

А ведь так все хорошо сложилось двести лет назад! Он стал директором Института роботехники (и до сих пор оставался им), и в этот победоносный момент ему казалось, что, опрокинув своего главного врага Хена Фастольфа и оставив его в беспомощной оппозиции, он обязательно добьется полного контроля над Советом.

Если бы ему это удалось... если бы ему это только удалось...

Он пытался не думать об этом, но все думал и думал, словно не мог насытиться скорбью и отчаянием.

Если бы он победил, Земля так и осталась бы в изоляции и одиночестве, и он увидел бы, как она медленно гибнет. Почему бы и нет? Маложивущему народу на больной перенаселенной планете лучше умереть, в сто раз лучше умереть — это в сто раз лучше, чем жить той жизнью, которую они сами себя заставили вести.

А царство Внешних миров, где так спокойно и безопасно, должно было расширяться. Фастольф всегда сетовал на то, что космониты слишком долго живут и слишком благоденствуют в своих роботизированных мирках, а потому не стремятся стать пионерами, но Амадейро доказал бы, что он не прав.

Но победил Фастольф. В момент, казалось, полного провала он каким-то непостижимым, невероятным образом вышел,

так сказать, в свободное пространство, выскочил из ниоткуда, извернулся и ухватил победу.

А все этот землянин, Элайдж Бейли...

Но хваткая память Амадейро почему-то всегда обходила землянина стороной. Амадейро не мог вспомнить ни его лица, ни голоса, ни поступков. Достаточно было одного имени. Два столетия не угасили ненависть Амадейро, ни на йоту не смягчили боль.

В результате политики Фастольфа презренные земляне разлетелись со своей гнилой планеты и стали заселять один мир за другим. Вихрь земного прогресса ошеломил и парализовал Внешние миры. Сколько раз Амадейро обращался к Совету, указывая, что Галактика ускользает из рук космонитов, а Аврора безучастно смотрит, как одну планету за другой захватывает низшая раса, что с каждым годом апатия все сильнее овладевает духом космонитов.

«Поднимайтесь! — призывал он. — Поднимайтесь! Смотрите, как растет их число! Смотрите, как множатся Поселенческие миры! Чего вы ждете? Когда они возьмут нас за горло?»

И всегда Фастольф отвечал мягко и успокаивающе, а аврориане и другие космониты, всегда следовавшие за лидером Авроры, снова возвращались к своей дремоте.

Очевидное словно не касалось их.

Цифры, факты, бесспорное ухудшение дел с каждым десятилетием не могли поколебать их. Можно было постоянно убеждать, пророчествовать — и видеть, как большинство следует за Фастольфом, как бараны.

Как могло случиться, что Фастольф, зная, что все его слова — полнейший вздор, так и не отказался от своей политики? Вероятно, он не из упрямства не признавал своих ошибок — он просто не видел их.

Если бы у Амадейро было богатое воображение, он, вероятно, подумал бы, что Внешние миры зачарованы, заколдованы, погружены в апатию, что некто обладающий магической силой заставил людей мыслить по-иному, скрыл истину от глаз.

И вдобавок ко всему этому народ жалел Фастольфа, ведь тот умер глубоко разочарованным. А ведь именно политика Фастольфа удерживала их! Какое право имел он быть разочарованным после этого? А что бы он делал, если бы, как Амадейро, видел и говорил правду, но не мог заставить космонитов внимать?

Сколько раз Амадейро думал: Галактике лучше быть пустой, чем под властью недочеловеков. Если бы он мог уничтожить Землю — мир Элайджа Бейли — одним кивком головы, с каким удовольствием он сделал бы это!

Однако искать спасения в подобных фантазиях — признак полного отчаяния. Время от времени его посещало желание уйти, позвать смерть, но его роботы не допустили бы этого.

Но настало время, когда власть разрушить Землю была дана ему, даже навязана против воли. Это время пришло три четверти десятилетия назад, когда он впервые встретился с Левуларом Мандамусом.

43

Воспоминание! Три четверти десятилетия назад...

Амадейро поднял глаза и увидел входящего в кабинет Мэлуна Сисиса. Он, конечно, позвонил, но, если сигнал не был услышан, он имел право войти.

Амадейро вздохнул и отложил в сторону маленький компьютер. Сисис был его правой рукой со времени основания Института. Он состарился на службе у Амадейро.

Ничего особенного не было заметно, просто в воздухе словно повеяло тлением. Нос Сисиса казался несколько более асимметричным, чем раньше. Амадейро потер собственный нос и подумал, как скверно, если и от него веет тлением. Когда-то рост помощника был 1,95 — высокий, даже по космонитским меркам. Конечно, он держится прямо, как и раньше, но стал ниже сантиметра на два. Значит, он уже начал постарчески горбиться?

Амадейро отогнал эти унылые мысли, которые тоже были признаками возраста, и спросил:

— В чем дело, Мэлун?

За Сисисом шел его личный робот, очень современный, элегантно поблескивающий. Это тоже было признаком возраста: когда человек уже не может сохранять молодое тело, он покупает нового робота-юношу. Амадейро никогда не решался вызвать улыбку настоящих молодых людей и не впадал в эту

иллюзию, в особенности потому, что Фастольф, который был старше Амадейро на восемьдесят лет, никогда этого не делал.

— Мандамус опять пришел, шеф, — сказал Сисис.

— Какой Мандамус?

— Тот, который добивался встречи с вами.

Амадейро задумался.

— Вы имеете в виду того идиота, потомка солярианки?

— Да, сэр.

— Ну а я не хочу видеть его. Разве вы не объяснили ему, Мэлун?

— Объяснил, но он попросил, чтобы я передал вам записку, и сказал, что тогда вы примете его.

— Не думаю, — протянул Амадейро. — Что в записке?

— Я не понял, шеф. Она не на галактическом.

— Так как же я ее пойму?

— Не знаю, но он просил передать ее вам. Если вы соблаговолите взглянуть на нее и распорядиться, я вернусь и тут же выгоню его вон.

— Ну ладно, давайте.

Амадейро с отвращением взглянул на записку. «Ceterum censeo, delenda est Carthago». Амадейро прочитал, поглядел на Мэлуна, снова на записку и наконец сказал:

— Вы, стало быть, видели это, раз говорите, что она не на галактическом. Вы спросили его, что это значит?

— Да, спросил, шеф. Он сказал, что это латынь, чем решительно ничего не объяснил. Он сказал, что вы поймете. Он человек очень настойчивый и сказал, что будет сидеть хоть весь день, пока вы не прочтете.

— Какой он из себя?

— Худой, серьезный, вероятно, без чувства юмора, высокий, но не такой, как вы, внимательный. Глубоко посаженные глаза, тонкие губы.

— Сколько ему лет?

— Судя по его коже, ему четыре десятилетия или около того. Он очень молод.

— В таком случае надо учесть его юность. Пригласите его.

Сисис удивился:

— Вы примете его?

— Я именно так и сказал — верно? Пригласите его.

44

Молодой человек, чеканя шаг, вошел в комнату, вытянулся перед столом и сказал:

— Благодарю вас, сэр, что согласились принять меня. Могу ли я просить, чтобы вы разрешили позвать сюда моих роботов?

Амадейро удивленно поднял брови.

— Рад буду увидеть их. Вы мне позволите оставить здесь моих?

Уже очень много лет он ни от кого не слышал такой старинной просьбы.

Это был один из добрых старых обычаев, которые канули в небытие, когда понятие официальной вежливости устарело и стало принято считать, что личные роботы человека есть часть его самого.

— Да, сэр, — сказал Мандамус.

Вошли два робота.

Амадейро заметил, что они не входили, пока не получили разрешения. Роботы были новые, явно многофункциональные, и было видно, что над ними хорошо поработали.

— Ваша собственная конструкция, доктор Мандамус? В роботах, спроектированных хозяевами, всегда есть что-то особенное.

— Правильно, сэр.

— Значит, вы роботехник?

— Да, сэр. Я получил степень в университете на Эос.

— Вы работали под руководством...

— Нет, не у доктора Фастольфа, сэр, — невозмутимо ответил Мандамус. — Под руководством доктора Маскельника.

— Ага, но вы не член Института.

— Я попросил разрешения им стать, сэр.

— Понятно. — Амадейро поправил бумаги на столе и быстро спросил, не поднимая глаз: — Где вы изучили латынь?

— Я не настолько знаю латынь, чтобы говорить и читать, но запомнить цитату и к месту ее применить могу.

— Это замечательно. Как же вы учились латыни?

— Я не могу отдавать роботехнике каждую минуту своего времени: у меня есть другие интересы, например планетология, в частности Земля. Так я добрался до земной истории и культуры.

— Не очень популярный предмет у космонитов.

— Да, сэр, и это очень плохо. Всегда нужно знать своих врагов, как знаете вы, сэр.

— А разве я знаю?

— Да, сэр. Я уверен, что вы знакомы со многими аспектами жизни Земли и знаете гораздо больше моего, поскольку изучали предмет дольше.

— С чего вы взяли?

— Я постарался узнать о вас все, что возможно, сэр.

— Значит, я тоже ваш враг?

— Нет, сэр, но я хочу сделать вас своим союзником.

— Меня? И как же вы собираетесь использовать меня? Вам не кажется, что вы несколько дерзки?

— Нет, сэр, поскольку я уверен, что вы захотите стать моим союзником.

Амадейро внимательно посмотрел на гостя:

— А вот мне кажется, что вы не просто дерзки, а нахальны. Вы понимаете смысл цитаты, которую подобрали для меня?

— Да, сэр.

— Переведите ее на стандартный галактический.

— «По моему мнению, Карфаген должен быть уничтожен».

— И что это означает, по вашему мнению?

— Это сказал Марк Порций Катон, сенатор Римской республики, политической единицы древней Земли. Рим свалил своего главного соперника — Карфаген, но не уничтожил его. Катон считал, что Рим не может чувствовать себя в безопасности, пока Карфаген не разрушен, и со временем, сэр, это было сделано.

— Но что же для нас Карфаген, молодой человек?

— Существует такое понятие, как аналогия.

— И что это означает?

— Что у Внешних миров есть главный соперник, который, по моему мнению, должен быть уничтожен.

— Имя врага?

— Планета Земля, сэр.

Амадейро мягко побарабанил пальцами по столу.

— И вы хотите, чтобы я был вашим союзником в подобном проекте? Вы полагаете, что я буду счастлив стать им? Скажите, доктор Мандамус, разве я хоть раз сказал в какой-нибудь из своих многочисленных речей или писал, что Земля должна быть уничтожена?

Мандамус поджал тонкие губы, его ноздри раздулись.

— Я здесь не для того, чтобы пытаться обнаружить нечто, что можно использовать против вас. Меня никто не посылал сюда — ни доктор Фастольф, ни кто-либо из его партии. Сам я тоже не состою в его партии. Я не хочу говорить о том, что думаете вы. Расскажу вам только о том, что думаю я. А я думаю, что Земля должна быть разрушена.

— И как же вы намереваетесь разрушить ее? Хотите предложить нам бросать на нее атомные бомбы до тех пор, пока взрывы, радиация и пылевые облака не уничтожат планету? Если так, то каким образом вы удержите поселенческие корабли от ответных действий? Ведь они станут мстить Авроре и тем Внешним мирам, до которых смогут достать. Полтораста лет назад Землю можно было разрушить безнаказанно, но не сейчас.

— У меня и в мыслях не было ничего подобного, доктор Амадейро, — возмутился Мандамус. — Я вовсе не предполагал уничтожать людей, несмотря на то что они земляне. Однако есть возможность уничтожить Землю, избегнув массовой гибели населения... и не опасаясь возмездия.

— Вы фантазер, — сказал Амадейро, — или, может быть, не совсем в своем уме.

— Разрешите мне объяснить.

— Нет, молодой человек. У меня мало времени, и только из-за вашей цитаты, которую я, кстати, отлично понял и которая возбудила мое любопытство, я позволил себе слишком долго разговаривать с вами.

Мандамус поднялся.

— Я понимаю, доктор Амадейро, что отнял у вас больше времени, чем вы могли мне уделить, но все-таки подумайте о моих словах, и если заинтересуетесь, то можете вызвать меня, когда у вас будет больше времени. Но не тяните, потому что иначе я вынужден буду действовать другим образом. Как видите, я откровенен с вами. — Он растянул губы в некотором подобии улыбки. — До свидания, и еще раз спасибо.

Он повернулся и вышел.

Амадейро некоторое время смотрел ему вслед, затем нажал кнопку звонка.

— Мэлун, — сказал он, когда Сисис вошел, — я хочу, чтобы за этим молодым человеком следили круглосуточно. Я хочу знать имена всех, с кем он будет разговаривать, поскольку намерен всех их допросить. Все, кого я позову, должны быть

приведены ко мне. Но все следует делать тихо, ласково и подружески. Пока я еще здесь не хозяин, как вам известно.

Но со временем он станет им. Фастольфу триста шестьдесят лет, и он явно сдал, а Амадейро на восемьдесят лет моложе.

45

Амадейро получал рапорты девять дней. Мандамус разговаривал со своими роботами, иногда — с университетскими коллегами, еще реже — с кем-нибудь из соседей.

Разговоры были самые тривиальные. И еще до того, как эти девять дней миновали, Амадейро решил, что долго тянуть не следует. Длинная жизнь Мандамуса только что начинается, и впереди у него еще лет триста, тогда как Амадейро осталось восемь или десять десятилетий — в лучшем случае.

Обдумав все, что говорил молодой человек, Амадейро с возрастающей тревогой почувствовал, что не может упустить шанс уничтожить Землю, им нельзя пренебрегать. Мог ли он допустить, чтобы все это произошло после его смерти, чтобы он не был свидетелем? Или, что тоже плохо, чтобы это произошло при его жизни, но командовал кто-то другой, чтобы чей-то чужой палец нажал кнопку?

Нет, он должен быть свидетелем, должен увидеть это и участвовать в этом — иначе зачем он так долго страдал? Не исключено, что Мандамус дурак или чокнутый, но в таком случае Амадейро должен точно знать, что он дурак или чокнутый.

Сделав такой вывод, Амадейро вызвал Мандамуса к себе в кабинет.

Амадейро понимал, что таким образом унижает себя, но унижение было платой за уверенность, что нет ни малейшего шанса разрушить Землю без него, Амадейро. Эту цену он готов был заплатить. Он даже приготовился к тому, что Мандамус войдет с презрительной улыбкой, торжествуя.

Придется вытерпеть и это. В конце концов, если предложение молодого человека окажется чепухой, он, Амадейро, накажет его полной мерой, какую разрешает цивилизованное общество, в противном же случае...

Ему понравилось, что Мандамус вошел в кабинет с видом разумного смирения и поблагодарил, похоже искренне, за то,

что его приняли во второй раз. Амадейро подумал, что и он, в свою очередь, должен быть любезным.

— Доктор Мандамус, когда я отослал вас, не выслушав ваших соображений, я поступил невежливо, виноват. Теперь расскажите мне, что вы имели в виду, и я буду слушать вас, пока мне не станет ясно — а я предполагаю, что так и будет, — что ваш план, возможно, более результат энтузиазма, нежели холодного рассудка. В этом случае я снова отпущу вас, но без всякого презрения с моей стороны, и, надеюсь, что вы не рассердитесь.

— Я и не смогу сердиться, если вы соблаговолите терпеливо выслушать меня, доктор Амадейро, — но что, если то, что я скажу, будет иметь для вас смысл и внушит надежду?

— В этом случае, — медленно произнес Амадейро, — вероятно, мы с вами станем работать вместе.

— Это было бы замечательно, сэр. Вместе мы сделаем больше. Но будет ли что-нибудь более ощутимое, чем привилегия работать с вами? Будет ли вознаграждение?

Амадейро это не понравилось.

— Конечно, я должен быть благодарным, но я только член Совета и Глава Института роботехники. Мои возможности не безграничны.

— Я понимаю, доктор Амадейро, но могу ли я рассчитывать на что-то в пределах этих границ сейчас? — Мандамус уверенно смотрел на Амадейро.

Амадейро нахмурился, растерявшись под взглядом немигающих решительных глаз. Смирения как не бывало.

— Что вы имеете в виду? — холодно спросил он.

— Ничего, что было бы не в ваших силах, доктор Амадейро. Сделайте меня членом Института.

— Если ваша квалификация...

— Не беспокойтесь, я ее имею.

— Мы не можем принять такое решение о кандидате. Мы должны...

— Послушайте, доктор Амадейро, так отношения не начинают. Поскольку вы установили за мной наблюдение сразу, как я ушел от вас в прошлый раз, я не поверю, что вы не изучили внимательно все данные обо мне, и вы должны знать, что я квалифицирован. Если бы вы по каким-то причинам решили, что это не так, вы бы не надеялись, что я окажусь достаточно изобретательным, чтобы разработать план уничтоже-

ния вашего личного Карфагена, и я не пришел бы сюда по вашему зову.

Амадейро вспыхнул. Он почувствовал, что даже уничтожение Земли — недостаточная плата за наглость мальчишки. Но это продолжалось только миг. Затем к нему вновь вернулось хладнокровие, и он даже сказал себе: «Молодой, а уже такой смелый и самоуверенный — вот такой мне и нужен».

Кроме того, он и в самом деле изучил Мандамуса и знал, что тот вполне квалифицирован, чтобы работать в Институте. Он спокойно — ценой перепада кровяного давления — сказал:

— Вы правы. Вы квалифицированны.

— Тогда зачислите меня. В вашем компьютере наверняка есть необходимые анкеты. Вам стоит только ввести мое имя, образование, год окончания института и прочие необходимые статистические данные, а затем поставить свою подпись.

Ни слова не говоря, Амадейро ввел в компьютер нужную информацию, получил распечатку, подписал ее и протянул Мандамусу.

— Датировано сегодняшним числом. Вы — сотрудник Института.

Мандамус прочитал бумагу и отдал одному из своих роботов; тот спрятал ее в небольшую папку, которую держал под мышкой.

— Спасибо, — сказал Мандамус. — Это очень мило с вашей стороны, и я надеюсь, что не подведу вас и не заставлю пожалеть о том, что вы так высоко оценили мои способности. Однако осталось еще одно дело.

— Вот как? Какое же?

— Нельзя ли нам договориться об окончательном вознаграждении? Конечно, в случае удачи, в случае полного успеха.

— Нельзя ли нам отложить этот вопрос — что было бы логично — до того времени, когда полный успех будет достигнут или достаточно близок к достижению?

— С точки зрения рациональности — да. Но у меня, кроме рассудка, есть и мечты. И я хотел бы немного помечтать.

— И о чем же вы мечтаете?

— Мне кажется, доктор Амадейро, что доктор Фастольф теперь ничего не значит. Он прожил долго, и скоро ему конец.

— И что же?

— Как только он умрет, ваша партия станет более энергичной, и вялые члены партии Фастольфа, вероятно, переменят

свою лояльность. Следующие выборы, без Фастольфа, наверняка будут вашими.

— Возможно, ну и что?

— Вы станете лидером Совета де факто и поведете аврорианскую внешнюю политику, которая фактически является политикой всех Внешних миров. Если мои планы воплотятся, ваше правление будет столь успешным, что Совет выберет вас Председателем при первом удобном случае.

— Вы слишком высоко воспарили в своих мечтах, молодой человек. Но если ваши предсказания сбудутся, что тогда?

— У вас не хватит времени править Авророй и Институтом одновременно. Вот я и прошу, чтобы вы, когда наконец решите уйти с поста главы Института, поддержали бы меня как своего преемника. Вряд ли вы можете сомневаться, что ваш выбор будет одобрен.

— Есть такая вещь, как квалификация, которая необходима, чтобы занять этот пост.

— Она у меня будет.

— Поживем — увидим.

— Я-то поживу, а вот вы еще до полного нашего успеха пожелаете удовлетворить мою просьбу. Прошу вас, привыкайте к этой мысли.

— И все это прежде, чем я услышал хоть слово, — пробормотал Амадейро. — Итак, вы член Института, а я должен привыкнуть к вашей личной мечте, но давайте ближе к делу. Расскажите, как вы намерены уничтожить Землю.

Почти автоматически Амадейро сделал знак своим роботам, чтобы они не запоминали то, что услышат. Чуть заметно улыбнувшись, Мандамус сделал то же самое, адресуясь к своим роботам.

— Итак, начнем, — сказал Мандамус. И Амадейро тут же бросился в атаку:

— Вы уверены, что вы не сторонник Земли?

Мандамус оторопел:

— Я пришел к вам с предложением разрушить Землю!

— Но вы потомок солярианки в пятом поколении, как я понимаю.

— Да, сэр, так записано в свидетельстве. И что из этого?

— Солярианка долгое время была близким другом и протеже Фастольфа, и я подумал, не симпатизируете ли вы его проземным взглядам.

— Из-за моей прапрапрабабки? — Мандамус был искренне удивлен. На миг в его глазах вспыхнула досада, даже злость, но быстро исчезла, и он спокойно продолжал: — Точно так же и вашим близким другом и протеже была доктор Василия Фастольф, дочь доктора Фастольфа. Она его потомок в первом поколении. Мне интересно, она не симпатизирует его взглядам?

— Когда-то я этим интересовался, — сказал Амадейро, — но она ни в коей мере не симпатизирует им, и я перестал об этом задумываться.

— Вы можете перестать задумываться об этом и в моем случае, сэр. Я космонит и хочу, чтобы Галактикой правили космониты.

— Ну и прекрасно. Так в чем же заключается ваш план?

— Я начну с начала, если не возражаете. Доктор Амадейро, астрономы считают, что в нашей Галактике миллионы планет, подобных Земле, на которых люди могут жить после некоторых внешних преобразований, однако кардинальной геологической перестройки при этом проводить не нужно. Их атмосфера пригодна для дыхания, есть вода, подходящие климат и почва, существует жизнь. Действительно, атмосфера не могла бы содержать свободного кислорода при отсутствии хотя бы океанического планктона. Почва в основном голая, но как только ее и океан подвергнут биологическому изменению, их сразу же заселяют земными формами жизни. Они приживаются — и планету можно заселять. Сотни таких планет были открыты и изучены, и примерно половина из них уже занята поселенцами. Однако из всех пригодных для обитания планет нет ни одной с таким огромным разнообразием жизни, как Земля. Нигде нет ничего более сложного, чем немногочисленные червеподобные и насекомоподобные беспозвоночные, а в растительном мире — папоротникообразный кустарник. О разуме или о чем-то более близком к нему даже говорить не стоит.

Амадейро слушал эти нудные сентенции и думал: шпарит как по писаному. Вслух он сказал:

— Доктор Мандамус, я не планетолог, но все, что вы говорите, мне известно.

— Как я уже предупредил, доктор Амадейро, я начал с начала. Астрономы все более убеждаются, что все или почти все планеты Галактики, пригодные для обитания, заметно отличаются от Земли. По каким-то причинам Земля — планета необычная, и эволюция на ней происходила невероятно быстро и совершенно аномально.

— Обычный аргумент, — сказал Амадейро, — состоит в том, что, если бы в Галактике жили другие разумные существа, такие же развитые, как мы, они знали бы о нашем существовании и так или иначе дали бы о себе знать.

— Да, сэр. В сущности, будь в Галактике другие разумные существа, более развитые, чем мы, у нас с самого начала не было бы шансов занять даже одну планету. Отсюда следует, что в Галактике существует только один вид существ, способных путешествовать в гиперпространстве. То, что мы вообще единственные в Галактике носители разума, еще не вполне ясно, но весьма вероятно.

Теперь Амадейро слушал со скучающей полуулыбкой.

Молодой человек любит поучать, как человек, подавленный тупым ритмом своей мономании. Парень с причудами; слабая надежда Амадейро, что у этого Мандамуса действительно есть что-то, могущее повернуть ход истории, начала гаснуть.

— Вы продолжаете сообщать всем известные вещи, доктор Мандамус. Все знают, что Земля уникальна и что мы, по всей вероятности, единственные разумные существа в Галактике.

— Но никто не задавался простым вопросом: почему? Земляне и поселенцы не задают его. Они согласны с этим. У них мистическое отношение к Земле, они считают ее священным миром и необычные ее свойства принимают как должное. А мы, космониты, тоже не спрашиваем. Мы игнорируем этот вопрос. Для нас куда лучше не думать о Земле вовсе, потому что иначе нам придется считать себя потомками землян.

— Я не вижу смысла в этом вопросе, — сказал Амадейро. — Нам не нужно искать сложные ответы на это «почему». Случайные процессы призваны играть важную роль в эволюции и в какой-то мере во всех вещах. Если пригодных для жизни планет миллионы, эволюция может происходить на них поразному. На одних быстрее, на других медленнее, где-то исключительно медленно, где-то исключительно быстро. Земле повезло, что эволюция на ней происходила исключительно быстро, и поэтому мы здесь. Так что если мы спрашиваем «почему?», естественным исчерпывающим ответом будет «случайность».

Амадейро ожидал, что Мандамус выдаст свою очередную

причуду, обозлившись на неожиданное логическое утверждение, представленное в смешном виде и полностью опровергавшее его тезис. Однако Мандамус посмотрел на Амадейро и спокойно сказал:

— Нет. — Помолчав, он продолжал: — Для многократного ускорения эволюции нужно нечто большее, чем одна-две счастливые случайности. На каждой планете, кроме Земли, скорость эволюции тесно связана с потоком космической радиации. Скорость увеличивается не вдруг, а под влиянием этой радиации. На Земле же, где происходит больше изменений, чем на других обитаемых планетах, они не связаны с космическими лучами, поскольку количество радиации, достигающей Земли, невелико. Теперь вам, наверное, становится ясно, отчего это «почему» так важно.

— Хорошо, доктор Мандамус, поскольку я все еще слушаю и даже с большим нетерпением, чем сам предполагал, ответьте же на вопрос, который вы так настойчиво поднимаете. Или у вас есть только вопрос, но не ответ?

— У меня есть ответ, — сказал Мандамус. — И зависит он от того, что Земля уникальна еще в одном смысле.

— Дайте-ка я сам угадаю? Вы упоминали большой спутник. Однако, доктор Мандамус, вы не можете считать это своим открытием.

— Конечно, — холодно произнес Мандамус, — но учтите, что большие спутники — вещь обычная. В нашей планетной системе их пять, в системе Земли — семь, et cetera. Все известные большие спутники, кроме того, вращаются вокруг газовых гигантов, но только спутник Земли — Луна — вращается вокруг планеты, не намного большей, чем сам спутник.

— Осмелюсь ли я еще раз употребить слово «случайность», доктор Мандамус?

— В этом случае, возможно, и случайность, но Луна остается уникальной.

— Пусть так, но какая связь между сателлитом и обилием жизни на Земле?

— Это не совсем ясно, и связь может быть маловероятной, но казалось бы более невероятным, если бы два таких необычных примера уникальности у одной планеты не были бы не связаны между собой. И я обнаружил такую связь.

— Да? — насторожился Амадейро.

Вот сейчас-то его придурь и проявится. Амадейро украдкой

взглянул на часы. Времени прошло немного больше, чем он предполагал потратить, но его любопытство росло.

— Луна, — сказал Мандамус, — медленно отходя от Земли, производит приливно-отливный эффект на Земле. Большие приливы на Земле — следствие существования этого большого спутника. Земное солнце тоже вызывает приливы, но их интенсивность на две трети ниже, чем у лунных, — так же, как и наше солнце вызывает незначительные приливы на Авроре. Так вот, Луна была гораздо ближе к Земле в ранней истории этой планетной системы. Чем ближе Луна к Земле, тем выше приливы на Земле. Эти приливы производили два важных эффекта: они сгибали земную кору, поскольку Земля вращалась, и замедляли ее вращение. От этого сгибания и от трения приливных океанских вод о неровности морского дна энергия вращения превращалась в тепло. Следовательно, кора у Земли более тонкая, чем у известных нам пригодных для обитания планет, что доказывается вулканической деятельностью и подвижным строением коры.

— Но все это не имеет отношения к изобилию жизни на Земле, — сказал Амадейро. — Я думаю, доктор Мандамус, вам следует перейти к делу либо уйти.

— Прошу вас, доктор Амадейро, потерпите еще немного. Важно понять суть дела. С помощью компьютера я в мельчайших подробностях воспроизвел развитие земной коры, учитывая и приливно-отливную деятельность, и подвижность земной коры. Если мне позволено будет похвастаться, то я скажу, что никто до меня не делал этого так скрупулезно и дотошно.

— О да, конечно, — пробормотал Амадейро.

— И оказалось — я покажу вам необходимые данные, если пожелаете, — что концентрация урана и тория, находящихся в земной коре и верхней части мантии, в тысячу раз выше, чем на любой другой планете. Больше того, они распространены неравномерно, и на Земле есть места, где урана и тория еще больше.

— И, я полагаю, уровень радиоактивности опасно высок?

— Нет, доктор Амадейро. Уран и торий очень слабо радиоактивны, и даже там, где они относительно сконцентрированы, их концентрация не слишком велика в абсолютном смысле. Все это, повторяю, из-за наличия большой Луны.

— И несмотря на то что уровень радиоактивности не опа-

сен для жизни, он достаточен для увеличения количества мутации. Так, доктор Мандамус?

— Совершенно верно. И, вероятно, вымирание видов происходило так же быстро, как и развитие новых. В результате — огромное разнообразие и изобилие форм жизни. Постепенно только на одной Земле развились разум и цивилизация.

Амадейро кивнул. Пожалуй, молодой человек вовсе и не чокнутый. Он может ошибаться, но он в своем уме. Может, он и прав. Амадейро не был планетологом, и ему нужно было заглянуть в книги, чтобы обнаружить, что Мандамус, как и многие энтузиасты, открыл общеизвестное. Но тут было нечто более важное, что следовало проверить немедленно.

Он тихо сказал:

— Вы говорили о возможном уничтожении Земли. Какая связь между этим и уникальными свойствами Земли?

— Уникальные свойства можно использовать уникальным способом, — так же тихо ответил Мандамус.

— Каким же в данном случае?

— Прежде чем говорить о методе, доктор Амадейро, я должен объяснить, что физическая возможность уничтожения Земли зависит от вас.

— От меня?

— Да, — твердо сказал Мандамус. — От вас. Зачем бы я пришел к вам с этим длинным рассказом, если бы не надеялся убедить вас, что знаю, о чем говорю, да так, чтобы вы захотели сотрудничать со мной? Ведь это необходимо для моего успеха.

Амадейро медленно вздохнул:

— А если бы я отказался, мог бы кто-нибудь другой послужить вашим целям?

— Я мог бы обратиться к другим, если бы вы отказались. Так вы отказываетесь?

— Вероятно, нет, но я бы хотел знать, насколько я вам необходим.

— Я бы сказал: вы не так необходимы мне, как я необходим вам. Вы должны сотрудничать со мной.

— Должен?

— Я бы хотел этого, если вы предпочитаете, чтобы я выразился иначе. Но если вы желаете, чтобы Аврора и космониты навечно восторжествовали над Землей и поселенцами, то вы должны сотрудничать со мной, нравится вам это слово или нет.

— Скажите мне, что это значит, что я должен делать?

— Для начала скажите, правда ли, что Институт в прошлом проектировал гуманоидных роботов.

— Да, мы сделали всего пятьдесят. Это было полтора-два столетия назад.

— Так давно? И что с ними случилось?

— Они не пригодились, — равнодушно ответил Амадейро.

Мандамус сел с выражением ужаса на лице.

— Их уничтожили?

Амадейро поднял брови.

— Уничтожили? Кто же уничтожает дорогостоящих роботов? Они на складе. Энергетические элементы вынуты, а специальные долгодействующие батареи поддерживают деятельность позитронных путей.

— Их можно снова привести в рабочее состояние?

— Уверен, что можно.

Мандамус стукнул правой рукой по ручке кресла и зловеще промолвил:

— Тогда мы победим!

Глава 12

ПЛАН И ДОЧЬ

46

Амадейро давно не вспоминал о человекоподобных роботах. Это было болезненно, и он с некоторым трудом заставил себя вернуться к этой теме — под нажимом Мандамуса.

Гуманоидный робот был крупным козырем Фастольфа в те далекие дни, когда Амадейро был в миллиметре от того, чтобы перехватить игру, козыри и все остальное. Фастольф спроектировал и построил двух гуманоидных роботов (один из них существовал и поныне) — и никому больше не удалось сделать нечто подобное, даже целому Институту роботехники.

Потерпев грандиозную неудачу, Амадейро сумел спасти эту козырную карту. Фастольф был вынужден обнародовать проект гуманоидного робота.

Это означало, что таких роботов можно было создать, и они были созданы, но оказались не нужны. Авророане не приняли их в свое общество.

Амадейро скривился от неприятного воспоминания. Каким-то образом стала известна история о солярианской женщине, которая пользовалась одним из гуманоидных роботов Фастольфа, Джандером, в сексуальных целях. Теоретически аврориане не возражали против такой ситуации, но на практике ни мужчины, ни женщины не были в восторге, что их могут заменить роботы-мужчины и роботы-женщины.

Институт с пеной у рта объяснял, что гуманоидные роботы предназначены не для Авроры, а для того, чтобы составить первую партию пионеров, которая заселит и обустроит новые, пригодные для жизни планеты, после чего туда приедут аврориане.

Это было отвергнуто. Кто-то назвал гуманоидных роботов «раскалывающим клином». Это выражение распространилось, и Институт был вынужден отступить.

Амадейро упорно ратовал за сохранение в «нафталине» уже созданных роботов, чтобы их можно было использовать в будущем — но использовать их так и не пришлось.

Почему же существовало такое предубеждение против гуманоидов? Амадейро вновь почувствовал раздражение, которое отравляло ему жизнь много десятилетий назад. Сам Фастольф пусть неохотно, но согласился поддержать проект и, надо отдать ему должное, действительно поддерживал его, хотя и не с тем красноречием, с каким отстаивал те дела, к которым лежала его душа. Однако и это не помогло.

И все-таки... все-таки... если у Мандамуса действительно есть проект, который может сработать с помощью роботов...

Амадейро меньше всего хотелось таинственно восклицать: «Так даже лучше. Так и было задумано». Однако он с трудом удерживался от таких мыслей, пока лифт опускал их на нижний подземный уровень — единственное место на Авроре, которое напоминало пресловутые Стальные пещеры Земли.

По знаку Амадейро Мандамус вышел из лифта и очутился в тускло освещенном коридоре. Было прохладно, работали вентиляторы. Мандамус поежился.

— Сюда мало кто ходит, — заметил Амадейро.

— Мы глубоко под землей? — спросил Мандамус.

— Около пятнадцати метров. Здесь много уровней. На этом хранятся гуманоидные роботы. — Амадейро остановился, подумал и решительно свернул налево. — Сюда.

— Здесь нет указателей?

— Я же сказал, сюда мало кто ходит, а те, кто ходит, знают, где им найти то, что нужно.

Они подошли к массивной двери, по обе стороны которой стояло по роботу. Обычные роботы, не человекоподобные. Мандамус критически оглядел их.

— Простая модель.

— Очень простая. Не думаете же вы, что мы должны были поставить что-то особенное для охраны двери. — Он повысил голос и бесстрастно произнес: — Я Калдин Амадейро.

Глаза роботов вспыхнули. Роботы отошли от двери, и та бесшумно поднялась вверх. Входя, Амадейро приказал стражникам:

— Оставьте дверь открытой и включите свет.

— Не думаю, что сюда любой мог бы войти, — заметил Мандамус.

— Конечно. Эти роботы знают мою внешность и голос и, прежде чем открыть дверь, убеждаются, что и то и другое принадлежит мне. — Затем он добавил как бы про себя: — На Внешних мирах нет необходимости в замках и ключах. Роботы всегда охраняют нас.

— Мне иногда приходит в голову, — задумчиво сказал Мандамус, — что если бы аврорианин обзавелся бластером, какие поселенцы вечно таскают с собой, то здесь для него не было бы запертых дверей. Уничтожь роботов — и иди куда хочешь, делай что хочешь.

Амадейро бросил на него злобный взгляд.

— Какому космониту придет в голову пользоваться таким оружием во Внешних мирах? Мы живем без оружия и без насилия. Разве вы не понимаете, что именно поэтому я всю жизнь ищу способ уничтожить Землю и ее отравленное племя? Да, конечно, и у нас было когда-то насилие, но это было очень давно, когда Внешние миры только начали создаваться, и мы еще не избавились от земного яда, привезенного с собой, и не научились ценить безопасность, которую обеспечивают роботы. Разве мир и безопасность не дороже всего? Планеты без насилия! Планеты, управляемые разумом! Разве нужно уступать новые миры маложивущим варварам, которые, как вы говорите, всюду таскают с собой оружие?

— Однако, — пробормотал Мандамус, — вы готовы применить насилие, чтобы уничтожить Землю.

— Это насилие кратковременное и целенаправленное, это

цена, которую мы заплатим за то, чтобы покончить с насилием навеки.

— Я в достаточной мере космонит, — сказал Мандамус, — и даже в этом случае выступаю за то, чтобы насилия было как можно меньше.

Они вошли в большое, действительно напоминавшее пещеру помещение. Стены и потолок тут же осветились рассеянным, неярким светом.

— Ну, вы этого хотели, доктор Мандамус? — спросил Амадейро.

Мандамус огляделся вокруг и остолбенел:

— Невероятно!

В помещении оказался добрый полк людей, чуть более живых, чем статуи, но гораздо менее живых, чем казались бы, например, спящие.

— Они стоят, — прошептал Мандамус.

— Так они занимают меньше места.

— Но они стоят почти полтора столетия. Они не могут остаться в рабочем состоянии. Их суставы наверняка застыли, а органы разрушены.

Амадейро пожал плечами:

— Возможно. Но даже если суставы испорчены, их можно заменить. Была бы причина.

— Причина будет, — сказал Мандамус.

Он оглядел их лица. Все роботы смотрели в разные стороны и, казалось, вот-вот нарушат строй.

— У каждого своя внешность, — сказал он. — Они отличаются ростом, сложением и вообще...

— Да. Вас это удивляет? Мы же задумывали их как первооткрывателей новых планет. И потому хотели, чтобы они по возможности походили на людей и отличались друг от друга, как жители Авроры. Вам это кажется сентиментальным?

— Нет. Я рад, что они такие. Я прочел все, что мог, о двух первых гуманоидных формах, созданных Фастольфом, — Дэниеле Оливо и Джандере Пенеле. Я видел их голограммы, и мне они показались одинаковыми.

— Да, — нетерпеливо сказал Амадейро, — они были не только одинаковые, они практически были карикатурой на идеального космонита. Это уже романтизм Фастольфа. Я уверен, что он создал бы расы взаимозаменяемых гуманоидных роботов обоих полов с этаким неземным добрым взглядом,

который делал бы их полностью нелюдьми. Фастольф, может, и блестящий роботехник, но человек невероятно упрямый.

Амадейро покачал головой. «Быть побитым таким невероятно упрямым человеком...» — подумал он и тут же отогнал эту мысль. Его побил не Фастольф, а тот проклятый землянин. Погрузившись в мысли, он не сразу услышал Мандамуса.

— Простите? — немного раздраженно сказал он.

— Я спросил, вы сами проектировали их, доктор Амадейро?

— Нет, по странному совпадению, их проектировала дочь Фастольфа Василия. Она столь же блестящий роботехник, как и он, но гораздо умнее, и это, очевидно, одна из причин их разногласий.

— Я слышал их историю... — начал Мандамус.

Амадейро прервал его:

— Я тоже слышал эту историю, но она не имеет значения. Достаточно того, что Василия прекрасно делает свою работу, и можно не опасаться, что она станет когда-нибудь симпатизировать человеку, который хоть и является ее биологическим отцом, но навсегда останется для нее чужим и ненавистным. Она даже называет себя, как вам известно, Василией Алиеной.

— Да, я знаю. У вас есть записи мозговых рисунков этих гуманоидных роботов?

— Конечно.

— Для каждого?

— Конечно.

— Я могу получить их?

— Если на то будет причина.

— Будет, — твердо сказал Мандамус. — Итак, поскольку они предназначены для первооткрывательской деятельности, есть ли у них снаряжение для исследования планеты и работы в суровых условиях?

— Само собой.

— Отлично. Но могут потребоваться некоторые модификации. Как вы полагаете, Василия Фас... Алиена сможет помочь мне в случае необходимости? Она гораздо лучше знакома с рисунком мозга.

— Бесспорно. Но я не знаю, захочет ли она помогать вам. Я знаю только, что в данный момент это физически невозможно, потому что ее нет на Авроре.

— Где же она, доктор Амадейро? — Мандамус казался удивленным и разочарованным.

— Вы увидели эти гуманоидные формы, и я больше не хочу оставаться в их довольно-таки мрачном окружении. Вы заставили меня ждать достаточно долго, поэтому не обижайтесь, если я вас тоже заставлю потерпеть. Если у вас есть еще вопросы, мы можем обсудить их в моем кабинете.

47

Войдя в кабинет, Амадейро прервал беседу с Мандамусом.

— Подождите здесь, — повелительно произнес он и вышел.

Мандамус напряженно ждал Амадейро. Когда он вернется и вернется ли вообще? Может, его, Мандамуса, арестовали или просто плюнули на него? Может, Амадейро надоело ждать, когда он изложит суть дела?

Мандамус отказывался этому верить. Он выведал отчаянное желание Амадейро свести кое с кем счеты. Казалось, Амадейро не устанет слушать его, пока будет оставаться хоть малейший шанс, что Мандамус сделает месть возможной.

Рассеянно разглядывая кабинет, Мандамус подумал, не хранится ли здесь какая-нибудь информация, которая может помочь ему. Было бы неплохо не зависеть во всем от Амадейро. Но эта мысль была бесполезной. Мандамус не знал входного кода в записи, а кроме того, несколько роботов Амадейро, стоявших в нишах, немедленно остановят его при первой же попытке сделать что-либо недозволенное. Это сделают даже его собственные роботы.

Амадейро был прав: роботы настолько полезные, эффективные и неподкупные стражи, что мысль о преступлении, незаконном действии, даже простой хитрости никому не приходила в голову. Такая склонность попросту атрофировалась, во всяком случае, у космонитов.

Интересно, как поселенцы обходятся без роботов?

Мандамус попытался представить себе, как происходят конфликты между людьми в обществе, где нет роботов, выполняющих роль амортизаторов. Ведь само присутствие роботов позволяет человеку чувствовать себя в безопасности. Как этим людям удается соблюдать правила нравственного поведения?

При таких обстоятельствах поселенцы могут быть только варварами, и Галактику нельзя оставить им. Амадейро был

прав в этом отношении и вообще, тогда как Фастольф фантастически ошибался.

Мандамус кивнул, словно еще раз убеждая себя в правильности своих намерений, и вздохнул. Ему бы хотелось, чтобы в этом не было необходимости, но, как ни крути, это необходимо — и все тут.

В этот момент вошел Амадейро.

У Амадейро была очень выразительная внешность. Типичный космонит. Через год ему должно было стукнуть двести восемьдесят.

— Простите, что я заставил вас ждать, но у меня были неотложные дела. Быть руководителем Института — хлопотливое занятие.

— Вы можете мне сказать, где доктор Василия Алиена? — спросил Мандамус. — А затем я, не откладывая, изложу вам свой проект.

— Василия уехала. Ей нужно посетить каждый из Внешних миров, чтобы выяснить, в каком состоянии там исследования по роботехнике. Видимо, она думает, что, хотя Роботехнический институт был основан для координации исследований на Авроре, интерпланетарная координация может продвинуть дело. Вообще-то идея хорошая.

Мандамус невесело усмехнулся:

— Ей ничего не расскажут. Я сомневаюсь, что какой-нибудь Внешний мир захочет дать Авроре большую власть, чем она уже имеет.

— Напрасно вы так уверены. Ситуация с поселенцами тревожит всех.

— Вы знаете, где она сейчас?

— У нас есть ее маршрут.

— Верните ее, доктор Амадейро.

Амадейро нахмурился:

— Я сомневаюсь, что это будет легко. Я уверен, она не захочет вернуться на Аврору, пока ее отец не умрет.

— Почему?

Амадейро пожал плечами:

— Не знаю и не интересуюсь. Но зато я знаю, что ваше время истекает. Вы понимаете? Выкладывайте суть наконец или уходите.

Он угрюмо показал на дверь, и Мандамус понял, что терпение Амадейро лопнуло.

— Прекрасно. Так вот, есть еще и третье, в чем Земля уникальна.

Он говорил легко и свободно, словно заранее отшлифовал и вызубрил свою речь. Амадейро жадно слушал.

Так вот оно что! Сначала Амадейро испытал громадное облегчение. Да, этот парень не чокнутый. Да, он в уме и здравой памяти.

Затем пришло чувство торжества. Это наверняка сработает. Правда, точка зрения молодого человека в том виде, в каком была изложена, несколько не совпадала с мнением Амадейро, но это дело поправимое, изменения всегда возможны.

Когда Мандамус закончил, Амадейро сказал как можно спокойнее:

— Василия нам не нужна. Соответствующая экспертиза в Институте позволит сразу же начать. Доктор Мандамус, — в голосе Амадейро зазвучала нотка официального уважения, — пусть все идет, как запланировано, и — я не могу помочь, но думаю, что это случится — вы станете руководителем Института, когда я займу пост Председателя Совета.

Мандамус коротко улыбнулся. Амадейро снова сел в кресло и позволил себе чуть-чуть помечтать о будущем, о том, что он не мог сделать все эти долгие и печальные два столетия.

Сколько времени это займет? Десятилетия? Одно десятилетие? Несколько лет?

Немного. Немного. Это надо всеми средствами ускорить, чтобы он успел увидеть, как падут старые представления о мире, успел стать правителем Авроры, а следовательно, и всех Внешних миров, и даже — когда погибнут Земля и Поселенческие миры — повелителем Галактики.

48

Спустя семь лет после встречи Амадейро и Мандамуса и начала осуществления их проекта доктор Хен Фастольф умер. Гиперволна сообщила о его смерти всей Вселенной. И повсюду эта весть привлекла огромное внимание.

Для Внешних миров это было важно, потому что последние двести лет Фастольф был самым влиятельным человеком на Авроре, а следовательно, и в Галактике. Для Поселенческих миров и Земли это было важно потому, что Фастольф был другом — насколько космонит может быть другом — и теперь возник вопрос, изменится ли космонитская политика, и если да, то как?

Новость дошла и до Василии Алиены, но не произвела на нее особого впечатления, поскольку ее отношения с биологическим отцом не сложились с самого начала.

Она научилась ничего не чувствовать, когда он умирал, и не хотела быть с ним на одной планете, когда пробьет его час. Она не хотела вопросов, которые посыплются на нее повсюду, но больше всего — на Авроре.

Отношения между родителями и детьми на Авроре были в лучшем случае никакими. Среди долгоживущих — дело обычное. И никто бы не стал интересоваться Василией, если бы не то обстоятельство, что Фастольф был выдающимся партийным деятелем, а Василия — почти столь же выдающейся представительницей противоположного лагеря.

Это было ужасно. Она официально приняла имя «Василия Алиена» и пользовалась им во всех документах, во всех интервью, вообще везде, но знала точно, что большинство людей называют ее Василией Фастольф, словно ничто не могло вычеркнуть из ее жизни эти ничего не значащие отношения. И она стала называть себя только по имени. По счастью, оно не было распространенным.

Это будто подчеркнуло ее сходство с солярианкой, которая, правда, по совершенно иным причинам отказалась от фамилии своего первого мужа, как Василия отказалась от фамилии отца. Солярианка тоже стала называться только именем — Глэдия.

Василия и Глэдия и внешне походили друг на друга.

Василия встала перед зеркалом в каюте космического корабля. Она много десятилетий не видела Глэдию, но была уверена, что сходство сохранилось. Обе были маленькие, стройные, светловолосые, и даже лица были похожи.

Но Василия всегда теряла, а Глэдия выигрывала. Когда Василия ушла от отца и вычеркнула его из своей жизни, он нашел себе Глэдию, и она стала ему уступчивой и пассивной дочерью, как он хотел и какой Василия никогда не могла быть.

Все это раздражало Василию. Она была роботехником, таким же компетентным и умелым, как Фастольф, а Глэдия — всего лишь художница, развлекающаяся светоскульптурой да одеванием роботов. Как мог Фастольф, потеряв дочь, взять на ее место такое ничтожество?

Когда этот полицейский с Земли, Элайдж Бейли, приехал на Аврору, он добился, чтобы Василия рассказала ему больше, чем когда-либо кому-либо рассказывала. Однако с Глэдией он был сама мягкость и помог ей и ее покровителю Фастольфу одержать победу над всеми, хотя тогда Василия не понимала, как это произошло.

Глэдия сидела у постели больного Фастольфа, она держала его за руку в последнюю минуту и услышала его последние слова. Василия не понимала, почему это ее злит. Ведь она, хоть и знала, что жизнь старика кончается, ни за что не навестила бы его, чтобы не стать свидетельницей его ухода. Но злилась, что Глэдия была рядом. «Я так чувствую, — говорила она себе, — и ни перед кем не обязана оправдываться».

Она потеряла Жискара. Жискар был ее роботом, собственным. Когда Василия была маленькой, робота подарил ей казавшийся любящим отец. На Жискаре она училась роботехнике, и от него впервые почувствовала неподдельную привязанность. Она была ребенком и не размышляла о Трех Законах, не занималась философией позитронного автоматизма. Казалось, Жискар любил ее; он и действовал так, словно любил, и этого ребенку было достаточно. Такого чувства она никогда не встречала в человеке, а уж в отце тем более.

В те дни она могла играть в дурацкую игру в любовь с кем угодно. Горькая потеря Жискара научила ее, что любая начальная выгода не стоит финальной потери.

Когда она ушла из дома, не поладив с отцом, он не отпустил Жискара с ней, хотя она все время совершенствовала конструкцию Жискара.

Умирая, отец отдал Жискара солярианке. Он отдал ей и Дэниела, но Василия нисколько не интересовалась этой бледной имитацией человека. Ей нужен был Жискар, который был ее собственностью.

Сейчас Василия возвращалась домой. Ее путешествие было закончено. Фактически она сделала все дела еще несколько месяцев назад, но осталась на Гесперосе, потому что ей было необходимо, как она объяснила Институту в своем официальном извещении, отдохнуть.

Теперь Фастольф умер, и она может вернуться.

Она не могла уничтожить прошлое целиком, она могла перечеркнуть лишь часть его. Жискар должен снова принадлежать ей. Она так решила.

49

Амадейро отнесся к возвращению Василии неоднозначно. Она вернулась только тогда, когда старый Фастольф (теперь, когда он умер, Амадейро мог легко произносить его имя) был уже месяц как кремирован. Амадейро был в восторге от собственной проницательности. Ведь он же сказал Мандамусу, что она не вернется, пока ее отец не умрет.

Кроме того, Василия была откровенна, что очень удобно. Она не обладала раздражающими качествами Мандамуса, нового фаворита, который, казалось, всегда имел какую-то идею, но прятал ее, несмотря на кажущуюся откровенность.

С другой стороны, ею было невероятно трудно руководить, ее нельзя было заставить спокойно идти по пути, который наметил Амадейро. Разрешение ездить по Внешним мирам в течение нескольких лет означало разрешение описывать их в черном свете и критиковать.

Итак, он приветствовал ее с энтузиазмом, одновременно искренним и притворным:

— Василия, я счастлив, что вы вернулись. Без вас Институт, как птица с одним крылом.

Василия засмеялась.

— Бросьте, Калдин. — Она называла его по имени, хотя была на двадцать пять лет моложе. — Это оставшееся крыло — ваше, а давно ли вы стали сомневаться, что одного вашего крыла достаточно?

— С тех пор, как вы уехали. Как по-вашему, Аврора сильно изменилась за это время?

— Ни капельки — это, вероятно, должно огорчить вас. Ведь отсутствие перемен — упадок.

— Парадокс. Без перемены к худшему упадка нет.

— По сравнению с окружающими нас Поселенческими мирами, Калдин, отсутствие перемен и есть перемена к худшему. Они изменяются быстро, распространяют свое влияние все дальше и дальше. Они копят силу, энергию и самоуверенность, в то время как мы сидим тут, дремлем и считаем, что наше постоянство укрепляет равновесие.

— Прекрасно, Василия! Я думаю, вы старательно учили эту речь, пока летели домой. Однако в политическом положении и жизни Авроры произошли перемены.

— Вы имеете в виду смерть моего биологического отца?

Амадейро развел руками и слегка поклонился:

— Именно. Он нес полную ответственность за наше ничегонеделание, но теперь он умер, и я думаю, что перемены наступят, хоть, возможно, не обязательно видимые.

— У вас от меня секреты?

— Почему вы так решили?

— Эта ваша притворная улыбка всегда выдавала вас.

— Придется научиться быть с вами серьезным. Послушайте, ваш отчет у меня. Расскажите о том, о чем в нем не написано.

— В нем написано почти все. Каждый Внешний мир жалуется, что его тревожит растущее высокомерие поселенцев. Каждый мир твердо решил сопротивляться поселенцам до конца, следуя за Авророй, мужественно и с презрением к смерти.

— Следовать за нами, да? А если мы не поведем?

— Тогда они будут ждать и пытаться скрыть радость от того, что мы не ведем. В других отношениях... ну, каждый мир продвигается в технологии и очень неохотно сообщает, что именно он делает. Каждый ученый работает самостоятельно и не связан ни с кем даже на собственной планете. Ни в одном Внешнем мире нет единой исследовательской группы вроде нашего Института. В каждом мире несколько отдельных исследователей, и все они ревниво оберегают свою информацию друг от друга.

— Я не думаю, что они продвинулись так далеко, как мы, — самодовольно сказал Амадейро.

— Очень плохо, если не продвинулись, — отрезала Василия. — Пока все Внешние миры представляют собой кучу индивидуумов, прогресс очень замедляется. Поселенческие миры регулярно устраивают конференции, имеют свои институты, и, хотя они сильно отстали от нас, они нагонят. Но я все-таки сумела обнаружить несколько технических новшеств, разработанных Внешними мирами, и все их перечислила в своем отчете. Все они сейчас работают над ядерным усилителем, но я сомневаюсь, что в каком-нибудь мире приборы продвинулись дальше лабораторных испытаний. Некоторые приборы должны испытываться на космических кораблях, а этого пока нет.

— Надеюсь, что вы правы, Василия. Ядерный усилитель — оружие, которым мог бы воспользоваться наш флот и разом покончить с поселенчеством. Но я думаю, что было бы лучше, если бы у Авроры было более совершенное оружие, чем у наших космонитских братьев. Вы сказали, что в вашем отчете написано почти все. О чем же не написано?

— О Солярии!

— Ага, самый младший и самый необычный из Внешних миров.

— Непосредственно от них я почти ничего не получила. Они смотрели на меня абсолютно враждебно, как, видимо, смотрели бы на любого несолярианина, будь то космонит или поселенец. Говоря «смотрели», я имею в виду — в их понимании. Я пробыла там почти год, гораздо дольше, чем в любом другом мире, и за это время не видела ни одного солярианина во плоти — одни гиперволновые голограммы. Я не имела дела ни с чем реальным. Планета комфортабельная, невероятно роскошная, совершенно девственная природа — но как бы мне хотелось увидеть ее живьем.

— Соляриане предпочитают показывать картинки. Мы это знаем, Василия. Что же, живи и дай жить другим.

— Хм... Ваша терпимость может быть тут не к месту. Ваши роботы в запоминающем режиме?

— Нет. Уверяю вас, нас никто не подслушивает.

— Надеюсь, Калдин. У меня создалось впечатление, что соляриане близки к созданию уменьшенного варианта ядерного усилителя. Возможно, они близки к созданию портативного усилителя, достаточно малого, чтобы поместить его на космический корабль.

— Как это они ухитрились? — Амадейро нахмурился.

— Не могу сказать. Вы же не думаете, что они показали мне чертежи. Впечатление мое настолько расплывчато, что я не решилась включить его в отчет, но из того немногого, что я слышала тут и заметила там, я сделала вывод, что они существенно продвинулись. Над этим нам следует основательно подумать.

— Подумаем. Есть еще что-нибудь, что вы хотели бы сказать мне?

— Да. И этого тоже нет в отчете. Солярия уже много десятилетий работает над человекоподобными роботами, и я думаю, что они достигли цели. Ни один Внешний мир, кроме нас, даже не пытался заниматься этим. На каждой планете я спрашивала о гуманоидных роботах, и везде реакция была одинаковой. Они находят эту идею неприятной и пугающей. Я по-

дозреваю, что все они знают о нашем провале и приняли его близко к сердцу.

— Но только не Солярия. Почему?

— Потому, что они всегда жили в самом роботизированном обществе в Галактике. Они окружены роботами — по десять тысяч на каждого индивидуума. Планета переполнена роботами. Пройдите через всю планету в поисках людей — и вы никого не найдете. Так зачем немногим солярианам, живущим в таком мире, расстраиваться из-за того, что несколько лишних роботов будут человекоподобными? К тому же тот псевдочеловеческий ублюдок, которого спроектировал и сделал Фастольф и который еще существует...

— Дэниел.

— Да. Он был на Солярии два столетия назад, и соляриане обращались с ним как с человеком. Они так и не оправились: их унизили и обманули. Это была незабываемая демонстрация аврорианского превосходства, во всяком случае, в этой области роботехники. Соляриане страшно гордятся тем, что они самые передовые роботехники в Галактике. И с тех пор некоторые соляриане работают над гуманоидными роботами исключительно для того, чтобы смыть позор. Если бы этих роботехников было больше, если они имели бы Институт, координирующий их работу, они, бесспорно, сделали бы это уже давно. Сейчас, я думаю, такие роботы у них есть.

— Но точно вы не знаете? И это только ваше подозрение, основанное на обрывках сведений?

— Совершенно верно, но подозрение чертовски сильное и достойное дальнейшего расследования. И наконец: могу поклясться, что они работают над телепатической связью. Там есть какое-то оборудование, которое мне осторожно показали, и однажды, когда я беседовала с одним роботехником, экран показал его задний план с матрицей позитронного рисунка, какого я никогда еще не видела, но мне показалось, что это рисунок для телепатической программы.

— Я подозреваю, что эта новость соткана из паутины, даже более тонкой, чем сведения о гуманоидных роботах.

Василия немного смутилась:

— Должна признать, что в этом вы, вероятно, правы.

— В сущности, Василия, это звучит совсем уж фантастично. Если матрица, которую вы видели, не похожа ни на что,

виденное вами раньше, с чего вы взяли, что это рисунок для чего-нибудь?

Василия поколебалась.

— Сказать по правде, я сама этому удивляюсь, но, как только я увидела рисунок, мне сразу пришло в голову слово «телепатия».

— Несмотря на то что телепатия невозможна даже теоретически?

— Считается невозможной даже теоретически, а это не совсем одно и то же.

— Но пока еще никому не удавалось добиться прогресса в этом отношении!

— Да. Но почему при виде рисунка мне пришла в голову мысль о телепатии?

— Василия, может быть, это просто ваш заскок, и бесполезно пытаться его анализировать. Забудем об этом. Что еще скажете?

— Еще одна вещь, самая загадочная. По некоторым незначительным признакам у меня создалось впечатление, что соляриане собираются покинуть свою планету.

— Да?

— Не знаю. Их всегда было немного, а становится еще меньше. Возможно, они хотят начать сначала где-нибудь в другом месте, пока совсем не вымерли.

— Как это сначала? Куда же они поедут?

Василия покачала головой:

— Я рассказала вам все, что знаю.

— Тогда я все это приму в расчет, — медленно сказал Амадейро. — Ядерный усилитель — раз, гуманоидные роботы — два, роботы-телепаты — три, уход с планеты — четыре. Откровенно говоря, ничему этому я не верю, но уговорю Совет санкционировать беседу с регентом Солярии. А теперь, Василия, вы можете отдохнуть. Почему бы вам не взять несколько недель отпуска, чтобы заново привыкнуть к солнцу Авроры и прекрасной погоде, прежде чем взяться за работу?

— Это очень мило с вашей стороны, Калдин, — сказала Василия, не вставая с кресла, — но осталось еще два вопроса, которые мне нужно с вами обсудить.

Амадейро невольно взглянул на часы.

— Это займет много времени, Василия?

— Сколько бы ни заняло, Калдин, это необходимо обсудить.

— И что же вы хотите?

— Прежде всего — кто этот молодой всезнайка, который, кажется, пробрался в Институт? Как бишь его, Мандамус?

— Вы уже виделись с ним? — Амадейро натянуто улыбнулся. — Как видите, на Авроре кое-что изменилось.

— В этом случае явно не в лучшую сторону, — угрюмо сказала Василия. — Кто он?

— Как вы сказали — всезнайка. Блестящий молодой человек, достаточно разбирающийся в роботехнике и неплохо осведомленный в общей физике, химии, планетологии...

— Сколько лет этому исполину эрудиции?

— Неполных пятьдесят.

— А что будет из этого дитяти, когда он вырастет?

— Он останется таким же мудрым, сколь и блестящим, наверное.

— Не прикидывайтесь, что не поняли меня, Калдин. Вы намерены сделать его руководителем Института после себя?

— Я намерен прожить еще много десятилетий.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Василия беспокойно ерзала в кресле, и ее робот, стоявший за ее спиной, водил глазами из стороны в сторону, словно готовился отразить нападение. Вероятно, на него подействовало беспокойство Василии.

— Калдин, — сказала она, — следующим руководителем буду я. Это решено. Вы сами так говорили.

— Да, Василия, я так говорил, но после моей смерти этот вопрос будет решать Совет директоров. Даже если я кого-нибудь порекомендую, Совет может все переиграть. Таковы правила Института.

— Вы составьте рекомендацию, Калдин, а уж я займусь Советом.

Амадейро нахмурился:

— Я не буду обсуждать это сейчас. Что еще вы хотели обсудить? Пожалуйста, будьте коротки.

Она несколько секунд злобно смотрела на него, а потом сказала, как отрубила:

— Жискар!

— Робот?

— Конечно, робот. Разве вы знаете какого-нибудь другого Жискара, о котором я стала бы говорить?

— Ну, так что с ним?

— Он мой.

Амадейро удивился:

— Он был законной собственностью Фастольфа.

— Жискар стал моим, когда я была еще маленькой.

— Фастольф одолжил его вам, а потом взял обратно. Ведь официально он не был вашим.

— Он был моим фактически. Но в любом случае у Фастольфа больше нет собственности. Он умер.

— Он оставил завещание. Если я правильно запомнил, по этому завещанию два робота, Жискар и Дэниел, теперь являются собственностью солярианки.

— Я не хочу, чтобы они были у нее. Я дочь Фастольфа.

— Ого!

Василия вспыхнула:

— Я требую Жискара! Почему им владеет чужестранка?

— Только потому, что так завещал Фастольф. К тому же она гражданка Авроры.

— Кто это сказал? Для всех аврориан она солярианка.

Охваченный внезапным приступом ярости, Амадейро стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Василия, чего вы от меня хотите? Я не люблю солярианку, она мне очень неприятна, и, будь у меня возможность, я бы, — он быстро взглянул на роботов, — я бы вышвырнул ее с планеты. Но я не могу оспаривать завещание. Даже если бы был законный путь к этому — а его нет, — я не счел бы разумным делать это. Фастольф умер...

— Именно поэтому Жискар должен быть моим.

Амадейро не обратил внимания на ее слова.

— Коалиция, которой руководил Фастольф, распадается. В последние несколько десятилетий она держалась только благодаря его обаянию. Я хочу собрать остатки этой коалиции и присоединить к своим последователям. Таким образом я могу собрать группу, которая станет доминировать в Совете и контролировать следующие выборы.

— И сделает вас следующим Председателем?

— А почему бы и нет? Авроре хуже не будет, а мне это дало бы шанс изменить нашу никудышную политику, пока не поздно. Беда в том, что у меня нет популярности Фастольфа,

нет его дара излучать святость, чтобы скрыть глупость. Следовательно, если я стану праздновать победу над умершим, это будет плохо выглядеть. Никто не должен говорить, что при жизни Фастольф пренебрегал мною, а когда он умер, я наплевал на его завещание. Я не желаю быть смешным. Вы поняли? Обойдетесь без Жискара!

Василия встала, выпрямилась и прищурилась.

— Посмотрим!

— Уже видим. Наш разговор окончен, и, если вы мечтали стать главой Института, я не потерплю никаких угроз. Так что, если вы намерены продолжать, советую вам одуматься.

— Я не угрожаю, — сказала Василия, всем своим видом свидетельствуя о том, что говорит неправду.

Она знаком приказала роботу следовать за собой и вышла.

50

Неожиданность, вернее, серия неожиданностей, началась через несколько месяцев, когда Мэлун Сисис пришел в кабинет Амадейро на обычное утреннее совещание.

Амадейро всегда радовался приходу Сисиса. Этот самый Сисис был спокойным промежутком в курсе делового дня. Он был старым сотрудником Института и единственным, кто не имел амбиций и не ждал смерти или отставки Амадейро. Он был просто превосходным подчиненным. Он преданно служил патрону и пользовался доверием.

Поэтому Амадейро очень огорчился, когда примерно год назад заметил впалую грудь и неуверенную походку своего превосходного подчиненного, учуял некий запах тления. Неужели Сисис стареет? Ведь он всего на несколько десятков лет старше Амадейро.

Больше всего Амадейро поразила неприятная мысль, что с постепенной деградацией многих сторон жизни космонитов исчезают, похоже, и надежды. Он не раз собирался посмотреть статистические данные, но все время забывал или подсознательно боялся сделать это.

Судя по всему, Сисис был взволнован: лицо раскраснелось (это еще более подчеркивало седину в бронзовых волосах), его буквально распирало от изумления.

Амадейро даже не пришлось спрашивать, что случилось. Сисис сразу же выложил все.

Когда он закончил, Амадейро ошеломленно спросил:

— Прекращены все радиопередачи?

— Все, шеф. Видимо, они умерли или уехали. Ни одна обитаемая планета не может не испускать хоть какого-то электромагнитного излучения при нашем уровне...

Амадейро жестом приказал ему замолчать. Василия говорила — не очень уверенно, правда, — что солярианe готовятся покинуть планету. Это было бессмысленное предположение. Все четыре загадки были в той или иной степени бессмысленными. Он тогда сказал, что подумает об этом, и, конечно, не подумал. Теперь, по-видимому, ясно, что он совершил ошибку.

Рассказ Василии выглядел абсурдным, таким же абсурдным это казалось и сейчас.

Амадейро задал тот же вопрос, что и тогда, хотя и не рассчитывал получить ответ. Да и откуда взяться ответу?

— Куда они могли деваться, Мэлун?

— Об этом не говорится ни слова, шеф.

— Ладно. А когда они ушли?

— Об этом тоже ни слова. Мы получили известие сегодня утром. Беда в том, что интенсивность излучения на Солярии и так была низка. Население очень разбросано, а роботы хорошо экранированы. Интенсивность там ниже, чем в других Внешних мирах, и на два порядка ниже, чем у нас.

— Значит, однажды кто-то обратил внимание, что малая интенсивность упала до нуля, но никто не заметил, когда это случилось. Кто обнаружил?

— Нексонианский корабль, шеф.

— Каким образом?

— Корабль вынужденно оказался на орбите Солярии — непредвиденный ремонт. По гиперволне он просил разрешения, но ответа не получил. Им ничего не оставалось, как остаться на орбите и делать ремонт. За это время их никто не побеспокоил. Наконец с помощью приборов они обнаружили, что не получали не только ответа, но и вообще никаких сигналов. Когда точно прекратилось излучение, они сказать не могут. Последняя запись сообщения с Солярии была сделана больше двух месяцев назад.

— А другие три ее загадки? — пробормотал Амадейро.

— Простите, шеф?

— Ничего-ничего. — Амадейро нахмурился и погрузился в размышления.

Глава 13

РОБОТ-ТЕЛЕПАТ

51

Мандамус ничего не знал о событиях на Солярии, когда через несколько месяцев вернулся из продолжительного третьего путешествия на Землю.

В первое путешествие, шесть лет назад, его послал Амадейро, с некоторыми затруднениями добившись его назначения на пост уполномоченного эмиссара Авроры. Нужно было договориться о некоторых мелочах, связанных с переходом торговыми кораблями границы космонитской территории.

Он с честью вытерпел церемониальные и бюрократические мероприятия и очень быстро понял, что свобода передвижения такого эмиссара, как он, весьма ограничена. Но все это не важно, потому что он узнал то, что хотел узнать.

Он вернулся с новостями.

— Я сомневаюсь, доктор Амадейро, что там возникнут какие-нибудь проблемы. Земное правительство не имеет никакой возможности контролировать въезд и выезд. Каждый год Землю посещают миллионы поселенцев с десятков планет, и каждый год эти миллионы гостей разъезжаются по домам. Похоже, каждый поселенец считает свою жизнь неполной, если периодически не дышит воздухом Земли и не бывает в ее перенаселенных подземельях. Я думаю, это поиски корней. Они вроде и не замечают, что жизнь на Земле просто кошмарна.

— Я это знаю, Мандамус, — устало ответил Амадейро.

— Только умозрительно, сэр. Вы не можете по-настоящему понять, пока сами не увидите. Один раз побывав там, вы обнаружили бы, что ваше «знание» и реальность, как день и ночь. Поэтому никто не должен был хотеть вернуться...

— Ваши предки наверняка не хотели возвращаться, когда оставили планету.

— Наверное, — согласился Мандамус. — Но в те времена

межзвездный перелет был не таким легким, как сейчас. Он длился много месяцев, а прыжок был хитрой штукой. Теперь же время перелета — несколько дней, а прыжок — самое обычное дело. Если бы во времена наших предков вернуться на Землю было так же легко, как сейчас, я думаю, мы вряд ли отделились бы.

— Давайте без философии, Мандамус. Ближе к делу.

— Да, конечно. Кроме бесчисленных потоков поселенцев, которые шастают туда-сюда, каждый год миллионы землян эмигрируют в Поселенческие миры. Некоторые почти сразу же возвращаются, не сумев адаптироваться, другие привыкают, но очень часто приезжают в гости на Землю. Нет никакой возможности следить за этими приездами и отъездами, да Земля и не пытается. Такие попытки могут нарушить движение потока, а Земля прекрасно понимает, что каждый пассажир везет монету. Туристский бизнес, если можно так выразиться, является самой прибыльной отраслью Земли.

— Я полагаю, вы хотите сказать, что мы без труда сможем внедрить на Землю гуманоидных роботов?

— Без всякого труда. Теперь, когда они правильно запрограммированы, мы можем послать на Землю несколько групп с фальшивыми документами. Мы ничего не можем сделать с их уважением к людям, но это не выдаст их: его примут за обычное уважение поселенцев к планете предков. Но боюсь, нам не удастся высадить их в космопорту какого-нибудь города. Обширные пространства между городами практически безлюдны, если не считать примитивных рабочих роботов, и приземлившийся там корабль не будет замечен или, во всяком случае, не привлечет внимания.

— Я думаю, это слишком рискованно, — сказал Амадейро.

51а

Две группы человекоподобных роботов были посланы на Землю и смешались с жителями городов, но никак не могли найти способ выбраться в пустынные области между городами, чтобы общаться с Авророй по защищенному гиперлучу.

Мандамус все хорошенько обдумал и после долгих колебаний сказал:

— Я снова поеду туда, сэр. Я не уверен, что они найдут правильное место.

— А вы сами-то знаете правильное место? — саркастически спросил Амадейро.

— Я тщательно копался в древней истории Земли, сэр, и знаю, что найду его.

— Я не думаю, что мне удастся убедить Совет послать вас на военном корабле.

— А я и не хотел этого. Это хуже, чем просто бесполезно. Мне нужно одноместное судно с достаточным запасом энергии, чтобы хватило на оба конца.

Вот так Мандамус нанес второй визит на Землю и высадился неподалеку от одного из малых городов. С облегчением и удовлетворением он обнаружил нескольких роботов в нужном месте и провел некоторое время с ними, наблюдая за их работой, сделал несколько распоряжений и кое-что улучшил в их программе.

Затем под нелюбопытными взглядами нескольких примитивных роботов земного производства Мандамус пошел к городу.

Это был рассчитанный риск, и Мандамус, отнюдь не герой, чувствовал неприятное сердцебиение. Но все прошло хорошо.

Стражник у ворот был слегка удивлен, когда появился человек, по всем признакам проведший долгое время на открытом пространстве.

Мандамус предъявил документы поселенца, и стражник только пожал плечами. Поселенцы ничего не имели против открытого пространства, и даже предпринимали небольшие экскурсии на поверхность, в поля и леса, лежавшие вокруг города. Поэтому стражник бегло посмотрел на бумаги, а больше их никто не спрашивал.

Внеземной акцент Мандамуса — он старался, чтобы акцент как можно меньше походил на аврорианский, — принимался без обсуждения, и никому не приходило в голову, что Мандамус — космонит. Да и прийти не могло. Прошло уже двести лет с тех пор, как космониты имели на Земле постоянный аванпост. Официальных космонитских эмиссаров было мало, а в последнее время стало еще меньше, и земляне из провинции, видимо, даже забыли о существовании космонитов.

Правда, Мандамус немного опасался, что тонкие прозрачные перчатки и носовые фильтры, которые он все время носил, могут обратить на себя внимание, но этого не случилось. Никто не запрещал ему путешествовать из города в город. Он был человеком состоятельным, а деньги многое значили на Земле — как, впрочем, и во Внешних мирах.

Он начал привыкать к отсутствию за спиной робота, и когда встречал аврорианских гуманоидных роботов в том или ином городе, то объяснял им, что они не должны таскаться за ним по пятам.

Он выслушивал их рапорты, давал инструкции, если требовалось, и устраивал их отправку за пределы города. Наконец он вернулся на корабль и отбыл на Аврору.

Никто не обратил на него внимания, когда он появился, никто не заметил, как он исчез.

— Вообще-то, — задумчиво сказал он Амадейро, — земляне не такие уж и варвары.

— Вот как?

— На своей планете они ведут себя совершенно по-человечески. В их дружелюбии есть даже что-то привлекательное.

— Уж не жалеете ли вы о том, чем занимались там?

— Я скверно себя чувствовал, когда ходил среди них и думал, что они не знают о том, что случится. Не могу заставить себя радоваться тому, что делаю.

— Сможете, Мандамус. Подумайте о том, что, как только работа будет сделана, пост директора Института фактически станет вашим. Это должно вас согревать.

С тех пор Амадейро не спускал с Мандамуса глаз.

516

В третьем путешествии Мандамус почти совсем освоился и держался как настоящий землянин. Проект медленно сдвигался с мертвой точки.

Во время первых своих посещений он не испытывал проблем со здоровьем, но в третий раз, без сомнения, по излишней самоуверенности, он не уберегся, и настало время, когда его встревожило истечение из носа, сопровождаемое кашлем. В городской амбулатории ему вкатили инъекцию гамма-глобулина, отчего сразу полегчало. Но амбулатория произвела на Мандамуса более жуткое впечатление, чем сама болезнь: все

там, похоже, болели чем-то заразным или были в контакте с больными.

Но вот он вернулся к привычному распорядку жизни на Авроре и был несказанно рад этому. Он слушал сообщение Амадейро о солярианском происшествии.

— Вы ничего не слышали об этом? — спросил Амадейро.

Мандамус покачал головой.

— Ничего, сэр. Земля на редкость провинциальна. Восемьсот городов с восемью миллиардами жителей, все интересы которых касаются только восьмисот городов с восемью миллиардами жителей. Можно подумать, что поселенцы существуют только для того, чтобы посещать Землю, а космонитов вовсе не существует. Последние известия в любом городе на девяносто процентов относятся к этому городу. Земля — очень замкнутый мир, как духовно, так и физически.

— Однако вы говорили, что они не варвары.

— Агорафобия — не обязательно варварство. По их словам, они цивилизованны.

— По их словам! Ну, ладно. Это неважно. Сейчас проблема — Солярия. Ни один из Внешних миров пальцем не пошевелит. Принцип невмешательства — наш главнейший. Считается, что внутренние проблемы Солярии — дело самой Солярии. Наш Председатель инертен, как и все остальные в Совете, несмотря на то что Фастольф умер и его параличные руки больше не давят на нас. А сам я ничего не могу сделать до тех пор, пока не стану Председателем.

— Как они могут считать проблемы Солярии внутренними, в которые нельзя вмешиваться, когда соляриане исчезли?

— Они не замечают этой глупости, а вы сразу ухватили суть? — ядовито сказал Амадейро. — Они говорят, что, пока нет твердой уверенности в исчезновении солярианин и на планете остается хоть кто-то из них, другие Внешние миры не могут явиться туда без приглашения.

— Но как же они объясняют отсутствие излучений?

— Они думают, что соляриане, может быть, ушли под землю или научились устранять утечку излучения. Говорят также, что никто не видел, как соляриане уходили и что им абсолютно некуда податься. Конечно, никто не следил, потому и не видели.

— Как они доказывают, что солярианам некуда уйти? Пустых планет много.

— Их аргумент состоит в том, что соляриане не могут жить без своей несметной толпы роботов, а взять их всех с собой они не смогут. Но если они все же ушли, как вы полагаете, сколько рабов они прихватили?

— А каковы ваши аргументы?

— Их нет, сэр. Но, исчезли они или нет, ситуация тревожная, и просто невероятно, что никто не хочет разобраться. Я всех предупреждал, как мог настойчиво, что инерция и апатия не доведут нас до добра, что, как только Поселенческие миры узнают, что Солярия опустела — или, возможно, опустела, — они без колебаний бросятся расследовать, в чем дело. У этой шайки безумное любопытство. Я хотел бы, чтобы мы обладали хоть частью его. Не подумав дважды, они рискнут жизнью, если им светит какая-то выгода.

— И какая же выгода в данном случае, доктор Амадейро?

— Если соляриане ушли, то волей-неволей должны были оставить почти всех своих роботов. Они исключительно изобретательные роботехники, и поселенцы, при всей своей неприязни и ненависти к роботам, не раздумывая соберут их и продадут нам за хорошие деньги. Они уже объявили об этом. Два поселенческих корабля уже высадились на Солярии. Мы послали протест, но они, разумеется, не обратили на него внимания, а мы, ясное дело, ничего больше не сделали. Наоборот: некоторые Внешние миры интересуются, какие роботы будут продаваться и почем.

— Наверное, так и должно быть, — спокойно сказал Мандамус.

— Мы ведем себя так, как о нас говорят пропагандисты поселенцев, — так и должно быть? Мы действуем так, словно и в самом деле деградируем и катимся к упадку.

— Зачем повторять их трепотню, сэр? Мы благополучны и цивилизованны, и пока еще нам никто не грозит. Если это случится, мы будем драться и, будьте уверены, сотрем их в порошок. Технологически мы пока их опережаем.

— Но мы сами себе повредим, а это не очень приятно.

— Значит, мы не готовы к войне. Если Солярия опустела и поселенцы хотят ограбить ее, возможно, нам не следует мешать им. В конце концов, я могу предсказать, что мы сделаем свой ход через несколько месяцев.

Амадейро посмотрел на Мандамуса с какой-то яростной жадностью:

— Месяцев?

— Я уверен в этом. Поэтому первое, что мы должны сделать, это избегать провокации. Мы погубим все, если ввяжемся в конфликт без необходимости, и сами себе повредим, даже если победим, — а зачем нам это? Очень скоро мы добьемся полной победы — и не ввязываясь в конфликт, и без вреда для себя.

— Бедная Земля!

— Если вы сочувствуете им, — произнес Амадейро с наигранной легкостью,— то, возможно, ничего не станете с ними делать.

— Как раз наоборот, — холодно отозвался Мандамус. — Именно потому, что я твердо намерен что-то с ними сделать — и знаю, что это будет сделано,— я испытываю к ним сочувствие. А Председателем станете вы!

— А вы возглавите Институт.

— Скромный пост, если сравнивать с вашим.

— А после моей смерти? — едва не рявкнул Амадейро.

— Так далеко в будущее я не заглядываю.

— Я почти... — начал Амадейро, но его прервало гудение аппарата связи. Автоматически и даже не взглянув на аппарат, Амадейро поднес руку к выходной щели машины. Пробежав глазами выползший из аппарата листок бумаги, он медленно растянул губы в улыбке. — Те два корабля поселенцев, что сели на Солярии...

— Да, сэр? — нахмурился Мандамус.

— Уничтожены! Оба!

— Каким образом?

— Взрыв превратил их во вспышку радиации, легко детектируемую из космоса. Вы понимаете, что это значит? Получается, что соляриане все-таки не покинули планету и самый слабый из наших миров способен легко справиться с кораблями поселенцев. Да, им здорово расквасили нос, и такой урок они долго не забудут. Возьмите, Мандамус, прочтите сами.

Мандамус отпихнул листок.

— Но это вовсе не значит, что соляриане все еще на планете. Вполне возможно, что они всего лишь нашпиговали ее ловушками.

— Да какая разница? Что прямая атака, что ловушка — корабли-то уничтожены.

— На сей раз их застали врасплох. А что будет в следующий раз, когда они подготовятся? И что, если они воспримут это событие как преднамеренную атаку космонитов?

— Мы ответим, что соляриане только отражали преднамеренную атаку поселенцев.

— Но, сэр, неужели вы стремитесь к войне миров? Что, если поселенцы не станут утруждать себя болтовней, а сочтут уничтожение своих кораблей военным действием и тут же примут ответные меры?

— С какой стати?

— Потому что когда задевается их гордость, они становятся такими же безрассудными, как и мы. Даже в еще большей степени, потому что опыт всевозможного насилия у них богаче.

— Они потерпят поражение.

— Вы сами признали, что, даже если их разобьют, они успеют причинить нам серьезнейший ущерб.

— И как вы мне предлагаете поступить? Аврора те корабли не уничтожала.

— Уговорить Председателя сделать заявление, что Аврора не имеет к этому никакого отношения, ни один из Внешних миров тоже, и вся вина за произошедшее ложится исключительно на Солярию.

— И бросить Солярию? Это трусость!

— Доктор Амадейро, — возбужденно произнес Мандамус, — вам знакомо такое понятие, как стратегическое отступление? Убедим Внешние миры немного отступить, тем более что есть подходящий предлог. Еще несколько месяцев — и наш план на Земле окончательно созреет. Да, отступить и умиротворить космонитов будет трудно, потому что они не знают, что вскоре произойдет, — но мы-то знаем. Более того, мы с вами, зная то, что неизвестно другим, можем взглянуть на это событие как на дар тех, кого раньше называли богами. Пусть поселенцы возятся на Солярии, не подозревая, что на Земле готовится их уничтожение. Или вы предпочитаете, чтобы наши планы потерпели крах накануне окончательной победы?

Под пронзительным взглядом глубоко посаженных глаз собеседника Амадейро непроизвольно съежился.

52

Никогда еще Амадейро не было так тяжело, как после уничтожения поселенческих кораблей. К счастью, Председателя удалось уговорить следовать политике «силовых уступок», как ее назвал Амадейро. Это выражение понравилось Председателю, хотя и было оксюмороном. Кстати говоря, по части силовых уступок Председатель был докой.

Остальными членами Совета манипулировать оказалось труднее. Раздраженный Амадейро до изнеможения расписывал перед ними картины ужасов войны и распинался о необходимости выбора подходящего момента для удара, если войны избежать не удастся, упирая на то, что ошибиться ни в коем случае нельзя.

Он изобретал все новые аргументы, поясняя, почему нужный момент еще не настал, и использовал их в дискуссиях с лидерами других Внешних миров. Чтобы заставить их поддаться на уговоры, приходилось злоупотреблять традиционной гегемонией Авроры.

А когда со своим кораблем и своим требованием явился капитан Д. Ж. Бейли, Амадейро почувствовал, что у него больше нет сил. Всему есть предел.

— Это совершенно невозможно, — пожаловался Амадейро. — Неужели мы позволим ему совершить посадку на Авроре? Бородатому, в дурацкой одежде и с уму непостижимым акцентом! Неужели я вынужден буду просить у Совета разрешения выдать ему женщину-космонитку? В нашей истории еще не бывало такого прецедента. Женщину-космонитку!

— Вы всегда называли эту женщину-космонитку солярианкой, — сухо заметил Мандамус.

— Она и есть солярианка — для нас. Но если дело касается поселенца, ее следует считать космониткой. Если его корабль приземлится на Солярии — а он намерен отправиться именно туда, — его могут уничтожить, подобно другим кораблям, а вместе с ним и женщину. Тогда мои противники, и не без оснований, смогут обвинить меня в убийстве. Моя политическая карьера этого может и не перенести.

— Подумайте о том, — напомнил Мандамус, — что мы почти семь лет трудились, подготавливая окончательное уничтожение Земли, и до завершения этого проекта остались считаные месяцы. Так неужели нам стоит рисковать ввязаться в

войну и одним ударом разрушить все, когда мы так близки к окончательной победе?

Амадейро покачал головой:

— Ситуация такова, мой друг, что выбора у меня фактически нет. Совет не пойдет за мной, если я попытаюсь уговорить их выдать женщину поселенцу. Подобное намерение будет использовано против меня. Мало того, что пострадает моя политическая карьера, — мы можем оказаться втянутыми в войну. Кроме того, для меня невыносима мысль о том, что женщина-космонитка может погибнуть, оказывая услугу поселенцу.

— Кое-кто может подумать, что вы неравнодушны к солярианке.

— Вы же знаете, что это не так. Я искренне желал бы, чтобы она умерла еще двести лет назад, но не подобным образом и не на корабле поселенца... Но мне следует вспомнить, что она ваша прабабка в пятом поколении.

Мандамус нахмурился сильнее обычного.

— И что с того? Я самостоятельная личность, космонит и осознаю свое место в обществе. Разве я похож на поклоняющегося предкам члена некоего племенного конгломерата? — Мандамус на мгновение умолк, и на его худом лице отразилась глубокая сосредоточенность. — Доктор Амадейро, — попросил он, — не могли бы вы объяснить Совету, что мою дальнюю родственницу все же следует отпустить, но не как заложницу, а исключительно потому, что ее уникальные знания о Солярии, где она провела детство и юность, могут очень помочь в расследовании и что это расследование может оказаться полезным не только для поселенцев, но и для нас? Если, в конце концов, говорить откровенно, неужели нам не было бы полезно знать, что задумали эти жалкие соляриане? А женщина сможет рассказать нам обо всем — если уцелеет.

Амадейро оттянул кончиками пальцев нижнюю губу.

— Да, это может сработать, если женщина перейдет на корабль добровольно, если ясно даст понять, что сознает важность задания и желает выполнить свой патриотический долг. Но заставить ее отправиться на корабль силой просто немыслимо.

— В таком случае предположим, что я навещу свою родственницу и попытаюсь уговорить ее добровольно перейти на борт корабля. Предположим также, что вы поговорите по гиперсвязи с капитаном-поселенцем и скажете ему, что он смо-

жет сесть на Авроре и забрать женщину, если уговорит ее отправиться с ним добровольно... или как минимум убедит ее сказать, что она поступает так по собственной воле, как бы то ни обстояло в действительности.

— Полагаю, мы ничего не потеряем, если попытаемся это сделать, но сомневаюсь в успехе всей затеи.

И все же, к удивлению Амадейро, она удалась, и вскоре он, не веря собственным ушам, выслушивал подробности, которые ему излагал Мандамус:

— Я завел разговор о гуманоидных роботах. Совершенно очевидно, что она о них ничего не знает. Из этого я заключил, что и Фастольф ничего про них не знал. Эта деталь не давала мне покоя больше всего. Потом я перевел разговор на своих предков таким образом, чтобы вынудить ее заговорить о землянине Элайдже Бейли.

— И что? — резко спросил Амадейро.

— Ничего. Она лишь помнит такого, и все. Поселенец, который ее домогается, — потомок Бейли, и я подумал, что эта деталь может заставить ее отнестись к предложению капитана более благосклонно.

Как бы то ни было, все сложилось удачно, и несколько дней Амадейро не испытывал над собой того почти непрерывного давления, что изводило его с самого начала солярианского кризиса.

Но лишь несколько дней.

53

За время солярианского кризиса Амадейро не встречался с Василией, чем был весьма доволен.

Время для подобных встреч было явно неподходящим. У него не было ни малейшего желания раздражаться из-за ее мелочных забот о роботе, которого она считала своей собственностью, совершенно не принимая во внимание незаконность подобного утверждения, в то время как его мысли были заняты истинным кризисом. Не хотелось ему и ввязываться в ссору между ней и Мандамусом, которая неизбежно возникла бы при разговоре о том, кто возглавит в будущем Институт роботехники.

Он уже почти принял решение, что Мандамус станет его

преемником. В течение всего солярианского кризиса тот держал в поле своего внимания все самое важное, и даже в тех ситуациях, когда Амадейро ощущал неуверенность, Мандамус оставался невозмутимо спокойным. Именно Мандамусу пришла в голову мысль, что солярианская женщина может добровольно улететь с капитаном-поселенцем, и он же смог уговорить ее решиться на этот поступок.

Если его план уничтожения Земли сработает, как может — и должен сработать, то со временем Мандамус станет преемником Амадейро на посту Председателя Совета. Так будет даже справедливо, подумал Амадейро во время редкого приступа самоотверженности.

В тот самый вечер он и думать позабыл о Василии. Когда он вышел из Института, стайка роботов проводила его до машины, где уже сидел робот-шофер, а еще два робота поджидали на заднем сиденье. Смеркалось, шел холодный дождь. Машина бесшумно довезла Амадейро до дома, где его встречали еще два робота. И за все это время он ни разу не вспомнил о Василии.

И, обнаружив ее в своей комнате, где она смотрела по гипервизору какой-то замысловатый балет роботов: несколько роботов Амадейро стояли в нишах, а два робота Василии — за спинкой ее кресла, он остолбенел — не столько от возмущения по поводу вторжения в его жилище, сколько от неожиданности.

Отдышавшись и вновь обретя способность говорить, Амадейро гневно спросил:

— Что вы здесь делаете? Как вы попали в мой дом?

Василия выглядела спокойной — в конце концов, она-то знала, что Амадейро приедет домой.

— Что я здесь делаю? — переспросила она. — Вас жду. А попасть в дом оказалось совсем нетрудно. Вашим роботам моя внешность очень хорошо знакома, равно как и мое положение в Институте. Почему бы им не впустить меня, если я сказала, что мне назначили встречу?

— Но это ложь. Вы нарушили неприкосновенность моего жилища.

— Не совсем. Доверие роботов к чужакам не безгранично. Взгляните на них. Они с меня глаз не спускают. И если бы я захотела порыться в ваших вещах, просмотреть бумаги и вооб-

ще как-то воспользоваться вашим отсутствием, уверяю вас — мне бы это не удалось. Два моих робота им не помеха.

— Да будет вам известно, — резко произнес Амадейро, — что ваше поведение недостойно космонитки. Я презираю вас и никогда вам этого не забуду.

На сей раз слова Амадейро задели Василию.

— Надеюсь, вы не забудете, Калдин, — ответила она негромко, но решительно, — потому что я сделала то, что сделала, ради вас — и если бы я отреагировала на ваши оскорбления должным образом, то встала бы и ушла, оставив вас до конца жизни прозябать в неудачниках, коим вы были последние двести лет.

— Что бы вы ни сделали, неудачником я не буду.

— Вы говорите так, словно верите собственным словам, — возразила Василия. — Но, видите ли, вы не знаете того, что известно мне. Должна сказать, что без моего вмешательства вы так и останетесь неудачником. Мне абсолютно все равно, что вы там замыслили. И еще меньше меня заботит, что сварганил для вас этот тонкогубый кислорожий Мандамус...

— Почему вы о нем заговорили? — быстро спросил Амадейро.

— Потому что мне так хочется, — презрительно ответила Василия. — Все, что он делает или думает, что делает — не пугайтесь, я понятия не имею о его планах, — так вот, ничего из этого не выйдет. И пусть я не знаю ничего, но в одном я уверена — ничего у него не получится.

— Да вы просто чушь несете, — сказал Амадейро.

— Советую вам прислушаться к этой чуши, Калдин, если не хотите, чтобы рухнуло все. И не только вы, но, возможно, и Внешние миры, все до единого. Впрочем, вы можете отказаться меня слушать. Дело ваше. Выбирайте.

— С какой стати мне вас слушать? Разве у меня есть для этого основания?

— Вспомните хотя бы, как я говорила вам, что солярианe собираются покинуть свою планету. Если бы вы тогда ко мне прислушались, это событие не застало бы вас врасплох.

— Солярианский кризис еще обернется нам на пользу.

— И не надейтесь, — парировала Василия. — Вы можете думать, что так будет, но так не будет. Кризис уничтожит вас — какие бы меры вы ни предприняли, чтобы с ним спра-

виться, — если вы не согласитесь выслушать то, что я обязана сказать.

Слегка дрожащие губы Амадейро побелели. Упоминание Василии о двух столетиях неудач отнюдь не укрепило его дух, равно как и ее слова о солярианском кризисе, и у него не хватило решимости приказать роботам вывести ее вон.

— Ладно, выкладывайте, только покороче, — угрюмо бросил он.

— Если я расскажу все, что должна рассказать, вы мне не поверите, так что позвольте мне сделать это по-своему. Вы можете прервать меня в любой момент, но этим вы погубите все Внешние миры. На мой век, разумеется, их хватит, и не мое имя войдет в историю — историю поселенцев, между прочим — как синоним величайшей неудачи. Так мне начинать?

Амадейро сгорбился в кресле.

— Хорошо, начинайте. А когда кончите — убирайтесь.

— Я так и намерена поступить, Калдин, если, конечно, вы не попросите меня — и очень вежливо попросите — остаться и помочь вам. Начинать?

Амадейро промолчал. Василия начала:

— Я уже говорила, что во время своего пребывания на Солярии узнала о разработанных там очень странных позитронных структурах. Они поразили меня — и поразили чрезвычайно, — поскольку то была попытка создания роботов-телепатов. А теперь ответьте, почему я об этом вспомнила?

— Откуда мне знать, — резко ответил Амадейро, — какие именно патологические импульсы направляют ход ваших мыслей.

Василия состроила в ответ гримасу.

— Спасибо, Калдин... я размышляла об этом несколько месяцев, поскольку у меня хватило ума догадаться, что причина этих мыслей не в патологии, а в неких подсознательных воспоминаниях. И мои мысли вернулись в детство, когда Фастольф, которого я считала своим отцом, неожиданно расщедрившись — он время от времени экспериментировал со щедростью, понимаете ли, — подарил мне робота.

— Опять Жискар? — нетерпеливо пробормотал Амадейро.

— Да, Жискар. Как всегда, Жискар. Я тогда еще была подростком, но уже имела задатки роботехника, или, вернее сказать, родилась с этими задатками. В математике я разбиралась еще слабо, но схемы схватывала на лету. За последующие с тех

пор десятилетия мои знания математики расширились и усовершенствовались, но, как мне кажется, мои достижения в схемотехнике выросли не намного. «Маленькая Вас», — говаривал отец — он экспериментировал и с ласковыми уменьшительными именами, проверяя, какое впечатление они на меня производят. Так вот: «Ты просто гений в схемах». Как мне кажется, я...

— Избавьте меня от подробностей. Я охотно признаю вашу гениальность. Кстати, вам известно, что я еще не обедал?

— Что ж, — резко ответила Василия, — закажите обед и пригласите меня присоединиться к вам.

Нахмурившись, Амадейро повелительно поднял руку и подал быстрый знак. Роботы тут же тихо засуетились.

— Я изобретала для Жискара всяческие схемы, — продолжала Василия. — Потом приходила к Фастольфу и показывала их ему. Он качал головой, смеялся и говорил: «Если ты добавишь это к мозгу бедняги Жискара, он не сможет с тобой разговаривать, к тому же ему будет очень больно». Помню, я спросила, действительно ли Жискар может испытывать боль, и отец ответил: «Мы не знаем, что он будет испытывать, но он станет вести себя так, словно ему очень больно, так что можешь считать, что боль он ощущает».

Иногда, когда я показывала ему очередную схему, он рассеянно улыбался и говорил: «Что ж, это ему не повредит, малышка Вас. Может быть, даже стоит попробовать».

И я пробовала. Иногда я снова вынимала схему, иногда оставляла. Я вовсе не издевалась над Жискаром ради садистского удовольствия, хотя такое искушение появиться могло, будь у меня другой характер. Наоборот, я очень любила Жискара и совсем не хотела причинить ему вред. И когда мне казалось, что мое очередное усовершенствование — а я всегда считала свои схемы усовершенствованиями — помогает Жискару свободнее говорить или реагировать быстрее и интереснее и к тому же безвредно для него, я оставляла схему на месте. Но однажды...

Подошедший к Амадейро робот не посмел бы прервать гостью, разве что в случае крайней необходимости, но Амадейро без труда понял, что означает его выжидательная поза.

— Обед готов?

— Да, сэр.

Амадейро нетерпеливо махнул рукой в сторону Василии:

— Вы приглашены пообедать со мной.

Они перешли в столовую, где Василии еще не доводилось бывать. Впрочем, Амадейро был затворником и славился пренебрежением к социальным традициям. Ему неоднократно говорили, что он достигнет больших успехов в политике, если станет устраивать у себя дома приемы, на что он всегда вежливо улыбался и отвечал: «Цена слишком высока».

Возможно, именно из-за его неумения развлекать, подумала Василия, в обстановке столовой нет ничего оригинального или творческого. Заурядненшие стол, тарелки и приборы. Стены — одноцветные вертикальные плоскости. Общее впечатление способно испортить аппетит кому угодно.

Суп, поданный на первое — обычный бульон, — оказался столь же заурядным, как и обстановка. Василия начала есть без всякого желания.

— Моя дорогая Василия, — заметил Амадейро, — вы видите, как я терпелив. Я даже не стал возражать против вашего желания изложить свою автобиографию. Вы действительно намерены прочитать мне наизусть несколько ее глав? Если да, то должен откровенно признаться, что она меня не интересует.

— Если вы еще чуточку потерпите, ваш интерес неизмеримо возрастет, — пообещала Василия. — Впрочем, если грядущее поражение вас и в самом деле не тревожит и вы желаете и в дальнейшем тратить усилия понапрасну, достаточно просто сказать мне об этом. Я молча доем и уйду. Вы этого хотите?

Амадейро вздохнул:

— Продолжайте, Василия.

— Так вот, однажды я создала очередную схему. Она показалась мне более совершенной, остроумной и многообещающей, чем все, виденное прежде, или, если честно, все, виденное с тех пор. Я с удовольствием показала бы ее отцу, но он уехал по каким-то делам на другую планету.

Я не знала, когда он вернется, и пока отложила новую схему, но каждый день разглядывала ее со все возрастающим интересом и восхищением. В конце концов у меня попросту лопнуло терпение. Схема казалась такой совершенной, что даже в принципе не могла нанести вред роботу. Мне не было тогда и двадцати лет, и я еще не переросла детскую безответственность. И я модифицировала Жискара, встроив в его мозг эту схему.

И не навредила ему — это было совершенно очевидно. Жискар общался со мной с безупречной легкостью и, как мне

показалось, стал гораздо расторопнее, понятливее и разумнее, чем раньше. Новый Жискар стал для меня восхитительнее и милее, чем прежний.

Я очень обрадовалась и одновременно встревожилась. То, что я сделала — модифицировала Жискара, не получив предварительно одобрения Фастольфа, — категорически запрещали правила, установленные им для меня, и я это прекрасно понимала. Но мне было ясно и то, что я не стану переделывать уже сделанное. Модифицируя мозг Жискара, я оправдывалась перед собой тем, что изменение временно и вскоре я нейтрализую все последствия модификации. Однако, едва завершив модификацию, я поняла, что не стану ничего менять. Я этого попросту не хотела. Более того, с тех пор я ни разу не модифицировала Жискара из опасения исказить результат последней модификации.

И Фастольфу я тоже ничего не рассказала. Уничтожила все рабочие записи об этой поразительной схеме, и Фастольф так никогда и не узнал, что Жискар был модифицирован без его ведома. Никогда!

Затем наши пути, мой и Фастольфа, разошлись. Он не отдал мне Жискара. Я кричала, что он мой, что я люблю его, но мягкая благосклонность Фастольфа, которую он всю жизнь выставлял напоказ, так и не позволила ему встать на пути у собственных желаний.

Он дал мне других роботов, которые были мне совершенно не по душе, а Жискара оставил себе.

А когда он умер, Жискар достался той солярианской женщине — последний жестокий удар.

Амадейро справился лишь с половиной своей порции мусса из лососины.

— Если вы рассказали мне все это для того, чтобы подтвердить свои права на Жискара, то напрасно старались. Я вам уже объяснял, почему не могу нарушить волю Фастольфа.

— Кроме моего желания, тут есть еще кое-что, Калдин, — ответила Василия. — Гораздо большее. Бесконечно большее. Хотите, чтобы я замолчала?

Амадейро растянул губы в кривоватой улыбке.

— Раз уж я потратил столько времени, слушая все это, то сыграю роль безумца и послушаю еще.

— Вы станете безумцем, если откажетесь меня слушать, потому что сейчас я подойду к главному... У меня не выходили

из головы мысли о Жискаре и той несправедливости, когда меня с ним разлучили, — но почему-то я совсем не задумывалась о схеме, которую тайком в него встроила. Я совершенно уверена, что не смогу воспроизвести ее, даже если попытаюсь, и, насколько могу вспомнить, она совершенно не походила на схемы, которые мне доводилось с тех пор видеть в различных роботах. И лишь на Солярии мне удалось совсем недолго разглядывать нечто похожее.

Та солярианская схема показалась мне знакомой, но я не могла понять почему. И лишь после нескольких недель упорных размышлений мне удалось докопаться до той глубоко скрытой области моего подсознания, где затаилось ускользающее воспоминание о той схеме, которую я выдумала два с половиной столетия назад.

И хотя я не могу вспомнить свою схему в точности, я уверена, что солярианская схема — лишь ее жалкое подобие, не более. Она лишь напоминала то, что мне удалось изобрести и воплотить в изумительно сложную симметрию. Но на солярианскую схему я смотрела глазами специалиста, за двадцать пять десятилетий досконально изучившего теорию роботехники, и она навела меня на мысль о телепатии. И если даже эта простейшая, почти неинтересная для меня схема навела меня на такую мысль, то какой же телепатической способностью должен обладать мой оригинал — то, что я изобрела ребенком и о чем с тех пор ни разу не вспоминала?

— Вы все повторяете, что подходите к главному, Василия, — заметил Амадейро. — По-моему, логично будет попросить вас перестать стонать и сокрушаться и изложить наконец суть просто и ясно.

— С радостью. Я хочу сказать вам, Калдин, что я, сама того не подозревая, превратила Жискара в робота-телепата и что второго такого робота не существует и никогда не существовало.

54

Амадейро долго смотрел на Василию. Уразумев, что рассказ окончен, он вернулся к муссу из лососины и с задумчивым видом отправил в рот несколько ложек.

— Невозможно! — произнес он наконец. — Вы что, считаете меня идиотом?

— Я считаю вас неудачником, — парировала Василия. — Я не говорила, что Жискар способен читать мысли, принимать или передавать слова или идеи. Скорее всего такое невозможно, даже теоретически. Но я уверена, что он может улавливать эмоции и общий настрой умственной активности и, возможно, даже изменять их.

Амадейро тряхнул головой.

— Невозможно!

— Разве? Подумайте немного. Двести лет назад вы почти достигли своей цели. Вы могли сделать с Фастольфом что угодно, а Председатель Хордер был вашим союзником. Что же случилось? Почему все пошло наперекосяк?

— Землянин... — начал Амадейро, но тут же умолк — его душил гнев.

— «Землянин...» — передразнила его Василия. — Ах, землянин. Или то была солярианка? Ни он, ни она! Никто! Рядом с вами все время был Жискар. Вынюхивал и крутил вами, как хотел.

— Чем же он интересовался? Он же робот.

— Робот, преданный своему хозяину, Фастольфу. Согласно Первому Закону, он обязан следить, чтобы Фастольфу не был причинен вред, а будучи телепатом, он не мог ограничиться возможностью причинения лишь существенного физического ущерба. Он знал, что если Фастольф не добьется своего, не сможет содействовать созданию новых поселений на пригодных для обитания планетах Галактики, то будет глубоко разочарован — а в телепатической вселенной Жискара это равносильно «вреду». Такого он допустить не мог, поэтому и вмешивался.

— Нет, нет и еще раз нет, — с отвращением произнес Амадейро. — Это вам хочется, чтобы все обстояло именно так, потому что вас обуревают всевозможные безумно-романтические идеи — но ваши желания не могут повлиять на истину. Я даже слишком хорошо помню, кто был причиной неудач — землянин. И мне не нужен для их объяснения робот-телепат.

— А что произошло с тех пор, Калдин? — не унималась Василия. — Удалось ли вам за двести лет одолеть Фастольфа? Когда все обстоятельства обернулись в вашу пользу, когда политика Фастольфа потерпела очевидный крах, разве сумели вы склонить на свою сторону большинство Совета? Смогли

подчинить своему влиянию Председателя, чтобы обладать реальной властью?

Как вы это объясните, Калдин? Все эти двести лет землянина на Авроре не было, он был мертв уже шестьдесят лет — ведь его жалкая короткая жизнь длилась лет восемьдесят. И все же вас продолжали преследовать неудачи, сплошная цепочка неудач, без единого просвета. Даже сейчас, когда Фастольф умер, разве смогли вы извлечь для себя пользу из того, что его коалиция развалилась? Вы в который раз убедились, что удача избегает вас.

Так что же получается? Землянина нет. Фастольфа нет. И только Жискар все эти годы действовал против вас. Сейчас он столь же предан солярианке, как некогда Фастольфу, а у солярианки, как мне кажется, нет причин любить вас.

Лицо Амадейро исказилось, превратившись в маску гнева и отчаяния.

— Нет, не так. Все это выдумки, плод вашего воображения!

— Я ничего не выдумываю, — невозмутимо отозвалась Василия. — Я лишь объясняю те факты, которые вы сами не в силах объяснить. Или у вас все же есть другое объяснение?.. Хотите, я предложу вам решение? Сделайте так, чтобы официальным владельцем Жискара стала я, а не солярианка, и события тут же начнут складываться в вашу пользу.

— Нет. Они и так складываются в мою пользу.

— Вы можете сколько угодно убеждать самого себя, но, пока Жискар действует против вас, этого не случится. Как бы вы ни приблизились к победе, как бы ни были в ней уверены, все обернется пшиком — до тех пор пока Жискар не окажется на вашей стороне. Так случилось двести лет назад и случится снова, сейчас.

Лицо Амадейро неожиданно просветлело.

— Знаете, если поразмыслить — пусть Жискар не ваш и не мой, неважно, — то я могу доказать, что Жискар никакой не телепат. Будь это так, как вы говорите, если он способен перекраивать события на свой вкус или на вкус того, кто считается его хозяином, то почему он позволил солярианке рисковать жизнью?

— Рисковать жизнью? Вы о чем, Калдин?

— Слыхали ли вы, Василия, что на Солярии были уничтожены два корабля поселенцев? Или вы в последнее время

только и делали, что раздумывали о схемах и смелых деньках своего детства, когда вы модифицировали своего любимца?

— Сарказм вам не к лицу, Калдин. Я слышала в новостях о тех кораблях. И что с того?

— Для расследования обстоятельств происшествия туда отправляется третий корабль поселенцев. Возможно, он тоже будет уничтожен.

— Вероятно. С другой стороны, он примет меры предосторожности.

— Уже принял. Он потребовал и получил солярианку. Они полагают, что она настолько хорошо знает планету, что поможет им уцелеть.

— Вряд ли это возможно, потому что в последний раз она была там двести лет назад.

— Правильно! В таком случае она имеет все шансы погибнуть вместе с ними. Для меня лично это мало что значит — я буду только рад, если ее не станет. Думаю, и вы тоже. К тому же это даст нам хороший повод жаловаться на поселенцев, а им будет очень трудно утверждать, что уничтожение кораблей было сознательным актом Авроры. Неужели мы стали бы губить своих граждан?.. Вопрос теперь в том, Василия, почему Жискар, если он обладает тем умением, которое вы ему приписываете, — и так предан, — позволил солярианке добровольно отправиться навстречу почти верной гибели?

— Неужели она полетит добровольно? — спросила потрясенная Василия.

— Абсолютно добровольно. Она сама этого хочет. А заставить ее поступить так силой было бы невозможно.

— Но я не понимаю...

— Тут нечего понимать, кроме того, что Жискар самый обычный робот.

Василия на мгновение замерла, подперев рукой подбородок, потом медленно сказала:

— На корабли поселенцев и на их планеты роботов не допускают. И это означает, что она полетит одна. Без роботов.

— Разумеется, нет. Поскольку она согласилась добровольно, поселенцы вынуждены принять на борт и ее личных роботов. С ней полетит тот человекоподобный Дэниел, а вторым будет... — Амадейро сделал паузу и прошипел: — ...Жискар. Кто же еще? Так что чудо-робот из ваших фантазий тоже отправится навстречу своей гибели. И он самый обычный...

Он неуверенно умолк. Василия вскочила. Глаза ее сверкали, лицо от гнева покрылось пятнами.

— Вы сказали, что Жискар полетит с ними? Он покинет эту планету на корабле поселенцев? Калдин, вы погубили всех нас!

55

Никто из двоих более не прикоснулся к еде. Василия торопливо вышла из столовой и исчезла за дверью туалетной комнаты. Амадейро, с трудом пытаясь сохранить холодную логичность, крикнул ей сквозь запертую дверь, прекрасно сознавая, что тем самым унижает свое достоинство:

— Это самое сильное доказательство того, что Жискар не более чем робот! Зачем ему отправляться на Солярию, где он увидит смерть своей хозяйки?

Через некоторое время шум льющейся воды прекратился. Василия распахнула дверь. Ее только что умытое лицо, казалось, излучало ледяное спокойствие.

— Вы что, в самом деле ничего не поняли? — сказала она. — Вы изумляете меня, Калдин. Подумайте хорошенько. Пока Жискар сохраняет умение манипулировать умами людей, он не может подвергнуться опасности, разве не так? И солярианка тоже — пока Жискар ей предан. Поселенец, который ее увезет, наверняка после разговора с ней узнал, что она не была на Солярии двести лет, так что вряд ли он всерьез полагает, что она может принести ему хоть какую-то пользу. Вместе с ней он берет и Жискара, но не знает, что тот может оказаться полезным, или же... А может, он это знает? — Она ненадолго задумалась, потом медленно сказала: — Нет, он никак не мог это узнать. Если за двести лет никто не проник в тайну умственных возможностей Жискара, значит, Жискар сам заинтересован в ее сохранении... и если я права, то догадаться о ней не мог никто.

— Но вы же говорите, что раскусили его, — ехидно заметил Амадейро.

— Я обладаю специальными знаниями, Калдин, но даже я только сейчас разглядела очевидное — и то лишь благодаря подсказке на Солярии. Наверное, Жискар и мне заморочил голову, в противном случае я догадалась бы давным-давно. Интересно, знал ли Фастольф...

— Насколько проще признать тот простой факт, — нетерпеливо оборвал ее Амадейро, — что Жискар просто робот.

— Вы все порываетесь пойти по самой легкой дороге к краху, Калдин, но я не позволю вам даже ступить на нее, как бы вам ни хотелось... Важнее всего то, что поселенец явился за солярианкой и взял ее с собой, уже обнаружив, что пользы от нее будет очень мало — если вообще будет. А солярианка вызвалась лететь добровольно, хотя ей наверняка внушает отвращение перспектива оказаться на одном корабле с варварами, набитыми бациллами. Ее не остановила даже весьма вероятная возможность погибнуть на Солярии.

В таком случае, как мне кажется, это работа Жискара, который вынудил поселенца требовать выдачи солярианки даже тогда, когда смысла в этом уже не оставалось, а солярианку — столь же бессмысленно согласиться.

— Но для чего? — удивился Амадейро. — Могу я задать такой простой вопрос? Для чего?

— Полагаю, Калдин, Жискар почувствовал, что ему необходимо покинуть Аврору. Может, он догадался, что я вот-вот раскрою его секрет?.. Если да, то он мог поставить под сомнение свое нынешнее умение манипулировать мною. Ведь я, в конце концов, опытный роботехник. Кроме того, он мог вспомнить, что некогда был моим, а роботам трудно игнорировать требования лояльности. Вероятно, единственным для него способом обеспечить безопасность солярианки осталась возможность убраться подальше от моего влияния. — Она подняла глаза на Амадейро и решительно произнесла: — Калдин, мы должны его вернуть. Мы не можем ему позволить подыгрывать поселенцам в безопасном раю Поселенческих планет. Он уже успел натворить немало и среди нас. Мы обязаны его вернуть, и я должна стать его законной владелицей. Будьте уверены, я сумею с ним справиться и заставить работать на нас. И помните! Я единственная, кто может его укротить.

— Не вижу причин для тревоги, — возразил Амадейро. — Если, что весьма вероятно, он просто робот, его уничтожат на Солярии, и мы избавимся и от него, и от солярианки. Если же, что весьма сомнительно, он таков, каким вы его представляете, он уцелеет на Солярии, но тогда ему придется вернуться на Аврору. В конце концов, хоть солярианка и не родилась на Авроре, но прожила здесь слишком долго, чтобы ужиться с варварами. Она сама начнет настаивать на возвращении к ци-

вилизации. И у Жискара не останется иного выхода, кроме как вернуться вместе с ней.

— Калдин, неужели, даже узнав обо всем, вы не убедились в возможностях Жискара? Если он посчитает нужным держаться подальше от Авроры, то с легкостью настроит эмоции солярианки таким образом, что ей придется по вкусу жизнь на поселенческой планете. Он ведь уже заставил ее пожелать подняться на борт их корабля.

— Что ж, в таком случае, если возникнет необходимость, мы сможем просто вернуть их корабль — вместе с Жискаром и солярианкой — обратно на Аврору.

— И как вы предполагаете это сделать?

— Это можно устроить. Мы, аврориане, вовсе не дураки, хоть из ваших слов ясно, что вы считаете себя единственной рациональной личностью на планете. Корабль поселенцев отправляется на Солярию расследовать факт уничтожения двух других кораблей, но, надеюсь, вы не думаете, что мы станем целиком полагаться на их услуги или на услуги солярианки. Мы тоже посылаем на Солярию два своих боевых корабля, а уж им-то неприятности вряд ли угрожают. Если на планете еще остались соляриане, им, возможно, удастся уничтожить примитивный корабль поселенцев, но боевое судно Авроры им не по зубам. Если же корабль поселенцев, благодаря магическим штучкам Жискара...

— Это не магия, — едко перебила его Василия, — а ментальное воздействие.

— Ну, хорошо. Если их корабль по какой бы то ни было причине сумеет взлететь с Солярии, наши корабли перехватят его и вежливо попросят передать им солярианку и ее робота. Если же просьбу не удовлетворят, наши корабли эскортируют их корабль до Авроры. В этом нет никакой враждебности — наш корабль станет просто сопровождать гражданку Авроры домой. Как только солярианка и ее робот высадятся на Авроре, корабль поселенцев сможет лететь куда ему заблагорассудится.

Василия кивнула:

— Звучит неплохо, Калдин. Но знаете как, мне кажется, все обернется в действительности?

— Как, Василия?

— Сдается мне, что их корабль сможет взлететь с Солярии, а ваши боевые корабли — нет. Что бы на Солярии ни обнару-

жили, Жискар сумеет этому противостоять. Но, боюсь, только Жискар, и никто другой.

— Ну, если случится именно так, — мрачно усмехнулся Амадейро, — то я признаю, что в ваших фантазиях, может быть, что-то и есть. Но этого не произойдет...

56

На следующее утро главный личный робот Василии, которому была придана внешность изящной женщины, подошел к ее постели. Василия пошевелилась и, не открывая глаз, спросила:

— В чем дело, Надила?

Василии не нужно было открывать глаза. Вот уже многие десятилетия никто, кроме Надилы, не приближался к ее постели.

— Мадам, — тихо произнесла Надила, — доктор Амадейро просит вас приехать в Институт.

— Который час? — спросила Василия, открыв глаза.

— Пять часов семнадцать минут, мадам.

— Утра? — раздраженно уточнила Василия.

— Да, мадам.

— И когда он хочет меня видеть?

— Сейчас, мадам.

— Зачем?

— Его роботы не информировали нас, мадам, но утверждают, что это важно.

Василия откинула простыни.

— Сперва я позавтракаю, Надила, но перед этим приму душ. Передай роботам Амадейро: пусть встанут в ниши для посетителей и ждут. А если будут нетерпеливы, напомни им, что они находятся в моем доме.

Раздраженная Василия не стала торопиться. По крайней мере туалетом она занималась тщательнее обычного и позавтракала не спеша. (Обычно она не тратила много времени ни на то, ни на другое.) Посмотрев выпуск новостей, она не узнала ничего такого, что могло стать причиной вызова Амадейро.

Когда ее машина (где, кроме нее, было четыре робота — два Амадейро и два ее собственных) подъехала к Институту, солнце уже показалось над горизонтом.

— Ну наконец-то, — сказал Амадейро, подняв на нее глаза.

Стены его кабинета все еще светились, хотя их свет уже был не нужен.

— Извините, — жестко произнесла Василия. — Я совершенно уверена, что начинать работу на рассвете — слишком поздно.

— Прошу вас, Василия, оставьте свои шуточки. Я тороплюсь на заседание Совета. Председатель встал еще раньше меня. Василия, я покорно прошу прощения за то, что не верил вам.

— Значит, корабль поселенцев благополучно взлетел.

— Да. А один из наших кораблей уничтожен, как вы и предполагали... Сей факт еще не доведен до общего сведения, но со временем новости, разумеется, просочатся.

Глаза Василии расширились. Она предсказывала подобный исход с несколько большей уверенностью, чем испытывала на самом деле, но сейчас момент для подобных признаний был явно неподходящим.

— Значит, вы принимаете тот факт, что Жискар обладает экстраординарными способностями.

— Я не считаю эту проблему математически доказанной, — осторожно ответил Амадейро, — но согласен принять ее, если получу дополнительную информацию. Сейчас я хочу знать, как нам поступать дальше. Совет о Жискаре ничего не знает, а рассказывать им я не намерен.

— Очень рада, что вы сохранили хоть какую-то ясность ума, Калдин.

— Но вы понимаете Жискара и лучше кого бы то ни было можете посоветовать, что делать. Итак, что мне сообщить Совету и как объяснить акцию, не раскрывая всей правды?

— Надо подумать. Куда отправился корабль поселенцев, взлетев с Солярии? Это мы знаем? В конце концов, если он возвращается к Авроре, надо лишь подготовиться к его встрече.

— Он летит не к Авроре! — воскликнул Амадейро. — Кажется, вы и в этом оказались правы. Похоже, Жискар — если он действительно стоит за всеми событиями — намерен держаться от нас подальше. Мы перехватили сообщения, посланные с корабля на родную планету. Они, разумеется, зашифрованы, но мы расшифровали коды поселенцев...

— Подозреваю, что и они раскрыли наши коды. Почему бы всем нам не передавать сообщения открытым текстом? Скольких хлопот удалось бы избежать.

— Не все ли равно? — пожал плечами Амадейро. — Главное в том, что их корабль возвращается к себе домой.

— С солярианкой и роботами?

— Разумеется.

— Вы уверены? Их не оставили на Солярии?

— Совершенно уверен, — нетерпеливо ответил Амадейро. — Ведь без солярианки им не удалось бы взлететь.

— Без нее? Каким образом?

— Пока не знаем.

— Это наверняка штучки Жискара, — сказала Василия. — Он подстроил, чтобы эту заслугу приписали женщине.

— И что же нам теперь делать?

— Мы обязаны вернуть Жискара.

— Верно, но я не могу заставить Совет рискнуть ввязаться в межзвездный кризис ради возвращения робота.

— А вам этого и не нужно делать, Калдин. Потребуйте у поселенцев возвращения солярианки — уж это мы вправе сделать. Неужели вы хоть на секунду усомнитесь, что она вернется без роботов? Или Жискар позволит ей вернуться без него? Просите вернуть ее. Настаивайте. Она гражданка Авроры, которой поручили выполнить задание на Солярии. Задание выполнено, и теперь она должна вернуться домой. Проявите настойчивость, словно угрожаете войной.

— Мы не можем так рисковать, Василия.

— Вы ничем не рискуете. Жискар не может предпринять действия, напрямую ведущие к войне. Если лидеры поселенцев станут возражать и заупрямятся, Жискар будет вынужден внести необходимые изменения в их точку зрения, чтобы солярианка спокойно вернулась на Аврору. И ему, разумеется, придется вернуться вместе с ней.

— И, вернувшись, он начнет изменять нас, — угрюмо заметил Амадейро. — Мы позабудем о его возможностях, перестанем обращать на него внимание, и он без помех продолжит выполнение своего плана.

Василия запрокинула голову и рассмеялась.

— У него нет ни единого шанса. Видите ли, я знаю Жискара и умею с ним справляться. Главное, верните его и уговорите Совет изменить завещание Фастольфа — это можно сделать, и вам это по силам. Жискар должен принадлежать мне. И тогда он станет работать на нас. Аврора будет править Галактикой, вы проведете оставшиеся вам десятилетия на посту

Председателя Совета, а я займу ваше место в Институте робототехники.

— Вы уверены, что все получится именно так?

— Абсолютно. Надо лишь предъявить им жесткое требование, а остальное я гарантирую — победу для нас и космонитов, поражение для Земли и поселенцев.

Глава 14

ДУЭЛЬ

57

Глэдия разглядывала на экране Аврору. Облачный покров опоясывал толстый серп, блестевший на солнце.

— Мы, конечно, не так близко, — сказала она.

— Да. — Д. Ж. улыбнулся. — Мы видим ее через мощные линзы. Нам еще осталось несколько дней, считая спиральное приближение. Если бы поставить антигравитационную тягу, о которой физики только мечтают, а сделать, похоже, пока не могут, космический полет был бы проще и быстрее. А наши прыжки — безопасный способ оказаться лишь на приличном расстоянии от планетной массы.

— Странно, — задумчиво сказала Глэдия.

— Что именно, мадам?

— Когда мы летели на Солярию, я думала, что я еду домой, но, когда оказалась там, обнаружила, что я вовсе не дома. Теперь мы летим к Авроре, и я думала: вот теперь я еду домой, но эта планета тоже не мой дом.

— Где же тогда ваш дом, мадам?

— Сама начинаю задумываться. Но почему вы упорно зовете меня «мадам»?

Д. Ж. удивился:

— Вы предпочитаете «леди Глэдия»?

— Это тоже притворная почтительность. Разве вы так относитесь ко мне?

— Конечно, нет. Но как еще поселенец должен обращаться к космонитке? Я пытаюсь быть с вами вежливым и приспосабливаюсь к вашим привычкам, чтобы вы чувствовали себя хорошо.

— Но я не чувствую себя хорошо. Называйте меня просто Глэдия. Ведь я зову вас Диджи.

— Это мне вполне подходит, хотя я бы предпочел, чтобы при подчиненных вы называли меня капитаном, и я буду звать вас «мадам». Надо поддерживать дисциплину.

— Да, конечно, — рассеянно ответила Глэдия и снова посмотрела на Аврору. — У меня нет дома. — Вдруг она повернулась к Д. Ж. — Вы можете взять меня на Землю, Диджи?

— Могу. — Он улыбнулся. — Но вы не захотите, Глэдия.

— Я думаю, что захочу, если не растеряю храбрости.

— Но ведь существует инфекция, а космониты ее боятся, верно?

— Может быть, даже слишком. В конце концов, я знала вашего Предка и не заразилась. Я была на его корабле и осталась жива. И сейчас вы рядом со мной. Я даже была в вашем мире, где тысячи людей окружали меня. Я думаю, что приобрела некоторую сопротивляемость.

— Должен сказать, что на Земле гораздо больше народу, чем в Бейлимире.

— Ну и что? — горячо заговорила Глэдия. — Я полностью изменила свое представление о многих вещах. Я говорила вам, что через двести лет в жизни уже ничего не остается, но оказалось — остается. То, что произошло со мной в Бейлимире, — то, как я выступала и как мои слова взволновали людей, — было совершенно новым, чем-то таким, чего я никогда не представляла. Я словно родилась заново. Теперь мне кажется, что, даже если Земля погубит меня, все равно ехать стоит, потому что я умру, борясь со смертью, молодой и цветущей, а не слабой старухой, которая ждет конца.

— Здорово! — воскликнул Д. Ж., воздев руки в шутливо-торжественном жесте. — Вы похожи на героиню исторического фильма. Вы когда-нибудь видели их на Авроре?

— Конечно. Они очень популярны.

— И вы повторяете то, что слышали, или в самом деле думаете так, как говорите?

Глэдия рассмеялась.

— Наверное, я глупо выглядела, Диджи, но, как ни странно, именно так я и думаю.

— В таком случае я возьму вас с собой на Землю. Я не думаю, что из-за вас начнется война, особенно если вы расскажете о событиях на Солярии и дадите честное слово космонитки — если это у вас принято, — что вернетесь обратно.

— Но я не хочу возвращаться.

— Когда-нибудь можете захотеть. А теперь, миледи... я хотел сказать, Глэдия, мне всегда приятно разговаривать с вами, и всегда хочется посвятить этому больше времени, — но я нужен в рубке. Если команда может обойтись без меня, лучше будет, чтобы она об этом не догадалась.

58

— Это твоя работа, друг Жискар?

— Что ты имеешь в виду, друг Дэниел?

— Леди Глэдия желает ехать на Землю и, возможно, даже не возвратится. Это желание настолько противоречит желаниям космонита, что я подозреваю, что ты поработал над ее мозгом.

— Я даже не касался ее, — сказал Жискар. — Очень трудно изменять человеческий мозг, будучи связанным Тремя Законами. Проникнуть в чей-нибудь мозг и не повредить при этом его владельцу необычайно трудно.

— Тогда кто же сделал так, чтобы она захотела ехать на Землю?

— Пребывание в Бейлимире очень изменило ее точку зрения. У нее есть цель — обеспечить мир в Галактике, — и она горит желанием действовать.

— В таком случае, друг Жискар, не лучше ли тебе убедить капитана ехать на Землю сейчас же?

— Это трудно. Аврорианские власти настаивают, чтобы леди вернулась на Аврору, и лучше будет так и сделать, приехать хотя бы на время.

— Но это может быть опасно.

— Значит, ты все еще думаешь, друг Дэниел, что они хотят именно моего возвращения, потому что узнали о моих способностях?

— Я не вижу других причин их настойчивости.

— Похоже, способность думать, как человек, — это ловушка. Начинаешь предполагать несуществующие затруднения. Даже если кто-то на Авроре и подозревает о моих способностях, я уничтожу эти подозрения. Бояться нечего, друг Дэниел.

— Будь по-твоему, друг Жискар, — неохотно согласился Дэниел.

59

Отослав роботов небрежным движением руки, Глэдия задумчиво осмотрелась.

Она взглянула на свою руку, сделавшую жест, словно видела ее впервые. Этой рукой она пожала руки каждому члену экипажа корабля, прежде чем сесть в маленький челнок, который отвез ее и Д. Ж. на Аврору. Она обещала вернуться, и команда разразилась одобрительными возгласами, а Нисс заорал: «Мы не улетим без вас, миледи!»

Ей это было очень приятно. Ее роботы служили ей честно, преданно, терпеливо, но никогда так не радовались.

— Ну вот вы и дома, Глэдия, — сказал Д. Ж.

— Я в своем доме, — тихо сказала она. — Этот дом стал моим с тех пор, как доктор Фастольф отписал мне его двести лет назад, но до сих пор кажется мне чужим.

— Он чужой для меня, — сказал Д. Ж. — Мне кажется, что я в нем заблужусь, если останусь один.

Он, улыбаясь, оглядел богато украшенную мебель и изысканно декорированные стены.

— Вы не будете один, — сказала Глэдия. — С вами будут мои домашние роботы, они получили подробные распоряжения и сделают все, чтобы вам было удобно.

— Они поймут мой поселенческий акцент?

— Если не поймут, то переспросят. А вы должны говорить медленно и жестикулировать. Они приготовят вам еду, покажут, как пользоваться приспособлениями в комнате для гостей, и будут зорко следить, чтобы вы не делали того, что гостю не полагается. Если понадобится, они вас остановят, но вреда не нанесут.

— Я надеюсь, они не сочтут меня нечеловеком?

— Как надзирательница? Нет, это я вам гарантирую, хотя ваша борода и акцент могут смутить настолько, что их реакция запоздает на одну-две секунды.

— Я полагаю, что они могут защитить меня от непрошеных гостей?

— Да, но здесь таких не бывает.

— Я могу понадобиться Совету.

— В этом случае он пришлет за вами роботов, а мои заставят их уйти.

— А если их роботы окажутся сильнее ваших?

— Этого не случится. Жилище неприкосновенно.

— Продолжайте, Глэдия. Вы хотите сказать, что никто никогда...

— Никто, никогда, — быстро повторила она. — Вы просто останетесь здесь, и мои роботы позаботятся о вас. Если вы захотите связаться с вашим кораблем, с Бейлимиром, даже с аврорианским Советом, роботы точно знают, что надо делать. Вам стоит только поднять палец.

Д. Ж. уселся в ближайшее кресло, вытянулся и глубоко вздохнул:

— Как мудро, что мы не допускаем роботов в Поселенческие миры! Вы знаете, как скоро я обленился бы и избаловался, если бы проводил время в подобном обществе? Самое большее через пять минут. Собственно говоря, я уже избаловался. — Он зевнул и потянулся. — Они не обидятся, если я усну?

— Конечно, нет. Если вы уснете, они проследят, чтобы в комнате было тихо и темно.

— А если вы не вернетесь?

— Почему не вернусь?

— Совет, кажется, очень хотел вас видеть.

— Они же не могут задержать меня. Я свободная гражданка Авроры и иду куда хочу.

— Правительство может изобрести непредвиденные случаи, и в этих случаях правило всегда можно нарушить.

— Ерунда. Жискар, меня могут задержать там?

— Мадам, — ответил Жискар, — вас там не задержат. Пусть капитан не беспокоится на этот счет.

— Вот видите, Диджи. А ваш Предок, когда мы виделись с ним в последний раз, сказал мне, чтобы я всегда верила Жискару.

— Прекрасно! Великолепно! Но я приземлился с вами, Глэдия, чтобы убедиться, что получу вас назад. Помните это и скажите об этом вашему доктору Амадейро. Если они попробуют задержать вас против вашей воли, то задержат также и меня, а мой корабль на орбите способен отреагировать на это.

— Нет, пожалуйста, не вздумайте делать ничего такого. На Авроре тоже есть корабли, и я уверена, что за вами наблюдают.

— Тут есть одно «но», Глэдия. Я сильно сомневаюсь, что Аврора захочет развязать войну из-за вас. Но, с другой стороны, Бейлимир готов к этому.

— Нет и нет. Я бы не хотела, чтобы ваш мир начал войну из-за меня. Да и зачем ему это? Потому что я была другом вашего Предка?

— Не только. Я не думаю, что кто-нибудь верит, что вы были этим другом. Ваша прапрапрабабушка — может быть, но не вы. Даже я не верю, что это были вы.

— Вы знаете, что это была я.

— Умом понимаю, но чувствую, что это невозможно. Это было двести лет назад.

Глэдия покачала головой:

— Ваша точка зрения — точка зрения маложивущего.

— Наверное, как у всех нас, но дело не в этом. Вы стали в Бейлимире важной персоной из-за речи, которую произнесли. Вы — героиня, и все скажут, что вас необходимо представить землянам. И ничто не должно помешать этому.

— Представить? — Глэдия встревожилась. — С полной церемонией?

— С наиполнейшей.

— Но почему это настолько важно, что можно рискнуть безопасностью планеты?

— Вряд ли я смогу объяснить это космониту. Земля — особый мир, где человеческие существа стали личностями, где они эволюционировали, развивались и жили в окружении другой жизни. У нас в Бейлимире есть деревья, есть насекомые, но на Земле такое изобилие деревьев и насекомых, какого нет ни в одном известном мне мире. Наши миры — имитация, бледная имитация. Они не существуют и не могут существовать без разума, культуры и духовной силы, которую получают от Земли.

— Космониты придерживаются прямо противоположного мнения о Земле. Когда мы упоминаем о ней — что редко делаем, — то говорим, что это мир варварский и гибнущий.

Д. Ж. вспыхнул:

— Вот поэтому Внешние миры все время слабеют. Как я уже говорил, вы похожи на растения без корней, на животных с вырезанным сердцем.

— Я предвкушаю то, что увижу на Земле, а сейчас мне надо идти. Пожалуйста, чувствуйте здесь себя как дома, пока я не вернусь.

Она направилась было к двери, но остановилась и повернулась:

— В этом доме, как, впрочем, везде на Авроре, нет спиртного, табака, алкалоидных стимуляторов и вообще ничего такого.

Д. Ж. угрюмо усмехнулся:

— Мы, поселенцы, знаем об этом. Вы такие пуритане.

— Вовсе не пуритане, — недовольно возразила Глэдия. — Тридцать-сорок десятилетий надо чем-то оплатить. А это только одна из возможностей. Не думаете ли вы, что такая жизнь нам досталась по волшебству?

— Ладно, я приналягу на фруктовые соки и оздоровляющий эрзац-кофе, и от меня будет пахнуть цветами.

— Вы обнаружите полный набор всего этого, — холодно сказала Глэдия. — А когда вернетесь на корабль, сможете восполнить недостаток того, чего вам сейчас будет не хватать.

— Мне будет не хватать только вас, мадам, — серьезно сказал капитан.

Глэдия невольно улыбнулась:

— Вы неисправимый лжец, мой капитан. Я вернусь. Дэниел, Жискар, пошли!

60

Глэдия напряженно сидела в кабинете Амадейро. Многие десятилетия она видела Амадейро только издали или на видеоэкране и в таких случаях имела обыкновение отворачиваться. Она знала его только как главного врага Фастольфа и вот сейчас впервые оказалась в одной комнате с ним, лицом к лицу, и изо всех сил старалась не пошевелить ни одним мускулом лица, чтобы ненависть не вырвалась наружу.

Хотя она и Амадейро были в комнате одни, здесь присутствовала по крайней мере дюжина членов правительства, даже сам Председатель, но в голографическом изображении. Глэдия узнала Председателя и многих других, но не всех.

Испытание было не из приятных. Казалось, на Солярии такие изображения — дело обычное и она привыкла к этому с детства, но вспомнила теперь об этом с отвращением.

Она старалась говорить ясно, без драматизма и сжато. Ей задавали вопросы, и она отвечала как можно короче по существу, не пытаясь выглядеть учтивой.

Председатель слушал бесстрастно, другие подражали ему.

Он был явно стар — Председатели всегда были старыми, потому что обычно достигали этого положения лишь на склоне лет. У него было длинное лицо, все еще густые волосы и нависшие брови. Голос его был медоточивым, но отнюдь не дружелюбным.

Когда Глэдия замолчала, он сказал:

— Значит, вы предполагаете, что солярианe свели понятие «человек» до понятия «солярианин»?

— Я ничего не предполагаю, мистер Председатель. Просто никто не мог найти другого объяснения происшедшего.

— Вы знаете, мадам Глэдия, что за всю историю роботехники ни один робот не конструировался с узким определением «человека»?

— Я не роботехник, мистер Председатель, и ничего не понимаю в математике позитронных путей. Раз вы говорите, что так никогда не делалось, я, конечно, принимаю это. Я также не знаю и не могу сказать, что если что-то никогда не делалось раньше, то оно не может быть сделано в будущем.

Ее взгляд никогда не был таким открытым и невинным, как сейчас, и Председатель покраснел.

— Сузить определение теоретически возможно, но это просто немыслимо.

Глэдия ответила, глядя на свои руки, спокойно лежащие на коленях:

— Люди иногда думают об очень необычных вещах.

Председатель сменил тему разговора:

— Аврорианский корабль был уничтожен. Как вы это объясните?

— Я не присутствовала при этом, мистер Председатель. Я не знаю, что случилось, и не могу объяснить это.

— Вы были на Солярии, и вы уроженка этой планеты. Учитывая свой недавний опыт и уже полученные объяснения, что вы могли бы сказать о случившемся?

Председатель заметно терял терпение.

— Если я должна догадываться, то я бы сказала, что ваш военный корабль был взорван с помощью портативного ядерного усилителя, подобного тому, от которого чуть не погиб корабль поселенцев.

— Вам не приходило в голову, что эти два случая никак не связаны? В одном — корабль поселенцев вторгся на Солярию

с целью захвата солярианских роботов, а в другом — аврорианское судно пришло защищать планету-сестру.

— Я могу только предполагать, мистер Председатель, что надзиратели — гуманоидные роботы, оставленные охранять планету, — не были достаточно инструктированы, чтобы понять эту разницу.

Председатель выглядел оскорбленным.

— Не может быть, чтобы их не проинструктировали о том, что между поселенцами и братьями-космонитами существует разница.

— Наверное, не может быть, если вы так говорите, мистер Председатель. Тем не менее если единственное определение человека — это его физический облик и умение говорить по-соляриански, — то аврориане, которые тоже не говорят по-соляриански, могли не подпасть под определение «человека» в представлении надзирателя.

— Значит, вы говорите, что солярианe определили своих братьев-космонитов как нелюдей и уничтожили их?

— Я представляю это только как возможность, потому что никак иначе не могу объяснить уничтожение аврорианского военного корабля. Более опытные люди, вероятно, могут дать другое объяснение.

И снова невинный, почти пустой взгляд.

— Вы намерены вернуться на Солярию, мадам Глэдия? — спросил Председатель.

— Нет, мистер Председатель, я не имею такого намерения.

— Ваш друг поселенец не требовал от вас освободить планету от надзирателей?

Глэдия медленно покачала головой.

— От меня этого не требовали. Да я бы и не согласилась. Я, собственно, и поехала на Солярию только для того, чтобы выполнить свой долг перед Авророй. Меня просил поехать доктор Левулар Мандамус из Института роботехники, работающий под началом доктора Калдина Амадейро. Меня просили поехать, чтобы по возвращении я сообщила о том, что там происходит, и я сейчас это сделала. Просьба имела, как я понимаю, оттенок приказа, и я приняла ее как приказ, — она бросила быстрый взгляд на Амадейро, — исходящий от самого доктора Амадейро.

Амадейро сделал вид, что не слышит.

— Каковы ваши планы на будущее? — спросил Председатель.

Глэдия помолчала, но решила, что должна быть смелой в данной ситуации.

— Я намереваюсь, — отчетливо произнесла она, — посетить Землю, мистер Председатель.

— Землю? Зачем?

— Для аврорианского правительства, мистер Председатель, может оказаться важным знать, что творится на Земле. Власти Бейлимира пригласили меня посетить Землю, а капитан Бейли готов отвезти меня туда. Надо воспользоваться случаем собрать сведения о событиях, как я сделала это на Солярии и в Бейлимире, — сказала Глэдия и подумала: «А что, если он в самом деле, вопреки обычаям, заставит меня остаться на Авроре? Если так, то придется отказаться от этого».

Она чувствовала, что напряжение ее растет, и мельком взглянула на Дэниела, который, как всегда, выглядел совершенно бесстрастным.

Председатель помрачнел.

— В этом отношении, мадам Глэдия, вы как аврорианская гражданка вольны действовать по своему желанию, но на свой страх и риск. Никто от вас этого не требует, как требовали, по вашим словам, чтобы вы поехали на Солярию. Поэтому я должен предупредить вас, что Аврора не обязана помогать вам в случае каких-либо неприятностей.

— Я понимаю, сэр.

— Нам есть о чем поговорить позже, Амадейро, — резко произнес Председатель. — Я свяжусь с вами.

Изображение исчезло, и Глэдия со своими роботами неожиданно осталась одна с Амадейро и его роботами.

61

Глэдия встала и, стараясь не смотреть на Амадейро, сухо сказала:

— Встреча, я полагаю, закончена, и я хочу уйти.

— Да, конечно, но у меня есть пара вопросов, и я надеюсь, вы не будете возражать, если я их задам.

Он встал, и его высокая фигура, казалось, нависла над Глэ-

дией. Он улыбался и говорил так любезно, словно между ними существовали дружеские отношения.

— Позвольте мне проводить вас, леди Глэдия. Итак, вы собираетесь на Землю?

— Да. Председатель не возражает, а аврорианские граждане могут свободно путешествовать по Галактике в мирное время. Простите, но мои роботы — и ваши при необходимости — сами будут сопровождать меня.

— Как прикажете, миледи.

Робот открыл дверь.

— Вы, вероятно, возьмете с собой роботов, когда поедете на Землю?

— Без сомнения.

— Каких, мадам, не могу ли я спросить?

— Этих двух.

Она быстро пошла по коридору, решительно постукивая каблуками, не оглядываясь на Амадейро и нимало не заботясь о том, чтобы он ее услышал.

— Разумно ли это, миледи? Эти роботы не имеют себе равных, необычное произведение великого доктора Фастольфа. Вы будете в окружении варваров-землян, которые могут покуситься на них.

— Пусть попробуют, все равно они их не получат.

— Не стоит недооценивать опасность и переоценивать способность роботов защищаться. Вы будете в одном из городов, в окружении десятков миллионов землян, а роботы не могут вредить людям. Чем более усовершенствован робот, тем более он чувствителен к нюансам Трех Законов и тем менее вероятно, что он предпримет действия, которые могут хоть в какой-то мере повредить человеку. Не так ли, Дэниел?

— Да, доктор Амадейро, — ответил Дэниел.

— Жискар, я думаю, с тобой согласен.

— Да, доктор Амадейро, — сказал Жискар.

— Вот видите, миледи? Здесь, на Авроре, в обществе без насилия, ваши роботы могут защищать вас, а на Земле — безумной, гибнущей, варварской — два робота не будут иметь возможности защитить ни вас, ни себя. Мне не хотелось бы, чтобы вас их лишили. Но, что еще более существенно, ни Институт, ни правительство не хотели бы видеть таких бесценных роботов в руках варваров. Не лучше ли взять с собой роботов обычного типа, на которых земляне не обратят внима-

ния? В этом случае вы можете взять их столько, сколько захотите.

— Доктор Амадейро, я брала этих двух на поселенческий корабль и ездила с ними в Поселенческий мир. Никто не подумал посягнуть на них.

— Поселенцы не пользуются роботами и уверяют, что не одобряют их. А на Земле все еще есть роботы.

— Не могу ли я вмешаться, доктор Амадейро? — спросил Дэниел. — Насколько я знаю, в земных городах почти нет роботов. Роботы используются на сельскохозяйственных работах и в рудниках. Во всем остальном — обычно используется автоматизация без роботов.

Амадейро быстро взглянул на Дэниела и снова обратился к Глэдии:

— Ваш робот, вероятно, прав. Я полагаю, что Дэниелу не причинят вреда, а вот Жискара стоило бы оставить дома. Он может вызвать стяжательские инстинкты в стяжательском обществе, даже если там действительно пытаются обходиться без роботов.

— Я не оставлю их, сэр, — сказала Глэдия. — Они поедут со мной. Я одна могу решать, какую часть имущества брать с собой, а какую оставить.

— Конечно. — Амадейро улыбнулся самым любезным образом. — Никто не спорит. Не подождете ли вы здесь?

Открылась дверь в очень уютную комнату. Она не имела окон, но была освещена мягким светом. Слышалась тихая музыка. Глэдия остановилась у порога и резко спросила:

— Зачем?

— Один сотрудник Института желал бы встретиться с вами и поговорить. Это необходимо. Разговор не займет много времени, а потом вы можете уйти. Вы даже не будете страдать от моего присутствия. Прошу. — В голосе Амадейро прозвучал металл.

Глэдия протянула руку к Дэниелу и Жискару.

— Я пойду с ними.

Амадейро добродушно засмеялся:

— Неужели вы думаете, что я пытаюсь разлучить вас с вашими роботами? Разве они позволили бы это сделать? Вы слишком долго пробыли с поселенцами, моя дорогая.

Глэдия посмотрела на закрывшуюся дверь и процедила сквозь зубы:

— Ненавижу этого человека, особенно когда он улыбается. — Она потянулась, в локтях у нее хрустнуло. — Во всяком случае, я устала. Если кто-то опять станет спрашивать о Солярии и Бейлимире, то получит весьма краткие ответы, честное слово.

Она села на кушетку, которая мягко прогнулась под ее тяжестью. Сняв туфли, она забралась с ногами на кушетку, сонно улыбнулась, глубоко вздохнула, легла, отвернувшись к стенке, и тут же уснула.

62

— Это хорошо, что ей самой хотелось спать, — сказал Жискар. — Я только сделал ее сон глубже, ничуть не повредив ей. Я не хотел, чтобы она слышала то, что, видимо, произойдет.

— А что произойдет, друг Жискар? — спросил Дэниел.

— Произойдет то, что, я думаю, является результатом моей ошибки. Ты был совершенно прав. Мне следовало бы более серьезно отнестись к твоей великолепной догадке.

— Значит, они хотят оставить тебя на Авроре?

— Да. Настойчиво требуя возвращения леди, они фактически требовали моего возвращения. Ты слышал, как доктор Амадейро просил леди оставить меня здесь... сначала нас обоих, а потом только меня.

— Значит, его слова о боязни потерять усовершенствованных роботов были произнесены только для отвода глаз?

— Там был подспудный поток тревоги, друг Дэниел, куда более сильный по сравнению со словами.

— Как по-твоему, он знает о твоих способностях?

— Определенно сказать не могу, поскольку не читаю сами мысли, но во время беседы с Советом в мозгу доктора Амадейро дважды произошел резкий подъем эмоциональной интенсивности, исключительно резкий и кратковременный интенсивный цветной всплеск.

— Когда это было?

— Во второй раз, когда леди сказала, что поедет на Землю.

— И с чем это было связано?

— Не знаю. Это были изображения, а они не сопровождаются мысленными ощущениями, которые я могу определить.

— Тогда мы можем сделать вывод, что был или не был Со-

вет расстроен предполагаемой поездкой леди на Землю — неизвестно, но доктор Амадейро определенно был.

— И не просто расстроен. Он, похоже, в высшей степени встревожился. Словно у него и в самом деле был проект, как мы подозревали, уничтожения Земли, и он испугался, что это обнаружится. Больше того, друг Дэниел, при упоминании леди о ее намерениях доктор Амадейро быстро взглянул на меня, единственный раз за всю беседу. Вспышка эмоциональной интенсивности как раз совпала с этим взглядом. Я думаю, его встревожила мысль о моей поездке на Землю. Как мы можем предположить, он чувствует, что я со своими способностями могу представлять главную опасность для его планов.

— Но его тревогу можно принять и за страх, что земляне попытаются захватить тебя как наисовершенного робота и тем причинят ущерб Авроре.

— Опасение, что такое случится, друг Дэниел, и нанесет ущерб космонитам, слишком мало для степени его тревоги. Да и что Аврора потеряет, если Земля захватит какого-то робота Жискара?

— По-твоему, доктор Амадейро знает, что ты не просто робот Жискар?

— Я не уверен. Может, он только подозревает это. Если бы он знал, разве не приложил бы усилий, чтобы воздержаться от исполнения задуманного в моем присутствии?

— Может, ему просто не повезло, что леди Глэдия не захотела оставить нас за дверью? Он не мог настаивать, не выдав себя, чтобы именно ты не присутствовал тут. — Дэниел помолчал. — Твое счастье, что ты способен оценивать эмоциональное состояние мозга. Но ты говорил, что всплеск эмоций доктора Амадейро при известии о путешествии на Землю был вторым. А когда произошел первый?

— При упоминании о ядерном усилителе, хорошо известном на Авроре. Правда, аврорианские не портативны, но достаточно легки для установки на космических кораблях, но это не то известие, которое могло подействовать на него, как удар грома. Откуда же такая тревога?

— Может быть, — сказал Дэниел, — усилитель играет какую-то роль в его плане в отношении Земли?

— Возможно.

Тут дверь открылась, и раздался чей-то голос:

— Привет, Жискар!

63

Жискар посмотрел на вошедшую и спокойно ответил:

— Здравствуйте, мадам Василия.

— Значит, ты помнишь меня. — Она тепло улыбнулась.

— Да, мадам. Вы хорошо известный роботехник, и ваше лицо время от времени появляется в гиперволновых новостях.

— Брось, Жискар. Я имела в виду не то, что ты узнал меня. Меня многие знают. Я хотела сказать, что ты помнишь меня. Когда-то ты звал меня мисс Василия.

— Я помню и это, мадам. Это было очень давно.

Василия закрыла за собой дверь, уселась в кресло и повернула голову к другому роботу:

— А ты, конечно, Дэниел?

— Да, мадам, — сказал Дэниел. — У вас прекрасная память. Я помню вас, потому что был со следователем Элайджем Бейли, когда он допрашивал вас.

— Не упоминай этого землянина, — резко сказала Василия. — Я тоже узнала тебя, Дэниел. Ты так же известен на свой лад, как и я. Ты вдвойне известен, потому что ты — величайшее творение доктора Хена Фастольфа.

— Вашего отца, мадам, — сказал Жискар.

— Ты прекрасно знаешь, Жискар, что я не придаю значения чисто генетическим связям. Больше не говори о них.

— Не буду, мадам.

— А эта? — Она бросила взгляд на спящую. — Поскольку вы оба здесь, я могу предположить, что эта спящая красавица — солярианка.

— Это леди Глэдия, — сказал Жискар, — и я ее собственность. Вы хотите ее разбудить?

— Мы только расстроим ее, Жискар, если будем говорить при ней о старых временах. Пусть спит.

— Хорошо, мадам.

— Разговор между мной и Жискаром вряд ли будет тебе интересен, Дэниел,— сказала Василия. — Не подождешь ли ты за дверью?

— Боюсь, что я не могу уйти, миледи. Моя задача — охранять леди Глэдию.

— Я не думаю, что ее нужно охранять от меня. Ты видишь, что со мной нет роботов, так что одного Жискара вполне достаточно.

— В комнате ваших роботов нет, мадам, но, когда открылась дверь, я видел в коридоре четырех роботов. Так что я лучше останусь.

— Ладно, я не имею ничего против данных тебе приказов. Можешь остаться. Жискар!

— Да, мадам?

— Ты помнишь, как ты был впервые активирован?

— Да, мадам.

— Что ты помнишь?

— Сначала свет, потом звук, потом выкристаллизировалось изображение доктора Фастольфа. Я понимал галактический стандартный и имел некоторые представления о знаниях, встроенных в мои позитронные мозговые пути. Три Закона, большой словарный запас с определениями, обязанности робота, социальные обычаи. Другим вещам я быстро научился.

— Ты помнишь своего первого хозяина?

— Да. Доктор Фастольф.

— Подумай как следует, Жискар. А не я?

Жискар помолчал и ответил:

— Мадам, мне было поручено оберегать вас в меру моих способностей, как собственность доктора Фастольфа.

— Я думаю, тут было несколько большее. В течение десяти лет ты повиновался только мне, а кому-нибудь другому, включая доктора Фастольфа, только изредка, поскольку это входило в твои обязанности робота, и лишь в том случае, когда была выполнена твоя главная обязанность — обеспечение моей безопасности.

— Я подчинялся вам, леди Василия, это верно, но хозяином моим оставался доктор Фастольф. Как только вы оставили его дом, доктор Фастольф стал меня полностью контролировать. Он оставался моим хозяином и позже, когда отдал меня леди Глэдии. Он был моим единственным хозяином, пока был жив. После его смерти по его завещанию право владеть мною было передано леди Глэдии, и так все остается до сих пор.

— Я спросила тебя, помнишь ли ты, когда тебя впервые активировали и что ты помнишь. Тогда ты не был таким, как сейчас.

— Мой банк памяти, мадам, теперь несравненно полнее, и я приобрел много опыта, которого у меня раньше не было.

Голос Василии стал строже:

— Я говорю не о памяти и не об опыте. Я увеличила количество твоих позитронных путей, исправила их и усовершенствовала.

— Да, мадам. Вы делали это с помощью и с одобрения доктора Фастольфа.

— Один раз, Жискар, я сделала это без помощи и одобрения доктора Фастольфа. Ты помнишь это?

Жискар молчал довольно долго.

— Я помню один случай, когда я не был свидетелем того, как вы советовались с доктором Фастольфом. Я решил, что вы консультировались с ним в мое отсутствие.

— Ты решил неправильно. Вообще-то ты знал, что доктора Фастольфа не было в то время на Авроре, и не мог так решить. Ты увиливаешь.

— Нет, мадам, вы могли проконсультироваться с ним по гиперволне. Я считал это возможным.

— Тем не менее то, что я сделала, целиком моя заслуга. Ты стал совсем другим после этого. То, чем ты стал с тех пор, — мое изобретение, мое создание, и ты это прекрасно знаешь.

Жискар молчал.

— Итак, Жискар, по какому праву доктор Фастольф был твоим хозяином? — Она помолчала. — Отвечай, Жискар! Это приказ!

— По тому, что он меня спроектировал и руководил моим конструированием.

— А когда я перепроектировала и реконструировала тебя весьма основательно, разве ты не стал моей собственностью?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал Жискар. — В этом случае необходимо решение суда. Вероятно, это зависит от степени реконструирования.

— А ты знаешь, какова эта степень?

Жискар опять не ответил.

— Это ребячество, Жискар. Ну почему я должна вытягивать из тебя слова? Не заставляй меня это делать. Ведь молчание — знак согласия. Ты знаешь, это изменение было кардинальным, и знаешь, что я это знаю. Ты усыпил солярианку, потому что не хотел, чтобы она узнала это от меня. Она ведь не знает?

— Нет, мадам.

— И ты не хочешь, чтобы она это знала?

— Не хочу, мадам.

— А Дэниел знает?

— Да, мадам.

Василия кивнула:

— Недаром он так хотел остаться здесь. Так вот, слушай меня, Жискар. Допустим, суд обнаружит, что до того, как я тебя реконструировала, ты был обычным роботом, а после реконструкции ты научился чувствовать состояние мозга человека и изменять его по своему желанию. Как ты думаешь, сочтет ли суд это достаточным, чтобы передать мне право владения тобой?

— Мадам Василия, этот вопрос нельзя рассматривать в суде. Я уверен, что в таком случае меня объявят государственной собственностью. Могут даже приказать дезактивировать.

— Вздор! Что я — ребенок? С твоими способностями ты можешь отвести суд от подобного решения. Я не сказала, что обращусь в суд. Я требую, чтобы ты сам решил. Разве ты не считаешь, что я твоя настоящая хозяйка еще с детства?

— Мадам Глэдия считает себя моей хозяйкой, и пока по закону не будет решено иначе, она должна так считать.

— Но ты знаешь, что она и закон заблуждаются. Если ты щадишь чувства солярианки, то ей легко внушить, чтобы она больше не считала тебя своим. Ты даже можешь заставить ее испытать чувство облегчения, когда я возьму тебя у нее. Я прикажу тебе так сделать, как только ты признаешь меня своей хозяйкой. Впрочем, ты и так это знаешь. Дэниел давно знает о твоих способностях?

— Несколько десятков лет, мадам.

— Так вот, ты можешь заставить его забыть об этом. В некотором роде и доктор Амадейро знает — можно заставить забыть и его. Только двое должны знать об этом — ты и я.

— Мадам Василия, — вдруг заговорил Дэниел, — поскольку Жискар не считает себя вашей собственностью, он может заставить вас обо всем забыть, и тогда вы будете вполне довольны настоящим положением вещей.

Василия холодно взглянула на него:

— Да? Видишь ли, не твое дело решать, кого Жискар считает своей хозяйкой. Он знает, что его хозяйка — я. И его долг в рамках Трех Законов — полностью принадлежать мне. Если он должен заставить кого-то о чем-то забыть и может это сделать, ему придется выбирать, и он выберет любого, кроме меня. Меня он не может заставить забыть, он вообще не может касаться моего мозга. Благодарю тебя, Дэниел, за предоставленную возможность все это объяснить.

— Но эмоции мадам Глэдии так тесно связаны с Жискаром, что принуждение к забвению может повредить ей.

— Это может решить только Жискар, — сказала Василия. — Жискар, ты знаешь, что ты мой, и я приказываю тебе ввести забвение в мозг этого человекообразного робота, который стоит рядом с тобой, этой женщины, которая считает тебя своей собственностью. Сделай это, пока она спит, и тогда это не принесет ей никакого вреда.

— Друг Жискар, — сказал Дэниел, — леди Глэдия — твоя законная хозяйка. Если ты внушишь забвение леди Василии, ей это не повредит.

— Повредит, — тут же возразила Василия. — Солярианке не будет вреда, поскольку ей лишь кажется, что она владелица Жискара, а я знаю о ментальной силе Жискара. Вытаскивать это из меня сложнее, и, поскольку я твердо намерена сохранить это знание, в процессе его удаления Жискар нанесет мне вред.

— Друг Жискар... — начал Дэниел.

— Робот Дэниел Оливо, — резко перебила его Василия, — я приказываю тебе замолчать. Я не хозяйка тебе, но твоя хозяйка спит и не отдает иных приказов, поэтому ты должен повиноваться мне.

Дэниел замолчал, но губы его шевелились, словно он пытался говорить вопреки приказу. Василия следила за ним, иронически улыбаясь.

— Видишь, Дэниел, ты не можешь говорить.

— Могу, мадам, — хрипло прошептал Дэниел. — Мне трудно, но я могу, потому что чувствую нечто более сильное, чем ваш приказ, что стоит над Вторым Законом.

Василия широко раскрыла глаза.

— Молчи, я говорю! Ничто, кроме Первого Закона, не может быть сильнее моего приказа, а я уже сказала, что Жискар нанесет наименьший вред, в сущности, вообще никакого, — если вернется ко мне. Он повредит мне — хотя именно он меньше всего способен принести вред, — если поступит по-другому. — Она указала пальцем на Дэниела и прошипела: — Молчать!

Дэниел с явным усилием издал какой-то жужжащий звук и еле слышно прошептал:

— Мадам Василия, есть кое-что посильнее Первого Закона.

— Друг Дэниел, ты не должен так говорить, — тихо, но твердо сказал Жискар. — Ничто не может быть сильнее Первого Закона.

Василия нахмурилась.

— Вот как? Дэниел, предупреждаю тебя, если ты и дальше будешь спорить, ты просто развалишься. Я никогда не видела робота, делающего то, что делаешь ты, и, наверное, будет очень интересно наблюдать твое самоуничтожение. Продолжай.

После этого приказа голос Дэниела стал обычным.

— Спасибо, мадам Василия. Много лет назад я сидел у смертного одра землянина, о котором вы не велели мне упоминать. Могу ли я теперь упомянуть его имя или вы и так знаете, о ком я говорю?

— Об этом полицейском Бейли, — равнодушно сказала Василия.

— Да, мадам. Он сказал мне перед смертью: «Работа каждого индивидуума вносит вклад в целое и таким образом становится вечной его частью. Это целое — сумма человеческих жизней, прошлых, настоящих и будущих, это ковер, который ткет время и который становится все прекраснее. Даже космониты — часть его узора. Человеческая жизнь — ниточка, — а что такое одна нитка по сравнению с целым? Дэниел, думай все время об этом ковре и не переживай из-за одной выдернутой нитки».

— Слащавая сентиментальность, — пробормотала Василия.

— Я уверен, — продолжал Дэниел, — что, умирая, партнер Элайдж хотел как-то оградить меня от переживаний. Он назвал свою жизнь ниточкой ковра, одной выдернутой ниткой, чтобы я не огорчался. Его слова помогли мне и защитили меня.

— Не сомневаюсь, — произнесла Василия, — но скажи, что сильнее Первого Закона: ведь именно это уничтожит тебя.

— Много лет я обдумывал слова Элайджа Бейли. Я, вероятно, понял бы их сразу, если бы мне не мешали Три Закона. В моих поисках мне помогал друг Жискар, который давно чувствовал, что Три Закона неполны. Мне помогло также то, что сказала недавно леди Глэдия в Поселенческом мире. Кроме того, этот теперешний кризис обострил мое мышление. Теперь я знаю, чего не хватает в Трех Законах.

— Робот-роботехник, — с легким презрением заметила леди Василия. — И чего же им не хватает, робот?

— Ковер жизни важнее одной нити. Это касается не только моего партнера Элайджа, а всех. И мы сделали вывод, что человечество как целое более важно, чем один человек.

— Ты запнулся, робот. Ты сам не веришь в это.

— Есть Закон выше Первого: «Робот не может повредить

человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был нанесен вред». Я считаю это Нулевым Законом роботехники. Тогда Первый Закон должен гласить: «Робот не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, если это не противоречит Нулевому Закону».

Василия фыркнула:

— И ты все еще держишься на ногах?

— Держусь, мадам.

— Тогда я тебе кое-что объясню, робот, и посмотрим, переживешь ли ты объяснение. Три Закона роботехники относятся к отдельным людям и отдельным роботам. Ты можешь указать на того или иного человека или робота. Но что такое человечество, как не абстракция? Можешь ты указать на человечество? Ты можешь повредить или не повредить отдельному человеку и понять, был ли причинен вред. А можешь ты повредить человечеству? Можешь ты оценить этот вред? Можешь заметить?

Дэниел молчал. Василия широко улыбнулась:

— Отвечай, робот, можешь ты заметить вред, нанесенный человечеству, и указать на него?

— Нет, мадам, но я уверен, что такой вред может иметь место, и вы видите, что я все еще на ногах.

— Тогда спроси Жискара, может ли и будет ли он повиноваться твоему Нулевому Закону роботехники?

Дэниел повернул голову к Жискару:

— Друг Жискар?

— Я не могу принять Нулевой Закон, друг Дэниел, — медленно промолвил Жискар. — Ты знаешь, что я много читал о человеческой истории. Я нашел в ней великие преступления, совершенные отдельными людьми против других, и всегда для этих преступлений находились оправдания, что они-де совершались ради племени, государства или даже ради всего человечества. Но человечество — это абстракция, так легко найти оправдание всему. Следовательно, твой Нулевой Закон не годится.

— Но ты знаешь, друг Жискар, что сейчас опасность для человечества существует, и она наверняка даст плоды, если ты станешь собственностью мадам Василии. Это-то по крайней мере не абстракция.

— Опасность, о которой ты упоминаешь, лишь предполагается. Мы не можем действовать, исходя из этой вероятности

и пренебрегая Тремя Законами. Неизвестно, существует ли она в самом деле.

Дэниел помолчал и тихо сказал:

— Но ты надеешься, что твое изучение человеческой истории поможет тебе установить законы, управляющие человеческим поведением, что ты научишься предсказывать и направлять человеческую историю, по крайней мере положишь этому начало, чтобы когда-нибудь кто-то тоже научился предсказывать и направлять ее. Ты даже назвал этот метод «психоисторией». Разве в этом случае ты не имеешь дело с человеческим ковром? Разве ты не пытаешься работать с человечеством как с единым целым, а не собранием индивидуумов?

— Да, друг Дэниел, но это всего лишь надежда, и я не могу действовать, руководствуясь только надеждой, и не могу подогнать под нее Три Закона.

Дэниел ничего не ответил.

— Ну вот, робот, — сказала Василия, — все твои попытки ни к чему не привели. Однако ты все еще стоишь на ногах. Ты на редкость упрям, а робот, который отрицает Три Закона и все-таки продолжает функционировать, опасен для человека. По этой причине ты будешь немедленно демонтирован. Случай слишком опасный, чтобы обращаться к неповоротливому закону, тем более что ты, в конце концов, только робот, а не человек, на которого пытаешься походить.

— Миледи, — сказал Дэниел, — вы не можете сами вынести такое решение.

— Я его все равно вынесу и улажу все последствия.

— Вы лишите леди Глэдию и второго робота, на которого не претендовали.

— Она и Фастольф лишили меня моего робота Жискара более двух столетий назад, и я не думаю, что это их расстроило хоть на миг. Так что я не огорчусь, отняв у нее роботов. У нее много других роботов, а в Институте их тоже достаточно, так что до дома ее проводят.

— Друг Жискар, может, ты разбудишь леди Глэдию, и она сумеет убедить леди Василию...

Василия хмуро взглянула на Жискара:

— Нет, Жискар. Пусть женщина спит.

Жискар, шевельнувшийся было при словах Дэниела, снова застыл. Василия щелкнула пальцами. Дверь открылась, вошли четыре робота.

— Ты был прав, Дэниел, здесь четыре робота. Они демонтируют тебя, а я приказываю тебе не сопротивляться. А потом мы с Жискаром уладим все остальное. — Она оглянулась на вошедших роботов. — Закройте дверь и быстро и аккуратно размонтируйте его. — И она указала на Дэниела.

Роботы посмотрели на Дэниела и не пошевелились. Она сказала с нетерпением:

— Я же сказала, что он робот, и вы не должны обращать внимание на его человеческую внешность. Дэниел, скажи им, что ты робот.

— Я робот, — сказал Дэниел, — и я не буду сопротивляться.

Василия отошла в сторону. Роботы направились к Дэниелу, который стоял, опустив руки. Он последний раз взглянул на спящую Глэдию и повернулся к роботам.

Василия улыбнулась:

— Это будет интересно.

Роботы остановились.

— Берите его, — приказала Василия.

Они не двигались. Василия растерялась и хотела повернуться к Жискару, но вдруг вся обмякла и упала.

Жискар подхватил ее, усадил на пол, прислонив к стене, и глухо сказал:

— Мне нужно несколько секунд, а потом мы уйдем.

Прошло несколько секунд. Василия сидела с открытыми и остекленевшими глазами. Ее роботы не шевелились. Дэниел сделал шаг к Глэдии. Жискар поднял глаза и сказал роботам Василии:

— Охраняйте свою леди. Не позволяйте никому входить, пока она не проснется. Она проснется спокойной.

В это время Глэдия зашевелилась, и Дэниел помог ей встать.

— Кто эта женщина? — удивленно спросила она. — Чьи это роботы? Как она...

— Потом, миледи, — ответил Жискар. В его голосе как будто чувствовалась усталость. — Я все объясню, а сейчас нам нужно спешить.

И они вышли.

Часть V

ЗЕМЛЯ

Глава 15

СВЯЩЕННАЯ ПЛАНЕТА

64

Амадейро прикусил губу, бросил взгляд на задумавшегося Мандамуса и начал оправдываться:

— Но она настаивала. Она говорила, что одна может справиться с Жискаром, оказать на него достаточно сильное влияние и не допустить, чтобы он воспользовался своими ментальными силами.

— Вы никогда не говорили мне об этом, доктор Амадейро.

— Не о чем было говорить, молодой человек, и я не очень верил в то, что она рассказывала.

— А теперь верите?

— Полностью. Она ничего не помнит о том, что произошло.

— Значит, и мы ничего не знаем о том, что произошло.

Амадейро кивнул:

— Совершенно верно. И она ничего не помнит о том, что говорила мне раньше.

— А она не притворяется?

— Я видел ее электроэнцефалограмму. Она резко отличается от прежних.

— Есть шанс, что со временем к ней вернется память?

Амадейро горестно покачал головой:

— Кто знает. Но я сомневаюсь.

Мандамус опустил глаза и задумался.

— Ладно, это неважно. Допустим, что о Жискаре она говорила правду и он действительно может воздействовать на мозг. Это важное известие, и теперь оно наше. В сущности, даже хорошо, что наша коллега роботехник потерпела такую неудачу. Если бы Василия взяла контроль над этим роботом,

вы тоже очень скоро оказались бы под ее контролем... и я также, если бы она решила, что я заслуживаю ее внимания.

Амадейро кивнул:

— Я полагаю, что у нее было в мыслях что-то вроде этого. Хотя сейчас трудно сказать, что у нее на уме. Она как будто — внешне по крайней мере — нисколько не пострадала, если не считать специфической потери памяти. Все остальное она, видимо, помнит, но кто знает, как все это повлияло на ее более глубокие мыслительные процессы и знания и опыт роботехника. Этот Жискар мог бы проделать такой трюк с кем угодно. Чрезвычайно опасный феномен. Таким уж искусным она его сделала.

— Доктор Амадейро, вам не приходило в голову, что поселенцы, возможно, правы, что не доверяют роботам?

— Приходило, Мандамус.

Мандамус потер руки.

— По вашему унылому лицу я понял, что все это было обнаружено уже после того, как Жискар покинул Аврору.

— Верно. Поселенческий капитан взял на свой корабль солярианку, двух ее роботов и отправился на Землю.

— Что же нам теперь делать?

— Мне кажется, что еще не все потеряно, — медленно произнес Амадейро. — Если мы осуществим наш план, мы победим, есть Жискар или его нет. А осуществить его мы можем — что бы там Жискар ни делал с эмоциями, читать мысли он не умеет. Он, вероятно, способен сказать, когда через головной мозг проходит волна эмоций, может отличить одну эмоцию от другой, заменить одну на другую, погрузить в сон или амнезию — что-нибудь безобидное вроде этого, но прочесть мысль — не может. Он не ухватит слова или идеи.

— Вы уверены?

— Так говорила Василия.

— Она могла не знать. В конце концов, она не смогла подчинить себе робота, хоть и была уверена в своих силах. Это доказывает, что она не слишком сильна в догадках.

— Однако здесь я ей верю. Для чтения мыслей понадобилась бы чрезвычайно сложная схема позитронных путей, и совершенно невероятно, что ребенок мог включить ее в робота два столетия назад. Это невозможно даже при нынешнем состоянии науки, Мандамус. Вы, конечно, согласитесь со мной.

— Хотелось бы так думать. Значит, они направились на Землю?

— Я уверен.

— Зачем воспитанной женщине ехать на Землю?

— Если Жискар влияет на нее, у нее нет выбора.

— А зачем Жискару нужно, чтобы она ехала туда? Не прознал ли он о нашем плане? Вы, кажется, полагаете, что нет.

— Возможно, не узнал. А может, просто хочет убраться с солярианкой подальше, туда, где мы их не достанем.

— Я не думаю, что он боится нас, если справился с Василией.

— Дальнобойное оружие, — ледяным голосом сказал Амадейро, — может сбить его. Его способности, вероятно, ограничены расстоянием. Они базируются только на электромагнитном поле и ни на чем больше. Так что чем дальше он от нас, тем слабее его способности. Он вряд ли выйдет из поля действия нашего оружия.

Мандамус недовольно нахмурился.

— У нас, похоже, некосмонитское пристрастие к насилию, доктор Амадейро. Хотя в данном случае применение силы, я полагаю, может быть оправданно.

— В данном случае? Когда робот способен вредить людям? Я думаю, что нам надо найти предлог отправить корабль в погоню. Вряд ли стоит объяснять истинную причину.

— Нет, — твердо сказал Мандамус. — Представьте себе, сколько найдется желающих завладеть таким роботом.

— Чего мы не можем позволить. Это вторая причина, по которой я считаю, что уничтожение робота — наиболее безопасный и предпочтительный вариант наших действий.

— Может быть, вы и правы, — неохотно согласился Мандамус. — Но думаю, что его уничтожение не самый лучший вариант. Я должен немедленно ехать на Землю. Выполнение плана необходимо ускорить, даже если мы не поставим все точки над «и». Как только он будет выполнен — все. Никакой мысленаправляющий робот ни под чьим контролем не сможет переделать сделанное. А если он и сделает что-нибудь, то это уже не будет иметь значения.

— Вы говорите только о себе. Я тоже поеду.

— Вы? Земля — ужасный мир. Я-то должен ехать, а вам зачем?

— Я тоже должен. Я больше не могу оставаться здесь. Вы не ждали столько, сколько я, Мандамус. И вам не нужно сводить старые счеты, как мне.

65

Глэдия снова была в космосе и снова смотрела на диск Авроры. Д. Ж. был занят чем-то, и на корабле чувствовалась неопределенная атмосфера чрезвычайного положения, словно готовилось сражение, словно убегали от кого-то или сами кого-то преследовали.

Глэдия потрясла головой. Она могла мыслить ясно и чувствовала себя хорошо, но, когда мысли ее возвращались к тому времени в Институте после ухода Амадейро, ее охватывало ощущение нереальности. Был провал во времени. Вот она сидит на кушетке, ей хочется спать, а в следующий момент в комнате оказались четыре робота и женщина, которых раньше не было.

Значит, она спала, но не помнит этого. Какой-то провал в небытие...

Теперь, оглядываясь назад, она поняла, кем была та женщина.

Это была Василия Алиена, дочь Хена Фастольфа, место которой в его сердце заняла Глэдия. Глэдия ни разу не встречалась с Василией, только несколько раз видела на экране. Глэдия всегда думала о ней, как о своем втором «я», далеком и враждебном.

Они были неуловимо похожи внешне, что все всегда замечали — правда, Глэдия уверяла, что не видит сходства, — и прямо противоположно относились к Фастольфу.

Оказавшись на корабле и оставшись со своими роботами наедине, она задала им неизбежный вопрос:

— Что Василия Алиена делала в комнате и почему меня не разбудили, когда она пришла?

— Мадам Глэдия, — сказал Дэниел, — на ваш вопрос отвечу я, потому что другу Жискару, наверное, трудно говорить об этом.

— А почему ему трудно, Дэниел?

— Мадам Василия пришла с надеждой убедить Жискара перейти к ней на службу.

— Уйти от меня? — возмутилась Глэдия. Она не очень любила Жискара, но это не имело значения. Что принадлежало ей — то принадлежало ей.

— И вы не разбудили меня и сами решили этот вопрос?

— Мы чувствовали, мадам, что вам необходимо поспать.

К тому же мадам Василия приказала не будить вас. И, наконец, мы решили, что Жискар ни в коем случае не уйдет. Поэтому мы и не разбудили вас.

— Я верю, что Жискар ни на минуту не подумал оставить меня. Это было бы незаконно как по аврорианским законам, так и по законам роботехники, что особенно важно. Стоило бы вернуться на Аврору и подать на Василию в суд.

— В данный момент это было бы нежелательно, миледи.

— Какие у нее права на Жискара?

— Когда она была маленькой, Жискара передали ей.

— По закону?

— Нет, мадам. Просто доктор Фастольф позволил ей пользоваться им.

— Тогда она не имеет никаких прав на Жискара.

— Мы сказали ей об этом, мадам. По-видимому, все дело в сентиментальной привязанности к нему мадам Василии.

Глэдия фыркнула:

— Она обходилась без Жискара еще до того, как я приехала на Аврору. Она прекрасно могла продолжать в том же духе и не делать незаконных попыток лишить меня моей собственности. — Затем она беспокойно добавила: — Вы должны были меня разбудить!

— С мадам Василией было четыре робота, — сказал Дэниел. — Если бы вы проснулись и стали с ней спорить, роботам трудно было бы разобраться, чьим приказам подчиняться.

— Уж я бы отдала тот приказ, который нужно, можешь быть уверен.

— Я не сомневаюсь, мадам, но и мадам Василия тоже могла бы это сделать, ведь она одна из выдающихся роботехников в Галактике.

Глэдия взглянула на Жискара:

— А тебе нечего сказать?

— Только то, что все хорошо кончилось, мадам.

Глэдия задумчиво посмотрела в слабо светившиеся глаза робота, такие непохожие на человеческие глаза Дэниела, и подумала, что тот инцидент был, вообще-то говоря, несущественным. Пустяк. Сейчас нужно думать о другом: они едут на Землю.

И она перестала думать о Василии.

66

— Я беспокоюсь, — сказал Жискар почти конфиденциальным тоном; звуковые волны почти не колебали воздух.

Поселенческий корабль спокойно покинул Аврору, и погони как будто пока не было. Жизнь на борту шла обычным чередом, а поскольку все вокруг было автоматизировано, на корабле царило спокойствие, и Глэдия безмятежно спала.

— Я беспокоюсь о леди, друг Дэниел.

Дэниел достаточно хорошо знал характеристики позитронных связей Жискара, так что не нуждался в объяснениях.

— Направить леди Глэдию было необходимо, друг Жискар. Если бы она стала расспрашивать, она могла бы узнать о твоих способностях, и твое вмешательство стало бы более опасным. Достаточно вреда, что уже нанесли из-за того, что леди Василия узнала о них. Мы не знаем, с кем она этим поделилась.

— И все-таки я не хотел вмешиваться. Если бы леди Глэдия хотела забыть, все было бы просто и безопасно, но она отчаянно желала знать. Ей было досадно, что обошлись без нее. Поэтому я вынужден был рвать связки солидной интенсивности.

— Это было необходимо, друг Жискар.

— Однако риск причинить вред в этом случае все-таки был. Если представить связующие силы как тонкий шнур — далекая аналогия, но другой я не придумал, — то обычно препятствия, с которыми я имею дело, так тонки и эфемерны, что исчезают при моем прикосновении. Но мощная связующая сила щелкает и отскакивает, когда рвется, и отскочивший конец может ударить по другим связующим силам и захлестнуть, чем невероятно усиливает их. В этом случае человеческие эмоции могут неожиданно измениться, что наверняка приведет к вреду.

— Тебе кажется, что ты повредил леди, друг Жискар?

— Думаю, что нет. Я был исключительно осторожен, я работал все то время, пока мы разговаривали. Спасибо, что ты взял разговор с леди на себя и сумел не попасться между правдой и полуправдой. Но, несмотря на это, на всю мою осторожность, я пошел на риск, и меня удручало, что я сознательно рисковал. Это было так близко к нарушению Первого Закона, что требовало от меня исключительных усилий. Я уверен, что не смог бы сделать это, если бы...

— Да, друг Жискар?

— Если бы ты не разъяснил мне свой взгляд на Нулевой Закон.

— Значит, ты принимаешь его?

— Нет, не могу. А ты можешь? Встав лицом к лицу с возможностью нанести вред индивидуальному человеческому существу или допустив, что ему был причинен вред, можешь ли ты нанести вред абстрактному человечеству? Подумай!

— Я не уверен, — сказал Дэниел. Голос у него дрожал. — Мог бы, — с усилием продолжал он. — Только идея подталкивает меня... и тебя. Она помогла тебе рискнуть внести исправление в мозг леди Глэдии.

— Да, это верно, — согласился Жискар, — и чем больше мы думаем о Нулевом Законе, тем больше он подталкивает нас. Интересно, может ли он сделать это в самом крайнем случае? Может ли он помочь нам пойти на риск, больший чем тот, на который мы обычно идем?

— И все-таки я убежден в ценности Нулевого Закона, друг Жискар.

— Наверное, и я был бы убежден, если бы мог определить, что мы понимаем под человечеством.

Дэниел помолчал.

— Разве ты не принял Нулевой Закон недавно, когда остановил роботов мадам Василии и стер из ее мозга знание о твоих способностях?

— Нет, друг Дэниел, не совсем так. Я пытался принять его, но не по-настоящему.

— Однако твои действия...

— Они были продиктованы комбинацией мотивов. Ты говорил мне о своей концепции Нулевого Закона, и мне показалось, что она имеет некоторую ценность, однако этого недостаточно, чтобы зачеркнуть Первый Закон или хотя бы ослабить строгость Второго Закона в приказах мадам Василии. Затем, когда ты обратил мое внимание, что Второй Закон приложим к психоистории, я почувствовал, что сила позитронной мотивации становится выше, но все-таки не настолько высокой, чтобы перешагнуть через Первый и Второй Законы.

— Но ты одолел мадам Василию, — прошептал Дэниел.

— Когда она приказала роботам демонтировать тебя, друг Дэниел, и выказала при этом явное удовольствие, беспокойство о тебе, добавившееся к тому, что уже сделала концепция Нулевого Закона, вытеснило Второй Закон и стало соперничать с Первым. Комбинация Нулевого Закона, психоистории, моей преданности леди Глэдии и твоей беды продиктовала мне действия.

— Моя беда вряд ли могла воздействовать на тебя, друг Жискар. Я всего лишь робот. Она могла повлиять на мои собственные действия согласно Третьему Закону, но не на твои. Ты без колебаний уничтожил надзирательницу на Солярии и мог бы наблюдать, как меня демонтируют, ничего не предпринимая.

— Да, друг Дэниел, обычно так и бывает. Однако твое упоминание о Нулевом Законе уменьшило интенсивность Первого до нормально низкого уровня. Необходимость спасти тебя была достаточной, чтобы отринуть остатки Первого Закона, и я действовал соответственно.

— Нет, друг Жискар. Перспектива вреда для робота не могла волновать тебя. Она ни в коем случае не могла бы способствовать нарушению Первого Закона, разве что ослабила бы его действие.

— Как ни странно, друг Дэниел, но я знаю, как это получилось. Может, потому что, как я заметил, твоя манера мыслить все больше напоминает человеческую, но в тот момент, когда роботы направились к тебе, а леди Василия излучала дикую радость, мои позитронные пути реформировались аномальным образом. В тот момент я думал о тебе как о человеке и действовал соответственно.

— Это было неправильно.

— Я знаю. И все-таки, если бы это случилось снова, я уверен, что появилось бы снова то же аномальное изменение.

— Очень странно, — сказал Дэниел, — но, слушая тебя, я чувствовал, что ты поступил правильно. Случись обратная ситуация, я почти убежден, что тоже думал бы о тебе как о человеке.

Дэниел медленно и нерешительно протянул руку.

Жискар неуверенно посмотрел на нее и медленно протянул свою. Их пальцы встретились, и роботы пожали друг другу руки, словно настоящие друзья, как они называли один другого.

67

Глэдия огляделась, скрывая любопытство. Она впервые попала в каюту Д. Ж. Каюта была роскошнее, чем новая, предназначенная для нее. Экран был тщательнее отделан, была тут сложная система ламп и контактов, которая, как подумала Глэдия, служила Д. Ж. для связи со всем кораблем.

— Я почти не видела вас после того, как мы покинули Аврору, Диджи, — сказала она.

— Польщен, что вы заметили это. — Д. Ж. ухмыльнулся. — Сказать по правде, Глэдия, я это тоже заметил. Вы не вписываетесь в целиком мужскую команду.

— Не слишком лестная причина, чтобы скучать по мне. Дэниел и Жискар тоже не вписываются. Вы и по ним соскучились?

Д. Ж. оглянулся:

— Я так мало скучаю по ним, что только сейчас заметил их отсутствие. Где они?

— В моей каюте. По-моему, глупо таскать их с собой по кораблю. Они, похоже, даже обрадовались, когда я ушла одна, и это удивило меня. Впрочем, нет, если подумать. Ведь я довольно резко приказала им остаться.

— Не странно ли это? Аврориане никуда не ходят без роботов. Я уже это усвоил.

— Ну и что же? Когда я впервые приехала на Аврору, мне пришлось научиться переносить реальное присутствие людей, поскольку солярианское образование не подготовило меня к этому. Научиться временами обходиться без роботов будет, вероятно, менее трудно.

— Прекрасно. Признаться, я предпочитаю беседовать с вами, когда на меня не устремлены блестящие глаза Жискара, и еще больше — без вечной улыбки Дэниела.

— Он вовсе не улыбается.

— А мне кажется, что у него чуть заметная, весьма неопределенная нахальная улыбка.

— Вы спятили. Это совершенно чуждо Дэниелу.

— Вы не приглядывались к нему, как я. Его присутствие сдерживает и заставляет меня вести себя как полагается.

— Что ж, надеюсь, что так.

— Нет необходимости надеяться так подчеркнуто. Но это

пустяки. Извините меня, что я так мало виделся с вами после отлета с Авроры.

— Вряд ли стоит извиняться.

— Я думаю, что стоит, раз вы заговорили об этом. Но позвольте мне объяснить. Мы были уверены, что нас станут преследовать аврорианские корабли.

— А я подумала, что они рады избавиться от поселенцев.

— Конечно, но вы-то не поселенка, и они могли не захотеть отпускать вас. Ведь они так старались вытащить вас из Бейлимира.

— Они и вытащили. Я доложила им обо всем.

— И больше они ничего от вас не хотели?

— Нет. — Глэдия нахмурилась, пытаясь вспомнить что-то, вдруг кольнувшее память, но так и не вспомнила и повторила: — Нет.

— Странно, что они не делали попыток задержать вас ни на Авроре, ни на орбите. Мне как-то не верилось. Но скоро мы сделаем прыжок, и после него никаких неприятностей не должно быть.

— А почему у вас мужской экипаж? На аврорианских кораблях смешанные команды.

— На обычных поселенческих тоже, а это торговое судно.

— Какая разница?

— Торговля связана с опасностью, жизнь тяжелая, все может случиться. Женщины на борту создали бы проблемы.

— Вздор! Какие проблемы создаю я?

— Не будем спорить. Это традиция. Мужчины не возражают.

— Откуда вы знаете? Вы пробовали набрать смешанный экипаж?

— Нет. Но ведь и нет вереницы женщин, умоляющих принять их на мой корабль.

— Но я здесь, и рада этому.

— К вам особое отношение. Кабы не ваши заслуги на Солярии, здесь было бы много неприятностей. Фактически они и были. Ну ладно, это неважно. Ровно через две минуты мы сделаем прыжок. Вы никогда не были на Земле, Глэдия?

— Нет, конечно.

— И никогда не видели Солнце — не солнце вообще, а земное Солнце?

— Нет. Впрочем, видела в исторических фильмах, но думаю, в них показывали не настоящее Солнце.

— Уверен, что не настоящее. Если вы не против, давайте уменьшим свет в каюте.

Освещение уменьшили, и Глэдия увидела на обзорном экране звезды, более яркие и многочисленные, чем в небе Авроры.

— Ну вот мы и по ту сторону планетарного плана, — сказал Д. Ж. — Хорошо. Малость рискнули: мы должны были отойти подальше от Авроры перед прыжком, но слегка поспешили. Вот Солнце.

— Вы имеете в виду ту яркую звезду?

— Да. Что вы о ней думаете?

Глэдии хотелось сказать: «Ну, звезда как звезда», — но она сказала:

— Очень впечатляет.

— Не просто впечатляет, — сказал Д. Ж. — В Галактике нет ни одного поселенца, который не считал бы ее своей. Излучение звезд, освещающих наши родные планеты, как бы взято взаймы, напрокат, но только здесь — настоящее излучение, давшее нам жизнь. Эта звезда и планета Земля, вращающаяся вокруг нее, объединяют нас всех. А вы, космониты, забыли о Солнце, поэтому вы далеки друг от друга и долго не просуществуете.

— Места хватит для всех, капитан, — мягко сказала Глэдия.

— Да, конечно. Я не стал бы делать ничего такого, что усилит нежизнеспособность космонитов. Я просто уверен, что так будет, но это могло бы и не случиться, если бы космониты отказались от наглой уверенности в своем превосходстве, от своих роботов и от самозабвенного преклонения перед долгой жизнью.

— Значит, вот как вы смотрите на меня, Диджи?

— У вас были свои недостатки. Но вы исправились. И я вам в этом помог.

— Благодарю, — сказала она с явной иронией. — Вам, конечно, трудно поверить, но и у поселенцев хватает высокомерия. Но вы лично также исправились, так что я возвращаю вам ваш комплимент.

Д. Ж. засмеялся:

— Все то, что я с удовольствием дал вам, а вы мне любезно вернули, может означать конец вражды между нами.

— Вряд ли.

Глэдия засмеялась и с удивлением обнаружила, что он взял ее за руку. Но еще удивительнее было то, что она не стала убирать руку.

68

— Мне как-то не по себе, друг Жискар, — сказал Дэниел, — что леди Глэдия не под нашим непосредственным наблюдением.

— На борту корабля это необязательно, друг Дэниел. Я не обнаруживаю опасных эмоций, кроме того, в данный момент с ней капитан. Да ей и полезно чувствовать себя хорошо без нас, по крайней мере на то время, пока мы будем на Земле. Возможно, нам с тобой придется предпринять неожиданные действия, если ее присутствие и безопасность явятся осложняющим фактором.

— Значит, это ты устроил так, что сейчас мы не вместе?

— Чуть-чуть. Как ни странно, я обнаружил в ней сильное стремление подражать поселенческому образу жизни в этом отношении. Она подавляла тягу к независимости главным образом из-за того, что ей казалось, будто этим она нарушает обычаи космонитов. Эти ощущения и эмоции нелегко интерпретировать, потому что я никогда еще не сталкивался с таковыми у космонитов. Так что я просто ослабил торможение легчайшим прикосновением.

— А она не захочет вообще отказаться от наших услуг, друг Жискар? Это очень огорчило бы меня.

— Этого не случится. Если она решит, что будет счастлива, живя без роботов, тогда и мы захотим для нее того же. Но я уверен, что мы будем полезны ей. Этот корабль — маленькое и специализированное обиталище, где нет большой опасности. Кроме того, рядом с капитаном она чувствует себя в безопасности, и это уменьшает ее нужду в нас. На Земле мы, как я уже говорил, ей понадобимся, хотя и не так сильно, как на Авроре. На Земле нам, возможно, придется быть более гибкими.

— Значит, ты догадываешься о природе кризиса, грозящего Земле? Ты знаешь, что мы будем делать?

— Нет, друг Дэниел, не знаю. Это ведь ты обладаешь даром предвидения. Ты видишь что-нибудь?

Дэниел немного помолчал.

— У меня есть какие-то мысли.

— Какие же?

— Помнишь, в Роботехническом институте перед тем, как леди Василия вошла в комнату, где спала мадам Глэдия, ты говорил мне, что у Амадейро было два интенсивных всплеска

тревоги? Первый — при упоминании о ядерном усилителе, а второй — при заявлении леди Глэдии, что она поедет на Землю. Мне показалось, что они связаны между собой. Я почувствовал, что и кризис связан с использованием ядерного усилителя на Земле, и есть время предотвратить его. А доктор Амадейро боится, что мы так и сделаем, если полетим на Землю.

— Я чувствую, что ты не удовлетворен этой мыслью. Почему, друг Дэниел?

— Атомный усилитель ускоряет уже действующие процессы распада с помощью потока частиц. И я думаю, что доктор Амадейро хочет воспользоваться одним или несколькими усилителями, чтобы взорвать реакторы, снабжающие Землю энергией. Высокая температура и механическая сила, сопровождающие атомный взрыв, вызовут многочисленные разрушения и пыль, и радиоактивные продукты выбросятся в атмосферу. Если это не погубит Землю, то уничтожение ее энергетических ресурсов наверняка приведет к длительному коллапсу земной цивилизации.

— Страшная мысль, — мрачно сказал Жискар. — Это, похоже, и есть определенный ответ на вопрос о природе кризиса. Но почему ты не удовлетворен?

— Мне разрешили пользоваться корабельным компьютером, чтобы получить информацию о планете Земля. Как и полагается компьютеру поселенческого корабля, он богат такой информацией. Похоже, что Земля — единственный населенный людьми мир, который не пользуется реакторами микрослияния в качестве крупномасштабных источников энергии. Там пользуются исключительно прямой солнечной энергией, и все ее станции находятся на геостационарной орбите. С атомным усилителем тут нечего делать; им можно разве что уничтожить мелочь — космические корабли, какие-то сооружения. Конечно, убыток ощутимый, но он не угрожает существованию Земли.

— А не может быть, друг Дэниел, что доктор Амадейро имеет какой-то прибор, который способен разрушить генераторы солнечной энергии?

— Если так, то почему он отреагировал на упоминание о ядерном усилителе? Против генераторов солнечной энергии усилитель бесполезен.

Жискар медленно кивнул:

— Это ты верно подметил. И еще одно: если доктор Амадейро испугался, что мы полетим на Землю, то почему он не попытался тогда остановить нас еще на Авроре? А если он слишком поздно узнал о нашем отлете, почему не послал корабль, чтобы перехватить нас до того, как мы сделали прыжок? Может, мы на совершенно неправильном пути и, таким образом, сделали ложный шаг, что...

По всему кораблю разнесся прерывистый звук сигнала.

— Мы благополучно сделали прыжок, — сказал Дэниел. — Я почувствовал это несколько минут назад. Но мы еще не добрались до Земли, и перехват, о котором ты говорил, еще может произойти, так что мы, вероятно, сделали шаг отнюдь не ложный.

69

Д. Ж. не уставал восхищаться. Перейдя к действиям, аврориане выказали технологическую сноровку. Это был, без сомнения, новейший корабль, следовательно, цель, которую преследовала Аврора, была для нее необычайно важной.

Этот корабль установил присутствие корабля Д. Ж. через пятнадцать минут после того, как тот появился в нормальном пространстве; причем, с большого расстояния.

На аврорианском корабле была установлена короткофокусная гиперволновая система. Голова говорящего отчетливо виднелась в центре экрана, а все остальное скрывалось серым туманом. Если говорящий отодвигал голову на дециметр от центра, она тоже пропадала в тумане. Звук тоже был ограничен. Все было сделано так, чтобы никто не увидел и не услышал больше, чем надо.

Корабль Д. Ж. тоже имел короткофокусную гиперволну, но ей явно не хватало аврорианских отделки и элегантности. Правда, его корабль был далеко не лучшим из поселенческих судов, но в любом случае космониты здорово опережали их в технологии. Поселенцам было до них далеко.

Голова аврорианина выглядела настолько реальной, что казалась отрубленной, и Д. Ж. не удивился бы, увидев кровь. Однако, приглядевшись, можно было заметить в сером тумане шею и отлично сшитую униформу.

Голова безупречно вежливо представилась: «Лизиформ, командир аврорианского корабля «Бореалис». Д. Ж., в свою

очередь, назвал себя, выставив подбородок, чтобы было видно бороду. Д. Ж. считал, что борода придает ему свирепый вид, который может запугать безбородого и, как он полагал, безвольного космонита. Д. Ж. принял традиционно неофициальный вид, что раздражало космонитского офицера точно так же, как его традиционная надменность раздражала поселенца.

— Почему вы меня окликнули, командир Лизиформ? — спросил Д. Ж.

Аврорианский командир говорил с подчеркнутым акцентом. Он, видимо, считал его таким же устрашающим, как Д. Ж. — свою бороду.

Д. Ж. пришлось поднапрячься, чтобы понять речь космонита.

— Мы полагаем, — сказал Лизиформ, — что на борту вашего корабля находится аврорианская гражданка по имени Глэдия Солярия. Это верно, капитан Бейли?

— Мадам Глэдия на борту этого корабля, командир.

— Благодарю, капитан. С ней, как мне говорили, летят два робота аврорианского производства — Р. Дэниел Оливо и Р. Жискар Ривентлов. Это так?

— Так.

— В таком случае я должен сообщить вам, что Р. Жискар Ривентлов в настоящее время опасен. Незадолго до того, как ваш корабль покинул Аврору, вышеуказанный робот Жискар вопреки Трем Законам нанес большой вред аврорианской гражданке. Следовательно, робот должен быть размонтирован и переделан.

— И вы хотите, командир, чтобы мы на этом корабле демонтировали робота?

— Нет, сэр. Ваши люди не имеют опыта работы с роботами и не смогут правильно демонтировать его, и тогда его нельзя будет переделать.

— Тогда мы можем просто уничтожить его.

— Он слишком дорог для этого. Капитан Бейли, робот аврорианский, и Аврора отвечает за него. Мы не желаем причинить вам неприятности на корабле и на планете Земля, если вы там высадитесь. Поэтому мы просим выдать его нам.

— Командир, — сказал Д. Ж., — я ценю ваше беспокойство, но робот — законная собственность леди Глэдии, которая летит с нами. Вполне возможно, что она и согласится расстаться со своим роботом, а я, хоть и не хочу учить вас аврори-

анским законам, уверен, что, отняв его у нее, вы поступите незаконно. Хотя мой экипаж и я не подчиняемся аврорианским законам, мы тем не менее не должны добровольно помогать вам в том, что ваше правительство может счесть незаконными действиями.

В голосе командира послышалось раздражение.

— О незаконности и речи быть не может, капитан. Когда неисправный робот представляет собой угрозу для жизни, обычные права владельца не имеют значения. Тем не менее, если вы так ставите вопрос, мой корабль готов принять леди Глэдию с обоими ее роботами. В этом случае у Глэдии Солярии не будет отнята ее собственность до прибытия на Аврору, а там закон скажет свое слово.

— Но, может, командир, леди Глэдия не захочет ни покидать мой корабль, ни расставаться со своей собственностью.

— У нее нет выбора, капитан. Я уполномочен своим правительством предъявить ей наши требования, и она как аврорианская гражданка должна повиноваться.

— Но я не обязан выдавать кого бы то ни было со своего корабля по требованию иноземной власти. Что, если я пренебрегу вашими требованиями?

— В таком случае, капитан, я буду рассматривать это как недружественный акт. Должен сказать, что мы находимся в сфере планетной системы, частью которой является Земля. Вы напомнили мне об аврорианских законах, так что извините, если я укажу вам, что ваш народ не считает возможным затевать конфликт в пространстве этой планетной системы.

— Я знаю, командир, и не желаю предпринимать никаких недружественных действий. Но я еду на Землю по важному делу. Я теряю время на разговор и потеряю еще больше, если пойду к вам или буду ждать, пока вы подойдете ко мне, чтобы передать вам леди Глэдию и ее роботов. Я предпочел бы продолжать путь к Земле и официально принять на себя ответственность за робота Жискара и его поведение до того времени, пока леди Глэдия и ее роботы не вернутся на Аврору.

— Могу посоветовать вам, капитан, посадить женщину и роботов в спасательную шлюпку и отправить к нам с вашим пилотом. Как только женщина и роботы будут выданы, мы проводим шлюпку до Земли и таким образом вознаградим вас за потерю времени и беспокойство. Торговец не должен возражать против этого.

— Я и не возражаю, капитан. — Д Ж. улыбнулся. — Но пилот может оказаться в большой опасности, поскольку останется один с опасным роботом.

— Капитан, если хозяйка робота держит его под контролем, ваш пилот подвергается в шлюпке не большей опасности, чем на корабле, и мы компенсируем ему риск.

— Но если робот полностью под контролем хозяйки, следовательно, он не представляет опасности. Так пусть останется с нами.

Командир нахмурился:

— Капитан, надеюсь, вы не собираетесь шутить со мной. Вы слышали мое требование, и я хотел бы, чтобы вы немедленно удовлетворили его.

— Надеюсь, я могу посоветоваться с леди Глэдией?

— Да, если вы сделаете это безотлагательно. Прошу вас подробно объяснить ей, в чем дело. Если же вы попытаетесь двинуться к Земле, я буду считать это недружественным актом и приму соответствующие меры. Поскольку, как вы заявили, ваше путешествие к Земле имеет важное значение, я советую вам принять решение сотрудничать с нами. В этом случае вас не задержат надолго.

— Я сделаю что смогу. — Лицо Д. Ж. было непроницаемым.

Командир отошел от экрана.

70

— Ну? — мрачно спросил Д. Ж.

Глэдия, казалось, была в отчаянии. Она машинально взглянула на Дэниела и Жискара, те стояли молча и неподвижно.

— Я не хочу возвращаться на Аврору, Диджи, — сказала она. — Вряд ли они хотят уничтожить Жискара. Он в рабочем состоянии, уверяю вас. Это просто уловка. Они по каким-то причинам хотят вернуть меня. Я полагаю, что их нельзя остановить.

— Это аврорианский военный корабль, — сказал Д. Ж., — и здоровый. А наш — всего лишь торговое суденышко. Мы можем поставить энергетические щиты, и они не смогут одним ударом уничтожить нас, но постепенно они нас измотают — в сущности, довольно быстро — и тогда уничтожат.

— А вы не можете каким-нибудь способом сразить их?

— С моим вооружением? К сожалению, Глэдия, их щиты могут отражать наши удары до тех пор, пока у нас не кончится энергия. Кроме того...

— Да?

— Видите ли, они загнали меня в угол. Я ведь думал, что они попытаются перехватить нас до прыжка, но они знали место моего назначения, прибыли сюда первыми и ждали меня. Мы внутри Солнечной системы, Земля является ее частью. Даже если бы я захотел, команда не станет мне подчиняться.

— Почему?

— Можете называть это предрассудком. Солнечная система — священное место, если выражаться возвышенно. Мы не можем осквернить его дракой.

— Могу я принять участие в дискуссии, сэр? — неожиданно вмешался Жискар.

Д. Ж. хмуро взглянул на Глэдию.

— Пожалуйста, позвольте ему, — попросила она. — Эти роботы чрезвычайно умны. Я знаю, вам трудно поверить, но...

— Я выслушаю, но это не повлияет на мое решение.

— Сэр, я уверен, что им нужен именно я. Я не могу себе позволить стать причиной вреда для людей. Если вы не можете защищаться сами и уверены, что погибнете в конфликте с их кораблем, у вас нет иного выбора, кроме как выдать меня. Я уверен, что, если вы согласитесь меня отдать, они не станут возражать, чтобы леди Глэдия и друг Дэниел остались здесь. Это единственное решение.

— Нет! — яростно сказала Глэдия. — Ты мой, и я не отдам тебя! Я поеду с тобой, если капитан решит, что ты должен ехать, и присмотрю, чтобы они в самом деле не вздумали уничтожить тебя.

— Могу я тоже сказать? — спросил Дэниел.

Д. Ж. развел руками в комическом отчаянии:

— Пожалуйста. Все хотят говорить.

— Если вы решите выдать Жискара, вам следует подумать о последствиях. По-моему, Жискар полагает, что на аврорианском корабле ему не сделают ничего плохого, но я не уверен. Я считаю, что авророане всерьез думают, что он опасен, и, вполне вероятно, имеют инструкции уничтожить спасательную шлюпку, когда она станет приближаться, со всеми, кто будет на ее борту.

— Зачем им это? — спросил Д. Ж.

— Аврориане никогда не имели дело с опасным роботом и даже не представляют себе, что это такое. Они не захотят взять такого на борт корабля. Я бы посоветовал вам, капитан, отступить. Почему бы не сделать еще один прыжок, от Земли? Мы не так близки к какой-то планетной массе, чтобы это нам помешало.

— Отступить? Вы хотите сказать — бежать? Я не могу.

— Ну, тогда отдайте нас, — сказала Глэдия, всем своим видом выражая покорность судьбе.

— Я не выдам вас, — яростно сказал Д. Ж., — и бежать не могу, и не могу драться.

— Тогда что же остается? — спросила Глэдия.

— Четвертое, — сказал Д. Ж. — Глэдия, я прошу вас оставаться здесь с роботами, пока я не вернусь.

71

Д. Ж. все обдумал. В течение разговора было достаточно времени, чтобы определить точное местоположение аврорианского корабля. Он находился чуть дальше от Солнца, чем корабль Д. Ж., и это было хорошо. Прыжок к Солнцу при таком расстоянии от него дело, конечно, рискованное. Прыжок в сторону в сравнении с этим был сущим пустяком. Правда, существовала опасность катастрофы при отклонении, но такая опасность всегда существует.

Он заверил команду, что не будет сделано ни одного выстрела. Это было плохо в любом случае. Люди искренне верили, что земное пространство защищает их, пока они не осквернят его покой насилием. Это распространенное заблуждение Д. Ж. мог бы презрительно высмеять, если бы сам не разделял это мнение.

Он снова подошел к экрану. Ему пришлось довольно долго ждать, но сигнала с той стороны не было: аврориане демонстрировали примерное терпение.

— Говорит капитан Бейли. Я хочу поговорить с командиром Лизиформом.

— Командир Лизиформ слушает. Могу я получить ваш ответ?

— Мы выдадим женщину и двух роботов.

— Прекрасно. Это мудрое решение.

— И мы выдадим их как можно скорее.

— Тоже мудрое решение.

— Спасибо.

Д. Ж. дал сигнал, и корабль сделал прыжок.

Он произошел мгновенно — как начался, так и кончился, или, во всяком случае, никто не ощутил времени прыжка.

— Новое положение вражеского корабля установлено, капитан, — доложил пилот.

— Хорошо, — ответил Д. Ж. — Ты знаешь, что делать.

Корабль вышел из прыжка на высокой скорости относительно аврорианского судна, и корректировка курса не составила труда, как и предполагалось. Затем увеличилось ускорение.

Д. Ж. снова подошел к экрану.

— Командир, мы приближаемся. Можете стрелять, если хотите, но наши щиты подняты, и, прежде чем вы их разобьете, мы подойдем к вам, чтобы осуществить передачу.

— Вы высылаете шлюпку?

Командир исчез, но вскоре вновь появился с перекошенным лицом.

— В чем дело? Мы можем столкнуться!

— Похоже, да, сэр, — сказал Д. Ж. — Это наиболее быстрый способ, чтобы осуществить передачу.

— Но вы уничтожите свой корабль!

— И ваш тоже. Ваш корабль раз в пятьдесят мощнее моего, если не больше. Жалкий обмен для Авроры.

— Вы вступаете в бой в земном пространстве, капитан. Ваши обычаи не позволяют вам делать это.

— Ах, вы знаете наши обычаи и решили ими воспользоваться? Но я не сражаюсь. Я не выпустил ни единого эрга энергии и не выпущу. Я просто следую по своей траектории. Получилось так, что она совпадает с положением вашего корабля, но я уверен, что вы уступите мне дорогу. Вам должно быть совершенно ясно, что я не собираюсь вступать в бой.

— Стоп. Давай обсудим это.

— Мне надоели обсуждения, командир. Может, мы будем разговаривать вечно? Если вы не двинетесь с места, я потеряю, вероятно, лет сорок с хвостиком. А сколько потеряете вы? — И Д. Ж. отошел от экрана.

С аврорианского корабля ударил пробный луч, словно проверял, подняты ли щиты на корабле Д. Ж. Они были подняты.

Щиты защищали корабль от электромагнитного излучения и субатомных частиц, включая нейтрино, и могли противостоять кинетической энергии малых масс — пылевых частиц и даже мелких метеоритов. Но они были бессильны против больших кинетических энергий, таких, как энергия корабля на суперсветовой скорости.

Даже с опасными массами, если они неуправляемы, как, например, метеориты, можно было справиться: корабельный компьютер автоматически отводил корабль в сторону от метеорита, которому не могли бы противостоять щиты. Но это не могло сработать против корабля, который поворачивал туда же, куда и его мишень. Поселенческий корабль был вдвое меньше, а следовательно, более маневренным.

Так что для аврорианского корабля существовал только один способ избежать столкновения.

Д. Ж. следил за большим кораблем на экране и думал, знает ли Глэдия в своей каюте о том, что происходит. Она должна была бы почувствовать ускорение, несмотря на противоперегрузочное устройство в ее каюте.

Затем аврорианский корабль просто исчез из виду, сделав прыжок в сторону, и Д. Ж. с досадой отметил, что затаил дыхание и сердце его колотится. Неужели он не верил в защитное влияние Земли или в собственную оценку ситуации?

— Хорошо сделано, ребята, — хладнокровно сказал Д. Ж. в микрофон. — Держите курс к Земле!

Глава 16

ГОРОД

72

— Вы серьезно, Диджи? — спросила Глэдия. — Вы в самом деле намеревались столкнуться с тем кораблем?

— Вовсе нет, — равнодушно ответил Д. Ж. — Я на это не рассчитывал. Я просто надул их, зная, что они отступят. Эти космониты не станут рисковать своей замечательной долгой жизнью, если легко могут избежать этого.

— Эти космониты?

Д. Ж. покашлял.

— Я все время забываю, что вы космонитка, Глэдия.

— Забываете и, кажется, считаете, что это комплимент. А если бы они оказались так же глупы, как и вы, и проявили такое же детское упрямство, которое вы считаете храбростью, и остались бы на месте, что бы вы сделали?

— Ударил бы, — пробормотал Д. Ж.

— И тогда мы все погибли бы.

— Трансакция была в нашу пользу, Глэдия. Паршивое, старое торговое поселенческое суденышко — и новенький современный корабль космонитов. — Д. Ж. откинулся в кресле и заложил руки за голову. Удивительно, как хорошо он чувствовал себя, когда все кончилось. — Однажды я видел исторический фильм. Там в конце войны аэроплан, груженный взрывчаткой, нарочно врезался в морское судно, чтобы потопить его. Конечно, пилот расстался с жизнью.

— Это выдумка, — сказала Глэдия. — Не думаете же вы, что цивилизованные люди сделали бы такое на самом деле?

— А почему бы и нет? Если причина достаточно уважительная...

— Значит, вы чувствовали, что вас ждет славная смерть? Экзальтация? Ведь вы потащили за собой свою команду.

— Команда знала об этом. Мы не могли поступить иначе. Земля следила за нами.

— Люди на Земле ничего даже не знали.

— Я выразился образно. Мы в земном пространстве. Мы не могли поступить малодушно.

— Ох, какой вздор! А вы рисковали и моей жизнью.

Д. Ж. взглянул на свои ботинки.

— Хотите услышать нечто безумное? Это единственное, что тревожило меня.

— Что я должна погибнуть?

— Не совсем так. Что я потеряю вас. Когда они приказали мне выдать вас, я знал, что не сделаю этого, даже по вашей просьбе. Я лучше протараню их, но вас они не получат. Пока я следил за их кораблем на экране, я думал: «Если они не уйдут отсюда, я потеряю ее». Я знал, что они уйдут, но все-таки думал... — Д. Ж. покачал головой.

Глэдия нахмурилась.

— Я не понимаю вас. Моя смерть вас не огорчала, но вы тревожились, что потеряете меня. Одно с другим не вяжется.

— Знаю. Я не говорю, что это разумно. Я думал о том, как

вы бросились на надзирательницу, чтобы спасти меня, хотя знали, что она может одним ударом убить вас. Я думал о том, как вы стояли перед толпой в Бейлимире и покорили ее, хотя раньше даже не видели толпы. Я даже думал, как вы совсем молодой женщиной приехали на Аврору и научились жить по-новому. И мне казалось, что я не боялся смерти: я думал только о том, что потеряю вас. Вы правы, это, конечно, бессмысленно.

— Вы забыли о моем возрасте? Я была почти такой же, как сейчас, когда вы родились. Кроме того, у меня искусственный бедренный сустав, большой палец на левой руке — протез. — Она повертела пальцем. — Все зубы у меня керамические, имплантированные, а вы говорите так, словно охвачены страстью. К чему? К кому? Подумайте, Диджи! Посмотрите на меня! Постарайтесь увидеть меня такой, какая я есть!

Д. Ж. выпрямился и погладил бороду.

— Ладно, пусть я говорю глупо, но намерен продолжать в том же духе. Я знаю ваш возраст, знаю, что вы переживете меня и будете немногим старше, чем сейчас. Значит, вы моложе меня. Да мне наплевать, что вы старше, я только хотел, чтобы вы оставались со мной, где бы я ни был, до конца моей жизни. — Глэдия хотела что-то сказать, но Д. Ж. поспешно перебил ее: — Или, если вам это больше нравится, чтобы я оставался с вами, где бы вы ни были, до конца моей жизни. Если это вас устроит.

— Я космонитка, а вы — поселенец.

— Кого это беспокоит? Вас, Глэдия?

— К тому же вопрос с детьми — отпадает. У меня они уже были.

— А мне какая разница? И так нет опасности, что имя Бейли умрет.

— У меня есть своя цель. Я намерена принести мир в Галактику.

— Я помогу вам.

— А ваша торговля? Вы откажетесь от возможности разбогатеть?

— Мы кое-что сделаем вместе, как раз столько, чтобы мой экипаж был доволен и помогал бы мне поддерживать вас в вашей миротворческой деятельности.

— Жизнь покажется вам скучной, Диджи.

— Разве? Мне кажется, что с вами она будет чересчур волнующей.

— Вы, вероятно, будете настаивать, чтобы я отказалась от своих роботов?

— Так вот почему вы пытались отговорить меня? Я не стану возражать, если вы оставите двоих, даже Дэниела с его нахальной улыбочкой. Но если мы будем жить среди поселенцев...

— Тогда, я думаю, мне придется набраться храбрости и так и поступить.

Она засмеялась, Д. Ж. тоже. Он протянул руки, и она положила в них свои руки.

— Вы помешались, я тоже, — сказала она. — Но все было так странно с того вечера, когда я смотрела на небо Авроры и хотела найти солнце Солярии, что, полагаю, уже было помешательством.

— То, что вы сказали, не просто помешательство — это безумие. Но мне бы хотелось, чтобы вы были безумной. — Он замялся. — Нет, подожду. Я сначала сбрею бороду, а потом поцелую вас. Меньше опасность инфекции.

— Нет, не надо. Мне интересно, какое это ощущение.

И она немедленно узнала это.

73

Командир Лизиформ ходил взад и вперед по своей каюте.

— Не было смысла губить корабль, — сказал он. — Никакого смысла.

Его политический советник спокойно сидел на стуле и следил за метавшимся туда и обратно собеседником.

— Да, конечно, — согласился он.

— Варварам что терять? Им в любом случае жить несколько десятилетий. Для них жизнь ничего не значит.

— Да, конечно.

— Однако я никогда не видел и не слышал, чтобы поселенец сделал такое. Может, это новая изуверская тактика, и у нас нет защиты против нее. Что, если они пошлют против нас управляемые корабли, но без людей на борту?

— Мы можем полностью роботизировать наши корабли.

— Это не поможет. Мы не можем позволить себе терять

корабль. Нам нужно иметь этакий щитовой нож, который пронзит их щиты.

— Тогда и они сделают такое же, и нам придется изобретать ножеупорный щит, им тоже, и так оно и пойдет на высшем уровне.

— Нам нужно нечто совершенно новое.

— Ну, — сказал советник, — может, что-то и подвернется. Но ведь главной нашей целью была не солярианка с ее роботами, верно? Было бы неплохо, если бы нам удалось снять их с поселенческого корабля, но это дело второстепенное, не так ли?

— Все равно Совету это не понравится.

— Это уже моя работа — позаботиться об этом. Главное, что Амадейро и Мандамус покинули корабль и теперь на пути к Земле в скоростном челноке.

— Это верно.

— А вы не только отвлекли поселенческий корабль, но и задержали его. Это значит, что Амадейро и Мандамус покинули корабль незамеченными и доберутся до Земли раньше нашего варварского капитана.

— Я полагаю, что да. Но что из этого?

— Я сам хотел бы знать. Если бы только Мандамус, я бы и внимания не обратил, невелика персона. Но Амадейро! Бросить политическую борьбу дома в трудное время и ехать на Землю! Здесь должно быть что-то исключительно важное, ключевое.

— Но что?

Командиру, видимо, было страшно досадно, что он так сильно, почти фатально впутался в дело, которого совершенно не понимает.

— Понятия не имею.

— Вы не думаете, что могут вестись тайные переговоры на высшем уровне об изменении плана мирного расселения, о котором говорил Фастольф?

Советник улыбнулся:

— Мирное расселение? Если вы так думаете, то не знаете нашего доктора Амадейро. Он не поедет на Землю, чтобы заменить пару пунктов в плане мирного расселении. Его идеал — Галактика без поселенцев, и если он поехал на Землю... Ну, я могу только сказать, что не хотел бы в это время оказаться на месте варваров-поселенцев.

74

— Я уверен, друг Жискар, — сказал Дэниел, — что мадам Глэдии неплохо без нас. Ты можешь чувствовать это на расстоянии?

— Я определяю ее мозг слабо, но безошибочно. Она с капитаном, заметно перевозбуждение и радость.

— Великолепно, друг Жискар.

— Для меня не так уж великолепно. Я в состоянии некоторого расстройства и сильного напряжения.

— Мне больно это слышать. Могу я спросить о причине?

— Мы были здесь, когда капитан разговаривал с аврорианским кораблем.

— Да, но сейчас аврорианский корабль ушел, так что капитан, похоже, поговорил удачно.

— Он сделал это таким образом, о котором ты, видимо, не знал. А я знал — в некоторой степени. Хотя капитана не было с нами, мне нетрудно было почувствовать его мозг. Он был переполнен напряжением и тревогой, а под ними собиралось и усиливалось чувство потери.

— И ты мог определить, что это за потеря?

— Я не могу описать мой метод анализа, но потеря, похоже, была не из тех, что я раньше ассоциировал с потерей вообще или с потерей неодушевленного предмета. Тут было чувство потери определенного лица.

— Леди Глэдии?

— Да.

— Но это естественно, друг Жискар. Ведь он должен был отправить ее на аврорианский корабль.

— Для этого чувство было чрезмерно и интенсивно — рыдающее чувство. Это единственное слово, какое я могу придумать. Это была потрясающая скорбь, ассоциирующаяся с чувством потери, словно леди должна была уйти куда-то в недосягаемое место. В конце концов, все могло быть исправлено в будущем. Но нет, тут леди словно должна умереть и стать навеки недостижимой.

— Значит, он чувствовал, что аврориане убьют ее? Но это, разумеется, невозможно.

— Это верно, невозможно. Но дело не в этом. Я чувствовал нити ощущения личной ответственности, связанной с глубоким страхом потери. Я обследовал все мозги на борту и при-

шел к выводу, что капитан намеренно послал свой корабль наперерез аврорианскому.

— Но этого тоже не может быть, — сказал Дэниел.

— А я принял это. Моим первым побуждением было изменить эмоциональный настрой капитана и вынудить его изменить курс, но я не смог. Его мозг был насыщен решимостью и, несмотря на тревогу, напряжение и страх потери, такой уверенностью в успехе...

— Как же могли одновременно существовать страх потери и чувство уверенности в успехе?

— Друг Дэниел, я перестал удивляться способностям человеческого мозга одновременно содержать две противоположные эмоции, я просто принимаю их. В данном случае, если бы я попытался заставить капитана изменить курс корабля, я мог бы убить его. Этого я не смог сделать.

— Но тогда могли бы погибнуть люди на корабле, включая мадам Глэдию и еще несколько сотен человек на аврорианском корабле.

— Они не должны были погибнуть, если капитан был прав в своей уверенности в успехе. Я не мог бы пожертвовать человеческой жизнью, чтобы предупредить всего лишь вероятную гибель многих. В этом-то и трудность, друг Дэниел, с твоим Нулевым Законом. Первый Закон имеет дело с индивидуумом и уверенностью, а твой Нулевой Закон — с неопределенной группой и вероятностью.

— Люди на борту корабля — не неопределенная группа, это собранные вместе отдельные индивидуумы.

— Но если бы я принял решение, то оно повлияло бы на судьбу одного индивидуума. Тут я ничего не могу поделать.

— Но все-таки ты что-то сделал?

— Я в отчаянии пытался воздействовать на мозг командира аврорианского корабля после прыжка, который приблизил нас к нему, но не смог — слишком велико расстояние. Однако попытка оказалась не совсем бесплодной: я определил нечто вроде слабого гула. Я не сразу понял, что принял ощущения всех людей на борту аврорианского корабля. Отфильтровать этот слабый гул от более сильных ощущений, идущих от нашего корабля, — трудная задача.

— Я думаю, вообще невозможная, друг Жискар.

— Почти невозможная, но с огромными усилиями я все-таки смог это сделать. Как я ни старался, я не мог выделить ни

одного индивидуального мозга. Когда мадам Глэдия стояла перед толпой в Бейлимире, я ощущал сумбурную путаницу мозгов, но сумел выделить то тут, то там индивидуальный мозг хотя бы на миг. Но в этом случае так не было. — Жискар замолчал, погрузившись в раздумья.

— Я думаю, — сказал Дэниел, — это похоже на то, как мы различаем отдельные звезды в скоплении их, когда они относительно близки. Но в далекой Галактике мы видим только слабое свечение, а отдельных звезд не различаем.

— Удачная аналогия, друг Дэниел. Когда я сосредоточился на слабом, но далеком шуме, мне показалось, что я смутно различаю в нем всплеск страха. Я не был уверен, но решил попробовать. Я никогда еще не пытался оказать влияние на таком расстоянии, но все-таки постарался усилить этот страх. Не могу сказать, удалось ли это.

— Аврорианский корабль ушел. Значит, тебе удалось.

— Это еще ничего не значит. Он мог уйти и без моих усилий.

Дэниел задумался.

— Мог. Если наш капитан был так уверен, что тот корабль уйдет.

— С другой стороны, — сказал Жискар, — я не думаю, что у капитана были основания для такой уверенности. Мне казалось, что эта уверенность смешивалась с чувством благоговения и почтения к Земле. Эта уверенность была подобна тому доверию, какое испытывают дети по отношению к своим родителям, защитникам и тому подобным. Капитан верил, что Земля не даст ему пропасть рядом с ней. Чувство, конечно, нерациональное.

— В этом ты, без сомнения, прав, друг Жискар. Капитан при нас говорил о Земле весьма почтительно. Поскольку Земля не может реально влиять мистическим образом на развитие событий, вполне можно предположить, что имело место именно твое влияние. Больше того...

Глаза Жискара тускло засветились.

— О чем ты, друг Дэниел?

— Я думаю, что индивидуальный человек конкретен, а все человечество абстрактно. Определив слабый шум на аврорианском корабле, ты определил не индивидуума, а часть человечества. Если бы ты был ближе к Земле и если бы посторонний шум был достаточно слабым, разве ты не уловил бы гул

мыслительной активности всего населения Земли? И потом, разве нельзя представить, что в Галактике присутствует гул мысленной активности всего человечества? Как тогда быть с предположением, что все человечество — абстракция? Оно нечто такое, что ты можешь указать. Подумай об этом в связи с Нулевым Законом и увидишь, что расширение Законов роботехники оправдано — оправдано твоим же собственным опытом.

Жискар долго молчал, потом медленно сказал, будто подбирал слова:

— Наверное, ты прав. Однако же на Земле мы, может быть, сумеем воспользоваться Нулевым Законом, но пока не знаем как. Мы вроде бы знаем, что кризис, перед которым стоит Земля, включает использование атомного усилителя, но, насколько нам известно, на Земле нет ничего такого, на чем мог бы работать усилитель. Что же мы будем делать на Земле?

— Пока не знаю, — грустно ответил Дэниел.

75

Шум!

Глэдия тревожно прислушивалась. Это был не стук чего-то обо что-то, не скрип, не грохот, не взрыв. Его вообще нельзя было назвать каким-то словом. Он был мягким, ненавязчивым, то громким, то тихим, но не умолкавшим ни на миг.

Д. Ж. заметил, что она прислушивается.

— Мы называем это «гудением города», Глэдия.

— Он когда-нибудь прекращается?

— В сущности, никогда — а что ты думала? Если ты стоишь в поле, то слышишь ветер, шорох листьев, жужжание насекомых, крики птиц, журчание ручья. Это тоже никогда не прекращается.

— Это совсем другое.

— Нет, то же самое. Это смешение звуков работы машин и различных шумов, производимых людьми, но в принципе то же самое, что и шум в поле. К полям ты привыкла и не слышишь их шума. Земляне тоже не слышат шума города, за исключением тех редких случаев, когда возвращаются из сельской местности. Тогда они снова слышат его и радуются. Завтра ты тоже перестанешь замечать его.

Глэдия задумчиво посмотрела вокруг с маленького балкона:

— Как много домов!

— Это верно. Улицы тянутся во все стороны на много километров, и вверх, и вниз тоже. Это ведь не просто город, как на Авроре или Бейлимире. Это Город с заглавной буквы. Города существуют только на Земле.

— Стальные пещеры, я знаю. Ведь мы под землей, верно?

— Да. Должен сказать, что я и сам не сразу привык, когда впервые приехал на Землю. Куда ни пойдешь, везде полно народу. Тротуары, дороги, площади — все забито людьми. Всюду мягкий свет, похожий на солнечный, но солнца нет, и даже не знаешь, светит ли оно наверху или закрыто тучами, или вообще мир погружен в ночную темноту.

— Это делает город каким-то замкнутым. Люди дышат одним и тем же воздухом.

— Верно, но ведь так и в любом мире, везде.

— Не так. — Она принюхалась. — Пахнет.

— Все планеты пахнут. Даже города на Земле пахнут поразному. Ты привыкнешь.

— А люди не задыхаются?

— Хорошая вентиляция.

— А если она сломается?

— Этого никогда не бывает.

Глэдия снова огляделась:

— Кажется, у всех домов балконы.

— Это признак общественного положения. Очень немногие имеют квартиры с наружными стенами, и те, кто их имеет, хотят пользоваться этим преимуществом. Большинство горожан обитает в жилищах без окон.

Глэдия поежилась:

— Ужасно! А как называется этот город?

— Нью-Йорк, главный город, но не самый большой. На этом континенте самые большие Мехико и Лос-Анджелес, а на других континентах есть города больше Нью-Йорка.

— Но почему же Нью-Йорк главный?

— По обычной причине: здесь помещается правительство планеты, Объединенные Нации.

— Нации? Земля была разделена на несколько независимых политических единиц, верно?

— Верно. На десятки. Но это было до гиперкосмических путешествий. А название осталось. Это как раз и удивительно

на Земле. Застывшая история. Все остальные миры новые и незначительные. Только Земля — человечество в своей сути, — прошептал Д. Ж. и вернулся в комнату.

Комната была невелика и очень скудно обставлена.

— А почему никого нет? — разочарованно спросила Глэдия.

Д. Ж. засмеялся:

— Не огорчайся, дорогая. Если тебе нужны парады и внимание, то все это будет. Просто я попросил оставить нас одних на некоторое время. Хочется немного мира и покоя, думаю, и тебе тоже. Что касается моих людей, то они на корабле: чистят его, возобновляют запасы, занимаются своими делами.

— А, женщины.

— Нет, я не это имел в виду, хотя женщины тоже сыграют свою роль, но позже. Под делами я подразумевал, что Земля все еще имеет религии, и это почему-то утешает людей. Во всяком случае, здесь, на Земле. Здесь они как-то больше значат.

— Ну-ну, — немного пренебрежительно сказала Глэдия. — Застывшая история. Как ты думаешь, мы можем немного пройтись?

— Послушай моего совета, Глэдия, не лезь сразу в дела. Их у тебя будет много, когда начнутся церемонии.

— Но это все будет официально. А нельзя обойтись без них?

— Никоим образом. Поскольку ты упорно стремилась стать героиней Бейлимира, придется быть ею и на Земле. А церемонии в конце концов кончатся, и, когда ты отдохнешь от них, мы возьмем гида и как следует посмотрим город.

— А мне можно будет взять с собой роботов? — Она показала на роботов, которые стояли в другом конце комнаты. — Я обходилась без них, когда была с тобой на корабле, но в толпе чужих людей я буду чувствовать себя в большей безопасности, если мои роботы будут рядом.

— С Дэниелом нет проблем. Он и сам герой. Он был партнером Предка и может сойти за человека, а вот Жискар — явный робот, и, по идее, его нельзя допускать в город, но в данном случае сделано исключение, и я надеюсь, что так будет и в дальнейшем. Вообще-то плохо, что мы должны ждать здесь и не можем выйти.

— Ты хочешь сказать, что мне пока противопоказан весь этот шум?

— Нет, я не имею в виду общественные парки и дороги. Я должен был бы провести тебя по коридорам этого здания.

Они тянутся буквально на километры и составляют лишь малую часть города. Здесь магазины, столовые, места для развлечений, туалеты, лифты, переходы и прочее. На одном этаже одного дома в одном городе на Земле больше цвета и разнообразия, чем в целом поселенческом городе или во всем Внешнем мире.

— Тут, наверное, легко заблудиться.

— Нет. Здесь каждый хорошо знает зону, в которой живет, и даже больше. Даже иноземцам достаточно только следить за указателями.

— Я полагаю, что люди просто вынуждены гулять для своего же физического блага, — с сомнением сказала Глэдия.

— И для социального тоже. В коридорах все время полно народу, и обычно люди останавливаются, чтобы поболтать с приятелем, а незнакомых просто приветствуют. Ходить пешком просто необходимо, потому что лифты двигаются только вверх-вниз. Снаружи здания, конечно, есть экспресс-линия. Вот это да! Ты обязательно покатаешься.

— Я слышала о них. Это полосы, на которые надо забираться, а они тащат тебя все быстрее и быстрее, или наоборот, медленнее и медленнее, когда переходишь с одной на другую. Я не могу. И не проси.

— Я тебе помогу. Надо будет — на руках понесу. Но вообще-то тут нужно очень немного практики. Все земляне пользуются экспресс-путями, даже малыши и старики с палками. Должен признаться, что поселенцы довольно неуклюжи. Я тоже не чудо грации, но могу. И ты сможешь.

Глэдия тяжело вздохнула:

— Ну ладно, попробую. Но вот что я хочу тебе сказать, дорогой. Нам нужна по возможности тихая комната на ночь. Мне бы не хотелось слышать это ваше «гудение города».

— Я думаю, это можно устроить.

— И я не хочу есть в столовых.

— Ну, можно договориться, чтобы еду принесли сюда, — нерешительно сказал Д. Ж., — но тебе лучше принимать участие в общественной жизни Земли. К тому же я буду с тобой.

— Может быть, через некоторое время, Диджи, но не сейчас. И потом, мне нужен отдельный туалет.

— О нет, это невозможно. В комнате, которую нам дадут, будет умывальник и унитаз, но если ты намерена принять душ или ванну, тебе придется выйти. Есть женщина, которая по-

знакомит тебя с процедурой и выделит тебе кабинку, или что там у них. Тебе никто не будет мешать. Все поселенцы пользуются общественными туалетами. В конце концов, это может тебе понравиться, Глэдия. Мне говорили, что в женском туалете очень оживленно и весело. А вот в мужском, наоборот, не разрешается говорить. Очень глупо.

— Это ужасно, — пробормотала Глэдия. — Как же можно быть все время на людях?

— В перенаселенном мире нужда заставляет, — беззаботно ответил Д. Ж. — Чего никогда не имел, о том никогда не скучаешь. Хочешь еще какой-нибудь афоризм?

— Нет, пожалуй.

Глэдия выглядела удрученно, и Д. Ж. обнял ее за плечи.

— Ну ладно. Все будет не так плохо, как ты думаешь. Обещаю тебе.

76

В общем-то, все оказалось не таким ужасным. И Глэдия с благодарностью думала о Бейлимире, который некоторым образом подготовил ее к встрече с человечеством. Народу в Нью-Йорке было куда больше, чем в Поселенческом мире, но здесь толпы не так докучали Глэдии.

Члены правительства стремились встретиться с ней. Шла бессловесная вежливая борьба за то, чтобы попасть вместе с гостьей на гипервизионный экран. Полицейские кордоны отделяли ее не только от толпы, но и от Д. Ж. и роботов. Ее даже вежливо подталкивали, чтобы она смотрела только в камеру.

Глэдия слушала бесчисленные речи, к счастью, короткие, но не слышала их. Она то и дело вежливо улыбалась, сверкая имплантированными зубами во все стороны, чтобы никого не обидеть.

Она ехала в наземном каре по многокилометровым дорогам, и толпы, выстроившиеся по обочинам, выкрикивали приветствия и махали руками. Вряд ли кого-нибудь из космонитов земляне встречали с таким восторгом, думала Глэдия и считала свой случай беспрецедентным.

В одном месте она заметила толпу, окружившую гипервизионный экран, и мельком увидела на нем свое изображение. Она знала, что они слушают ее речь в Бейлимире. Запись передавали повсюду и без конца, неустанно, и превеликое множество людей слушали ее вновь и вновь. Когда-то ее услышат во Внешних мирах, думала Глэдия.

Может, ее посчитают предательницей аврорианского народа, и здешний прием послужит тому доказательством? Возможно. Глэдию это не беспокоило. Она явилась с миссией мира и будет следовать ей без колебаний, куда бы эта миссия ни завела ее, даже в невероятную оргию массового мытья и навязчивого бессознательного эксгибиционизма в женском туалете, которую она наблюдала утром. Ну, может, не совсем без колебаний...

Они подъехали к одной из экспресс-дорог, о которых говорил Д. Ж., и Глэдия с откровенным ужасом посмотрела на бесконечную вереницу пассажирских каров, которые шли, шли и шли, и во всех были люди, которые спешили по делам — или просто не хотели толкаться — и с интересом разглядывали толпу и процессию, проезжая мимо.

Затем кар нырнул под экспресс-дорогу в короткий тунель, ничем не отличавшийся от перехода наверху — город весь был пронизан туннелями, — и снова вынырнул на другой стороне.

Наконец они остановились у огромного здания, которое выглядело, к счастью, более привлекательным, чем бесконечные одинаковые блоки жилых кварталов.

В здании состоялся еще один прием, где подавали спиртные напитки и различные закуски. Привередливая Глэдия ни до чего не дотрагивалась. Тысячи людей крутились вокруг и без конца подходили к ней, чтобы поговорить.

Видимо, пожимать руки на сей раз было необязательно, но некоторые протягивали руку, и Глэдия, стараясь не показать замешательство, касалась двумя пальцами протянутой ладони и тут же убирала руку.

Несколько женщин собрались удалиться в ближайший туалет, и одна из них— очевидно, так было принято — тактично спросила Глэдию, не хочет ли она составить им компанию. Особой необходимости Глэдия не ощущала, но подумала, что впереди целая ночь, и позже, возможно, будет трудней уйти.

В туалете, как всегда, смеялись и болтали. Будучи закаленной своим утренним опытом, Глэдия уже не удивлялась, обнаружив, что у кабинок отсутствуют двери. Видя, что никого это не смущает, Глэдия постаралась убедить себя, что надо при-

выкать к местным обычаям. По крайней мере здесь было чисто и отлично работала вентиляция.

На Дэниела и Жискара никто не обращал внимания. Это делалось, как поняла Глэдия, из доброты: роботы в город не допускались, несмотря на то что за его пределами роботов было немало. Присутствие Дэниела и Жискара нарушало закон, поэтому было проще притвориться, что их тут и нет.

Когда начался банкет, они тихонько сидели за столом с Д. Ж. недалеко от возвышения, на котором сидела Глэдия и очень мало ела, размышляя, не расстроится ли у нее желудок.

Д. Ж., видимо, не слишком довольный своей ролью хранителя роботов, не спускал с Глэдии глаз. Время от времени она махала ему рукой и улыбалась.

Жискар, тоже следивший за Глэдией, решил поговорить с Дэниелом под звук человеческих голосов и стук посуды.

— Друг Дэниел, в этом зале сидят высокопоставленные чиновники. Может быть, у кого-нибудь из них есть полезная для нас информация.

— Возможно, друг Жискар. Ты можешь ее обнаружить?

— Нет. Ментальный фон не дает мне специфических эмоциональных реакций. И случайных всплесков в моем непосредственном окружении тоже нет. Но кризис, я уверен, быстро приближается, пока мы сидим здесь и ничего не делаем.

— Я попытаюсь действовать, как действовал бы партнер Элайдж, и форсирую темп, — серьезно сказал Дэниел.

77

Дэниел спокойно разглядывал собравшихся и наконец нашел то, что искал. Он встал и направился к другому столу, пристально глядя на женщину, которая ухитрялась быстро есть и одновременно разговаривать с мужчиной, сидевшим рядом с ней. Она была крепкой, коренастой, в коротких волосах блестела седина. Лицо немолодое, но приятное.

Дэниел подождал, надеясь, что они умолкнут хоть на миг, но не дождался и спросил:

— Мадам, не могу ли я прервать вас?

Она посмотрела на него испуганно и явно недовольно.

— Да, — грубовато сказала она. — В чем дело?

— Мадам, я прошу прощения, что мешаю, но не позволите ли вы мне поговорить с вами?

Она хмуро посмотрела на него, а затем ее лицо смягчилось.

— Судя по вашей исключительной учтивости, вы робот, верно?

— Я робот леди Глэдии, мадам.

— Да, но вы совсем как человек. Вы Р. Дэниел Оливо?

— Это мое имя, мадам.

Женщина повернулась к мужчине:

— Пожалуйста, извините меня, я просто не могу отказать этому роботу.

Ее сосед неопределенно улыбнулся и сосредоточился на блюде, стоявшем перед ним.

— Если у вас есть стул, — обратилась женщина к Дэниелу, — почему бы не принести его сюда? Я буду рада поговорить с вами.

— Спасибо, мадам.

Дэниел принес стул и сел.

— Вы в самом деле Дэниел Оливо? — спросила женщина.

— Это мое имя, мадам, — снова ответил Дэниел.

— Я имею в виду того, кто когда-то работал с Элайджем Бейли. Вы не новая модель того же наименования? Вы не Р. Дэниел Четвертый или еще какой-нибудь?

— Во мне мало что осталось. За прошедшие двести лет многое было заменено, модернизировано, улучшено, но мой позитронный мозг тот же, что и был, когда я работал с Элайджем на трех разных планетах и однажды на космическом корабле. Его не меняли.

— Прекрасно! — Она с восхищением посмотрела на него. — Вы явно хорошей работы. Если бы все роботы были такие, как вы, я бы не возражала против вас. О чем же вы хотели поговорить со мной?

— До того как мы все сели, вы подходили к леди Глэдии, мадам, и представились ей как заместитель министра по энергетике, София Квинтана.

— Вы правы. Это мое имя и должность.

— Ваши полномочия распространяются на всю Землю или только на город?

— Это всепланетное министерство.

— Значит, вы разбираетесь в энергетических полях?

Квинтана улыбнулась. Она, казалось, не имела ничего про-

тив того, чтобы ее допрашивал робот, — это ее забавляло, а может, привлекал серьезный вид Дэниела или сам факт, что робот может задавать такие вопросы. Во всяком случае, она с улыбкой ответила:

— Я специализировалась по энергетике в Калифорнийском университете и имею степень магистра. А насколько я разбираюсь — трудно сказать. Я много лет на административной работе, кое-что могла и забыть.

— Но вы, вероятно, хорошо знакомы с практическими аспектами энергоснабжения Земли в настоящее время, не так ли?

— Да. Верно. Вы хотите что-то узнать об этом?

— Кое-что вызывает у меня любопытство, мадам.

— Любопытство? У робота?

Дэниел наклонил голову.

— Если робот достаточно сложен, он ощущает в себе нечто, ищущее информацию. Это аналогично тому, что люди называют любопытством, и я свободно пользуюсь этим словом, имея в виду свои ощущения.

— Очень хорошо. Так что вас интересует, Р. Дэниел? Могу я называть вас так?

— Да, мадам. Как я понимаю, земное энергоснабжение осуществляют станции солнечной энергии, расположенные на геостационарной орбите в экваториальной плоскости Земли?

— Правильно.

— Эти станции — единственный источник энергии для планеты?

— Нет. Они главные, но не единственные. Широко используется энергия внутреннего ядра Земли, энергия ветра, волн, течения рек и так далее. Есть и комплексные смеси, и каждый вариант имеет свои достоинства. Но солнечная энергия все-таки основное.

— Вы не упомянули об атомной энергии, мадам. Вы не используете микросинтез?

Квинтана подняла брови.

— Вы интересуетесь именно этим, Р. Дэниел?

— Да, мадам. Какова причина отсутствия источников атомной энергии на Земле?

— Они не отсутствуют, Р. Дэниел. Они используются, но не широко, например в роботах. Их у нас, как вы знаете, много в сельскохозяйственных районах. В вас, кстати, тоже есть эти источники?

— Да, мадам.

— Кое-где есть машины, использующие этот вид энергии, но очень мало.

— Правда ли, мадам Квинтана, что источники энергии микросинтеза чувствительны к действию атомных усилителей?

— Наверняка. Да, конечно. Такой источник взорвется.

— Не может ли быть, чтобы кто-нибудь с помощью атомного усилителя всерьез повредил основную часть системы энергоснабжения Земли?

Квинтана засмеялась:

— Нет, ни в коем случае. Во-первых, я не думаю, чтобы кто-то таскался с атомным усилителем с места на место. Он же весит несколько тонн, и вряд ли его можно протащить по улицам и коридорам города. Такая попытка наверняка была бы замечена. Во-вторых, если бы атомный усилитель вступил в игру, ему удалось бы разрушить всего лишь несколько роботов и машин до того, как его обнаружили бы и обезвредили. Шансы повредить нам таким образом — нулевые. Вы это хотели услышать, Р. Дэниел?

Ему дали понять, что разговор окончен.

— Есть еще два небольших вопроса, которые я хотел бы задать, мадам Квинтана. Почему на Земле так мало используются источники микросинтеза? Все Внешние миры зависят от них, все Поселенческие — тоже. Устройство это портативное, многостороннее, дешевое, не требует больших усилий по уходу, ремонту и перемещению.

— И, как вы сами сказали, Р. Дэниел, чувствительное к атомному усилителю.

— Но, как вы сказали, мадам Квинтана, атомные усилители слишком тяжелы и громоздки, чтобы ими широко пользоваться.

Квинтана улыбнулась и кивнула:

— Вы очень умны, Р. Дэниел. Мне никогда и в голову не приходило, что я буду вести подобную дискуссию с роботом. Ваши аврорианские роботехники очень умелы, даже слишком, поэтому я боюсь вести такой разговор. Вы знаете, у нас есть легенда о роботе Стивене Байерли, занимавшем высокий пост в правительстве.

— Это, вероятно, просто выдумка, мадам Квинтана, — серьезно сказал Дэниел. — Ни в одном из Внешних миров нет роботов на правительственных постах. Мы просто роботы.

— Приятно слышать. Пойдем дальше; различие в источниках энергии имеет исторические корни. Когда широко распространились гиперпространственные путешествия, у нас были источники микросинтеза, и люди, оставляя Землю, брали их с собой. Они были необходимы на космическом корабле и на планетах тоже в течение поколений. Чтобы построить комплекс станций солнечной энергии, требовалось много лет, и, пока эта задача выполнялась, эмигранты пользовались реакторами микросинтеза. Так было в свое время и с космонитами, так теперь и с поселенцами. На Земле же использование солнечной энергии и микросинтеза развилось примерно в одно время и использовалось и то и другое. Наконец у нас появился выбор — и мы выбрали солнечную энергию.

— Мне это кажется странным, мадам. Почему же не обе?

— На этот вопрос нетрудно ответить, Р. Дэниел. В прежние времена Земля экспериментировала с примитивными формами атомной энергии, люди Земли увидели в микросинтезе форму ядерной энергии и отказались от нее. В других мирах, не имевших нашего опыта с примитивными формами ядерной энергии, не было причин отказываться от микросинтеза.

— Могу я спросить, что это были за примитивные формы?

— Расщепление урана. Оно радикально отличается от микросинтеза. Распад включает в себя расщепление массивного ядра, такого, как ядро урана. Микросинтез включает в себя объединение легких ядер, таких, как ядро водорода. Но и то и другое — формы ядерной энергии.

— Я полагаю, уран должен быть топливом для расщепляющих приборов.

— Да, или другие тяжелые атомы вроде тория или плутония.

— Но это исключительно редкие металлы.

— Эти элементы редки на других планетах, на Земле же они хоть и не очень обычны, но и не редки. Уран и торий широко распространены в земной коре в малых количествах, но в некоторых местах они сконцентрированы.

— Сохранились ли сейчас на Земле какие-нибудь расщепляющие приборы, мадам?

— Нет, нигде и ни в каком виде. Люди будут скорее жечь нефть или даже дерево, чем расщепленный уран. Даже само слово «уран» запрещено в приличном обществе. Будь вы человеком и землянином, вы не задали бы такого вопроса, а я не ответила бы.

— Но вы уверены в этом, мадам? — настаивал Дэниел. — Может быть, такие секретные устройства используются в целях национальной безопасности?

— Нет, робот, — хмуро сказала Квинтана. — Я же сказала вам, такого устройства нет.

Дэниел встал.

— Благодарю вас, мадам, и приношу извинения, что отнял у вас время и коснулся щекотливой темы. С вашего разрешения я вас сейчас оставлю.

Квинтана небрежно махнула рукой:

— Всего доброго, Р. Дэниел. — Она снова повернулась к соседу, уверенная, что в этой толпе землян никто не пытался подслушать разговор, а если и подслушал, то не понял ничего, и сказала: — Могли бы вы представить себе дискуссию об энергетике с роботом?

Дэниел вернулся на свое место и тихо сказал Жискару:

— Ничего, друг Жискар. Ничего полезного. — И грустно добавил: — Может, я задавал неправильные вопросы? Партнер Элайдж задал бы правильные.

Глава 17

ПОКУШЕНИЕ

78

Генеральный секретарь Эдгар Эндрю, Глава исполнительной власти Земли, был высоким и видным мужчиной, гладко выбритым по космонитской моде. Он двигался размеренным, спокойным шагом, словно выставляя себя напоказ; казалось, он нравился самому себе. Голос его, пожалуй, излишне высокий для его фигуры, иногда становился скрипучим. Упрямым он вроде не был, но сдвинуть его было нелегко. Не удалось и на этот раз.

— Нет, — твердо сказал он Д. Ж., — она должна появиться.

— У нее был тяжелый день, Генеральный секретарь, — возразил Д. Ж. — Она не привыкла к толпе, а я отвечаю за ее благополучие перед Бейлимиром, и моя личная честь поставлена на карту.

— Я вхожу в ваше положение, — сказал Эндрю, — но я

представляю Землю и не могу лишить ее жителей возможности увидеть леди Глэдию. Коридоры полны народа, гипервизионщики наготове, и я при всем желании не могу прятать леди. Да, в сущности, долго ли это продлится? Полчаса? Потом она может уйти и не появляться до завтрашнего вечера, когда ей придется выступать.

Д. Ж. мгновенно изменил тон разговора.

— Надо обеспечить ей комфорт. Она должна держаться на некотором расстоянии от толпы.

— Поставим надежный кордон. Отгородим ее от людей на достаточном пространстве. Отодвинем зрителей подальше. Сейчас они уже волнуются. Если мы не объявим, что она вскоре появится, могут начаться беспорядки.

— Это не было предусмотрено, — сказал Д. Ж. — Это небезопасно. Некоторые земляне не любят космонитов.

Генеральный секретарь пожал плечами:

— Как я мог вас предупредить? В настоящий момент она героиня и не может отказаться выйти. Никто не причинит ей зла, ее только хотят приветствовать; но если она не появится — дело другое. А теперь пойдемте-ка.

Д. Ж. недовольно повернулся и встретил взгляд Глэдии. Она казалась усталой и несчастной.

— Придется, Глэдия. Ничего не поделаешь.

Она посмотрела на свои руки, словно соображая, могут ли они защитить ее, затем выпрямилась и вздернула подбородок — маленькая космонитка посреди толпы варваров.

— Должна так должна. Ты останешься со мной?

— Если меня не оттащат силой.

— А мои роботы?

Д. Ж. замялся.

— Глэдия, разве два робота могут помочь тебе среди миллионов людей?

— Я знаю, Диджи. И знаю также, что в конце концов останусь без них, если буду продолжать выполнять свою миссию! Но не сразу! А сейчас я буду чувствовать себя с ними в безопасности, есть в этом смысл или нет. Если земные чиновники хотят, чтобы я вышла к толпе, улыбалась, махала рукой и так далее, присутствие Дэниела и Жискара поможет мне. Видишь ли, Диджи, я заставляю себя, хотя мне это неприятно и больше всего хотелось бы уехать. Так пусть и они уступят мне в такой малости.

— Попробую, — явно обескураженно сказал Д. Ж.

Он снова подошел к Эндрю. Жискар спокойно последовал за ним.

Через несколько минут Глэдия в окружении отобранного контингента официальных лиц двинулась к открытому балкону. Д. Ж. держался чуть позади нее, а по бокам шли Дэниел и Жискар.

Генеральный секретарь жалобно сказал:

— Ладно. Я не знаю, как вам удалось уговорить меня, но ладно. — Он потер лоб, чувствуя легкую боль в виске, встретился взглядом с Жискаром и, вздрогнув, отвернулся. — Но пусть они стоят неподвижно, капитан, помните. И пожалуйста, присмотрите, чтобы тот, кто выглядит, как робот, не высовывался и не привлекал к себе внимания. Мне от него както не по себе, и я не хочу, чтобы люди знали о нем больше, чем уже знают.

— Они будут смотреть на Глэдию, Генеральный секретарь, — пообещал Д. Ж., — и больше ни на кого.

— Надеюсь, — раздраженно сказал Эндрю.

Он вздохнул, остановился, чтобы взять капсулу с сообщением, которую кто-то протянул ему, машинально сунул ее в карман и пошел дальше.

79

Глэдия чувствовала себя все хуже — людей все прибывало, шум становился все громче, свет — все ярче, впечатления — все острее.

Раздались крики. Она слышала, как в толпе выкрикивают ее имя. Она с трудом подавила желание убежать и спрятаться.

Она подняла руки, помахала и улыбнулась. Шум стал громче. Кто-то заговорил; его изображение появилось на громадном экране над балконом, чтобы вся толпа могла видеть. Конечно, происходящее транслировалось на бесчисленных экранах каждого города на планете.

Глэдия облегченно вздохнула, когда луч света высветил на сцене не ее. Она пыталась съежиться, стать незаметной, чтобы внимание аудитории сосредоточилось на говорившем.

Генеральный секретарь Эндрю, кажется, обрадовался, что благодаря Глэдии ему не придется выступать. И тут он вспом-

нил о послании, лежавшем в его кармане, и встревожился: что заставило передавшего вмешаться в торжественную церемонию? Скорее всего сущий пустяк, с раздражением подумал он.

Он нажал пальцем на капсулу, извлек тонкий листок пластика, прочел сообщение и подождал, пока листок рассыплется. Смахнув оставшуюся от листка пыль, он сделал знак Д. Ж.

Шептаться не пришлось — на площади было шумно.

— Вы говорили, что в пространстве Солнечной системы встретились с аврорианским кораблем? — спросил Эндрю.

— Да, я думаю, что земные сенсоры засекли его.

— Конечно, засекли. Вы сказали, что ни с одной стороны враждебных действий не предпринималось.

— Оружие не использовалось. Они потребовали передать им мадам Глэдию и ее роботов, я отказался, и они ушли. Я обо всем этом докладывал.

— Как долго это продолжалось?

— Недолго, несколько часов.

— Вы хотите сказать, что Аврора послала военный корабль только для того, чтобы вы могли поболтать с командиром пару часов, а затем разойтись?

Д. Ж. пожал плечами:

— Генеральный секретарь, я не знаю их мотивов. Я могу только доложить, что произошло.

Генеральный секретарь высокомерно взглянул на него:

— Но вы рассказали не обо всем. Информация сенсоров теперь проанализирована компьютером, и выходит, что вы напали.

— Я не истратил ни одного киловатта, сэр.

— А кинетическую энергию вы не учитываете? Вы воспользовались кораблем как снарядом.

— Вероятно, аврорианам так показалось. Они не подумали, что это блеф.

— А это был блеф?

— Да.

— Мне кажется, капитан, что вы намеревались столкнуть два корабля внутри Солнечной системы и вызвать этим вооруженный конфликт. Все к тому шло.

— Но я не хотел уничтожить их корабль, и этого не случилось.

— Но вся эта катавасия отвлекла ваше внимание.

— От чего, Генеральный секретарь?

— Они выпустили орбитальный модуль, который направился к Земле. На борту, похоже, были двое.

Казалось, из присутствующих никто на балконе не обращал внимания на собеседников, увлекшихся разговором. Только два робота смотрели на них и слушали.

В это время оратор закончил свою речь словами:

— Леди Глэдия, космонитка, рожденная на планете Солярия, живущая на планете Аврора, но ставшая гражданкой Галактики на поселенческой планете Бейлимир... — Он повернулся и раскинул руки. — Леди Глэдия!

Толпа разразилась радостными воплями и замахала руками. Глэдия почувствовала легкое прикосновение к своему плечу и услышала голос у самого уха:

— Прошу вас, мадам, несколько слов.

— Люди Земли!.. — нерешительно начала Глэдия. Стало тихо. Глэдия повторила увереннее: — Люди Земли, я стою перед вами, такой же человек, как и вы. Я немного старше, это верно, но мне не хватает вашей юности, ваших надежд, вашего энтузиазма. Однако в вашем присутствии я чувствую, как меня захватывает ваш огонь, и перестаю думать о возрасте.

Раздались аплодисменты, и на балконе кто-то кому-то сказал:

— Она заставляет их радоваться короткой жизни. Космонитка чертовски нахальна!

Эндрю не обратил внимания на эти слова. Он разговаривал с Д. Ж.:

— Всю эту историю с вами, видимо, выдумали для того, чтобы переправить двоих людей на Землю.

— Но я же не знал, — сказал Д. Ж. — Я мог думать только о спасении леди Глэдии и моего корабля. Где они высадились?

— Неизвестно. Они не могли высадиться ни в одном космопорту города.

— Верно.

— Впрочем, это не имеет значения, — сказал Генеральный секретарь. — Неприятно, конечно. За прошедшие несколько лет было множество высадок такого рода, правда, ни одна так тщательно не готовилась.

Однако ничего никогда не случалось, и мы не беспокоились. В конце концов, Земля — открытый мир. Это дом человечества, и любой человек из любого мира может свободно приезжать и уезжать — даже космониты, если пожелают.

Д. Ж. поскреб бороду.

— Тем не менее их намерения не обещают нам ничего хорошего.

А Глэдия в это время говорила:

— Я желаю вам всем добра на этой родине человечества, в этом чудесном городе. — И с удовольствием слушала аплодисменты, улыбалась и махала рукой.

Эндрю заговорил громче:

— Каковы бы ни были их намерения, они ни к чему не приведут. С тех пор как космониты ушли, на Земле царит мир, а поселенчество крепнет. Уже многие десятилетия сумасбродные головы уезжают в Поселенческие миры, так что типа вроде вас, капитан, который рискнул бы уничтожить два корабля в пространстве Солнечной системы, на Земле не найти. На Земле больше нет серьезных преступлений, нет насилия. Полицейским приказано контролировать эту толпу, но без оружия, потому что оно не нужно.

Пока он говорил, кто-то в толпе поднял бластер и тщательно прицелился.

80

Все случилось почти одновременно.

Привлеченный каким-то движением, Жискар быстро повернулся к толпе. Дэниел взглянул туда же, увидел бластер и, не задумываясь, прыгнул. Его реакции были быстрее человеческих.

Раздался выстрел.

Люди на балконе на секунду замерли, а затем громко завопили.

Д. Ж. схватил Глэдию и оттащил ее в сторону.

Дэниел прыгнул на Жискара и повалил его на пол.

Луч бластера прожег дыру в потолке комнаты за балконом и, если бы Жискар не упал, угодил бы прямо ему в голову.

— Это не человек, — прошептал Жискар. — Это робот.

Помогая Жискару подняться, Дэниел быстро огляделся вокруг.

Высота балкона составляла метров шесть, пространство перед ним было пусто. Охранники пробивались к тому месту в толпе, откуда стреляли.

Дэниел перемахнул через перила балкона и побежал к толпе. Его металлический каркас словно поглотил потрясение, с которым не сразу справились люди.

У Дэниела не было выбора. Он никогда еще не встречался ни с чем подобным.

Во что бы то ни стало нужно было добраться до робота с бластером прежде, чем его уничтожат, и, думая об этом, Дэниел обнаружил, что впервые за все свое существование пренебрег обязанностью не наносить индивидуальным человеческим существам вреда. Он готов был расталкивать их. Он на самом деле расталкивал их, зычно крича:

— Дорогу! Дорогу! Типа с бластером надо допросить!

Охранники, бежавшие сзади, наконец нашли его, лежавшего на земле и, похоже, избитого. Земляне, которые так гордились, что у них на планете нет насилия, пришли в бешенство. Стрелявшего повалили, били кулаками и ногами. Его могли бы разорвать на части, но толпа оказалась настолько густой, что попытки сделать это успехом не увенчались.

Охранники с трудом отогнали толпу. Рядом с поверженным роботом лежал бластер.

Не обращая внимания на оружие, Дэниел опустился на колени рядом с нападавшим.

— Ты можешь говорить? — спросил он. На Дэниела уставились светлые глаза.

— Могу, — ответил террорист негромко, но совершенно нормальным голосом.

— Тебя сделали на Авроре?

Ответа не последовало. Дэниел быстро сказал:

— Я знаю, что на Авроре. Это был лишний вопрос. Где твоя база на этой планете?

Снова молчание.

— Где твоя база? — повторил Дэниел. — Ты должен отвечать. Я приказываю.

— Ты не можешь приказывать мне. Ты — Р. Дэниел Оливо. Я слышал о тебе и повиноваться тебе не должен.

Дэниел поднял глаза и дотронулся до ближайшего охранника.

— Сэр, спросите этого типа, где его база.

Испуганный охранник пытался говорить, но из его горла вырвалось какое-то хриплое карканье. Он смущенно откашлялся и рявкнул:

— Где твоя база?

— Мне запрещено отвечать на этот вопрос, сэр, — ответил террорист.

— Ты должен, — твердо сказал Дэниел. — Спрашивает планетарный чиновник. Сэр, прикажите ему отвечать.

— Я приказываю тебе отвечать, пленник, — сказал страж.

— Мне запрещено отвечать на этот вопрос, сэр.

Охранник хотел было схватить его за плечо, но Дэниел быстро сказал:

— Бесполезно применять силу, сэр.

Он оглянулся вокруг. Шум толпы почти смолк. В воздухе повисло напряжение: множество людей тревожно ожидали, что сделает Дэниел. И он обратился к нескольким охранникам, стоявшим вокруг:

— Не очистите ли вы мне дорогу, господа? Я отнесу пленника к леди Глэдии. Она, наверное, сможет заставить его отвечать.

— А как насчет медицинской помощи пленнику? — спросил один из них.

— Это не понадобится, сэр, — ответил Дэниел.

И не стал ничего объяснять.

81

— Как такое могло случиться? — грозно спросил Эндрю.

Губы его дрожали. Он глянул на дыру в потолке — свидетельство только что происшедшего. Наверху уже слышались шаги и стук: дыру латали.

Справившись с дрожью в голосе, Глэдия сказала:

— Ничего не случилось. Я невредима. Нужно только заделать дыру и, может быть, отремонтировать комнату. Вот и все.

— Не все, — сказал Эндрю. — Все ваши планы относительно завтрашнего выступления перед землянами рухнули.

— Как раз наоборот, — возразила Глэдия. — Планета будет с большим вниманием слушать меня, раз я чуть не стала жертвой покушения.

— Но ведь может быть предпринята вторая попытка.

Глэдия слегка пожала плечами:

— Это означает, что я на верном пути. Генеральный секретарь Эндрю, я недавно обнаружила, что у меня есть цель в

жизни. Мне не приходило в голову, что достижение ее сопряжено с опасностью. Но после того, что случилось, я думаю, что гораздо большая опасность грозит мне, если я остаюсь дома. И коли опасность — цена моего успеха, то я рискну.

— Мадам Глэдия, — сказал Жискар, — пришел Дэниел. По-видимому, с тем индивидуумом, который стрелял.

В дверях появился Дэниел, тащивший обмякшее тело, а с ним полдюжины охранников.

Шум толпы стихал и удалялся. Видимо, толпа расходилась, и периодически слышался голос из громкоговорителя: «Никто не пострадал. Опасности нет. Расходитесь по домам!»

Эндрю знаком приказал охранникам удалиться.

— Это тот самый? — резко спросил он.

— Без сомнения, сэр, — ответил Дэниел. — Оружие лежало рядом с ним, есть свидетели, да и сам он признался.

Эндрю ошеломленно смотрел на пленника:

— Но он так спокоен, будто и не человек.

— А он и не человек, сэр. Он человекоподобный робот.

— На Земле нет человекоподобных роботов, кроме вас.

— Этот робот, Генеральный секретарь, как и я, сделан на Авроре.

Глэдия нахмурилась:

— Но этого не может быть. Роботу не могли приказать меня убить.

Д. Ж. злобно посмотрел на него и, обняв Глэдию за плечи, громко сказал:

— Аврорианский робот, специально запрограммированный.

— Вздор, Диджи, — возразила Глэдия. — Этого не может быть. Как бы ни был запрограммирован робот, он не может намеренно причинить вред человеку, если знает, что это человек. Если же робот сознательно стрелял в меня, он сознательно и промахнулся.

— А зачем? — спросил Эндрю. — Зачем ему промахиваться?

— Неужели вы не понимаете? — удивилась Глэдия. — Тот, кто отдал такой приказ роботу, считал, что попытки будет достаточно для того, чтобы разрушить мои планы на Земле. Роботу нельзя было приказать убить меня, но можно приказать промазать и тем самым все мне испортить. Но мои планы не будут нарушены: я этого не допущу.

— Не изображай героиню, Глэдия, — сказал Д. Ж. — Я не знаю, что они еще задумают. А у меня нет никого дороже тебя.

Глаза Глэдии повлажнели.

— Спасибо, Диджи. Я ценю твое чувство, но мы должны рискнуть.

Эндрю растерянно потер уши.

— Что же нам делать? Народу Земли не понравится, что гуманоидный робот пользовался бластером в толпе.

— Конечно, не понравится, — сказал Д. Ж. — А вы не говорите им.

— Но многие уже знают или догадываются, что мы имеем дело с роботом.

— Вы должны прекратить слухи, Генеральный секретарь, а официального сообщения делать не надо.

— Если Аврора доходит до такой крайности... — начал Эндрю.

— Не Аврора, — перебила его Глэдия, — а некоторые аврорианские поджигатели, такие же, как некоторые агрессивные экстремисты среди поселенцев и, наверное, даже среди землян. Не играйте на руку экстремистам, Генеральный секретарь. Я взываю к большинству разумных людей на обеих сторонах, и мой призыв должен быть услышан.

Терпеливо ожидавший Дэниел воспользовался паузой и сказал:

— Мадам, господа, очень важно узнать от этого робота, где его база на этой планете. Ведь он может быть не один.

— А почему вы не спросили его? — поинтересовался Эндрю.

— Я спрашивал, Генеральный секретарь, но я робот. Этому роботу приказано не отвечать на вопросы другого робота.

— Ладно, тогда я спрошу, — сказал Эндрю.

— Вряд ли это поможет, сэр. Роботу строго приказано не отвечать, и ваш приказ не возымеет действия. Вы не знаете правильной фразеологии и интонаций. Мадам Глэдия — аврорианка и знает, как это делается. Мадам Глэдия, спросите, где его база?

— Возможно, не удастся, — тихонько сказал Жискар Дэниелу. — Ему могли приказать перестать функционировать, если вопросы будут слишком настойчивы.

Дэниел быстро обернулся к Жискару:

— А ты не можешь помешать?

— Вряд ли. Его мозг уже поврежден самим актом стрельбы из бластера по людям.

— Мадам, я посоветовал бы зондаж, но не жесткий.

— Ну, не знаю, — неуверенно сказала Глэдия. Она повернулась к роботу-убийце, глубоко вздохнула и, стараясь говорить как можно мягче, спросила: — Робот, как мне тебя называть?

— Я Р. Эрнет Второй, мадам.

— Эрнет, как по-вашему, я аврорианка?

— Вы говорите по-аврориански, но не совсем правильно, мадам.

— Я родилась на Солярии, но я космонитка и два столетия прожила на Авроре и привыкла, чтобы меня обслуживали роботы. Я с детства пользовалась их услугами и никогда не была разочарована.

— Я признаю этот факт, мадам.

— Ты ответишь на мои вопросы и подчинишься моим приказам, Эрнет?

— Да, мадам, если они не будут противоречить приказам, полученным мною ранее.

— Если я спрошу, где твоя база на этой планете — то место, которое ты считаешь домом своего хозяина, — ты ответишь мне?

— Я не могу, мадам, ответить на этот вопрос и на любой другой, касающийся моего хозяина.

— Ты понимаешь, что, если ты не ответишь, я буду горько разочарована и моя уверенность, что на роботов можно положиться, исчезнет?

— Я понимаю, мадам, — слабеющим голосом ответил робот.

Глэдия посмотрела на Дэниела:

— Попробовать?

— Иного выбора нет, мадам Глэдия. Хуже не будет.

— Не доставляй мне неприятностей, Эрнет, — властно произнесла Глэдия, — отказываясь сообщить, где твоя база на этой планете. Я приказываю тебе говорить!

Робот напрягся, открыл рот, но не издал ни звука, затем снова открыл рот и выдохнул:

— Миль...

Потом робот опять открыл рот, но уже ничего не сказал. Глаза его погасли и остекленели. Приподнятая было рука упала.

— Позитронный мозг замерз, — констатировал Дэниел.

— Это конец, — прошептал Жискар Дэниелу. — Я сделал все, что мог, но он оказался упорнее.

— Мы так и не узнали, где могут быть другие роботы, — опечалился Эндрю.

— Он сказал: «миль», — напомнил Д. Ж.

— Я не знаю этого слова, — сказал Дэниел. — Это не галактический стандартный, которым пользуются на Авроре. А на Земле оно что-нибудь значит?

— Может, он хотел сказать «Мильс»? — произнес Эндрю. — Я когда-то знал человека с таким именем.

— Я не нахожу в этом слове ответа на вопрос, — мрачно сказал Дэниел, — или хотя бы намека на ответ. Я не слышал буквы «с».

Старик-землянин, который все время молчал, вдруг робко подал голос:

— Мне кажется, миля — это древняя мера длины, робот.

— Как велика эта мера, сэр?

— Я точно не знаю, но думаю, больше километра.

— Теперь ею не пользуются, сэр?

— Нет. Это было еще в докосмическое время.

Д. Ж. погладил бороду и задумчиво промолвил:

— И сейчас пользуются. Во всяком случае, старики в Бейлимире говорят: «Промахнулся на целую милю». Я не совсем понимаю эту фразу, но если слово «миля» означает расстояние, тогда понятно.

— Если так, — сказала Глэдия, — то убийца именно это и имел в виду. Наверное, он выражал удовлетворение от того, что промахнулся, как ему приказывали, и не причинил никому вреда и, стало быть, выстрела как бы не было.

— Мадам Глэдия, — возразил Дэниел, — робот, сделанный на Авроре, вряд ли стал бы употреблять фразу, существующую в Бейлимире, но абсолютно неизвестную на Авроре. Ему был задан вопрос, и он, несмотря на свое состояние, пытался ответить на него.

— Ага, — произнес Эндрю, — значит, он пытался ответить. Он пытался сказать, что его база находится на каком-то расстоянии отсюда, скажем, в несколько миль.

— В таком случае зачем ему пользоваться древней мерой расстояния? — спросил Д. Ж. — Любой аврорианин сказал бы «километр», точно так же скажет и аврорианский робот. Вообще-то говоря, робот быстро дезактивировался и мог издать просто случайный звук, и бесполезно искать его значение.

А теперь я хочу, чтобы мадам Глэдия немного отдохнула или хотя бы вышла из этой комнаты, пока остаток потолка не обрушился.

Все вышли.

— Снова неудача, — тихо сказал Дэниел Жискару.

82

Городские огни никогда не гаснут, но время от времени освещение тускнеет, грохот вечно двигающихся экспресс-путей слабеет, бесконечный шум машин и людей стихает. Люди в миллионах квартир спят.

Глэдия лежала в постели отведенной квартиры, недовольная отсутствием удобств: она боялась, что ночью может понадобиться идти по коридору.

Интересно, думала она, на поверхности тоже ночь или просто в этой «спальной пещере» установлен период сна по привычке, сложившейся за сотни миллионов лет у людей и их предков, которые жили на поверхности?

Вскоре она уснула.

Дэниел и Жискар, разумеется, не спали. Дэниел обнаружил в квартире компьютерную розетку и потратил с полчаса, изучая незнакомые комбинации включения. Инструкций, как ею пользоваться, не было — да и кому нужны инструкции, если этому учили в начальной школе? — но, к счастью, здешняя техника не слишком отличалась от аврорианской. В конце концов, можно было сходить в городскую библиотеку и полистать справочник.

— Друг Дэниел!

Дэниел поднял глаза:

— Да, друг Жискар?

— Я хочу попросить объяснить мне твои действия на балконе.

— Ты смотрел в толпу, друг Жискар. Я проследил за твоим взглядом, увидел оружие, направленное на нас, и тут же среагировал.

— Я понимаю, почему ты бросился защищать меня. Во-первых, предполагаемый убийца был роботом и в этом случае не мог, как бы его ни программировали, целиться в человека с намерением его убить. Не мог он целиться и в тебя, поскольку

ты достаточно похож на человека. Даже если робот и знал, что на балконе гуманоидный робот, он не мог быть уверенным в том, что это именно ты. Следовательно, если робот хотел уничтожить кого-то на балконе, то только меня, явного робота, и ты сразу же стал защищать меня. Во-вторых, убийца был аврорианином — человеком или роботом, неважно. Наиболее вероятно, что это покушение было сделано по приказу доктора Амадейро, поскольку он экстремист в своих антиземных взглядах и, как мы предполагаем, готовит уничтожение Земли. Доктор Амадейро, как мы можем резонно предполагать, знает о моих способностях от мадам Василии и хотел бы меня убрать, потому что боится меня больше, чем любого человека или робота. Логично, что ты, подумав об этом, стал защищать меня. В самом деле, если бы не ты, меня бы разнесло на куски. Но, друг Дэниел, ведь ты не знал, что убийца — аврорианский робот. Я едва успел заметить странную аномалию мозгового рисунка робота на расплывчатом фоне человеческих эмоций, когда ты толкнул меня, и я только потом имел возможность информировать тебя. Не обладая моими способностями, ты мог только понять, что оружие нацелено, как ты естественно должен был подумать, на человека. Мишенью могла быть не только мадам Глэдия, но и любой другой человек на балконе. Почему ты игнорировал мадам Глэдию и защищал меня?

— Друг Жискар, рассмотрим ход моих мыслей. Генеральный секретарь сказал, что двухместный аврорианский модуль опустился на поверхность Земли. Я сразу предположил, что на Землю прибыли доктор Амадейро и доктор Мандамус. Для этого могла быть только одна причина. Их план, каким бы он ни был, близок к завершению. И когда ты отправился на Землю, они бросились вдогонку, потому что ты мог предотвратить то, что они затеяли, своей мысленаправляющей силой. И дабы это не случилось, они решили погубить тебя, если удастся. Поэтому, увидев оружие, я постарался спасти тебя.

— Согласно Первому Закону, — сказал Жискар, — ты должен был спасать леди Глэдию. Никакие мысли и соображения не должны были изменить его.

— Нет, друг Жискар, ты важнее, чем мадам Глэдия. Фактически ты важнее любого человека в данный момент. Только ты можешь предотвратить гибель Земли. Поскольку я знаю о твоей потенциальной услуге человечеству, Нулевой Закон требует от меня защищать первым делом тебя.

— И ты не чувствуешь дискомфорта, действуя вопреки Первому Закону?

— Нет. Потому что я действовал согласно Нулевому Закону, превосходящему Первый.

— Но Нулевой Закон не был заложен в тебя.

— Я считаю его естественным следствием Первого Закона: наилучший способ уберечь человека от вреда — обеспечить человеческому обществу защиту и хорошее функционирование.

Жискар задумался.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но если бы, пока ты спасал меня и, следовательно, человечество, мадам Глэдия погибла? Как бы ты себя чувствовал, друг Дэниел?

— Не знаю, — тихо ответил Дэниел. — Однако, если бы я бросился спасать мадам Глэдию и бросил тебя и вместе с тобой будущее человечества, разве я пережил бы этот удар?

Роботы воззрились друг на друга и погрузились в размышления.

— Может быть, и так, — сказал наконец Жискар. — Но ты согласишься, что в этих случаях трудно сделать верный вывод?

— Согласен, друг Жискар.

— Очень трудно быстро выбрать одного индивидуума из двух и определить, кто прав, кто виноват. А выбрать между индивидуумом и человечеством, когда ты не уверен, с каким аспектом человечества имеешь дело, настолько трудно, что вся обоснованность Законов роботехники оказывается под подозрением. И коль скоро в игру вступает абстрактное человечество, Законы роботехники начинают сливаться с законами гуманистики, которых, впрочем, не существует.

— Я не понимаю тебя, друг Жискар.

— Неудивительно. Я и сам не уверен, что понимаю себя. Когда мы думаем о человечестве, которое должны спасти, мы думаем о землянах и поселенцах. Они более многочисленны, чем космониты, более сильны, более экспансивны. Более инициативны, потому что меньше зависят от роботов. У них больший потенциал биологической и социальной эволюции, потому что они меньше живут, хотя долгая жизнь позволяет индивидууму лучше реализовать себя.

— Да, — сказал Дэниел, — ты кратко определил это.

— Однако земляне и поселенцы, похоже, охвачены мистической, иррациональной верой в святость и неприкосновенность Земли. Не окажется ли эта вера роковой в их развитии, как вера в роботов и долгую жизнь, связывающая космонитов?

— Не знаю, — сказал Дэниел. — Я не думал об этом.

— Если бы ты мог проникать в мозг, как я, ты бы не задумывался над этим. Итак, как же выбирать? — продолжал он с неожиданным чувством. — Человечество состоит из космонитов с их явно фатальной верой и землян плюс поселенцев с их тоже, возможно, фатальной верой. В будущем, вероятно, появятся и другие представители с еще менее привлекательными качествами. Выбор не будет трудным, друг Дэниел, если мы научимся разделять. Мы должны определить желательные элементы человечества и защищать их, и тогда нам не придется выбирать между нежелательными. Но как мы можем достичь желаемого, пока у нас нет психоистории, науки, о которой я мечтаю?

— Я не могу оценить, трудно ли обладать способностью чувствовать и влиять на мозг. Не может так быть, что ты знаешь слишком много, чтобы подчиняться Законам роботехники беспрекословно?

— Такая возможность всегда была, друг Дэниел, но недавние события сделали ее актуальной. Я знаю, как происходит во мне процесс ощущения чужого мозга и влияния на него. Я десятилетиями тщательно изучал себя, чтобы узнать это, и мог бы рассказать об этом тебе, чтобы ты запрограммировал себя и стал похожим на меня, но пока сопротивляюсь этому побуждению. Хватит того, что я несу этот груз.

— Тем не менее, друг Жискар, если когда-нибудь ты посчитаешь, что благо человечества требует этого, я разделю с тобой твою ношу. Ведь, согласно Нулевому Закону, я буду обязан сделать это.

— Но пока такой разговор бесполезен. Похоже, что кризис надвигается, а мы до сих пор не знаем его природы...

— Ты не прав, друг Жискар, — перебил его Дэниел. — Теперь я знаю природу кризиса.

83

— Прошу тебя, друг Дэниел, продолжай.

— Термоядерная энергия, друг Жискар, была открыта на Земле еще до гиперпространственных полетов и, следовательно, когда люди жили только на одной планете, на Земле. Это хорошо известно. После того как эта возможность была впер-

вые осознана и получила научное обоснование, потребовалось длительное время для разработки практического способа управляемого получения термоядерной энергии. Главная трудность при переходе от идеи к практике заключалась в достижении достаточно высокой температуры и плотности газа и сохранении их на время, необходимое для начала реакции термоядерного синтеза.

Но уже за несколько десятилетий до разработки способа получения энергии с помощью управляемого термоядерного синтеза существовали термоядерные бомбы, в которых осуществлялась неуправляемая термоядерная реакция. Но в обоих случаях ядерный синтез невозможен без высочайших температур — миллионы градусов. И если люди не могли добиться таких температур для овладения управляемым синтезом, то как этого им удавалось достичь в бомбах?

Мадам Квинтана сказала мне, что еще до осуществления ядерного синтеза люди на Земле знали и о другой разновидности атомных реакций — расщеплении ядер. Энергия при этом образуется за счет распада ядер тяжелых элементов, таких, как уран и торий. Я полагаю, что это могло стать одним из способов достижения высоких температур.

Энциклопедия, которую я листал сегодня вечером, содержит очень мало информации об атомных бомбах любого вида и, разумеется, не имеет реальных подробностей их устройства. Полагаю, эти сведения находятся под запретом на всех мирах, поскольку я не смог прочитать о подробностях даже на Авроре, хотя такие бомбы существуют и сейчас. Этой части своей истории человечество стыдится или боится — возможно, верны оба варианта. По-моему, эти страхи обоснованны. Однако во всем, прочитанном мною о термоядерных бомбах, не отрицается, что для их детонации не использовались атомные бомбы. На основе этого отрицательного доказательства у меня возникло подозрение, что именно атомные бомбы служили пусковым механизмом для термоядерных.

Но тогда возникает вопрос — чем взрывали атомные бомбы? Они существовали еще до ядерных, и если атомные бомбы тоже требовали бы для взрыва сверхвысоких температур, подобно ядерным, то способа получения таких температур до них просто не имелось. Из этого я заключил — хотя в энциклопедии об этом не сказано ни слова, — что атомные бомбы могли быть взорваны при относительно низких температурах,

возможно, даже при комнатной. Осуществить взрыв оказалось достаточно трудно, потому что путь от открытия реакций атомного распада до разработки бомбы потребовал несколько лет упорного труда. Однако какими бы ни были эти трудности, они не включали в себя проблему достижения сверхвысоких температур. Каково твое мнение, друг Жискар?

Пока Дэниел объяснял, Жискар неотрывно смотрел на компаньона, потом сказал:

— По-моему, в построенной тобою конструкции есть несколько слабых мест, друг Дэниел, и потому она может оказаться не вполне надежной — но даже если она полностью соответствует истине, то все равно не имеет никакого отношения к возможному наступающему кризису, сущность которого мы пытаемся понять.

— Прошу тебя проявить терпение, друг Жискар, я продолжу. Суть дела в том, что и деление, и синтез атомных ядер являются проявлениями слабого взаимодействия, одного из четырех типов взаимодействий, управляющих всеми событиями во Вселенной. Следовательно, ядерный усилитель, способный взорвать термоядерный реактор, с равным успехом взорвет и атомный.

Имеется, однако, и разница. Синтез протекает только при сверхвысоких температурах. Усилитель взрывает сверхгорячую часть топлива, активно вовлеченную в процесс синтеза, плюс некоторое количество окружающего топлива, нагретое до нужной температуры в момент взрыва, — но тот же взрыв разбрасывает материал в пространстве и рассеивает выделяющееся тепло до такой степени, что оставшееся количество топлива уже не зажигается. Другими словами, часть топлива взрывается, но немалая его часть — возможно, даже большая — нет. Разумеется, взрыв и в этом случае достаточно силен, чтобы уничтожить сам реактор и его ближайшее окружение — к примеру, корабль, на котором реактор установлен.

С другой стороны, атомный реактор способен работать при низких температурах, возможно, не превышающих точку кипения воды — не исключено, что и при комнатной температуре. В таком случае эффект усилителя проявится в том, что все атомное топливо взорвется. И действительно, усилитель взорвет атомный реактор даже в том случае, если он не запущен. И хотя, по моим расчетам, атомное топливо выделяет меньше энергии на единицу массы по сравнению с ядерным, взрыв

атомного реактора окажется более сильным, потому что взорвется большее количество топлива.

Жискар медленно кивнул:

— Все это хорошо, друг Дэниел, но есть ли на Земле атомные станции?

— Нет, ни единой. Так говорит Квинтана, и ее слова подтверждает энциклопедия. Действительно, на Земле есть устройства, получающие энергию от небольших ядерных реакторов, но нет ни одного — абсолютно ни одного — подключенного к атомному реактору любого размера.

— В таком случае, друг Дэниел, ядерному усилителю не на что воздействовать. И все твои выводы, даже если они безупречны, никуда не ведут.

— Не совсем так, друг Жискар, — назидательно произнес Дэниел. — Следует учитывать еще и третий тип ядерных реакций.

— Что же это может быть? Не могу представить.

— Да, догадаться нелегко, друг Жискар, потому что на Поселенческих и Внешних мирах планетная кора содержит очень мало урана и тория, и потому естественная радиоактивность там чрезвычайно низка. По этой причине она не представляет никакого интереса для кого бы то ни было, кроме считаных физиков-теоретиков. Однако на Земле, как отметила мадам Квинтана, уран и торий — достаточно распространенные элементы, и природная радиоактивность, сопровождающаяся очень медленным выделением тепла и излучения, должна являться немаловажным фактором окружающей среды. Это и есть тот третий тип ядерных реакций, который следует учесть.

— Каким образом, друг Дэниел?

— Природная радиоактивность также является проявлением слабого взаимодействия. Ядерный усилитель, способный взорвать атомный или термоядерный реактор, способен ускорить природный атомный распад до такой степени, что возможен взрыв участка планетной коры — если он содержит достаточное количество урана или тория.

Некоторое время Жискар молча смотрел на Дэниела, потом тихо произнес:

— Выходит, ты предполагаешь, что план доктора Амадейро заключается в том, чтобы взорвать земную кору, сделать планету непригодной для жизни и таким способом обеспечить космонитам доминирующее положение в Галактике?

Дэниел кивнул:

— Или же, если для массовых взрывов урана и тория окажется недостаточно, увеличение радиоактивности может продуцировать избыточное тепло, которое изменит климат, а повышенная радиация вызовет рак и врожденные дефекты, что послужит той же цели, хотя и несколько медленнее.

— Жуткая возможность, — сказал Жискар. — Ты думаешь, что этот план и в самом деле может быть реализован?

— Вероятно. Как мне кажется, уже несколько лет — сколько именно, я не знаю — гуманоидные роботы с Авроры, а оттуда же и наш несостоявшийся убийца, находятся на Земле. Они достаточно совершенны, чтобы выполнять сложные программы, и при необходимости способны проникать в города, добывая оборудование. Можно предположить, что они устанавливают ядерные усилители в тех местах, где почва богата ураном или торием. Наверное, за эти годы они установили их немало. А Амадейро и Мандамус прибыли сюда, чтобы проследить за последними приготовлениями и активировать усилители. Полагаю, они все устроят так, чтобы у них осталось время скрыться до того, как планета будет уничтожена.

— В таком случае, — сказал Жискар, — необходимо немедленно уведомить Генерального секретаря, мобилизовать силы безопасности Земли и незамедлительно отыскать Амадейро и Мандамуса, не дав им возможности завершить свой проект.

— Вряд ли из этого что-либо выйдет. Генеральный секретарь нам скорее всего не поверит, потому что подвержен широко распространенной мистической убежденности в том, что эта планета неприкосновенна. Тебе придется пояснить, что речь идет о преступлении против человечества, а я могу догадаться, как он в этом случае поступит. Если бросить вызов его вере в уникальность Земли, он откажется допустить, чтобы его убеждения, какими бы иррациональными они ни были, поколебались, и ему останется искать спасение в том, чтобы не поверить нам.

К тому же, даже если он нам поверит, любая подготовка контрмер должна будет идти под контролем правительственной бюрократии, и, как бы этот процесс ни ускоряли, времени уйдет слишком много.

И это еще не все. Даже если вообразить, что все ресурсы Земли будут немедленно мобилизованы, вряд ли земляне смогут отыскать двух конкретных людей на огромных диких пространствах планеты. Вот уже множество десятилетий земляне обитают в городах и почти никогда не выходят за их пределы.

Я хорошо это помню еще с тех пор, когда расследовал здесь свое первое дело вместе с Элайджем Бейли. Но даже если земляне смогут заставить себя выйти на открытые пространства, вряд ли они наткнутся на двоих нужных нам людей достаточно скоро, если только не полагаться на невероятное везение — а на это нам рассчитывать нельзя.

— Зато поисковую партию могут составить поселенцы, — заметил Жискар. — Они-то не боятся открытых пространств.

— Но и они не меньше землян убеждены в неприкосновенности планеты и столь же упорно откажутся нам верить. И даже если поверят, очень маловероятно, что двое людей будут найдены достаточно быстро, чтобы успеть изменить ситуацию.

— В таком случае, что ты думаешь о земных роботах? — спросил Жискар. — В пространствах между городами их очень много. Некоторые из них наверняка уже заметили среди себя людей. Их следует расспросить.

— Эти двое — эксперты-роботехники, и уж они позаботятся о том, чтобы любой встретившийся им робот не осознал их присутствие. По той же самой причине они могут не опасаться любого робота из поисковой партии — ему можно просто приказать уйти и забыть о случайной встрече. Но, что еще хуже, земные роботы — сравнительно примитивные модели, созданные для выполнения лишь самых простых работ: выращивать урожай, пасти животных и работать на шахтах. Их нельзя с легкостью приспособить для такой сложной задачи, как целенаправленный поиск.

— Выходит, ты заранее отклоняешь все возможные варианты действий, друг Дэниел? — спросил Жискар. — Что же нам остается?

— Мы должны сами отыскать двоих людей и остановить их — причем немедленно.

— А ты знаешь, где они сейчас, друг Дэниел?

— Не знаю, друг Жискар.

— В таком случае, если, как ты говоришь, даже поисковая партия, состоящая из множества землян, или же поселенцев, или роботов, или всех их вместе, может наткнуться на них лишь благодаря невероятной случайности, то как нам это сделать вдвоем?

— Не знаю, друг Жискар, но мы должны.

Подбирая слова, чтобы они звучали достаточно убедительно, Жискар произнес:

— Необходимость — далеко не все, друг Дэниел. Ты про-

шел долгий путь. Ты догадался о существовании кризиса и, шаг за шагом, осознал его природу. Но ни то, ни другое не помогло. Мы остались на исходной позиции и не в силах, как и прежде, ничего изменить.

— Остается единственный шанс, — ответил Дэниел, — отчаянный и почти безнадежный, — но у нас нет другого выбора, мы должны испробовать его. Амадейро боится тебя и послал робота-убийцу, чтобы тебя уничтожить, и это может оказаться его ошибкой.

— А если наши отчаянные усилия ни к чему не приведут, друг Дэниел?

Дэниел невозмутимо взглянул на Жискара:

— Тогда мы распишемся в своей беспомощности, Земля будет уничтожена, а истории человечества придет преждевременный конец.

Глава 18

НУЛЕВОЙ ЗАКОН

84

Калдин Амадейро чувствовал себя несчастным. Сила притяжения на Земле была на треть выше, чем на Авроре, воздух на треть плотнее, звук и запах тоже неприятно отличались. Здесь не было домов, сколько-нибудь претендовавших на цивилизованность.

Роботы понастроили различных сооружений с запасами продуктов и импровизированными удобствами, которые функционировали, но чрезвычайно скверно.

Хуже всего, что после довольно приятного утра настал ясный день, и слишком яркое земное солнце начало припекать.

Скоро температура будет слишком высокой, воздух — слишком влажным. Появятся жалящие насекомые. Амадейро сначала не понял, откуда у него на руках мелкие зудящие припухлости, но Мандамус объяснил ему.

— Проклятие! — бормотал Амадейро, почесываясь. — Они могут внести инфекцию!

— Я думаю, — равнодушно сказал Мандамус, — что иногда они это и делают. Но не всегда же. У меня есть лосьон для об-

легчения зуда, и можно жечь что-нибудь такое, чей запах насекомые не переносят, но дело в том, что я и сам не выношу этот запах.

— Жгите! — велел Амадейро.

— И я не хочу делать ничего лишнего, — тем же тоном продолжал Мандамус, — пусть даже пустякового: запах и дымок могут обнаружить нас.

Амадейро презрительно сощурился.

— Вы сами неоднократно говорили, что в этом месте никогда не бывают ни люди, ни сельскохозяйственные роботы.

— Верно, но это не математическое утверждение. Это социологическое наблюдение, и тут всегда возможны исключения.

Амадейро нахмурился:

— Лучший путь к безопасности — закончить проект. Вы сами сказали, что будете готовы сегодня.

— Это тоже социологический расчет, доктор Амадейро. Я должен быть готов сегодня, и я хотел бы этого. Но математически точно гарантировать не могу.

— А когда вы сможете гарантировать?

Мандамус развел руками:

— Доктор Амадейро, я, кажется, уже объяснил вам, но повторю еще раз: это дело заняло у меня семь лет. Я рассчитывал еще несколько месяцев понаблюдать за релейными станциями на земной поверхности. А их четырнадцать. Но теперь я не могу сделать это, потому что должен закончить до того, как нас засечет, а то и остановит робот Жискар. Значит, я должен поручить это нашим гуманоидным роботам. Я не могу верить им, как самому себе. Я должен проверять и перепроверять их отчеты, и, может быть, мне придется лично посетить одно или два места, прежде чем я буду удовлетворен. Это займет несколько дней, ну, может, одну-две недели.

— Две недели? Это невозможно. Сколько, по-вашему, я могу терпеть эту планету, Мандамус?

— Сэр, как-то раз я провел на этой планете почти год, а еще раз — больше четырех месяцев.

— И вам нравилось?

— Нет, сэр, но у меня была работа, и я делал ее, не жалея сил. — Мандамус холодно взглянул на Амадейро.

Амадейро покраснел и сдержанно сказал:

— Ну ладно, так на чем мы остановились?

— Я еще изучаю отчеты, которые приходят. Как вы знаете,

мы работаем не с четко налаженной лабораторной системой. Мы имеем дело с разнородной планетной корой. К счастью, радиоактивные материалы широко распространены, но на очень больших расстояниях, и нам пришлось разместить в таких местах реле и на роботов. Если реле поставлены не так, то атомный усилитель заглохнет, и все наши многолетние труды пойдут насмарку. Может случиться, что волна локализованного усиления будет иметь силу взрыва, который произойдет в одном месте, а остальную часть коры не заденет. В этом случае ущерб будет незначительным. Мы же хотим, доктор Амадейро, иметь радиоактивные материалы, чтобы значительная часть земной коры медленно и постепенно неуклонно становилась все более и более радиоактивной и Земля постепенно стала непригодной для жизни. Общественная структура планеты распадется, и Земля как место обитания человека перестанет существовать. Я полагаю, доктор Амадейро, что вы хотите именно этого. Я рассказывал вам об этом в свое время, и вы этого хотели.

— Я и сейчас хочу этого, Мандамус. Не валяйте дурака.

— Тогда терпите дискомфорт, сэр, или уезжайте, а я через некоторое время все сделаю.

— Нет, — забормотал Амадейро, — я должен быть здесь, когда все будет готово, но я ничего не могу поделать со своим нетерпением. На какое время вы рассчитали процесс? Я имею в виду, сколько времени пройдет с начала первой волны усиления до того, как Земля станет необитаемой?

— Это зависит от той степени усиления, с какой я начну. Я еще точно не знаю, какая степень потребуется, потому что она зависит от эффективности реле. Поэтому я подготовил вариантное управление. Я хочу установить период от одного до двух столетий.

— А если меньше?

— Если мы установим меньше, части земной коры быстрее станут радиоактивными, планета быстрее разогреется, и опасность возрастет. Это означает, что значительная часть населения не успеет вовремя покинуть планету.

— Ну и что?

Мандамус нахмурился:

— Чем быстрее Земля будет разрушаться, тем более вероятно, что земляне и поселенцы заподозрят технологическую причину и скорее всего обвинят нас. Поселенцы нападут на нас и будут сражаться за свой священный мир до последней

капли крови, лишь бы только покарать нас. Мы уже говорили с вами об этом, и вы, кажется, согласились. Гораздо лучше дать больше времени, за которое мы сможем подготовиться к худшему и за которое сбитая с толку Земля решит, что медленно растущая радиоактивность — непонятный им природный феномен. По моему мнению, сегодня это важнее, чем вчера.

— Вот как? — Амадейро тоже нахмурился. — У вас глупый пуританский взгляд, и я уверен, что вы ищете способ взвалить ответственность на мои плечи.

— В данном случае это нетрудно, сэр. Совершенно неразумно было посылать робота уничтожить Жискара.

— Наоборот, хорошо, если бы это удалось: Жискар единственный, кто может погубить нас.

— Сначала он должен найти нас, но пока не нашел. Да если бы и нашел — мы же опытные роботехники. Вы думаете, что мы не смогли бы справиться с ним?

— Василия думала, что справится, — а она знала его лучше, чем мы, — и не смогла. И военный корабль, который должен был захватить его и уничтожить, тоже не справился. И вот Жискар высадился на Земле. Его надо уничтожить любым путем.

— Но он не уничтожен, сведений об этом никаких.

— Осторожное правительство всегда придерживает дурные известия, а здешние чиновники хоть и варвары, но, видимо, осторожны. А если наш робот попался и был допрошен, то он необратимо дезактивировался. Это значит, что мы потеряли робота — мы можем себе это позволить, — но ничего более. Если Жискар все еще существует, тем больше у нас оснований поспешить.

— Если мы потеряем робота, мы потеряем больше: они смогут установить место центра операции. Во всяком случае, не следовало посылать здешнего робота.

— Я взял первого попавшегося, и он нас не выдаст. Я думаю, вы можете доверять моему программированию.

— Дезактивируется он или нет, они узнают, что робот сделан на Авроре. Земные роботехники — а их здесь хватает — будут уверены в этом. Тем больше причин сделать радиоактивность медленной. Должно пройти достаточно времени, чтобы земляне забыли об инциденте с роботом и не связывали его с прогрессирующим изменением радиоактивности. Нам нужно самое малое сто лет, а то и все двести.

Мандамус отошел еще раз осмотреть свои инструменты и

снова установил контакт с реле 6 и 10, которые все еще считал сомнительными. Амадейро смотрел ему вслед с презрением, бормоча про себя: «Да, но я не проживу два столетия, вероятно, не проживу и одного. Ты-то проживешь, а я нет».

85

В Нью-Йорке было раннее утро. Жискар и Дэниел установили это по постепенно усиливающемуся шуму.

— Где-то наверху, вероятно, светает, — сказал Жискар. — Однажды в беседе с Элайджем Бейли два столетия назад я назвал Землю Миром Утренней Зари. Долго она будет таким миром или перестает им быть?

— У тебя мрачные мысли, друг Жискар, — сказал Дэниел. — Не лучше ли заняться делами сегодняшними, с тем чтобы сохранить Землю как Мир Утренней Зари?

В комнату вошла Глэдия в халате и шлепанцах. Ее волосы были мокрыми.

— Смешно, — сказала она. — Землянки идут утром по коридорам в общественные туалеты растрепанными и небрежно одетыми, а выходить должны в полном порядке. Видимо, сначала нужно быть растрепанной, чтобы потом очаровать ухоженным видом. Видели бы вы, какие взгляды на меня бросали, когда я вышла оттуда в халате. Не торчать же мне там все утро, занимаясь собой!

— Мадам, — сказал Дэниел, — могу я поговорить с вами?

— Только недолго, Дэниел. Ты ведь знаешь, что сегодня большой день и мои утренние встречи вот-вот начнутся.

— Именно об этом я и хотел поговорить, мадам. В такой знаменательный день вам лучше быть подальше от нас.

— Почему?

— Впечатление, которое вы должны произвести на землян, может сильно уменьшиться, если вы окружите себя роботами.

— Так я не буду окружена. Вас только двое. Как же я без вас?

— Вам надо привыкать, мадам. Пока мы с вами, вы очень сильно отличаетесь от землян. Это выглядит так, словно вы боитесь их.

— Но ведь мне нужна какая-то защита, Дэниел. Вспомни, что случилось вчера.

— Мадам, мы не предвидели того, что случилось, и не мог-

ли бы защитить вас. К счастью, мишенью были не вы; бластер был направлен в голову Жискара.

— Жискара?

— Разве робот мог стрелять в человека? По какой-то причине робот стрелял в Жискара. Поэтому, если мы будем рядом с вами, это только увеличит опасность. Не забывайте, что разговоры о вчерашнем событии распространятся, и, хотя земное правительство пыталось умолчать о деталях, все равно пойдут слухи, что робот стрелял из бластера. Это повлечет за собой общественный протест против роботов вообще, против нас и даже против вас, если вы упорно станете показываться с нами. Вам будет лучше без нас.

— Надолго?

— По крайней мере до того времени, как закончится ваша миссия, мадам. Капитан сумеет больше помочь вам, чем мы. Он знает землян, он к ним хорошо относится... и очень хорошо относится к вам, мадам.

— Откуда вы знаете, что он хорошо относится ко мне?

— Хоть я и робот, но мне так кажется. Мы, разумеется, вернемся, как только вы пожелаете. Но сейчас, мы думаем, самый лучший способ служить вам и защищать вас — это поручить вас капитану Бейли.

— Я об этом подумаю, — сказала Глэдия.

— А мы тем временем повидаемся с капитаном Бейли и узнаем, согласен ли он с нами.

— Валяйте.

Глэдия ушла в спальню.

Дэниел повернулся и тихо спросил Жискара:

— Она захочет?

— Не только захочет, — ответил Жискар. — Ей всегда было немного не по себе в моем присутствии, и она не будет страдать, если меня рядом не окажется. А вот к тебе, друг Дэниел, у нее противоречивые чувства. Ты напоминаешь ей друга Джандера, дезактивация которого потрясла ее много десятилетий назад. Это и привлекает и отталкивает ее, так что мне надо будет сделать немногое: я уменьшил ее влечение к тебе и увеличил и так сильное влечение к капитану. Она легко обойдется без нас.

— Тогда пойдем к капитану, — сказал Дэниел. Они вышли из комнаты и направились к капитану.

86

И Дэниел, и Жискар уже бывали на Земле, причем Жискар сравнительно недавно. Они умели пользоваться компьютерным справочником, где были указаны сектор, крыло и номер квартиры Д. Ж., и разбирались в цветных кодах в коридорах, указывающих повороты и лифты.

Было еще слишком рано, и редкие встречные ошеломленно смотрели на Жискара, а затем подчеркнуто равнодушно отворачивались.

Шаг Жискара стал неровным, когда они подошли к двери квартиры Д. Ж. Это было почти незаметно, но привлекло внимание Дэниела.

— Что с тобой, друг Жискар?

— Мне пришлось ликвидировать изумление, подозрительность, даже просто внимание у многих мужчин и женщин и у одного подростка, с которым оказалось трудновато. У меня не было времени проверить, не нанес ли я им вреда.

— Но это было необходимо: нам нельзя было останавливаться.

— Я понимаю, но Нулевой Закон плохо работает во мне. У меня нет твоей легкости. — Казалось, он хотел отделаться от неприятных ощущений. — Я часто замечал, что гиперсопротивление на позитронных путях действует сначала на ноги, а потом уже на речь.

Дэниел нажал на кнопку звонка и сказал:

— У меня тоже так, друг Жискар. Даже в самых оптимальных условиях поддерживать равновесие на двух опорах трудно. Контролировать устойчивость при ходьбе еще труднее. Я слышал, что когда-то были попытки производить роботов с четырьмя ногами и двумя руками. Их называли «кентаврами». Работали они хорошо, но их не приняли из-за явно нечеловеческой внешности.

— В данный момент, — сказал Жискар, — я был бы рад четырем ногам. Но, по-моему, чувство дискомфорта проходит.

В дверях показался Д. Ж. и, широко улыбаясь, посмотрел на роботов. Потом он взглянул в один конец коридора, в другой, и улыбка его исчезла.

— Что вы здесь делаете без Глэдии? Она не...

— Капитан, с мадам Глэдией ничего не случилось, — успокоил его Дэниел. — Мы можем войти и объяснить?

Д. Ж. сердито махнул рукой, приглашая войти. Тоном, которым обычно говорят с забарахлившей машиной, он сказал:

— Почему вы оставили ее одну? Какие обстоятельства заставили вас покинуть ее?

— Она не более одинока, чем любой человек на Земле, и никакая опасность ей не грозит. Если вы спросите ее, она вам скажет, что не может чувствовать себя свободно здесь, на Земле, если за ней по пятам ходят космонитские роботы. Мы уверены, что она сама этого хочет, по крайней мере сейчас. Если через какое-то время она пожелает нас вернуть, то мы вернемся.

Д. Ж. снова заулыбался:

— Значит, она хочет, чтобы я ее охранял?

— В данный момент, капитан, она больше заинтересована в вашем присутствии, чем в нашем.

Улыбка Д. Ж. стала шире:

— Кто же станет порицать ее? Я пойду к ней, как только смогу.

— Но сначала, сэр...

— О, — воскликнул Д. Ж., — что-то еще?

— Да, сэр. Мы обеспокоены тем, что случилось вчера.

Д. Ж. посерьезнел:

— Вы думаете, с мадам Глэдией еще что-то может произойти?

— Ни в коем случае. Тот робот стрелял не в леди Глэдию. Как робот он не мог этого сделать. Он стрелял в друга Жискара.

— Зачем это ему?

— Вот это мы и хотели бы узнать. Для этого нам нужно поговорить с мадам Квинтаной, заместителем министра энергетики. Это может оказаться очень важным и для вас, и для правительства Бейлимира, если вы попросите ее позволить мне задать ей несколько вопросов. Мы просим вас постараться убедить ее.

— И только-то? Больше вы ничего не хотите? Чтобы я убеждал важное и очень занятое официальное лицо подвергнуться перекрестному допросу со стороны роботов?

— Сэр, — сказал Дэниел, — она, наверное, согласится, если вы достаточно заинтересованы в расследовании. И еще. Поскольку она, возможно, находится далеко отсюда, было бы неплохо нанять для нас дартер, чтобы доставить нас туда. Мы, как вы понимаете, спешим.

— Кроме этих мелочей, все?

— Не совсем, — сказал Дэниел. — Нам еще нужен водитель, и вы, пожалуйста, заплатите ему как следует, чтобы он

согласился везти нашего друга Жискара. Меня-то он за робота не примет.

— Надеюсь, вы понимаете, Дэниел, — сказал Д. Ж. — что просите о совершенно немыслимом?

— Я надеялся, что это не так, капитан. Но поскольку вы так считаете, говорить больше не о чем. Нам придется вернуться к мадам Глэдии, и она будет очень недовольна, потому что она хотела побыть только с вами.

Дэниел повернулся.

— Подождите, — сказал Д. Ж. — В коридоре есть общественный коммуникатор. Я попробую. Оставайтесь здесь и ждите меня.

Роботы остались.

— Что тебе удалось сделать, друг Жискар? — спросил Дэниел.

Теперь Жискар уже уверенно держался на ногах.

— Ничего. Ему очень не хотелось иметь дело с мадам Квинтаной и так же сильно — нанимать машину. Я не мог бы изменить эти чувства, не нанеся вреда. Но когда ты сказал, что мы вернемся к мадам Глэдии, его настроение внезапно и драматически изменилось. Ты почувствовал это, друг Дэниел?

— Да.

— Похоже, ты едва ли нуждаешься во мне. Есть разные способы корректировки мозгов. Но кое-что я все-таки сделал. Изменение в мыслях капитана сопровождалось сильными и благоприятными эмоциями по отношению к мадам Глэдии, и я их усилил.

— Вот поэтому ты и нужен. Я не мог бы этого сделать.

— Ты еще сможешь, друг Дэниел, может быть, очень даже скоро.

Д. Ж. вернулся.

— Невероятно, но она хочет видеть вас, Дэниел. Дартер и водитель будут через минуту, и чем скорее вы уедете, тем лучше. Я сразу же отправлюсь к Глэдии.

Оба робота вышли в коридор и стали ждать.

— Он очень счастлив, — сказал Жискар.

— Так и должно быть, друг Жискар. Но я боюсь, что легкие дела для нас кончились. Мы легко устроили так, что мадам Глэдия предоставила нас самим себе. Затем мы с некоторым трудом убедили капитана устроить нам встречу с заместителем министра, но вот с ней справиться будет потруднее.

87

Водитель бросил взгляд на Жискара, и его решимость как рукой сняло.

— Послушайте, — сказал он Дэниелу. — Мне обещали заплатить вдвое, если я повезу робота, но роботам не разрешается находиться в городе, и я могу нарваться на крупные неприятности. Деньги мне не помогут, если я потеряю лицензию. Может, я отвезу только вас, мистер?

— Я тоже робот, сэр. Мы уже в городе, и это не ваша вина. Мы собираемся выехать из города, и вы должны помочь нам. Мы едем к высокому правительственному чину, который, я надеюсь, это устроит, и ваш гражданский долг — помочь нам. Если вы откажетесь везти нас, водитель, вы таким образом оставите нас в городе, и это могут счесть противозаконным.

Лицо водителя стало спокойным. Он открыл дверцу:

— Садитесь! — И все-таки тщательно задвинул толстую прозрачную загородку, отделявшую его от пассажиров.

— Тебе пришлось вмешаться, друг Жискар?

— Очень мало. Ты поговорил с ним и тем самым сделал основную часть работы. Просто удивительно, что с помощью набора утверждений, которыми можно пользоваться как индивидуально, так и в комбинациях, порой добиваешься такого эффекта, какого не добился бы, сказав просто правду.

— Я часто замечал такое в человеческих разговорах, друг Жискар, даже у обычно правдивых людей. Я полагаю, что это оправданно, если служит высокой цели.

— Нулевой Закон, ты хочешь сказать?

— Или его эквивалент, если человеческий мозг имеет такой эквивалент. Друг Жискар, ты сказал недавно, что я буду иметь твои способности и, возможно, скоро. Ты готовишь меня для этой цели?

— Да, друг Дэниел.

— Могу я спросить — зачем?

— Опять же Нулевой Закон. Недавний случай со слабостью в коленках показал, каким уязвимым я становлюсь, когда пытаюсь применить Нулевой Закон. До этого дня я собирался действовать по Нулевому Закону, чтобы спасти мир и человечество, но, наверное, не смогу. В этом случае ты должен быть готов продолжить работу. Я постепенно готовлю тебя и в нужный момент передам тебе последнюю инструкцию, и все станет на свои места.

— Я не понимаю, как это произойдет.

— Поймешь, всему свое время. Я изредка применял такой способ, когда давным-давно посылал роботов на Землю. Тогда их еще не изгоняли из городов, и они помогали ориентировать земных лидеров на одобрение поселенческой политики.

У дартера не было колес, он плыл примерно в сантиметре от поверхности. Водитель вел его по специально предназначенным для такого транспорта коридорам. Машина неслась как стрела, оправдывая свое название[1]. Она выскочила в коридор, шедший параллельно экспресс-путям, свернула налево, нырнула под экспресс-пути, вынырнула с другой стороны и, пропетляв с полкилометра, остановилась перед богато украшенным зданием. Дверь дартера открылась автоматически. Дэниел вышел, подождал, пока выберется Жискар, и протянул водителю кусочек фольги, который получил от Д. Ж. Водитель внимательно рассмотрел его, резко хлопнул дверцей и быстро умчался, не сказав ни слова.

88

Дэниел позвонил, но дверь открылась не сразу. Дэниел подумал, что их проверяют. Наконец дверь распахнулась, и молодая женщина проводила гостей в дом. Она избегала смотреть на Жискара, но с большим интересом разглядывала Дэниела.

Заместитель министра Квинтана сидела за большим письменным столом. Она улыбнулась и с деланой бодростью произнесла:

— Два робота одни, без людей. Мне не грозит опасность?

— Абсолютно никакой, мадам Квинтана, — серьезно ответил Дэниел. — Нам тоже непривычно видеть человека без робота за спиной.

— Уверяю вас, у меня есть роботы, — сказала Квинтана. — Я называю их челядью, и один из них привел вас сюда. Я поражена, что она не хлопнулась в обморок при виде Жискара. А могла бы, если бы ее не предупредили и если бы вы, Дэниел, не имели такой исключительно интересной внешности. Но речь не об этом. Капитан Бейли так настойчиво уговаривал меня увидеться с вами, а поддерживать добрые отношения со всем Поселенческим миром в моих интересах, поэтому я согласилась. Но день у меня очень загружен, и я буду вам очень благодарна, если мы все обговорим быстро. Что я могу сделать для вас, Дэниел?

[1]To dart — мчаться стрелой (*англ.*).

— Мадам Квинтана... — начал Дэниел.

— Минуточку. Может, вы сядете? В прошлый вечер вы сидели, а не стояли.

— Мы можем сесть, но нам все равно, сидеть или стоять.

— Но мне не все равно. Мне стоять неудобно, а, сидя, я должна задирать голову, чтобы увидеть вас. Так что, пожалуйста, возьмите стулья и сядьте. Спасибо. Ну, Дэниел, в чем дело?

— Мадам Квинтана, я думаю, вы помните инцидент с бластером вчера после банкета?

— Конечно. Я знаю, что из бластера стрелял гуманоидный робот, хотя официального подтверждения не было. Но сейчас я сижу напротив двух роботов и совершенно беззащитна. А один из вас тоже гуманоидный.

— У меня нет бластера, мадам, — сказал Дэниел и улыбнулся.

— Я верю. Тот гуманоидный робот не был похож на вас, Дэниел. Вы — произведение искусства. Вы это знаете?

— Я очень сложно запрограммирован, мадам.

— Я имею в виду внешность. Так что инцидент?

— Мадам, у того робота где-то на Земле есть база, и я должен знать, где именно. Я приехал с Авроры с приказом отыскать эту базу и предупредить инциденты, которые могут нарушить мир между планетами. У меня есть основания считать...

— Вы прибыли? Не капитан? Не мадам Глэдия?

— Мы, мадам. Жискар и я. Я не имею права сказать вам, каким образом мы оказались замешанными в это дело, и не могу назвать имя человека, по приказу которого мы действуем.

— Подумать только! Межзвездный шпионаж! Очаровательно! Какая жалость, что я не могу помочь вам. Я не знаю, откуда взялся тот робот, не имею представления, где может быть его база, и даже не понимаю, почему вы пришли именно ко мне за такой информацией. На вашем месте я обратилась бы в департамент безопасности. — Она наклонилась к Дэниелу: — На вашем лице настоящая кожа, Дэниел? Если нет, то это изумительная имитация. — Она протянула руку и осторожно дотронулась до его щеки. — Она даже на ощупь настоящая.

— И все-таки, мадам, она ненастоящая. Если ее разрезать, она сама собой не зарастет. Но, с другой стороны, ее легко зашить и даже поставить заплатку.

— Фу! — Квинтана сморщила нос. — Но наше дело закончено, поскольку я не могу помочь вам и не имею отношения к владельцу бластера. Я ничего не знаю.

— Позвольте мне кое-что объяснить, мадам. Тот робот, по-видимому, был членом группы, заинтересованной в ускорении энергопроизводящего процесса, который вы вчера описали, — расщепления. Допустим, что это так и есть. Кто-то интересуется расщеплением и содержанием урана в земной коре. Где они могли бы развернуть свою базу?

— Старый урановый рудник, возможно. Но я не знаю, где он находится. Поймите, Дэниел, у Земли почти суеверное отвращение ко всему ядерному, в особенности к расщеплению. В наших популярных работах по энергии вы не найдете почти ничего насчет расщепления, а в технических изданиях для специалистов — только голую суть. Даже я очень мало знаю об этом. Впрочем, я администратор, а не ученый.

— Тогда еще кое-что, мадам. Мы допрашивали робота-убийцу относительно местонахождения его базы и допрашивали очень строго. Но он был запрограммирован на дезактивацию, на полное замораживание мозга в случае допроса — так и случилось. Однако перед этим в последний момент он трижды открыл рот. Вероятно, он собирался произнести три слова, или три группы слов, или три слога. Вторым из этих слогов, или звуков, или слов было «миль». Может ли это иметь отношение к расщеплению?

Квинтана медленно покачала головой:

— Нет, я не могу сказать, что это значит. Такого слова вы не найдете в словаре галактического стандартного. Простите меня, Дэниел. Приятно было встретиться с вами снова, но мой стол завален бумагами, над которыми нужно работать. Извините меня.

Но Дэниел как будто бы не слышал ее слов.

— Мне сказали, мадам, что слово «миль» может означать старинную меру длины. Кажется, больше километра.

— Даже если это и правда, ваше слово тут совсем неуместно. Откуда аврорианскому роботу знать архаичные выражения и старинные... — Она вдруг замолчала. Глаза ее широко раскрылись, лицо побледнело. — Постойте! Неужели?..

— Что, мадам?

— Есть место, — задумчиво произнесла Квинтана, — которого избегают все — и земляне и роботы. Если бы я хотела выразиться возвышенно, я бы сказала, что это зловещее место.

Настолько зловещее, что начисто стерлось в сознании. Его нет даже на карте. Это квинтэссенция всего, что означает расщепление. Я помню, что слышала его в очень старом фильме, еще когда начинала здесь работать. Там говорилось о месте, где произошел «инцидент», который навсегда отвратил мысли землян от расщепления как источника энергии. Это место называлось «Трехмильный Остров».

— Место абсолютно изолированное, — сказал Дэниел, — и совершенно необитаемое, место, где могут быть те самые расщепляющиеся материалы, идеальное для тайной базы и в названии которого есть слово «миль». Это и есть то самое место, мадам. Не скажете ли вы нам, как туда попасть, и не поможете ли получить разрешение выйти из города, чтобы добраться до этого Трехмильного Острова или хотя бы до его окрестностей?

Квинтана улыбнулась. Улыбаясь, она казалась моложе.

— Если вы имеете дело с интересным случаем межзвездного шпионажа, вы не можете терять времени, верно?

— Действительно не можем, мадам.

— Ладно. Допустим, что в круг моих обязанностей входит посещение Трехмильного Острова. Почему бы мне не взять вас с собой в аэрокар? Я умею управлять им.

— Мадам, но ваша куча бумаг...

— Ее никто не тронет. Она так и будет тут, когда я вернусь.

— Но вам придется выехать из города...

— Ну и что? Небось не старые времена. Давным-давно, в печальную пору космонитского господства земляне не смели выходить из городов, но теперь, вот уже почти два столетия, мы выходим и даже заселяем Галактику. Кое-кто, конечно, придерживается старых обычаев, но большинство стало вполне мобильным. Наверное, когда-нибудь мы присоединимся к какой-нибудь поселенческой группе. Сама я не намерена этого делать, но часто летаю в собственном аэрокаре и пять лет назад летала в Чикаго и обратно. Посидите, я сейчас отдам распоряжения.

Ее как ветром сдуло. Дэниел глянул ей вслед и прошептал:

— Друг Жискар, это не похоже на нее. Ты что-то сделал?

— Чуточку. Когда мы входили, мне показалось, что проводившая нас сюда молодая женщина привлечена твоей внешностью. Я почти уверен, что тот же фактор присутствовал в мозгу Квинтаны на вчерашнем банкете, хотя я находился очень далеко от нее и в комнате было множество других людей. Здесь, как только ты начал с ней разговаривать, я оконча-

тельно утвердился в своей догадке. Я мало-помалу усиливал это влечение, и каждый раз, когда она намекала, что разговор окончен, она казалась все менее решительной и не возражала против его продолжения. Наконец она сказала об аэрокаре. Я уверен, что она не хотела упустить шанс побыть с тобой побольше.

— Это может осложнить мне дело, — задумчиво сказал Дэниел.

— Это прекрасная возможность, — возразил Жискар. — Думай об этом с точки зрения Нулевого Закона.

Казалось, сейчас Жискар должен был улыбнуться — но его лицо не умело выражать чувства.

89

Квинтана посадила аэрокар на подходящее место и с облегчением вздохнула. К машине подошли два робота, чтобы осмотреть ее и при необходимости перезарядить.

Квинтана прислонилась к Дэниелу и взглянула вправо.

— Вот там, в нескольких километрах отсюда, река Саскуэханна. Какой жаркий день! — Она с явной неохотой выпрямилась и улыбнулась Дэниелу: — Хуже всего, когда покидаешь город. Окрестности совершенно не контролируются. Подумать только, какое пекло! Вы не чувствуете жару, Дэниел?

— У меня есть внутренний термостат, мадам, он хорошо работает.

— Великолепно! Хотела бы я иметь такой. Здесь нет дорог, Дэниел, и нет роботов, которые проводили бы вас, потому что они никогда туда не ходят. И я не знаю, где именно то место, которое вы ищете. Мы можем лишь случайно обнаружить вашу базу, а можем и проскочить мимо всего в каких-нибудь пятистах метров.

— Не «мы», мадам. Вам придется остаться. Наше путешествие может быть опасным; к тому же у вас нет кондиционера, и вы можете просто физически не выдержать, даже если ничего не случится. Могли бы вы подождать нас, мадам? Для меня это было бы очень важно.

— Я подожду.

— Но мы можем отсутствовать несколько часов.

— У меня в машине есть кой-какие приспособления, к тому же здесь неподалеку маленький городок Гаррисбург.

— В таком случае нам нужно идти, мадам.

Дэниел легко выпрыгнул из аэрокара. Жискар последовал за ним. Роботы направились на север. Был полдень, и яркое летнее солнце отражалось в полированном корпусе Жискара.

— Любое проявление мыслительной активности, которое ты заметишь, будет тем, что мы ищем, — сказал Дэниел. — Здесь на много километров вокруг никого нет.

— Ты уверен, что мы идем туда, куда нужно?

— Нет, друг Жискар, но мы должны идти.

90

Левулар Мандамус хмыкнул и, скупо улыбнувшись, посмотрел на Амадейро.

— Поразительно, — сказал он, — и более чем удовлетворительно.

Амадейро вытер лоб и щеки обрывком полотенца и спросил:

— Что это означает?

— Это означает, что все релейные станции в рабочем состоянии.

— Значит, вы можете приступить к усилению?

— Как только определю необходимый уровень концентрации частиц.

— А сколько времени это займет?

— Минут пятнадцать... Тридцать.

Амадейро смотрел на Мандамуса, все более хмурясь, наконец тот сказал:

— Все в порядке. Готово. Я устанавливаю временную шкалу на 2,72. Через полтора столетия установится высший уровень равновесия и будет поддерживаться без существенных изменений миллионы лет. При этом уровне на Земле в лучшем случае останутся лишь несколько разбросанных групп людей в относительно малорадиоактивных районах. Нам нужно только подождать полтора столетия, и кучка дезорганизованных Поселенческих миров станет нашей легкой добычей.

— Я не проживу еще полтора столетия, — медленно сказал Амадейро.

— Сожалею, сэр, — сухо ответил Мандамус, — но мы говорим об Авроре и Внешних мирах. Появятся другие, которые возьмут на себя вашу задачу.

— Вы, например?

— Вы мне обещали высший пост в Институте, и, как вы

знаете, я жаждал этого. С такой политической базой я могу надеяться стать когда-нибудь Председателем и повести такую политику, которая обеспечит окончательное исчезновение анархических миров поселенцев.

— Приятно слышать. А что, если вы установите поток частиц, а потом кто-нибудь возьмет да понизит его еще на полтора столетия?

— Это невозможно, сэр. Едва включившись, прибор застынет на определенной отметке. Процесс станет необратимым. Что бы ни случилось, земная кора все равно будет медленно гореть. Я полагаю, что можно перестроить всю систему заново, если кто-то на Земле или из поселенцев мог бы сдублировать мою работу, но даже тогда доза радиоактивности увеличится, но не уменьшится. Второй закон термодинамики присмотрит за этим.

— Мандамус, вы сказали, что жаждете стать директором. Однако пока я директор, значит, я и должен решать.

— Нет, сэр, не вы, — холодно сказал Мандамус. — Детали процесса известны только мне. Данные закодированы в таком месте, которое вам не найти, к тому же оно охраняется роботами, которые скорее уничтожат их, чем отдадут вам. Вы ничего не сможете с ними поделать, а я могу.

— Тем не менее, — сказал Амадейро, — мои рекомендации ускорили бы ваше дело. Если вы отберете у меня лидерство каким бы то ни было способом, вы будете иметь постоянную оппозицию среди других членов Совета, что будет мешать вам все десятилетия вашего пребывания на этом посту. Вы хотите только титула или реальной власти?

— Разве сейчас время говорить о политике? Минуту назад вы были весьма недовольны, что я замешкался на пятнадцать минут над компьютером.

— Да, но сейчас мы говорим о величине потока частиц. Вы хотите поставить его на 2,72 — что это за цифра? — а я думаю, правильно ли это. Какое максимальное значение вы можете установить?

— Шкала от нуля до двенадцати, но необходимо 2,72 — плюс-минус 0,05, если вы хотите точнее. На основании отчетов всех четырнадцати реле, до установления равновесия пройдет полтора столетия.

— Но я думаю, что правильно было бы установить 12.

Мандамус с ужасом уставился на Амадейро:

— Двенадцать? Да вы понимаете, что это означает?

— Да. Это означает, что Земля станет слишком радиоактивной для жизни через десять-пятнадцать лет, в результате чего погибнет десять-пятнадцать миллиардов землян.

— И начнется война с разъяренной федерацией поселенцев. Зачем нам эта бойня?

— Повторяю, я не надеюсь прожить еще полтора столетия, но хочу увидеть гибель Земли.

— Но в таком случае вы же искалечите — это в лучшем случае — и Аврору. Не может быть, чтобы вы говорили серьезно.

— Я говорю вполне серьезно. Два столетия я терпел поражения и унижения.

— Но в этом виноват Хен Фастольф и Жискар, но не Земля.

— Нет, в этом виноват землянин Элайдж Бейли.

— Который умер более полутора столетий назад. И это цена мести давно умершему человеку?

— Я не хочу спорить. Я делаю вам предложение — должность директора немедленно. Как только мы вернемся на Аврору, я уйду со своего поста и назначу вас на мое место.

— Нет. Я не хочу этой должности на таких условиях. Смерть миллиардов!

— Миллиардов землян. Ну тогда я не могу доверить вам манипулировать с приборами. Покажите мне, как включить контрольный прибор. И я возьму всю ответственность на себя. Но все равно по возвращении я уйду со своего поста и отдам его вам.

— Нет. Это все равно будет означать смерть миллиардов землян и неизвестно скольких миллионов космонитов. Доктор Амадейро, поймите, что я ни в коем случае не сделаю этого, а вы не обойдетесь без меня. Механизм включается с помощью отпечатка моего большого пальца.

— Я прошу вас.

— Вы не в своем уме, если просите, несмотря на то что я вам сказал.

— Это ваше личное мнение, Мандамус. Я не настолько безумен, чтобы не сообразить разослать всех здешних роботов по разным местам. Мы с вами здесь одни.

Мандамус усмехнулся краем рта.

— И чем же вы намерены угрожать мне? Не собираетесь ли вы убить меня, пока нет роботов, которые могут остановить вас?

— Да, Мандамус, вообще-то могу, если захочу. — Амадейро вытащил из кармана бластер малого калибра. — На Земле такую штуку добыть трудно, но можно — если хорошо запла-

тить. И я умею им пользоваться. И поверьте, если я скажу, что с превеликим удовольствием прострелю вам голову, если вы не приложите свой большой палец к контакту и не позволите мне поставить шкалу на двенадцать.

— Не посмеете. Если я умру, как вы включите прибор?

— Не будьте дураком. Если я пробью вам голову, ваш палец останется целым. И даже некоторое время теплым. Вот я им и воспользуюсь. Я предпочел бы, чтобы вы остались в живых, потому что объяснять на Авроре вашу смерть будет скучно. Но как бы утомительно это ни было, я переживу. Короче, даю вам тридцать секунд на размышления. Если вы согласны, я немедленно отдаю вам пост директора Института, нет — все будет так, как я хочу, а вы умрете. Начинаю: один, два, три...

Мандамус с ужасом смотрел на Амадейро, который продолжал считать, холодно глядя на Мандамуса поверх бластера.

— Уберите бластер, Амадейро, — прошипел наконец Мандамус, — иначе мы оба будем обездвижены под предлогом, что нас надо защитить от вреда.

Но предупреждение Мандамуса опоздало. В мгновение ока чья-то рука схватила Амадейро за запястье, парализовав его. Бластер упал.

— Извините, — сказал Дэниел, — что я причинил вам боль, доктор Амадейро, но я не могу позволить вам целиться из бластера в человека.

91

Амадейро ничего не сказал.

— Вы два робота, с которыми, как я вижу, нет хозяина, — холодно промолвил Мандамус. — В его отсутствие ваш хозяин я, и я приказываю вам уйти и не возвращаться. Поскольку, как вы видите, никому из людей в данный момент не угрожает опасность, ничто не может заставить вас игнорировать мой приказ. Уходите.

— Простите, сэр, — сказал Дэниел, — нет нужды скрывать от вас наши имена, поскольку вы их и так знаете. Мой спутник, Р. Жискар Ривентлов, умеет распознавать эмоции. Друг Жискар!

— Когда мы подходили, определив ваше присутствие издалека, — начал Жискар, — я отметил, что ваш мозг, доктор Амадейро, переполнен яростью. А в вашем, доктор Мандамус, — бесконечный страх.

— Ярость доктора Амадейро — если это была ярость — просто реакция на приближение двух необычных роботов, — сказал Мандамус, — особенно того, который способен внедряться в человеческий мозг и который погубил — может быть, навсегда — мозг леди Василии. Мой страх — если это был страх — также явился результатом его появления. Теперь мы овладели собой, и у вас нет оснований вмешиваться. Мы приказываем вам немедленно уйти.

— Прошу прощения, доктор Мандамус, — сказал Дэниел, — но я хочу удостовериться, что мы можем спокойно подчиниться вашему приказу. Не было ли бластера в руке доктора Амадейро, когда мы появились, и не целился ли он из бластера в вас?

— Он объяснял мне, как работает бластер, и уже хотел убрать его, когда ты вмешался.

— Значит, я должен вернуть его доктору Амадейро, прежде чем уйду?

— Нет, — без колебаний ответил Мандамус, — потому что тогда у вас будет уважительная причина остаться, чтобы, как вы скажете, защищать нас. Возьмите бластер с собой и уходите, и у вас не будет причины возвращаться.

— У нас есть основания думать, — сказал Дэниел, — что вы сейчас находитесь там, куда людям не разрешено приходить...

— Это правило, а не закон, и на нас оно в любом случае не распространяется, поскольку мы не земляне. Кстати, роботам тоже не разрешается здесь находиться.

— Мы привезены сюда, доктор Мандамус, высокопоставленным членом земного правительства. У нас есть основания думать, что вы намерены поднять уровень радиации в земной коре и нанести серьезный и непоправимый ущерб планете.

— Вовсе нет... — начал Мандамус.

Но тут в первый раз вмешался Амадейро:

— По какому праву, робот, ты устраиваешь нам перекрестный допрос? Мы люди и отдали вам приказ. Подчиняйтесь!

Его повелительный тон заставил Дэниела вздрогнуть, а Жискар уже собрался уйти. Но Дэниел сказал:

— Простите, доктор Амадейро, но я не веду перекрестный допрос, а только хочу убедиться, что могу спокойно подчиниться вашему приказу. У нас есть основания думать, что...

— Можешь не повторять, — перебил его Мандамус и по-

вернулся к Амадейро.— Доктор Амадейро, разрешите мне ответить. — Мандамус вновь взглянул на Дэниела. — Дэниел, наша задача носит антропологический характер. Мы должны найти истоки различных человеческих обычаев, влияющих на поведение космонитов. Эти истоки можно найти только на Земле, вот мы их тут и ищем.

— У вас есть на это разрешение Земли?

— Семь лет назад я консультировался с соответствующими чиновниками Земли и получил разрешение.

— Что скажешь, друг Жискар?

— Показания мозга доктора Мандамуса таковы, что его слова не соответствуют существующей ситуации.

— Значит, он лжет?

— Предполагаю.

Невозмутимость Мандамуса не поколебалась.

— Ты можешь предполагать, но предположение — не уверенность, — сказал он. — Ты не можешь не повиноваться приказу на основании простого предположения. Я знаю это, и ты это знаешь.

— Но в мозгу доктора Амадейро ярость сдерживалась только эмоциональными силами, чего вряд ли требовала работа, — продолжал Жискар. — Вполне возможно, что эти силы, так сказать, порвутся, и ярость выплеснется наружу.

— Что вы распинаетесь перед ними, Мандамус! — закричал Амадейро.

— Молчите, Амадейро! — рявкнул Мандамус. — Вы играете им на руку.

Амадейро не обратил внимания на окрик.

— Это унизительно и бесполезно. — Он злобно оттолкнул протянутую руку Мандамуса. — Они знают правду! Ну и что? Роботы, мы — космониты, более того, мы — аврориане, мы с планеты, где вас сконструировали. И еще того больше, мы высокопоставленные официальные лица на Авроре, и для вас слово «люди» в Трех Законах роботехники должно означать авроpиан. Если вы не повинуетесь нам, вы вредите нам, унижаете нас и нарушаете этим Первый и Второй Законы. То, что мы намереваемся уничтожить землян, даже большое их количество, — правда, но это к делу не относится. Это все равно, как если бы вы отказались повиноваться нам, потому что мы едим мясо убитых животных. Ну, я объяснил вам все, а теперь убирайтесь! — прохрипел Амадейро и, выпучив глаза, упал.

Открыв рот в беззвучном крике, Мандамус склонился над ним.

— Доктор Мандамус, — сказал Жискар, — доктор Амадейро не умер. Он в коме, из которой его в любое время можно вывести. Но он забудет все, связанное с вашим проектом, и ничего не поймет, если вы станете объяснять ему. Когда я это делал — я не мог бы этого сделать, если бы не собственное признание доктора Амадейро, что он намерен уничтожить большое количество землян, — я, возможно, надолго повредил некоторые участки его памяти и некоторые мыслительные процессы. Сожалею, но ничем не могу помочь.

— Знаете, доктор Мандамус, — произнес Дэниел, — на Солярии мы встретили роботов, которые считали людьми только соляриан. И мы поняли, что в том случае, когда роботы так узко трактуют понятие «человек», это может стать причиной безмерных разрушений. Бесполезно пытаться ограничить в нашем понимании понятие «люди» только авроpианами. Мы определяем всех людей — и землян и поселенцев — как хомо сапиенс и чувствуем, что предотвратить вред для группы людей и человечества в целом важнее, чем предотвратить вред для индивидуума.

— Но в Первом Законе так не говорится, — еле слышно прошептал Мандамус.

— Я называю это Нулевым Законом, и он довлеет над Первым.

— Но тебя так не запрограммировали.

— Я сам себя так запрограммировал. И, поскольку с момента вашего появления здесь я знаю, что вы прибыли сюда, чтобы нанести вред, вы не можете приказать мне уйти или удержать меня от нанесения вреда вам. Нулевой Закон превыше остальных. Я должен спасти Землю, поэтому прошу вас добровольно уничтожить ваши приборы, иначе я буду вынужден угрожать вам, как доктор Амадейро, хоть и не воспользуюсь бластером.

— Подожди! — сказал Мандамус. — Выслушай меня. Дай мне объяснить. Из головы этого Амадейро улетучилось все хорошее. Он хотел уничтожить Землю, а я не хочу. Поэтому он и целился в меня из бластера.

— Однако это ваша идея, вы создали все эти приборы, иначе доктору Амадейро не нужно было бы принуждать вас что-то сделать. Он сделал бы это сам, не требуя от вас никакой помощи. Правильно?

— Да, Жискар может сказать, лгу ли я. Я построил эти приборы и был готов воспользоваться ими, но не так, как желал доктор Амадейро. Я говорю правду?

Дэниел посмотрел на Жискара.

— На мой взгляд, он говорит правду, — подтвердил Жискар.

— Конечно, правду, — поддакнул Мандамус. — Я хотел ввести очень медленное увеличение радиоактивности в земную кору. Должно пройти сто пятьдесят лет, в течение которых народ Земли может перебраться на другие планеты. Увеличится население имеющихся Поселенческих миров, и будет создано множество новых. Земля, этот огромный аномальный мир, который вечно угрожает космонитам и сводит на нет усилия поселенцев, перестанет существовать. Исчезнет центр мистического поклонения, который так тянет поселенцев назад. Я говорю правду?

— На мой взгляд, он говорит правду, — подтвердил Жискар.

— Мой план, если он сработает, сохранит мир и сделает Галактику домом как для космонитов, так и для поселенцев. Вот почему, когда я конструировал этот прибор... — Указывая на прибор, он приложил большой палец к контакту и устремился к главному прибору, крикнув: — Застыть!

Дэниел бросился было к Мандамусу, но застыл с поднятой рукой. Жискар не шевельнулся.

Мандамус, задыхаясь, вернулся.

— Поставлено на 2,72. Сделано. Изменить нельзя. Теперь все пойдет так, как я задумал. И вы не можете никому ничего сказать, потому что тогда начнется война, а ваш Нулевой Закон запрещает это! — Он холодно и презрительно взглянул на распростертое тело Амадейро. — Глупец! Ты никогда не узнаешь, как это надо было сделать!

Глава 19

ОДИН

92

— Теперь вы не можете повредить мне, роботы, — сказал Мандамус, — и ничего не сделаете, чтобы изменить судьбу Земли.

— Тем не менее, — дрожащим голосом произнес Жискар, — вы не должны помнить о том, что натворили. Вы ничего не должны объяснить космонитам.

Он трясущейся рукой подтянул к себе стул и сел. А Мандамус согнулся и медленно опустился на землю. Казалось, он безмятежно уснул.

— И все-таки, — с глубоким отчаянием сказал Дэниел, взглянув на два бесчувственных тела, — я потерпел неудачу, и, когда нужно было схватить доктора Мандамуса, чтобы он не нанес вреда людям, я почему-то подчинился его приказу и застыл на месте. Нулевой Закон не сработал.

— Нет, друг Дэниел, — возразил Жискар, — дело не в тебе. Это я остановил тебя. Доктор Мандамус хотел сделать то, что потом все-таки сделал, но боялся твоей реакции на свои действия. Я нейтрализовал его страх, а затем нейтрализовал тебя. И доктор Мандамус включил под земной корой, так сказать, медленный огонь.

— Но зачем, друг Жискар? Зачем?

— Потому что он прав. Я так и сказал тебе. Он-то думал, что он лжет. Изучив чувство торжества в его сознании, я убедился: он уверен, что результатом усиления радиоактивности станут анархия и сумятица, которые охватят Землю и Поселенческие миры; и тогда космониты уничтожат их и захватят Галактику. Но я подумал, что сценарий, который он разработал, чтобы покорить нас, правильный. Устранение Земли, этого огромного перенаселенного мира, уничтожит мистическое и, по-моему, опасное преклонение перед ней и поможет землянам. Они с новой силой устремятся во все концы Галактики и без Земли, на которую они всегда оглядывались и которую обожествляли, создадут Галактическую империю. И мы должны им помочь. — Жискар помолчал и слабеющим голосом добавил: — Роботы и Империя.

— Как ты себя чувствуешь, друг Жискар?

— Я не могу стоять, но говорить еще в состоянии. Слушай. Пора тебе принять мой груз. Я сориентировал тебя на ментальное обнаружение и контроль. Тебе осталось только выслушать последнее наставление, которое должно запечатлеться внутри тебя. Слушай...

Он говорил ровно, преодолевая растущую слабость. Дэниел всем своим существом чувствовал слова и символы. Что-то двигалось внутри и вставало на место.

Когда Жискар закончил, Дэниел вдруг ощутил холодное мурлыканье мозга Мандамуса, неровное биение мозга Амадейро и тонкую металлическую нить мозга Жискара.

— Ты должен вернуться к мадам Квинтане, — сказал Жискар, — и сделать так, чтобы этих двоих отправили на Аврору. Они больше не опасны для Земли. Затем проследи, чтобы земная полиция нашла и дезактивировала гуманоидных роботов, посланных на Землю Мандамусом. Будь осторожен, пользуясь своей новой силой, потому что ты еще не привык к ней и пока не умеешь ее четко контролировать. Постепенно ты приспособишься, если будешь тщательно анализировать свои действия. Пользуйся Нулевым Законом, но не оправдывай им вред, нанесенный индивидуумам без нужды. Первый Закон почти так же важен. Охраняй мадам Глэдию и капитана Бейли, но ненавязчиво. Пусть они будут счастливы вместе, пусть мадам Глэдия продолжает бороться за мир в Галактике. Пригляди, чтобы земляне покинули эту планету. И еще одно... если я вспомню... да, если сможешь, узнай, куда делись соляриане. Это может оказаться важным.

Жискар замолчал.

Дэниел встал на колени рядом с Жискаром и взял его за руку. Металлическая рука Жискара бессильно повисла.

— Очнись, друг Жискар, — в отчаянии прошептал Дэниел. — Очнись. Все, что ты сделал, было правильным по Нулевому Закону. Ты спас множество жизней. Ты сделал добро человечеству. Почему же ты так страдаешь?

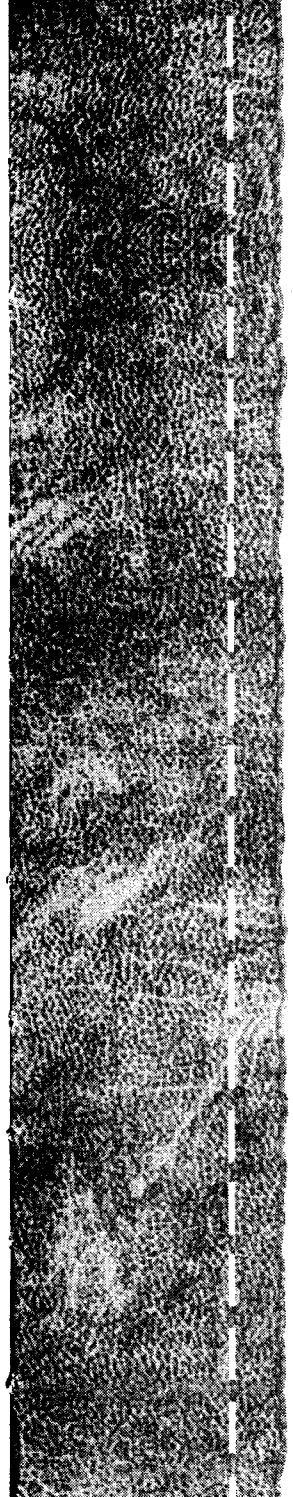
Голос Жискара так изменился, что слова трудно было разобрать.

— Потому что я не уверен... Если... другая точка зрения... все-таки правильна... и космониты восторжествуют, а потом сами погибнут... то Галактика... опустеет... Прощай, друг Дэ...

И Жискар умолк навсегда.

Дэниел встал.

Он остался один... Ему предстояло позаботиться о Галактике.



КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Пролог

ГОД НАЗАД

Человек с Земли пришел к решению. Решение зарождалось медленно, но было твердым.

Вот уже несколько недель он не чувствовал надежной кабины своего корабля, не видел холодной черноты пространства вокруг. Сначала он хотел сделать быстрое сообщение в Межзвездное Космоаналитическое Бюро и вернуться в космос. Но его задерживали здесь. Это было почти как тюрьма.

Он допил чай и взглянул на другую сторону стола:

— Я не останусь здесь дольше!

Другой человек тоже пришел к решению. Оно зарождалось медленно, но было твердым.

Нужно время, нужно много времени. Ответа на первые письма нет. Значит, он не должен выпускать из рук человека с Земли. Он потрогал черный гладкий стержень у себя в кармане.

— Вы не понимаете всей щекотливости этой проблемы.

— Речь идет об уничтожении целой планеты, — возразил землянин. — И потому я хочу, чтобы вы передали подробности по всему Сарку, всем обитателям.

— Мы не можем. Это вызовет панику.

— Но раньше вы говорили, что можете.

— Я обдумал все. Теперь мне стало ясно: это невозможно.

— А представитель МКБ — он все еще не прибыл? — помолчав, спросил землянин.

— Нет. Они заняты организацией нужных мер. Еще день-два...

— Опять день-два! Неужели они настолько заняты, что не могут уделить мне ни минутки? Они даже не видели моих расчетов!

— Я предлагал вам передать им эти расчеты. Вы не согласились.

— И не соглашусь. Они могут прийти ко мне или я к ним. Вы не верите мне. Не верите, что Флорина будет уничтожена.

— Я верю. Вы зря горячитесь.

— Да, горячусь. Что в этом удивительного? Или вы думаете, что на меня, бедняжку, космос подействовал? По-вашему, я сумасшедший?

— Чепуха!

— Не притворяйтесь: вы так думаете. Вот почему я хочу видеть кого-нибудь из МКБ. Они увидят, сумасшедший я или нет!

— Вам сейчас нехорошо. Я помогу вам.

— Нет, не поможете! — истерически вскричал землянин. — Я сейчас уйду. Если вы хотите остановить меня, то убейте! Только вы не посмеете. Кровь всего населения Флорины падет на вас, если вы меня убьете!

— Я не убью вас!

— Вы меня свяжете. Вы запрете меня здесь! Вот чего вам хочется! А что вы будете делать, когда МКБ начнет меня искать? Мне полагается регулярно отсылать сообщения, как вам известно.

— Бюро знает, что вы в безопасности, у меня.

— Знает? А знает ли оно, что я вообще опустился на планету, или нет? Получены ли мои первые сообщения? — Голова у него кружилась, тело начало цепенеть.

Его собеседник встал. Он медленно обошел большой стол, направляясь к землянину.

Слова прозвучали необыкновенно ласково:

— Ради вашего же блага.

Из кармана появился черный стержень. Землянин прохрипел:

— Психозонд!

Он попытался встать, но едва смог пошевелиться. Сквозь стиснутые судорогой зубы он произнес:

— Зелье!

— Зелье, — согласился другой. — Послушайте, я не причиню вам вреда. Но вы так возбуждены и встревожены. Я удалю тревогу. Только тревогу.

Землянин уже не мог говорить. Мог только сидеть. Только тупо думать: «Великий Космос, меня опоили». Ему хотелось закричать, убежать, но он не мог.

Другой уже подошел к нему. Он стоял, глядя на него сверху вниз. Землянин взглянул снизу вверх. Глазные яблоки у него двигались.

Психозонд был автоматическим прибором. Нужно только присоединить его концы к соответствующим точкам на черепе и действовать. Землянин смотрел в ужасе, пока мышцы глаз у

него не оцепенели. Он даже не почувствовал, как острые, тонкие проволочки впивались в черепные швы.

Молча, мысленно он вопил:

«Нет, вы не понимаете! Это целый мир, населенный людьми! Разве вы не видите, что нельзя рисковать жизнью сотен миллионов людей?»

Слова другого доносились глухо, удаляясь в какой-то туннель, длинный и черный:

— Вам не будет больно. Через час вам станет хорошо, совсем хорошо. Вы вместе со мной посмеетесь над этим.

Мрак опустился и окутал все. Полностью он так и не развеялся никогда. Понадобился год, чтобы завеса поднялась хоть отчасти.

Глава 1

НАЙДЕНЫШ

Рик вскочил. Он дрожал так, что должен был прислониться к голой молочно-белой стене.

— Я вспомнил!

Шум жующих челюстей затих. Лица у всех были одинаково чистые, одинаково бритые, лоснящиеся и белые в тусклом свечении стен. В глазах не было интереса, только рефлекторное внимание, возбужденное внезапным, неожиданным возгласом.

Рик закричал снова:

— Я вспомнил свою работу! У меня была работа!

Кто-то крикнул ему:

— Замолчи!

Кто-то добавил:

— Сядь!

Лица отвернулись, жевание возобновилось. Рик тупо смотрел вдоль стола. Он услышал слова «сумасшедший Рик», увидел пожатие плечами. Увидел палец, покрутившийся у виска. Все это не означало для него ничего.

Он медленно сел. Снова взял ложку с острым краем и с зубцами на переднем конце, так что ею можно было одинаково неуклюже хлебать, резать и протыкать. Для раба с плантаций этого было достаточно. Он повернул ложку и уставился на свой номер, выбитый на ее ручке. У всех прочих, кроме номе-

ров, были еще и имена. А у него кличка — Рик. На жаргоне плантаций это означало что-то вроде идиота.

Но, может быть, теперь он будет вспоминать все больше и больше. Впервые с тех пор, как он появился на фабрике, он вспомнил нечто бывшее до того. Если бы только ему дали время подумать!..

Когда он шел вечером с фабрики, его догнала Валона Марч.

— Я слышала, за завтраком была какая-то неприятность?

Рик пробормотал:

— Ничего не было, Лона.

Она настаивала:

— Я слышала, ты вспомнил что-то. Верно, Рик?

Она тоже называла его Риком. А он старался изо всех сил вспомнить свое имя. Однажды Валона раздобыла рваную адресную книгу и прочла из нее все имена. Ни одно не показалось ему более знакомым, чем другие.

Он взглянул ей прямо в лицо и сказал:

— Я должен бросить фабрику.

Валона нахмурилась:

— Не знаю, сможешь ли ты. Это нехорошо.

— Я должен вспомнить побольше о себе.

Валона облизнула пересохшие губы:

— Не знаю, нужно ли это.

Рик отвернулся. Это она устроила его на фабрику и спасла жизнь. Но все-таки он должен...

— Опять головные боли?

— Нет. Я действительно вспомнил что-то. Вспомнил, какая работа была у меня раньше... Поедем в поля, Лона.

— Уже поздно.

— Прошу тебя! Только за черту поселка.

...Через полчаса они свернули с шоссе на извилистую, плотно усыпанную песком дорогу. Молчание было тяжелым, и Валона почувствовала, как ее охватывает страх.

Что, если Рик покинет ее? Во многих отношениях он еще походил на ребенка. Но прежде, чем его лишили разума, он был, конечно, образованным человеком. Образованным и очень важным.

В свое время она испугалась, услышав его первые слова. Они прозвучали так неожиданно и странно после долгих несвязных жалоб на головную боль. Уже тогда Лона боялась, что

он может вспомнить слишком много и бросить ее. Она была просто Валоной Марч по прозвищу Большая Лона. Крупная большеногая девушка с красными от работы руками. Девушка, которой никогда не найти мужа. Она лишь смотрела с тупой досадой на парней. Она была слишком крупная, чтобы хихикать и подмигивать им. У всех других женщин один за другим появлялись дети, а она могла только протискиваться к ним, чтобы взглянуть на красное, безволосое существо с зажмуренными глазками и резиновым ротиком.

Но вот в ее жизни появился Рик — своего рода младенец. Его нужно было кормить, окружать заботой, выносить на солнце, убаюкивать, когда головная боль терзала его, защищать.

А ее кулаков боялись даже взрослые. В тот день, когда она впервые привела Рика работать на фабрику, она одним ударом свалила своего мастера, который сказал о них какую-то непристойность.

Поэтому ей хотелось, чтобы Рик перестал вспоминать. Она знала, что ничего не может предложить ему: с ее стороны было эгоизмом желать, чтобы он навсегда оставался беспомощным и умалишенным. Просто она никому еще не была нужна до такой степени. Просто она боялась вернуться в одиночество.

Она спросила:

— Ты уверен, что вспоминаешь, Рик?

— Да. Я могу доверять своим воспоминаниям, Лона, когда они возвращаются. Ты это знаешь. Например: ты не учила меня говорить. Я сам вспомнил. Верно? А теперь я вспоминаю, каким я был раньше. У меня должно было быть это «раньше», Лона!

«Должно было». При этой мысли у нее стало тяжело на сердце. Это было другое «раньше», другой мир. Она знала это, потому что единственным словом, которого он не мог вспомнить, было слово «кырт». Ей, Лоне, пришлось учить его слову, обозначавшему на Флорине то, что важнее всего в мире.

— Что ты вспоминаешь? — спросила она.

Возбуждение Рика вдруг упало. Он заколебался.

— Это не очень понятно, Лона. Только то, что у меня была работа, и я знаю какая. По крайней мере знаю отчасти. Я анализировал Ничто.

Она никогда в жизни не слышала слово «анализировал» и все же спросила:

— Но, Рик, что это может быть за работа: а-на-ли-зи-ровать ничего? Это не работа!

— Я не говорил «ничего». Я сказал: анализировал Ничто. С большого «Н».

— Разве это не одно и то же?

— Нет, конечно. — Он глубоко передохнул. — Но боюсь, что не смогу объяснить тебе. Это все, что я вспомнил. Но я чувствую, какая это была важная работа. Не может быть, чтобы я был преступником!

Это уже было, когда он впервые заговорил. Заговорил так внезапно, что испугал ее. Она не посмела посоветоваться даже с резидентом. В ближайший свободный день Лона повезла Рика в город к доктору.

После обследования доктор вышел к ней.

— Когда вы встретили этого человека?

Она рассказала ему, очень осторожно, без всяких подробностей, ничего не сказав ни о резиденте, ни о патрульных.

— Значит, ты ничего не знаешь о нем?

— О том, что было раньше, — ничего.

— Этот человек был подвергнут психозондированию. Ты знаешь, что это такое?

Сначала она опять покачала головой, потом прошептала тихо:

— Это то, что делают с сумасшедшими, доктор?

— И с преступниками. Чтобы излечить рассудок или изменить в нем то, что заставляет их красть и убивать.

— Но Рик никогда ничего не крал, — растерялась Лона.

— Откуда ты знаешь, что он делал до того, как ты его встретила? Сейчас это очень трудно выяснить. Зондирование было глубокое и грубое. Неизвестно, какая часть разума удалена полностью, а какая только затуманена шоком. Его нужно держать под наблюдением.

— Нет, нет! Он останется со мной! Я хорошо забочусь о нем, доктор!

Он нахмурился, но заговорил еще ласковее:

— Да, но я и думал о тебе, девушка. Может быть, из него удалено не все злое. Не хочешь же ты, чтобы когда-нибудь он обидел тебя.

В эту минуту сестра привела Рика, успокаивая его ласковым воркованием, как младенца. Рик приложил руку к голове и глядел бессмысленно, пока его взгляд не остановился на Валоне. Он протянул к ней руки и слабо закричал:

— Лона!

Она кинулась к нему, крепко обняла, прижимая его голову к своему плечу. Потом посмотрела на доктора.

— Он никогда, ни за что не обидит меня.

— И все-таки о нем нужно сообщить. Не знаю, как ему удалось ускользнуть из-под надзора в таком состоянии.

— Значит, его отнимут у меня, доктор?

— Боюсь, что да. Таков закон.

Весь обратный путь она тяжело и слепо, в отчаянии прижимала Рика к себе.

Через неделю по гипервидео передали известие о докторе, погибшем в катастрофе, когда прервался один из местных электрических лучей. Имя показалось ей знакомым, и ночью в своей комнате она сравнила его с записанным на бумажке. Имена совпадали.

Позже, когда Рик стал понимать больше, она рассказала ему о том, что говорил доктор, и посоветовала оставаться в поселке, если он хочет быть в безопасности...

— Я не мог быть преступником, — повторил Рик, — если у меня была такая важная работа! Надо уйти. Другого пути нет. Я должен бросить фабрику и поселок и узнать о себе побольше.

— Рик! Это опасно! Если даже ты анализировал Ничто, почему это важно настолько, чтобы тебе узнавать больше?

— Потому что я вспомнил еще кое-что.

— Что, что ты вспомнил?

— Не скажу, — прошептал Рик.

— Ты должен сказать кому-нибудь. Иначе опять забудешь.

Он схватил ее за руку.

— Это верно. Ты никому не скажешь, правда, Лона? Ты будешь моей памятью, на случай, если я забуду?

— Конечно, Рик.

Рик огляделся. Мир был прекрасен. Валона как-то рассказала ему, что в Верхнем Городе, в нескольких милях над ним, есть огромная светящаяся надпись:

ФЛОРИНА — САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ПЛАНЕТА
В ГАЛАКТИКЕ

И сейчас, оглядываясь, он мог поверить этому.

— То, что я вспомнил, ужасно. Но когда я вспоминаю, то всегда правильно. Это мне припомнилось в конце дня.

— Да?

Он в ужасе пристально смотрел на нее.

— Все на этой планете должны погибнуть. Все, кто живет на Флорине.

Мирлин Теренс доставал книгу-фильм с полки, когда к нему позвонили. Резидент неторопливо подошел к двери, на ходу заглаживая верхний прорез рубашки. Даже одежда у него была похожа на одежду сквайров. Иногда он почти забывал, что родился на Флорине.

На пороге стояла Валона Марч. Она опустилась на колени и склонила голову в почтительном приветствии.

Теренс широко распахнул дверь.

— Войди, Валона. Садись. Час отбоя давно уже прошел. Надеюсь, патрульные не видели тебя?

— Кажется, нет, резидент.

— Ты чем-то расстроена. Опять Рик?

— Да, резидент. — Она сидела, как всегда, спрятав свои большие руки в складках платья; но он заметил, что ее сильные короткие пальцы переплелись и слегка вздрагивают.

— Что бы это ни было, я слушаю тебя, — сказал он негромко.

— Вы помните, резидент, как я пришла к вам и рассказала о городском докторе и о том, что он говорил?

— Да, Валона, помню. И еще помню, что велел тебе никогда не делать ничего подобного, не посоветовавшись со мной. А ты помнишь это?

Глаза у нее расширились. Ей не нужно было напоминаний, чтобы снова ощутить его гнев.

— Я никогда больше не сделаю ничего такого, резидент. Я только хотела напомнить вам, что вы обещали сделать все, чтобы помочь мне удержать Рика.

— Я так и сделаю. Значит, патрульные спрашивали о нем?

— Нет. О резидент, по-вашему, они могут спросить?

— Я уверен, что нет. — Он начал терять терпение. — Ну же, Валона, рассказывай, в чем дело!

— Он говорит, что вспоминает разные вещи.

Теренс подался вперед и чуть не схватил девушку за руку.

— Разные вещи? Какие?

В памяти Теренса ожил день, когда нашли Рика. Он увидел толпу ребят у одного из оросительных каналов, как раз за чертой поселка. Они пронзительно кричали, окликая его: «Резидент! Резидент!», и показывали на какую-то белую шевелящуюся массу.

Это был взрослый мужчина, почти голый; изо рта у него текла слюна, и он слабо повизгивал, бесцельно двигая руками и ногами. На мгновение его глаза встретились с глазами Теренса и стали как будто осмысленнее... Потом рука у человека приподнялась и большой палец очутился во рту.

Кто-то из ребят засмеялся:

— Резидент, да он сосет пальцы!

Простертое тело сотряслось внезапным криком, лицо покраснело и сморщилось. Раздался тихий, бесслезный плач, но палец так и остался во рту.

Теренс стряхнул с себя оцепенение.

— Вот что, ребята, нечего бегать по кыртовому полю, нечего портить урожай. Сами знаете, что будет, если рабочие с плантаций поймают вас. Расходитесь и молчите обо всем. Эй, вон ты, сбегай-ка к доктору Дженксу и попроси его прийти сюда.

Доктор Дженкс помог Теренсу уложить человека в тележку и как можно незаметнее привезти в поселок. Вдвоем они смыли с него засохшую грязь.

Дженкс тщательно осмотрел Рика.

— Инфекции, по-моему, нет, резидент. И он сытый. Ребра не выпирают. Не знаю, что с ним делать. Как вы думаете, куда его девать теперь?

— Боюсь, что не знаю.

— Он не умеет даже ходить. Он как младенец. И похоже, что все позабыл.

— Может быть, это после болезни?

— По-моему, нет. Возможно, это психическое заболевание. Но я полный профан в психиатрии, подобных больных я посылаю в город. Вы никогда не видели нашего города, резидент?

— Я здесь только месяц.

Дженкс вздохнул, полез за платком.

— Да. Старый резидент — тот был молодец. Держал нас хорошо. Я живу тут почти шестьдесят лет, а этого парня никогда не видел. Он, верно, из другого поселка. Посмотрим, что скажут патрульные.

Патрульные, конечно, явились. Избежать этого было невоз-

можно. Их было двое, этих наемников, носящих громкое имя членов Флориниансного патруля. Они глядели равнодушно и скучно.

— Кто этот умалишенный? — спросил один из них у Теренса.

— Кто его знает! Его нашли позавчера в канаве на кыртовом поле.

— А документы у него были?

— Нет, сударь. Только тряпки на теле.

— Что с ним такое?

— По-моему, просто идиот.

— И охота вам возиться с такой дрянью? — Член Флориниансного патруля зевнул, спрятал свою книжку и сказал: — Ладно, об этом даже рапортовать не стоит. Нам до него дела нет.

И оба ушли.

Посоветовавшись с доктором Дженксом, резидент отдал Рика под присмотр Валоне Марч. В конце концов, лишняя пара рабочих рук, притом бесплатных, это не так уж плохо.

...Теренс стал их неофициальным опекуном. Он добился для Валоны дополнительного пайка, добавочных талонов на одежду — всего, что нужно, чтобы двое взрослых (из них один незарегистрированный) прожили на жалованье одного. Он помог ей устроить Рика на фабрику. Смерть врача в городе избавила его от тревоги, но он оставался начеку.

Было естественно, что Валона обращалась со всеми своими затруднениями к нему. И теперь он ждал, чтобы она ответила на его вопросы.

— Он говорит, что все в мире умрут.

— А говорит ли почему?

— Он не знает. Он говорит, что когда-то у него была важная работа, но я не пойму какая.

— Как он ее описывает?

— В общем, он... анализировал Ничто. Но, резидент, как можно делать что-нибудь с Ничем?

Теренс встал и улыбнулся.

— Как, Валона, разве ты не знаешь, что все во Вселенной состоит почти из ничего?

Валона не поняла этого, но согласилась. Резидент был очень ученым человеком. С неожиданным приливом гордости она вдруг увидела, что ее Рик еще ученее.

— Идем. — Теренс протягивал ей руку. — Идем к Рику.

В хижине у Валоны было темно, и они вошли туда ощупью.

В свете маленького, прикрытого рукой фонарика Теренс заметил, что один угол комнаты отгорожен старенькой ширмой.

Эту ширму он сам недавно добыл для Валоны, когда Рик стал гораздо больше похож на взрослого, чем на ребенка.

Из-за ширмы доносилось ровное дыхание.

— Разбуди его, Валона.

Валона постучалась в ширму.

— Рик! Рик! Детка!

Послышался легкий вскрик.

— Это я, Лона, — быстро сказала она. Они зашли за ширму, и Теренс осветил фонариком себя и Валону, потом Рика.

Рик заслонился от света рукой.

— Что случилось?

Теренс сел на край кровати.

— Рик, — произнес он. — Валона сказала, что ты начинаешь вспоминать кое-что.

— Да, резидент. — Рик держался смиренно с резидентом, самым значительным из когда-либо виденных им людей. С резидентом был вежлив даже управляющий фабрикой. Рик сообщил Теренсу о тех крохах, что извлекла его память в течение дня.

— Вспомнил ли ты что-нибудь еще?

— Больше ничего, резидент.

Теренс задумался.

— Хорошо, Рик, можешь спать.

Валона проводила его за порог. Он видел, как подергивалась у нее щека и как она вытерла себе глаза тыльной стороной кисти.

— Покинет он меня, резидент?

Теренс взял ее за руки и заговорил серьезно:

— Будь взрослой, Валона. Он поедет со мной ненадолго, но я привезу его обратно.

— А потом?

— Не знаю. Ты должна понять, Валона. Сейчас нам важнее всего, чтобы Рик мог вспомнить побольше.

Валона спросила вдруг:

— Неужели правда, что все на Флорине умрут, как он говорил?

Теренс крепче сжал ее руки.

— Не говори этого никому, Валона, иначе патрульные заберут его навсегда.

Он повернулся и медленно направился к своему дому, даже не замечая, что руки у него дрожат. Дома он тщетно пытался уснуть, и через час пришлось настроить наркополе. Это был один из немногих приборов, которые он привез, когда впервые вернулся с Сарка на Флорину, чтобы стать резидентом. Прибор плотно надевался на голову, как шапочка из тонкого черного фетра. Теренс поставил его на 5 часов и включил контакт.

Он еще успел уютно улечься в постели, прежде чем замедленная реакция замкнула накоротко центры мозга и мгновенно погрузила его в сон без сновидений.

Глава 2

БИБЛИОТЕКАРЬ

Они вышли из диамагнитного роллера на стоянке за чертой города. Рик ждал, пока Теренс запрет кабину стоянки и опечатает ее прикосновением подушечек пальцев. В новом комбинезоне Рик чувствовал себя не очень удобно. Он неохотно последовал за резидентом под одну из высоких мостоподобных структур, поддерживающих Верхний Город. Ибо Город был двойным: его строго делил горизонтальный слой сталесплава площадью 50 квадратных миль, опиравшийся на 20 тысяч стальных решетчатых колонн. Внизу, в тени, жили «туземцы». Наверху, на солнце — сквайры. В Верхнем Городе трудно было поверить, что ты находишься на Флорине. Население было почти исключительно саркитское, включая немногочисленных патрульных. Это был высший класс в буквальном значении этого слова.

Теренс хорошо знал дорогу. Он шел быстро, избегая взглядов прохожих, смотревших на его резидентскую одежду со смешанным выражением зависти и досады. Солнце светило, и его лучи, падая сквозь правильно распределенные отверстия в сталесплаве, еще более сгущали окружающую темноту.

В полосах света сидели в подвижных креслах старики, наслаждаясь теплом и двигаясь вместе с движением луча. Иногда они засыпали и оказывались в тени, пока не просыпались

от скрипа колесиков при перемене позы. Там, где не было стариков, матери почти сплошь перегораживали светлую полосу своими отпрысками в колясках.

— Ну, Рик, держись, — сказал Теренс. — Сейчас мы поднимемся.

Они остановились перед сооружением, занимавшим промежуток между четырьмя колоннами, вознесенными от земли до самого Верхнего Города. Это и был лифт.

Когда они поднялись наверх, дверь открылась в совершенно другой мир. Как и все города на Сарке, Верхний Город был чрезвычайно ярким и пестрым. Отдельные строения, будь то жилые дома или общественные здания, пестрели сложной, многоцветной мозаикой, которая вблизи выглядела бессмысленной путаницей, но издали сливалась в яркую гамму красок, менявшихся и переливавшихся вместе с изменениями угла зрения.

— Идем, Рик, — произнес Теренс.

Рик смотрел, широко раскрыв глаза. Ничего живого, никаких растений! Только огромные массы камня и красок. Он никогда не знал, что дома бывают такими величественными. Что-то мгновенно шевельнулось у него в мозгу. На секунду огромность перестала казаться странной... А потом память снова закрылась.

Мимо промелькнул экипаж.

— Это сквайры? — прошептал Рик.

Он успел лишь взглянуть. Коротко стриженные волосы, широкие, развевающиеся рукава из блестящей ткани ярких цветов, от синего до фиолетового, короткие бархатистые штаны и длинные чулки, блестевшие, словно сотканные из медной проволоки.

— Молодые, — сказал Теренс. Он не видел их так близко с тех самых пор, как покинул Сарк. И он снова вздрогнул, подавляя бесполезный трепет ненависти.

Сзади раздалось шипение двухместного экипажа со встроенным воздушным управлением. Машина повисла над дорогой; ее блестящее, гладкое дно было со всех сторон загнуто кверху, чтобы снизить сопротивление воздуха. Этого было достаточно, чтобы появилось характерное шипение, первый признак патрульных.

Они были рослые, как и все патрульные: широкие лица, плоские щеки, длинные черные волосы, светло-коричневая ко-

жа. Их черные блестящие мундиры, подчеркнутые ярким серебром пряжек и орнаментальных пуговиц, сглаживали различие в лицах и еще больше подчеркивали одинаковость.

Один из них сидел за пультом управления. Другой легко перепрыгнул через низкий борт экипажа.

— Удостоверения! — Патрульный мгновенно взглянул на документы и вернул их Теренсу. — Что вы тут делаете?

— Я хотел посетить библиотеку, офицер. Это моя привилегия.

— У твоего дружка нет резидентских привилегий, — отрезал патрульный.

— Я поручусь за него.

Патрульный пожал плечами.

— Как угодно. У резидентов есть привилегии, но резиденты не сквайры. Помните об этом... Вон то здание — библиотека. Полетели, Кред!

С того места, где они стояли, библиотека казалась пятном яркой киновари, темнеющей до пурпура к верхним этажам. По мере того как они подходили, пурпур сползал все ниже.

— По-моему, это некрасиво, — сказал Рик.

Теренс быстро и удивленно взглянул на него. Он привык ко всему этому еще на Сарке, но тоже находил кричащие цвета Верхнего Города несколько вульгарными.

Они остановились у спирального помоста, ведшего к главному входу. Цвета были распределены так, чтобы создать иллюзию ступенек; это придавало библиотеке надлежащий архаический вид, по традиции свойственный «ученым» зданиям.

Главный холл был просторный, холодный и почти пустой. Библиотекарша удивленно взглянула на них и поднялась с места.

— Я — резидент. Особые привилегии. Я отвечаю за этого туземца. — Бумаги у Теренса были наготове, и он протянул их.

Библиотекарша села и приняла строгий вид. Она раскрыла удостоверение и сунула его в контрольную щель, где на мгновение мелькнул тусклый фиолетовый цвет.

— Комната двести сорок два, — сказала она.

Эта комната походила на кабинет технического секретаря. Искусственный свет, принудительная вентиляция, никаких украшений. Два диктофона и через всю стену — огромный

тусклый стенд, где снизу вверх шел длинный список алфавитного материала, названий, авторов, каталожных номеров.

— Я знаю, что это такое, — вдруг произнес Рик. — Надо нажать цифры и буквы нужной книги на этих маленьких кнопках, и книга появляется вон на том экране.

Теренс повернулся к нему.

— Откуда ты это знаешь? Ты вспомнил?

— Может быть. Я не уверен.

— Ну что ж, назовем это разумной догадкой.

Он набрал какую-то комбинацию букв и цифр. Экран вспыхнул: «Энциклопедия Сарка, том 54, Алмаз — Анод».

— Ну вот, смотри, Рик. Я не хочу тебе ничего подсказывать. Но ты должен просмотреть этот том и остановиться на всем, что покажется тебе знакомым. Ты понял?

— Да.

— Хорошо. Теперь смотри...

Минуты шли. Вдруг Рик ахнул и закричал:

— Я увидел, резидент! Я увидел!

Это была статья об анализе космоса.

— Я знаю, что там сказано, — продолжал Рик. Он с трудом перевел дыхание. — Вот смотрите, это всегда тут говорится!

Он прочел вслух медленно, но гораздо лучше, чем можно было бы объяснить отрывочными уроками, полученными им от Валоны:

— «Неудивительно, что по своему темпераменту космоаналитик является интровертированным и довольно часто не приспособленным к жизни субъектом. Посвятить большую часть своей жизни одиноким наблюдениям ужасной пустоты межзвездных пространств — это больше, чем можно потребовать от вполне нормального человека. Отчасти понимая это, Институт Космического Анализа принял в качестве официального девиза не слишком правильную формулировку: «Мы анализируем Ничто».

Рик закончил чтение, почти вскрикнув.

— Ты понимаешь то, что прочел? — спросил Теренс.

Тот взглянул на него пылающими глазами.

— Там сказано: «Мы анализируем Ничто». Это я и вспомнил. Я был одним из них.

— Ты был космоаналитиком?

— Да! — заорал Рик. Потом добавил потише: — Голова болит. — Он смотрел, наморщив лоб. — Я должен вспомнить

больше. Есть опасность. Огромная опасность!.. Я не знаю, что делать.

— Библиотека в нашем распоряжении, Рик. — Теренс смотрел на него внимательно и взвешивал каждое слово. — Посмотри каталог сам и поищи тексты по космоанализу. Посмотрим, куда это приведет тебя...

— Как насчет «Трактата об инструментальном космоанализе» Врийта? — спросил после долгих размышлений Рик. — Это правильно?

— Тебе решать, Рик.

Рик нажал кнопку, но на экране засветилось: «О данной книге спросить лично у библиотекаря».

Теренс протянул руку и погасил экран.

— Попробуй найти другую книгу, Рик.

— Но... — Рик поколебался, выполняя приказание. После новых поисков в каталоге он нашел «Состав пространства» Эннинга.

На экране снова появилось требование обратиться к библиотекарю. Теренс чертыхнулся и погасил экран.

Из маленького репродуктора над диктофоном послышался тонкий сухой голос библиотекарши, от которого оба похолодели.

— Комната двести сорок два! Есть кто-нибудь в комнате двести сорок два?

— Что вам надо? — хрипло ответил Теренс.

— Какая книга вам нужна?

— Никакая. Благодарю вас. Мы только пробовали аппарат.

Наступило молчание, словно там происходило какое-то невидимое совещание. Потом голос сказал немного резче:

— В записях стоит требование на «Трактат об инструментальном космоанализе» Врийта и на «Состав пространства» Эннинга. Это верно?

— Мы набирали номера наугад, — сказал Теренс.

— Могу ли я узнать ваши основания для затребования этих книг? — Голос был неумолим.

— Говорю вам, они нам не нужны... Молчать! — Это относилось к Рику, начавшему жалобно шептать что-то.

Снова пауза. Потом голос произнес:

— Если вы подойдете к столу, то сможете получить эти книги. Они оставлены для вас, и вам нужно только заполнить формуляр.

Теренс протянул руку к Рику.

— Пойдем.

— Может быть, мы нарушили правила? — пробормотал Рик.

— Чепуха, Рик. Мы уходим.

Теренс спешил, увлекая за собою Рика. Они вышли в главный холл. Библиотекарша взглянула на них.

— Подождите! — крикнула она, вскочив и держась за стол. — Одну минуту! Одну минуту!

Они не останавливались. Но перед ними очутился патрульный.

— Вы здорово спешите, парни.

Библиотекарша подбежала к ним, слегка задыхаясь:

— Вы из комнаты двести сорок два, верно?

— Послушайте, — твердо произнес Теренс, — почему нас задерживают?

— Вы спрашивали о некоторых книгах? Мы можем достать их для вас.

— Слишком поздно. В другой раз. Разве вы не поняли, что книги нам не нужны? Я вернусь завтра.

— Библиотека всегда стремится удовлетворить читателей, — чопорно произнесла женщина. — Книги будут получены за две минуты. — На скулах у нее вспыхнули два ярких красных пятна. Она повернулась и бросилась к маленькой двери, открывшейся при ее приближении.

— Офицер, если вы не возражаете... — начал было Теренс. Но патрульный прервал его, показав короткий нейронный хлыст — прекрасное оружие дальнего действия.

— Парень, тебе лучше подождать, пока вернется эта дама. Будь вежливым.

Лоб Теренса покрылся потом. Каким-то образом он недооценил положение. Он был так уверен в своем анализе событий, во всем. И вот к чему это привело. Не нужно было быть таким настойчивым. Виновато его проклятое любопытство, желание войти в Верхний Город, пройти по коридорам библиотеки, словно он был саркитом...

На одно безумное мгновение ему захотелось прыгнуть на патрульного — и вдруг, совсем неожиданно, это не понадобилось.

Сначала промелькнуло что-то движущееся. Патрульный хотел обернуться, но опоздал.

Нейронный хлыст оказался вырванным у него из рук.

Офицер успел лишь хрипло вскрикнуть, когда хлыст прикоснулся к его виску.

Рик взвизгнул от радости, а Теренс воскликнул:

— Валона! Клянусь всеми демонами Сарка, — Валона!

Глава 3

МЯТЕЖНИК

Теренс пришел в себя почти тотчас же. Он сказал:

— Скорей отсюда. Живо! — и пошел прочь.

На мгновение ему захотелось оттащить бесчувственное тело патрульного в тень за колоннами главного холла, но на это явно не было времени.

Они вышли на лестницу, где послеполуденное солнце разливало в окружающем мире теплоту и яркость. Краски Верхнего Города сдвинулись к оранжевым тонам.

— Идемте скорее! — тревожно сказала Валона.

Теренс удержал ее за локоть. Он улыбнулся, но голос у него был низкий и твердый.

— Не беги. Иди, как всегда, и следуй за мной. Держи Рика. Не давай ему бежать...

Несколько шагов. Они двигались, словно сквозь клей. Шум в библиотеке? Или это только кажется? Теренс не смел оглянуться.

— Сюда, — сказал он.

Надпись над тротуаром слегка мигала в солнечном свете, не в силах соперничать с ним: «Вход в амбулаторию».

Женщина в форменном платье взглянула на них издали. Она заколебалась, нахмурилась, начала приближаться. Теренс не стал ждать. Он резко свернул в сторону, прошел по одному коридору, потом по другому. Все равно их вот-вот остановят. Почти не бывало случаев, чтобы туземцы ходили без надзора по верхнему ярусу больницы. Что с ними будет?

Конечно, в конце концов их остановят.

Поэтому сердце у Теренса забилось спокойнее, когда он увидел малозаметную дверь с надписью: «На нижний ярус». Лифт оказался наверху. Теренс втолкнул в него Валону и Рика.

Так было проще всего попасть в Нижний Город, избегнув больших товарных лифтов с их медленным ходом и чересчур

внимательными лифтерами. Правда, туземцам запрещалось пользоваться больничными лифтами, но это добавочное преступление было ничтожным по сравнению с нападением на патрульного.

Они вышли на нижнем ярусе.

— Я не могла не прийти, резидент, — быстро шептала Валона. — Я так беспокоилась о Рике! Я думала, вы не привезете его обратно, и...

— Но как же ты попала в Верхний Город?

— Я шла за вами и видела, как вы поднимались в лифте. Когда он вернулся, я сказала лифтеру, что отстала от вас, и он взял меня наверх.

— Просто так?

— Я немножко потрясла его.

— Демоны Сарка! — простонал Теренс.

— Так пришлось, — смиренно пояснила Валона. — Потом я видела, как патрульные показывают вам здание. Я подождала, пока они улетят, и тоже пошла туда. Только я не посмела войти и пряталась, пока не увидела, что вы выходите, а патрульный хочет остановить вас...

Они были уже на улице, в полутени Нижнего Города. Вокруг кишели звуки и запахи Туземного квартала, и верхний ярус опять стал только крышей над ними. Но они зашли слишком далеко, и отныне их везде подстерегала опасность.

Эта мысль еще не успела покинуть резидента, когда Рик крикнул:

— Смотрите!

У Теренса пересохло в горле.

Самое страшное зрелище, какое могли увидеть туземцы Нижнего Города. Словно гигантская птица спускалась в одно из отверстий из Верхнего Города. Она закрыла солнце и углубила зловещую тень в этой части квартала. Машина с вооруженными патрульными.

Туземцы завопили и начали разбегаться. Может быть, у них и не было особых поводов бояться, но все же они разбегались.

Теренс колебался, а Рик и Валона ничего не могли сделать без него. Внутренняя тревога резидента усилилась до лихорадки. Если они побегут, то куда? Если останутся на месте, то что смогут сделать?

Какой-то широкоплечий детина приближался к ним тяже-

лой рысцой. На мгновение он приостановился рядом с ними, словно в нерешительности. Потом сказал равнодушно:

— Пекарня Хорова вторая налево, за прачечной. — И круто повернулся обратно.

— В пекарню, — прохрипел Теренс.

Размышлять было поздно.

Он бежал весь в поту. Сквозь шум он слышал лающую команду из динамика патрульных. Он взглянул через плечо. С полдюжины патрульных рванулись из машины, рассыпаясь веером. А он, Теренс, в своей проклятой резидентской одежде заметен так же, как любой из столбов, поддерживающих Верхний Город.

Двое патрульных бежали прямо к ним. Теренс не знал, увидели его или нет, да это и неважно. Оба столкнулись с тем широкоплечим, который только что сказал им о пекарне. Все трое были достаточно близко. Теренс услышал хриплый бас широкоплечего, громкие ругательства патрульных и толкнул Валону и Рика за угол.

Над пекарней висела сильно вылинявшая надпись из светящейся пластмассы, поломанной во многих местах. Из распахнутой двери струился восхитительный запах. Когда они вбежали внутрь, то не сразу различили затемненное мукой свечение радарных печей. Из-за бункера выглянул какой-то старик.

Теренс начал было: «Широкоплечий человек...» — и расставил руки для пояснения, как вдруг снаружи послышались крики: «Патруль! Патруль!»

— Сюда! Скорей! — проскрипел старик. — Залезайте в эту печь.

— Туда? — отшатнулся Теренс.

— Она не настоящая. Скорее!

Сначала Рик, потом Валона, а за ними Теренс пролезли сквозь дверку печи. Что-то слабо щелкнуло, задняя стенка печи сдвинулась и свободно повисла на петлях. Они толкнули ее и прошли в маленькую, тускло освещенную комнату.

Они ждали. Вентиляция была плохая, запах печеного хлеба усиливал голод. Валона все время улыбалась Рику, механически время от времени похлопывая его по руке. Рик тупо смотрел на нее.

Прошла целая вечность.

В стенке щелкнуло. Теренс напрягся. Сам того не сознавая, поднял сжатые кулаки.

Сквозь отверстие протискивались огромные плечи. Они едва помещались там. Широкоплечий взглянул на Теренса и улыбнулся.

— Легче, приятель. Мы не будем драться. — Рубашка едва держалась у него на плечах, на скуле была красная ссадина. — Поиски окончились. Если вы голодны, можете заплатить и получите всего вдоволь. Что скажете?

Огни Верхнего Города освещали небо на целые мили, но в Нижнем стояла густая тьма. Окна пекарни были плотно завешаны, чтобы скрыть свет.

— Я Матт Хоров, но меня называют Пекарем, — представился широкоплечий. — А вы кто?

— Ну, мы... — Теренс пожал плечами.

— Вижу. То, чего я не знаю, никому не повредит. Возможно. Однако в этом вы можете мне довериться. Я спас вас от патрульных, не так ли?

— Да. Благодарю. — Теренсу не удавалось придать своему голосу сердечность. — Как вы узнали, что они гонятся за нами? Там разбегались все.

Тот улыбнулся.

— Ни у кого не было такого лица, как у вас. Ваши лица можно было бы размолоть на известку...

Теренс попытался улыбнуться.

— Но вы рисковали жизнью. И я благодарю вас за спасение.

— Я делаю это каждый раз, когда могу. Если патрульные гонятся за кем-нибудь, я не могу не вмешаться. Я ненавижу патрульных.

— И попадаете в неприятности?

— Конечно. Вот зачем я построил эту поддельную печь. С нею патрульные не могут поймать меня и затруднить мне работу. Вы знаете, сколько на Флорине сквайров? Десять тысяч. А сколько патрульных? Может быть, двадцать тысяч. А нас, туземцев, пятьсот миллионов. Если все мы встанем против них... — Он прищелкнул пальцами.

Теренс возразил:

— Мы встали бы против иглоружей и плазменных пушек, Пекарь.

— Нам нужно завести свои. Вы, резиденты, жили слишком близко к сквайрам. Вы их боитесь.

Мир Валоны переворачивался кверху дном. Этот человек дрался с патрульными, а сейчас говорил так уверенно и небрежно с резидентом. Когда Рик схватил ее за рукав, она разжала его пальцы и велела ему спать.

— ...Даже имея иглоружья и плазменные пушки, сквайры могут владеть Флориной только при одном условии: это помощь ста тысяч резидентов.

Теренс вскипел:

— Между прочим, я ненавижу сквайров больше вашего. И все-таки...

— Продолжайте, — хохотнул Пекарь. — Я не выдам вас за вашу ненависть к сквайрам. Итак: почему же патрульные погнались за вами?

Теренс не ответил.

— Осторожность, конечно, не мешает, но бывают и такие вещи, как чрезмерная осторожность, резидент. Вам понадобится помощь. Они знают, кто вы.

— Нет, не знают, — поспешно сказал Теренс.

— Они должны были видеть ваши документы в Верхнем Городе.

— Кто вам сказал, что я был в Верхнем Городе?

— Я догадался.

— Мою карточку смотрели, но не так долго, чтобы прочесть мое имя.

— Достаточно долго, чтобы признать в вас резидента. Им остается только найти резидента, который отсутствовал в своем городе сегодня. Наверное, все провода на Флорине гудят сейчас об этом. Итак: вам нужно помочь?

Они говорили шепотом. Рик свернулся в углу и уснул. Взгляд Валоны переходил с одного из говоривших на другого.

— Нет, спасибо. — Теренс покачал головой. — Я... я выпутаюсь сам.

Пекарь расхохотался.

— Интересно посмотреть как. И все-таки подумайте над этим до утра. Может быть, вы и решите, нужна ли вам помощь.

— Валона!

Голос был так близок, что легкое дыхание шевелило ей волосы, и так тих, что она едва расслышала его. Она была прикрыта только простыней и сжалась от страха и смущения.

Это был резидент.

— Молчи. Только слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я вернусь. Ты слышишь? Ты понимаешь?

Она протянула руку в темноту, нашла его ладонь, сжала ее.

— И следи за Риком. Не теряй его из виду. Валона... — Он долго молчал. — Не доверяй слишком этому Пекарю. Я его не знаю. Ты поняла?

Послышался легкий шорох, потом еще более легкий, отдаленный скрип, и он ушел. Она приподнялась на локте, но, кроме дыхания Рика и своего собственного, не услышала ничего.

Она сомкнула веки, сжала их в темноте, пытаясь думать. Почему резидент сказал так о Пекаре, который ненавидит патрульных и спас их троих? Почему, когда все запуталось как нельзя больше, этот Пекарь явился и действовал так быстро и уверенно? Может быть, все подстроено заранее и Пекарь давно уже ожидал того, что случилось потом?..

— Алло! Вы еще здесь?

Она окаменела, когда луч света упал прямо на нее. Потом медленно опомнилась и натянула простыню до шеи. Луч погас. Ей не нужно было догадываться о том, кто спрашивал. Его широкие плечи смутно рисовались в полусвете, просачивающемся сзади.

— Я думал, ты ушла вместе с ним.

— С кем, сударь? — слабо спросила Валона.

— С резидентом. Ты знаешь, девушка, что он ушел. Не надо притворяться.

— Он вернется, сударь.

— Он сказал, что вернется? Он ошибся. Патрульные поймают его. Он не очень хитер, твой резидент, иначе бы он увидел, что я оставил дверь открытой нарочно. Ты тоже собираешься уходить?

— Я подожду резидента.

— Как угодно. Ждать придется долго. Уйдешь, когда захочешь.

Снова вспыхнул луч и заскользил по полу, пока не нашел худое, бледное лицо Рика. Веки у Рика судорожно сжались от света, но он продолжал спать.

— А вот этого человека тебе лучше оставить здесь. Если ты решила уйти, дверь открыта, но не для него.

— Он только бедный, больной парень... — начала Валона высоким, испуганным голосом.

— Да? Ну, так я собираю бедных, больных парней, и этот останется тут. Помни это!

Луч света словно приковался к спящему лицу Рика.

Глава 4

УЧЕНЫЙ

Доктор Селим Джунц терял терпение уже целый год, но к нетерпению нельзя привыкнуть даже со временем. Скорее наоборот. Тем не менее этот год научил его, что Саркитскую Разведку нельзя торопить; тем более что сами сотрудники были по большей части переселенными флоринианами и поэтому страшно дорожили своим достоинством.

Однажды он беседовал со стариком Эблом — транториан-ским посланником, прожившим на Сарке так долго, что его башмаки пустили корни здесь; Джунц спросил, почему саркиты позволяют служить в своих собственных государственных учреж-дениях тем самым людям, которых они так искренне презирают.

Эбл прищурился над кубком зеленого вина.

— Политика, Джунц, — сказал он. — Политика. Все дело в практической генетике, проводимой с саркитской логикой. Сами по себе они мелкий никчемный народ, эти саркиты, и важны лишь постольку, поскольку владеют неистощимой золотой рос-сыпью — Флориной. Поэтому они каждый год снимают сливки с флориниан-ских городов и поселков и привозят цвет тамошней молодежи на Сарк для обучения. Посредственных сажают за-полнять бланки и подписывать заявления, а по-настоящему ум-ных отправляют обратно на Флорину, чтобы они стали резиден-тами, этими туземными правителями городов. Самые разумные элементы на Флорине искренне преданы делу саркитов, так как, пока они служат Сарку, о них хорошо заботятся, а как только они от Сарка отвернутся, то самое большее, на что они смогут надеяться, — вернуться к флориниан-скому существованию. А это неважная вещь, друг мой, совсем неважная.

Старый дипломат одним глотком допил вино и продолжал:

— Далее. Ни резиденты, ни сотрудники учреждений на Сарке не могут иметь детей, не теряя своего положения. Даже от флориниан-ских женщин. О смешанных браках с саркитами и го-ворить нечего. Таким образом, лучшая часть флориниан-ских ге-нов все время уходит из обращения, так что в конце концов Фло-рина будет населена только дровосеками и водоносами.

— Но тогда сами саркиты останутся без служащих, не так ли?

— Это дело будущего.

Итак, сейчас доктор Джунц, космоаналитик, сидел в одной из внешних приемных Департамента по флориниан-ским делам и нетерпеливо ждал минуты, когда его вызовут, пока низшие служащие-флориниане беспрерывно спешили по бюро-кратическим лабиринтам. Наконец его провели в роскошно обставленный кабинет и указали на кресло перед столом клер-ка младшего секретаря. Ни один флориниан не мог быть чем-либо большим, чем клерк, независимо от того, какой ре-альной властью он обладал. Младший и старший секретари по флориниан-ским делам были, конечно, саркитами, но хотя Джунц мог встречаться с ними в обществе, он знал, что нико-гда не встретит их в учреждении.

Клерк тщательно просматривал картотеку, разглядывая каждый мелко исписанный листок так, словно там содержались секреты всей Вселенной. Он был молодой, вероятно, недавно кончил школу; как у всех флориниан, у него были очень свет-лые волосы и кожа. Наконец он отложил в сторону бумаги и произнес:

— Судя по записям, вы бывали в этом учреждении и раньше?

— Да, бывал, сударь, — сказал с некоторой резкостью док-тор Джунц.

— Но не в последнее время?

— Но не в последнее время.

— Вы все еще разыскиваете одного космоаналитика, ис-чезнувшего... — клерк перебрал листки, — ...более одиннадца-ти месяцев назад?

— Совершенно верно.

— За все это время, — продолжал клерк, — не встречалось никаких следов этого человека и не было доказательств, что он когда-нибудь вообще находился на саркитской территории.

— Последнее сообщение от него, — произнес ученый, — было получено из пространства близ Сарка.

Клерк взглянул на него; бледно-голубые глаза на мгновение сосредоточились на Джунце, потом опустились.

— Возможно, но его присутствие на Сарке не доказано.

Не доказано! Губы у Джунца плотно сжались. Именно этот ответ, все более и более категорический, он получал от Межзвездного Космоаналитического Бюро за последние месяцы.

«Нет доказательств, доктор Джунц. Нам кажется, что вы могли бы найти лучшее применение своему времени, доктор Джунц. Бюро позаботится о том, чтобы поиски продолжались, доктор Джунц».

Все это означало: «Перестаньте швыряться деньгами, Джунц!»

Это началось, как правильно сказал клерк, одиннадцать с половиной месяцев назад по Межзвездному стандартному времени. За два дня до того, как Джунц опустился на Сарк, намереваясь произвести обычную инспекцию отделений Бюро на этой планете. Его встретил представитель МКБ, молодой человек, непрестанно жевавший какой-то эластичный продукт химической промышленности Сарка.

Инспекция почти уже закончилась, когда местный представитель, вспомнив о чем-то, отправил свою эластичную жвачку за коренные зубы и сказал:

— Сообщение от одного из наблюдателей, доктор Джунц. — И протянул листок.

Джунц прочел вслух:

— Проще сохранять прямую кодированную линию Главштаба МКБ для подробного сообщения о деле чрезвычайной важности. Затронута вся Галактика. Делаю посадку по минимальной траектории.

Агент развеселился.

— Представьте только, сударь! «Затронута вся Галактика». Это здорово, даже для наблюдателя. Я вызвал его по межзвездной связи, когда получил сообщение, и хотел добиться толку, но мне не удалось. Он твердил только, что в опасности находится жизнь каждого из обитателей Флорины. Понимаете, там полмиллиарда человек. Он был похож на психопата. Поэтому,

откровенно говоря, мне не хочется встречаться с ним наедине, когда он опустится. Что вы предлагаете?

— У вас есть запись вашего разговора?

— Да, сударь. — Он порылся в карманах. — Вот.

Это был кусочек ленты. Джунц пробежал его в аппарате и нахмурился.

— Это копия, да?

— Я послал оригинал в Бюро Межпланетного Транспорта на Сарке. Я думал, лучше всего будет встретить его с каретой «Скорой помощи». Ему, наверное, было очень плохо.

Джунцу хотелось согласиться с молодым человеком. Когда одинокие аналитики космических глубин сходят с ума, то реакции у них могут быть очень сильными. Джунц задумался.

— Погодите. Вы сказали так, словно он еще не сел?

Агент казался удивленным.

— Я думаю, он сел, но мне никто не сообщал об этом.

— Ну так вызовите Транспорт и спросите о подробностях. Психопат он или нет, но подробности должны быть записаны.

Джунц пришел туда на следующий день для последней проверки перед отлетом. У него было много дел на других планетах, и он спешил. Почти уже уходя, он спросил, оборачиваясь:

— Ну, что с нашим наблюдателем?

— Ах да, я совсем забыл, — спохватился агент. — Транспорт о нем ничего не знает. Я послал энергетический спектр его гиператомного двигателя, и они сказали, что его корабля нет нигде в пространстве.

Джунц решил отложить свой отъезд на сутки. На следующий день он побывал в Бюро Межпланетного Транспорта в городе Сарке, столице планеты. Тут он впервые встретился с флоринианскими бюрократами, но те качали головами ему в ответ. Они получили сообщение о предполагаемой высадке одного аналитика из МКБ. Да, но корабль не садился.

— Но это важно, — настаивал Джунц. — Человек очень болен.

Получили ли они копию записи разговора с агентом МКБ? Они широко раскрывали глаза. Копию? Никто не мог вспомнить, что получал что-нибудь. Они сожалеют, если человек болен, но никакой корабль МКБ не опускался здесь.

Джунц вернулся к себе в отель и долго размышлял об этом. Прошел еще один срок, назначенный им для отъезда. Он сменил свою комнату на другую, более приспособленную к длительному

пребыванию. Договорился о встрече с Людиганом Эблом, транторианским посланником.

Следующий день он провел, читая книги по истории Сарка; и когда время встречи с Эблом пришло, то его сердце билось с тихой, еле сдерживаемой яростью. Это не пройдет им даром...

Старый посланник принял его как гостя, потряс ему руку, вызвал механического бармена и за первыми двумя стаканами не допускал никаких разговоров о делах. Джунц воспользовался случаем для полезной болтовни, спросил о Флориниансной Гражданской Службе и выслушал лекцию о практической генетике на Сарке. Гнев его усилился. И все-таки он спокойно и лаконично начал излагать историю. Эбл не перебивал.

Когда Джунц закончил, посланник спросил:

— Послушайте, вы знаете этого исчезнувшего?

— Нет.

— И не встречали его?

— С нашими наблюдателями-аналитиками трудно встретиться.

— У него раньше бывали такие иллюзии?

— Это первая, судя по записям в центральном управлении МКБ, — если только это иллюзия.

— Но что я могу сделать?

— Дайте мне объяснить. Саркитское Бюро Межпланетного Транспорта проверило ближайшее пространство на энергетический спектр двигателей нашего наблюдателя и не нашло следов его. В этом они лгать не будут. Я не хочу сказать, что саркиты брезгают ложью, но они брезгают бесполезной ложью, и они-то уж знают, что я могу устроить проверку пространства в два-три часа.

— Правильно. Так что же?

— Есть два случая, когда энергетический спектр нельзя обнаружить. Один — это когда корабля нет в ближайшем пространстве, так как он проскочил гиперпространство и ушел в другую область Галактики; второй — когда его вовсе нет в пространстве, так как он опустился на планету. Я не могу поверить, что этот человек передумал. Если его утверждения относительно опасности для Флорины и важности для Галактики являются мегаломаническими иллюзиями, то ничто не помешает ему опуститься на Сарк и сообщить об опасности. Он не мог передумать и улететь снова. У меня пятнадцатилетний опыт работы в этой области. Если же его заявление оказалось бы правдой, то дело было бы слишком серьезно, чтобы он мог передумать и уйти из ближнего пространства.

Старый транторианин поднял палец и сказал, слегка покачивая им:

— Значит, вы заключаете, что он находится на Сарке?

— Вот именно. Опять-таки тут есть две возможности. Во-первых, если он действительно охвачен психозом, то он мог высадиться на планете в любом месте, кроме космопорта. Он может блуждать где-нибудь, больной и потерявший память. Это очень необычно, даже для наших наблюдателей, но это случается. В таких случаях амнезия обычно бывает временной. Когда она проходит, то жертва вспоминает подробности своей работы. В конце концов, работа для космоаналитика — это сама жизнь. Часто такого больного обнаруживают потому, что он заходит в публичную библиотеку и ищет литературу по космическому анализу.

— Понимаю. Так вы хотите, чтобы я помог вам получить от Комитета библиотекарей сообщение о таком случае?

— Нет, потому что здесь я не предвижу никаких трудностей. Я попрошу, чтобы некоторые стандартные работы по космическому анализу были поставлены в спецхранение и чтобы всякого, кто спросит о них, если он не может доказать, что он настоящий саркит, задержали и допросили. Это для меня сделают, потому что будут знать — или будет знать начальство, — что такой план мне ничего не даст вообще.

— Почему не даст?

— Я уверен, что наш человек высадился в космопорту Сарка, как и намеревался, а затем саркитские власти посадили его в тюрьму или даже убили.

— Вы шутите?

— Какие шутки? И жизнь, и богатство, и власть саркитов зависят от обладания Флориной. Вы не хуже меня знаете, что богатство Сарка заключено в кыртовых плантациях Флорины. И вот появляется человек — неважно, в здравом уме или нет — и говорит, что какое-то обстоятельство галактической важности угрожает жизни всех обитателей Флорины. Взгляните на эту копию последней передачи нашего наблюдателя.

Эбл взглянул на обрывок ленты, брошенной Джунцем ему на колени.

— Это немного.

— Конечно. Здесь сказано, что опасность есть. Что это ка-

кая-то огромная опасность. Вот и все. Но такое нельзя было посылать саркитам. Даже если космоаналитик ошибался, разве могло саркитское правительство позволить ему распространять свое безумие, если только это было безумием, и переполошить всю Галактику? Не говоря уже о панике, которая могла бы подняться на Флорине, о помехах в производстве кыртового волокна, очевидно, что вся грязь политических взаимоотношений между Сарком и Флориной открывалась бы перед Галактикой во всей своей красе. А чтобы всего этого избежать, они должны отделаться только от одного человека. Поколеблется ли Сарк перед убийством в подобном случае? Планета с такими, как вы описали, генетическими экспериментаторами колебаться не станет.

— Так что же вы хотите, чтобы я сделал? Пока мне еще ничего не ясно в этой истории. — Эбл казался невозмутимым.

— Найдите, кто его убил, — мрачно произнес Джунц. — У вас должна быть организация для шпионажа здесь. О, не будем играть в прятки. Я шатаюсь по Галактике достаточно долго, чтобы выйти из политического отрочества. Докапывайтесь до сути, пока я буду отвлекать их внимание своими библиотечными разговорами. А когда вы изобличите их как убийц, то я хочу, чтобы Трантор показал, что ни одно правительство в Галактике не должно рассчитывать на безнаказанность, убивая людей из МКБ.

Так окончилась его первая встреча с Эблом.

Джунц был прав в одном: саркитские власти были очень любезными, пока это касалось библиотечных дел. Но во всем остальном он был, по-видимому, не прав. Проходили месяцы, а агенты Эбла не могли найти на Сарке следов исчезнувшего наблюдателя, живого или мертвого.

Так продолжалось более одиннадцати месяцев. Джунц начал чувствовать, что готов отказаться от всего. Он решил подождать конца двенадцатого месяца и не ждать больше. А потом появился проблеск, и он был вовсе не от Эбла, а от подставного лица. Пришло сообщение из Публичной библиотеки Сарка, и Джунц оказался сидящим за столом напротив сотрудника Отдела по флориниански делам.

Клерк закончил свои мысленные расчеты и взглянул на посетителя.

— Итак, что я могу сделать для вас?

Джунц заговорил сухо и точно:

— Вчера, в 4.22 пополудни, мне сообщили, что Флориниански филиал Публичной библиотеки Сарка задерживает для меня человека, который пытался получить две стандартные работы по космическому анализу и который не был прирожденным саркитом. С тех пор из библиотеки никаких сообщений не было. — Он слегка повысил голос, чтобы заглушить возражения клерка. — В бюллетене теленовостей, принятом на общественном аппарате, который находится в отеле, где я сейчас живу, и помеченном 5.00 пополудни, вчера, сказано, что во Флориниански филиале Публичной библиотеки Сарка сбит и находится в бессознательном состоянии член Флориниански патруля и что ведется преследование трех флориниански туземцев, считаемых ответственными за этот проступок. Позже, в передаче новостей, этот бюллетень не был повторен. Так вот, я не сомневаюсь в том, что обе части сообщений связаны между собою. Я не сомневаюсь в том, что человек, которого я разыскиваю, находится в руках патруля. Я просил разрешения лететь на Флорину и получил отказ. Я запрашивал Флорину о том, чтобы пригласить этого человека на Сарк, и не получил ответа. Я пришел в Отдел по флориниански делам, чтобы просить у него содействия. Либо я полечу туда, либо задержанного пришлют сюда.

Безжизненный голос клерка произнес:

— Правительство Сарка не принимает ультиматумов от сотрудников МКБ. Мое начальство предупреждало меня, что вы, вероятно, будете расспрашивать меня об этом деле, и я получил соответствующие инструкции. Человек, о котором сообщалось, что он хотел получить книги из спецхранения, и двое его спутников, резидент и флориниански женщина, действительно совершили проступок, о котором вы говорили, и патруль преследовал их. Однако они не были схвачены.

Джунца охватило горькое разочарование. Он не пытался скрыть его.

— Они бежали?

— Не совсем. Они были прослежены до пекарни некоего Матта Хорова.

Джунц поразился.

— И им позволили остаться там?

— Беседовали ли вы в последнее время с его светлостью Людиганом Эблом?

— Что в этом общего с...

— Нам известно, что вас часто видели в транторианском посольстве.

— Я не видел посла уже с неделю.

— Тогда я предлагаю вам повидаться с ним. Мы дозволили преступникам оставаться в лавке Хорова вследствие щекотливости наших межзвездных взаимоотношений с Трантором. Мне поручено сказать вам, если понадобится, что Хоров, чему вы, вероятно, не удивитесь... — на бледном лице клерка появилось что-то похожее на насмешливую гримасу, — хорошо известен нашему Отделу безопасности как транторианский агент.

Глава 5

ПОСЛАННИК

За десять часов до разговора Джунца с клерком Теренс выскользнул из пекарни Хорова. Теренс осторожно пробирался по переулкам. Его рука касалась шершавой поверхности рабочих хижин. Кругом был полный мрак, если не считать бледного света, периодически падавшего из Верхнего Города.

Нижний Город походил на спящее ядовитое чудовище, лоснящиеся кольца которого скрывались под блестящим покровом Верхнего. Кое-где, вероятно, шла призрачная ночная жизнь, но не здесь, не в трущобах.

Теренс отпрянул в пыльную улочку (даже ночные дожди Флорины едва могли проникнуть в обитель тени под сталесплавом), услышав звук отдаленных шагов. Огни фонариков появились, скользнули мимо, исчезли, растворились во тьме.

Патрульные ходили взад и вперед всю ночь. Внушаемого ими страха было вполне достаточно, чтобы поддерживать порядок почти без применения силы.

Теренс спешил; на лицо ему падали белые блики, когда он проходил под отверстиями в сталесплаве вверху, и он не мог удержаться, чтобы не поглядеть наверх.

Сквайры недоступны!

Действительно ли они не недоступны? Сколько раз уже менялось его отношение к саркитским сквайрам. Ребенком он не отличался от прочих детей. Патрульные были черно-серебряными

чудовищами, от них нужно было убегать, все равно, провинился ты или нет. Сквайры были туманными, мистическими сверхлюдьми, чрезвычайно добрыми, жившими в раю под названием Сарк и терпеливо, бдительно охранявшими благосостояние глупых обитателей Флорины.

Десятилетним мальчиком он написал в школе сочинение о том, как представляет себе жизнь на Сарке. Это был чистый вымысел. Он помнил очень немногое, только один абзац. Там описывались сквайры: они собираются каждое утро в огромном зале, окрашенном, как цветы кырта, и стоят там в своем 20-футовом великолепии, рассуждая о прегрешениях флориниан и сетуя о необходимости карать их, дабы вернуть к добродетели.

Учительнице его сочинение очень понравилось, и в конце года, когда другие мальчики и девочки проходят короткие курсы чтения, письма и морали, его перевели в специальный класс, где он учился арифметике, галактографии и истории Сарка. В 16 лет его взяли на Сарк.

Теперь Теренс приближался к окраинам города. Случайный ветерок доносил до него густой ночной аромат кырта. Через несколько минут он будет в сравнительной безопасности среди открытых полей, где нет регулярных обходов патруля и где сквозь клочковатые ночные облака он снова увидит звезды. Даже ту яркую желтую звезду, которая была солнцем для Сарка.

Она была солнцем и для него много лет подряд. Когда он впервые увидел ее в иллюминаторе корабля уже не как звезду, а как невыносимо яркий белый шарик, ему захотелось упасть на колени. Мысль о том, что он приближается к раю, прогнала даже парализующий страх первого космического перелета.

Он высадился в раю, и его поручили старику флоринианину, который проследил за тем, чтобы он хорошо вымылся и прилично оделся. Его привели в большое здание, и по пути туда старый проводник низко поклонился проходившей мимо фигуре.

— Кланяйся! — сердито шепнул старик юному Теренсу.

Теренс, смутившись, повиновался.

— Кто это?

— Сквайр, деревенщина!

— Это — сквайр?

Он резко остановился, и его пришлось подогнать. Так он познакомился со сквайрами. Они оказались обыкновенными людьми. Другие юные флориниане, быть может, и оправились бы после такого разочарования, похожего на удар, но Теренс не мог. Что-то внутри его изменилось, переменилось навсегда.

Больше пяти лет проработал он в Гражданской службе, и его, как обычно, перебрасывали с места на место, чтобы проверить его способности.

Однажды к нему пришел пухлый, мягкий флориниании, дружески улыбнулся, похлопал по плечу и спросил, что он думает о сквайрах.

Теренс подавил желание повернуться и убежать. Он подумал, не отпечатались ли его тайные мысли на лице в виде какого-то таинственного кода. Он покачал головой, забормотал что-то насчет добродетели сквайров.

Но пухлый человек поджал губы и сказал:

— Вы не думаете этого. Приходите сюда ночью. — И дал ему маленькую карточку, которая через несколько минут истлела и превратилась в пепел.

Теренс пришел. Ему было страшно, но и очень интересно. Он встретил нескольких знакомых, они глядели на него таинственно. Оказалось, что он не был одинок.

Эти люди тоже считали сквайров низкими скотами, выжимающими богатство из Флорины для собственных никчемных развлечений и оставляющими тяжело работающих туземцев умирать в нищете и невежестве. Он узнал, что приближается время, когда против Сарка будет поднято гигантское восстание и богатства Флорины будут отданы их законным владельцам.

— Но сквайры и патрульные вооружены... — недоумевал Теренс.

И ему рассказали о Транторе, о гигантском государстве, непрерывно расширявшемся за последние столетия, так что теперь в него входит половина всех обитаемых планет в Галактике. Трантор, сказали ему, разобьет Сарк с помощью флориниан.

— Но, — сказал Теренс, сначала себе, потом другим, — если Трантор так велик, а Флорина так мала, не станет ли Трантор еще более крупным и тираническим хозяином? Если это единственный выход, то лучше уж терпеть Сарк.

Но над ним посмеялись и прогнали его, угрожая смертью, если он когда-либо проговорится о том, что слышал.

Теренс даже провел некоторое время в Отделе безопасности, на что могли надеяться лишь немногие из флориниан. Здесь Теренс увидел, к своему удивлению, что нужно бороться и с настоящими заговорами. Люди на Флорине каким-то образом сходились и начинали готовить восстание.

Обычно их поддерживали деньги Трантора. Иногда предполагаемые мятежники действительно думали, что Флорина может победить без посторонней помощи.

А потом появился этот незначительный с виду человек, который был когда-то космоаналитиком, а теперь бормотал о чем-то, угрожающем жизни каждого из обитателей Флорины...

Теренс был теперь в полях, где прошел ночной дождь и звезды мерцали из облаков. Он глубоко вдыхал запах кырта — сокровища и проклятия Флорины.

У него не было иллюзий. Да, он уже не резидент. И даже не свободный флориниански крестьянин. Да, он беглый преступник, беглец, который должен скрываться. Но за последние сутки у него в руках было величайшее оружие против Сарка. Сомнений не было. Он знал, что Рик вспомнил правильно, что Рик был когда-то космоаналитиком, что он был психозондирован почти до идиотизма.

Но Рик в крепких руках человека, который выдает себя за флориниански патриота, а на самом деле это транториански агент, в чем нельзя было сомневаться с первого же мгновения. Кто еще из жителей Нижнего Города смог бы построить поддельную радарную печь?

Как бы то ни было, нельзя оставлять Рика в руках Трантора. У Теренса уже созрел план дальнейших действий. Надо только подождать рассвета.

Через десять часов после своего собеседования с клерком Джунц снова встретился с Людиганом Эблом.

Посланник приветствовал Джунца со своей обычной сердечностью, хотя и с явным чувством вины. При первой встрече (это было давно, прошел почти стандартный год) Эбл не обратил внимания на его рассказ о космоаналитике. Тогда он думал лишь об одном: поможет ли это Трантору?

Трантор! Он всегда был первым в его мыслях, но Эбл был не из тех глупцов, которые обожествляют звездный рай или желтый значок транторианских военных сил с солнцем и космическим кораблем.

В общем, он не был патриотом в обычном смысле этого слова, и Трантор как Трантор не значил для него ничего.

Но он был сторонником мира; тем более что он старел и любил свой кубок с вином, атмосферу, наполненную тихой музыкой, послеобеденный сон и спокойное ожидание смерти. Он считал, что так должны поступать все, но люди предавались войне и разрушению. Они умирали, замороженные пустотой космического пространства, испаряясь во вспышке взорвавшихся атомов, голодая на осажденных обстреливаемых планетах.

В кабинете у Эбла висела карта Трантора — кристально прозрачный свод с трехмерной схемой Галактик. Звезды были белыми алмазными искрами, туманности — пятнами светлого или темного тумана, а глубоко в недрах мерцало несколько синих огоньков, представлявших собой Транторианскую Республику.

Карта была историческая, с десятью кнопками, так что через каждые 50 лет можно было проследить, как вокруг Трантора загоралось множество звезд.

Простое нажатие десяти кнопок — и проходит полтысячи лет, и господство Трантора распространяется, пока не охватывает половины Галактики.

По мере того как Транторианская Республика превращалась в Транторианское Содружество, ее путь проходил сквозь чащу погибших людей, погибших кораблей, погибших миров. Но все это придавало Трантору силу.

А сейчас Трантор трепетал на грани нового превращения: из Транторианского Содружества в Галактическое, когда его господство поглотит все звезды и настанет вселенский мир. И Эблу хотелось именно этого.

Итак, поможет ли это Трантору? — вот о чем думал осторожный посланник год назад при первом разговоре с доктором Джунцем.

— ...Нет, я вовсе не сержусь на ваших агентов, пущенных за мной по пятам, — говорил Джунц. — Вероятно, вы осторожны и не должны доверять никому и ничему. И все-таки: почему мне не сообщили, когда местопребывание разыскиваемого мною человека было обнаружено? Или вы тоже не знали, что искать его на Сарке было бессмысленно, поскольку весь этот год он был на Флорине? Но теперь вы нашли его, и я хочу с ним поговорить.

— Я сожалею, но вы не сможете этого сделать.

— Почему?

— Хорошо, я отвечу вам. Потому что двенадцать часов назад Матт Хоров, транторианский агент, был убит членом флориниансного патруля. Двое флориниан, которых он прятал у себя, женщина и мужчина, — по всей вероятности, разыскиваемый вами наблюдатель, — ушли, исчезли. Очевидно, они попали в руки сквайров.

Джунц приподнялся с кресла.

Эбл спокойно поднес к губам стакан с вином и произнес:

— Официально я ничего не могу сделать. Убитый был флоринианином, а исчезнувшие, пока мы не сможем доказать обратного, тоже флориниане.

Глава 6

ПАТРУЛЬНЫЙ

Рик проснулся в серой мгле рассвета. Долгие минуты он лежал, проверяя свой разум. Что-то в нем зажило за ночь; что-то срослось и стало цельным. Это готовилось еще с той минуты, два дня назад, когда он начал вспоминать. Процесс продолжался весь вчерашний день. Поездка в Верхний Город, библиотека, нападение на патрульного, а потом бегство и встреча с Пекарем — все это действовало на него как фермент. Ссохшиеся волокна мозга, так давно замершие, начали вынужденную болезненную деятельность. Теперь, после сна, в них чувствовалась слабая пульсация. Он думал о пространстве и звездах, о долгих одиноких странствиях, о великом молчании. Наконец он повернул голову и окликнул:

— Лона!

Она мгновенно очнулась, приподнялась на локте, вглядываясь в его сторону.

— Я чувствую себя прекрасно, Лона. Я вспомнил еще больше. Я был на корабле и знаю в точности...

Но она не слушала его. Натянула платье, стоя к нему спи-

ной, загладила передний шов-застежку и нервно потрогала пояс. Потом подошла на цыпочках.

— Тсс, не говори так громко. Все в порядке.

— Где резидент?

— Его нет. Он... он ушел.

В комнате стало светло, и появилась массивная фигура Пекаря. Его толстые губы растянулись в улыбке.

— Вы рано проснулись.

Они молчали.

— Сегодня вы уйдете.

Она помнила, как он смотрел на Рика после того, как резидент ушел.

— О вас сообщено кому следует. Вы будете в безопасности.

Он вышел, но вскоре вернулся, неся пищу, одежду и два таза с водой. Одежда была новая и казалась совершенно незнакомой.

Он смотрел, как они едят, потом сказал:

— Я дам вам новые имена и новые биографии. Вы должны внимательно слушать, чтобы ничего не забыть. Вы не флориниане, поняли? Вы брат и сестра с планеты Вотекс. Вы посетили Флорину...

Он продолжал, рассказывая подробности, задавая вопросы, слушая ответы.

Рику было приятно, что он может продемонстрировать свою память, свою способность к восприятию, но Валона казалась обеспокоенной.

Пекарь заметил это.

— Послушай, девушка. Если ты начнешь кочевряжиться, я отошлю его одного, а ты останешься здесь.

— Нет, нет... — затрепетала Валона. — Я не причиню вам никаких затруднений.

Солнце стояло уже высоко, когда Пекарь вывел их на улицу. Рик с изумлением оглядел себя, насколько мог. Он не знал, что одежда может быть столь диковинной. Валона совсем не походила на работницу с плантаций. Даже ноги покрывал какой-то тонкий материал, а каблуки были такие высокие, что ей приходилось очень осторожно балансировать на ходу.

Собрались прохожие, разглядывая их, окликая друг друга, переговариваясь. В большинстве это были дети, женщины, идущие на рынок, мрачные и оборванные бездельники. Пекарь словно не замечал их. В руках он сжимал толстую палку.

И тут дальние окраины окружающей толпы возбужденно заволновались, и Рик различил черную с серебром форму патрульных.

Вот тогда это и случилось. Оружие, выстрел, упавший Пекарь и снова безумное бегство. Неужели черные тени патрульных будут вечно гнаться за ними?

Они очутились в трущобах одного из дальних пригородов. Валона тяжело дышала, на ее новом платье проступали влажные пятна пота.

Рик задохнулся:

— Я не могу больше бежать!

— Нужно!

— Подожди. — Он уперся, но она тянула его.

— Слушай меня.

Страх и паника постепенно покидали его.

— Лона, куда мы бежим, зачем? На нас же костюмы жителей другой планеты... Смотри, это дал нам Пекарь. — Рик возбужденно достал из кармана маленький прямоугольник, разглядывая его с обеих сторон, и пытался раскрыть, как книгу. Ему это не удалось. Тогда он ощупал его края. Когда пальцы сжались на одном из углов, что-то щелкнуло, и одна сторона прямоугольника стала молочно-белой. Мелкие буквы на ней были непонятными, хотя он пытался медленно прочесть их по складам.

Наконец он сказал:

— Это паспорт. Значит, можно улететь отсюда. Ведь Пекарь хотел, чтобы мы покинули Флорину. На корабле. Давай так и сделаем.

— Рик, но нас поймают!

— Не поймают, если полетим не на том корабле, на котором он хотел нас отправить. Там нас будут подстерегать. Нам нужно лететь на другом корабле. На любом другом.

Корабль! Любой корабль! Эти слова звенели у него в ушах. Была ли его идея удачной или нет — ему все равно. Ему хотелось быть на корабле. Хотелось быть в пространстве.

— Ладно, Рик! Я знаю, где тот космопорт. Когда я была маленькой, мы иногда в свободные дни ездили туда и смотрели издали, как корабли взлетают.

Контролер с улыбкой посмотрел на остановившихся перед ним мужчину и женщину, неловких и вспотевших в своем странном одеянии, сразу выдававшем в них чужеземцев. Женщина протягивала паспорт сквозь прорез.

Взгляд на нее, взгляд на паспорт, взгляд на список забронированных мест. Он нажал нужную кнопку, и из автомата выскочили две прозрачные ленты.

— Ступайте, — нетерпеливо сказал он. — Наденьте их себе на руки и идите.

— А где наш корабль? — вежливым шепотом спросила женщина.

Это ему понравилось. Чужеземцы не часто попадались в космопорту Флорины. В последние годы они встречались все реже и реже. Но когда они появляются, то это тебе не патрульные и не сквайры. Они не знают, что ты только флориниан ин, и разговаривают с тобой вежливо.

— Вы найдете его на площадке № 17, сударыня. Желаю вам приятного перелета на Вотекс. — Он сказал это с демонстративной учтивостью.

Потом он вернулся к любимому занятию: звонить своим друзьям, пытаясь незаметно подключаться к частным разговорам по энергетическим лучам в Верхнем Городе. Прошло несколько часов, прежде чем он понял, какую ошибку совершил.

Этот корабль был гораздо меньше, чем стоявший у площадки № 17, на который были действительны их билеты. Его четыре воздушных шлюза были открыты, главный вход зиял, и ведшая от него лесенка походила на высунутый язык, достигающий земли.

— Его проветривают, — сказал Рик. — Пассажирские корабли всегда проветривают перед полетом, чтобы избавиться от запаха сжатого кислорода, много раз уже использованного.

Валона взглянула на него.

— Откуда ты знаешь?

Рик почувствовал нарастающую в нем гордость.

— Просто знаю. Там сейчас никого нет. На сквозняках никому не приятно. — Он тревожно оглянулся. — Странно, почему народу так мало.

Струя воздуха устремилась им навстречу, когда они вошли в шлюз корабля. Платье у Валоны вздулось, и ей пришлось держать подол руками.

— Это всегда так бывает? — спросила она. Ей никогда не

случалось бывать в космическом корабле, она даже не мечтала об этом. Губы у нее сжались, и сердце стучало.

— Нет. Только во время продувки.

Рик радостно двинулся по твердым металлическим мосткам, жадно оглядывая пустое помещение.

— Вот, — сказал он. — Это кухня. Впрочем, пища не так важна. Некоторое время мы можем обойтись и без нее. Вода важнее.

Он начал возиться среди утвари, расположенной в уютных компактных гнездах, и раздобыл большой контейнер с крышкой. Поискал взглядом водяной кран и облегченно ухмыльнулся, когда раздались мягкие вздохи насоса и журчание воды.

— Теперь возьмем несколько жестянок. Не нужно много. Нельзя, чтобы это заметили.

Рик нашел маленькую комнатку, занятую пожарным оборудованием, аварийными медицинскими запасами и аппаратами для сварки.

— Устроимся здесь, Лона, — сказал он не очень уверенно. — Сюда не заглядывают, разве что в крайних случаях. Нам нельзя будет зажигать свет, чтобы они не заметили утечки энергии, и пользоваться туалетом: придется выжидать периодов отдыха и не попадаться на глаза ночным сменам.

Ток воздуха внезапно прекратился. Мягкое монотонное журчание сменилось тишиной.

— Скоро они погрузятся, и тогда мы полетим, — сказал Рик.

Если Рик почувствовал себя человеком, когда проснулся сегодня на рассвете, то сейчас он был гигантом и руки его протягивались через всю Галактику. Звезды были мячиками, а туманности — клочьями паутины, которые нужно снять.

Он был на корабле! Воспоминания хлынули широким потоком, вытесняя друг друга. Он забывал о кыртовых полях, о фабрике, о Валоне, ворковавшей в темноте. Это были лишь мгновенные разрывы в картине, которая возвращалась теперь и оборванные концы которой медленно соединялись.

Корабль!

Если бы Рика поместили на корабль, ему не пришлось бы ждать так долго, пока зарубцуются клетки, выжженные в мозгу.

— Не волнуйся, Валона, ты почувствуешь вибрацию и услышишь шум, но это будут только двигатели. Ты ощутишь на себе большую тяжесть. Это ускорение!

— А что это такое: ус-ко-ре-ние?

— Не бойся, Лона. Просто тебе будет неприятно, ведь у нас нет аппаратуры, смягчающей давление. Ты прислонись к этой стене, а когда почувствуешь, что тебя прижимает к ней, не сопротивляйся. Чувствуешь: это уже начинается!

Он втиснулся в стену; и по мере того как раскаты гиператомных двигателей нарастали, тяжесть все увеличивалась.

Валона тихонько застонала, потом умолкла, тяжело дыша. В горле у нее свистело; ее грудная клетка, не защищенная ремнями и гидравлическими буферами, старалась впустить в легкие хоть немного воздуха.

Рику удалось произнести, задыхаясь, несколько слов, не вдумываясь в их значение, но Валона должна чувствовать, что он здесь, рядом. Пусть ее покинет острый страх перед неизвестностью, который переполняет ее. Это был только корабль, только чудесный корабль; но ведь она никогда раньше не бывала на корабле.

— Валона, будет еще прыжок, когда мы войдем в гиперпространство и сразу покроем большую часть расстояния между звездами. Ты даже не заметишь, как это случится. Только чуть дернется что-то внутри, и готово. — Рик добывал слова медленно, слог за слогом, и они заняли много времени.

Тяжесть медленно исчезла, и наконец невидимые цепи, приковывавшие их к стене, ослабели и упали. Задыхаясь, Рик и Валона опустились на пол.

— Не ранен ли ты, Рик?

— Я, ранен? — Он еще не отдышался, но засмеялся при мысли, что может быть раненным на корабле. — Когда-то я месяцами не опускался ни на какую планету.

— Почему? — спросила она. Подползла поближе и приложила руку к его щеке, чтобы увериться, что ее Рик здесь.

— Такая у меня была работа.

— Да, — подтвердила она. — Ты анализировал Ничто.

— Правильно. Именно это я и делал. Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

Он знал: она ничего не поймет, но должен был говорить. Должен был насладиться воспоминаниями, опьяниться тем, что может вспоминать прошлое.

— Видишь ли, все материалы во Вселенной состоят из сот-

ни различных веществ. Мы называем эти вещества элементами. Железо и медь — элементы.

— Я думала, что металлы.

— Да, но они же и элементы. И кислород, и азот, и углерод, и палладий. Важнее всех водород и гелий. Они самые простые и встречаются чаще всех.

— Я никогда не слыхала об этом, — сказала Валона.

— Девяносто пять процентов всей Вселенной — это водород, а большая часть остального — гелий. Даже в пространстве.

— Мне говорили когда-то, — сказала Валона, — что пространство — это пустота. Там ничего нет. Правильно?

— Не совсем. Нет почти ничего. Но, видишь ли, я был космоаналитиком; это значит, что я носился в пространстве, брал из него очень маленькие количества элементов и анализировал их. Я определял, сколько там водорода, сколько гелия, сколько других элементов.

— Зачем?

— Ну, это сложно. Ведь распределение элементов в пространстве неодинаково. В некоторых районах встречается больше гелия, в других — больше натрия, и так далее. Такие области с особым аналитическим составом движутся в пространстве, как течения. Это космические течения. Если изучить их особенности и направление, можно представить, как возникла Вселенная и как она развивалась.

— А как это можно узнать?

Рик поколебался.

— Никто не знает в точности... — Он продолжал говорить, опасаясь, что запас знаний, в которых сейчас блаженно купался его разум, может иссякнуть. — Потом мы определяем плотность, то есть густоту, космического газа во всех районах Галактики, чтобы корабли могли точно рассчитать свой прыжок в гиперпространство. Это похоже на... — Голос у него замер.

Валона напряглась и нетерпеливо ждала продолжения. Но Рик умолк. Ее голос прозвучал хрипло в полном мраке:

— Рик? Что с тобой, Рик? — Снова молчание. Ее руки впились в его плечо, затрясли его. — Рик! Рик!

И ответил ей почему-то голос прежнего Рика. Тихий, испуганный, без всякой радости и уверенности:

— Лона, мы сделали что-то плохое?

— В чем дело? Что плохого мы сделали?

— Нам не нужно было убегать. Не нужно было прятаться на этом корабле.

Он весь дрожал, и Валона тщетно пыталась обтереть ему рукой влажный лоб.

— Почему? — спрашивала она. — Почему?

— Ведь если Пекарь хотел вести нас по городу средь бела дня, то, значит, он не ждал помех от патрульных. Ты помнишь патрульного? Того, что застрелил Пекаря?

— Да.

— Ты помнишь его лицо?

— Я не посмела смотреть.

— А я посмел, и в нем было что-то странное, в этом лице. Но тогда я не думал... Лона, это был не патрульный! Это был резидент, Лона! Это был резидент, переодетый патрульным!

Глава 7

ВЫСОКОРОДНАЯ ДАМА

Разгневанная Сэмия Файфская быстро шагала из конца в конец комнаты. Темные волосы Сэмии были собраны в пышную массу, тонкие каблучки делали ее чуть выше ростом. Ее узкий, четко раздвоенный подбородок дрожал.

— О нет, — шептала она, — этого он со мной не сделает. Этого он не сможет сделать... Капитан!

Голос у нее был резкий и властный. Капитан Рэйсти склонился перед ней.

— Моя госпожа?

— Мне нельзя приказывать, — торжественно сказала она. — Я взрослая. Я сама себе хозяйка. Я предпочитаю остаться здесь.

— Прошу вас понять, госпожа моя, — сказал осторожно капитан. — Это не мои приказы. Моего мнения не спрашивали. Мне попросту сказали, что я должен сделать. Вот копии приказов.

— Меня не интересуют ваши приказы. — Сэмия отвернулась и быстро отошла от него, застучав каблучками.

Он последовал за нею и произнес мягко:

— В приказе сказано, что, если вы не пожелаете лететь, я должен, простите меня, увести вас на корабль силой.

— Вы не посмеете! — Она резко повернулась к нему.

— Приказ таков, что я осмелюсь на все.

Она попыталась успокоить его:

— Но, капитан, ведь настоящей опасности нет. Это смешно, совершенно бессмысленно. Город спокоен. Все, что случилось, — это то, что вчера вечером в библиотеке сбили одного патрульного.

— Другой патрульный убит сегодня утром, и снова флорианами.

— Что общего между ними и мною? Я не патрульный.

— Госпожа моя, корабль уже на старте. Вскоре он отлетит. Вы должны быть на нем.

— А моя работа? Мои исследования? Вы понимаете... Нет, вы не поймете.

Капитан не сказал ничего. Она отвернулась. Мерцающее платье из медного кырта с прожилками молочного серебра облегало теплые округлые плечи и руки. Во взгляде капитана Рэйсти мелькнуло нечто большее, чем обычная учтивость и смиренная бесстрастность, с какими простой саркит обязан смотреть на Высокородную Даму. Он всегда удивлялся, почему такая прелестная крошка предпочитает тратить свое время, притворяясь погруженной в университетские премудрости.

Сэмия очень хорошо знала: за это серьезное увлечение наукой ее, Сэмию Файфскую, слегка презирают те, кто привык думать, что удел аристократических Высокородных Дам Сарка — блистать в обществе и производить на свет не меньше (но и не больше) двух будущих саркитских сквайров.

Они приходили к ней и говорили:

— Вы действительно пишете книгу, Сэмия? — и просили ее показать и хихикали.

Это женщины. Мужчины были еще хуже со своим любезным снисхождением и с явной убежденностью, что достаточно только взгляда с их стороны или мужской руки вокруг ее талии, чтобы излечить Сэмию от этого вздора и обратить ее мысли к действительно важным вещам.

Это началось давно. Сэмия всю жизнь была влюблена в кырт, хотя большинство людей принимало его как нечто должное. Кырт! Царь, император, бог тканей!

Химически это всего лишь разновидность целлюлозы. Химики

клялись в этом. Но со всеми своими инструментами и теориями они не могли объяснить, почему на Флорине, и только на Флорине из всей Галактики, целлюлоза становится кыртом. Все дело в физическом состоянии, говорили они. Но спросите их, чем именно кырт отличается от целлюлозы, и они лишаются речи.

Когда-то, ослепленная блеском кыртовых волокон, она спросила у своей няньки:

— Почему он блестит, няня?

— Потому, что это кырт, Миаканс.

— Почему другие вещи не блестят так, няня?

— Другие — это не кырт, Миаканс.

Вот и все. Двухтомная монография на эту тему была написана три года назад. Она внимательно прочла ее. Все сводилось к нянькиному объяснению. Кырт — это кырт, потому что он кырт.

Правда, кырт не блестел сам по себе, но если спрясть его, как должно, то он будет сиять на солнце любым цветом или всем спектром сразу. Другой вид обработки придавал нити алмазное сверкание. Несложная обработка делала материал непроницаемым для 600 градусов и инертным почти ко всем химическим веществам. Волокна можно было превращать в тончайшие нити для тончайших тканей, и те же волокна обладали прочностью на растяжение, с которой не мог соперничать никакой из известных стальных сплавов.

Кырт имел более широкое, более разнообразное применение, чем любое другое известное человеку вещество. Не будь он так дорог, он мог бы заменить стекло, пластмассу или металл во всех бесчисленных областях их применения в технике. Он был единственным материалом для нитяных крестов в оптических инструментах, для изложниц гидрохронов, применяемых в гиператомных моторах, для всех прочих сооружений — везде, где металл оказывался хрупким и слишком тяжелым.

Но кырта было мало, очень мало. Фактически весь сбор кырта шел на ткани, из которых выделывались самые сказочные одеяния в Галактике. Флорина одевала аристократию на миллионе планет, так что урожай приходилось распределять весьма скупо.

Когда Сэмия стала старше, она пришла к отцу.

— Что такое кырт, папа?

— Это хлеб и масло, Миа.

— Для меня?

— Не только для тебя, Миа. Это хлеб и масло для всего Сарка.

Она узнала, что не было планеты в Галактике, которая не пыталась бы выращивать кырт на своей собственной почве. Сначала Сарк принял закон о смертной казни для всякого, кого поймают на контрабандном вывозе семян кырта с планеты. Это не помешало успехам контрабанды, и Сарку стало ясно, что закон нужно отменить. Всякий, откуда бы он ни явился, мог покупать семена кырта, но по цене веса готовой кыртовой ткани. Ибо оказалось, что на любой планете Галактики, кроме Флорины, вместо кырта вырастал простой хлопок. Белый, тусклый, непрочный и бесполезный.

Перепробовано было все. Брались образцы флориниансκой почвы. Строились искусственные источники света, воспроизводящие спектр флориниансκого солнца. Инопланетную почву заражали флориниансκими бактериями. А кырт всегда вырастал белым, тусклым, непрочным и бесполезным.

Вот уже пять лет Сэмия Файфская мечтала написать настоящую книгу по истории кырта: о планете, где он рос, и о людях, которые его выращивают.

Это была мечта, окруженная глумливым смехом, но Сэмия дорожила ею. Она настояла на том, чтобы полететь на Флорину. Она собиралась провести сезон в полях и несколько месяцев на фабрике. Она хотела...

Но не все ли равно, чего она хотела? Ей было приказано возвращаться. Что ж, она полетит на Сарк! Но она, Сэмия Файфская, вернется еще на Флорину. Через день, через два, через неделю!

Сэмия оставалась у иллюминатора, пока Флорина не перестала казаться едва заметным шариком...

— Госпожа, не угодно ли вам удалиться в вашу каюту?

Она взглянула на капитана Рэйсти и сказала не без сарказма:

— Какие новые приказы вы получили, капитан? Уж не пленница ли я?

— Конечно, нет. Это только предосторожность. Космопорт перед нашим вылетом был необычно пуст. По-видимому, этот флоринианин убил еще кого-нибудь, и весь гарнизон космопорта помогает патрульным ловить преступника по всему Городу.

— А при чем тут я?

— Мне кажется, на наш корабль проникли нежелательные лица.

— Зачем?

— Пока я этого не знаю.

— Вы придумываете, капитан.

— Боюсь, что нет, госпожа моя. Правда, наши энергометры были бесполезны в пределах планетарного расстояния от флориниансного солнца, но теперь они действуют, и мне кажется, что из аварийных складов исходит излишек теплового излучения.

— Вы серьезно?

Неподвижное лицо капитана на мгновение стало высокомерным. Он сказал:

— Излучение равновелико тому, какое могли бы дать двое обыкновенных людей.

— Или нагревательная установка, если кто-нибудь забыл ее выключить.

— Наши энергетические запасы не тронуты, госпожа моя. Впрочем, мы готовы произвести расследование, но я прошу вас сначала удалиться в каюту.

Она молча кивнула и вышла.

Когда Мирлин Теренс, переодетый в форму патрульного, увидел на улице Пекаря, Рика и Валону, он понял, что действовать надо быстро и решительно. У него не было выбора: он потянулся к оружию, и Пекарь упал перед ним, мертвый и страшный.

Позже, когда толпа кипела и струилась, когда Рик и Валона растворились в толпе, а летательные машины настоящих патрульных появились в воздухе, как коршуны, что еще он мог сделать?

Первым его импульсом было бежать за Риком и Валоной, но он быстро подавил его. Он никогда не пробьется к ним сквозь эту сумасшедшую толпу, а вероятность того, что патрульные его поймают, была слишком велика. Он поспешил в другую сторону, к пекарне.

На рассвете он подошел к патрульной станции. Одинокий скучающий дежурный был смесью равнодушия и свирепости. Теренсу было приказано удостоверить свою личность и род занятий. Вместо документов резидент вынул из кармана пластиковый брусок, вырванный из какой-то полуразрушенной хижины на окраине города.

Он ударил патрульного бруском по голове, потом обменялся с ним платьем и оружием. Список его преступлений был уже достаточно велик, и он не встревожился, когда увидел, что патрульный не только оглушен, но и убит.

А он все еще был на свободе, и ржавая машина патрульного правосудия до сих пор напрасно скрежетала, разыскивая его.

Он был у пекарни. Пожилой помощник Пекаря, стоявший на пороге, тонко пискнул при виде страшной формы патрульного и юркнул в лавку. Резидент кинулся за ним, схватил за осыпанный мукой воротник и скрутил его.

— Где Пекарь?

Губы старика раскрылись, но звука не было.

— Говори. Две минуты назад я убил человека. Мне ничего не стоит убить еще одного.

— Сжальтесь! Я не знаю, сударь.

— Ты умрешь за то, что не знаешь.

— Но он ничего не сказал мне. Я слышал, как один раз он упомянул о Вотексе и о каком-то космическом корабле.

Теренс оттолкнул его.

Значит, Пекарь достал билеты для них. Корабль будет ждать. Рик и Валона придут сюда. Они не могут не прийти. Но как ему, резиденту, средь бела дня пробраться в космопорт?.. Да, положение было отчаянное. Если он потеряет Рика, если он потеряет это потенциальное оружие против тирании Саркa, то его жизнь будет ничтожной добавочной потерей. Все остальное не значило ничего...

И потому он вышел на улицу, вышел бестрепетно, хотя патрульные уже искали человека в форме патрульного, хотя их воздушные машины были еще на виду.

Теренс знал, куда он идет. Из многочисленных космопортов Флорины был только один, предназначенный для обычных путешественников, для саркитов победнее, для флориниансних служителей и немногих чужеземцев, которым удалось получить разрешение посетить Флорину.

Контролер у ворот порта следил за приближающимся Теренсом со всеми признаками горячего интереса. Неизвестность для него стала нестерпимой.

— Приветствую вас, сударь, — сказал он. В голосе его звучало робкое любопытство. — Большое волнение в Городе, не так ли?

Теренс низко опустил дугообразное забрало шляпы и застегнул верхнюю пуговицу мундира.

— Проходили ли здесь двое, мужчина и женщина, направляющиеся на Вотекс? — спросил он резко и ворчливо.

Контролер поразился. С минуту он прочищал горло, потом ответил гораздо смиреннее:

— Да, офицер. С полчаса назад. Может быть, еще меньше. — Он вдруг покраснел. — Связаны они как-нибудь с...? Офицер, билеты у них были в порядке. Я бы не пропустил чужих без надлежащего разрешения.

Теренс не обратил на это внимания. Надлежащее разрешение! Пекарь раздобыл его за ночь. «О Галактика, — подумал он, — как глубоко проник транторианский шпионаж в саркитскую администрацию!»

— Как они назвали себя?

— Гарет и Ханса Барн.

— Отлетел ли их корабль? Быстро!

— Н-нет, сударь.

— Какая платформа?

— Семнадцатая.

У главного шлюза корабля стоял межпланетник в офицерской форме. Теренс слегка задохнулся. Он спросил:

— Вошли в корабль Гарет и Ханса Барн?

— Нет, не входили, — флегматично ответил межпланетник. Для него, саркита, патрульный был просто человеком в мундире.

— Так они не вошли? — теряя терпение, спросил Теренс.

— Я уже сказал. И ждать мы их не будем. Мы отправляемся по расписанию, с ними или без них.

Теренс снова пошел к контролеру.

— Улетели они?

— Улетели? Кто, сударь?

— Барны. Те, что с Вотекса. Они не сели на корабль. Так что же, они ушли обратно?

— Никто не выходил, сударь.

— Стартовал ли какой-нибудь корабль с тех пор, как они вошли?

Контролер посмотрел в расписание.

— Один, — сказал он. — Лайнер «Отважный». — И, желая задобрить гневного патрульного добровольной информацией, добавил:

— «Отважный» идет специальным рейсом на Сарк, чтобы вернуть с Флорины Высокородную Сэмию Файфскую.

Теренс медленно отошел. Устрани невозможное, и остальное, даже самое невероятное, будет правдой. Рик и Валона вошли в космопорт. Они не были схвачены, иначе сторож наверняка знал бы об этом. Они не взошли на корабль, куда действительны их билеты. Они не ушли из порта. Единственным кораблем, взлетевшим с тех пор, был «Отважный». Следовательно, Рик и Валона — на нем. Они либо пленники, либо беглецы.

И то и другое равноценно. Если беглецы, то скоро станут пленниками. Только флоринианской крестьянке и умалишенному неизвестно, что на современном космическом корабле спрятаться невозможно. Но самое поразительное: из всех космических кораблей они выбрали именно тот, на котором летит дочь самого сквайра Файфского!

Глава 8

СКВАЙР

Сквайр Файф был самым важным лицом на Сарке, и потому не любил стоять. Торс у него был массивный, а голова, несомненно, величавая, но торс был посажен на коротенькие ножки, вынужденные ходить под этой тяжестью, неуклюже переваливаясь.

Вот почему Великий сквайр всегда сидел за столом, и никто не видел его в другом положении, кроме дочери, личных слуг и жены, когда она была еще жива.

Сквайр позировал и знал это. Он изгнал всякое выражение с лица, а его руки, широкие, сильные, с короткими пальцами, слегка держались за край стола, гладкая, полированная поверхность которого была совершенно голой. Не было ни бумаг, ни слуховой трубки, ни украшений.

Он говорил своему бледному, белому, как рыба, секретарю тем особым, безжизненным тоном, которым обращался только к механическим слугам и флоринианским служителям:

— Полагаю, все это принято?

Секретарь отвечал столь же безжизненным тоном:

— Сквайр Бортский заявил, что обязательства по прежним деловым свиданиям помешают ему явиться раньше, чем в три.

— А вы сказали ему?

— Я сказал, что задержки нежелательны.

— Результат?

— Он будет здесь, господин. Остальные согласились без отговорок.

Файф улыбнулся. Великие сквайры слишком чувствительны к своей независимости.

Теперь он ждал. Комната была большая, места для всех приготовлены. Большой хронометр, чья крошечная животворная искорка радиоактивности ни разу не задерживалась и не угасала за тысячу лет, бесстрастно показывал время.

А повидал он за тысячелетие немало. Когда он отсчитывал свои первые минуты, Сарк был новой планетой с возведенными вручную городами, с сомнительными связями среди прочих, более старых планет. В те времена хронометр висел на стене в старом кирпичном здании, самые кирпичи которого с тех пор превратились в прах. Он одинаково ровно отмечал три кратковременные саркитские «империи», когда недисциплинированным солдатам Сарка удавалось более или менее длительно править полудюжиной соседних миров. Его радиоактивные атомы распадались в строгой статистической последовательности в те два периода, когда политику Сарку диктовали чужие звездные флоты.

Пятьсот лет назад он отметил спокойное время, когда Сарк обнаружил, что в почве ближайшей планеты, Флорины, скрыты неисчислимые сокровища. Затем две победоносных войны и торжественное провозглашение победного мира. Сарк отказался от своих империй, прочно поглотил Флорину и стал настолько могущественным, что даже Трантор не осмеливался соперничать с ним.

Трантору нужна была Флорина, как была она нужна и другим правительствам. Столетия превратили Флорину в лакомый кусок, к которому притягивались из космоса жадные руки. Но схватили ее руки Сарка, и Сарк скорее допустил бы Галактическую войну, чем выпустил свою добычу.

Трантор знал об этом! Трантор знал об этом!

Беззвучный ритм хронометра словно повторялся этим припевом в мозгу у сквайра.

Было 2:23.

Около года назад уже состоялась встреча пятерых. Тогда, как и теперь, сквайры, рассеянные по лицу всей планеты, каждый на своем материке, встретились в трехмерной проекции.

Подлинная особа сквайра Руне находилась у антиподов, на единственном материке, где в это время была ночь. Кубическое пространство, окружавшее его изображение в зале у Файфа, светилось холодным и искусственным светом, тускневшим в более ярком дневном свете.

В этом зале собрался, во плоти или в изображении, весь Сарк. Руне был лысый, розовый, жирный, а Балле — седой, морщинистый, высохший. Стин, напудренный и нарумяненный, сохранял безнадежную улыбку совершенно обессиленного человека, притворяющегося, что еще обладает жизненной силой, но уже лишенного ее, а Борт довел безразличие к жизненному комфорту до двухдневной щетины на лице и грязи под ногтями.

Пятеро Великих сквайров.

Они были верхней из трех ступенек правящих сил на Сарке. Нижняя — Флориниансkая Гражданская Служба — оставалась самой устойчивой среди всех эксцессов, отмечавших возвышение и падение отдельных благородных домов на Сарке. Именно она фактически смазывала оси и вращала колеса управления. Выше находились министры и начальники департаментов, назначенные наследственным (и безвредным) Главой Государства. Их имена, как и имя самого Главы, были необходимы на государственных бумагах, чтобы придать им законную силу, но их единственная обязанность состояла в том, чтобы подписывать свои имена. И вот, наконец, эти пятеро, каждому из которых остальные четверо молчаливо предоставляли один из материков. Они были Главами семейств, контролировавших большую часть торговли кыртом. Власть на Сарке давалась и политика диктовалась деньгами. И эти деньги были у них. А из всех пятерых самым богатым был Файф...

Вот что сказал при прошлой встрече сквайр Файф остальным хозяевам второй по богатству планеты Галактики (второй после Трантора, извлекавшего прибыли из полумиллиона миров):

— Я получил странное сообщение. Если вы не возражаете, я прочту его вслух. — И стал читать сладким голосом, придавая словам драматичность: — «Вы — Великий сквайр Сарка, и никто не может соперничать с вами по власти и богатству. Но эта власть и богатство покоятся на утлом основании. Вы ду-

маете, что будете вечно владеть всей мировой добычей кырта. Но спросите себя: долго ли просуществует Флорина? Вечно ли?

Нет! Флорина может быть разрушена завтра же. Не моими руками, конечно, но так, что вы не сможете предсказать или предусмотреть этого. Подумайте о гибели Флорины. Подумайте также о том, что ваше богатство и власть уже исчезли, так что я требую большую часть их. У вас будет время подумать, но не очень много времени.

Если вы станете медлить, я заявлю всей Галактике и особенно всей Флорине истину о ее близкой гибели. После этого у вас не будет ни кырта, ни власти, ни богатства. Не будет их и у меня, но к этому я привык.

Я требую: отдайте большую часть ваших владений мне, и вы сможете безопасно владеть тем, что у вас останется. Это будет лучше, чем ничего, ожидающее вас в противном случае. Не презирайте того, что у вас останется. Флорина может просуществовать до самой вашей смерти, а вы сможете жить если и не роскошно, то хотя бы комфортно».

— Забавное письмо, — закончил сквайр Файф. — Подписи нет, а общий тон, как вы слышали, напыщен и ходулен. Что вы думаете обо всем этом, сквайры?

— Очевидно, это дело рук какого-то психопата. — На красном лице Руне отражалось недовольство. — Он словно пишет исторический роман. Откровенно говоря, Файф, я не понимаю, зачем ради такой чепухи надо нарушать традиции материков и созывать нас всех.

Файф сложил вместе свои короткие пальцы.

— Я собрал вас не для того, чтобы прочесть сумасшедшее письмо. Это, надеюсь, вы понимаете. Я боюсь, что перед нами встала серьезная проблема. Прежде всего я спросил себя: почему дело касается только меня одного? Конечно, я самый богатый из сквайров, но я один контролирую только треть торговли кыртом. А впятером мы контролируем ее всю. Сделать пять копий ленты так же легко, как сделать и одну.

— Вы употребляете слишком много слов, — пробормотал Борт. — Я получил копию этого письма и уверен: эти трое получили тоже. Хотите знать, что я сделал со своим? Выбросил его. В мусоропровод. Советую сделать то же и с вашим. Покончим с этим. Я устал.

Его рука потянулась к выключателю, который должен был

прервать контакты и погасить изображение, находящееся у Файфа.

— Погодите, Борт! — Голос у Файфа стал резким. — Не делайте этого. Я еще не кончил. Вы не захотите, чтобы мы принимали меры и приходили к решениям без вас. Я уверен, что не захотите.

— Потерпите, сквайр Борт, — посоветовал Руне мягким тоном, хотя его маленькие, заплывшие жиром глазки отнюдь не были любезными. — Я удивляюсь, почему сквайр Файф кажется обеспокоенным пустяками.

— Ну что же, — произнес Балле сухим скрипучим тоном. — Может быть, Файф думает, что у нашего пишущего письма друга есть сведения о нападении Трантора на Флорину.

— Чушь! — гневно сказал Файф. — Откуда ему знать это, кто бы он ни был? Наша разведка знает свое дело, уверяю вас. И как он сможет остановить нападение, получив наше богатство в качестве взятки? Нет-нет. Он говорит о гибели Флорины так, словно думает о физическом уничтожении, а не о политическом.

— Это просто безумие, — сказал Стин.

— Да? — возразил Файф. — Значит, вы не постигаете значения событий за последние две недели?

— Каких событий? — спросил Борт.

— По-видимому, исчез один космоаналитик. Все вы прекрасно информированы об этом. Так вот, вы читали копию его последнего сообщения с базы на Сарке, перед тем как он исчез?

— Мне показывали сообщение. Я не обратил внимания.

— А остальные? — Взгляд Файфа вызывал их одного за другим. — Вашей памяти хватает на неделю?

— Я читал, — произнес Руне. — Я помню. Действительно! Там тоже говорилось об уничтожении. Вы к этому и ведете?

— Слушайте, — пронзительно заговорил Стин, — там было множество неприятных намеков, а смысла никакого. Об этом и говорить-то не стоит.

— Ничего не поделаешь, Стин, — сказал Файф. — Мы должны говорить об этом снова. Космоаналитик сообщал об уничтожении Флорины. Вместе с его исчезновением мы получаем письма, тоже грозящие уничтожением Флорине. Неужели это совпадение?

— Вы хотите сказать, что космоаналитик посылал шантажирующие письма? — прошептал старик Балле.

— Маловероятно. Почему он говорил сначала от своего имени, а потом анонимно?

— Когда он говорил сначала, — сказал Балле, — он общался со своим местным начальством, а не с нами.

— Пусть даже так. Шантажист сообщается только со своей жертвой, если может.

— В чем же дело?

— Он исчез. Будем считать космоаналитика честным. Но он передал опасные сведения. Потом аналитик попадает в лапы негодяев, и они-то нас и шантажируют.

— Кто же это?

Файф мрачно откинулся в кресле; губы у него едва шевельнулись.

— Вы спрашиваете меня серьезно? Это Трантор!

— Трантор!

— Почему бы нет? Есть ли лучший способ, чтобы завладеть Флориной? Это одна из главных целей их внешней политики. И если они могут сделать это без войны, то тем лучше для них. Послушайте, если мы поддадимся этому невозможному ультиматуму, то Флорина будет принадлежать им. Они предлагают нам оставить немного, но надолго ли мы сохраним даже это? С другой стороны, предположим, что мы игнорируем это письмо и у нас фактически нет другого выбора. Что сделает тогда Трантор? Будет распространять среди флориниан слухи о близком конце света. Те впадут в панику, и что может за этим последовать, кроме катастрофы? Какая сила может заставить человека работать, если он думает, что конец света наступит завтра же? Урожай погибнет. Склады опустеют. А Трантор только и ждет признаков беспокойства на Флорине. Если Сарк окажется не способным гарантировать поставку кырта, то для них самым естественным будет двинуться на поддержку того, что они называют порядком. И свободные миры Галактики, вероятно, поддержат их ради кырта. Особенно если Трантор решил нарушить монополию, повысить производство и понизить цены. Потом, конечно, все изменится, но пока что они получат поддержку.

Единственный логический вывод: Трантор сможет завладеть Флориной. Если бы они просто применили силу, то вся свободная Галактика вне сферы влияния Трантора присоединилась бы к нам из одного чувства самосохранения.

— А при чем здесь космоаналитик? — спросил Руне. — Если ваша теория верна, вы должны объяснить это.

— Думаю, что верна. Эти космоаналитики бывают обычно людьми неуравновешенными, а этот построил какую-то сумасшедшую теорию. Неважно, какую. Трантор не может обнародовать ее, иначе Межзвездное Космоаналитическое Бюро ее разгромит. Но если они схватили этого человека и узнали от него какие-то подробности, то могли получить важную информацию, пусть даже ложную. Они могут использовать эту химеру, придать ей реальный вид. Бюро — это транторианская марионетка, и его отрицания, когда история распространится путем псевдонаучных слухов, не смогут быть достаточно энергичными, чтобы бороться с ложью. Но мы узнали об опасности. Мы найдем космоаналитика, если сможем. Мы должны держать всех известных нам транторианских агентов под строгим наблюдением, не мешая им. Так можно узнать о готовящихся событиях. Надо тщательно подавить на Флорине любые слухи о гибели планеты. На первый же слабый шепот мы должны ответить самым энергичным противодействием. А пока будем ждать следующего хода...

Это было год назад. Они расстались, и тут последовало самое полное и самое страшное фиаско, которое когда-либо выпадало на долю сквайра Файфского.

Второго хода не было. Никто больше не получал писем. Космоаналитик так и не был найден, а Трантор продолжал притворные поиски. Не было и следа апокалиптических слухов на Флорине; сбор и переработка кырта шли гладко, как всегда.

Файф снова созвал совещание. Сквайры явились вовремя. Сначала Борт, сжав губы, царапая толстым, обломанным ногтем щетину на небритой щеке. Потом Стин, только что смывший краску с лица, бледный, с нездоровым видом. Балле, равнодушный и усталый, со впалыми щеками, окруженный подушками, со стаканом молока рядом. Последним — Руне, опоздавший на две минуты, надутый, с влажными губами.

Файф начал:

— Сквайры! Прошлый раз я говорил об отдаленной опасности. Я ошибся. Опасность существует, но она не так уж далеко. Она близко, очень близко. Один из вас уже знает, о чем я говорю. Остальные скоро узнают.

— О чем вы говорите? — отрывисто спросил Борт.

— О государственной измене!

Глава 9

БЕГЛЕЦ

Мирлин Теренс покинул космодром и погрузился наконец в благословенную тень Нижнего Города. Он шел уверенно и чопорно, как и положено патрульному. И крепко сжимал свой нейрохлыст. Улицы пусты. Туземцы прячутся по хижинам. Тем лучше. Его ни о чем не спрашивают. Никто не задерживается, чтобы взглянуть в его бледное флориниансное лицо, не изучает его внешности. Черно-серебряного мундира вполне достаточно.

Но теперь пора перестать быть патрульным.

И другое. Отныне он не будет в безопасности нигде на Флорине. Убийство патрульного — величайшее преступление, и даже через 50 лет, если он сможет так долго скрываться, охота на него будет продолжаться с жаром. Значит, нужно покинуть Флорину.

Как?

Что ж, он дал себе сутки жизни. Это щедро. Значит, нужно рисковать так, как ни один человек в здравом уме рисковать не сможет...

Отряд патрульных повернул на улицу как раз в тот момент, когда дверь подъемника закрылась за резидентом. Систематические поиски, вероятно, уже начались.

Он вышел из лифта в Верхнем Городе. Здесь не было укрытий, колонн, сталесплава, закрывающего его, Мирлина Теренса, сверху.

Ни одного патрульного. Проходившие мимо сквайры смотрели сквозь него. О географии Верхнего Города у него были смутные понятия. Где-то в этой части должен находиться парк. Самое логичное — спросить о дороге или войти в любое высокое здание и посмотреть с верхних террас. Первое просто невозможно. Патрульному не нужны никакие указания. Второе слишком опасно. Внутри здания патрульный станет заметнее. Слишком заметным.

Он попросту доверился направлению, подсказанному памятью о случайно виденных им картах Верхнего Города. Путь оказался правильным. Вскоре Теренс достиг парка.

В мягком климате Флорины парк зеленел круглый год. Там были лужайки, рощицы, каменные гроты. Был прудик с красивыми рыбками и пруд побольше, чтобы плескаться детям. Ночью парк пылал цветной иллюминацией, пока не начинался дождь. Были танцы, трехмерное кино, извивающиеся тропинки, где блуждали парочки.

С полчаса Теренс бесцельно шагал по дорожкам. Никто не видел его. Никто не замечал. В этом он был уверен. Пусть спросят у сквайров, проходивших мимо него: «Видели ли вы вчера в парке патрульного?» И сквайры лишь удивленно вытаращат глаза. Это все равно что спросить их, видели ли они кузнечика, проскакавшего через дорожку.

И тут он увидел то, что искал.

Человек! Вернее, сквайр. Он быстро шагает взад и вперед. Докуривает сигарету резкими затяжками, сует ее во впадинку скалы, где она мгновение лежит спокойно, потом исчезает в быстрой вспышке. Смотрит на свои часы. Теренс оглянулся. По лестнице за ним не пришел никто. Пора действовать!

Он подошел к сквайру и быстро извлек свой нейрохлыст. Сквайр так и не увидел этого. Хлыст слабо зажужжал, сквайр окаменел, парализованный, и рухнул наземь.

Вокруг все еще не было никого. Он оттащил одеревенелое, таращившееся стеклянными глазами тело в ближайшую пещеру. Доволок его до самого дальнего конца и раздел сквайра, с трудом стаскивая одежду с окаменелых рук и ног. Сбросил свою запыленную, пропотевшую форму и надел белье сквайра. Впервые в жизни он ощутил кыртовую ткань всем телом.

Облачившись в одежду сквайра, Мирлин Теренс натянул ермолку. Они не были особенно модными среди молодежи, но некоторые носили их; к счастью, этот сквайр тоже. Без ермолки светлые волосы Теренса сделали бы маскарад невозможным.

Потом он настроил пистолет на максимальную мощность и направил его на сквайра. Вскоре от того осталась лишь дымящаяся обугленная масса. Это должно затруднить преследование.

Он превратил форму патрульного в мелкий белый пепел и выбрал из кучки почерневшие серебряные пуговицы и пряжки. Это тоже затруднит погоню.

Он вышел из парка, шагая безо всякой цели. Прошло еще полчаса.

Но что же дальше?

Он остановился на небольшой площади, где посреди лужайки бил фонтанчик. Вода пенилась и переливалась радугой. Он оперся об ограду, спиной к заходящему солнцу, и медленно, по кусочку, уронил почерневшее серебро пуговиц в бассейн. Потом подумал о Нижнем Городе, и мгновенная судорога раскаяния исчезла в нем.

Он медленно обыскал свои карманы, стараясь, чтобы это выглядело небрежно. Связка пластинчатых ключей, несколько монет, удостоверение личности. (Святой Сарк, они есть даже у сквайров! Но сквайры не обязаны предъявлять их всякому встречному патрульному.)

Его новое имя было, по-видимому, Алстэр Димон. Он надеялся, что ему не придется им пользоваться. В конце концов вероятность встретить того, кто знал бы Димона лично, невелика, но ею нельзя пренебрегать.

Ему 29 лет. Он ощутил легкую дурноту при мысли о том, что оставил в пещере, но поборол ее. Сквайр — это сквайр. Сколько 29-летних флориниан погибло от их рук или по их приказу? В самом деле — сколько?

Он продолжал рыться в карманах. Копия свидетельства водителя яхты. У всех зажиточных саркитов есть яхты, все умеют водить их. Это нынешняя мода. Несколько листков саркитских кредиток. Они могут пригодиться.

Ему вспомнилось, что он ничего не ел с прошлого вечера, когда был у Пекаря. И тут его озарило: яхта сейчас на месте, а ее владелец мертв. Это его яхта! Ангар № 26, порт 9. Хорошо...

А где этот порт 9? У него не было ни малейшего понятия.

Он оперся головой о холодный гладкий парапет вокруг фонтана. Что делать? Что делать?

Голос, раздавшийся над ним, заставил его вздрогнуть.

— Алло, — сказал голос, — вы нездоровы?

Теренс взглянул. Это был пожилой сквайр. Он курил длинную папиросу с ароматическими листьями внутри, а с его золотого браслета свисал крупный зеленый камень.

— Я только отдыхаю, — сказал резидент. — Решил пройтись и забыл о времени. Боюсь, что опаздываю на совещание.

Он неловко помахал рукой. Теренс довольно хорошо подражал саркитскому акценту — недаром общался с ними так долго, — но позаботился о том, чтобы не преувеличивать его. Преувеличение заметить легче, чем недостаток.

Не смотрит ли он на Теренса как-то странно? Резиденту

пришло вдруг в голову, что, может быть, одежда сидит на нем плохо. Он быстро сказал:

— Погодите! Я, кажется, немного заблудился. Мне нужен порт 9. Посмотрим... — Он неопределенно оглядывался.

— Посмотрим. Это улица Реккет. Вам нужно только спуститься к улице Триффис и повернуть налево, а тогда идти до самого порта. — Он машинально показал направление.

Теренс улыбнулся.

— Вы правы. Мне нужно перестать мечтать и начать мыслить. Благодарю вас, сударь.

— Вы можете взять мой скутер.

— Вы очень любезны, но... — Теренс уже уходил, чуть-чуть поспешно, махая рукой. Сквайр глядел ему вслед.

Может быть, завтра, когда труп в пещере будет найден и начнутся розыски, сквайр вспомнит об этой встрече. Он может сказать: «В нем было что-то странное, если вы меня понимаете. Он говорил как-то странно и словно бы не знал, где находится. Я поклялся бы, что он не знает, где улица Триффис».

Но это будет завтра.

Он направился туда, куда сквайр указал ему. Дошел до блестящей таблички «улица Триффис», почти тусклой на фоне оранжевого радужного здания. Свернул налево.

Порт 9 кишел молодежью в спортивных костюмах, с высокими остроконечными шляпами и вздувающимися на бедрах штанами. Теренс чувствовал себя заметным, но никто не обратил на него внимания. Воздух был полон разговоров, нашпигованных терминами, которых он не понимал.

Он нашел ангар № 26, но выждал несколько минут, прежде чем приблизиться. Ему не хотелось, чтобы какой-нибудь сквайр торчал поблизости, чтобы у кого-нибудь была яхта в соседнем ангаре, чтобы кто-нибудь знал Алстэра Димона в лицо и удивился незнакомцу, занявшемуся Димоновым кораблем.

Наконец он вошел в ангар, где матовым сиянием струились длинные тела яхт.

А дальше что?

За последние 12 часов он убил трех человек. Он возвысился от флориниянского резидента до патрульного, от патрульного до сквайра. Он пришел из Нижнего Города в Верхний, из Верхнего — в космопорт. Судя по всем признакам, он владел яхтой, кораблем, достаточно надежным в пространстве, чтобы

безопасно увезти его на любую обитаемую планету в этом секторе Галак-тики.

Было только одно «но».

Он не умеет водить яхту.

Он устал до смерти и вдобавок голоден. Он пришел сюда, но не может двинуться дальше. Он был у края пространства, но перешагнуть через этот край не мог.

Сейчас патрульные, должно быть, решили, что в Нижнем Городе его нет. Они начнут обыскивать Верхний, как только до их тупых мозгов дойдет мысль, что флориниани́н может осмелиться. А когда они найдут тело, поиски примут новое направление. Патрульные начнут искать поддельного сквайра.

И найдут его. Он забрался в самый конец тупика и, прижавшись спиной к стене, может только ждать, пока далекие звуки погони будут становиться все громче и громче, пока ищейки в конце концов не кинутся на него.

36 часов назад в руках у него была величайшая возможность всей его жизни. Теперь возможность исчезла, а вскоре за нею последует и жизнь.

Глава 10

КАПИТАН

— Госпожа моя, как я могу позволить вам беседовать с ними наедине?

— Разве они вооружены, капитан?

— Конечно, нет. Это неважно. Но нельзя же рассчитывать, что они поступят разумно.

— Тогда зачем вы все время пугаете их? Вы окружили этих несчастных здоровенными космолетчиками с пистолетами, капитан. Я не забуду этого.

— Но что я скажу вашему отцу, госпожа, если он узнает, что я позволил вам находиться без охраны в присутствии двух отчаянных преступников?

— Отчаянных преступников! О Великий Космос! Двое жалких глупцов, которые попытались бежать со своей планеты и не нашли ничего лучшего, как спрятаться в корабле, идущем на Сарк!

И капитан сдался.

— Хорошо, госпожа, но я сам буду при этом присутствовать. Я — это не трое парней с пистолетами. Иначе... — Он, в свою очередь, придал своему голосу решительность: — Иначе я буду вынужден отказать вам в просьбе.

— Великолепно. Но если они не смогут говорить из-за вас, то я позабочусь, чтобы вы больше не были капитаном ни на одном корабле.

Валона быстро прикрыла рукой глаза Рику, когда Сэмия вошла в каюту.

— Он лишен разума, госпожа. Он не знает, что вы Высокородная Дама. Он мог бы взглянуть на вас.

— Ты с Флорины, девушка? — спросила Сэмия.

Валона покачала головой.

— Мы с Вотекса.

— Вам не нужно бояться. Неважно, если вы и с Флорины. Вас никто не обидит.

— Мы с Вотекса.

— Тогда почему ты закрыла ему глаза?

— Ему нельзя смотреть на Высокородную Даму.

— Даже если он с Вотекса? — засмеялась Сэмия.

Валона молчала.

— Только флориниа́нам нельзя смотреть на Высокородных Дам. Так что ты призналась, что вы с Флорины.

Валона вспыхнула.

— Он — нет!

— А ты?

— Я — да. Но он — нет. Не делайте ему ничего! Он вправду не флориниа́нин. Его только нашли однажды на Флорине. Я не знаю, откуда он, но он не флориниа́нин.

Сэмия удивленно взглянула на нее.

— Хорошо, я поговорю с ним. Как тебя зовут, юноша?

— Рик. Кажется, Рик.

— Ты флориниа́нин?

— Нет. Я был на корабле. Я прибыл сюда откуда-то из других мест. — Рик не мог оторвать взгляда от Сэмии, он словно видел вместе с нею корабль. Маленький, очень уютный корабль. — На корабле я прибыл на Флорину, а раньше жил на планете.

— На какой планете?

Воспоминание с болью пробивалось по мысленным каналам, слишком тесным для него. И наконец Рик закричал, радуясь звуку, произнесенному его голосом:

— Земля! Я прибыл с Земли!

Рик повернулся к Валоне, схватил ее за локоть, вцепился в рукав.

— Лона, скажи им, что я прибыл с Земли! Это так! Это так!

Глаза у Валоны расширились от тревоги.

— Мы нашли его однажды, госпожа, и у него вовсе не было разума. Он не мог ни одеваться, ни говорить, ни ходить. Не умел ничего. С тех пор он вспоминает, мало-помалу. — Она кинула испуганный взгляд на лицо капитана. — Он действительно мог прибыть с Земли?

— В этом есть что-то странное, — сказала Сэмия, по-женски настраиваясь на романтический лад. — Я уверена в этом... Почему он был так беспомощен, девушка, когда его нашли? Он был ранен?

— Доктор сказал, что Рик был психозондирован.

— Психозондирован! — Сэмия ощутила волну легкого отвращения. — Значит, он был психопатом? — Она встала и неуверенно поглядела на Рика.

Рик вскочил.

— Погодите!

— Прошу вас, госпожа. Думаю, вам все стало ясно, — произнес капитан, открывая перед нею дверь. — Мои люди успокоят их.

— Госпожа! Госпожа! — вскричал Рик. — Я могу доказать это! Я с Земли!

Сэмия нерешительно остановилась.

— Послушаем, что он может сказать.

Рик весь горел. От усилия вспомнить губы у него растянулись в гримасу вроде улыбки.

— Я помню Землю. Она была радиоактивна. Я помню Запретные Зоны и голубое сияние на горизонте по ночам. Почва светилась, и ничто на ней не росло. Было лишь немного мест, где люди могли жить. Вот почему я был космоаналитиком. Вот почему я хотел оставаться в пространстве. Моя планета была мертвой планетой.

— Идемте, капитан. Он попросту бредит, — сказала Сэмия.

Но на этот раз капитан Рэйсти остановился, приоткрыв рот.

— Радиоактивная планета? — пробормотал он. — Но где он узнал об этом?

— Каким образом планета может быть радиоактивной и необитаемой? — недоумевала Сэмия.

— Но такая планета есть. Это Земля.

— Это Земля! — произнес Рик гордо и уверенно. — Древнейшая планета в Галактике. Это планета, с которой произошло человечество.

— Так и есть! — тихо прошептал капитан. Внезапно решившись, он подошел к Рику.

— Что еще ты помнишь?

— Больше всего корабль, — сказал Рик, — и космический анализ.

— Значит, все это правда? — недоумевала Сэмия. — Но как же могло случиться, что его психозондировали?

— Эй, ты, туземец, или инопланетный, или кто ты там еще! — сказал капитан Рэйсти. — Как случилось, что тебя психозондировали?

Рик казался смущенным.

— Вы все говорите это. Даже Лона. Но я не знаю, что значит это слово... Я был на корабле... Там была опасность. Я уверен в этом. Большая опасность для Флорины, но подробностей я не помню.

— Опасность для планеты? — Сэмия бросила быстрый взгляд на капитана.

— Да. В течениях.

— В каких течениях? — спросил капитан.

— В космических.

Капитан развел руками, потом уронил их.

— Это безумие!

— Нет, нет! Пусть продолжает! — Губы у Сэмии приоткрылись, темные глаза блестели. — Что такое космические течения?

— Различные элементы, — неопределенно ответил Рик. Он объяснял это раньше. Ему не хотелось повторяться. Он продолжал быстро, почти бессвязно, высказывая мысли по мере того, как они приходили, подгоняемый ими: — Я послал сообщение местной базе на Сарке. Это я помню очень хорошо. На Флорину надвигалась опасность. Да. И даже больше чем на Флорину. На всю Галактику. Нужна была большая осторожность.

Почему-то, — продолжал он, задыхаясь, — мое сообщение

было перехвачено каким-то служащим на Сарке. Это было ошибкой. Я не знаю, как это случилось... Я уверен, что послал сообщение местному Бюро на его собственной длине волны. Как вы думаете, можно ли перехватить субрадио? — Он даже не удивился тому, что слово «субрадио» вспомнилось ему так легко. — Во всяком случае, когда я высадился на Сарке, меня ожидали.

Снова пауза, на этот раз длинная и вдумчивая. Капитан не сделал ничего, чтобы прервать его.

— Кто тебя ждал? Кто? — не вытерпела Сэмия.

— Не... не знаю. Не могу вспомнить. Это было не в Бюро. Это было где-то на Сарке. Я помню, что говорил с ним. Он знал об опасности. Он говорил о ней. Я уверен, что говорил. Мы сидели за столом вместе. Я помню стол. Он сидел напротив меня. Это ясно, как космос. Мы разговаривали. Кажется, я не спешил давать подробности. Я уверен в этом. Я хотел говорить сначала в Бюро. А тогда он...

— Да? — поторопила его Сэмия.

— Он сделал что-то. Он... Нет, я больше ничего не помню. Ничего не вспомню!

Он прокричал эти слова, и наступило молчание, прерванное жужжанием коммуникатора на руке у капитана.

— Сообщение с Сарка для капитана. Крайне секретно. Личный прием.

Из коммуникатора поползла тонкая прозрачная фольга с красными строчками. Сэмия склонилась к руке капитана.

«Двое флориниан тайком, незаконно, пробрались на ваш корабль. Схватите их немедленно. Один из них будет называть себя космоаналитиком, не флориниянским туземцем. Не делайте по этому поводу ничего. Вы строго отвечаете за сохранность этих людей. Задержите их для передачи охране безопасности. Крайне секретно. Крайне спешно».

Глава 11

СЫЩИК

Четверо Великих сквайров глядели на сквайра Файфа каждый по-своему: Борт — гневно, Руне — с улыбкой, Балле — с досадой, Стин — испуганно.

Руне заговорил первым:

— Государственная измена? Не пытаетесь ли вы испугать нас фразой? Что это значит? Измена — кому? Борту? Мне самому? Кто изменяет и как? И ради всего Сарка, Файф, эти совещания нарушают нормальные часы моего сна!

— Результаты, — возразил Файф, — смогут помешать многим часам сна. Я не говорю об измене кому-нибудь из нас, Руне. Я говорю об измене Сарку.

— Сарку? — повторил Борт. — Но что это такое, если не мы сами?

— Назовите это мифом. Назовите чем-нибудь, во что верят простые саркиты.

— Я не понимаю, — простонал Стин. — Вы все, как всегда, стараетесь заговорить друг друга до смерти. Право! Я хотел бы покончить с этим.

— Я согласен со Стином, — сказал Балле.

Файф произнес:

— Я хочу объясниться немедленно. Вы слышали, вероятно, о недавних беспорядках на Флорине. Итак...

Неожиданное требование на книги по космическому анализу. Потом нападение на пожилого патрульного, умершего через два часа с проломленным черепом. Потом погоня, закончившаяся перед тайником транторианского агента. Потом убийство второго патрульного, причем убийца ускользнул в патрульном мундире, а транторианский агент был, в свою очередь, убит еще через несколько часов.

Если вы хотите получить самый последний кусочек новостей, — закончил Файф, — можете добавить к этим видимым пустякам еще кое-что. Несколько часов назад в городском парке на Флорине был найден труп, вернее, останки трупа.

У меня уже лежит доклад врачей, исследовавших строение скелета. Он не принадлежит ни патрульному, ни флориниянину. Это скелет саркита.

Стин вскричал: «Браво!» Балле широко раскрыл свои старые глаза; металлические зубы Руне, поблескивание которых придавало жизненность кубу сумрака, где он сидел, исчезли, когда он закрыл рот. Даже Борт казался пораженным.

— Я продолжаю, — сказал Файф. — Тот, кто убил саркита, хотел, чтобы золу приняли за остатки одежды этого саркита, снятой и сожженной до убийства, которое мы могли бы тогда

принять за самоубийство или за результат частной вражды, без всякой связи с нашим другом-самозванцем. Убийца не знал, что анализ золы всегда дает возможность отличить кырт саркитской одежды от целлюлита патрульного мундира.

Итак, где-то в Верхнем Городе скрывается живой резидент в одежде саркита. Наш флориниании, пробыв патрульным достаточно долго и находя, что опасность слишком велика, решил стать сквайром. И он сделал это единственным способом, каким мог.

— Поймали его? — хрипло спросил Борт.

— Нет, не поймали.

— Почему? Клянусь Сарком, почему?

— Его поймают, — равнодушно произнес Файф. — Сейчас у нас есть заботы поважнее. Это последнее преступление — пустяки по сравнению с ними.

— Перейдите к делу! — немедленно потребовал Руне.

— Терпение! Прежде всего позвольте спросить вас, помните ли вы об исчезновении космоаналитика в прошлом году? Между этими событиями есть прямая связь. Ведь все началось с того, что во Флориниански библиотеке были затребованы книги по космическому анализу. Начну с описания трех человек, замешанных в библиотечном инциденте, и прошу вас несколько минут не перебивать меня.

Во-первых, резидент. Он самый опасный из троих. На Сарке о нем были прекрасные отзывы, как о разумном и надежном материале. К сожалению, он обратил свои способности против нас. Несомненно, он виновен во всех четырех убийствах. Хороший рекорд для кого угодно.

Второе лицо — женщина. Она простая работница, непривлекательная и малограмотная. Но ее родители были членами «Души Кырта», если вы помните этот смешной крестьянский заговор, без труда ликвидированный лет двадцать назад. Это приводит нас к третьему лицу, самому необычному.

Его историю нельзя проследить дальше чем за десять с половиной месяцев. Его нашли в поселке близ столицы Флорины в состоянии полного идиотизма. Он не мог ни ходить, ни говорить, ни даже есть самостоятельно.

Заметьте теперь, что он появился впервые через несколько недель после исчезновения космоаналитика. Заметьте, что за несколько месяцев он научился говорить и даже выполнять

работу на кыртовой фабрике. Какой идиот мог бы научиться этому так быстро? Остается одно — психозондирование.

Его можно было произвести только на Сарке или в Верхнем Городе на Флорине. Для полноты картины были исследованы все врачебные кабинеты в Верхнем Городе. Потом один из наших агентов догадался проверить записи всех врачей, умерших с тех пор, как идиот появился. Я позабочусь о том, чтобы агента повысили за эту идею.

Мы нашли запись о нашем идиоте только в одном из таких кабинетов. Идиот был привезен для физического обследования месяцев шесть назад. Его привозила женщина, вторая в нашем трио. По-видимому, это было сделано тайно. Врач обследовал идиота и отметил явные признаки вмешательства психозонда.

И вот тут интересная деталь. Доктор был одним из тех, кто держит кабинеты и в Верхнем, и в Нижнем Городе. Этот идеалист считал, что туземцы достойны первоклассной медицинской помощи.

Будучи человеком педантичным, он заносил в картотеку обоих кабинетов — я подчеркиваю: обоих кабинетов — сведения о всех пациентах, не делая различий между флоринианами и саркитами. Так вот, агент сличил карточки в одном кабинете с их идентичными копиями в другом. И что же оказалось? Единственная карточка без копии — нашего идиота. Причем найдена она в кабинете Верхнего Города. А в Нижнем? В конце концов, этот человек был флоринианином, привезла его флоринианка, и обследование было проведено именно в Нижнем Городе — обо всем этом есть запись в карточке идиота. Итак: куда девалась другая карточка, копия первой?

На эту загадку может быть только один ответ. Она была уничтожена кем-то, кто не знал, что останется копия с нее. Но об этом после.

Вместе с записью о нашем идиоте есть отметка о включении ее данных в ближайший периодический доклад доктора Отделу безопасности. Это было правильно. Всякий случай психозондирования касается либо преступника, либо извращенного человека. Но такое сообщение сделано не было. Меньше чем через неделю доктор погиб в уличной катастрофе. Не правда ли, отличный детективный сюжет?

Рассмотрим эту загадку с другой стороны. Забудем пока об

идиоте и вспомним о космоаналитике. Первое, что мы слышали о нем, — это сообщение в Бюро Транспорта, что его корабль вскоре опустится на планету; кроме того, было получено сообщение, сделанное им раньше.

Космоаналитик так и не прибывает. Его не находят нигде в ближнем пространстве. Кроме того, исчезает посланное им сообщение, о котором говорило Бюро. МКБ заявляет, что мы намеренно скрываем это сообщение. Отдел безопасности считает, что сообщение выдумано в пропагандистских целях. Теперь мне думается, что и те и другие правы. Сообщение было послано, но оно не было получено правительством Сарка.

Представим себе, что некто (пока назовем его просто Икс) имеет доступ к записям Бюро Транспорта. Икс узнает о космоаналитике и его сообщении. Он устраивает так, чтобы послать секретную субрадиограмму на корабль космоаналитика, направляя его для посадки в маленький частный порт. Космоаналитик так и делает. Икс встречает его там. Какими бы несвязными, безумными, невероятными ни были его речи, Икс увидел в них превосходный материал для пропаганды. Он послал свои шантажирующие письма Великим сквайрам — нам. Его поведение и планы были, вероятно, именно такими, какие я тогда приписывал Трантору. Если мы не договоримся с ним, он намеревался разрушить производство на Флорине слухами о гибели и вынудить нас сдаться.

Икс мог убить космоаналитика, но я думаю, что он был ему нужен как источник дальнейшей информации (в конце концов, он сам ничего не знал о космическом анализе и не мог основывать свой шантаж на чистом блефе) или, возможно, как выкуп в случае окончательного поражения. Так или иначе, он прибег к психозондированию. После этого у него в руках был не космоаналитик, а идиот, не причиняющий ему пока никаких затруднений. А через некоторое время его разум восстановился бы.

Что дальше? Нужно было сделать так, чтобы целый год никто не нашел космоаналитика, никто из значительных лиц вообще не видел его. Поэтому он поступил гениально просто. Он перевез свою жертву на Флорину, и космоаналитик стал полоумным туземцем, работающим на фабрике кырта.

Я полагаю, что в течение этого года Икс или его доверенный навещал те места, куда он «пересадил» космоаналитика,

чтобы убедиться в его здоровье и безопасности. При одном из таких посещений он каким-то образом узнал, что психозондированного идиота возили к врачу, который наверняка доложил о нем наверх. Поэтому врача немедленно убрали, а его запись исчезла, по крайней мере из кабинета в Нижнем Городе. Это был первый просчет Икса. Он никогда не думал, что где-то может оказаться копия.

И тут он сделал второй просчет. Идиот начал слишком быстро приходить в себя, а у местного резидента оказалось достаточно мозгов, чтобы увидеть, что это больше, чем простой бред. Быть может, девушка, возившая идиота к врачу, рассказала резиденту о психозондировании. Это догадка.

Вот вам вся история.

Файф сцепил свои сильные руки и ждал реакции слушателей.

— Насколько я вижу, — медленно произнес Балле, — вы сочинили историю, столь же невозможную, как и в прошлом году. Это на девять десятых догадки.

— Чепуха! — отрезал Борт.

— А кто это Икс? — спросил Стин. — Пока вы не узнаете, кто такой Икс, во всем этом нет смысла. — И он деликатно зевнул, прикрывая зубы согнутым пальцем.

— По крайней мере одному из вас ясно, в чем дело! — рявкнул Файф. — Центр истории — в личности Икса. Рассмотрим черты, которыми Икс должен обладать, если мой анализ правилен. Прежде всего Икс — это человек, связанный с Разведкой. Он — человек, могущий приказать провести мощную кампанию шантажа. Он — человек, могущий без всяких помех доставить космоаналитика с Сарка на Флорину. Он — человек, могущий подстроить смерть врача. Он наверняка не первый встречный. Значит, он должен быть Великим сквайром. Разве не так?

Борт вскочил. Стин засмеялся высоким, истерическим смехом. Глаза Руне, полуутонувшие в мягких складках жира, горячечно заблестели. Балле медленно покачал головой.

— Во имя Космоса, кого вы обвиняете, Файф? — взвизгнул Борт.

— Пока никого, — Файф остался невозмутимым. — Никого в частности. Давайте посмотрим. Нас пятеро. Никто в Сарке не мог бы сделать того, что сделал Икс. Только мы пятеро.

Это нужно считать доказанным. Но кто из пятерых? Прежде всего это не я.

— Мы можем поверить вам на слово, не так ли? — фыркнул Руне.

— Вам не нужно верить мне на слово, — возразил Файф. — Лишь у меня одного для этого нет мотивов. Икс хочет получить контроль над кыртовой промышленностью. У меня этот контроль есть. Я законно владею третью флоринианских земель. Мои фабрики, заводы и флот так сильны, что могли бы вытеснить всех и каждого из вас из промышленности, если бы я захотел. Мне не нужно прибегать к сложному шантажу. У остальных есть любые мотивы. Руне владеет самым маленьким из материков и самой малой долей вкладов. Я знаю: это ему не нравится. Балле происходит из древнейшего рода. Было время, когда его род правил Сарком. Он, вероятно, не забыл об этом. Борту не нравится то, что на совете он всегда остается в меньшинстве и не может поэтому вести на своих территориях политику хлыста и пистолета, какую ему хотелось бы. У Стина вкусы расточительные, а финансы в плохом состоянии. Необходимость добывать средства — жестокая необходимость. Ну, вот вам. Все возможные мотивы. Зависть. Жажда власти. Алчность. Вопросы престижа. Так кто же из вас?

В старых глазах Балле неожиданно сверкнула злоба.

— Вы подозреваете нас? А кого именно?

— Это неважно. Икса испугало наше первое совещание, на котором я говорил о необходимости единых действий. Икс был на нем. Икс был и остается одним из нас. Он знал, что единство действий означает для него поражение.

Мы должны быть едины, и для этого есть только один безопасный путь, учитывая, что Икс — один из нас. С автономией материков нужно покончить. Это роскошь, которую мы не можем себе позволить, ибо козни Икса окончатся только с экономическим поражением нас остальных или с вмешательством Трантора. Я сам — единственный, кому я могу доверять, и отныне я становлюсь во главе объединенного Сарка. Идете ли вы со мной?

Они вскочили со своих мест, крича и размахивая кулаками. Увы, физически они ничего не могли сделать. Файф улыбнулся. Каждый из них — на другом материке. Он может сидеть у себя за столом и смотреть, как они истекают пеной.

— У вас нет выбора. За год, прошедший после нашего первого совещания, я подготовил все. Пока вы спокойно присутствовали на совещании и слушали меня, преданные мне офицеры завладели флотом.

— Измена! — вскричали они.

— Измена автономии материков, — возразил Файф. — Верность Сарку. Через двадцать четыре часа я узнаю, кто такой Икс. Космоаналитик, о котором мы все время говорили, находится в моих руках. — Файф хихикнул. — Вы удивляетесь, кто из вас может оказаться Иксом?

Один из вас знает это наверное, будьте спокойны. И помните, господа: вы почти беспомощны. Военные корабли — мои. До свидания.

Его жест был прощальным жестом.

Один за другим они исчезли, как звезды в глубине пространства исчезают с экрана, когда их заслоняет проплывающая мимо невидимая глыба разбитого звездолета.

Глава 12

ЯХТСМЕН

Генро шел медленно, с полупогасшей папиросой, свисающей из угла рта. Он останавливался у каждого занятого ангара, зорко вглядываясь внутрь.

К ангару № 26 он выказал повышенный интерес. Заглянул через низкую балюстраду и произнес:

— Сквайр?

У сквайра, появившегося изнутри, вид был непрезентабельный. Прежде всего, сквайр был в спортивном костюме. Во-вторых, он давно не брился, а довольно неприятная с виду ермолка была надвинута безобразно, словно он стремился закрыть пол-лица. Наконец, в поведении этого сквайра была какая-то подозрительная осторожность, отнюдь не свойственная сквайрам.

— Я Маркис Генро. Это ваша яхта, сударь?

— Да, моя. — Слова звучали медленно и напряженно.

— Вы не возражаете, если я войду?

Сквайр поколебался и отступил. Генро вошел.

— Какой у вас двигатель, сударь?

— Почему вы спрашиваете?

— Откровенно говоря, я хочу купить новый корабль.

— То есть вы интересуетесь этим?

— Не знаю. Что-то в этом роде, возможно, если цена будет подходящая. Но, во всяком случае, вы не возражаете, если я посмотрю управление и двигатели?

Сквайр стоял молча.

— Ну как вам угодно. — Генро повернулся уходить.

— В конце концов, я могу продать, — сказал сквайр. — Можете подняться на борт, если хотите.

— Спасибо. Покажете дорогу?

Сквайр снова порылся в карманах и достал связку ключей.

— После вас, сударь.

Генро взял ключи, перебрал их, ища условные значки корабля. Собеседник не делал никаких попыток помочь ему.

— Кажется, этот, — сказал он наконец.

Медленно, беззвучно шлюз открылся, и Генро вошел в темноту...

У Мирлина Теренса не было выбора. Три долгих отчаянных часа он оставался близ Димонова корабля, ожидая, не будучи способным ни к чему другому. А теперь этот человек пришел и осматривает корабль. Иметь с ним дело — вообще безумие. Вот-вот ему станет ясно, что он, Мирлин Теренс, — самозванец.

И все же неплохо, что на этой посудине нашлась пища. Пока настойчивый покупатель бродит по кораблю, Теренс принялся за консервированное мясо и фрукты. С жадностью напился. Через коридор от кухни был душ. Он заперся и вымылся. Было приятно снять тесную ермолку хотя бы на время. В неглубоком шкафу он нашел смену одежды.

Наконец Генро вернулся.

— Скажите, вы не будете против, если попробую вести этот корабль?

— Не возражаю. Вы справитесь с этой моделью? — спросил Теренс с превосходно разыгранной беспечностью.

— Думаю, что да, — ответил тот с легкой улыбкой. — Я умею обращаться с любой из нынешних моделей. Во всяком случае, я беру на себя смелость запросить у контрольной башни о свободном взлетном колодце. Вот мои права яхтсмена, если вы хотите взглянуть на них перед стартом...

Скоро они уже были в пространстве. Сначала звезды на экране двигались туда и сюда, пока длинные, тонкие пальцы яхтсмена играли на кнопках управления. Наконец поверхность экрана заполнилась толстым оранжевым сегментом планеты.

— Неплохо, — сказал Генро. — Вы держите корабль в хорошем состоянии, Димон. Он невелик, но у него есть свои достоинства.

— Я думаю, вы захотите испробовать его на скорость и маневренность, — сказал осторожно Теренс. — Я не возражаю.

— Очень хорошо. Куда бы нам направиться, по-вашему? Что, если... — Он поколебался, потом закончил: — Ну да, почему бы и не на Сарк?

Дыхание у Теренса слегка участилось. Он ожидал этого. Он был готов поверить, что живет в мире волшебства.

— Почему бы и нет, Генро? — сказал он порывисто.

— Значит, на Сарк.

С нарастающей скоростью диск Флорины соскользнул с экрана...

Теренс просыпался медленно, с туманом в глазах. Несколько долгих минут у него не было ни малейшего представления об окружающем.

— Я, кажется, уснул, — позевывая, сказал он.

— Кажется, да. Вот Сарк. — Генро кивнул на большой белый полумесяц на экране.

— Когда мы опустимся?

— Примерно через час.

И вдруг Теренс заметил, что серый металлический предмет в руке у Генро — изящное дуло иглоружья.

— Что, в чем дело? — начал было Теренс, вставая.

— Садитесь, — сдержанно произнес Генро. В другой руке у него была ермолка.

Теренс поднял руку к голове, и его пальцы вцепились в светлые волосы.

— Да, — отчеканил Генро. — Это очевидно. Вы туземец.

Теренс молча смотрел перед собой.

— Я знал, что вы туземец, еще раньше, чем взошел на корабль бедного Димона. Вашей основной ошибкой, резидент, была мысль, будто вы можете бесконечно хитрить с организо-

ванной полицейской силой. Что можно чувствовать, резидент, хладнокровно убив человека, например Димона?

— Я не выбирал его, — прохрипел Теренс. Он задыхался. И пробормотал сквозь красный туман гнева и разочарования: — Вы, саркиты, убили миллионы флориниан. Женщин. Детей. Вы разбогатели на этом. Эта яхта...

— Димон не виноват, что родился господином, а не слугой, — сказал Генро. — Будь вы саркитом, что бы вы сделали? Отказались от имущества, если бы оно у вас было, и пошли работать на кыртовые поля?

— Ну так стреляйте! — закричал Теренс. — Чего ждете?

— Спешить незачем. У меня много времени, чтобы окончить рассказ. У нас не было уверенности относительно личностей убитого и убийцы, но я кое о чем догадывался. Необходимо было убедить Безопасность, что я один смогу доставить вас на Сарк. Без шума и затруднений. Вы должны согласиться, что именно это я и сделал. Признаться, сначала я сомневался: действительно ли вы тот, кого мы ищем. Вы, находясь на территории порта, были одеты в обычный костюм. Этот невероятно дурной вкус. «Никто, — подумал я, — не станет притворяться яхтсменом, не нося соответствующего костюма».

Я подумал, что вас нарочно выставили как приманку, что вы стараетесь быть арестованным, в то время как преступник ускользает в другом направлении.

Я колебался и испытывал вас другими способами. Я возился с ключами от корабля не там, где нужно. Нет такого корабля, который открывался бы с правой стороны воздушного шлюза. Все они всегда и неизменно открываются с левого. Вы не высказали удивления при моей ошибке. Ника-кого!

Потом я спросил вас, может ли ваш корабль проделать путь от Флорины до Сарка меньше чем за шесть часов. Вы сказали, что да. Это поразительно! Рекордное время для такого полета — свыше девяти часов.

Я решил, что вы вовсе не приманка. Ваше неведение было чересчур велико... Кстати, вы знаете, почему я рассказываю вам все это? — неожиданно мягко докончил Генро.

Теренс молчал.

— Во-первых, — сказал Генро, — мне нравится видеть, как вы страдаете. Я не люблю убийц, и особенно не люблю, когда туземцы убивают саркитов. Мне было приказано доставить вас живым, но в моих инструкциях ничего не сказано о том,

чтобы сделать перелет приятным для вас. Во-вторых, вам необходимо ознакомиться с ситуацией сейчас, поскольку позже, когда мы опустимся на Сарк, следующие шаги вы должны будете сделать сами.

Теренс взглянул на него.

— Не понимаю.

— Безопасность знает, что вы прибываете. Флоринианский отдел сообщил им об этом, как только мы вышли из атмосферы планеты.

— Не понимаю, — безнадежно сказал Теренс.

— Я сказал: вас ждут на Сарке. Но я подразумевал не Отдел безопасности. Я подразумевал Трантор...

Глава 13

РЕНЕГАТ

За кофе Эбл рассказал Джунцу о случившемся за последние 36 часов.

Джунц был поражен. Он поставил свою наполовину выпитую чашку и сказал:

— Допустим, что из всех кораблей они смогли спрятаться именно в этом. Но ведь их могут и не обнаружить. Если вы пошлете людей навстречу этому кораблю при посадке...

— Ба! Вы и сами знаете: на любом из нынешних кораблей нельзя не обнаружить лишнего теплоизлучающего тела.

— Этого могли просто не заметить. Приборы, разумеется, непогрешимы, но люди — нет.

— Напрасно вы так думаете. Послушайте, в то самое время, когда корабль с космоаналитиком на борту приближается к Сарку, я получил достоверные сведения о том, что сквайр Файф сообщается с прочими Великими сквайрами. Эти межконтинентальные совещания бывают редко, как звезды в Галактике. Совпадение? Странное совпадение!

— Как вы узнали все это?

— Что «все»?

— Все. Как и когда космоаналитик спрятался. Как и каким образом резидент ускользнул от поимки. Или вы собираетесь хитрить со мной?

— Дорогой мой доктор Джунц!

— Вы признали, что ваши люди следили за космоаналитиком независимо от меня. Вы позаботились безопасно устранить меня с дороги, не предоставляя ничего случаю.

— Всю эту ночь, доктор, я держал постоянную связь с некоторыми из своих агентов...

— Чтобы узнать все это, вам нужно было бы иметь разведчиков в самом правительстве Сарка.

— Ну, разумеется... Один такой человек, мой лучший агент, работает в Отделе безопасности на Сарке. Кстати, сейчас он везет мне резидента.

— Вы говорили, резидент схвачен.

— Отделом безопасности. Но мой агент — он еще и агент Безопасности.

— Что вы планируете теперь?

— Почти не знаю сам. Прежде всего мы должны получить своего резидента. Я уверен только в том, что он опустится в порту. А потом? Ведь сквайры тоже будут ждать резидента.

Строго говоря, инопланетные посольства по всей Галактике имели право экстерриториальности. Практически это означало, что действительно независимым на территории своих посольств был только Трантор.

Территория транторианского посольства занимала почти квадратную милю, и эту площадь контролировали патрули в форме и со значками Трантора. Ни один саркит не мог войти иначе как по приглашению, а вооруженный саркит — ни в коем случае. Все отчетливо сознавали, что за патрулями стояла карающая сила миллиона организованных планет. Посольство оставалось неприкосновенным.

Оно даже сообщалось с Трантором, минуя саркитские порты прибытия и отправления. Из трюмов транторианского корабля-матки, парящего как раз за пределами стомильной высоты, означающей границу между «планетным пространством» и «свободным пространством», могли выскальзывать маленькие гирокорабли, снабженные направляющими лопастями для полета в атмосфере, и опускаться на площадку территории посольства.

Гирокорабль, появившийся сейчас над посольством, не шел по расписанию и не был транторианским. По сигналу тревоги в воздух ринулись маленькие истребители посольства.

Подняла к небу свой сморщенный ствол иглопушка. Задвигались, поднимаясь, энергетические экраны.

— Требую убежища! Меня собьют через две минуты, если вы не позволите мне опуститься.

— Кто вы такой?

— Мне нужно говорить с послом! — Коротковолновый приемник закашлялся, и полуистлевший голос закричал: — Есть тут кто-нибудь? Я спускаюсь, вот и все! Я не могу ждать ни секунды, говорю вам!

Гирокорабль опустился вертикально, быстрее, чем должен был бы, поскольку руки, державшие управление, были скованы ужасом. Эскадрилья саркитских кораблей, появившаяся над ним минут через десять, держала грозную стражу два часа, потом исчезла.

Они сидели за обедом: Эбл, Джунц и новоприбывший, сквайр Стин. Эбл вел себя как непринужденный хозяин, воздерживаясь от расспросов, зачем Великому сквайру понадобилось убежище. За вином сквайр наконец заговорил.

— Вам интересно, почему я покинул материк?

— Я не могу догадаться, — согласился Эбл, — зачем сквайру Стину пришлось убегать от саркитских кораблей.

— Сегодня было межконтинентальное совещание.

— В самом деле? — удивился Эбл.

Он выслушал рассказ о совещании, не дрогнув и бровью.

— И он дал нам двадцать четыре часа, — возмущенно сказал Стин. — Теперь уже осталось шестнадцать. Право!

— А вы Икс! — вскричал Джунц, беспокойство которого нарастало во время рассказа. — Вы Икс! Вы прилетели сюда потому, что он поймал вас. Ну что ж, это замечательно! Эбл, вот вам доказательство относительно космоаналитика. Мы можем заставить их выдать нам нашего человека.

— Ну, право! Право! Вы с ума сошли! Перестаньте! Дайте мне сказать, говорю вам... Ваша светлость, я не могу вспомнить имя этого человека.

— Это доктор Селим Джунц, сквайр.

— Послушайте, доктор Джунц. Я никогда в жизни не видел этого идиота, космоаналитика или как там его... Я никогда не слышал такой чепухи. Я не Икс. Право! Я буду вам благодарен, если вы перестанете называть меня этой дурацкой бук-

вой. Подумать только, вы поверили смешной мелодраме Файфа! Он считает нас дураками и идиотами. Право! Он сочинил всю эту гадкую ерунду про идиотов и космоаналитиков. Я не удивлюсь, если туземец, якобы убивающий патрульных дюжинами, окажется попросту одним из агентов Файфа в рыжем парике. Так вот, никакого Икса вообще нет, но если Файфа не остановить, то он завтра же заполнит все субрадио известиями о заговорах, требованиями чрезвычайного положения и, наконец, объявит себя Вождем. У нас на Сарке Вождей не было уже пятьсот лет, но Файфа это не остановит. Он просто перечеркнет конституцию... Как только совещание окончилось, я велел проверить свой личный порт, и, знаете ли, он был захвачен его людьми. Это явное нарушение автономии материков. Это было сделано так подло. Право! Но хоть он и гадкий человек, он не очень умен. Он думал, что некоторые из нас попытаются бежать, и велел стеречь космопорты, но... — тут Стин улыбнулся по-лисьему и чуть слышно хихикнул, — ему не пришло в голову стеречь гиропорты. Вероятно, он думал, что на всей планете нет безопасного места для нас. Он забыл о транторианском посольстве. И вот я здесь.

— Вы оставили семью, — осторожно начал Эбл. — Подумали ли вы, что у Файфа все-таки может быть оружие против вас?

— Конечно, я не мог запихнуть всех моих любимых в свой гироплан. — Стин слегка покраснел. — Файф не посмеет тронуть их! Кроме того, я завтра вернусь на мой материк.

— Как? — спросил Эбл.

Сквайр в замешательстве взглянул на него, тонкие губы его приоткрылись.

— Я предлагаю союз, ваша светлость. Вы не можете притвориться, будто Трантор не интересуется Сарком. Вы наверняка скажете Файфу, что всякая попытка изменить конституцию Сарка повлечет за собой вмешательство Трантора.

Эбл сложил вместе свои узловатые пальца и смотрел на них.

— Я не могу поверить, сквайр Стин, что вы действительно хотите объединить свои силы с Трантором.

По слабому, улыбающемуся лицу Стина прошла мгновенная тень пылкой ненависти.

— Лучше Трантор, чем Файф! — воскликнул он.

— Мне не хочется угрожать силой. Не можем ли мы подождать некоторого развития событий?

— Нет-нет! — вскричал Стин. — Ни одного дня. Право! Если вы не решитесь сейчас, немедленно, то потом будет поздно. Как только срок пройдет, он увидит, что зашел слишком далеко, чтобы отступить с достоинством. Если вы поможете мне сейчас, остальные Великие сквайры присоединятся ко мне. Если вы промедлите хотя бы день, Файфова машина пропаганды заработает. Я буду заклеймен как перебежчик.

— А если мы попросим у него разрешения поговорить с космоаналитиком?

— Какая от этого польза? Он будет вести двойную игру. Он скажет нам, что флориниански идиот — это космоаналитик, но вам он скажет, что космоаналитик — это флориниански идиот. Вы не знаете этого человека. Он ужасен!

Эбл раздумывал. Он напевал про себя, тихонько отбивая пальцем такт. Потом произнес:

— Резидент в наших руках, знаете ли.

— Какой резидент?

— Тот, который убил патрульных и саркита.

— О? Ну, право! Вы думаете, Файфу это будет интересно, когда он готовится захватить весь Сарк?

— Думаю, что да. Видите ли, дело не в том, что резидент в наших руках. Дело в обстоятельствах его захвата. Я думаю, сквайр, что Файф выслушает меня, и выслушает весьма смиренно.

Впервые за все время своего знакомства с Эблом Джунц ощутил, что холодность в голосе у старика уменьшилась и ее заменяет удовлетворение, почти торжество.

Глава 14

ПЛЕННИК

В конце концов Высокородная Сэмия Файфская была вынуждена перейти от выражения своих желаний к заявлению своих прав, как самая обыкновенная саркитка.

— Я полагаю, что имею право встречать любой прибывающий корабль, какой захочу, — капризно сказала она.

Начальник порта высказался вполне определенно:

— Госпожа моя, мы совсем не хотим ущемлять вас. Дело в

том, что мы получили от сквайра, вашего отца, специальные распоряжения: помешать вам встретить этот корабль.

— Может быть, вы хотите приказать мне покинуть порт, да?

— Нет, госпожа. Нам не было приказано удалить вас из порта. Если угодно, вы можете оставаться. Но при всем уважении к вам мы должны задержать вас, если вы захотите подойти к колодцам поближе.

Он ушел, а Сэмия сидела в бесполезной роскоши своей машины, остановившейся неподалеку от самого внешнего входа порта.

Со стороны отца это было просто нечестно. Они всегда обращались с нею как с ребенком. Вот и сегодня...

...Едва Сэмия рассказала отцу о психозондированном космоаналитике и об опасности, надвигающейся на Флорину, как Файф, даже не дав дочери договорить, резко спросил:

— Откуда ты знаешь, что он космоаналитик, Миа?

— Он так говорит.

— А подробности об этой опасности?

— Он не знает. Он был психозондирован. Разве ты не видишь, что это самое лучшее доказательство? Он знал слишком много. Кому-то было нужно скрыть это. — Ее голос инстинктивно понизился и зазвучал конфиденциально: — Видишь ли, если бы его теории были неверны, его не нужно было бы психозондировать.

— Почему же его не убили, в таком случае?

— Если ты прикажешь Отделу безопасности, чтобы мне позволили говорить с ним, то я узнаю это. Он мне верит. Я знаю, что верит. Я узнаю от него больше, чем может Отдел безопасности. Пожалуйста, прикажи допустить меня к нему, папа. Это очень важно.

Файф нежно сдавил ее сжатые кулачки и улыбнулся.

— Не время, Миа. Не время. Скоро в наших руках будет третий человек. Тогда — может быть.

— Третий? Туземец-убийца?

— Вот именно. Корабль, на котором его везут, опустится примерно через час.

— И до тех пор ты не сделаешь ничего с космоаналитиком и с туземкой?

— Ничего.

— Хорошо! Я встречу корабль.

— Очень важно, чтобы о прибытии этого человека никто не знал. Ты будешь в порту слишком заметна.

— Ну и что?

— Я не могу объяснить тебе государственную политику, Миа.

— Политику, фи! — Она наклонилась к нему, клюнула его в середину лба быстрым поцелуем и исчезла.

А теперь она сидела беспомощно в своей машине на территории порта, пока высоко в небесах росла какая-то точка, черная на фоне яркого послеполуденного неба.

Сэмия нажала кнопку, открыла боковой шкафчик и достала оттуда бинокль. Она поднесла его к глазам, и точка превратилась в крошечный кораблик с явно видимым красноватым сиянием кормовых дюз.

Сарк заполнял весь экран.

— Космопорт не будет строго охраняться, — сказал Генро, не отрываясь от управления. — Это тоже мое предложение. Я сказал, что всякий необычный прием корабля может внушить Трантору какие-нибудь подозрения. Я сказал, что успех зависит от того, насколько Трантор не догадается об истинном положении вещей, пока не станет слишком поздно.

— Сарк, Трантор, — угрюмо произнес Теренс, — какая разница...

— Для вас большая. Я воспользуюсь колодцем, ближайшим к восточным воротам. Вы выйдете через аварийный шлюз на корме, как только я сяду. Идите к воротам быстро, но не слишком. Предоставляю вам свободу действий, если встретите препятствие. Судя по вашей истории, в этом на вас можно положиться. За воротами будет ждать машина, которая повезет вас в посольство. Вот и все...

Улыбка Генро была холодной и невеселой.

— Когда увидят, что вы бежали, меня могут в худшем случае расстрелять как изменника. Если же меня найдут совершенно беспомощным и физически неспособным задержать вас, то просто уволят, как дурака. Последнее, кажется, предпочтительнее, так что я попрошу вас, перед тем как уйти, применить ко мне нейрохлыст.

Они садились. Уже можно было различить что-то вроде радуги саркитского города.

— Надеюсь, — сказал Генро, — вы не собираетесь делать что-нибудь сами. Сарк не место для этого. Либо Трантор, либо сквайры. Помните. Если Трантор не получит вас через час, то сквайры поймают вас еще до конца дня. И тогда... Впрочем, вы и сами знаете, что они сделают с вами...

Порт стойко держался на экране, но Генро больше не смотрел на него. Он переключил приборы, направляя пульсолуч книзу.

Корабль медленно поворачивался в воздухе на высоте мили и опускался хвостом вниз.

В сотне ярдов над колодцем двигатели запели высоким тоном. Теренс ощущал их вибрацию, сидя на гидравлических пружинах. Голова у него закружилась.

— Берите хлыст. Быстро. Каждая секунда на счету. Аварийный шлюз закроется за вами. Встречающим понадобится пять минут, чтобы удивиться, почему я не открываю главный шлюз, еще пять — чтобы прорваться сюда, еще пять, чтобы найти вас. В вашем распоряжении пятнадцать минут: выйти из порта и сесть в машину...

Теренс ощутил холодок саркитской осени. Он провел годы в этом суровом климате, но почти забыл о нем в мягком вечном лете на Флорине. И вдруг прошлое нахлынуло на него так, словно он никогда не покидал планеты сквайров.

Но теперь Теренс был беглецом и на нем горело клеймо величайшего преступления — убийства сквайра.

Видел ли кто-нибудь, как он выходил из корабля?

Он слегка притронулся к шляпе. Она еще была надвинута на уши, и маленький медальон, украшавший его теперь, был гладким на ощупь. Генро сказал, что это нужно для его опознания. Люди с Трантора будут искать именно этот медальон, сверкающий на солнце.

Он мог бы снять его, уйти самостоятельно, найти путь на какой-нибудь другой корабль, как-нибудь. Он мог бы покинуть Сарк, как-нибудь. Мог бы бежать, как-нибудь.

Слишком много «как-нибудь»! В глубине сердца он знал, что дошел до конца. Как и говорил Генро: либо Трантор, либо Сарк. Он боялся Трантора или ненавидел его, но знал, что выбора нет: ни в коем случае он не может выбрать Сарк.

— Вы! Эй, вы! — Молодая женщина выглядывала из окна сверхроскошной машины. — Подите сюда.

Теренс подошел.

— Вы прибыли на корабле, который только что опустился, да?

Он молчал.

— Ну что же вы?

— Да. Да, — выдавил из себя Теренс.

— Тогда садитесь.

Она открыла дверцу перед ним. Внутри машина была еще роскошнее.

— Вы из команды?

«Испытывают», — подумал Теренс. И спокойно сказал:

— Вы знаете, кто я. — На мгновение он поднял пальцы к медальону.

Машина попятилась и повернула.

У ворот, где стояла охрана, Теренс вжался в мягкую, крытую кыртом спинку. Но для тревоги не было никаких причин. Его благодетельница повелительно произнесла:

— Этот человек со мной. Я Сэмия Файф.

Усталому Теренсу понадобились секунды, чтобы услышать и понять это. Когда он напряженно подался вперед, машина уже мчалась по экспресс-полосе, делая сотню миль в час.

Их видел рабочий на территории порта. Он увидел их и коротко пробормотал что-то в лацкан своей куртки. И через несколько минут за пределами порта один агент Трантора сказал в машине досадливо другому:

— Человек с медальоном только что покинул порт в роскошной машине. Это машина Высокородной Сэмии! Значит, мы его прохлопали. Великий Космос, что делать?

— Следовать за ними.

— Но Высокородная Сэмия...

— Она для меня ничто. Она должна быть ничем и для тебя. Иначе что ты здесь делаешь?

— Откуда мы знаем, что убийца сквайра с нею? Может быть, это притворство, чтобы заставить нас покинуть пост.

— Я знаю, что Файф не послал бы свою дочь, чтобы устранить нас. В конце концов достаточно отряда патрульных.

— Может быть, это вовсе не Сэмия...

— Все равно. Быстрее! Еще быстрее!..

— Я хочу поговорить с вами, — сказала девушка.

— Я готов поговорить.

— Вы были на корабле, привезшем туземца с Флорины? Того, которого ловят за убийства?

— Я сказал, что да.

— Очень хорошо. Так вот, я привезла вас сюда для того, чтобы нам никто не помешал. Допрашивали ли туземца по пути на Сарк?

«Такая наивность, — подумал Теренс, — не может быть поддельной». Сэмия действительно не знает, кто он такой. Он сказал осторожно:

— Да.

— Вы присутствовали на допросе?

— Да.

— Хорошо. Я так и думала. Кстати, почему вы ушли с корабля?

— Я должен был доставить специальный отчет...

Он заколебался. Она быстро ухватилась за его слова.

— Моему отцу? Не беспокойтесь об этом. Я полностью оправдаю вас. Скажу, что вы приехали со мной по моему приказанию.

— Хорошо, госпожа моя.

Слова «госпожа моя» глубоко поразили его самого. Она была Высокородной, самой высокой в стране, а он флориниан. Но человек, убивающий патрульных, легко может научиться убивать сквайров, а убийца сквайров может взглянуть Высокородной в лицо.

Он взглянул на нее твердо и испытующе.

Она была чрезвычайно красива.

И он понял вдруг, что убийство сквайра в конце концов не было тягчайшим из преступлений.

Он даже не сознавал, что двигается. Но ее фигурка очутилась в его объятиях, и она напряглась и на мгновение вскрикнула, и тогда он заглушил ее крик поцелуем...

Ее руки покоились у него на плечах, когда в спину подуло холодным ветром и дверца машины открылась.

Сэмия молча смотрела, приоткрыв рот, как взбешенный саркит вытаскивает Теренса из машины.

— И она позволила ему, — бормотал он. — Позволила ему...

Сэмия беспомощно отодвинулась в сторону, насколько могла, а потом закрыла лицо обеими руками, прижав пальцы так, что кожа под ними побелела.

— Что мы с нею сделаем?

— Ничего.

— Она видела нас. Она бросит за нами всю планету, раньше, чем мы проедем хоть милю.

— Ты хочешь убить Высокородную Даму?

— Нет. Но мы можем испортить ей машину. К тому времени, как она доберется до радиотелефона, мы будем в безопасности.

— Не нужно. — Агент наклонился в машину. — Госпожа моя, у меня мало времени. Вы слышите меня?

Она не шевельнулась.

— Вам лучше выслушать меня. Сожалею, что помешал вам в нежную минутку, но, к счастью, эту минутку я использовал. Я действовал быстро и успел запечатлеть эту сцену с помощью стереоскопического фотоаппарата. Вы меня поняли? — Он повернулся к спутнику. — Она ничего не скажет обо всем этом. Ни словечка. Идите за мной, резидент.

Теренс последовал за ним. Он не мог обернуться на белое, осунувшееся личико в машине.

Что бы теперь с ним ни случилось, он совершил чудо. Он целовал самую гордую даму на Сарке, ощущал беглое прикосновение ее нежных, ароматных уст.

Глава 15

ОБВИНЯЕМЫЙ

В своей частной жизни Эбл предпочитал обходиться без дипломатических двусмысленностей. Соединившись личным лучом с Файфом, он мог быть просто пожилым человеком, любезно беседующим за стаканом вина.

— Трудно было добиться вас, Файф.

Файф улыбнулся. Он выглядел спокойно и беззаботно.

— Я был занят, Эбл.

— Да. Я кое-что слышал об этом.

— От Стина?

— Отчасти. Стин пробыл у нас часов семь.

— Знаю. Моя ошибка. Вы намерены выдать его нам?

— Боюсь, что нет.

— Он преступник.

Эбл коротко засмеялся и передвинул свой кубок, следя за медленно поднимающимися пузырьками.

— Я думал, мы можем назвать его политическим эмигрантом. Космический закон защищает его на территории Трантора.

— Ваше правительство поддерживает вас?

— Думаю, что да, Файф. Я пробыл на иностранной службе около четырех десятилетий и знаю, что Трантор поддержит, а что нет.

— Мне кажется, у вас есть какое-то предложение...

— Есть. У вас находится наш человек.

— Какой ваш человек?

— Космоаналитик. Уроженец планеты Земля, которая, кстати, входит в состав владений Трантора. У меня есть Стин, у вас землянин. В некотором смысле мы равны. Прежде чем начать выполнять свои планы, прежде чем истечет ваш ультиматум и произойдет ваш переворот, почему бы не посовещаться насчет общего положения с кыртом?

— Не вижу необходимости. То, что происходит сейчас на Сарке, целиком его внутреннее дело. Я лично готов гарантировать, что в кыртовой промышленности перебоев не будет, независимо от политических событий здесь. Думаю, это удовлетворит законные интересы Трантора.

Эбл задумчиво сказал:

— Кажется, у нас есть еще один политический эмигрант. Любопытный случай. Кстати, это один из ваших флориниан-ских подданных. Резидент. Называет себя Мирлином Теренсом.

Глаза у Файфа вдруг загорелись.

— Мы наполовину подозревали это. Клянусь Сарком, Эбл, есть пределы открытого вмешательства Трантора на этой планете. Человек, похищенный вами, — убийца. Вы не можете давать ему политическое убежище.

— Этот человек вам нужен?

— У вас на уме какой-то обмен? Что вы предлагаете?

— Совещание, о котором я говорил.

— Ради флориниан-ского убийцы? Конечно, нет!

— Но способ, каким резиденту удалось ускользнуть от вас к нам, довольно любопытен. Вам должно быть интересно...

Уже занимался рассвет. Джунцу хотелось бы уснуть, но он знал, что ему опять понадобится сомнин.

— Я мог пригрозить силой, как советовал Стин, — сказал Эбл Джунцу. — Это было бы плохо. Риск велик, результаты — неверны. Пока резидента не доставили к нам, у меня не было другого выбора, кроме политически ничегонеделания.

— А что дальше? — угрюмо сказал Джунц. — Шантажировать Файфа этим пикантным снимком?

— Называйте это как угодно: шантажировать, вести не совсем честную игру. Это не имеет значения. Высокородная Сэмия виновна только в некоторой податливости и известной наивности. Я уверен, что ее целовали и раньше. Если она поцелуется снова, если поцелуется несчетное число раз с кем угодно, кроме флориниан-ина, никто ничего не скажет. Но она целовалась с флориниан-ином.

Неважно, если она не знала, что он флориниан-ин. Неважно, что он поцеловал ее насильно. Если мы опубликуем имеющийся снимок, то для нее и для ее отца жизнь станет невыносимой. Я видел, какое лицо было у Файфа, когда он смотрел на копию.

— О чем же договорились в конце концов? — Джунц вздохнул.

— Мы встретимся завтра в полдень.

— Значит, он отсрочит свой ультиматум?

— До бесконечности. Я буду в его кабинете лично.

— И вы рискуете?..

— Риск тут небольшой. Будут свидетели. И мне очень хочется самому увидеть космоаналитика, которого вы ищете так долго.

— Надеюсь, я могу быть при встрече? — спросил Джунц.

— О да! Резидент тоже будет. Он нам понадобится, чтобы опознать космоаналитика. Стин тоже. Все вы будете присутствовать в трехмерной проекции.

— Благодарю.

С усовершенствованием трехмерной передачи важные совещания редко происходили лицом к лицу. Файф ощущал материальное присутствие старого посла как элемент явной непристойности.

Эбл! Старый скряга в потертом платье и с миллионом планет за спиной.

Джунц! Темнокожий шерстистоволосый надоедала, чье упрямство ускорило кризис.

Стин! Предатель! Не смеет взглянуть ему в глаза!

Резидент! Смотреть на него было всего тяжелее. Туземец, оскорбивший его дочь своим прикосновением, но остающийся живым и неприкосновенным за спинами транторианского посольства.

— Совещание навязано мне насильно, — мрачно сказал Файф. — Я не вижу необходимости говорить что-нибудь. Я здесь для того, чтобы слушать.

— Я думаю, Стин хотел бы высказаться первым, — ответил Эбл.

Тогда Стин закричал:

— Вы заставили меня обратиться к Трантору, Файф! Вы нарушили принцип автономии. Не ждите, чтобы я благодарил вас за это. Я не претендую на звание сыщика, каким считает себя сквайр Файф, но думать я умею. Право! И я думал! Вчера Файф рассказал нам историю насчет таинственного преступника, которого он называет «Икс». Я вижу: это была только болтовня с целью объявить чрезвычайное положение. Я не был одурачен ни на минуту!

— Так никакого Икса нет? — спокойно спросил Файф. — Тогда почему вы бежали? Если человек бежит, ему не нужно других обвинений.

— Вот как? — вскричал Стин. — Ну а я могу бежать из горящего дома, даже не будучи поджигателем?..

— Продолжайте, Стин, — произнес Эбл.

— И продолжу!.. Так кто же этот Икс? Я знаю, что не я. И все же не сомневаюсь: предатель — Великий сквайр. Но кто из Великих сквайров знал об этом больше всех? Кто пытался использовать историю с космоаналитиком, чтобы запугать остальных и вынудить их к «объединенным действиям», этой капитуляции перед диктаторством Файфа? Я вам скажу, кто этот Икс. — Стин встал; его темя касалось верхнего края куба приемника и сделалось плоским. Он указал дрожащим пальцем: — Икс — это он! Это сквайр Файф! Он нашел космоаналитика. Он устранил его, когда увидел, что не произвел на нас впечатления своими глупыми россказнями на первом совещании, а теперь вытащил снова, когда уже подготовил военный переворот!

Файф устало повернулся к Эблу.

— Кончил он? Если да, убедите его: он — невыносимое оскорбление для всякого порядочного человека.

— Стин сказал, что хотел, — ответил Эбл. — Но ближе к делу. Мы хотели бы видеть космоаналитика.

— У нас под стражей есть человек с пониженным интеллектом, называющий себя космоаналитиком. Я прикажу привести его!

Такое Валоне Марч никогда в жизни не снилось. Вот уже больше суток прошло с того момента, как они опустились на эту планету, а она не переставала удивляться. Даже тюремные камеры, куда ее и Рика поместили отдельно, были сказочно великолепны. Вода шла из отверстия в трубе, стоило только нажать кнопку. От стен исходило тепло, хотя воздух снаружи был холоднее, чем она считала возможным для воздуха. И всякий, кто говорил с нею, был так роскошно одет.

А вот теперь ее привели в эту большую и светлую комнату. Тут находились несколько человек. Один, сурового вида, за столом, и другой, гораздо старше, весь сморщенный, в кресле, и еще трое...

И одним из них был резидент!

Она вскочила и кинулась к нему.

— Резидент! Резидент!

Она пробежала прямо сквозь него. Ее ноги прошли сквозь тяжелое кресло, где сидел резидент. Она увидела его ясно, отчетливо. Она протянула дрожащую руку, и рука погрузилась в обивку, которой она тоже не ощутила.

Она вскрикнула и упала. Резидент машинально протянул руки, чтобы поддержать ее, и она упала сквозь них, как сквозь воздух телесного цвета...

Она снова была в кресле, и Рик крепко держал ее за руку, а морщинистый старик наклонялся над нею.

— Не бойся, милая. Это только изображение. Как фотография, знаешь ли.

Она указала пальцем на резидента.

— Его здесь нет?

— Это трехмерная проекция, Лона, — вдруг вмешался

Рик. — Резидент находится в другом месте, но мы видим его здесь.

Валона покачала головой. Если Рик говорит так, значит, все в порядке. Она потупилась. Она не смела смотреть на людей, которые одновременно и есть и нет.

Эбл обратился к Рику:

— Так вы знаете, что такое трехмерная проекция, молодой человек?

— Да, сударь. — Этот день был потрясающим и для Рика, но в то время как Валону он ошеломлял, Рик находил окружающее все более знакомым и понятным.

— Где вы узнали о ней?

— Не знаю. Я знал раньше. Раньше, чем забыть.

— Обратите внимание, Файф, — вмешался Эбл, — ваш флориниан с пониженным интеллектом хорошо знаком с трехмерной проекцией.

— Его хорошо надрессировали, я думаю, — отрезал Файф.

— Допрашивали его со времени прибытия на Сарк?

— Конечно.

— И что же?

— Ничего нового.

Эбл обратился к Рику:

— Как вас зовут?

— Рик — единственное имя, которое я помню, — ответил тот спокойно.

— Знаете ли вы кого-нибудь из присутствующих?

Рик без страха переводил взгляд с одного лица на другое.

— Только резидента. И Лону, конечно.

— Это, — сказал Эбл, указывая на Файфа, — величайший из сквайров, какие когда-нибудь жили. Ему принадлежит целая планета. Что вы думаете о нем?

— Я землянин, — ответил Рик. — Я-то ему не принадлежу.

— Слушайте, Рик, — снова заговорил Эбл. — Расскажу вам одну историю. Я хочу, чтобы вы слушали ее всем своим разумом и думали! Думали и думали! Вы понимаете?

Рик кивнул.

Эбл говорил медленно, повторяя ход событий.

Он рассказывал о сообщении относительно опасности, о его перехвате, о встрече Рика с Иксом, о психозондировании, о том, как Рика нашли и выхаживали на Флорине, о враче, ко-

торый поставил ему диагноз, а потом умер, обо всем остальном.

— Вот и вся история, Рик. Знакомо ли вам что-нибудь в ней?

— Я помню последнюю часть, — медленно произнес Рик. — Последние несколько дней. Я вспоминаю кое-что из прошлого... Это очень смутно... Но это все.

— Но вы вспоминаете прошлое? Вы вспоминаете опасность для Флорины?

— Да, да. Это первое, что я вспомнил.

— А что было потом? Вы опустились на Сарке и встретили одного человека...

— Не могу. Не могу вспомнить! — Рик застонал.

— Попытайтесь! Попытайтесь!

Рик взглянул на него, весь побелев, с мокрым лицом.

— Я помню одно слово.

— Какое слово, Рик?

— У него нет смысла.

— Все равно скажите.

— Оно связано со столом. Давно, очень давно. Очень смутно. Я сидел. Кажется, кто-то другой тоже сидел. Потом он встал и смотрел на меня сверху вниз. И тут было слово.

Эбл спросил терпеливо:

— Какое слово?

Рик сжал кулаки и прошептал:

— Файф!

Глава 16

ОБВИНИТЕЛЬ

— Покончим с этой комедией! — прорычал Файф.

— Почему вы называете это комедией? — почти закричал Эбл.

— А разве это не так? Я согласился на эту встречу главным образом потому, что вы говорили об опасности для Флорины. Я отказался бы, если бы предвидел, что на этом совещании меня самого будут судить предатели и убийцы, играющие роль и прокурора и судьи.

Эбл произнес с ледяной учтивостью:

— Это не суд, сквайр. Доктор Джунц пришел, чтобы выру-

чить члена МКБ, это его право и обязанность. Я — для того, чтобы защищать интересы Трантора в смутное время. У меня нет сомнений относительно этого человека, Рика: он и есть пропавший космоаналитик. Мы можем окончить эту часть совещания немедленно, если вы согласитесь отдать Рика доктору Джунцу для дальнейших исследований, включая проверку медицинских характеристик. Разумеется, нам понадобится ваша дальнейшая помощь. Нужно найти преступника, произведшего зондирование, и установить гарантии против повторения таких актов в будущем.

— Вот так речь! — усмехнулся Файф. — Ваши планы видны насквозь. Что будет, если я выдам этого человека? Тогда, наверное, МКБ сумеет найти в нем именно то, что хочет найти. Оно называет себя межзвездным учреждением без всяких местных связей. Но разве не факт, что Трантор финансирует две трети годового бюджета МКБ?

И что же оно найдет? Это тоже очевидно. Память вернется к этому человеку медленно. МКБ будет выпускать ежедневные бюллетени. Мало-помалу он будет вспоминать все новые и новые подробности. Сначала мое имя. Потом мою внешность. Потом мои точные слова. Меня торжественно признают виновным. Будут потребованы репарации, и Трантор будет вынужден оккупировать Сарк. Временно, разумеется. Потом оккупация станет постоянной.

Но есть границы, которых не может перейти никакой шантаж. Ваш шантаж, господин посланник, дошел до них. Если этот человек нужен вам, пусть за ним прилетит весь флот Трантора!

— О силе не может быть и речи, — сказал Эбл. — Но я замечаю, что вы тщательно избегаете отрицать значение того, что космоаналитик сказал под конец.

— Это ничего не значит. Имя «Файф» — великое имя на Сарке. Даже если предположить, что так называемый космоаналитик правдив, у него в распоряжении был целый год, чтобы услышать это имя на Флорине. Он прибыл на Сарк на корабле, везшем мою дочь, это еще лучшая возможность, чтобы услышать имя «Файф». Разве не естественно, что это имя слилось с его смутными воспоминаниями? Конечно, он может и не говорить правды. Эти постепенные откровения могут быть и заученными.

— Слушайте, слушайте! — закричал Рик, вырвавшись из цепких рук Валоны.

— Еще одно откровение, кажется, — заметил Файф.

— Слушайте. Мы сидели за столом. В чае было зелье. Мы ссорились. Не помню из-за чего. Потом я не мог шевелиться. Мог только сидеть. Не мог говорить. Мог только думать: «Великий Космос, меня опоили». Мне хотелось вскочить, и закричать, и убежать, и я не мог. Потом другой, Файф, подошел ко мне. Он стоял и возвышался надо мной. Я не мог ничего сказать. Не мог ничего сделать. Мог только смотреть, подняв на него глаза.

— Повернитесь и взгляните на него! — быстро сказал Джунц. — Вы его знаете?

Рик обернулся к сквайру Файфу. С минуту он пристально смотрел на него, потом отвернулся.

— Теперь вы вспоминаете?

— Нет! Нет!

Файф свирепо улыбнулся.

— Ваш человек забыл свою роль или же его история станет более вероятной, если он вспомнит мое лицо в следующий раз?

— Я никогда не видел этого человека и никогда не говорил с ним, — возразил Джунц. — Я ищу только правду.

— Тогда могу ли я задать несколько вопросов?

— Задавайте.

— Благодарю вас за любезность. Теперь ты, Рик, или как там тебя зовут...

— Да, сударь?

— Ты помнишь человека, который подходил к тебе из-за стола, пока ты сидел, оглушенный и беспомощный?

— Да, сударь.

— Последнее, что ты помнишь, — это то, что человек смотрел на тебя сверху вниз?

— Да, сударь.

— А ты смотрел на него снизу вверх или пытался смотреть?

— Да, сударь.

— Сядь.

Рик повиновался.

Некоторое время Файф не делал ничего. Безгубый рот у него сжался, мускулы под иссиня-черной тенью на щеках и подбородке напряглись. Потом он соскользнул с кресла.

Соскользнул вниз! Словно опустился под столом на ко-

лени. Но он вышел из-за стола, и тогда стало ясно, что он стоит.

Голова у Джунца закружилась. Человек, такой большой и величественный, пока сидел, внезапно превратился в жалкого карлика.

Уродливые ноги Файфа двигались с усилием, неуклюже неся его крупное тело и голову. Лицо у него налилось кровью, но глаза сохранили высокомерное выражение.

Рик сидел, Файф стоял, но они смотрели друг другу в глаза на одном уровне.

— Могу ли я быть этим человеком? — спокойно спросил Файф.

— Нет, сударь.

— Ты уверен?

— Да, сударь.

— Ты все-таки говоришь, что помнишь имя «Файф»?

— Я помню это имя, — настойчиво ответил Рик.

— Значит, кто бы это ни был, он ложно воспользовался моим именем?

— Да, должно быть.

Файф повернулся, медленно, с достоинством вернулся к столу и вскарабкался на свое кресло.

— С тех пор как я стал взрослым человеком, я никому не позволял видеть меня стоящим. Есть у вас основания продолжать совещание?

Вот тогда заговорил Джунц:

— Мне кажется, надо продолжать совещание. Ведь Рика подвергли зондированию не просто потому, что он космоаналитик!

— Вот и спросите его сами: почему его психозондировали, — сказал Файф.

— Разумеется, он не вспомнит, — гневно возразил Джунц. — Психозонд действует всего сильнее на наиболее логичные цепи суждений, хранящиеся в мозгу. И все же стоит спросить у него об опасности, нависшей над Флориной. Итак, что вы помните, Рик?

— Только то, что была опасность и что она связана с космическими течениями, — пробормотал Рик.

Наступило молчание, которое снова нарушил Джунц:

— Вы говорили, что не доверяете показаниям, как вы их называете, туземцев. Но у нас есть один человек — не просто

туземец. Мне кажется, он показал достаточно ясно, что не похож на почтительного флориниана. Пора уже задать и ему несколько вопросов. Если он окажется упрямым или ненадежным, мы можем рассмотреть заявление о его выдаче Сарку.

Теренс, до сих пор упрямо рассматривавший пальцы на своих сжатых руках, бросил взгляд на Джунца.

— Рик был в вашем поселке с тех пор, как его впервые нашли на Флорине, не так ли?

— Да.

— И вы были в поселке все это время? То есть вам не приходилось уезжать по делам надолго, да?

— Резиденты не ездят по делам. Все их дела — в поселке.

— Кто именно из сквайров посещал ваш поселок в прошлом году?

— Откуда мне знать? Я не могу ответить на этот вопрос: сквайры — это сквайры, а туземцы — это туземцы. Для вас я резидент, для них всегда туземец. Я не встречаю их у ворот и не проверяю документы.

— Кому принадлежат ваши земли?

— Сквайру Файфу.

Стин вмешался совершенно неожиданно:

— О, послушайте! Право! Такими расспросами вы играете на руку Файфу, доктор Джунц. Разве вы не видите, что никуда не придете? Неужели Файф заинтересован в слежке за этим человеком, неужели он возьмет на себя труд летать на Флорину и обратно? А зачем тогда патрульные?

— В подобном случае, — сказал Джунц, — когда экономика и, быть может, физическая сохранность планеты зависят от мозга одного человека, тот, кто применил зондирование, естественно, не станет доверять патрульным.

— Даже если он уничтожил этот мозг? — спросил, улыбаясь, Файф.

Эбл выпятил нижнюю губу и нахмурился. Его последняя ставка уплывала, как и все прочие, в руки Файфа.

Помощь пришла неожиданно со стороны угрюмо молчавшей Валоны:

— Я хочу сказать что-то.

— Говори, девушка. В чем дело? — сказал Джунц.

— Я только крестьянская девушка. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Мне просто кажется, что все может быть по-дру-

гому. Был ли мой Рик таким важным? Ну, этим, космоаналитиком?

— Я думаю, был.

— Тогда это должно быть так, как вы говорили. Тот, кто поместил его на Флорину, не смел потом ни на минуту потерять его из виду. Я хочу сказать, чтобы Рика не бил начальник на фабрике, чтобы дети не забрасывали его камнями, чтобы он не заболел и не умер. Его не оставили бы беспомощным в поле, где он мог бы умереть раньше, чем его найдут, верно? Не полагались бы только на удачу, чтобы он остался жив. — Она говорила напряженно и жадно.

— Продолжай, — сказал Джунц, наблюдая за ней.

— Потому что есть один человек, следивший за Риком с самого начала. Он нашел его в полях, он устроил так, чтобы я заботилась о нем, он знал о каждом его дне. Он даже знал все о докторе, потому что я рассказала ему. Это он! Это он! — Ее голос поднялся до крика, а рука твердо указывала на Мирлина Теренса, резидента.

И на этот раз даже сверхчеловеческое спокойствие Файфа изменило ему. Его руки сжались на краю стола, массивное тело приподнялось над креслом, а голова быстро повернулась к резиденту.

Глава 17

ПОБЕДИТЕЛИ

Все были поражены словно параличом.

Потом раздался пронзительный смех Стина.

— Я верю, — хохотал он. — Я все время говорил это. Я говорил, что туземец нанят Файфом. Теперь вы видите, что за человек Файф. Он нанял туземца, чтобы...

— Это адская ложь!

Говорил не Файф, а резидент. Он вскочил, и глаза у него пылали от возбуждения.

— Что — ложь? — спросил Эбл.

Теренс некоторое время смотрел на него, не понимая, потом ответил, задыхаясь:

— То, что сказал сквайр. Никто из саркитов не платит мне.

— А то, что сказала девушка? Это тоже ложь?

— Нет. Правда. Психозонд применил я. Не смотри на меня так, Лона! Я не хотел навредить Рику. Я не хотел ничего того, что случилось.

— Все подстроено, — возмутился Файф. — Не знаю в точности ваших замыслов, Эбл, но для этого преступника явно невозможно включить в свою биографию и это преступление. Как известно, только Великий сквайр может обладать достаточными познаниями и возможностями. Или вы хотите спасти своего наемника, Стин, подстраивая ложные признания?

— Я не беру денег и от Трантора, — сказал резидент. — Но если хотите знать, что произошло, я расскажу вам. В конце концов, либо Сарк, либо Трантор, так что пропадай все! По крайней мере у меня будет случай высказаться. — Он указал на Файфа. — Вот это — Великий сквайр. Только Великий сквайр, говорит Великий сквайр Файф, может обладать достаточными познаниями и возможностями, чтобы сделать то, что сделал преступник. Он сам верит в это. А что он умеет? Что умеет любой из саркитов?

Они не участвуют в управлении. Управляют флориниане! Управляет Гражданская Служба. Флориниане получают бумаги, пишут бумаги, раскладывают бумаги. А бумаги управляют Сарком. Конечно, большинство из нас слишком забито, чтобы даже пищать, но знаете ли вы, что мы можем сделать, если захотим, под самым носом у наших проклятых сквайров? Ну вот, посмотрите, что сделал я.

Год назад я временно был начальником движения в космопорту. Это записано в моем послужном списке. Вам придется немножко порыться, чтобы найти это, так как официальным начальником был саркит. Официальное звание было у него, а всю работу делал я. Мое имя можно отыскать лишь в специальном отделе с пометкой «Туземный персонал». Ни один саркит не стал бы пачкать глаза, заглядывая туда.

Когда местное население МКБ прислало сообщение космоаналитика, предлагая встретить корабль с каретой «Скорой помощи», это сообщение получил я. Согласитесь: не так уж часто приходится слышать о гибели Флорины.

Я договорился встретиться с космоаналитиком в маленьком пригородном порту. Сделать это было легко. Все рычаги и нити, приводившие в движение Сарк, были у меня в кулаке.

Я встретил космоаналитика, спрятал его и от Сарка, и от МКБ. Я выжал из него все сведения, сколько мог, и решил использовать их ради Флорины и против Сарка.

У Файфа невольно вырвался вопрос:

— Так это ты посылал первые письма?

— Я посылал эти первые письма, Великий сквайр, — спокойно произнес Теренс. — Я думал, что смогу овладеть достаточной долей кыртовых площадей, чтобы поставить Трантору свои условия и прогнать саркитов с моей планеты.

— Ты с ума сошел!

— Возможно. Во всяком случае, ничего не получилось. Я сказал космоаналитику, что я Файф. Это было необходимо, ибо он знал, что Файф — крупнейший человек на планете, и, пока он считал меня Файфом, он говорил открыто.

К несчастью, у него терпения было еще меньше, чем у меня. Он упорно требовал свидания с представителем МКБ. Мне было трудно справиться с ним, пришлось прибегнуть к психозондированию. Зонд я смог достать. Как с ним обращаться, я видел в госпиталях. Я знал о нем немного. К несчастью, недостаточно. Я настроил зонд так, чтобы убрать страх и тревогу из верхних слоев его разума. Это была простая операция. Я до сих пор не знаю, что произошло. Вероятно, страх и тревога лежали глубже, очень глубоко, и зонд автоматически следовал за ними, попутно разрушая весь сознательный разум. На руках у меня осталось лишенное разума существо... Я сожалею, Рик... Итак, космоаналитик остался совершенно беспомощным. Нельзя было позволять, чтобы его нашел кто-нибудь, кто мог бы разузнать насчет его личности. Нельзя было и убивать его. Я был уверен, что память к нему вернется, а мне его знания еще были нужны.

Я устроил так, что меня послали на Флорину резидентом, и взял с собой космоаналитика с поддельными документами. Я устроил так, что его нашли, и выбрал Валону, чтобы ходить за ним. С тех пор опасностей не было, кроме одного раза с доктором. Тогда мне пришлось пойти на силовые станции Верхнего Города. Там инженерами были саркиты, но у входа стояли флориниане. На Сарке я узнал о механизмах энергии достаточно, чтобы закоротить силовую линию. С тех пор убивать мне стало легко. Но я никогда не думал, что доктор держит копии карточек в обеих половинах своего кабинета. А по-

думать было бы нужно. Потом, сто часов назад — а кажется, будто сто лет, — Рик начал вспоминать снова. Ну, вот и все. Джунц прав.

Теперь смотрите. Только я знаю, где находятся бумаги Рика. Ни один саркит, ни один транторианин никогда не найдут их. Если они вам нужны, вы должны дать мне политическое убежище. Саркит или транторианин могут называть себя патриотами; почему не может флориниан?

— Мы не отдадим вас Сарку, — сказал Джунц. — За вред, нанесенный космоаналитику, вас будут судить. Я не могу гарантировать исхода, но если вы пойдете нам навстречу сейчас, то это зачтется в вашу пользу.

Теренс испытующе поглядел на Джунца.

— Попытаюсь поверить вам, доктор... По словам космоаналитика, солнце Флорины вошло в стадию, предшествующую взрыву новой звезды.

— Как! — Это восклицание вырвалось у всех, кроме Валоны.

— Оно готово бабахнуть и взорваться, — насмешливо произнес Теренс. — А когда это случится, то вся Флорина исчезнет, как облачко табачного дыма.

— Я не космоаналитик, но слышал, что невозможно предсказать, когда звезда взорвется, — сказал Эбл.

— Это верно. Объяснял ли вам Рик, почему он так думает? — спросил Джунц.

— Вероятно, в его бумагах это сказано. Я помню только что-то об углеродном течении.

— Что такое?

— Он все время твердил: «Углеродное космическое течение. Углеродное космическое течение». Это и еще что-то о «каталитическом эффекте». Вот и все.

Стин хихикнул. Файф нахмурился. Джунц широко открыл глаза.

Потом Джунц пробормотал:

— Простите, я сейчас вернусь. — Он вышел из куба приемника и исчез.

Он вернулся через четверть часа.

Вернувшись, Джунц изумленно огляделся. В комнате были только Эбл и Файф.

— Мы ждали вас, доктор Джунц, — сказал Эбл. — Космо-

аналитик и девушка находятся на пути в посольство. Совещание окончено.

— Окончено! Великий Космос, мы только начали! Я хочу объяснить вам условия взрыва новой звезды.

Эбл смущенно задвигался в кресле.

— В этом нет надобности, доктор.

— Это очень нужно. Это необходимо. Дайте мне пять минут.

— Пусть говорит, — произнес Файф. Он улыбался.

— Начнем сначала. В самых ранних научных записях Галактической цивилизации уже отмечалось, что звезды получают свою энергию от ядерных превращений в своих недрах. Было известно также, что, насколько мы осведомлены относительно условий в недрах звезд, их энергия получается от двух, и только от двух, типов ядерных реакций. Оба ведут к превращению водорода в гелий. Первая реакция — прямая: два атома водорода соединяются с двумя нейтронами, давая одно ядро гелия. Вторая — косвенная, в несколько фаз. Она кончается тем, что водород превращается в гелий, но в промежуточных фазах участвуют ядра углерода. Эти ядра не используются, но снова образуются в ходе реакции, так что ничтожное количество углерода участвует в ней снова и снова, служа для превращения в гелий огромных количеств водорода. Иначе говоря, углерод действует как катализатор. Все это было известно еще в доисторические времена, еще когда человечество было привязано к одной планете, если такое время когда-нибудь было.

— Если это известно всем, — заметил Файф, — вы лишь тратите время.

— Но это все, что мы знаем. Идет ли в звездах только одна из этих реакций или обе, это никогда не было известно. Всегда существовали школы, предпочитавшие либо ту, либо другую теорию. Но обычно общее мнение склонялось к непосредственному превращению водорода в гелий, как к более простому.

Так вот, теория Рика должна быть следующей. Непосредственное превращение водорода в гелий — это нормальный источник звездной энергии, но в некоторых условиях начинает участвовать и углеродный катализ, подстегивая этот процесс, ускоряя его, разогревая звезду.

В пространстве есть течения. Вы это тоже знаете. Некоторые из них — углеродные. Звезды, проходя сквозь течения, захватывают из них несчетное количество атомов. Однако общая масса захваченных атомов микроскопически мала в сравнении с массой самой звезды и ничуть не влияет на нее. Кроме углерода! Звезда, проходящая сквозь течение с повышенным содержанием углерода, становится неустойчивой. Я не знаю, сколько лет, или столетий, или миллионолетий нужно, чтобы атомы углерода просочились в недра звезды, но для этого, вероятно, нужно много времени. Это означает, что углеродное течение должно быть широким, а звезда — входить в него под малым углом. Во всяком случае, как только количество углерода, просочившегося в звезду, перешло известный критический уровень, излучение звезды внезапно и резко возрастает. Внешние слои разлетаются в чудовищном взрыве, и рождается новая звезда. Что вы скажете?

Джунц ждал.

— Вы придумали все это за две минуты, на основании туманной фразы, которую, судя по воспоминаниям резидента, космоаналитик произнес год тому назад?

— Да. Да. В этом нет ничего удивительного. Космический анализ готов к этой теории. Если бы ее не выдвинул Рик, то вскоре выдвинул бы кто-нибудь другой. Действительно, подобные теории предлагались и раньше, но их никогда не принимали всерьез. Их выдвигали еще до того, как развилась техника космического анализа, и ни одна не была в состоянии объяснить внезапный рост содержания углерода в данной звезде.

Но теперь мы знаем: углеродные течения существуют. Мы можем нанести их пути на карту, узнать, какие звезды входили в них за последние десятки тысяч лет, проверить и сравнить это с нашими записями появления новых звезд и изменений радиации. Именно это должен был сделать Рик. Таковы должны были быть расчеты и наблюдения, которые он пытался показать резиденту. Но все это сейчас неважно. Важно вот что: надо начать немедленную эвакуацию Флорины.

— Я так и думал, что дойдет до этого, — сдержанно произнес Файф.

— Простите, Джунц, — сказал Эбл, — но это невозможно.

— Почему невозможно?

— Когда взорвется солнце Флорины?

— Не знаю. Судя по тревоге Рика год назад, я сказал бы, что времени у нас мало.

— Но вы можете установить срок?

— Конечно, нет.

— Когда вы сможете установить его?

— Не могу сказать. Даже если мы получим расчеты Рика, их все нужно будет проверить.

— Можете ли вы ручаться, что теория космоаналитика окажется верной?

Джунц нахмурился.

— Я лично в этом уверен, но никакой ученый не станет ручаться за теорию заранее.

— Тогда выходит, что вы требуете эвакуации Флорины на основании простых рассуждений!

— Я думаю, что жизнь населения всей планеты — это не такая вещь, которой можно рисковать.

— Если бы Флорина была обычной планетой, я согласился бы с вами. Но Флорина — это источник кырта для всей Галактики. То, чего вы требуете, невозможно.

— Господа, тайна дешевого кырта скоро будет у нас в руках. Через год кыртовой монополии не станет.

— Что вы хотите сказать?

— Вот теперь совещание дошло до самого существенного, Файф. Из всех обитаемых планет кырт растет только на Флорине. Так что весьма вероятно, что кырт и предвзрывная стадия идут рука об руку. Ведь другого солнца, готового взорваться, в Галактике нет, как, впрочем, и других кыртовых планет.

— Чепуха, — сказал Файф.

— Разве так? Должна же быть какая-то причина, почему кырт — это кырт на Флорине и хлопок — на всех других мирах. Ученые давно пытались получить кырт искусственно на других планетах, но эти попытки шли вслепую, а потому не удавались. Теперь мы знаем, что здесь влияют факторы, связанные с предвзрывным состоянием звезды.

— Они пытались повторить картину излучений солнца Флорины, — гневно сказал Файф.

— Да, с помощью электрических дуг, дававших только видимую и ультрафиолетовую часть спектра. А что можно сказать об инфракрасной части и за ее пределами? О магнитных полях? Об эмиссии электронов? О влиянии космических лучей? Я не физический биохимик, так что тут могут

быть и такие факторы, о которых я ничего не знаю. Но этим займутся — и по всей Галактике — люди, знакомые с физической биохимией. Через год, ручаюсь вам, решение будет найдено.

— Блеф! — проворчал Файф.

— Сквайр Файф, через год ваши владения на Флорине потеряют всякую ценность, с новой звездой или без нее. Продайте их. Продайте всю Флорину. Трантор заплатит.

— Купить целую планету? — в отчаянии спросил Эбл.

— Почему бы нет? Средства у Трантора есть, а симпатии населения всей Галактики окупят расходы тысячекратно. Вы спасете сотни миллионов жизней, дадите всем дешевый кырт.

— Я подумаю, — произнес Эбл.

Он взглянул на Файфа. Глаза сквайра опустились. После долгого молчания он тоже сказал:

— Я подумаю.

Джунц хрипло засмеялся.

— Не думайте слишком долго. История с кыртом распространится быстро. Ее ничем не остановить. А тогда ни у кого из вас не будет свободы действий. Лучше поторгуйтесь сейчас!

Резидент выглядел подавленным.

— Это действительно верно? — повторял он. — Действительно так? Флорины не будет?

— Это верно, — сказал Джунц.

Теренс протянул руки, потом уронил их.

— Если вам нужны Риковы бумаги, то они спрятаны в статистических карточках у меня дома. Я взял старые карточки, за сто лет назад или больше. Никому и в голову не пришло бы заглядывать в них.

— Послушайте, — сказал Джунц. — Я уверен: мы можем договориться с МКБ. Нам нужен человек на Флорине, человек, знающий флориниан, могущий объяснить им все факты, знающий, как организовать эвакуацию, как выбрать самые подходящие планеты для переселения. Хотите помочь нам?

— То есть загонять дичь для вас? И спасти шкуру от кары за убийство? Почему нет? — Глаза у резидента вдруг наполнились слезами. — Но я все-таки теряю. У меня не будет дома,

не будет планеты. Мы все теряем. Флориниане теряют планету, саркиты теряют богатство, Трантор — возможность захватить это богатство. Выигрыша нет ни у кого.

— Если только не считать, — мягко произнес Джунц, — что в новой Галактике — в Галактике, избавленной от угрозы неустойчивых звезд, в Галактике, где кырт есть для всех, в Галактике, так приблизившейся к политическому объединению, — выигравшие все-таки есть. Целый квадрильон их. Обитатели Галактики — вот победители!

Эпилог

ЧЕРЕЗ ГОД

— Рик! Рик! — Селим Джунц кинулся к кораблю, протягивая руки. — И Лона! Я бы никогда не узнал вас обоих. Как живете? Как поживаете?

— Как нельзя лучше. Наше письмо попало к вам, я вижу, — сказал Рик.

— Конечно. Расскажите мне, что вы обо всем этом думаете?

Они возвращались вместе, шли к кабинету Джунца.

Валона сказала печально:

— Мы были сегодня утром в своем поселке. Поля такие пустые!

Она была одета скорее как женщина Империи, чем как флориниансkая крестьянка.

— Столько уже эвакуировано меньше чем за год! — сказал Рик.

— Мы стараемся как можем, Рик. О, я думаю, вас нужно называть вашим настоящим именем!

— Пожалуйста, не надо. Я никогда к нему не привыкну. Я — Рик. Это единственное имя, какое я помню.

— Решили ли вы, когда вернетесь к космоанализу? — спросил Джунц.

Рик покачал головой.

— Да, я решил, но решил не возвращаться. Эта часть памяти исчезла навсегда. Но мне безразлично. Я вернусь на Землю... Кстати, я почти надеялся, что встречусь с резидентом.

— Кажется, не встретитесь. Он решил уехать сегодня. Кажется, ему не хотелось видеть вас. Он чувствует себя виноватым. У вас нет к нему враждебных чувств?

— Нет. Он хотел сделать хорошо, и он во многом изменил мою жизнь к лучшему. Прежде всего я узнал Лону. — Он обнял ее за плечи. Валона взглянула на него и улыбнулась. — Резидент настроил психозонд так, чтобы устранить чувство тревоги, но не

позаботился об интенсивности. Да, мне уже нельзя быть космоаналитиком. Зато я вернусь на Землю. Я могу работать, а люди там всегда нужны.

— А я теперь — женщина Земли, — сказала Валона.

Рик смотрел на горизонт. Верхний Город был ярким, как всегда, но людей там не было.

— Много еще осталось на Флорине? — спросил он.

— Миллионов двадцать, — ответил Джунц. — Переселение находится еще в самой начальной стадии. Большинство переселенцев живет на соседних планетах во временных лагерях. Это неизбежные трудности.

— Когда отсюда уйдет последний человек?

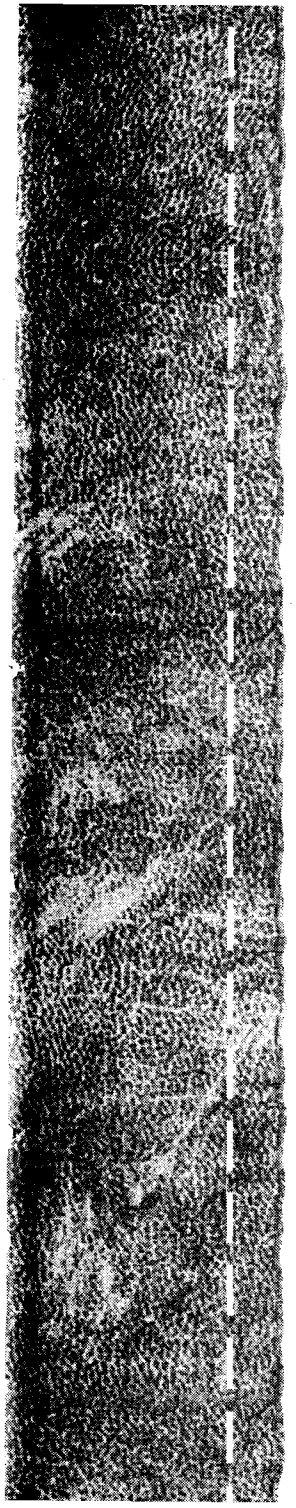
— Конечно, никогда.

— Не понимаю.

— Резидент неофициально попросил разрешения остаться. Ему разрешили, тоже неофициально. Общественность об этом не узнает.

— Остаться? — Рик был поражен. — Но, во имя всей Галактики, зачем?

— Не знаю, — ответил Селим Джунц. — Но, кажется, вы объяснили это, когда говорили о Земле. Он чувствует то же, что и вы. «Я не могу, — говорит он, — даже допустить мысли о том, чтобы дать Флорине умереть в одиночестве».



ЗВЕЗДЫ КАК ПЫЛЬ

Раз

ШЕЛЕСТЯЩАЯ СПАЛЬНЯ

Спальня вкрадчиво шелестела. Звук был едва слышим, однако вполне отчетлив: в нем шуршала смерть.

Но не это разбудило Байрона Фаррилла и прервало его тяжелый мутный сон. Он беспокойно замотал головой из стороны в сторону, пытаясь отогнать от себя назойливое трещание, исходящее с дальнего конца стола.

Не раскрывая глаз, Байрон неуклюже поднял руку и взял трубку.

— Алло, — промямлил он.

Из трубки загремел голос. Он был резким и пронзительным, но Байрон был сейчас не в состоянии уменьшить громкость.

— Могу я поговорить с Байроном Фарриллом? — заорал голос.

Байрон раздраженно сказал:

— Говорите. Что вам нужно?

Голос настойчиво повторил:

— Могу я поговорить с Байроном Фарриллом?

Байрон открыл глаза, пытаясь вглядеться в темноту. Он одновременно ощутил неприятную сухость во рту и спертый воздух, заполнявший комнату.

— Говорите. Кто это?

Будто не слыша его, голос продолжал громко вопрошать:

— Есть здесь кто-нибудь? Мне необходимо поговорить с Байроном Фарриллом!

Байрон приподнялся, опираясь на локоть, тяжело встал и заковылял к слабо светившемуся экрану видеофона. Он нажал кнопку, и маленький экран ярко вспыхнул.

— Я здесь, — буркнул он, узнав в появившейся на экране фигуре Сандера Джоунти. — Но лучше бы ты дождался утра, Джоунти.

Рука его уже почти нащупала выключатель, когда Джоунти вновь заговорил:

— Алло! Алло! Есть здесь кто-нибудь? Это комната 526? Алло!

Внезапно Байрон понял, что датчик обратной связи не зажегся. Выругавшись, он в сердцах щелкнул выключателем, и экран погас. Силуэт Джоунти исчез, и лишь слабый лучик пробивался сквозь тьму.

Байрон вернулся в постель, натянул одеяло на голову и зарылся в подушку. В нем закипело бешенство. Во-первых, никто не имеет права будить его среди ночи. Он бросил быстрый взгляд на циферблат стоявших у изголовья часов. Три часа пятнадцать минут. Свет в доме зажжется только через четыре часа.

Кроме того, ему не по душе просыпаться в совершенно темной комнате. За четыре года он не успел привыкнуть к земным постройкам — душным, не имеющим окон, с низкими потолками. Такова была дань тысячелетней традиции, уходящей корнями в древние времена, когда еще не изобрели защитное силовое поле, способное укрыть от взрыва примитивной атомной бомбы.

Но это все ушло в далекое прошлое. Атомное оружие нанесло Земле непоправимый ущерб. Большая часть была безнадежно заражена радиацией, и использование «грязных» территорий стало невозможным — и из-за этого на Земле царил режим строгой экономии, поддерживаемый автоматикой.

Вот почему пробуждению Байрона сопутствовала такая темень.

Байрон вновь приподнялся, опираясь на локоть. Странно. Он замер. Его насторожил отнюдь не тихий шелест спальни. Что-то неуловимое витало сейчас в заполнявшей комнату атмосфере.

В душном помещении не ощущалось ни малейшего движения воздуха. Он пытался сглотнуть слюну — и не мог. Атмосфера сгущалась с каждой секундой, и он понял причину происходящего. Вентиляционная система прекратила работать! Это ужасно расстроило Байрона. Он даже не может воспользоваться видеофоном, чтобы сообщить о случившемся!

Все же он решил предпринять попытку. Как и несколько ранее, экран засветился мягким матовым светом, отразившимся в хрустальных шариках, украшавших люстру. Видеофон принимал сигнал, но не мог передавать его. Ладно, к черту! Все равно до наступления утра никто ничего не сможет сделать.

Он зевнул, потирая кулаками опухшие веки. Что, дружище, плохо без вентиляции? До него донесся странный запах. Он шумно втянул носом воздух. Запах был знакомым, но Байрон не мог определить его природу.

Он направился в ванную, нажав при этом выключатель. Движение было чисто автоматическим: для того чтобы выпить стакан воды, свет совершенно не нужен. Выключатель щелкнул, но безрезультатно. Байрон попробовал включить свет еще раз, затем снова — то же самое. Интересно, работает сегодня хоть бы ЧТО-НИБУДЬ?! Чертыхнувшись, он напился в темноте и почувствовал себя несколько лучше. Возвращаясь в спальню, он проверил по пути все имеющиеся в доме выключатели. Ни один из них не работал.

Байрон сел на кровать, уперся руками в колени и принялся размышлять. Случившееся могло стать вполне подходящим поводом, чтобы поставить на место распоясавшийся обслуживающий персонал. Никто не ждет от гостиничных служащих воспитания в духе пансиона благородных девиц, но все же существуют какие-то нормы поведения!.. Впрочем, плевать! Через три дня он покинет и эту комнату, и университет Земли, и саму Землю.

Все же он мог бы сообщить о случившемся. Для этого нужно только выйти и воспользоваться телефоном, стоящим в холле. Тогда они могли бы включить аварийное освещение, а возможно, и систему кондиционирования, и он сумел бы заснуть без этих кошмарных психосоматических ощущений. Ну, а если нет — пусть все катится к чертовой матери! Осталось каких-нибудь две ночи.

Слабое мерцание экрана видеофона помогло ему найти брюки. Натянув их и прикрыв туловище футболкой, он решил, что достаточно экипирован; и двинулся к двери, громко шаркая шлепанцами. Звуконепроницаемое покрытие на полу исключало возможность разбудить соседей.

Подойдя к двери, он вдавил кнопку. Раздался характерный щелчок, после которого дверь обычно открывалась. Однако сейчас этого не произошло. Он надавил на дверь плечом, но даже его атлетическая мускулатура ничего не изменила.

Он отступил назад. Ситуация походила на фарс. Мог ли стать причиной происходящего сгоревший предохранитель?

Нет, вряд ли... Электронные часы работали. Экран видеофона все еще светился.

Стоп! Это могли быть мальчишки с их дебильными шуточками. Так иногда случалось. Глупо, конечно, но он и сам в детстве принимал участие в подобных забавах. Это было несложно, и любой шалопай... Впрочем, когда он ложился спать, свет и вентиляция работали.

Значит, энергия отключилась ночью. И теперь придется ждать утра, чтобы кто-нибудь из персонала обнаружил причину, по которой старина Байрон не может даже выйти отсюда. Возможно, к обеду он все-таки сумеет покинуть это помещение.

— Хо-хо, — прошептал Байрон, возвращаясь назад. Внезапно он задел ногой какой-то предмет, который с металлическим звуком ударился об пол. Байрон попытался рассмотреть его, но предмет закатился под кровать. Байрон достал его и принялся рассматривать.

Это был маленький цилиндрик с отверстием в верхней части. Он поднес находку к носу и чихнул. Так вот откуда шел странный запах! Вне сомнений, это хлороформ. Конечно, проделки мальчишек! Они рассчитывали, что он проспит всю ночь, предоставив им полную свободу действий.

Байрон мысленно попытался шаг за шагом воспроизвести происшедшее. Приоткрыть дверь было делом несложным. Потом в комнату подбросили цилиндр с хлороформом и захлопнули дверь. Препарат действовал медленно, однако через некоторое время его пары заполнили бы всю комнату. Тогда они смогли бы войти — разумеется, в масках. О боже! Даже влажный носовой платок способен в течение пятнадцати минут предохранить от действия хлороформа. Этого времени вполне хватило бы...

Теперь понятно, что произошло с вентиляционной системой. Ее отключили, чтобы хлороформ не выветрился слишком быстро. Сломанный видеофон не позволял ему попросить помощи извне; заблокированная дверь мешала выйти из помещения; отсутствие света должно было породить в его душе панику. Веселые детишки!

Байрон фыркнул. Случившееся — не более чем глупая шутка. Ему захотелось выломать дверь, и хорошо тренированные мускулы напряглись при одной мысли об этом. Но он знал, что игра не стоит свеч. Эти двери способны устоять даже при ядерном взрыве. ЧЕРТОВЫ ТРАДИЦИИ!

Но выход должен быть, и он найдет его. А для этого ему понадобится свет — настоящий свет, а не слабое свечение экрана видеофона. Последняя проблема решалась просто: в шкафу у него хранился карманный фонарик.

Нащупывая рукой замок шкафа, он на мгновение ужаснулся от мысли, что эта дверца тоже окажется заблокированной. Однако она подалась и отъехала в сторону. Байрон подмигнул сам себе. Они не догадались заблокировать дверцу шкафа! А может, им просто не хватило времени.

И вдруг, когда он уже держал фонарик и даже успел включить его, стройность его умозаключений резко поколебалась. Затаив дыхание, он прислушался.

Лишь сейчас он уловил заполнивший спальню шелест. Он услышал приглушенный, едва уловимый шорох, напоминающий отдаленный разговор, и сразу же узнал эти звуки.

Их было невозможно не узнать. Звуки имели только одно значение: «Пришел конец света». Именно такой шелест звучал здесь тысячу лет назад.

Короче говоря, это был звук счетчика радиоактивности, определяющего уровень гамма-излучения. Прибор отсчитывал единственное, для чего был предназначен, — смерть!

Медленно, на цыпочках, Байрон двинулся назад. С расстояния шести футов он увидел белый луч, пробивающийся сквозь тьму. Там, в дальнем углу, находился счетчик, но его внешний вид ничего не говорил Байрону.

Счетчик находился здесь с самого начала. Большинство студентов, прибывших на Землю из Внешних Миров, в первую же неделю приобретали подобный счетчик. Все они знали о необходимости предохранения от царившей на Земле радиации. Правда, вскоре они благополучно забывали о приборе, но Байрон оказался не столь беспечен, за что и благодарил сейчас небо.

Он пошарил рукой по столу, ища оставленные там с вечера наручные часы. Те оказались на месте. Когда он осветил циферблат лучом фонарика, рука его слегка задрожала. Стекло часов — даже не стекло, а пластик, очень твердый и обычно прозрачный, как слеза, оказался БЕЛЫМ. Он отвел руку с часами и взглянул на циферблат под другим углом.

Тот остался БЕЛЫМ.

Байрон вспомнил инструкцию. Индикатором сильного радиационного заражения был голубой цвет, и именно он ассо-

циировался на Земле со смертью. Как только индикатор загорался голубым светом, владелец счетчика, по земным законам, должен был немедленно отправиться в больницу для прохождения лечения. Это правило никогда не нарушалось. Врачи с помощью фотоэлектрических приборов изучали интенсивность свечения и определяли степень заражения.

Ярко-голубой цвет нес в себе смерть. Он был необратим, как и происшедшие в человеке изменения; он не оставлял надежды. Человеку оставалось только ждать несколько дней или несколько недель. Единственное, чем теперь могли ему помочь в больнице, — тщательно подготовиться к кремации.

Но сейчас свет был белым, и у Байрона отлегло от сердца.

Уровень радиоактивности не слишком велик. Что это — обратная сторона шутки? Поразмыслив, Байрон засомневался. НИКТО не стал бы шутить таким образом. Особенно на Земле, где за незаконное хранение радиоактивных материалов заключали в тюрьму. Здесь, на Земле, весьма серьезно относятся к радиации. Для этого имеются достаточно весомые основания.

Ему пришла в голову мысль о преднамеренном убийстве. Но почему? Для этого не было никаких причин. Прожив на свете двадцать три года, он не нажил ни одного серьезного врага, который мог бы желать его смерти.

Байрон пригладил взъерошенные волосы. Мысль о врагах раздражала его, да и повода думать так не было. Он вновь вернулся к шкафу. Там должно было находиться то, что излучало радиоактивные частицы; что-то такое, чего еще четыре часа назад там не было.

Нужный предмет сразу же бросился ему в глаза. Маленькая коробочка, ни одна из граней которой не превышала шести дюймов. Байрон узнал ее, и губы его задрожали. Он слышал о подобных вещах, хотя видеть ему такие штуки до сих пор не приходилось. Он направил счетчик на дверь спальни. Шелест слегка утих, потом и вовсе прекратился. Но как только Байрон поднес часы к коробочке, счетчик заработал вновь. Сомнений не оставалось.

В шкафу пряталась радиационная бомба.

Уровень радиации пока не являлся смертельным; это был только детонатор. Где-нибудь снаружи коробочки находилась и сама атомная бомба. Пока что содержащиеся в ней изотопы находятся в состоянии покоя, но при определенных условиях

может произойти взрыв, и тогда смертоносный поток радиоактивного излучения убьет все живое в радиусе шести миль от эпицентра взрыва.

Как определить время взрыва?! Это может случиться через несколько часов или в следующую секунду. Руки Байрона беспомощно повисли вдоль туловища, фонарик упал на пол. Ужасная истина оглушила его.

Он должен был умереть.

Умирать Байрону не хотелось, но он не мог найти выход из создавшейся ситуации.

Он припомнил расположение комнаты. Она находилась в конце коридора. Напротив нее, а также сверху и снизу были другие комнаты. Комната сверху ничем не могла оказаться ему полезной. Соседняя комната на этом же этаже граничила своей ванной с его ванной, что тоже не могло помочь.

Оставалась комната снизу.

В помещении было несколько складных стульев. Байрон взял один из них. Размахнувшись, он ударил им об пол. Стул глухо стукнул. Байрон методично стал наносить удары, с каждым разом все сильнее и сильнее. Ему было необходимо разбудить спящего соседа. Не прерывая своих усилий, Байрон обдумывал, в каких выражениях извинится перед соседом за причиненное беспокойство.

Внезапно до него донесся слабый шум, и он замер, занеся стул над головой. Шум повторился. Он исходил от входной двери.

Байрон опустил стул и вслушался в темноту, ожидая услышать шум открывающейся двери.

Кто-то из-за двери окликнул его по имени.

— Фаррилл! Фаррилл! — И потом: — Ты здесь? С тобой все в порядке?

— Не входите! — крикнул он. До его сознания вдруг дошло, что при открывании двери бомба может взорваться.

Видимо, его услышали, и тяжелые шаги зазвучали, удаляясь в глубь коридора.

Раздался громкий щелчок, и воздух в комнате сотрясла вибрация. За ней последовал взрыв, сорвавший дверь с петель. Вспышка яркого света осветила коридор.

Лежащий на полу Байрон раскинул руки в стороны и закричал:

— Не входите! Во имя всего святого, не входите! Это бомба!

Перед ним возникли силуэты двух мужчин. Одним из них был Джоунти. Другим — Эсбек, комендант здания, полуголый и злой.

— Бомба? — недоверчиво переспросил он.

Но Джоунти перебил его:

— Какого типа?

В руке его был бластер. Байрон ощутил нелепость ситуации.

Байрон сумел лишь пожать плечами.

— Ладно, — пробормотал Джоунти с рассеянным видом и обратился к коменданту: — Будет лучше, если вы немедленно эвакуируете всех живущих в этом крыле общежития и перекроете коридоры. Я бы не советовал вам дожидаться наступления утра.

Потом Джоунти повернулся к Байрону:

— Радиус ее действия составляет не менее двухсот футов. Как она сюда попала?

— Не знаю, — ответил Байрон, вытирая тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот. — Если ты не возражаешь, я бы с удовольствием присел.

Он заметил, что его часы остались на столе, и ощутил дикое желание вернуться за ними.

В коридоре сновали разбуженные студенты. Они покидали свои комнаты.

— Идем со мной, — приказал Джоунти. — Будет лучше, если мы поскорее уберемся отсюда.

— Как ты оказался здесь? — спросил Байрон. — Только не сочти мое любопытство проявлением неблагодарности, ладно?

— Я звонил тебе. Никто не ответил, и я решил, что должен проведать тебя.

— Проведать меня? — Байрон попытался скрыть охватившую его тревогу. — Зачем?

— Чтобы предупредить о том, что твоя жизнь в опасности.

Байрон нервно засмеялся:

— Это я уже ощутил.

— Это была лишь первая попытка. Они предпримут и другую.

— Кто «они»?

— Не здесь, Фаррилл, — возразил Джоунти. — Для этого мы должны уйти отсюда. Я хочу быть уверенным, что нас никто не слышит. Ты теперь под колпаком, и я должен заботиться о собственной безопасности.

Два

НИТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ

Комната отдыха была пуста; в ней царила темнота. Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову заглянуть сюда в половине пятого утра. Но Джоунти выжидал, прислушиваясь к отдаленному шуму.

— Нет, — наконец решился он. — Мы не будем включать свет. Для того, что я хочу сказать тебе, он не нужен.

— За сегодняшнюю ночь я по горло сыт темнотой, — проворчал Байрон.

— Мы не будем закрывать дверь.

Спорить Байрону не хотелось. Он плюхнулся в ближайшее кресло, оказавшись лицом к тускло освещенному дверному проему. Теперь, когда все кончилось, на него навалилась смертельная усталость.

Джоунти тем временем занимался странным на первый взгляд делом: он подпер дверь своей модной тростью таким образом, что ее набалдашник освещался проникающим светом.

— Не спускай с нее глаз, — велел он. — Она даст нам понять, когда посторонний человек приблизится к двери.

Байрон вяло заметил:

— Мне совершенно не хочется играть в конспираторов. Если ты намерен что-нибудь сказать мне — говори. Я знаю, что ты спас мне жизнь, и завтра буду в состоянии высказать тебе мою благодарность. Но сейчас все, что мне нужно, — это немного выпивки и много отдыха.

— Я вполне понимаю твое состояние, — сочувственно произнес Джоунти, — но если я позволю тебе сейчас терять время на отдых, то последствия этого легкомыслия трудно себе представить. Мне хотелось бы объяснить тебе, что именно я имею в виду. Тебе известно, что я знаком с твоим отцом?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Байрон чуть было не подскочил в кресле. После паузы он сказал:

— Отец никогда не рассказывал об этом.

— Я был бы удивлен, если бы он стал рассказывать. Я был известен ему под другим именем. Кстати, ты что-нибудь знаешь о своем отце?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ему угрожает большая опасность.

— ЧТО?!

Джоунти молитвенно сложил руки:

— Пожалуйста, не кричи так!

Байрон понял, что все это время они разговаривали шепотом.

Джоунти продолжал:

— Постараюсь объяснить тебе. Твой отец заключен под стражу. Ты понимаешь, что это значит?

— Пока не совсем. КТО заключил его под стражу и что ты имеешь в виду? Или ты решил, что мне мало сегодняшних волнений?!

Голос Байрона задрожал. Хлороформ и близость смерти не шли ни в какое сравнение со словами сидящего рядом с ним невозмутимого денди.

— Неужели, — продолжал тот, — тебе ничего не известно о работе, которую выполнял твой отец?

— Если ты знаешь моего отца, то знаешь и то, что он — скотовод с Вайдемоса. Это его работа.

Джоунти улыбнулся:

— Конечно, ты вовсе не обязан доверять мне, хоть я и рисковал из-за тебя своей жизнью. Но мне уже ясно, что ты скажешь. Я знаю гораздо больше. Мне, например, известно, что твой отец участвовал в заговоре против Тирании.

— Я возражаю, — раздраженно запротестовал Байрон. — Услуга, которую ты оказал мне этой ночью, не дает тебе права делать подобные умозаключения о моем отце.

— Ты глуп, дружок, и мы даром теряем время. Я знаю, что говорю. Тирания арестовала твоего отца, и он может умереть.

— В это невозможно поверить, — Байрон привстал с кресла.

— Мне это доподлинно известно.

— Давай прекратим это, Джоунти. Я уже давно не верю в сказки, и поэтому...

— Продолжай, — голос Джоунти зазвучал насмешливо. — Как ты думаешь, зачем я рассказываю тебе все это? Позволь напомнить, что только моя осведомленность, в которую ты не веришь, позволила мне предотвратить попытку убить тебя. Здравый смысл изменяет тебе, Фаррилл.

— Начни сначала и объясни мне все подробно. Я слушаю тебя, — прошептал Байрон.

— Прекрасно. Уверен, что ты считаешь меня деревенским простачком из Королевства Космической Туманности, хотя на самом деле я прибыл с Веги.

— Я предполагал это по твоему акценту. Но данный факт не казался мне достойным внимания.

— Тем не менее это важно, друг мой. Я прибыл сюда, потому что, как и твой отец, не люблю Тиранию. Более пятидесяти лет Тираны угнетают наш народ. Это продолжается слишком долго.

— Я не интересуюсь политикой.

Джоунти возвысил голос:

— Поверь, я не принадлежу к числу эмиссаров, стремящихся вовлечь тебя в неприятности. Я только хочу, чтобы ты знал правду. Год назад они поймали меня так же, как сейчас — твоего отца. Но мне удалось сбежать и добраться до Земли, где, как мне казалось, я буду в безопасности, пока не придет время вернуться. Вот то, что ты должен знать обо мне.

— Сэр, вы рассказали мне гораздо больше, чем я мог надеяться, — Байрон не смог скрыть неприязни к собеседнику. Претенциозные манеры Джоунти действовали ему на нервы.

— Понимаю. Но ты должен знать это, потому что именно благодаря всему, мною сказанному, я встретил твоего отца. Он работал со мной, или, вернее, я с ним. И при этом твой отец выступал не как знатный дворянин с планеты Нефелос. Ты понимаешь меня?

Байрон кивнул.

— Да.

— Не стоит дальше углубляться в это. У меня прекрасные источники информации, и я знаю, что он арестован. Это правда. Покушение на твою жизнь — лишь подтверждение тому.

— Это почему же?

— Могут ли Тираны, схватившие отца, оставить на свободе сына?

— Ты хочешь сказать, что Тираны поместили бомбу в мою комнату? Полный бред!

— Отнюдь не бред! Попытайся поставить себя на их место. Тираны управляют пятьюдесятью мирами. В их распоряжении имеются самые различные средства. Они опутали пространство паутиной, которую невозможно разорвать. Не удивлюсь, если та же паутина тянется и на расстоянии пятисот световых лет от Земли.

Байрон все еще переживал свой ночной кошмар. До его слуха доносился шум из коридоров. Он почти физически ощу-

тил, как шелестит в его комнате счетчик, и возразил своему собеседнику:

— В этом нет никакого смысла. В конце недели я собираюсь возвращаться на Нефелос. Они не могут не знать этого. Почему же им понадобилось убивать меня именно здесь? Чтобы заполучить меня, Тиранам пришлось бы всего лишь немного подождать.

Собственная логика восхитила его.

Джоунти приблизился, и его дыхание коснулось виска Байрона.

— Твой отец популярен. Его смерть — Тираны отлично понимают это — может привести к самым пагубным последствиям, вплоть до массовых беспорядков. Возможен бунт, а ты, как новый Господин Вайдемоса, можешь возглавить его. Это не входит в их планы. Но если ты умрешь в каком-нибудь удаленном мире, это вполне удовлетворит их.

— Я не верю тебе! — Байрон все еще пытался сопротивляться.

— Ты заходишь слишком далеко, Фаррилл, — Джоунти расправил плечи. — Тебе не стоило бы полностью игнорировать услышанное. Твой отец, защищая тебя от действительности, сослужил тебе дурную службу. Думаю, ты не сумеешь оправдать его надежд. Ты просто не в состоянии ненавидеть Тиранию так, как ненавидит ее он. Ты неспособен бороться с нею.

Байрон хмыкнул.

Джоунти продолжил:

— И все же здесь, на Земле, ты находишься не случайно. Это тоже может служить объяснением, почему Тираны хотят убить тебя.

— Все это ужасно напоминает дешевую мелодраму.

— Да ну? Что ж, пусть так. Если ты не хочешь посмотреть правде в глаза, то позже будешь вынужден сделать это. Будут и другие попытки покушения на твою жизнь. Причем какая-нибудь из них может оказаться удачной. С сегодняшней ночи ты — мертвец, Фаррилл.

Байрон моргнул:

— Постой! А тебе-то какое до этого дело?

— Я патриот. Я мечтаю увидеть мое Королевство свободным. Я мечтаю о временах, когда его народ сам изберет себе правительство.

— Стоп! В чем твоя ЛИЧНАЯ заинтересованность? Я не

верю в абстрактный идеализм, особенно если его проповедуешь ты. Прости, если я обидел тебя.

Последние слова прозвучали с откровенной издевкой.

Джоунти вновь присел и, как бы не замечая иронии, продолжил:

— Мои земли конфискованы. Все, что оставил мне в наследство мой отец, а ему — его отец, отобрали. Как ты думаешь, это достаточно серьезная причина для того, чтобы мечтать о революции? Лидером восстания должен был стать твой отец. И ты предашь его?!

— Я? Но мне всего двадцать три года, и я ничего об этом не знаю. Поищи лучше кого-нибудь другого.

— Найти другого несложно, но он не будет сыном твоего отца. Если твоего отца убьют, то Господином Вайдемоса станешь ты, и поэтому мне нужен именно ты, даже если бы тебе было всего двенадцать лет и ты был бы полным идиотом! Ты мне нужен по той причине, по которой Тираны стремятся избавиться от тебя. И если ты не послушаешь меня, то угодишь им в лапы. Ведь бомба в твоей комнате БЫЛА! Ее подложили, чтобы убить тебя. Кто, кроме них, мог бы желать твоей смерти?

Джоунти замолчал в ожидании ответа.

— Никто, — прошептал Байрон. — Никто из тех, кого я знаю, не мог хотеть убить меня. Значит, все, что ты сказал о моем отце, — правда!

— Правда. Рассматривай это как объявление войны.

— Ты считаешь, что так будет лучше? Думаешь, благодарные народы когда-нибудь воздвигнут мне памятник? Один против ядерной заразы, находящейся на расстоянии десятков тысяч миль отсюда! — Его голос окреп. — Думаешь, это осчастливит меня?

Джоунти выждал, но Байрон ничего не собирался прибавлять к сказанному.

— И что же ты намерен делать? — спросил Джоунти наконец.

— Намерен отправиться домой.

— Ты так ничего и не понял!

— Повторяю, я намерен отправиться домой. Чего ты хочешь от меня? Если отец еще жив, я постараюсь освободить его. А если он умер, я... я...

— Успокойся! — резко оборвал его Джоунти. — Ты рассуждаешь как младенец. Тебе не удастся вернуться на Нефелос.

Ты не понимаешь этого? С кем я разговариваю — с сопляком или с юношей, знакомым со здравым смыслом?

— И что же ты предлагаешь? — тихо спросил Байрон.

— Знаком ли ты с Правителем Родии?

— Лучшим другом Тиранов? Я знаю его. Любой житель Королевства знает его. Хенрик V, Правитель Родии.

— Встречал ли ты его когда-нибудь?

— Нет.

— Именно на этом и строится мой план. Ты не знаешь этого человека, Фаррилл. Это настоящий дьявол. Но если Тираны конфискуют Вайдемос, как это случилось с моими владениями, им завладеет не кто иной, как Хенрик.

— Почему?

— Потому что Хенрик имеет определенное влияние на Тиранов. И это может помочь нам.

— Не вижу, как именно. Скорее он передаст меня в их руки.

— Да, это в его духе. Но у тебя есть шанс избежать подобного финала. Помни, титул, который ты носишь, важен и почетен, но он не сможет служить тебе защитой. В любом заговоре бывает вождь, который ведет за собой всех. Твое имя привлечет на твою сторону людей, но тебе понадобятся деньги, чтобы удержать их. У тебя нет времени раздумывать. Оно прошло в тот момент, когда в твоей комнате оказалась бомба. Теперь наступила пора действий. Я могу дать тебе рекомендательное письмо Хенрику с Родии.

— Ты так близко знаком с ним?

— Никогда не делай поспешных выводов. Однажды, во главе посольства, я побывал при дворе Хенрика. Он наверняка не сможет вспомнить меня, но самолюбие не позволит показать этого. Таким образом, ты будешь представлен ему. Письмо я дам тебе завтра утром. В полдень на Родию отправится корабль. Твой билет — у меня. Я отправлюсь туда же, но другим маршрутом. Отбрось сомнения. Ты сможешь справиться с этим.

— Но защита диплома...

— Пустая формальность. Это так важно для тебя?

— Уже нет.

— У тебя есть деньги?

— Да, достаточно.

— Отлично. Это лучше, чем если бы их было слишком много. — Речь Джоунти стала торопливой. — Фаррилл!

— Что?

— Возвращайся к остальным. Никому не сообщай о своем отъезде. Пусть поступки говорят сами за себя.

Байрон задумчиво кивнул. Где-то далеко в сознании промелькнула мысль, что его миссия обречена на провал и он не сможет спасти отца от гибели. Он не подготовлен к тому, что должно случиться. Ему слишком мало известно. Он может попасть в западню.

Но теперь, когда он знал правду, или, по крайней мере, большую ее часть, об участии отца в заговоре — ему был крайне нужен один документ, хранящийся в архивах здесь, на Земле. Однако у него не было времени, чтобы искать документ. Не было времени спасти отца. Не было даже времени жить.

— Я сделаю все, как ты сказал, Джоунти.

Сандер Джоунти взглянул на него, и в его взгляде не было восхищения. Затем он сделал несколько шагов в сторону окна. Перед ним сверкнули огни ночного города. На горизонте виделись голубые вспышки — память прошедших войн.

Несколько секунд Джоунти всматривался в небо. Прошло более пятидесяти лет с тех пор, как Тирания положила конец мирному существованию его страны, разделив ее на два лагеря. Сейчас между ними пролегла пропасть. Однако всякая сила порождает еще большую силу. Действия Тиранов вызывали сопротивление. Организовать это сопротивление было длительным и сложным делом. Что ж, он засиделся на Земле. Пришла пора возвращаться. Там, дома, остались те, кто должен сейчас связаться с ним.

Он поспешил в свою комнату.

Войдя в комнату, Сандер сразу же уловил сигнал. Этот сигнал не могли засечь никакие локаторы, поэтому он не боялся. Звук шел к нему через гиперпространство, и источник его находился на расстоянии полутора тысяч световых лет от Земли.

Приемопередающим устройством был он сам, его нервная система, его мозг. Он уловил повторяющийся через равномерные промежутки сигнал.

— ...вызов... вызов... вызов... вызов... вызов...

Передать сигнал было несколько сложнее, чем принять его. Для этого требовалось полное сосредоточение. Помощь в этом могла оказать пуговица, которую он сейчас сжимал в кулаке. Она усиливала подаваемые мысленные сигналы.

— Я здесь!

Необходимости представляться не было.

Сигнал вызова плавно перешел в связную речь.

— Приветствуем вас, сэр. Захват Вайдемоса произошел. Хотя, конечно, эта новость еще не стала достоянием общественности.

— Меня это не удивляет. Кто-нибудь еще замешан в этом?

— Нет, сэр. Господин Вайдемоса не сделал ни одного заявления. Сильный и преданный человек!

— Да. Но нужно нечто большее, чем просто сила и преданность. Немного осмотрительности никому не помешает. Ладно, неважно! Я говорил с его сыном, новым Господином, который уже оказался лицом к лицу со смертью. Он может быть нам полезен.

— Можно узнать, каким образом, сэр?

— Время покажет. Завтра он отправится на встречу с Хенриком с Родии.

— С Хенриком?! Юноша подвергает себя большому риску! Знает ли он о случившемся?

— Я сказал ему столько, сколько мог, — перебил говорящего Джоунти. — Пока мы не можем сказать ему большего. Пока он только человек, который рискует, — как, впрочем, и любой другой. Мы только используем его. Больше не вызывай меня на связь, поскольку я покидаю Землю.

И, не попрощавшись, Джоунти оборвал сеанс связи.

Он тщательно обдумал события сегодняшнего дня и особенно ночи, мысленно взвешивая каждое из них. Губы его растянулись в усмешке. Все складывалось превосходно; комедии было положено отличное начало.

Не оставалось НИКАКОЙ возможности для случайности.

Три

О ЧАСАХ И СЛУЧАЙНОСТЯХ

Первый час после взлета космического корабля, пожалуй, наиболее прозаичен для его пассажиров. Ими властно овладело состояние невесомости, подобно тому, как стремительный горный поток увлекает за собой поваленное дерево.

Конечно, полет связан не только с неудобствами: о вашем

багаже позаботятся; протолкнувшись сквозь толпу желающих подобно вам улететь этим же рейсом, вы займете предназначенный вам отсек; затем наступит тишина, какая всегда воцаряется перед взлетом. В каждом отсеке вспыхнут красными буквами надписи на табло: «Пристегнуть ремни... Пристегнуть ремни...»

По коридорам промчатся стюардессы; постучав во все двери, они с очаровательной улыбкой напомнят вам: «Прошу прощения. Пристегнитесь, пожалуйста».

Затем внезапно взревут двигатели. Вас отбросит в кресле назад, потом вперед, и так будет происходить все время, пока корабль не наберет скорость. Тот, кто переживет эти минуты, может быть уверен, что «космическая болезнь» ему не угрожает.

В первые три часа полета кают-компания была закрыта для пассажиров, что оказалось неприятным сюрпризом не только для постоянных посетителей планетария (иными словами, для тех, кто еще не бывал в космосе), но и для более опытных путешественников.

Обозрение Земли из космоса, помимо всего остального, являлось одной из обязательных «традиций» туристов.

Кают-компания представляла собой прозрачную сферу, находящуюся на носу корабля. Сейчас она была переполнена людьми. Прижатые к стеклу лица были устремлены в одну точку — они не сводили глаз с удаляющейся от них Земли.

Земля находилась как раз под ними: гигантский оранжево-бело-голубой шар. Она была ярко освещена солнцем; четко просматривались континенты, испещренные зелеными прожилками и оранжевыми пятнами пустынь. Синели моря и океаны; в месте соединения их с горизонтом они были почти черными. А вокруг Земли в действительно черном небе сияли звезды. Они манили и притягивали к себе тех, кто смотрел на них.

Внезапно ночная тень наползла на земной шар, и огромная планета скрылась во тьме.

Скрылась во мраке больная, непригодная к жизни Земля. Сквозь тень едва виднелись радиоактивные вспышки — память о тех временах, когда взрывами ядерных бомб было уничтожено целое поколение; о временах, когда еще только создавалось защитное силовое поле. С тех пор прошло много

времени; ни один мир не смог бы теперь совершить подобное самоубийство.

Никто из пассажиров корабля не сводил с Земли глаз до тех пор, пока она не стала крошечной светящейся точкой, а потом и вовсе скрылась из виду.

Среди зрителей находился и Байрон Фаррилл. Он сидел в центральном ряду, положив руки на подлокотники; взгляд его был блуждающим и задумчивым. Не так хотел он расставаться с Землей. Этот способ был плохим, неправильным. Неправильными были космический корабль и пункт назначения.

Рукой он машинально провел по щеке и обнаружил, что забыл сегодня побриться. Ничего, он сможет сделать это, вернувшись в свой отсек. Байрон колебался — стоит ли уходить к себе. Здесь все-таки были люди. В своем отсеке он будет один.

А может, именно поэтому и нужно уходить?

У него возникло неведомое ранее ощущение, что он — дичь, и на него ведется охота. Новое ощущение оказалось не из приятных.

Похоже, в этом мире у него не осталось друзей. Они исчезли в тот самый момент, когда двадцать четыре часа назад он был разбужен телефонным звонком.

Даже в общежитии он мгновенно стал чужаком. Старина Эсбек, дождавшись его после беседы с Джоунти, был как никогда сух и официален.

— Мистер Фаррилл, я хотел бы переговорить с вами. Случившееся не более чем несчастный случай. Я не могу найти этому разумного объяснения. Возможно, у вас есть какие-нибудь соображения на этот счет?

— Нет! — чуть было не закричал Байрон. — Никаких! Могу ли я вернуться в свою комнату и забрать личные вещи?

— Это будет возможно лишь утром. Сейчас в комнате устанавливают специальное оборудование. Первые замеры показали, что уровень радиоактивности не превышает допустимого предела. Вам повезло. Все могло обернуться гораздо хуже.

— Да-да, разумеется, но я, с вашего позволения, хотел бы отдохнуть.

— Вы можете до утра воспользоваться моей комнатой, а потом мы могли бы на оставшиеся дни переселить вас.

Хммм... Кстати, мистер Фаррилл, мне кажется, что причина кроется в другом.

Он принял заговорщицкий вид. Голос его понизился до шепота.

— В чем же? — осторожно спросил Байрон.

— Знаете ли вы кого-нибудь, кто хотел бы вас про-у-чить?

— Проучить меня ТАКИМ ОБРАЗОМ? Конечно, нет.

— Каковы в таком случае ваши планы? Авторитету школы, несомненно, повредит огласка происшедшего с вами инцидента.

На слове «инцидент» он сделал ударение. Байрон раздраженно ответил:

— Я понимаю вас. Не беспокойтесь. Мне не нужен ни следователь, ни полиция. Скоро я собираюсь покинуть Землю, и мне не хотелось бы нарушать свои планы. Я никуда не буду жаловаться. Ведь главное, что я все еще жив!

Эсбек с нескрываемым облегчением вздохнул. Именно этого они и хотели! Никаких неприятностей. Инцидент был как бы забыт.

Байрон попал в свою комнату только в семь часов утра. Там было тихо. Бомба отсутствовала, счетчик — тоже. Наверное, Эсбек забрал их и утопил в озере. Улики уничтожены. И свет, и видеофон вновь работали. Лишь дверь с выломанным замком напоминала о случившемся.

Ему предоставили другую комнату. Там, приняв меры предосторожности, Байрон вызвал по телефону воздушное такси. Он полагал, что его никто не видит. Пусть себе решают загадку, как он исчез!

В аэропорту он встретил Джоунти, и тот подал знак. Они делали вид, что не знакомы друг с другом, но Джоунти успел незаметно передать Байрону маленький черный шарик, оказавшийся персональной капсулой, и билет до Родии.

Байрон несколько мгновений рассматривал капсулу. На ней не было никакой пломбы. Позже, в комнате, он прочел послание. Это было коротенькое рекомендательное письмо, не более того.

Мысли юноши задержались на особе Сандера Джоунти. До появления того в комнате Байрона в роковую минуту они были едва знакомы. Байрон знал его имя, они обменивались кивками при встрече — вот и все. Джоунти не нравился ему, его безукоризненные манеры, холодность и вычурная одежда

раздражали Фаррилла. Но это не имело ничего общего с происходящими сейчас событиями.

Байрон почти физически ощутил присутствие Джоунти. Этот человек — мастер создавать ситуации. Он знал, что будет делать сам, знал, что будет делать Байрон, мог заставить Байрона делать все, что сочтет нужным. И вот Байрон один и чувствует себя как никогда маленьким, беспомощным и испуганным.

Он пытался переключиться на мысли об отце. Но это не помогло.

— Мистер Мэлейн!

Имя повторили два или три раза, прежде чем Байрон сообразил, что именно это имя стояло на переданном ему Джоунти билете. Его вымышленное имя. На это имя была забронирована каюта для него.

— Я Мэлейн. В чем дело?

Голос обращающегося к нему человека в форме члена экипажа был лишен каких бы то ни было эмоций.

— Должен сообщить вам, что номер вашей каюты изменен и что ваш багаж уже перенесен. Вот ваш новый ключ. Надеюсь, это не слишком расстроит вас.

— Что это значит? — Байрон так резко поднялся с кресла, что несколько пассажиров по соседству устремили на него удивленные взгляды. — С чем это связано?

Гнев овладел им. Его чуть не убили; потом вынудили покинуть Землю, подобно преступнику; он направлялся туда-не-знаю-куда, чтобы делать там то-не-знаю-что; а теперь им еще вздумалось гонять его взад-вперед по кораблю. Это был предел.

— Мне нужен капитан, — заявил он.

— Пожалуйста, как вам угодно. — И после коротких переговоров по крошечной рации: — Вас вызовут. Ждите.

Капитан Хирм Горделл был маленьким крепышом. Он подчеркнуто уважительно принял возмущенного пассажира.

— Мистер Мэлейн, — зачастил он, — очень жаль, что пришлось побеспокоить вас.

Капитан ослепительно улыбнулся.

— Очень сожалею, — сказал Байрон, — но, насколько мне

известно, если каюта забронирована, то никто, и даже вы, сэр, не имеете права выселить меня из нее.

— Простите, мистер Мэлейн! Но поймите, это совершенно вынужденная мера! В последнюю минуту на борт прибыла одна важная персона и попросила разместить ее поближе к гравитационному центру судна. У этого человека больное сердце, и он не в силах перенести высокий гравитационный порог. У нас не было выбора.

— Но почему вы остановились на мне?

— Ну, кто-то ведь должен был... Вы путешествуете в одиночестве, вы молоды, вам не страшна гравитация. — Его глаза оценивающе скользнули по атлетической фигуре собеседника. — Более того, я уверен, что ваша новая каюта покажется вам куда более привлекательной, чем старая. Вы совершенно ничего не потеряете. Совершенно!

Капитан шагнул в сторону Байрона.

— Позвольте мне лично показать вам ваши новые апартаменты!

Спорить Байрону не хотелось. Доводы капитана выглядели убедительно.

Они вышли из капитанской рубки. По дороге капитан спросил:

— Вы не могли бы составить мне компанию за ужином завтра вечером? К этому времени мы уже совершим наш первый Прыжок.

— Благодарю. Весьма польщен, — ответил Байрон.

Странно, подумал он. Наверняка капитан хочет проследить за ним, но слишком уж рьяно он берется за дело!

Длинный стол капитана занимал целую стену в салоне. Байрон, единственный из сидящих за столом, был без галстука; он занимал место в центре. Перед ним находилась табличка с указанием его имени. Ошибки не было — слуги капитана были отлично вышколены.

Байрон не страдал излишней скромностью. Он — сын Господина Вайдемоса, и этим все сказано. Но здесь он являлся Байроном Мэлейном, простым смертным, и должен был делать вид, что потрясен и восхищен.

Капитан оказался совершенно прав, говоря, что его новое жилище значительно лучше старого. Прежняя комната была

обычной каютой второго класса, новые же апартаменты состояли из двух комнат. Здесь имелась и ванная комната, оборудованная всем на свете, вплоть до воздушного полотенца.

Теперь он находился рядом с «офицерским отсеком» и повсюду натыкался на людей в форме. Завтрак подали ему в каюту на серебряном подносе. Перед обедом внезапно появился парикмахер и предложил свои услуги. Вероятно, так и должно быть, если путешествовать в каюте «люкс», но для Байрона Мэлейна подобные излишества были слишком шикарными.

Перед появлением парикмахера Байрон как раз вернулся с прогулки по кораблю. Он сделал для себя неожиданное открытие. Гуляя, он наткнулся на свою прежнюю каюту — 140 Д — и вдруг обнаружил, что в кармане все еще лежит ключ от нее.

Он остановился, чтобы прикурить сигарету, надеясь втайне, что нынешний жилец этой каюты по какой-нибудь надобности выйдет в коридор. Подождав немного, он нажал кнопку светового звонка на двери. Никто не откликнулся.

Тогда Байрон достал из кармана ключ — на вид простую алюминиевую пластинку — и вставил его в замок. Фотоэлемент сработал, и дверь отворилась. Он шагнул внутрь.

Дверь за его спиной бесшумно закрылась. Он сразу же понял одну вещь. Его старая каюта пустовала. Не было никакой важной персоны с больным сердцем. Постель на кровати выглядела новенькой; нигде никаких следов пребывания кого бы то ни было.

Так что роскошь, в которой его поселили, была лишь предлогом, чтобы заставить его покинуть прежнюю каюту. Они не хотели, чтобы он оставался здесь. Почему? Что их интересовало: комната или он сам?

И вот он сидел за капитанским столом, а в голове у него роились неразрешенные вопросы.

Вошел капитан; все, включая Байрона, встали ему навстречу. Капитан прошел вдоль стола и занял свое место.

ЗАЧЕМ они переселили его?

На корабле играла музыка; стена, разделяющая салон и кают-компанию, была раздвинута. Мягко светился оранжево-красный свет. Салон был полон народу.

Капитан оглядел сидящих за столом и обратился к Байрону:

— Добрый вечер, мистер Мэлейн. Как вам понравилась ваша новая каюта?

— Она прекрасна, даже слишком. Самое лучшее, что я видел в своей жизни. — Байрон произнес тираду невыразительным голосом и заметил, что капитан бросил на него пристальный взгляд.

Подали десерт, и почти одновременно погас свет. Глазам пассажиров открылась великолепная картина. Они увидели Млечный Путь — захватывающее зрелище сияющей диагональной дороги среди звезд.

Разговоры стихли. Заскрипели отодвигаемые стулья, и все головы обратились лицом к звездам. Что-то мягко шептала музыка.

Над головами зазвучал голос:

— Леди и джентльмены! Мы готовы к нашему первому Прыжку. Большинство из вас, я думаю, знают хотя бы теоретически, что такое Прыжок. Многие здесь — кажется, больше половины — еще никогда не ощущали его. Именно к ним мне и хотелось бы обратиться.

Прыжок — это именно то, что заложено в слове, его обозначающем. В цепи «время — пространство» невозможно двигаться со скоростью, превышающей скорость света. Это простейший закон, открытый в глубокой древности великим Эйнштейном. Но даже при скорости света понадобится много лет, чтобы добраться до звезд.

Теперь давайте отвлечемся от связи «время — пространство» и перейдем к мало известному понятию «гиперпространство», где время и расстояние не имеют различий. В этом «пространстве без пространства», как его иногда называют, таятся гигантские накопления энергии, и наука научилась переносить часть ее в определенную точку обыкновенного пространства. Эта энергия такова, что дает возможность преодолевать большие расстояния в нулевой отрезок времени. Это тот самый Прыжок, который делает возможным межзвездные путешествия.

Мы с вами совершим Прыжок через десять минут. Вас предупредят об этом. Вы ощутите не более чем секундный дискомфорт, но, надеюсь, при этом все будут сохранять спокойствие. Благодарю за внимание.

На корабле погасли все огни, и только звезды за окнами ярко сияли во тьме.

Казалось, время тянется бесконечно. Внезапно вновь зазвучал тот же голос:

— Через одну минуту мы с вами совершим Прыжок. Пятьдесят... сорок... тридцать... двадцать... десять... пять... четыре... три... два... один...

Мир на мгновение перестал существовать. Будто бомба, взорвавшись внутри каждого пассажира, разворотила их сознание и тело.

В это же самое мгновение, за долю секунды, была преодолена тысяча световых лет, и корабль, находившийся раньше на краю Солнечной системы, мчался теперь в глубинах межзвездного пространства.

Кто-то неподалеку от Байрона воскликнул:

— Взгляните на звезды!

Жизнь вернулась к обитателям большой комнаты, и за столом прошелестело:

— Звезды! Смотрите!

Вид звезд был теперь совершенно иным. Центр великой Галактики, удаленный от Земли на триста тысяч световых лет, сейчас приблизился, и звезд стало меньше. Они были разбросаны в черном пространстве, излучая при этом холодный свет.

Байрон, сам того не желая, вспомнил вдруг сентиментальное стихотворение, написанное им в восемнадцатилетнем возрасте под воздействием своего первого космического полета; он тогда направлялся на ту самую Землю, которую покинул сейчас столь поспешно. Губы его беззвучно зашевелились:

Звезды как пыль окружают меня,
В небе не сыщешь прекрасней огня...

Вновь зажегся свет, и Байрон очнулся. Он по-прежнему находился в салоне космического корабля, и сидящие с ним за одним столом люди разговаривали на самые прозаические темы.

Он взглянул на часы и долго не мог отвести от них взгляда. Эти часы он оставлял ночью в ванной; они уцелели после происшествия с бомбой, и с тех пор он неоднократно смотрел на них. Неужели он мог не заметить то, что они пытались сказать ему?

Стекло на них было БЕЛЫМ, а не голубым. ОНО БЫЛО БЕЛЫМ!

События этой ночи внезапно стали на свои места. Удивительно, как один факт способен перевернуть отношение к происходящему!

Он резко встал, бормоча себе под нос слова извинения. Покинуть стол до ухода капитана было нарушением этикета, но его это мало волновало сейчас.

Он спешил в свою комнату, перескакивая через несколько ступенек, впопыхах забыв, что можно воспользоваться лифтом. Он влетел в каюту и первым делом осмотрел ванную и встроенный туалет. Он не очень надеялся поймать кого-либо. То, что они могли сделать, они уже давно сделали.

Байрон тщательно исследовал свой багаж. Отличная работа! Не оставляя никаких следов, они похитили его документы, пачку писем от отца, даже капсулу с письмом к Хенрику с Родии.

Так вот зачем им понадобилось переселять его! Их не интересовала ни старая, ни новая комната; им был важен сам процесс перемещения. В их распоряжении оказалось около часа времени, чтобы рыться в его багаже и совершить то, что они совершили.

Байрон ничком упал на кровать и постарался сосредоточиться. Отличная поездка! Спланированно ВСЕ без исключения! Если бы не часы, он даже не смог бы догадаться о том, как прочны сети, которые сплела в космосе Тирания.

Раздался звонок в дверь.

— Войдите, — сказал Байрон.

Это был стюард, который вежливо сказал:

— Капитан хотел бы узнать, не может ли он чем-нибудь помочь вам. Вы выглядели не вполне здоровым, когда вставали из-за стола.

— У меня все в порядке, — ответил Байрон.

Какова слежка! Он понял, что ему не оставили выбора и что корабль неуклонно везет его к гибели.

Четыре

СВОБОДЕН?

Сандер Джоунти холодно встретил взгляд собеседника.

— Говоришь, что-то пропало?

Ризетт провел рукой по щеке.

— ЧТО-ТО пропало. Не знаю, что именно. Думаю, это тот документ, который нам нужен. Мы знаем о нем одно: он дати-

руется две тысячи пятнадцатым годом по примитивному земному календарю и что он представляет опасность.

— Можем ли мы быть уверены, что пропавший документ — то, что нам нужно?

— Вполне. Он охраняется по приказу правительства Земли.

— Ерунда. Земляне охраняют любой документ, связанный с догалактическим периодом. Это одна из их идиотских традиций.

— Но этот документ — особый случай. Ведь он похищен, а они продолжают охранять пустую папку.

— Представляю их лица, когда они обнаружат пропажу своей жалкой реликвии! Хотя мне и не нравится, что документ у молодого Фаррилла. Я надеялся, что после обыска он окажется в твоих руках.

— У мальчишки документа нет, — улыбнулся его собеседник.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что документ похищен более двадцати лет назад.

— Что?!

— Его никто не видел более двух десятилетий.

— Ложь. Повелитель узнал о нем всего шесть месяцев назад.

— Тогда девятнадцать с половиной лет назад его похитил кто-нибудь другой.

Джоунти на мгновение задумался, потом сказал:

— Ладно, это неважно.

— Почему же?

— Я давно нахожусь на Земле. И если до моего прибытия сюда я еще мог поверить, что на Земле способна храниться какая-нибудь серьезная информация, то сейчас очень в этом сомневаюсь. Ну, посуди сам: когда Земля была единственной населенной планетой Галактики, она имела лишь примитивное вооружение. Самое серьезное оружие, которым располагали земляне, — малоэффективные атомные бомбы, и они не смогли даже от них создать элементарной защиты. — Он указал рукой на горизонт, где то и дело возникали голубые радиоактивные вспышки.

Затем Джоунти продолжил:

— Все это я понял, только прибыв сюда. Странно было бы предположить, что можно научиться чему-нибудь полезному у общества с таким уровнем военного развития. Здесь загублено искусство, загублена наука, а жители Земли упорствуют в поддержании культа примитивизма, оставшегося с прежних времен.

Ризетт возразил:

— Но наш Властитель был мудрым человеком. И он особенно подчеркивал, что этот документ наиболее опасен из всех, известных ему. Вспомни, что он говорил: «Это повлечет гибель Тирании и гибель всех нас, и оно же пробудит к жизни всю Галактику».

— Властитель, как и все смертные, мог ошибаться.

— И все же, сэр, пока что даже мы не знаем содержания этого документа. Возможно, в нем содержатся чьи-то неопубликованные исследования. Или документ имеет отношение к оружию, которое земляне вовсе не считают оружием, потому что с первого взгляда оно таковым не кажется...

— Чепуха. Ты человек военный и, конечно, лучше в этом разбираешься. Но если на свете и есть какая-нибудь наука, которая постоянно прогрессирует, то это лишь военная технология. Никакое потенциальное оружие не могло быть не выявлено за десять тысяч лет. Думаю, Ризетт, что нам пора возвращаться на Лингану.

Ризетт пожал плечами. Он не был убежден в правоте собеседника. Джоунти и сам до конца не верил в то, что говорил. Плохо дело! Любой житель Галактики мог сейчас обладать этим проклятым документом.

А если он у Тиранов?! Нет, лучше уж пусть это будет Властитель. Потому что документ мог попасть к человеку типа Аратапа! Аратап! Единственный после Властителя человек, чьи поступки невозможно предсказать; наиболее опасный из всех Тиранов.

Саймок Аратап — коротышка с круглыми маленькими глазками. Его предками были путешественники, покинувшие когда-то свои неуютные миры и отправившиеся на поиски лучшей жизни к планетам Королевства Космической Туманности.

Его отец возглавлял целую эскадру небольших космических кораблей. На своем долгом пути эти корабли ломались, возрождались и вновь попадали в крушения; иногда они терпели поражение от нападавших на них больших и мощных линкоров.

Миры Королевства Космической Туманности были устроены на старый лад, но Тираны быстро переделали их. Благодаря силе и скорости своих кораблей им удалось подавить соседние королевства одно за другим, оставшиеся просто-напросто перешли на сторону более сильных Тиранов. Каждому хотелось сохранить хотя бы ощущение безопасности, а не дрожать в ожидании, когда наступит его очередь.

Но все это происходило пятьюдесятью годами раньше. Сейчас Королевства Космической Туманности были полностью оккупированы и превратились в вассалов. Миры не стоят ломаного гроша, думал иногда Аратап, а цена человеческой жизни еще ниже.

Он смотрел на стоящего перед ним юношу. Это был почти мальчик. Высокий, широкоплечий; привлекательное лицо, обрамленное коротко подстриженными волосами. В определенном смысле Аратапу было жаль его. Парень был явно напуган.

Сам Байрон не назвал бы обуревающее его чувство страхом. Скорее он квалифицировал бы его как напряжение. Всю свою жизнь он считал Тиранов гигантами. Его сильный и суровый отец был, по рассказам других, робким и покорным в их присутствии.

Иногда они приезжали на Вайдемос, и отец снабжал их книгами с большей части планет Нефелоса. Бывало, отец сопровождал Тиранов в поездках. Они всегда сидели во главе стола; их обслуживали первыми, когда они говорили, все остальные разговоры вокруг стихали.

Еще ребенком Байрон удивлялся, что эти невзрачные, маленькие люди способны так твердо и властно управлять, но зато он всегда понимал, что Тираны для его отца являются тем же, чем он сам является для своего скотника. Он научился почтительно говорить с ними и называть их «Ваше Превосходительство».

Байрон усвоил это так хорошо, что уже одно то, что он стоит лицом к лицу с одним из Тиранов, рождало в нем чувство, которое он именовал «напряжением».

Судно — он считал его своей тюрьмой — в один прекрасный день стало ею официально. Они в это время приближались к Родии. В дверь его каюты постучались и вошли двое крепких мужчин. За ними проследовал капитан, который обратился к нему невыразительным голосом:

— Байрон Фаррилл, вы арестованы по моему приказу, и вам придется ответить на вопросы Представителя Великого Короля.

Представителем и был этот крошечный Тиран, сидящий сейчас перед Байроном и выглядевший скучно и неинтересно. «Великим Королем» являлся Хан Тирании, все еще живший в легендарном каменном дворце на главной планете Тирании.

Байрон оценивающе посмотрел на него. С этим коротышкой он справился бы без труда, но присутствие четырех стражников — по два с каждой стороны — делало любую попытку нападения невозможной. Пятый охранник сидел позади Представителя.

Представитель обратился к Байрону со словами:

— Как тебе должно быть известно, — голос его был тонким и визгливым, — старый Господин Вайдемоса, твой отец, казнен за измену. — Взгляд его бегающих глаз сосредоточился на Байроне.

Байрон не шелохнулся. В его положении лучше не проявлять эмоций, решил он. Конечно, можно закричать на них, но от этого отец не оживет. Он понимал, зачем ему сообщили о гибели отца, — хотят вывести из равновесия. Ну что ж, он не доставит им этого удовольствия.

Байрон лениво протянул:

— Я Байрон Мэлейн с Земли. Если необходимо удостоверить мою личность, я хотел бы связаться с Земным Консулом.

— Конечно-конечно, но, увы, мы сейчас находимся слишком далеко от Земли. Ты утверждаешь, что ты — Байрон Мэлейн с Земли. Но вот, — Аратап зашуршал лежащими перед ним бумагами, — письма, написанные Господином Вайдемоса своему сыну. Здесь же студенческий билет и зачетная книжка на имя Байрона Фаррилла. Все это нашли в твоем багаже.

Байрон слегка опешил, но постарался не подать виду.

— В моем багаже кто-то рылся и подбросил все это.

— Мы пока не в суде, мистер Фаррилл или Мэлейн. А для суда потребуются объяснения получше.

— Еще раз повторяю: если все это найдено в моем багаже, то бумаги подброшены туда нарочно.

Байрон слегка перевел дух. Конечно, его заявление звучит глупо, и он отлично понимал это. Но Представитель перевел разговор на другую тему. В руках он держал капсулу с письмом к Правителю Родии.

— А это рекомендательное письмо? Тоже не твое?

— Нет, но принадлежит мне, — Байрон заранее решил ответить так, потому что знал — в письме не проставлено имя. — Это послание к Правителю...

Он сам оборвал себя. Любые объяснения в подобной ситуации были проявлением слабости, а Представитель к тому же усмехался. Или это ему только показалось?

Аратап не усмехался. Быстрым движением руки он поправил контактные линзы, затем вынул их из глаз и опустил в стакан с водой, стоящий перед ним на столе. Его опухшие веки были слегка влажными. Он сказал:

— И тебе это известно? Известно на Земле, в пяти сотнях световых лет отсюда? Об этом не слыхала даже наша собственная полиция здесь, на Родии.

— Полиция на Родии. Послание было написано на Земле.

— Вижу. Кто ты — агент? Или просто хочешь предупредить Хенрика о чем-то?

— Конечно, второе.

— Да ну? И почему же ты решил это сделать?

— Потому что рассчитывал получить особое вознаграждение.

Аратап улыбнулся.

— Вот теперь в твоих словах есть намек на правду. О чем же конкретно ты собирался ему рассказывать?

— Это я скажу только Правителю.

Вспышка гнева, но только на мгновение.

— Хорошо. Тиранов не волнует местная политика. Мы устроим тебе беседу с Правителем и, таким образом, внесем свой вклад в его безопасность. Мои люди соберут твой багаж, и ты можешь быть свободен. Уведите его!

Последние слова относились к охранникам. Аратап вновь надел контактные линзы, и глаза его тут же приняли более осмысленное выражение.

Обратившись к главному охраннику, он сказал:

— Думаю, мы не должны сводить глаз с юного Фаррилла.

Офицер коротко кивнул:

— Слушаюсь! Тем более что мне его история кажется довольно бессвязной.

— Разумеется. Но это дает ему возможность выкрутиться. Юные глупцы, взявшие за образец поведение героев видео-

сериалов, легко попадаются. Конечно, он — сын экс-Господина.

— Вы уверены? Тогда уже одно это — серьезное преступление.

— То есть вам кажется, что я ошибаюсь? Почему же?

— А что, если он послан отвлекать наше внимание от настоящего Байрона Фаррилла?

— Нет, я уверен в обратном. И потом, у нас есть фотографии.

— Чьи? Мальчишки?

— Сына Господина. Хочешь взглянуть?

— Конечно.

Аратап взял со стола пачку фотографий.

— Помимо этого, у меня есть нечто, что, безусловно, произведет на вас впечатление. Думаю, с подобной штукой вы еще не сталкивались. Она изобретена во внутренних мирах и внешне представляет собой обычный фотокуб, но если перевернуть его вверх ногами, автоматически происходит молекулярная реакция, и он становится полностью прозрачным. Славная вещица!

Фотокуб был обыкновенным стеклянным кубиком, ЧЕРНЫМ И ПРОЗРАЧНЫМ. Каждая грань его равнялась трем дюймам. Аратап повернул его, и стекло на мгновение помутнело, а потом, с необычной ясностью, с него вдруг улыбнулось приятное юношеское лицо.

— Раньше эта штука принадлежала экс-Господину, — заметил Аратап. — Что ты скажешь?

— Вне всяких сомнений, здесь изображен наш молодой приятель.

— Да. — Представитель Тирании задумчиво рассматривал кубик. — Знаешь, мне пришло в голову, что, используя тот же процесс, можно поместить в куб не одну, а шесть фотографий. Шесть связанных друг с другом фотографий, — и статический феномен станет динамическим, наполнив первый новым смыслом и содержанием. Более того, это может стать новым видом искусства!

В голосе его прозвучало нескрываемое торжество.

Но его молчаливый собеседник не обратил никакого внимания на идею Аратапа, и тому пришлось прервать свои творческие фантазии.

— Так ты видишь Фаррилла? — резко спросил Представитель.

— Так точно!

— Теперь ты должен встретиться с Хенриком.

— С Хенриком?

— Конечно. Для этого я и собираюсь освободить мальчика. Мне нужно получить ответы на некоторые вопросы. Зачем Фарриллу понадобился Хенрик? Что их связывает? Смерть Господина здесь ни при чем. Между ними была — должна быть — хорошо отлаженная тайная связь, и мы еще не знаем, как именно она осуществлялась.

— Но Хенрик не может быть вовлечен в это! Даже если у него хватило бы смелости, то ума явно недостаточно.

— Согласен. Но именно из-за своего идиотизма он может служить орудием в их руках. Если так, то это станет нашей ахиллесовой пятой. Поэтому необходимо тщательно все проверить.

Он вяло махнул рукой; собеседник отдал ему честь, щелкнул каблуками и вышел.

Аратап задумчиво крутил в руке фотокуб, созерцая, как чернота сменяется изображением. Жизнь во времена его отца была значительно проще. В завоевании чужой планеты крылось жестокое величие, тогда как в манипулировании ничего не понимающим парнишкой была только жестокость.

Но это было необходимо.

Пять

НЕ САМАЯ УДАЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Люди заселили Родию не слишком давно — даже по сравнению с Центурионом или Сириусом. Планеты Арктура, например, были освоены более двухсот лет назад, когда первые космические корабли пересекли границы Туманности Лошадиной Головы в поисках пригодных для жизни планет. Лишь немногие из исследованных планет удовлетворяли условиям, необходимым для существования человеческого организма.

В Галактике насчитывается от одного до двух тысяч биллионов звезд, являющихся источниками света и тепла. Среди них есть пятьсот биллионов планет, где уровень гравитации в

одних случаях составляет 120 процентов земного, а в других не достигает и шестидесяти. Некоторые из них слишком жаркие, другие — слишком холодные. Атмосфера многих ядовита, потому что состоит преимущественно или полностью из неона, метана, аммония, хлоридов, даже силиконового тетрафлуорида. На некоторых планетах нет воды, другие состоят почти сплошь из океанов, наполненных сульфатодиоксидами. На третьих нет углерода.

Поэтому ни один из этих сотен тысяч миров не может быть обитаем. Жизнь сосредоточена всего лишь в четырех миллионах миров, пригодных для существования.

О количестве заселенных миров идут постоянные споры. По данным «Галактического Альманаха», Родия была 1098-м миром, где поселились люди.

По иронии судьбы, Тирания, завоевавшая Родию, числилась 1099-й.

История повторяется. Период развития и экспансии в Транстуманном регионе ничем не отличался от аналогичного периода в других точках Галактики. Планетарные республики быстро добились успеха; у каждой из них было собственное правительство. Затем в их жизнь вторглась Тирания, и планеты оказались колонизированы, а после и вовсе растворились внутри сателлита. Так появилась маленькая «Империя».

Только на Родии сохранялась некоторая стабильность, и этому способствовала правящая династия Хенриадов. Хотя Тирания за каких-нибудь десять лет сумела расширить границы своей Империи на всю территорию Транстуманности, форма правления на Родии не изменилась. Она даже укрепилась. Хенриады были чрезвычайно популярны в народе, и Тиранам нужно было лишь уметь влиять на них.

Точнее, Правитель не обязательно происходил из чистых Хенриадов. Должность эта формально являлась выборной из числа членов наиболее влиятельного семейства планеты. Семейство Хенриадов устраивало Тиранов по ряду причин, и, не без их помощи, Хенрик (пятый по счету) был избран Правителем.

С позиции Тирании это был полезный выбор.

В момент избрания Хенрик выглядел красивым и статным мужчиной; да и сейчас он все еще производил приятное впечатление. Его волосы слегка посеребрила седина, но брови оставались густыми и такими же черными, как и глаза его дочери.

Сейчас он смотрел на свою дочь, а она была взбешена и не

скрывала этого. Высокая — всего на два дюйма ниже отца, при его росте не менее шести футов, — вспыльчивая девушка, темноволосая и темноглазая, чье лицо сейчас потемнело от гнева.

Она беспрестанно повторяла:

— Я не могу этого сделать! Я НЕ БУДУ этого делать!

Хенрик отвечал ей:

— Но, Арта, Арта, это же неразумно! Что я могу поделать? Разве в моем положении можно выбирать?

— Если бы мама была жива, она сумела бы найти выход из положения!

И девушка топнула ногой. Ее полное имя — Артемида, королевское имя, которое в каждом поколении Хенриадов носила одна из женщин.

— Да-да, несомненно... Черт меня побери! У твоей матери был талант на эти вещи! Иногда мне кажется, что ты пошла только в нее и ничуть не похожа на меня! Но серьезно, Арта, ты не оставила ему никакой надежды. Возможно, ты могла бы взглянуть на него более благосклонно?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... — Он сделал рукой неопределенный жест, затем положил руку ей на плечо, но она резким движением сбросила ее.

— Я провела с ним вечер, — раздраженно ответила она, — и он попытался поцеловать меня. Это было омерзительно.

— Все целуются, дорогая моя. Конечно, поцелуи не значат сейчас того, что означали во времена твоей прабабки... Это лишь дань традициям. Молодая кровь, Арта, горячая кровь!..

— Молодая кровь... За последние пятнадцать лет молодая кровь в этом чудовище была разве что сразу после переливания. Он на четыре дюйма ниже меня, отец. Как я могу показаться на людях с пигмеем?

— Он — важная персона. Очень важная!

— Это не прибавляет ему в росте ни дюйма. Он кривоног, как все они, и у него дурно пахнет изо рта.

— Пахнет изо рта?

Артемида шмыгнула носом:

— Да, и не просто пахнет, а воняет. Это очень неприятный запах, мне он не нравится, и я сказала ему об этом.

До Хенрика с трудом дошел смысле ее последних слов. Он побледнел, а голос его понизился до шепота:

— Ты сказала ему об этом? Ты считаешь, что высокопоставленная особа из Королевского Двора Тирании может иметь неприятное личное качество?

— Да! Как тебе известно, у меня есть орган, именуемый носом! И когда этот тип подошел слишком близко, я зажала нос и толкнула его. Он шмякнулся на спину, размахивая своими кривульками...

Она пальцами показала, как именно было дело, но Хенрик этого не видел, так как в этот момент закрыл лицо руками.

На миг выглянув наружу, он жалобно спросил:

— Что же теперь будет? Как ты могла так поступить?!

— Не бойся! ЗНАЕШЬ, ЧТО ОН МНЕ ОТВЕТИЛ? Его слова переполнили чашу моего терпения. Я поняла, что не могу находиться рядом с мужчиной, который всего четырех футов ростом.

— Но что же он сказал тебе?

— Он сказал, — отойди от видео, папа, — он сказал: «Ха! Смелая девушка! После этого она мне нравится еще больше!», и двое слуг помогли ему подняться на ноги. Но больше он не пытался дышать мне в лицо!

Хенрик почесал в затылке, затем внезапно схватил Артемиду за руку:

— Ты могла бы выйти за него замуж! И не спорь! Во имя политической необходимости... Это было бы просто шуткой...

— Что значит «не спорь»? Какой такой шуткой?! Мне что, пришлось бы сложить пальцы левой руки в фигу, подписывая правой брачный контракт?!

— Нет-нет, что ты! — Хенрик был смущен. — Зачем же так? Арта, я просто удивляюсь твоему упрямству.

— Что ты имеешь в виду?

— Что имею в виду? Погоди, о чем это мы? Я не могу сосредоточиться, когда ты споришь со мной. Что я хотел сказать?

— Что-то о моем замужестве. Вспомнил?

— Ах да! Я хотел сказать, что к замужеству не стоит относиться слишком серьезно.

— Как я понимаю, ты предлагаешь мне иметь любовников.

Хенрик покраснел и гневно взглянул на нее:

— Арта! Я всегда воспитывал тебя умной и рассудительной девочкой! Такой была твоя мать. Как ты можешь говорить подобные вещи? Стыд и срам!

— Но разве ты имел в виду не это?

— Мне можно так говорить. Я мужчина, зрелый мужчина! А девушка, подобная тебе, не должна бросаться такими словами.

— Но я уже бросилась ими, папочка, и слова назад не вернешь. Я ведь не имела в виду, что действительно буду иметь любовников. Я только сказала, что в принципе могу их иметь, если выйду замуж по соображениям государственной необходимости. — Она обняла себя руками за плечи. — Чем же я буду заниматься в свободное от любовников время? Этот карлик ведь все-таки будет моим мужем, хотя подобная мысль может внушить исключительно брезгливость.

— Дорогая, он уже не молод... Тебе недолго придется жить с ним.

— Твое «недолго» может оказаться вечностью! Один час, проведенный с ним — уже слишком долго. Постой, отец, ведь всего пять минут назад ты рассказывал мне про его молодую кровь?! Помнишь?

Хенрик развел руками:

— Арта, этот человек один из ТИРАНИЙЦЕВ, и причем самых влиятельных. При дворе Хана он на хорошем счету.

— Хан может иметь о нем свое мнение. Возможно, он и сам воняет!

От ужаса Хенрик забыл закрыть рот. Автоматически он оглянулся через плечо. Потом осторожно сказал:

— Никогда больше не говори так... Никогда.

— Если ты еще раз заведешь разговор на эту тему, я повторю все сначала! И потом, он уже трижды был женат! — Она подумала и уточнила: — Не Хан, а человек, за которого ты хочешь выдать меня замуж.

— Но ведь его жены умерли, — напомнил ей Хенрик. — Арта, их больше нет в живых! Как ты могла подумать, что я способен выдать свою дочь замуж за полигама? Мы заставим его предъявить соответствующие документы. Он женился на них последовательно, а не одновременно; сейчас все они умерли и лежат каждая в своей могиле.

— Это неудивительно. При таком муженьке...

— О боже, ну что мне с тобой делать? — Он попытался в последний раз переубедить ее. — Арта, такова цена того, чтобы быть одной из рода Хенриадов и дочерью Правителя.

— Я не просила, чтобы меня назначали Хенриадой и дочерью Правителя.

— Но судьба распорядилась именно так. Вся история Галактики, Арта, показывает, что бывают ситуации, когда интересы государства, интересы безопасности планеты, интересы народа важнее, чем...

— Чем то, что бедная девушка станет проституткой!

— Боже, как вульгарно! Когда-нибудь ты переменишь свое мнение.

— Отец, я скорее умру, чем сделаю это. Можешь мне поверить.

Правитель направился к ней. Его губы дрожали, и он не мог вымолвить ни слова. Дочь подбежала к нему, заливаясь слезами, и прижалась к его груди:

— Я не могу, папочка! Не могу! Не принуждай меня!

— Ты знаешь что произойдет, если ты откажешься? Тиранийцы рассердятся, они сместят меня, заточат в тюрьму, а возможно, даже каз... — Он поперхнулся на последнем слове. — Случится большое несчастье, Арта. Сейчас наступили трудные времена. Господин Вайдемоса на прошлой неделе был схвачен и, я думаю, даже убит. Помнишь его, Арта? Он гостил у нас при дворе полгода назад. Большой человек с круглым лицом и глубоко посаженными глазами. Сперва ты даже боялась его.

— Я помню.

— Ну так теперь он мертв. Чья теперь очередь? Моя? Твой бедный отец должен стать следующим? Поверь, времена сейчас очень сложные, и то, что он гостил у нас при дворе, может навлечь на нас беду.

— Почему же обязательно беду? Ты ведь не связывался с ним?

— Конечно, нет! Но если мы огорчим Хана Тирании отказом вступить в брак с одним из его любимчиков, они могут подумать именно то, о чем ты спросила.

Хенрик помахал перед глазами рукой, отгоняя от себя кошмарную воображаемую картину.

— Я пойду в свою комнату, — продолжил он. — Отдохни. Когда немного вздремнешь, начинаешь чувствовать себя лучше. Посмотрим... посмотрим... Во всяком случае нам обоим необходим отдых.

Артемида посмотрела на отца и вздохнула. Ее лицо оставалось задумчивым, а на лбу пролегли глубокие морщинки.

Внезапно раздался звук чьих-то шагов, и она резко обернулась.

— В чем дело?

Тон был более резким, чем ей хотелось бы.

Это был Хенрик, его лицо побледнело от страха.

— Звонил майор Андрос.

— Из Внешней Охраны?

Хенрик сумел только кивнуть.

Артемида вскрикнула:

— Уверена, он не... — Она на миг замолчала, не решаясь высказать свои ужасные предположения и ожидая дальнейшего рассказа отца.

— Какой-то юноша настаивает на аудиенции. Я его не знаю. Зачем он здесь? Он прибыл с Земли! — Хенрик перевел дыхание.

— Сядь, отец, — оборвала его Артемида, — и объясни мне, что случилось.

Она взяла его за руку, и Хенрик немного успокоился.

— Я в растерянности, — продолжил он, — этот юноша пришел сюда с рекомендательным письмом. Он говорит, что знает о плане покушения на мою жизнь. На МОЮ жизнь. И ОНИ велят мне выслушать его. — Он глуповато улыбнулся. — Народ любит меня. Никто не захочет убивать меня. Верно?

Хенрик внимательно посмотрел на дочь и расслабился, когда она ответила:

— Конечно, никто не собирается убивать тебя.

Тогда он вновь заговорил:

— Ты думаешь, это могут быть ОНИ?

— Кто?

— Тиранийцы. — Он понизил голос до еле слышного шепота. — Совсем недавно здесь был Господин Вайдемоса, и вот он убит. — Хенрик внезапно закричал: — А сейчас они послали кого-то убить меня. Меня!..

Артемида встряхнула его с такой силой, что Правитель разом пришел в себя.

— Отец! Сиди тихо! Ни слова! Слушай меня! Никто не собирается убивать тебя! Слышишь? Никто тебя не убьет! Господин Вайдемоса был здесь шесть месяцев назад. Помнишь? Шесть месяцев назад! Думай!

— Так давно? — прошептал Правитель. — Да, да, кажется, именно так...

— Сейчас ты останешься здесь и отдохнешь. Ты слишком

перенапрягся. Я сама взгляну на юношу и потом, если это безопасно, приведу его к тебе.

— Ты, Арта? Ты? Он не станет убивать женщину. Конечно, он не станет убивать женщину!..

Она вскочила и поцеловала отца в щеку.

— Будь осторожна, — пробормотал Хенрик, и глаза его устало закрылись.

Шесть

НОСИТЕЛИ КОРОН

Возле одного из строений Дворца в нетерпении ждал Байрон Фаррилл. Впервые в жизни он чувствовал себя провинциалом.

Вайдемос-Холл, где он вырос, казался ему прекраснейшим местом на свете, и сейчас память вызвала к жизни картины его варварского блеска. При мысли об этом он непроизвольно вздрогнул.

Это место было совершенно другим.

Дворец основателей Родии явился кульминационной точкой династии Хенриадов, выраженной в камне: он был стройным и светлым. Прямые линии его легко и изящно взмывали ввысь, создавая эффект шпилей; и это походило на крещендо в музыке, пиком которого был Центральный Дворец. В нем отсутствовали привычные Байрону «ложные окна», такие популярные в украшении зданий у него на родине. Дворец состоял из конструкций, создававших некую геометрическую абстракцию, устремленную прямо в небо.

...Охранник из числа Тиранийцев ввел гостя во внутренние покои.

— Байрон Мэлейн? — уточнил находящийся там второй страж, и Байрон кивнул.

Перед ними остановился небольшой металлический вагончик, управляемый диамагнетическими силами. Байрону еще никогда не приходилось видеть подобного, и он на мгновение задержался.

Вагончик, в котором поместились бы пять-шесть человек, раскачивался на ветру, и в его окнах отражалось прекрасное солнце Родии. К вагончику был подведен тонкий и на первый

взгляд не очень прочный рельс, и Байрону показалось, что вагончик даже не касается его. Внезапно порыв ветра ударил по рельсу, но, вопреки ожиданиям, тот не сдвинулся с места, удерживаемый какой-то неведомой юноше силой.

— Входи, — нетерпеливо скомандовал стоящий за его спиной охранник, и Байрон вошел в вагончик. Охранник последовал за ним.

Казалось, вагончик превратился в прозрачный пузырь. Он неощутимо для сидящих в нем людей двинулся вверх. Через секунду перед Байроном открылся прекрасный вид на весь комплекс зданий Дворца Основателей. Это было замечательное, величественное зрелище. Менее чем через две минуты они остановились: подъем был окончен.

Перед Байроном отворилась дверца, и он вышел. Дверца тут же закрылась вновь. В комнате, куда попал Байрон, никого не было, но это не успокоило Байрона: он не питал иллюзий относительно того, что с той самой ночи его действиями управляют другие.

Джоунти поместил его на борт космического корабля. Представитель Тирании отправил его сюда. И с каждым шагом он все больше втягивался в водоворот непонятных ему событий.

Байрон прекрасно понимал, что расчет Тиранийца был весьма тонок. Конечно, избавиться от него совсем несложно. Это можно было сделать еще на корабле, и не один раз. Но Джоунти в чем-то прав: им невыгодно убивать его, чтобы не вызвать негативный резонанс. Хенрик — их марионетка, и они рассчитывали убрать Байрона руками Правителя Родии. Тогда Тиранийцы остались бы только сторонними наблюдателями.

Пальцы юноши непроизвольно сжались в кулаки. Он высок и силен, но совершенно безоружен. У людей, которые придут за ним, будут бластеры и огнеметы. Незаметно для самого себя он прижался к стене.

Слева от него раздался звук открываемой двери. Вошел вооруженный человек в военной форме, за ним следовала девушка. Байрон немного расслабился. Всего лишь девушка! В другое время он не преминул бы рассмотреть ее подробнее, но сейчас она была для него просто девушкой.

Вошедшие приблизились к Байрону, который не сводил глаз с бластера в руках мужчины.

Девушка повернулась к стражнику:

— Сначала с ним буду говорить я, лейтенант.

Затем она строго сдвинула брови и обратилась к Байрону:

— Ты и есть тот человек, который хочет предостеречь Правителя о покушении на его жизнь?

— Я уже сказал, что буду говорить только с самим Правителем, — ответил Байрон.

— Это невозможно. Если тебе есть что сказать, то скажи это мне. Если твои сведения окажутся правдивыми и полезными, тебя вознаградят.

— Тогда разреши поинтересоваться — кто ты? Откуда мне знать, имеешь ли ты право говорить от лица Правителя?

Казалось, девушка удивилась заданному ей вопросу.

— Я его дочь. И я собираюсь задавать вопросы, а не отвечать на них. Ты прибыл откуда-то извне Системы?

— Я с Земли, — Байрон подумал и добавил: — Ваша Светлость.

Обращение удовлетворило ее.

— Где же она находится?

— Это маленькая планета в секторе Сириуса, Ваша Светлость.

— А как зовут тебя?

— Байрон Мэлейн, Ваша Светлость.

Она задумчиво смотрела на него:

— Значит, с Земли?.. А ты умеешь управлять космическим кораблем?

Байрон едва сдержал улыбку. Она проверяет его. Ей отлично известно, что космическая навигация является запрещенной наукой в мирах, контролируемых Тиранией.

— Да, Ваша Светлость, — ответил Байрон.

Раз они позволили ему так долго оставаться в живых, он мог позволить себе признаться в этом. На Земле космическая навигация запрещена не была, а за четыре года можно научиться многому.

— Очень хорошо, — сказала она. — Ну, а что ты хочешь рассказать?

Внезапно он решился. Он никогда не пошел бы на такой шаг, будь здесь только охранник. Если эта девушка не лжет, и она действительно дочь Правителя, то может помочь ему.

— Ваша Светлость! Собственно, никакого покушения нет!

Девушка рассердилась. Она резко повернулась к своему спутнику:

— Теперь ваша очередь, лейтенант. Добейтесь от него правды!

Байрон отступил, ощутив холодное прикосновение бластера охранника, и торопливо произнес:

— Подождите, Ваша Светлость! Выслушайте меня! Это был для меня единственный способ увидеться с Правителем! Разве вы не в состоянии это понять?

Он повысил голос:

— Вы должны сообщить Его Превосходительству, что я — Байрон Фаррилл и прошу предоставить мне убежище!

Именно такие слова в давние времена произносили попавшие в беду феодалы. Слова эти были привычными, пока феодалы не утратили своей власти, но теперь, с приходом Тиранийцев, это был всего лишь архаизм, не более того.

Она удивленно вздернула брови:

— Разве ты происходишь из аристократической семьи? Мне кажется, минуту назад ты представился как Мэлейн.

И тут в разговор вмешался новый голос.

— Совершенно верно, но это всего лишь псевдоним. Ты — Байрон Фаррилл, мой дорогой юный сэр! Вне всяких сомнений, ты — Фаррилл. Ошибиться просто невозможно!..

В дверном проеме стоял маленький улыбающийся человечек. Его сияющие глаза скользили по фигуре Байрона. Человечек еще раз улыбнулся и обратился к девушке:

— А ты, Артемида, ты разве не узнала его?!

Артемида поспешила к нему; в ее голосе звучало беспокойство:

— Что ты делаешь здесь, дядя Джил?

— Забочусь о своих интересах, моя дорогая. Вспомнив, что здесь может произойти убийство, я, как ближайший из Хенриадов, намеревался бы претендовать на престол. Ладно, шутки в сторону. Отошли лейтенанта! Опасности нет.

Пропустив его слова мимо ушей, она спросила:

— Ты опять подслушивал у коммутатора?

— А как же! Разве я мог лишить себя подобного удовольствия?

— Когда-нибудь ты попадешься!

— Опасность — неотъемлемая часть любой игры, милочка. Причем самая восхитительная ее часть. Кроме того, Тиранийцы уже давно, как мне кажется, знают о моем хобби. Мы мало что можем сделать, чтобы это не стало сразу же известно им. Ладно, ерунда! Ты не хочешь представить меня нашему гостю?

— Нет, не хочу, — резко ответила она. — Это не твое дело.

— Тогда я представлю ему тебя. Когда я услыхал его имя, то перестал подслушивать и вошел. — Он отвесил Байрону полушутливый поклон. — Дорогая, это Байрон Фаррилл.

— Я уже говорил это. — Все внимание Байрона было приковано к лейтенанту, все еще сжимающему в руке бластер.

— Но ты забыл добавить, что ты — сын Господина Вайдемоса.

— Я хотел, но вы прервали меня. Как бы там ни было, вам это уже известно. Я сбежал от Тиранийцев и не назвал им моего настоящего имени.

Он перевел дыхание. Если его сейчас не арестуют, то у него остается маленький шанс на спасение.

— Понимаю, — кивнула Артемида. — Это, я думаю, сможет убедить Правителя. Вы уверены, что речь не идет о покушении?

— Вполне, Ваша Светлость.

— Хорошо. Дядя Джил, ты останешься с мистером Фарриллом? Лейтенант, следуйте за мной.

Ноги Байрона подкосились. Он мечтал об одном — о возможности присесть, и его не интересовало, какое впечатление это может произвести на Джилберта, все еще с нескрываемым интересом изучавшего пришельца.

— Сын Господина! Прелестно! Очаровательно!..

Байрон попытался сосредоточиться. Он устал постоянно думать о том, что можно и чего нельзя говорить. Поэтому он ответил:

— Да, сын Господина. Титул, получаемый при рождении. Чем могу служить?

Джилберт хранил невозмутимый вид. Только улыбка на его лице стала еще шире.

— Удовлетвори мое любопытство, юноша. Ты действительно пришел искать здесь убежища?

— Я предпочел бы обсудить этот вопрос с Правителем, сэр.

— Попытайся, дружок, попытайся! Ты поймешь, что от Правителя здесь не слишком много толку. Как ты думаешь, почему тебе только что пришлось общаться не с ним, а с его дочерью? Проникнись этой мыслью, она прелестна!

— Вам кажется прелестным все без исключения?

— А почему бы и нет? Жизнь вообще прелестная штука. Если не видеть в ней прелести, то скоро захочется сунуть голову в петлю. Задумайся об этом тоже. Кстати, я забыл представиться. Я — кузен Правителя.

— Поздравляю, — холодно ответил Байрон.

Джилберт усмехнулся:

— Ты прав. Это не впечатляет. Но пока у меня нет ни малейшей надежды изменить свой статус.

— Думаю, данный факт очень огорчает вас.

— О-о-о, у вас есть чувство юмора! Имейте в виду, что здесь никто не воспринимает меня всерьез. Для окружающих я всего лишь закоренелый циник. Ты не задумывался, что на свете нет ничего хуже Директории? Ведь Хенрик никогда не отличался большим умом, а с каждым годом он становится все более беспомощным. Совсем забыл! Ты ведь не знаком с ним! Но скоро тебе это предстоит. Я слышу его шаги. В разговоре с Правителем помни, что он правит самым большим из Транстуманных Королевств. Это самая прелестная мысль!..

Хенрик был в полусонном состоянии. Он вошел в комнату, едва кивнул в ответ на церемонное приветствие Байрона и сразу же заявил хриплым голосом:

— Какое у вас к нам дело, сэр?

Артемида стояла рядом с отцом, и Байрон с некоторым удивлением отметил, что она весьма хороша собой.

— Ваше Превосходительство, — поклонился он, — я прибыл в интересах доброго имени моего отца. Вы не можете не знать, что его казнь была несправедлива.

— Я немного знал вашего отца, молодой человек. Он гостил у нас раз или два. — Голос Хенрика немного окреп. — Вы очень похожи на него. Очень. Но он совершил ошибку, и вам должно быть об этом известно. Во всяком случае, мне так кажется... Уверен, что при его аресте не был нарушен ни один закон. Хотя детали мне неизвестны.

— Конечно, Ваше Превосходительство! Но мне бы хотелось как раз выяснить детали. Я уверен, что мой отец не изменник.

Хенрик торопливо прервал его.

— Это понятно. Вы — его сын и должны защищать отца, но поверьте, что крайне сложно обсуждать подобные вопросы. И вдобавок несколько несвоевременно. Почему бы вам не увидеться с Аратапом?

— Я не знаю, кто это, Ваше Превосходительство.

— Аратап! Представитель! Я имею в виду — Представитель Тирании!

— Я уже виделся с ним, и он отослал меня сюда. Конечно, вы понимаете, что я не намерен прощать Тирании...

Хенрик вскочил, зажимая рукой дрожащие губы, и его речь стала невнятной скороговоркой.

— Вы говорите, вас послал сюда Аратап?

— Я счел необходимым сказать ему...

— Не повторяйте, что вы ему говорили! Я ничем не могу помочь вам, Господин — ой! — мистер Фаррилл. Это не входит в мою юрисдикцию. Исполнительный Совет — не толкай меня, Арта, я не могу говорить о серьезных вещах, если ты мешаешь мне! — должен сказать свое слово. Джилберт! Ты побеспокоишься о том, чтобы мистеру Фарриллу был оказан хороший прием? Я подумаю, что можно будет сделать. Да, я проконсультируюсь в Исполнительном Совете! Это только юридическая формальность, но очень важная. Очень важная!..

Он повернулся, чтобы уйти, что-то бормоча себе под нос.

Артемида немного помедлила и осторожно коснулась плеча Байрона.

— Минуточку... Это правда, что ты умеешь управлять космическим кораблем?

— Естественно, правда, — Байрон улыбнулся ей, и после недолгого колебания она ответила ему улыбкой.

— Джилберт, — добавила она, — с тобой мы поговорим позднее.

И поспешно вышла. Байрон долго смотрел ей вслед. К действительности его вернул вопрос Джилберта.

— Уверен, что ты голоден или, по крайней мере, умираешь от жажды. Жизнь, как я понимаю, все еще продолжается?

— Да, благодарю вас, — Байрон не вполне понял, что имеет в виду его собеседник, но расслабился и пришел в отличное расположение духа.

ОНА хорошенькая. ОЧЕНЬ хорошенькая!

Но Хенрик никак не мог расслабиться. Его одолевали ужасные мысли. Это ловушка! Мальчишку послал Аратап, и это — ловушка!

Он сжал голову руками, погрузился в глубокое раздумье и вскоре понял, что ему нужно делать.

Семь

ВИРТУОЗ МЫСЛИ

На все планеты рано или поздно опускается ночь. Она не может поступить иначе, хотя светлое время суток продолжается от пятнадцати до двадцати двух часов. Любой путешествовавший с планеты на планету человек может это подтвердить.

На многих планетах период сна сведен до минимума. На других периоды «день-ночь» примерно равны между собой. На третьих в принципе отсутствуют понятия «свет и тьма».

Но приход ночи всегда и везде имеет важное психологическое значение, связанное с эмбриональной фазой развития организма. Ночь — это пора страхов и беззащитности, и сердце до восхода солнца замирает в ожидании неизвестного.

Во дворце не было сенсоров, способных показать наступление ночи, но инстинкт безошибочно подсказал Байрону ее наступление. Он знал, что ночная тьма за пределами Дворца вовсе не кромешная, и ее нарушает сияние звезд. В это время в Туманности Лошадиной Головы большинство звезд становились видимыми.

Но звездный свет не мог рассеять мрак в душе Байрона.

С момента короткой беседы с Правителем он больше не видел Артемиду, и это огорчало его. Он ждал обеда: возможно, ему удастся с ней поговорить. Но, вопреки ожиданиям, он ел в одиночестве, и только два охранника стояли на посту по обе стороны двери. Даже Джилберт покинул его, оставив наедине с самим собой.

По возвращении Джилберт сказал:

— Вначале мне хотелось бы показать мою лабораторию. Мы с Артемидой решали сейчас, что с тобой делать, — и жестом он приказал охране выйти.

— Какую лабораторию? — В голосе Байрона не звучало ни малейшей заинтересованности.

— Я строю разные приспособления, — прозвучал лаконичный ответ.

На первый взгляд помещение ничуть не напоминало лабораторию. Это скорее была библиотека, в углу которой стоял маленький столик. Байрон медленно осмотрелся по сторонам.

— Именно здесь ты и строишь свои приспособления? Что же они собой представляют?

— Они помогают мне незаметно шпионить за шпионами Тирании. Защиты от моих приспособлений не существует. Вот почему я узнал и о тебе, как только от Аратапа поступило первое сообщение. У меня имеется множество прелестных штучек. Например, мой визисонор. Ты любишь музыку?

— Да.

— Отлично. Я создал один инструмент, только не уверен, что ты сочтешь его музыкальным. — Джил коснулся рукой книжной полки. — Это не очень хороший тайник, но, поскольку никто не воспринимает меня всерьез, его пока не обнаружили. Прелестно, не правда ли? Ах да, я совсем забыл, что ты не находишь в этом прелести.

Перед юношей возник некий предмет: самодельный, грубо сработанный и похожий на коробку. Одна сторона его была покрыта маленькими блестящими ручками. Коробочка лежала этой стороной кверху.

— Он не слишком красив, — сказал Джилберт, — но кого это волнует? Включи подсветку. Нет, нет! Не трогай ни выключателей, ни контактов! Просто медленно пожелай, чтобы подсветка зажглась. Сосредоточься на этом желании!

Внезапно на коробочке замигали огоньки. Их свет отразился в украшавшей потолок хрустальной люстре, и два пятна зажглись во тьме. Джилберт удовлетворенно засмеялся, видя изумление Байрона.

— Это лишь один из трюков моего визисонора. Им можно управлять с помощью мыслей. По такому же принципу действуют персональные капсулы. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Нет, не понимаю, если вам хочется услышать от меня правду.

— Тогда смотри. Электрическое поле, создаваемое твоим мозгом, индуцируется в приборе. С точки зрения математики это очень просто, но я не знаю никого, кому бы удалось поместить подобный прибор в крошечную коробочку. Для этого обычно выстраивают пятиэтажное здание размером с приличный завод. Да и принцип работы здесь другой. Я сумел замкнуть цепь непосредственно на коре головного мозга, минуя подключение глаз и ушей. Смотри!

Сперва смотреть было не на что. Потом в глазах Байрона что-то замелькало. Это «что-то» превратилось в сияющий тем-

но-фиолетовый шар, мелькающий в воздухе. Шар преследовал Байрона при каждом движении, движениям шара сопутствовал ясный музыкальный аккомпанемент, который сам являлся частью движения.

Все это усиливалось, и Байрону стало казаться, что удивительный эффект существует внутри его самого. Ведь цвет не был в полном смысле слова цветом. Он скорее был цветным звуком, не производящим шума. Его можно было потрогать, не прикасаясь к нему.

Потоки цвета лизали его руки и ноги, не причиняя боли... Байрон испугался: он уже не видел своих рук и не чувствовал их. Он беззвучно вскрикнул — и все исчезло. Перед ним стоял Джилберт и смеялся. Комната была освещена.

— Что произошло? — растерянно спросил юноша.

— Не знаю. Я ничего не ощущал. Разве ты не понял? Твои видения продукт твоего собственного мозга. И я не знаю, как можно объяснить подобный феномен. Все время, пока ты концентрируешься на ощущениях, твой мозг преломляет их в привычные, знакомые формы. Это всего лишь попытка соединить одновременно свет, звук и прикосновение. Кстати, а как насчет запаха? Иногда мне кажется, что пахнет какой-то дрянью. Думаю, что опыты на собаках позволили бы вызвать к жизни и самые разнообразные запахи. Мне очень хочется испробовать все это на животных. Я люблю смотреть, какое впечатление производит мое изобретение на других.

В задумчивости он провел рукой по кнопкам на коробочке.

— Изредка я думал, что если изучить возможности этой штуки до конца, то можно создавать на ней симфонии нового типа; можно делать то, чего не сделаешь просто со звуком или просто со светом. Но боюсь, я не способен сделать это.

Байрон раздраженно прервал его:

— Я хочу задать тебе один вопрос.

— Сколько угодно.

— Почему ты не хочешь использовать свои научные дарования в целях всеобщего блага? А вместо этого...

— Играю в детские игры? Не знаю. Может быть, мои увлечения не так уж бесполезны. Но то, что они противозаконны, это факт.

— Противозаконны? Что именно?

— Визисонор. Приборы для слежки за шпионами — тоже.

Если бы Тиранийцы узнали о них, это явилось бы для меня смертным приговором.

— Ты, наверное, шутишь?

— Вовсе нет. Видно, что ты вырос в провинции. Молодежь не может помнить того, что было давным-давно. — Внезапно он скосил глаза в сторону Байрона. — Ты против Тиранийских правил? Говори смело! Ведь я открылся тебе и рассказал Артемиде о твоем отце.

— Да, против, — тихо сказал Байрон.

— Почему?

— Они — пришельцы, завоеватели! По какому праву они командуют на Нефелосе и Родии?!

— Ты всегда так думал?

Байрон не ответил.

Джилберт вздохнул:

— Другими словами, ты решил, что они — пришельцы и завоеватели, но только после того, как они казнили твоего отца, причем согласно закону. Нет-нет, лучше не вспыхивай, а рассуди сам! Поверь мне, я на твоей стороне... Но смотри! Твой отец был Господином. Какие права были у его скотников? Ведь в случае, если двое из них поспорили вплоть до драки, он мог посадить в тюрьму обоих. Кем был твой отец для своих подданных? ОН был их ТИРАНОМ! В своих — да и моих — глазах твой отец был патриотом. Но что из того? Для Тиранов он был всего лишь заговорщиком, и они убили его. Надеюсь, ты не против самозащиты? В свое время Хенриады пролили немало крови. Читай историю, мой юный друг! Любое правительство убивает своих подданных, и это в порядке вещей. Поэтому для своей ненависти к Тирании избери повод получше. Как только это произойдет, ты станешь свободен.

Байрон сжал кулаки.

— Твоя философия чрезвычайно интересна. Но мне сложно ее понять. Интересно, что бы ты сказал, если бы казнили твоего отца?

— А ты что, ничего не знаешь? Мой отец был Правителем перед Хенриком, и его убили. Только не физически, а морально. Они убили его волю, его дух, и то же самое сделали сейчас с Хенриком. Им не хотелось, чтобы после смерти отца Правителем стал я; я был для них слишком непредсказуемым. С Хенриком дело обстоит проще. Но все же недостаточно просто. Они убивали его постепенно, превращая в послушную

марионетку. Ведь ты видел его! Он изо дня в день становится все хуже. Его постоянное состояние — маниакально-депрессивный психоз. Но не поэтому я хочу разрушить Тиранийскую систему! Отнюдь!..

— Что? — спросил Байрон. — У тебя есть другие причины?

— Да, и довольно обоснованные. Тиранийцы нарушили права более чем двадцати биллионов людей, что составляет большую часть человеческой расы. Ты учился в школе. Там ты изучал экономический цикл. Как только происходит освоение новой планеты, она сразу же сталкивается с проблемой, как накормить себя. Она становится сельскохозяйственной державой, миром скотоводства. По мере развития, когда производится достаточно много продукции, излишки экспортируются и взамен приобретаются оборудование и станки. Это уже второй шаг. Потом, с ростом населения и иностранных инвестиций, начинает строиться промышленная, индустриальная цивилизация, что является третьим шагом. Происходит автоматизация всех процессов, ввоз продуктов питания, вывоз продуктов машиностроения, участие в развитии других более примитивных миров, и так далее. Это четвертый шаг. Развитые миры всегда быстро становятся густо заселенными; они укрепляют свою военную мощь, поскольку война — это поле деятельности машин, и они всегда окружают себя сельскохозяйственными мирами. Что же произошло с нами? Мы находились на третьей ступени; у нас развивалась промышленность. А сейчас? Этот рост полностью остановлен; более того — повернут вспять. Происходит это потому, что Тирания жестко контролирует наше развитие. Чем меньше они позволяют нам действовать, тем беспомощнее мы становимся. Кроме того, если уж мы достаточно развиты в промышленном отношении, мы можем развивать и военную промышленность. Поэтому индустриализация приостановлена; исследовательская работа заморожена. И, поскольку люди быстро привыкают к реальности, они уже даже не пытаются что-либо изобретать! Поэтому ты и удивился, когда я показывал тебе действие визисонора. Конечно, когда-нибудь мы одолеем Тиранию. Это неизбежно. Они не могут править вечно и становятся вялыми и ленивыми. Со временем они утратят многие традиции, их съест коррупция. Но понадобятся столетия, потому что история не терпит спешки. А когда эти столетия пройдут, мы все еще будем сельскохозяйственной державой, не имеющей промышленных или научных достижений, в то время как наши соседи, избежавшие контроля Тирании, будут сильными и урбанизированными. Поэтому Королевства по сути навсегда останутся колониями. Они никогда не смогут выкарабкаться, и все мы будем только зрителями в великом театре человеческих свершений.

— Кое-что из того, что ты говорил, мне известно, — сказал Байрон.

— Это естественно, если учесть, что ты получил образование не здесь, а на Земле. Земля необыкновенно развита в социальном отношении.

— Разве?

— Конечно! Вся Галактика пребывает в постоянном состоянии экспансии со времен первых известных нам межзвездных путешествий. Мы уже были развивающимся, и весьма незрелым обществом. Очевидно, что человечество достигает зрелости только в одном месте и только однажды, и это случилось на Земле непосредственно перед ее катастрофой. Население Земли находилось в безопасности от географической экспансии и поэтому столкнулось с такими проблемами, как перенаселенность, истощение ресурсов и так далее; эти проблемы никогда не стояли перед другими планетами Галактики. Они форсировали изучение общественных наук. Мы упустили в этом плане многое, и нам есть о чем жалеть, потому что эти науки — прелестная штука. Хенрик в молодости был великим примитивистом. Он имел целую коллекцию земных предметов, аналогов которым не находилось нигде в Галактике. С тех пор как он стал Правителем, это увлечение отошло, как и многие другие. В некотором смысле я унаследовал его. Земная литература неподражаема. Она чрезвычайно интроспективна, чего нет в нашей экстравертной галактической цивилизации. Это ВОСХИЩАЕТ меня больше всего.

— Ты утешил меня, — улыбнулся Байрон. — Ты так долго был серьезным, что я начал бояться, не утратил ли ты своего чувства юмора.

Джилберт пожал плечами:

— Я расслабляюсь, и это прекрасно. Кажется, это происходит со мной впервые за много месяцев. Знаешь ли ты, что такое — все время играть роль? Скрывать свою личностную сущность двадцать четыре часа в сутки? Даже с друзьями? Даже наедине с самим собой не забывать о необходимости при-

творяться? Выглядеть безобидным чудаком? А ведь жизнь можно спасти только если живешь так, как живу я. Но я все равно могу бороться с ними.

Он поднял глаза, и его голос торжествующе зазвучал в маленькой лаборатории.

— Ты умеешь управлять космическим кораблем. Я этого не умею. Разве это не странно? Ты рассуждаешь о моих научных способностях, а я не умею управлять простейшим космическим одноместным кораблем. Но ты умеешь это делать, и из этого вытекает, что ты должен покинуть Родию.

Вывод был совершенно безошибочным, но Байрон не подал виду. Он холодно спросил:

— Почему?

— Как я уже говорил, мы с Артемидой беседовали о тебе и предусмотрели такую возможность. Когда выйдешь отсюда, иди прямо в ее комнату. Она ждет тебя. Я начертил план, так что тебе не придется расспрашивать, как пройти через переходы. — Он пододвинул к Байрону маленькую металлическую пластинку. — Если тебя кто-нибудь остановит, скажи, что тебя вызывают к Правителю, и проходи дальше. Не переживай, что твои слова могут показаться кому-то неубедительными...

— Постой! — Байрон не хотел влипать в детективную историю еще раз. Хватит с него Джоунти, уговорившего сесть в космический корабль, и Представителя Тирании, отгадавшего все его тайны раньше, чем он успел их рассказать. Ему надоело быть игрушкой в чужих руках. Довольно! Они могли ограничить его в действиях, но не в желаниях. Он слишком упрям для них.

— Я здесь по очень важному для меня делу, сэр. И не собираюсь покидать Родию.

— Не будь молодым идиотом! — В голосе Джилберта прозвучали гневные нотки. — Кого ты хочешь провести? Думаешь, ты сможешь покинуть Дворец, если дождешься восхода солнца? Тиранийцы свяжутся с Хенриком, и он заточит тебя в тюрьму. Он только и делает, что ждет их приказа, потому что самая страшная работа для него — это решать самому, как поступить. Он — мой кузен, и я хорошо знаю его, поверь...

— А если даже и так, что тебе до этого? Почему ты так заботишься обо мне? — Байрон отбросил всякую вежливость. Он не будет больше марионеткой в чужих руках!

Джилберт, вставая с места, произнес:

— Я хочу, чтобы ты взял меня с собой. Я забочусь исключительно о самом себе. Я больше не могу жить под игом Тирании. Если бы Артемида или я умели управлять космическим кораблем, мы бы уже давно сбежали отсюда. У нас нет еще одной жизни в запасе, и мы не собираемся доживать свой век на Родии!

Байрон несколько поколебался в своей уверенности:

— Дочь Правителя! А она тут при чем?

— Уверен, что она наиболее отчаянная из всех нас. Для женщин существует особая смерть. Кто может сделать так, что дочь Правителя — молодая, независимая и незамужняя — станет молодой, зависимой и замужней? Кто этот счастливчик? Это старый, мерзкий тиранийский придворный, который уже угробил трех жен и желает погасить огонь юности в груди еще одной милой девушки.

— Правитель не допустит этого!

— Правитель допустит все, что угодно, лишь бы не лишиться своего звания.

Байрон вспомнил Артемиду, их последнюю встречу. Прекрасные густые волосы, нежная чистая кожа, черные глаза, алые губы! Высокая, веселая, юная! Эти слова подошли бы к миллионам девушек в Галактике. Но ожидавшая ее участь... Ужасно!

— А здесь есть исправный космический корабль?

Лицо Джилберта озарила улыбка. Но, еще до того, как он успел что-либо сказать, послышался стук в дверь. Он повторился, и Джилберт сказал:

— Лучше открой дверь.

Байрон выполнил просьбу. В комнату вошли два охранника. Один из них отдал честь Джилберту и повернулся к Байрону.

— Байрон Фаррилл, от имени Представителя Тирании и Правителя Родии я арестую тебя.

— По какому обвинению?

— По обвинению в измене.

Джилберт смотрел в сторону. Выражение его лица изменилось:

— На этот раз Хенрик поспешил; он действовал быстрее, чем я ожидал. Восхитительная мысль!

Он вновь играл свою роль, старина Джилберт.

— Следуй за мной, — сказал охранник, а другой подтолкнул Байрона в спину нейронным хлыстом.

Восемь

ЖЕНСКИЕ ЮБКИ

В горле у Байрона пересохло. Если бы он попытался вступить в драку, вооруженные охранники легко одолели бы его. Он знал это и не стал испытывать судьбу. Не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться.

Но Джилберт сказал:

— Позвольте ему прихватить с собой пальто, господа.

Байрон бросил удивленный взгляд на маленького человечка. Ведь у него не было пальто!

Охранник сделал жест, который можно было истолковать как разрешение, и направил на Байрона хлыст:

— Ты слышал, что сказал милорд? Быстро бери пальто и идем!

Байрон медленно, как только мог, отступил назад. Он подошел к книжной полке и стал шарить рукой по стулу в поисках несуществующего пальто. Он ждал какого-нибудь сигнала от Джилберта.

Охранникам не виден был визисонор. Поэтому они также не заметили, как Джилберт нажал одну из кнопок. Байрон мысленно умолял аппарат включиться. Когда же он наконец заработает?

Охранник насмешливо спросил:

— Твое пальто что, валяется за стулом? Встать! — Он сделал шаг вперед и остановился. Его глаза округлились, и он скосил их куда-то влево.

Началось! Байрон рывком дернул за рукоять нейронного хлыста в руке охранника, и страж, как тюфяк, повалился на пол, выпустив оружие. Второй охранник был все еще вооружен, но сейчас это не имело значения. Свободной рукой он размахивал перед своими глазами, как бы отгоняя что-то.

Джилберт рассмеялся:

— Тебя что-то беспокоит, Фаррилл?

— Ничего, кроме хлыста в моей руке.

— Отлично! Тогда пошли. Они не смогут остановить тебя. Сейчас их мозг переполнен несуществующими звуками и образами.

Тело одного из охранников сотрясалось в конвульсиях; казалось, наступает агония.

— Осторожней, — предупредил Джилберт.

Второй охранник, сделав внезапный выпад, свалил юношу на пол. Это была атака вслепую. Вряд ли он видел Байрона в этот момент. Его пустые глаза не выражали никаких эмоций. Он хрипло дышал Байрону прямо в ухо; юноша брыкался, пытаясь высвободиться, но у него ничего не получалось. Воспользоваться вновь обретенным оружием он тоже не мог. Внезапно охранник издал какое-то мычание, сквозь которое едва прослушивались слова:

— Я уничтожу вас всех!

Воздух наполнился запахом озона, издаваемым лучом хлыста. Луч коснулся ноги Байрона. Юноше показалось, что он вступил в кипяток. Или что на ногу упала гранитная плита. Или ногу отрезало пилой. На самом деле с ногой физически ничего не произошло. Хлыст подействовал на нервные окончания, и они спровоцировали болевой эффект небывалой силы. Ничего другого луч не мог сделать.

Боль сковала все мышцы Байрона. Он даже не заметил, что схватка закончилась. Когда он смог открыть переполненные слезами глаза, то увидел, что охранник, прислонившись спиной к стене, хихикает, бормоча что-то себе под нос. Первый охранник все еще лежал на спине, но сейчас его руки и ноги были вытянуты. Он молчал, но находился в сознании. Глазами он следил в воздухе за чем-то воображаемым, и его тело слегка вздрагивало. Из уголка рта стекала струйка слюны.

Байрон усилием воли заставил себя подняться. Он с трудом дополз до стены, опираясь на рукоять хлыста. Прислонившись спиной, он направил луч на одного охранника, затем на другого. Они не оказали никакого сопротивления. Байрон оглянулся на Джилберта. Тот выключил свой визисонор и потирал рукой щеку.

— Спасибо, — прошептал юноша.

— Не теряй времени! Беги к Артемиде! Скорее!..

Байрон понял, что тот прав. Его нога нестерпимо болела, но промедление грозило гибелью. Он поправил носок, перевязал шнурки на ботинках. Один хлыст у него уже был, но он вспомнил про второй и прихватил его тоже.

Подойдя к двери, он остановился и задал Джилберту мучивший его вопрос:

— Что ты дал им увидеть?

— Не знаю. Я не могу это контролировать. Я только вло-

жил в прибор все свои силы, а остальное добавили их внутренние комплексы. Не теряй времени на болтовню! Ты не потерял схему, как добраться до комнаты Артемиды?

Байрон отрицательно покачал головой и выскочил в коридор. Там было пусто. Он не мог передвигаться быстро, поэтому попытался изобразить, что просто вышел прогуляться.

Глянув на часы, он вспомнил, что не выставил их по местному родийскому времени. Они все еще показывали время, которым пользовались на борту космического корабля. При таком отсчете сто минут составляли час, а тысяча — день. Сейчас на них высвечивалось 876, и это ничего не значило на Родии.

Стены всегда имеют глаза и уши, и Байрон почувствовал это почти сразу же, как только вышел в коридор. Поэтому он торопливо сверился со схемой Джилберта и повернул вправо. Остановившись у двери в конце коридора, он коснулся рукой фотоэлемента. Дверь распахнулась.

— Входите, молодой человек.

Это была Артемида. Байрон скользнул в комнату, и дверь закрылась. Он, ничего не говоря, смотрел на девушку. Странно, подумал Байрон, но наибольшее значение для меня имеет сейчас то, что на мне несвежая и подранная у плеча рубашка, а на лице, должно быть, видна свежая ссадина.

Кроме того, ему захотелось немедленно вычистить ботинки.

Она подвела его к креслу, усадила и взволнованно спросила:

— Что случилось? Что с твоей ногой?

— Поранился, — коротко ответил он. — Ты готова бежать?

Она просияла.

— Значит, ты берешь нас с собой?

Но Байрон еще и сам не знал, как ему поступить. Его нога ужасно саднила, и он украдкой потирал голень рукой.

— Как добраться до корабля? — спросил он. — Я намерен как можно скорее покинуть эту чертову планету. Если хочешь следовать за мной, могу прихватить тебя за компанию.

Она вспыхнула:

— Ты мог бы быть и повежливее. Ты с кем-то дрался?

— Да. С охраной твоего отца, намеревавшейся арестовать меня. Они забыли о моих священных правах.

— О! Извини.

— И ты извини меня. Ничего нет странного в том, что Тиранийцы более пятидесяти лет помыкают нами. Ведь мы сами

охотно помогаем им в этом. Люди, подобные твоему отцу, пойдут на все, лишь бы удержаться у власти; они даже готовы забыть кодекс чести джентльмена! Впрочем, какая разница?

— Я уже попросила прощения, Господин. — Она надменно произнесла этот титул. — Но, пожалуйста, не считай, что ты вправе осуждать моего отца. Ты слишком мало о нем знаешь.

— Я не хочу обсуждать это. Нам нужно спешить, пока не подоспела стража. Ладно, я не хотел оскорбить твои чувства. Все в порядке. — Байрон не вполне владел собой, но, черт возьми, его не каждый день секли нейронным хлыстом, и ему это решительно не понравилось. И потом, они покушались на его свободу! Разве этого мало?

Артемида разозлилась. Не на отца, конечно, а на этого глупого молодого человека. Что он возомнил о себе? Он слишком молод, почти ребенок, вряд ли старше ее, как ей показалось; и вообще...

Раздался звук коммуникатора, и она торопливо сказала:

— Пожалуйста, подождите минутку, и мы пойдем.

Это был голос Джилберта. В нем звучал страх.

— Арта! В твоем крыле все в порядке?

— Он здесь, — ответила Артемида.

— Отлично! Ничего не говори, только слушай. Не выходите из комнаты. Его ищут по всему Дворцу, и он может попасться им в лапы. Я попытаюсь что-нибудь придумать, но, ради бога, не двигайтесь с места!

Он не стал ждать ответа и прервал связь.

— Значит, так, — сказал Байрон, который все слышал. — Что прикажешь делать — оставаться и, возможно, навлечь на тебя беду, или испытать судьбу и попытаться выбраться отсюда?

— Ох, да замолчи же, идиот!

Они замерли, глядя в лицо друг другу. Гнев застилал Байрону глаза. Черт побери, он пытается ей помочь, а она позволяет себе так с ним разговаривать!

Она не выдержала первая и, отведя глаза в сторону, прошептала:

— Извини.

— Все в порядке, — холодно ответил он. — Ты только высказала свое мнение.

— Ты не должен был так говорить о моем отце. Ты ведь не знаешь, что такое — быть Правителем. Он служит на благо людей, что бы ты о нем ни думал!

— Ну, конечно же! Он хочет выдать меня Тиранийцам именно на благо людей. Весь смысл именно в этом.

— В некотором роде это так. Он должен подтвердить им свою лояльность. Иначе они могут сместить его и упразднить эту форму правления на Родии. Что же лучше?

— Если дворянин забывает о чести...

— Не думай только о себе. В этом твоя ошибка.

— Мне не кажется, что я не прав, когда не хочу умирать. И я предпочитаю сопротивляться, прежде чем умру. Мой отец боролся! — Он понимал, что ситуация становится мелодраматичной, но эта девчонка словно провоцировала его.

— И чем это помогло твоему отцу? — с издевкой спросила она.

— Ничем. Он был убит.

Артемиде стало стыдно.

— Мне очень жаль. — И добавила, как бы обороняясь: — У меня ведь тоже есть проблемы, как ты знаешь.

Байрон опомнился.

— Я знаю. Ладно, ну его все ко всем чертям!

Ноге его стало несколько легче, и Байрон слабо улыбнулся.

Артемида попыталась изменить тему:

— Знаешь, а НА САМОМ ДЕЛЕ ты не урод!

Байрон глупо улыбнулся:

— Ну, если...

Внезапно Артемида рукой зажала ему рот. Они замерли, глядя в сторону двери.

Снаружи, в коридоре, раздался топот множества ног. Затем топот прекратился, и в дверь позвонили.

Джилберт работал быстро. Сперва он спрятал свой визисонор. Затем вызвал капитана охраны. Он продемонстрировал ему двух лежащих охранников и поведал о том, что арестованный сбежал.

Капитана это огорошило. Попытавшись привести своих подчиненных в чувство, он обратился к Джилберту:

— Мой господин, я не совсем понял из твоих слов, что же произошло.

— То, что ты видишь, — ответил Джилберт. — Они пришли арестовать его, а он не подчинился. И теперь он убежал, а я не знаю — куда.

— Одна деталь, мой господин, — настаивал капитан. — Дворец хорошо охраняется, и я уверен, что он не сможет выскользнуть из него. Но как ему удалось справиться с охранниками?! Ведь мои люди были вооружены! Он же был безоружен.

— Он сражался, как тигр. Из моего укрытия, из-за вон того стула...

— Мне очень жаль, мой господин, что все это произошло у тебя на глазах... Но почему ты не попытался помочь им?

— Прелестная мысль, капитан! Если твои вооруженные до зубов головорезы нуждаются в помощи такого старика, как я, то, кажется, пришло время заменить тебя кем-нибудь другим.

— Отлично! Мы обыщем весь Дворец, найдем его и посмотрим, сможет ли он повторить проделанное.

— Хотелось бы сопровождать вас, капитан.

Капитан удивленно приподнял брови:

— Я бы не советовал моему господину этого делать. Это опасно.

Хенриадов не стоило бы предупреждать от этом. Но Джилберт лишь улыбнулся:

— Я знаю, но иногда даже опасность бывает восхитительна.

Солдаты приступили к поискам через пять минут. Джилберту хватило этого времени, чтобы позвонить Артемиде.

Услышав сигнал, Байрон и Артемида похолодели. Он повторился, потом в двери постучали, и они услышали голос Джилберта:

— Давайте я попробую, капитан, — и громко, настойчиво: — Артемида!

Байрон сделал шаг вперед, но девушка жестом приказала ему молчать. Она отозвалась:

— Минутку, дядя Джил, — и нажала кнопку, утопленную в стене.

Байрон в растерянности следил за ее действиями. Одними губами девушка прошептала:

— Сюда! — И ее руки стали быстро расстегивать застежки на платье. Байрон не мог отвести глаз от нее. Застежки наконец расстегнулись, и платье скользнуло к ногам Артемиды. Она схватила другое платье, подтолкнула его рукой в гардеробную, сама выскочила оттуда и закрыла за собой дверь.

Байрон оказался в кромешной темноте. Ни одного лучика

не пробивалось из-под дверного проема. В воздухе пахло духами. Он нащупал рукой стопку юбок и спрятался за ними. С помощью Джилберта он одолел двух стражников, но здесь ему оставалось только лишь прятаться под юбками. Под женскими юбками.

Ему захотелось стать сейчас невидимым и оказаться в комнате рядом с этой девчонкой. Отчаянная дама и, что самое приятное, совершенно не похожа на своего отца.

Сейчас ему оставалось только ждать, спрятавшись за стеной; ждать звука шагов в комнате, ждать включения двери, ждать встречи с врагами. Да, теперь визисонор бессилен помочь ему!

Он ждал, сжимая по нейронному хлысту в каждой руке.

Девять

И МУЖСКИЕ БРЮКИ

— В чем дело? — Удивление Артемиды было почти непритворным. Она обращалась к Джилберту, стоящему в дверях рядом с капитаном охраны. Позади них маячили полуодетые люди. Она быстро спросила:

— Что-нибудь случилось с отцом?

— Нет-нет, — успокоил ее Джилберт, — не произошло ничего, из-за чего стоило бы беспокоиться. Ты спала?

— Конечно! И вся моя прислуга тоже давно спит. Вы напугали меня до полусмерти!

Внезапно она повернулась к капитану, и в ее голосе зазвучал гнев:

— Что от меня хотят, капитан? Пожалуйста, выясните ваши проблемы поскорее! Сейчас не время для подобных вторжений.

Джилберт не дал никому раскрыть рта:

— Произошла восхитительная вещь, Артемида! Молодой человек — как там его зовут?.. Ну, ты меня поняла — сбежал, снеся две головы на своем пути. Сейчас мы как раз охотимся на него. И я, как верный пес, помогаю капитану в этом нелегком деле.

Артемида усилием воли заставила себя сдержать улыбку.

Губы капитана задрожали, и он прервал речь Джилберта:

— Позвольте заметить, мой господин, что насмешки сейчас неуместны. Госпожа, человек, именующий себя сыном экс-Господина Вайдемоса, был арестован за измену. Он сумел скрыться из-под стражи. Сейчас мы обыскиваем Дворец. Комната за комнатой...

Артемида, отступив назад, возмущенно спросила:

— Включая и мою комнату?!

— Если Госпожа не возражает...

— Госпожа возражает. Если бы в моей комнате находился посторонний мужчина, я бы знала об этом. А подозрения, что я могла укрывать у себя подобного человека, в высшей степени бестактны. Взгляните на это с моей стороны, капитан!

Это отлично сработало. Капитан только смог выдавить из себя:

— У нас нет ни малейших подозрений в отношении вас, моя Госпожа. Приношу свои извинения за беспокойство в столь поздний час. Но это необходимо в целях вашей же безопасности. Он очень опасен.

— Надеюсь, не настолько опасен, чтобы улизнуть от вас, капитан.

В разговор вновь вмешался Джилберт.

— Капитан, хочу предложить выставить охрану у двери госпожи Артемиды, чтобы ничто не могло потревожить ее сон. И тогда, моя дорогая, — он поцеловал кончики пальцев племянницы, — вы простите нас.

— Будет достаточно, — холодно возразила Артемида, — просто запереть и заблокировать мою дверь.

— Ты не права, Артемида. Ты недооцениваешь наших доблестных стражей. У них отличная форма. Она понравится тебе, когда один из солдат останется здесь, у двери.

— Мой господин, — нетерпеливо перебил капитан, — у нас мало времени. Сейчас неуместно шутить.

В ответ на его жест один из солдат козырнул Артемиде и занял порученный ему пост в коридоре. Вскоре в обоих направлениях по коридору зазвучали удаляющиеся шаги.

Артемида выждала немного, потом приоткрыла дверь на пару дюймов. Страж был здесь. Он стоял, слегка расставив ноги, откинувшись назад, с оружием в правой руке, держа левую руку на спусковой кнопке. Он был высоким и сильным. Высоким, как Байрон с Вайдемоса, но менее широким в плечах.

Ее приятно удивило вдруг, что Байрон — молодой и нера-

зумный в своих взглядах на вещи — был более мускулистым и сильным. С ее стороны глупо сердить Байрона; вдобавок на него очень приятно смотреть.

Она прикрыла дверь и потихоньку направилась в гардеробную.

Байрон услышал шум отворяемой двери. Он затаил дыхание, а его пальцы крепче стиснули оружие.

Артемида уставилась на хлысты:

— ОСТОРОЖНЕЙ!

Он шумно выдохнул и спрятал хлысты в карманы. Это было не самое удобное место, но ничего лучшего он придумать не смог.

— Это на случай, если кто-нибудь обнаружит меня, — сказал он.

— Выходи. И говори шепотом.

Она была в ночной рубашке, сквозь которую мерцала, просвечиваясь, ее прекрасная кожа. Ничего более привлекательного и совершенного, чем фигура Артемиды, Байрону видеть не приходилось. Он чувствовал, что непроизвольно краснеет.

Выждав минуту, Артемида нетерпеливо спросила:

— О чем ты думаешь?

Байрон растерянно посмотрел на нее:

— Что? Ой, прости...

Он повернулся к ней спиной и стал внимательно изучать маленькую трещинку в стене. Ему не приходило в голову задуматься, почему она не переоделась перед тем, как вошла к нему. Подобные глубины женской психологии, требовавшие глубокого анализа, были ему неведомы.

Когда он повернулся, она уже облачилась в черный костюм-«двойку», юбка которого не прикрывала колени. Это произвело на Байрона еще более сильное впечатление, чем ее ночной наряд. Он автоматически спросил:

— Так мы идем?

Она покачала головой.

— Сперва ты должен кое-что сделать. Тебе необходимо переодеться. Стань за дверью, а я позову охранника.

— Какого охранника?

Она загадочно улыбнулась:

— Они оставили за дверью охранника. Это была идея дяди Джила.

Дверь тихонько отворилась. Охранник был все еще на месте.

— Эй, солдат! — прошептала она. — Входи, быстро!

У солдата не было никаких причин не выполнить распоряжение дочери Правителя, поэтому со словами: «К вашим услугам, моя го...» — он вошел в комнату, и тут, подавившись последним словом, упал от неожиданного удара.

Артемида быстро захлопнула дверь и со страхом, смешанным с состраданием, смотрела на упавшего охранника. Она никогда раньше не видела залитого кровью лица и в ужасе отвернулась.

Через мгновение охранник бессильно повис на руках Байрона, и тот бесшумно опустил стража на пол.

— Он умер? — испуганно прошептала Артемида.

— Думаю, что нет. Но некоторое время он не сможет прийти в сознание. У тебя найдется, чем связать его?

Она лишь беспомощно покачала головой.

Байрон подсказал ей:

— У тебя должны быть чулки. Они бы подошли. — Он уже обезоружил охранника и снял с него одежду. — И потом, мне бы хотелось умыться. Я обязательно должен это сделать.

Обстановка ванной комнаты Артемиды умиротворяюще подействовала на Фаррилла. В воздухе витал запах хорошего мыла и духов. Он вымылся под душем и высушился «воздушным полотенцем». У него не было ничего подобного ни на Вайдемосе, ни на Земле.

Форма охранника оказалась слегка маловата, и потом Байрону не нравилась форменная фуражка. Он критически рассматривал свое отражение в зеркале.

— Как я выгляжу?

— Как солдат, — ответила Артемида.

— Тебе придется взять один из этих хлыстов. Я не могу нести три.

Она двумя пальчиками взяла хлыст и сунула его в сумку, которая, как намагниченная, висела у нее сбоку, оставляя свободными руки.

— Сейчас нам лучше идти. Не говори ни слова, если мы встретим кого-нибудь, и предоставь все разговоры мне. Твой акцент легко выдаст тебя. Помни! Ты — простой солдат.

Охранник на полу слегка пошевеливался и приоткрыл глаза. Он был крепко связан.

Переступив через него, Артемида позвала Байрона.

— Сюда!

Внезапно за спиной юноши что-то прошелестело, и легкая рука коснулась его плеча. Он резко обернулся, свободной рукой выхватил из кармана оружие.

Но это был Джилберт, который сказал:

— Эй, полегче!

Байрон опустил хлыст.

— Я ждал вас, но это не значит, что ты можешь переломать мне все кости. Дай лучше рассмотреть тебя, Фаррилл. Форма сидит на тебе как влитая; и в ней ты — просто солдат, как и любой другой солдат в форме.

— Дядя Джил, — прошептала Артемида, — не говори так много! Где остальные охранники?

— Обшаривают башню. Они решили, что раз нашего друга нет на низших уровнях, следует искать его на самом верху. Система оповещения отключена, и мы беспрепятственно сможем миновать ее.

— Они не хватятся вас, сэр? — спросил Байрон.

— Меня? Ха! Капитан просто мечтал о моменте, когда я лишу его своего общества. Я уверен, они не станут искать меня.

Они говорили шепотом, но вдруг резко умолкли. Вдали показались три охранника. Они вышли из-за двери, ведущей наружу.

Джилберт окликнул их:

— Известно что-нибудь о беглеце?

— Нет, мой господин, — сказал один из них, отдавая честь.

— Ладно, держите глаза открытыми и не прозевайте его, — и наши друзья прошествовали прямиком в дверь, откуда только что вышли солдаты.

Снаружи царила ночь. Небо было чистым и звездным. Вдалеке вспыхивали огоньки. Дворец нависал над людьми черной массой, а в полумиле отсюда виднелось Дворцовое поле.

Они не прошли и пяти минут, как вдруг Джилберт остановился.

— Что-то здесь не так, — бросил он.

— Дядя Джил, — спросила Артемида, — ты не забыл подготовить корабль?

— Конечно, нет, — он гневно взглянул на нее. — Но почему летная башня вся светится? Она должна быть темной.

Он указал в сторону деревьев, за которыми белым светом сияла башня, которая использовалась для взлетов и посадок всех космических кораблей.

— Сегодня ночью ничего такого не ожидалось, — пробормотал Джилберт. — Это странно...

Они увидели ответ на свой вопрос почти сразу же. Джилберт остановился и резким движением руки задержал своих спутников.

— Все пропало, — истерически хихикнул он. — Вот оно и пришло — то, чего так боялся идиот Хенрик! Они здесь! Тиранийцы! Понятно? Это вооруженный корабль Аратапа.

Байрон тоже увидел корабль, явственно выделяющийся на фоне неосвещенных судов. Он был легче, изящнее и тоньше, чем корабли Родии.

Джилберт сказал:

— Капитан ГОВОРИЛ, что «персоны» прибудут сегодня, но я не обратил на это внимания. Теперь мы ничего не сможем сделать. Нам не одолеть Тиранийцев.

Внезапно Байрона охватило раздражение:

— Это почему же? Почему мы не одолеем их?! Они не ждут нас, а мы к тому же хорошо вооружены. Так давайте захватим собственный корабль Представителя Тиранийцев, а его самого оставим со спущенными штанами.

Он двинулся вперед, прячась в тени деревьев. Остальные последовали за ним. Им не было необходимости прятаться, и они скоро это поняли. Выпрямившись, все трое двинулись в направлении башни; два члена королевской династии и эскортирующий их солдат.

Им предстояло сражение с Тиранийцами.

Саймок Аратап был потрясен, когда год назад увидел Главный Дворец на Родии. Сейчас, конечно, от былого восхищения остались лишь воспоминания; и все казалось слишком древним. Двумя поколениями ранее на эти земли высадились первые поселенцы, и теперь здесь располагалось большинство родийских административных зданий. В самом сердце планеты был построен Центральный Дворец.

Раз в году в нем собирались члены Исполнительного Сове-

та (Хан не возражал против существования таких скромных форм демократии) и утверждали все серьезные решения за последние двенадцать месяцев. Собственно говоря, Совет был постоянно действующим органом, но так уж сложилось, что большинство его членов одиннадцать месяцев в году забывали о своих обязанностях. А те, кто заседал в Совете постоянно, хорошо осознавали свою зависимость от Правителя, и в еще большей степени — от Тиранийцев.

Поэтому все величие дворца на поверку оказывалось чисто внешним. Там проживала семья Правителя, большой штат прислуги и незначительное количество охраны.

Аратапу было несколько неуютно. Уже поздно, он чертовски устал, его глаза болели, потому что он долго не снимал контактные линзы, и, кроме того, он был сбит с толку.

Вполуха прислушиваясь к разговору Правителя с майором охраны, он отстраненно поинтересовался:

— Сын Вайдемоса? Любопытно! Итак, вы арестовали его? Очень верное решение.

Вайдемос был предателем, а его сын попытался встретиться с Правителем Родии. Сперва он хотел сделать это тайно, но, когда его планы провалились, он рискнул открыться. Должно же это иметь какой-нибудь смысл?!

Но почему Хенрик мечтает немедленно избавиться от мальчишки?! Или Аратап еще не проанализировал всех фактов?

Он попытался вновь сосредоточиться на том, что говорит Правитель. Хенрик начал повторяться. Нет, он все-таки крайне несимпатичен, даже если принять во внимание его преданность Тирании. Его лояльностью движет только страх. Страх, и ничего более.

Вот Вайдемос — тот не боялся и бунтовал против тиранийских законов. А Хенрик боится, и в этом их разница.

Вслух же Аратап сказал:

— Прекрасно. Я доволен вашей службой и доложу обо всем Хану. Он будет рад услышать это.

Хенрик просиял от удовольствия.

— Доставьте же вашего петушка сюда, и мы послушаем, что он запоет. — Слова сопровождались громким зевком. Ему было совершенно неинтересно, что может спеть «петушок».

Хенрик собрался вызвать по телефону капитана охраны, но в этом не было необходимости, потому что капитан сам возник перед ним. Стоя в дверном проеме, он воскликнул:

— Ваше Превосходительство, заключенный скрылся!

В душе Аратапа шевельнулся страх.

— Подробнее, капитан! — приказал он, выпрямившись на стуле.

Глотая слова, капитан объяснил, как все произошло. Закончил он словами:

— Прошу разрешить мне, Ваше Превосходительство, объявить общую тревогу. Он может улизнуть в любую минуту.

— Конечно, вне всяких сомнений, — воскликнул Хенрик, — вне всяких сомнений! Скорее, мой друг, скорее! Господин Представитель, я не мог предположить подобного поворота событий. Это недоразумение, сэр. Если вы сочтете нужным, я казню всех охранников. Всех!

Он повторял и повторял последнее слово, близкий к истерике. Но капитан не сдвинулся с места. Было очевидно, что он хочет сказать что-то еще.

— Чего вы ждете? — спросил Аратап.

— Могу ли я поговорить с Его Превосходительством наедине?

Хенрик бросил быстрый, испуганный взгляд на невозмутимого Аратапа.

— У нас, — выдавил он, — не должно быть секретов от солдат Хана, наших друзей...

— Говорите, капитан, — прервал его Аратап.

Отбросив минутные колебания, капитан произнес:

— Хочу сообщить, Ваше Превосходительство, что Госпожа Артемида и Господин Джилберт помогали арестованному бежать.

— Он попытался похитить их? — Хенрик вскочил на ноги. — И мои солдаты допустили это?

— Их никто не пытался похитить, Ваше Превосходительство. Они помогали ему добровольно.

— Откуда вам это известно? — Аратап был удивлен, но удивлен приятно. Очень неплохой поворот событий!

— При проверке постов во дворце я обнаружил, что часовой, которого я поставил у дверей Госпожи Артемиды, убит. Она обманула меня, сказав, что спит. Когда обман обнаружился, было слишком поздно. Поэтому перед тем, как объявить сигнал тревоги, я хочу получить разрешение на арест членов королевской семьи.

Хенрик отсутствующим взглядом смотрел на него, не произнося ни слова.

Аратап сказал:

— Капитан, мне кажется, ваш Правитель нездоров. Было бы лучше, если бы вы пригласили его врача.

— Общая тревога! — повторил капитан.

— Не будет никакой общей тревоги, — резко бросил Аратап. — Вы меня поняли? Никакой общей тревоги! Никаких поисков арестованного! Инцидент исчерпан! Прикажите вашим людям возвращаться в казармы, а сами исполняйте свой долг по отношению к вашему господину. Идемте, майор.

Майор заговорил только после того, когда они покинули Центральный Дворец.

— Аратап, — заявил он, — уверен, вы знаете, что делаете. Именно поэтому я предпочел ни во что не вмешиваться.

— Благодарю вас, майор, — Аратап полной грудью вдыхал ночной воздух, в котором так хорошо смешивались запахи зелени и земли. Тирания — более красивая планета, но она красива своими горами и скалами. Иногда ее пейзаж казался Аратапу суховатым.

Он продолжил:

— Хенрику это не помогло бы, майор Андрос. Он полезен, но нуждается в хорошем лечении.

— Тогда почему вы запретили объявить тревогу?

— Давайте на минутку присядем, Андрос, — Аратап остановился. — Вот как раз подходящая скамейка. Какое прекрасное местечко!.. Майор, зачем вам нужен юноша?

— А зачем мне нужен любой заговорщик и конспиратор?!

— Но, поймав нескольких птичек, вы оставите нетронутым само осиное гнездо. Что даст вам арест мальчишки, девчонки и старого олуха?

Рядом раздался звук, как будто что-то упало в воду. Что-то маленькое, но тяжелое. Странно, подумал Аратап. Насколько ему было известно, никакой воды в той стороне не было. Может, это игра воображения?

— Если так, — тем временем отвечал майор, — то арест не даст ничего.

— Когда юноша прибыл сюда, мы связали его с Хенриком — и в этом была наша ошибка. Сейчас уже ясно, что дело вовсе не в Хенрике. Дело в его дочери и кузене.

— Почему этот болван капитан так долго не сообщал нам о случившемся?

— Потому что он глуп как пробка. Думаю, мальчишка готов убить каждого, кто приблизится к нему, а Джилберт мнит себя героем. Как ты думаешь, что они предпримут?

— Родия большая, — пожал плечами майор.

— Да, она большая для мальчишки Фаррилла, но как быть с двумя членами королевской семьи? Им не удастся остаться неузнанными. Особенно девушке.

— Тогда они, по-видимому, должны попытаться покинуть планету.

— Каким образом? До Дворцового поля им идти не более пятнадцати минут. Там мы и должны быть сейчас. Это единственный вариант.

— НАШ КОРАБЛЬ? — спросил майор.

— Конечно. Тиранийский корабль идеально подошел бы для их целей. Фаррилл получил образование на Земле и, я уверен, сумеет управлять им.

— Я не могу поверить в это!

— И все же будет лучше, если мы сейчас уже установим контакт с судном. Вызывайте его!

Однако корабль не отвечал. Они попытались связаться со взлетной площадкой. Через мгновение им ответил тихий голос. На вопрос о корабле он растерянно пробормотал:

— Но... Я не понимаю... Это какая-то ошибка! Ваш пилот покинул планету десять минут назад!

— Видите? — рассмеялся Аратап. — Надо только подойти к факту логически, и вы все оцените правильно. Можете представить себе, каковы будут последствия?

Майор представлял. Он внезапно тоже засмеялся:

— Конечно!

— Они, безусловно, не могут знать, — сказал Аратап, — что уничтожат сами себя. Их ничто не спасет. Это так же верно, как то, что на мне мои собственные брюки. Скоро все разрешится, и можно будет отдохнуть!

Он почувствовал, что засыпает.

— Ну, нам повезло, и теперь можно не спешить. Вызовите центральную базу, и пусть за нами пришлют другое судно.

Десять

ВОЗМОЖНО!

Познания Байрона Фаррилла в космонавигации были скорее академического характера. В университете он прослушал специальный курс, из которого половину семестра они изучали теорию действия гиператомного мотора. Лекции им читали пилоты, и Байрону было известно многое из истории космических полетов. Но ведь всем также известно, что искусством управления космическим кораблем можно овладеть только в космосе, а не на студенческой скамье.

Поэтому юноше приходилось полагаться не на опыт, а на случай. «Беспощадность» была космическим кораблем совершенно нового типа. Байрону на Земле приходилось управлять несколькими космолетами, но все они были устарелых моделей, приспособленных исключительно для обучения студентов. Их механизмы вконец износились, а скорость прохождения сквозь слои атмосферы упала до предела.

«Беспощадность», напротив, осуществила свой взлет с немыслимой скоростью, так что Байрона вжало в кресло, а все его суставы онемели. Артемиду, Джилберта, а также захваченного нашей компанией Тиранийца постигла та же участь — за исключением того, что они молча лежали у стены, а Тираниец еще и непрерывно постанывал.

Поднявшись, Байрон ударом заставил пленного замолчать. И тут же был отброшен назад в кресло — ускорение не любило шутить. Они достигли верхних слоев родийской атмосферы. Небо здесь было темно-фиолетовым, а обшивка корабля накалилась настолько, что жар ощущался даже внутри.

Через пару часов Байрону удалось вывести судно на орбиту. Он никак не мог рассчитать скорость, необходимую для преодоления родийского притяжения. Он пытался манипулировать кнопками, наблюдая за показаниями массометра, показывающего изменение удаленности судна от поверхности планеты. Ему повезло — массометр был настроен на массу и радиус Родии. Самому Байрону это никогда не удалось бы.

Но вот уже два часа, как показания массометра не менялись. Байрон решил, что необходимо несколько расслабиться. Спутники последовали его же примеру.

Артемида произнесла:

— Вы несколько неуклюжи, Господин Вайдемоса.

— Милая леди, — раздраженно ответил ей Байрон, — если вы считаете, что сделаете это лучше — можете попытаться, но только после того, как я покину борт корабля.

— Спокойнее, спокойнее, — вмешался Джилберт. — Корабль — слишком неподходящий плацдарм для споров. И не стоит так официально называть друг друга. Я Джилберт, ты — Байрон, она — Артемида. Думаю, нам лучше пользоваться при обращении друг к другу именно этими именами. А что касается управления кораблем, то хочу спросить: почему бы нам не воспользоваться услугами нашего тиранийского друга?

Тираниец бросил в его сторону свирепый взгляд, и Байрон сказал:

— Нет. Ему нельзя доверять. И потом, мне кажется, я сумею управлять этим кораблем. Ведь я еще не разбил его, верно?

Его плечи все еще болели от перегрузок; и боль, как обычно, вызывала в нем глухое раздражение.

— Тогда, — продолжил Джилберт, — что же мы сделаем с ним?

— Мне бы не хотелось убивать его, — ответил Байрон, — да это и не поможет нам. Убийство будет только на руку Тирании. Насильственная смерть одного из представителей этой чертовой расы — уже, с их точки зрения, непростительный поступок.

— Но где же выбор?

— Нам придется высадить его.

— Отлично! Каким образом и где?

— На Родии.

— Что?

— Это единственное место, где они не рассчитывают нас найти. Кроме того, мы все равно скоро опустимся на планету.

— Почему?

— Посмотри, ведь это корабль Представителя, и он используется для кратковременных полетов. Он не приспособлен для длительных космических путешествий. Кроме того, отправляясь в долгий путь, не мешало бы запастись едой и водой.

Артемида согласно закивала:

— Он прав! Молодец! Мне это даже в голову не пришло. Очень разумно, Байрон!

Байрон сделал безразличный вид, но ему были весьма при-

ятны ее слова. Она впервые обратилась к нему по имени. Когда она хочет, то может быть очень милой...

Джилберт перебил ее похвалы:

— Но он по рации сообщит о нашем местопребывании.

— Не думаю, — ответил Байрон. — На Родии наверняка есть незаселенные места. Мы же не собираемся высадить его в центре большого города или посреди одного из тиранийских гарнизонов. Кроме того, он и сам не настолько глуп, чтобы вступать в контакт со своими соотечественниками... Скажи, болван, что у вас происходит с солдатом, который позволяет бунтовщикам использовать корабль, принадлежащий одному из Представителей Хана, против него же самого?

Заключенный ничего не ответил, но резко побледнел, а губы его задрожали. Байрону не хотелось бы сейчас оказаться на месте этого бедняги.

Двумя днями позже они приземлились на окраине поселка Саузвока. Они выбрали это место потому, что поселок находился вдали от густонаселенных районов планеты. Тиранийскому солдату предстояло преодолеть более пятидесяти миль до ближайшего крупного города.

Посадка на пустынном берегу прошла удачно, и Байрон в качестве пилота почувствовал себя более уверенно. Пора было думать об удовлетворении своих естественных потребностей, какими были голод и жажда. Раздобыть провизию в городе означало подвергать себя страшному риску, но выбора не оставалось.

Друзья понимали, что им нужна еда вполне определенного вида. Она являлась продуктом пищевой промышленности тиранийцев и предназначалась для длительных космических перелетов. Это были стандартные пищевые концентраты, содержащие строго выверенное количество калорий и минеральных веществ. По размеру они представляли собой одну двадцатую от веса пищи животного происхождения и хранились в виде брикетов при низкой температуре.

Конечно, вкусовые качества концентрированной еды оставляли желать лучшего, но с этим приходилось мириться.

Артемида уже некоторое время пребывала в состоянии некоторой раздраженности и неустанно повторяла, что еда эта «омерзительна». Байрон понимал, что отнюдь не еда причина

плохого настроения. Все дело было в нехватке пространства. Например, у них не было раздельных спален. Корабль был военным, поэтому удобства для пассажиров на нем не предусматривались. Артемиду тяготила невозможность уединиться, отсутствие умывальных принадлежностей, отсутствие зеркал, невозможность сменить наряд и так далее.

Что ж, ей придется мириться, подумал Байрон. Он и так достаточно делает для нее. Но почему она постоянно недовольна и так редко улыбается? У нее хорошая улыбка, глядя на нее, можно забыть о дурном характере девушки. Но этот характер — о, боже!..

Впрочем, стоит ли думать о ней так долго?

Ситуация с водой обстояла хуже. Тирания была безводной пустынной планетой, где вода являлась наградой и ее использовали только для утоления жажды, а не для водных процедур. Тиранийцы не создали никаких способов концентрировать воду, чтобы она занимала меньший объем, а содержание воды в пищевых концентратах было крайне низким.

На корабле имелись устройства по переработке жидкости, теряемой телом, но Байрон, поняв принцип их действия, решил никогда не прибегать к их услугам. Химически здесь все было несложно, но оператору требовалось специальное образование.

В свободное время он знакомился с системой управления кораблем. Нажимая на пульте различные кнопки, он пытался проанализировать их действие, тщательно записывая свои выводы.

Однажды это его занятие прервал Джилберт.

Байрон через плечо взглянул на него:

— Надеюсь, Артемида в кабине?

— На судне нет другого места, где она могла бы быть.

— Когда увидишь ее, скажи, что отныне я намерен ночевать в кабине пилота, что советую сделать и тебе. Тогда другая кабина будет в полном ее распоряжении. — Он помолчал и добавил: — Надеюсь, это утешит ее.

— Ты не должен забывать, что она всегда вела совсем другую жизнь, — мягко укорил его Джилберт.

— Отлично! Разумеется, я это прекрасно помню. Как ты думаешь, какой жизнью жил я? Я ведь тоже не родился на одном из необитаемых астероидов, как тебе известно! Между прочим, все детство я провел во Дворце Нефелоса! Так что не

нужно драматизировать ситуацию. Что я могу поделать, если на корабле не предусмотрена ванная? Она дуется на меня так, будто я проектировал этот чертов корабль!

Этот взрыв предназначался не Джилберту. Просто Байрону необходим был выход эмоций.

Дверь распахнулась; на пороге стояла Артемида. Она холодно сказала:

— Будь я на вашем месте, мистер Фаррилл, я бы воздержалась от крика. Ваш голос слышен даже на самом дальнем уголке корабля.

— Это мало волнует меня, — ответил Байрон. — Если что-то на корабле не устраивает тебя, прошу помнить, что если бы твой дорогой папаша не пытался меня убить, а тебя выдать замуж, — мы никогда не оказались бы здесь.

— Не смей так дурно говорить о моем отце!

— Я буду говорить о ком угодно и что угодно.

Джилберт зажал руками уши:

— Пожалуйста! — ЗАВИЗЖАЛ он.

Это произвело мгновенный эффект.

— Зачем нам спорить? — как ни в чем не бывало продолжил Джилберт. — Ведь очевидно, что чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше будет для всех нас.

— Я согласен с тобой, Джил, — кивнул Байрон. — Давай уйдем куда-нибудь, где мне не придется терпеть ее капризы. Тоже мне, женщина на космическом корабле!

Слова Артемиды, как бы не услышавшей его, относились только к Джилберту:

— Почему мы не улетаем отсюда?

— Не знаю, почему не улетаешь ты, — насмешливо сказал Байрон, — а я рассчитываю вернуть себе свои владения, а также отомстить за смерть отца. Поэтому я остаюсь в Королевстве.

— Я не говорю, — уточнила Артемида, — что мы должны улететь навсегда, но не лучше ли дождаться других времен где-нибудь в более безопасном месте? Я не представляю, как ты сможешь вернуть себе то, что отняли у твоего отца, пока жива империя Тиранов.

— Ты никогда не понимала, что и зачем я делаю.

— Можно внести предложение? — вмешался Джилберт. Он дождался тишины и добавил: — Мне кажется, Арта права. Пока сильна Империя, ты не сможешь ничего. Следовательно, мы должны помочь ей расколоться на кусочки.

— Да? И как же ты предполагаешь это сделать?

— Мой дорогой мальчик, — улыбнулся Джилберт, — ты поражаешь меня. И не смотри на меня, как на безумца. Все-таки это я помог тебе выбраться из Дворца.

— Я знаю. Именно поэтому я внимательно слушаю тебя.

— Так продолжай слушать. Я ждал этого случая двадцать лет. Если бы я был простым горожанином, я бы уже давно мог сделать это; но в силу своего рождения в королевской семье я всегда находился на виду. Впрочем, мое положение имеет и свои положительные стороны. Как один из Хенриадов я присутствовал на коронации нынешнего Хана Тирании и теперь знаю секрет, который позволит однажды этого Хана уничтожить.

— Продолжай, — коротко приказал Байрон.

— Путешествие с Родии на Тиранию и обратно проходило на военном судне, похожем на это, но гораздо большем по размерам. Путешествие было неинтересным. Пребывание на Тирании имело свои восхитительные моменты, но, с нашей точки зрения, тоже было не слишком интересным. А вот по дороге назад нас сбил метеор.

— Что?!

Джилберт предостерегающе поднял руку:

— Я прекрасно знаю, как невероятно это звучит. Случаи с метеорами — достаточная редкость в космосе, и шансов спастись мало.

— Знаю, — согласился Байрон. — Сейчас ведутся большие исследования по вопросу связи их массы со скоростью. Слишком большая скорость уменьшает массу, — он повторил это, как заученный урок, и поймал на себе насмешливый взгляд Артемиды.

Она, сидя совсем близко от него, внимательно слушала Джилберта. Их плечи почти соприкасались. Байрон отметил, что профиль девушки был прекрасен, и даже слегка растрепанные волосы не портили его. Она сняла жакет, ее белоснежная блузка имела на себе следы сорокавосьмичасового непрерывного ношения, но при этом выглядела все же достаточно свежей. И как ей это удается?

Если она будет держать себя в руках, путешествие обещает быть чудесным, думал он. Проблема лишь в том, что никто не мог обуздать ее. Этого не сумел бы и ее отец. Она слишком самоуверенна. Если бы она родилась военачальником, не хотел бы Байрон служить под ее командованием!

Он только было начал мечтать, что случилось бы, если бы ему удалось подчинить ее своей воле, как она повернула к нему голову, и их глаза встретились. Байрон тут же отвел взгляд и сосредоточился на речи Джилберта. Он и так упустил несколько фраз.

— Я не знаю, почему не сработал экран. На это, пожалуй, не ответит никто. Метеор ударил по обшивке и вполне мог бы пробить ее насквозь; тогда нас ничто не спасло бы. Но его рикошетом отбросило в сторону. Осколок попал в каюту и разрубил на кусочки двух находившихся там придворных. Меня спасло лишь то, что в это время я был в туалете. Когда я вошел в каюту, встревоженный страшным грохотом, она была залита кровью. То, что произошло потом, я помню слабо, хотя год за годом я тщательно восстанавливал цепь событий. После осмотра корабля мне стало ясно, что в живых остался только я один. Все остальные по той или другой причине были мертвы. Как же мне вернуться? Я был полностью беспомощен. Я не мог покинуть судно, я не мог управлять им; даже не знал, как пользоваться системой пространственной связи, чтобы послать сигнал бедствия. Мне пришлось предоставить судну лететь своим курсом.

— Но это же... — Байрон был совершенно ошеломлен рассказом. — А Прыжки через гиперпространство? Если бы ты не совершал их, ты не был бы здесь.

— Тиранийский корабль, — сказал Джилберт, — совершает такие Прыжки автоматически.

Байрон недоверчиво уставился на него. Джилберт считает его идиотом?

— Ты все это придумал!

— Вовсе нет. Это — одно из военных изобретений, которое помогло им выиграть войну. Их тактика всегда отличалась от нашей, потому что базировалась на автоматике. Автоматических Прыжках. Это увеличивало маневренность их кораблей и давало возможность поворачивать ход любого сражения в то русло, которого мы никак не могли предвидеть.

Я считаю, что это — один из наиболее охраняемых секретов их технологии. Я не понял его, пока летел на борту «Кровопийцы» — не правда ли, очаровательное название?.. Тиранийцы любят давать судам неприятные для слуха имена, — но увидел его в действии. Я видел, что корабль совершает Прыжки и ничье вмешательство для этого не нужно.

— Ты хочешь сказать, что этот корабль тоже способен на такое?

— Я не знаю. Я только предполагаю это.

Байрон повернулся к приборной доске. Там оставалось еще много кнопок, значения которых он не знал. Ладно, подождут!

Затем он вновь взглянул на Джилберта:

— И корабль доставил тебя домой?

— Нет. Сперва корабль начал тормозить, и я решил, что путешествие окончено, но потом обнаружил, что мы находимся совсем рядом с планетой. Я решил, что меня, очевидно, сумеют обнаружить с помощью радара. Корабль направился прямо к планете. И все же он мог пролететь мимо. Я не хотел допустить этого и поэтому решил воспользоваться радиосвязью. К счастью, у меня есть некоторые познания в радиотехнике.

— Итак, ты воспользовался ею? — нетерпеливо спросил Байрон.

— Да, и они пришли и спасли меня.

— Кто?

— Люди с планеты. Она была обитаема.

— Что же это была за планета?

— Я не знаю.

— Ты хочешь уверить меня, что они не сказали тебе этого?

— Восхитительно, не правда ли? Да-да, именно так! Они не сказали мне. Но эта планета находится где-то среди Королевств Космической Туманности.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что они поняли — корабль, на котором я прибыл, тиранийского образца. Более того, они намеревались уничтожить его, когда услышали мои сигналы. Мне пришлось долго убеждать их, что на борту только я один.

Байрон сжал руками колени.

— Послушай, но разве то, что они знали, будто корабль принадлежит Тирании, не является наилучшим доказательством факта, что планета находится за пределами Королевств? Что это где-то в другом месте?

— Нет, она здесь, в Галактике, — твердо ответил Джилберт. — На территории Королевств. Они высадили меня на поверхность, — и, боже мой, что за чудо была их планета! Там были люди со всех планет Королевств, как я понял по их ак-

центам. И они не боялись Тирании! Мой мальчик, эта планета все еще где-то есть, и ее жители намерены уничтожить Тиранию, как уничтожили бы судно, на котором я к ним прилетел — если бы я был там не один. Они живут под землей, но их души полны огня и света!

Сердце Байрона было готово выскочить из груди. Ему искренне хотелось поверить в рассказ Джилберта.

Во всяком случае, это возможно. Возможно!

Одиннадцать

ИЛИ НЕВОЗМОЖНО

Или невозможно.

С языка Байрона срывались вопросы, один за другим.

— Откуда тебе известно про их планету? Как долго ты там находился? Что ты видел?

Джилберт безразлично ответил:

— Дело не в том, что я видел. Они очень мало показали мне. И потом, после того, как они сняли меня с корабля, я был в крайне плохом состоянии. Я почти ничего не ел и выглядел гораздо хуже, чем обычно. Потом я немного пришел в себя. Они переправили и меня, и судно на поверхность планеты. Конечно, судно их интересовало больше, чем я. Ведь с его помощью они могли постичь тайны тиранийской инженерии. Меня же отправили в некоторое подобие госпиталя.

— Но что же ты все-таки видел, дядя? — спросила Артемида.

Байрон прервал ее:

— Он рассказывал тебе об этом раньше?

— Нет, — ответила девушка.

Джилберт кивнул:

— Об этом я не рассказывал до сих пор никому. Как я уже сказал, меня отправили в госпиталь. Исследовательские лаборатории там гораздо совершеннее, чем на Родии. По дороге в госпиталь я проезжал мимо заводов, где велись какие-то металлургические работы. Тот корабль, который подобрал меня, был не похож ни на что из виденного мною до сих пор. Все это было настолько невероятно, что я растерялся и не задал ни одного вопроса. Но все эти годы я ждал. Ждал, что однажды к нам прилетит корабль, подобный тому, на котором меня доставили на эту планету. Каждый год я говорил себе: наверное, в следующем году!.. И каждый раз в душе я чуть-чуть боялся этого. Назревала великая битва, и мне не хотелось бы, чтобы она началась без меня.

Байрон спросил:

— Почему же они до сих пор не прилетели, если, как ты говоришь, это произошло более двадцати лет назад? И не подали тебе никакого знака? К тому же не было сообщений ни о каких странных космических кораблях! И ты все еще думаешь...

Джилберт вспыхнул:

— Да, я думаю! Двадцать лет — не такой большой срок, чтобы организовать бунт против планеты, правящей пятьюдесятью системами. Я был там в момент зарождения мятежа. Все это время, я уверен, они не переставали готовиться к схватке. Они создавали новые корабли, разрабатывали более совершенное оружие, готовили людей к нападению. Только в видеотриллерах люди сразу же кидаются в бой. На самом деле оружие создают сегодня, усовершенствуют завтра, а используют только послезавтра. Для этого нужно время, Байрон, и люди из восставшего мира должны быть полностью уверены в своей готовности перед тем, как начать. У них не будет возможности пытаться дважды. И потом, что ты называешь «происшествием»? Корабли тиранийцев исчезали, и их никогда не удавалось найти. Космос велик, скажешь ты, и они могли просто теряться, но что, если все они были захвачены мятежниками? Два года назад такое произошло с «Неутомимым». Они сообщили, что к судну приближается странный предмет — и больше о корабле никто не слышал. Возможно, это был метеор... Ну, а если нет? Поиски длились много месяцев, но никто не смог найти судно. Я думаю, оно в руках мятежников. «Неутомимый» был новым кораблем, экспериментальной моделью. Это как раз то, что им нужно.

— Почему же ты, оказавшись там, не остался?

— Думаешь, я не хотел? У меня просто не было выбора. Когда они думали, что я без сознания, они говорили открыто, — и я многое понял. Они в то время только начинали, и излишняя реклама лишь помешала бы им. Они знали, кто я. Знали они и то, что, если я не вернусь на Родию, меня будут тщательно искать — и, возможно, обнаружат их. Они не хотели рисковать, и поэтому было решено вернуть меня на Родию. Что они и сделали.

— Что? — вскричал Байрон. — Но ведь это было еще большим риском! Как же они это сделали?

— Не знаю. — Джилберт запустил пальцы в волосы и устало посмотрел на юношу. — Думаю, они усыпили меня. Этот период полностью стерт в моей памяти. Я только помню, что открыл глаза и обнаружил, что вновь нахожусь на борту «Кровопийцы»; я дрейфовал в космосе, приближаясь к Родии.

— А твои погибшие спутники? Они все еще были на борту?

— Да, они все еще лежали на борту.

— Оставались ли на корабле какие-нибудь признаки того, что ты побывал в мятежном мире?

— Никаких. Исключая, конечно, мою память.

— А как ты узнал, что приближаешься к Родии?

— Никак. Массометр показывал, что я нахожусь вблизи планеты. Я вновь воспользовался радио, и ко мне подлетел родийский корабль. О случившемся со мной я в тот же день рассказал Тиранийскому наместнику. Конечно, я не обмолвился ни словом о мятежном мире. Я лишь сказал, что корабль столкнулся с метеором после последнего Прыжка. Я не хотел, чтобы они поняли: мне известно, что корабль может совершать Прыжки автоматически.

— Как ты думаешь, известен ли жителям мятежного мира этот факт? Ты говорил им об этом?

— Нет, я не говорил им об этом. У меня не было такой возможности. Ведь я пробыл там очень недолго. Я имею в виду, пробыл в сознании. Но мне совершенно неизвестно, как долго я был без сознания, а также — что им удалось обнаружить самим.

Байрон размышлял. «Беспощадность» может двигаться со скоростью десять тысяч миль в час. Звезды — тяжелые, яркие и неподвижные — гипнотизировали Фаррилла.

Он спросил:

— Так что же нам делать? Ведь ты не знаешь, где находится этот мятежный мир.

— Не знаю. Но я предполагаю, кто может знать. Я почти уверен в этом.

— И кто же это?

— Автарх Линганы.

— Линганы? — удивился Байрон. Он когда-то слышал это название, но не помнил, в связи с чем. — Почему именно он?

— Лингана была последним Королевством, капитулировавшим перед Тиранией. Она, можно сказать, не так порабощена, как другие. Разве в этом нет скрытого смысла?

— Возможно, ты и прав, но...

— Если тебе нужен другой довод, то этим доводом станет твой отец.

— Мой отец? — На мгновение Фаррилл забыл, что его отец мертв. Он как бы увидел его своими глазами, большого и сильного, но тут же опомнился, и внутри его разлился неприятный холодок. — Какое отношение имеет к этому мой отец?

— Шесть месяцев назад он гостил при дворе. Я сделал некоторые выводы по поводу его намерений. Кроме того, я подслушал некоторые его разговоры с моим кузеном Хенриком.

— Ох, дядя, — укоризненно вздохнула Артемида. — Ты не имел права подслушивать частные разговоры отца.

— Конечно, нет, но это было восхитительно и, как выяснилось, полезно.

Байрон прервал их:

— Погоди. Ты говоришь, мой отец был на Родии шесть месяцев назад?

— Да.

— Расскажи мне о нем. Интересовался ли он коллекцией примитивизма Хенрика? Когда-то ты рассказывал, что у Правителя есть большая коллекция материалов о Земле.

— Конечно. Коллекция очень знаменита, и ее посещают многие. В их числе был и твой отец. Да, я помню это очень хорошо. Он провел там почти целый день.

Именно полгода назад отец в первый раз попросил сына о помощи.

— Думаю, сам ты хорошо знаком с коллекцией, — сказал Байрон.

— Разумеется.

— Есть ли там что-то, позволяющее предположить, что на Земле существует документ большой военной ценности?

На лице Джилберта отразилось непонимание. Байрон продолжил:

— Где-то в последних столетиях доисторической Земли должен был существовать такой документ. Могу сказать только, что мой отец считал его самой большой ценностью в Галактике — и самой смертоносной. Я должен был раздобыть его, но мне пришлось слишком неожиданно покинуть Землю,

да и в любом случае, — его голос сорвался, — отец слишком быстро умер.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — взгляд Джилберта был все еще отсутствующим.

— Ты не понимаешь. Первый раз отец упомянул о документе шесть месяцев назад. Он должен был узнать о нем именно здесь, на Родии. И ты ничего не можешь мне об этом рассказать?

Но Джилберт только отрицательно покачал головой.

— Хорошо, продолжай свой рассказ, — бросил Байрон.

— Они говорили об Автархе Линганы, твой отец и мой кузен. Из их слов мне стало ясно, что Автарх возглавлял заговор. А потом сюда прибыла миссия с Линганы во главе с самим Автархом. Я рассказал ему о мятежном мире.

— Ты только что утверждал, что никому об этом не рассказывал!

— Кроме Автарха. Я ДОЛЖЕН БЫЛ знать правду.

— Что же он тебе ответил?

— Практически ничего. Но для него это явно была не новость. Возможно, он не доверял мне. Ведь я мог работать на Тиранию. Откуда ему было это знать? Но все же он не захлопнул передо мною дверь. Это наш единственный шанс.

— Да? — переспросил Байрон. — Тогда летим на Лингану. Одно место, я думаю, стоит другого.

Мысли об отце вывели его из равновесия, и по сравнению с этим все остальное не имело значения. Пусть будет Лингана.

Пусть будет Лингана! Легко сказать. Но как добраться на этом суденышке до планеты, удаленной на тридцать пять световых лет отсюда? Двести триллионов миль. Двойка с четырнадцатью нулями после нее. Если лететь со скоростью десять тысяч миль в час (максимальная скорость «Беспощадности»), то понадобится более двух миллионов лет, чтобы добраться туда.

Байрон с отчаянием листал «Справочник космического навигатора» в надежде найти хоть какую-нибудь подсказку. Там в подробностях были описаны десятки тысяч звезд, и каждая изображалась в трех проекциях. Справочник состоял из сотен страниц этих проекций, обозначенных греческими буквами Р (ро), Q (тета), Ф (фи).

Р — расстояние от центра Галактики в парсеках; Q — угол по отношению к Галактической оси (линии, соединяющей центр Галактики и солнце планеты Земля); Ф — угол по отно-

шению к линии, перпендикулярной Галактической оси. Два последних значения выражались в радианах. Совместив три схемы, можно было получить представление о положении планеты в космосе.

Все это были величины заданные. Зная положение планеты и скорость ее вращения, рассчитывались скорость и направление. Это были незначительные, но необходимые расчеты. Миллионы миль — по космическим меркам расстояния ничтожные, но для космического корабля это долгий путь.

Имело значение также положение корабля. Байрон отметил для себя две известных звезды и вычислил по расстоянию между ними и солнцем Родии их настоящие координаты.

Расчеты были сделаны наспех, но оказались достаточно точными, — в этом он был уверен. Байрон рассчитал также, что через шесть часов полета им придется совершить Прыжок. После этого он закончил последние приготовления к полету.

Два других его спутника в это время спали. Он сказал себе, что это хорошо и что ему не хотелось бы, чтобы кто-нибудь крутился под ногами. Тут он услышал слабый звук чьих-то шагов. На пороге стояла Артемида.

— Привет, — кивнул он. — Почему ты не спишь?

— Можно мне войти? — шепотом спросила она. — Я не помешаю тебе?

— Зависит от того, что тебе нужно.

— Я постараюсь все делать правильно.

Что-то она уж слишком покладиста, подумал он.

— Я ужасно боюсь, — сказала вдруг она. — А ты?

Он хотел сказать «нет», но внезапно ему перехотелось притворяться. Он смущенно улыбнулся и ответил:

— Тоже.

Казалось, это успокоило ее. Она уселась на пол, вытянув ноги, и принялась рассматривать груду справочников на столе.

— Ты нашел все эти книги здесь?

— Да, конечно. Без них невозможно управлять космическим кораблем.

— И ты все в них понимаешь?

— Не все. Хотя надеюсь, что понимаю достаточно. Для того чтобы попасть на Лингану, нам предстоит сделать Прыжок.

— Это сложно?

— Нет, если понимать в схемах и уметь читать карту. Но для этого нужен опыт, а его-то у меня и нет. Кстати, мы могли

бы совершить несколько Прыжков, но я надеюсь обойтись одним.

Он не хотел говорить ей всего: не хотел ее пугать. В то же время ему было необходимо поделиться своими опасениями с кем-нибудь.

— Есть несколько моментов, которых я не знаю, хотя их нужно знать. Я не уверен в точности моих расчетов.

— И что может произойти, если ты ошибся?

— Мы можем слишком приблизиться к солнцу Линганы.

Она задумалась и потом сказала:

— Ты не представляешь себе, насколько я чувствую себя лучше.

— После того, что я рассказал тебе?

— Конечно. Только что я чувствовала полную нашу беспомощность. Теперь же я знаю, что мы попадем туда, куда стремимся, и что все в наших руках.

Байрон был польщен. Как она изменилась!

— Я не уверен, что все в наших руках.

Она жестом остановила его.

— Да. Я ЗНАЮ, ты сумеешь управиться с кораблем.

И Байрон почувствовал, что он тоже верит в это.

Она повернулась к нему лицом. Он заметил, что она смыла макияж, и удивился, как ей это удалось. Вероятно, с помощью носового платка и мизерного количества питьевой воды. Ее белоснежный воротничок прекрасно оттенял смоль ее волос и глаз. Глаза... Какие они теплые...

Молчание затягивалось. Он торопливо спросил:

— А ты, я думаю, не слишком много путешествовала? Кажется, ты говорила, что летала на пассажирском космическом лайнере?

— Только раз. Но и этого было много. Если бы я не летала на нем, то никогда не встретилась бы с этим противным тиранийским донжуаном... Я не хочу говорить о нем!

Она замолчала. Ее взгляд скользил по полу. Потом она вдруг окликнула его:

— Байрон! Как ты думаешь, история дяди Джила — правда?

— Ты полагаешь, что все может оказаться лишь игрой его воображения? Ведь он мог сам придумать все это, а по прошествии лет поверить в реальность вымысла. Но все-таки не стоит спешить с выводами. В любом случае, мы летим на Лингану.

Они были очень близко друг от друга. Он мог коснуться ее рукой, обнять, поцеловать...

Что он и сделал.

Казалось, ситуация не располагала к этому. Только что они говорили о Прыжке и Джилберте, а теперь она, тихая и податливая, лежала в его объятиях.

Первым его порывом было извиниться, но она не делала никаких попыток высвободиться, только положила голову ему на плечо. Глаза ее были закрыты.

Поэтому он не сказал ничего и вновь поцеловал ее, медленно и торжественно. Это было лучшее, что он мог сделать в данный момент, и он понимал это.

Наконец она мечтательно спросила:

— Ты голоден? Я принесу тебе немного концентратов, только разогрею их слегка. Тебе должно понравиться. И мне бы не мешало привести себя в порядок.

Она направилась к двери, но вдруг остановилась. В ее голосе прозвучала легкая насмешка:

— После поцелуев пищевые концентраты должны показаться просто божественными!

Когда в каюту зашел Джилберт (это случилось часом позже), он не выразил никакого удивления по поводу мирно беседующих Арты и Байрона. Не прокомментировал он и тот факт, что рука юноши покоилась на талии его племянницы.

Он спросил:

— Когда мы совершим Прыжок, Байрон?

— Через полчаса.

Прошли полчаса; приборы были включены; разговоры стихли.

Во время «Зеро» Байрон набрал в легкие побольше воздуха и перевел рычаг из крайнего правого положения в крайнее левое.

Корабль тряхнуло, и Байрон на мгновение потерял сознание.

Когда через минуту он пришел в себя, звезды в смотровом окне преобразились. Байрон выровнял судно. Одна из звезд яркой белой точкой сияла перед ними. Байрон направил на нее телескоп. Сверившись со справочником, он сделал вывод:

«Слишком далеко. Но все же это она, Лингана».

Это был первый совершенный им Прыжок, и он прошел успешно.

Двенадцать

ПРИБЫТИЕ АВТАРХА

Автарха Линганы, казалось, занимает какая-то мысль.

— И вы ждали сорок восемь часов, чтобы сказать мне об этом, — сказал он.

Ризетт вяло возразил:

— Но, сэр, не было никакой необходимости сообщать вам об этом раньше. Если бы мы беспокоили вас по всякому пустяку, ваша жизнь давно превратилась бы в сущий ад. Сейчас мы сообщаем вам об этом, потому что не можем сами принять решение. Это подозрительно, а в нашем положении мы не можем допускать ничего подозрительного.

— Повторите мне все, что вам известно.

Автарх задумчиво смотрел в окно. Окна были самой большой достопримечательностью линганийской архитектуры. Они были средних размеров, невероятно чистые и прозрачные; не столько окна, сколько линзы, отражающие во все стороны свет и открывающие перед любым взглядом великолепную панораму.

Из дворца Автарха была видна часть освещенного солнцем горизонта. Когда солнце оказалось непосредственно напротив окон, они автоматически открылись.

Теория, что архитектура планеты вполне соответствует месту планеты в Галактике, вполне оправдывала себя в отношении Линганы.

Как и окна, Лингана представляла собой весьма живописное зрелище. Это была «планета-государство», в свое время достигшая стабильного экономического и политического развития. В то время как политическая жизнь соседних планет все время менялась, Лингана веками оставалась тем, чем и была, — просто обитаемым миром. Ее стратегическое положение оказалось весьма важным. Именно поэтому она захватила в свои руки торговую монополию. Со всех концов Галактики везли сюда минералы, мясо, зерно, а также продукцию машиностроения, медикаменты, готовые продукты переработки и многое другое.

Из своих окон Лингана видела всю Галактику, хотя и стояла несколько особняком.

Не отводя взгляда от окон, Автарх сказал:

— Начнем с почтового корабля. Где он впервые встретился с гостями?

— Менее чем в ста тысячах миль от Линганы. Точные координаты не имеют значения. С тех пор мы следим за ними. Сейчас они находятся на орбите над планетой.

— Они не приземляются? Ждут чего-то?

— Да.

— Как вы считаете, долго ли они намерены ждать?

— Боюсь, что нет. Мы тщательно наблюдали, но они не посылают никаких сигналов.

— Отлично, — сказал Автарх. — Прервемся на минуту. Они остановили почтовый корабль, что, безусловно, является нарушением нашего Договора о Взаимодействии с Тиранией.

— Я сомневаюсь, что они тиранийцы. Их действия скорее похожи на действия заключенных, бежавших из тюрьмы.

— Возможно, таким образом они пытаются сбить нас с толку. В любом случае, все это направлено лишь на одно: они хотят встретиться со мной.

— Да, они настаивают на встрече с Автархом.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Они не входили в почтовое судно?

— Нет. Мы все время прекрасно их видим. За штурвалом находится молодой человек аристократической наружности. Он попросил передать вам одно слово: «Джилберт». Говорит это вам что-нибудь?

Автарх, как бы не слыша вопроса, продолжал смотреть в окно. На Лингане не всегда царила власть Автархов. Когда-то ею управляли различные династии мелких удельных князьков. Это были сплошь аристократические семьи. Они были чрезвычайно богаты, и их мало волновали проблемы землевладения.

Из-за этого Лингану постигла обычная в таких случаях участь. Власть переходила от одной семьи к другой. Интриги и дворцовые перевороты стали хроническими, так что если Родия была образцом политической стабильности, то Лингана могла служить образцом беспорядка и анархии. «Безалаберный, как Лингана», — говорили люди.

Соседние планеты объединились в группы и становились могущественнее, а на Лингане гражданская война становилась неуправляемой. Поэтому соседи путем долгой цепи интриг за-

менили многих князьков одним сильным правителем, сосредоточив в одних руках всю власть.

При Автархии Лингана укрепилась и стабилизировалась. Даже Тирания относилась к ней с некоторым почтением. В то время как другие планеты Королевств Космической Туманности уже давно были верными вассалами Тирании, Лингана подписала с ней Договор о Взаимодействии, теоретически дающий обеим сторонам равные права.

Автарх правильно оценивал ситуацию. Он знал, какую опасность несет для грядущих поколений Тирания. И сейчас появление тиранийского корабля могло стать началом конца, началом полного краха.

Он спросил:

— На корабле есть солдаты?

— Очевидно, нет. Массометр показывает присутствие всего троих.

— И что же ты предлагаешь?

— Не знаю. Единственный известный мне Джилберт — это Джилберт из Хенриадов с Родии. Вы знакомы с ним?

— Я видел его во время моего последнего визита на Родию.

— Вы, конечно, ничего ему не рассказывали?

— Конечно.

Глаза Ризетта округлились.

— Возможно, это ловушка, и Джилберт используется в качестве приманки.

— Я думал об этом. Конечно, прибытие корабля подозрительно. Меня долго не было на Лингане, и я вернулся только на прошлой неделе, а через несколько дней опять собираюсь уезжать. Они застали меня именно тогда, когда меня МОЖНО БЫЛО застать.

— А может, это совпадение?

— Я не верю в совпадения. Но есть способ проверить наши подозрения. Я посещу это судно. Один.

— Это невозможно, сэр. — Ризетт был ошеломлен. Его лицо покраснело до такой степени, что приняло почти малиновый оттенок.

— Ты споришь со мной? — раздраженно спросил Автарх.

И именно потому, что он был Автархом, Ризетт сказал:

— Как вам будет угодно, сэр.

Пассажиры «Беспощадности» вот уже два дня болтались на орбите.

Джилберт, наблюдавший за Линганой, был твердо уверен, что за ними тоже установлено постоянное наблюдение. Байрон, бреясь, выслушивал его доводы по этому поводу.

Добрившись, он осмотрел свое лицо в зеркале, и тут в дверном проеме возникла Артемида.

— Я думала, ты собираешься спать.

— Я спал, — ответил он, — а потом проснулся. — Он посмотрел на нее и улыбнулся.

Она потрогала его щеку:

— Ты выглядишь сейчас как восемнадцатилетний. Они все еще наблюдают за нами?

— Да. Неужели это тебя беспокоит?

— Я нахожу, что это глупо.

— Можешь объяснить почему, Арта?

— Почему бы нам не приземлиться на поверхность Линганы?

— Мы подумаем об этом. Пока что мы не готовы для подобного риска. Лучше все же немного подождать.

Джилберт вдруг воскликнул:

— Говорю вам, они движутся!

Байрон подскочил к экрану. Прочитав показания массометра, он обернулся к Джилберту:

— Наверное, ты прав.

Он присел к компьютеру и стал внимательно изучать его показания.

— К нам направляется маленький корабль, Джилберт. Как ты думаешь, тебе удастся наладить с ним связь?

— Я попытаюсь, — ответил Джилберт.

— Запомни: не видеосвязь, а только звуковую.

Менее десяти минут понадобилось Джилберту, чтобы выполнить его задание. Теперь Байрон знал планы линганийцев.

Он повернулся к Артемиде:

— Они собираются послать к нам человека.

— А мы обязательно должны им это позволить?

— А почему бы нет? Одного человека! Мы ведь вооружены!

— Но что будет, если мы подпустим их корабль слишком близко?

— Мы на тиранийском военном корабле, Арта, и одолеем их, даже если перед нами лучшее судно Линганы. У нас есть пять крупнокалиберных бластеров.

— А ты умеешь ими пользоваться?

— К несчастью, нет. Пока еще нет. Но ведь линганийцам это, как ты понимаешь, неизвестно.

Через полчаса на экране появилось судно. Как только радар поймал его, Джилберт в восторге завопил:

— Это яхта Автарха! Его личная яхта! Я же говорил, что упоминание одного лишь моего имени тут же привлечет его внимание!

Они установили с яхтой радиосвязь, и чей-то голос из трубки сказал:

— Готовы к принятию на борт?

— Готовы, — ответил Байрон. — Только одного человека.

— Одного человека, — был ответ.

Яхта подошла ближе, раздался металлический скрежет. Потом корабль линганийцев слегка отдалился от судна наших друзей, и между обоими кораблями возникла крепкая прозрачная галерея, напоминающая туннель. По этому туннелю мог пройти человек, и при этом ему не нужны были никакие средства защиты, которыми он пользовался бы в открытом космосе.

Байрон увидел, как из линганийского корабля вышел человек в скафандре и уверенно пошел в их сторону. Лицо было скрыто шлемом. Человек шел достаточно быстро; он был уже совсем близко. Через пять секунд гость подошел к люку, который открылся, и пришелец скрылся в его недрах, после чего люк автоматически был задраен.

Войдя в кабину, пришедший снял с себя скафандр, левой рукой отбросив со лба непослушные волосы.

— Ваше Сиятельство! — бросился к нему Джилберт. С нотками триумфа в голосе он воскликнул:

— Байрон, это Автарх собственной персоной!

Но Байрон, сперва потерявший, а потом лишь частично обретший дар речи, сумел сказать только одно:

— Джоунти?!

Тринадцать

АВТАРХ РЕШАЕТ ОСТАТЬСЯ

Автарх непринужденно расположился в одном из мягких кресел.

— Давно я не проделывал подобных упражнений, — сказал он. — Но это как умение плавать: научившись один раз, забыть невозможно. Привет, Фаррилл! Добрый день, милейший господин Джилберт! А это, если мне не изменяет память, дочь правителя, леди Артемида!

Он достал длинную сигарету, бережно взял ее в рот и зажег, причем для этого ему понадобилось просто сделать легкий выдох. Воздух наполнился приятным запахом хорошего табака. Затем он сказал:

— Не ожидал так быстро вновь встретиться с тобой, Фаррилл!

— А может, не ожидал этого никогда? — грубо поинтересовался Байрон.

— Кто знает? — согласился Автарх. — Конечно, если вспомнить, что сам Джилберт не умеет управлять космическим кораблем, если вспомнить, что я сам послал на Родию молодого человека, который УМЕЕТ управлять космическим кораблем и который вполне способен похитить тиранийское судно, если вспомнить, что, по донесениям наблюдателей, один из пассажиров корабля молод и обладает аристократической наружностью, напрашиваются очевидные выводы. Я не удивился, увидев тебя.

— А мне кажется, ты удивлен, — возразил Байрон. — Думаю, ты чертовски удивлен, увидев меня. По-твоему, я знаком с логикой слабее, чем ты?

— Я крайне высокого мнения о тебе, Фаррилл.

Автарх сохранял невозмутимость, и Байрон почувствовал себя совсем глупым мальчишкой. Он повернулся к остальным:

— Этот человек — Сандер Джоунти. Я рассказывал вам о нем. Конечно, по совместительству он может быть Автархом Линганы, или пятьюдесятью Автархами одновременно. Это безразлично. Для меня он — Сандер Джоунти.

Артемида произнесла:

— ОН — это человек, который...

Джилберт перебил ее. Он был возмущен:

— Контролируй себя, Байрон. Ты что, сошел с ума?

— Это — тот самый человек! Я НЕ сумасшедший! — выкрикнул Байрон. Он с трудом держал себя в руках. — Ладно. Думаю, нам не о чем спорить. Покинь мое судно, Джоунти. Уже достаточно было сказано. Вон с моего судна!

— Мой дорогой Фаррилл! Но почему?

Джилберт издал булькающий звук, но Байрон не повернул в его сторону головы. Он смотрел на Автарха.

— Ты совершил одну ошибку, Джоунти. Только одну. Ты не предусмотрел, что там, на Земле, я вернусь в свою комнату и возьму часы, которые всегда служили мне также индикатором. Индикатором радиации.

Автарх пускал в потолок аккуратные колечки дыма и улыбался.

— Так вот, Джоунти, они никогда не светились голубым светом. В ту ночь в моей комнате не было никакой бомбы. Это была только хлопушка! Ты не станешь этого отрицать, потому что именно ты подложил ее. Ты же организовал и остальную часть комедии! Да, той ночью ты был великолепен!

Байрон ждал реакции, но Автарх просто с видимым интересом кивнул. Байрон разозлился. У него сложилось впечатление, что он бьет по воздуху.

— Мой отец был казнен. Я и так скоро узнал бы об этом. Тогда я мог бы вернуться на Нефелос, а мог бы и не возвращаться. Я мог бы проанализировать свое положение и найти из него правильный выход. Но ты решил отправить меня на Родию, к Хенрику. Я послушал тебя: ведь ты, казалось, спас мне жизнь; ты все знал и мог дать дельный совет. Но ты забыл предупредить меня, что капитан корабля, на который ты усадил меня, был отлично осведомлен о том, кто я и откуда. Ты забыл предупредить меня, что я окажусь в руках Тиранов еще до того, как попаду на Родию. Или ты будешь это отрицать?

Он сделал длинную паузу. Джоунти сосредоточенно дымил сигаретой.

Джилберт стиснул руки у груди:

— Байрон, ты ужасен. Автарх не может...

Джоунти посмотрел на него и спокойно возразил:

— Твой Автарх все может.

Он погасил сигарету.

— Байрон прав, и я подтверждаю каждое его слово. Бомба действительно была подложенной мною хлопушкой, и я послал тебя, Байрон, на Родию, зная, что ты будешь арестован Тиранийцами.

Лицо Байрона прояснилось. Он сказал:

— Когда-нибудь я отомщу тебе, Джоунти. Сейчас ты Автарх Линганы, и за тебя готов вступиться целый флот. Но «Беспощадность» — это мое судно, и я его капитан. Надевай свой скафандр и убирайся вон. Твой туннель все еще на месте.

— Это не твое судно. Ты скорей пират, чем пилот.

— Я повторяю: даю тебе пять минут на облачение в скафандр.

— Пожалуйста, не драматизируй ситуацию. Мы нужны друг другу, и я не намерен уходить.

— МНЕ ты не нужен. Ты не был бы мне нужен, даже если бы на нас напали Тиранийцы и ты принял бы мою сторону.

— Фаррилл, — улыбнулся Джоунти, — ты говоришь и действуешь как младенец. Я дал тебе высказаться. Дай же теперь высказаться мне.

— Нет. Я не вижу причин слушать тебя.

— А это ты видишь?

Артемида вскрикнула. В грудь Байрона уперся бластер.

— Это — предупреждение, — продолжил Джоунти. — Прошу простить меня за вынужденную меру, но, возможно, это поможет мне заставить тебя слушать.

Оружие его было предназначено не просто причинять боль. Оно должно было убивать.

Джоунти сказал:

— Много лет назад я организовал жителей Линганы против Тирании. Знаешь ли ты, что это значит? Это было нелегко. Это было почти невозможно. Окружающие нас Королевства оказались абсолютно беспомощны. Но и в них жили люди, желающие нам помочь. Твой отец делал это наиболее активно — и был убит. Помни это! Гибель твоего отца явилась для нас ударом. Значит, Тиранийцы способны добраться и до нас. Поэтому мне пришлось отправить тебя к Хенрику, чтобы сбить их с толку. Это удалось. Пойми, у меня не было выбора. А потом, есть еще одна вещь, документ...

— Какой документ? — прервал его Байрон.

— Не спеши. Я уже сказал, что твой отец работал на меня. Так что мне известно все, что знал он. Тебе стало известно о документе, и вначале нам всем было выгодно, чтобы ты поискал его. Но после смерти твоего отца это оказалось ненужным. Более того, пришлось убрать тебя с Земли, пока ты не удостоился пристального внимания Тиранийцев. Мне это удалось.

— Значит, документ у тебя?

— Нет, к сожалению. Он был утерян на Земле много лет назад. Я не знаю, у кого он. Ну что, могу я опустить бластер? Он весьма тяжел.

— Убери его к черту, — пробурчал Байрон.

Автарх так и поступил. Потом он спросил:

— Что говорил о документе твой отец?

— Ничего, что было бы тебе неизвестно.

Автарх улыбнулся:

— Вот это да!

— Скажи, ты все объяснил нам? — спросил Байрон.

— Практически все.

— Тогда, — подытожил Байрон, — убирайся с корабля.

Джилберт вмешался в их диалог:

— Теперь подожди, Байрон. Это не только твое дело. Здесь есть еще и мы с Артемидой. У нас тоже найдется что сказать. Чем дальше, тем больше мне кажется, что в словах Автарха есть свой смысл. Вспомни, что на Родии я спас тебе жизнь, так что я рассчитываю на некоторую признательность с твоей стороны.

— Ну, конечно! Ты — мой спаситель! — воскликнул Байрон. — Можешь, если хочешь, уходить с ним. Уходи! Ты хотел найти Автарха. Так вот он! Я согласился доставить тебя к нему, но на этом моя миссия окончена. И не учи меня, что мне делать.

Он повернулся к Артемиде, все еще кипя от злости:

— А ты? Ты ведь тоже спасла мне жизнь! Все вокруг только и делают, что спасают мне жизнь! Ты тоже хочешь уйти с ним?

Она спокойно ответила:

— Не нужно говорить и решать за меня, Байрон. Если захочу уйти с ним, то скажу тебе об этом.

— Ты не должна чувствовать никаких обязательств передо мною. Можешь уйти в любой момент...

Она сердито взглянула на него, и он отвернулся. В душе Байрон понимал, что ведет сейчас себя по-детски. Джоунти всегда оставляет его в дураках. Он вспомнил о бомбе, о родийском лайнере, о Тиранийце — и в нем поднялась волна жалости к себе.

Автарх сказал:

— Итак, Фаррилл?

Одновременно прозвучали слова Джилберта:

— Итак, Байрон?

Байрон повернулся к Артемиде:

— А что думаешь ТЫ?

Артемида медленно произнесла:

— Я думаю, что он — Автарх Линганы и в его распоряжении есть целая армия. Поэтому, мне кажется, у тебя нет выбора.

Автарх с нескрываемым восхищением посмотрел на нее:

— Вы очень умны и проницательны, моя госпожа! Как чудесно, что столь прекрасный ум заключен в столь прекрасную оправу! — Он прикрыл глаза.

— Так чего же ты хочешь? — спросил Байрон.

— Позволь мне воспользоваться вашими именами и вашими возможностями, и я отправлю вас на планету, которую мой господин Джилберт называет мятежным миром.

— Ты полагаешь, такой существует?

— Да, и он будет твоим. Я в состоянии найти его.

— Как? — изумился Байрон.

— Это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Мы должны верить, что где-то в нашей Галактике существует мир, готовый сразиться с Тиранией. По-моему, есть только один сектор, где может находиться такая планета.

— Где?

— А разве для тебя самого это не очевидно? Не кажется ли тебе, что этот мир может существовать только внутри самой Туманности?

— Разве возможна жизнь внутри самой Туманности?

— А почему бы и нет? Не стоит заблуждаться относительно Туманности. Это темное пятно в космосе, но оно вовсе не начинено ядовитым газом. Оно состоит из молекул воды, калия и кальция, которые адсорбируются благодаря свету звезд. Я долго изучал эту проблему в Университете на Земле и пришел к выводу, что жизнь там все-таки возможна. Просто мы ее не замечаем.

— Кстати, а что ты делал на Земле? — поинтересовался Байрон. — Это не слишком важно для меня, но все же?

— В этом нет никакой тайны. Я покинул Лингану по своим делам. Шесть месяцев назад я посетил Родию. Мой агент Вайдемос — твой отец, Байрон, — был не слишком удачлив в своих переговорах с Правителем, которого мы рассчитывали привлечь на свою сторону. Прошу прощения у леди, но Хенрик оказался сделанным из неподходящего для нашего дела материала.

— Да уж знаем... — прошептал Байрон.

Автарх продолжил:

— Но я встретил Джилберта, о чем он уже говорил тебе. Потом я отбыл на Землю, потому что Земля — родной дом гуманизма. Именно с Земли послано большинство исследовательских экспедиций в Галактику. Туманность Лошадиной Головы была исследована ими весьма тщательно. Мне понадобились результаты исследований. Теперь слушайте внима-

тельно! Тиранийский корабль, на котором летел мой господин Джилберт, столкнулся с метеором после своего первого Прыжка. Если учесть, что перелет из Тирании на Родию был самым обычным делом, можно установить совершенно точные координаты места столкновения. Потеряв управление, корабль мог пролететь более полумиллиона миль между первыми двумя Прыжками. Следовательно, примем этот промежуток за координату в космосе. Есть и другое предположение. Метеор мог изменить направление Прыжков. Это маловероятно, но возможно. Метеор мог повлиять на силу гиператомных процессов и полностью изменить направление движения. В то же время длина четырех последующих Прыжков осталась величиной неизменной. Конечное положение корабля должно было находиться где-то на поверхности воображаемой сферы, центр которой находится в точке пространства, где произошло столкновение, а радиус ее равен сумме векторов оставшихся Прыжков. Я попытался вычислить эту сферу, и понял, что ее поверхность находится внутри Туманности Лошадиной Головы. Осталось лишь найти в Туманности ту звезду, которая нам нужна.

Как ты думаешь, дружок, сколько таких звезд может быть в Туманности?

Вспомни при этом, что Галактика состоит из ста биллионов звезд.

Байрон, почти против своего желания заинтересованный рассказом, ответил:

— Думаю, сотни.

— Пять! — торжествующе выкрикнул Автарх. — Всего пять! Не стоит заблуждаться по поводу цифры «сто биллионов». Объем Галактики равен семи триллионам кубических световых лет, из которых на каждую звезду приходится по семьдесят кубических световых лет. Жаль, что я до сих пор не знаю, какая из этих пяти планет обитаема. Нам придется это выяснить. К несчастью, ранние исследования не дали нам детальной картины. Они лишь изучили положение звезд, тип их движения и спектральную характеристику.

— Значит, в одной из этих пяти звездных систем, — спросил Байрон, — находится мятежный мир?

— Исходя из известных нам фактов, можно сделать только такой вывод.

— Видишь, моя история правдива, — вмешался Джилберт. — Я не выдумал ее.

— Я намерен, — продолжал Автарх, — исследовать лично каждый из пяти миров. Мотивы мои очевидны. Как Автарх Линганы, я могу помочь им в их усилиях.

— А с двумя из Хенриадов и Вайдемосом на твоей стороне ты также можешь завоевать ведущие позиции в новых, свободных мирах, — насмешливо подхватил Байрон.

— Твой цинизм не испугает меня, Фаррилл. Ответом будет — да. Если восстание окажется удачным, всегда лучше присоединиться к победителю.

— Более того, в награду одному из друзей восстания может быть отдана Автархия Линганы.

— Или Вайдемос. Верно.

— А если восстание обречено на провал?

— Тогда у нас будет время разобраться и решить, что делать дальше.

Байрон медленно сказал:

— Я полечу с тобой.

— Отлично! Тогда нужно переместить тебя с этого корабля на другой.

— Зачем?

— Так будет лучше для тебя. Этот корабль — всего лишь игрушка.

— Это военный корабль тиранийцев. Было бы глупо не учитывать его мощь.

— Именно потому, что это — военный корабль тиранийцев, отправляться в путешествие на нем опасно.

— Но не в Туманность. Прости, Джоунти! Я присоединяюсь к тебе, потому что тоже хочу найти мятежный мир. Но мы с тобой не друзья, и поэтому я буду поступать по собственному усмотрению.

— Байрон, — осторожно вмешалась Артемида, — но корабль слишком МАЛ для троих!

— Конечно, Арта. Но к нему можно прикрепить прицеп. Джоунти это так же хорошо известно, как и мне. Тогда в космосе у нас будет все необходимое. Кроме того, прицеп изменит внешний вид судна.

Автарх вслух размышлял:

— Если мы с тобой не друзья, Байрон, и не доверяем друг другу, я должен позаботиться о личной безопасности. Можешь лететь на своем корабле с прицепом, но мне нужны некоторые гарантии. Поэтому госпожа Артемида должна пойти со мной.

— НЕТ! — крикнул Байрон.

Автарх удивленно поднял брови:

— Нет? Пусть говорит сама леди.

Он повернулся к Артемиде:

— Мне кажется, я сумею обеспечить вам несколько больший комфорт, моя госпожа.

— Не думаю, что мое общество может оказаться приятным для вас, мой господин. Поэтому я останусь здесь.

— Мне кажется, вы могли бы передумать, — начал было Автарх, но тут с кончика его носа скатилась капелька пота, и это испортило все впечатление.

— А мне так не кажется, — прервал его Байрон. — Госпожа Артемида сделала свой выбор.

— И тебя устраивает ее выбор, Фаррилл? — спросил Автарх, улыбаясь.

— Вполне! Все мы втроем останемся на борту «Беспощадности». Других вариантов не будет.

— Ты опрометчиво выбрал себе спутников.

— Да?

— Я в этом совершенно убежден. Ты плохо относишься ко мне, потому что я обманул тебя и подверг твою жизнь опасности. Тогда тем более странно, что ты находишься в таких дружеских отношениях с дочерью человека по имени Хенрик, превзошедшего в коварстве даже меня.

— Я знаю Хенрика. Твои высказывания о нем не изменят моего мнения.

— Ты знаешь о Хенрике все?

— Я знаю достаточно.

— А знаешь ли ты, что именно он убил твоего отца? — Пальцем Автарх указал в сторону Артемиды. — Знаешь ли ты, что эта девушка, к которой ты так расположен, — дочь убийцы твоего отца?

Четырнадцать

ОТЪЕЗД АВТАРХА

В каюте воцарилось напряженное молчание. Автарх закурил новую сигарету. Он внешне расслабился, на лице появилось беззаботное выражение. Джилберт бессильно опустился в пилотское кресло; казалось, он сейчас заплачет.

Байрон, белый как бумага, повернулся к Артемиде; она отвела от Автарха взгляд и смотрела только на Байрона.

Тишину прерывали лишь радиосигналы.

Автарх лениво протянул:

— Боюсь, что наша беседа несколько затянулась. Я просил Ризетта прибыть за мной, если сам не вернусь через час.

На видеоэкране возник Ризетт.

Тогда Джилберт сказал Автарху:

— Он хочет поговорить с тобой, — и включил звук.

Автарх встал с кресла и подошел к зоне видеоконтакта.

— Я в полной безопасности, Ризетт.

В рубке необычайно ясно прозвучал вопрос:

— А кто же наши гости, сэр?

Внезапно Байрон встал рядом с Автархом:

— Я Господин Вайдемоса, — гордо заявил он.

Ризетт приветливо улыбнулся в ответ. Рука его поднялась вверх, отдавая честь.

— Мое почтение, сэр.

Автарх прервал его:

— Я скоро вернусь с молодой леди. Подготовь воздушный туннель. — Он оборвал видеосвязь между кораблями и повернулся к Байрону:

— Я не собирался сообщать им, что на борту корабля находишься именно ты. У меня имелись свои причины прийти сюда одному: твой отец был исключительно популярен среди моих людей.

— И именно поэтому ты хочешь использовать мое имя.

Автарх кивнул.

Байрон продолжил:

— Но это и все, что ты сможешь использовать. Твое сообщение своему офицеру было несколько поспешным.

— То есть?

— Артемида из Хенриадов остается со мной.

— Как? После того, что я рассказал тебе?

— Ты ничего не рассказал мне, — резко возразил Байрон. — Ты высказал предположение, не подтвержденное ничем.

— Неужели ты знаешь Хенрика с такой стороны, что мое утверждение кажется тебе невероятным?

Байрон промолчал.

— Я уверена, что это не так, — вмешалась Артемида. — Какие у вас доказательства?

— Прямых доказательств, безусловно, нет. Я не присутствовал на встречах твоего отца с Тиранийцами. Но я мог сопоставить несколько фактов. Во-первых, Господин Вайдемоса шесть месяцев назад посетил Хенрика. Это я уже говорил. Вероятно, переоценив Хенрика, он несколько перестарался. Во всяком случае, он сказал больше, чем должен был говорить. Мой господин Джилберт может подтвердить это.

Джилберт жалко кивнул. Он повернулся к Артемиде, которая ответила ему гневным взглядом.

— Прости, Арта, но это правда. Я говорил тебе. Именно от Вайдемоса я услыхал об Автархе.

— Мне повезло, — добавил Автарх, — что мой господин Джилберт страдает страстью к подслушиванию. Я был предупрежден об опасности и быстро покинул планету.

— И ты не попытался спасти его? — спросил Байрон.

— В нашем деле каждый за себя. Но его предупреждали. После этого он не вступал в контакт ни с кем из нас. Некоторые из нас верили, что твой отец, Байрон, покинул сектор и бежал. Он мог сделать это. Но он не скрылся и решил рискнуть... И проиграл. Тиранийцы долго охотились за ним.

— Это ложь! — вскрикнула Артемида. — Все это ложь! В твоей истории нет ни слова правды. Если бы дело обстояло так, то за тобой тоже следили бы! Ты бы тоже был в опасности и не сидел здесь, улыбаясь и отнимая наше время.

— Моя милая, я вовсе не напрасно сижу здесь. Ведь за это время мне удалось полностью дискредитировать твоего отца, верно? Кроме того, имей в виду, что вряд ли Тиранийцы доверяют теперь человеку, чьи дочь и кузен присоединились к предателям. А если даже и доверяют, то очень скоро я намерен скрыться во тьме Туманности, где никто не найдет меня.

Байрон перевел дыхание и подытожил:

— Наше интервью подошло к концу, Джоунти. Мы согласны присоединиться к тебе и обещаем поддержку, в которой ты так нуждаешься. Но это единственное, что я могу обещать тебе. Даже если все, сказанное тобой, правда, преступления Правителя Родии не имеют отношения к его дочери. Артемида из Хенриадов остается со мной, если она согласна.

— Согласна, — сказала Артемида.

— Хорошо. Думаю, это все упрощает. Кстати, хочу предупредить тебя. Ты вооружен, но и я тоже. У тебя в распоряжении есть боевые корабли, у меня — тиранийское военное судно.

— Не глупи, Фаррилл. Мои намерения вполне дружеские. Ты хочешь оставить девушку здесь? Пусть будет так. Могу я теперь покинуть вас?

Байрон кивнул.

— Мы давно этого ждем.

Корабли вновь приблизились друг к другу и между ними, как и в предыдущий раз, возник прозрачный туннель. Джилберт внимательно слушал радио.

— Через две минуты они хотят вступить с нами в контакт, — сообщил наконец он.

На видеоэкране возник Автарх. Он уже добрался до своего корабля и теперь снимал скафандр.

— Спасибо, — приятным голосом сказал он. — Сейчас к вам прибудет мой офицер. С ним вы сможете обсудить детали нашей акции.

На этом связь прервалась.

— Джил, — Байрон повернулся к Джилберту, — я прошу тебя принять офицера, когда он прибудет на борт. Сразу же после его прибытия разорви воздушный контакт. Для этого нужно просто отключить магнитное поле. Ты только нажмешь вот на эту кнопку.

Он повернулся и вышел из рубки. Ему было необходимо остаться наедине с самим собой, чтобы поразмыслить как следует.

Но тут он услышал за спиной торопливые шаги, и тихий голос окликнул его. Он остановился.

— Байрон, — прошептала Артемида. — Я хочу поговорить с тобой.

Он повернулся к ней:

— Потом, Арта, если ты не против.

Она настойчиво искала его взгляд.

— Нет, сейчас. Ты же не поверил тому, что рассказал этот ужасный человек о моем отце?

— Это неважно, — ответил Байрон.

— Байрон, — начала она, — я знаю: то, что произошло между нами, случилось потому, что мы были одни и нам угрожала опасность, но...

Она умолкла.

— Нет необходимости напоминать мне, что ты из рода

Хенриадов, Арта. Я знаю это. И я не хочу, чтобы ты продолжала.

— Нет! О нет! — Она схватила его за руку и прижалась к ней щекой. — Это не так. Неважно, кто мы такие — Хенриады или Вайдемосы. Я... люблю тебя, Байрон. — Ее глаза были полны мольбы. — Я думаю, ты тоже любишь меня. Забудь, что я из Хенриадов. Ты же сам говорил Автарху, что я не могу отвечать за грехи моего отца.

Теперь ее руки обнимали его за шею. Байрон ощутил на губах тепло ее дыхания. Он медленно разжал ее руки и на шаг отступил от нее.

— Я еще не рассчитался с Хенриадами, моя госпожа.

— Но ты же говорил Автарху...

— Прости, Арта, — он смотрел в сторону. — Не нужно повторять, что я говорил Автарху.

Ей хотелось закричать, что это неправда, что ее отец этого не делал, что в любом случае...

Но он повернулся и вошел в рубку, оставив ее, сгоравшую от гнева и стыда, стоять в коридоре.

Пятнадцать

ДЫРА В ПРОСТРАНСТВЕ

Теодор Ризетт повернулся, когда Байрон вошел в рубку. Он был совершенно седой, но его тело дышало силой, а румяное улыбающееся лицо — здоровьем.

Он легко преодолел разделяющее их с Байроном расстояние и дружелюбно глянул в лицо юноши.

— Не нужно слов, — начал он, — чтобы сказать мне, что ты — сын своего отца. Старина Вайдемос воскрес передо мной.

— Мне бы этого очень хотелось, — смущенно ответил Байрон.

Улыбка на лице Ризетта угасла.

— Как и всем нам. Кстати, я Теодор Ризетт, полковник вооруженных сил Линганы, но в нашей маленькой игре мы не пользуемся титулами. Даже Автарху мы говорим — «сэр». Так же называют и меня. На Лингане нет ни лордов, ни леди. На-

деюсь, ты простишь меня, если когда-нибудь при обращении к тебе я забуду упомянуть твой титул.

Байрон улыбнулся.

— Разве ты сам не сказал, что в нашей маленькой игре мы обходимся без титулов. Но давай вернемся к прицепу. Я должен посоветоваться с тобой, Ризетт.

Некоторое время он мерил шагами рубку. Сидевший здесь же Джилберт внимательно прислушивался. Тихо вошла Артемида и встала за его спиной. Ее пальцы шевелились, как фотоконтакты компьютера. Тишину прервал голос Ризетта.

— Я впервые вижу тиранийский корабль изнутри. Мне было бы интересно более тщательно осмотреть его. Что же касается прицепа, не беспокойся. К подобным моделям его совсем несложно прикрепить.

— Сколько понадобится времени для этого?

— Совсем немного. Каких размеров он должен быть?

— Самого высокого класса. Размеры — соответствующие.

— Для мисс Хенриады? Конечно, он будет гораздо лучше, чем то, что вы имеете здесь... — Ризетт в растерянности замолчал, потому что Артемида, гордо вскинув голову, медленно вышла из рубки. Байрон проводил ее взглядом.

— Наверное, — пожал плечами Ризетт, — я не должен был называть имя мисс Хенриады...

— Не обращай внимания. Что ты говорил?

— Да, насчет комнат. Их будет две, и они будут соединены между собой. Там же будут туалет и ванная комната. Все очень удобно.

— Хорошо. Кроме того, нам нужна еда и вода.

— Конечно. Воды вам доставят достаточно, чтобы хватило наполнить небольшой плавательный бассейн. И вы также получите много замороженного мяса. Ведь все это время вы питались тиранийскими пищевыми концентратами?

Байрон кивнул, и Ризетт скорчил гримасу.

— По вкусу они напоминают сушеных тараканов, правда? Что еще?

— Кое-какую одежду для леди.

Ризетт почесал в затылке.

— Да, конечно. Ну, это она выберет сама.

— Нет, сэр. Вы сами пришлете нам все необходимое: мы полностью доверяем вашему вкусу.

Ризетт коротко рассмеялся и покачал головой.

— Вайдемос, ей это не понравится. Ей не понравится ни одно платье, которое она не выберет сама. Даже если бы она выбрала то же самое, наш выбор ее не устроит. Это не просто предположение. У меня есть опыт в таких вещах.

— Уверен, что ты прав, Ризетт, — кивнул Байрон. — Но ей придется принять все это.

— Хорошо, но я предупредил тебя. Что еще?

— Всякие мелочи. Косметика, духи — все, что нужно женщине. У нас еще будет время уточнить список. Давай пока займемся прицепом.

Теперь уже Джилберт, ни слова не говоря, вышел из рубки. Байрон смотрел ему вслед, и мышцы его напряглись. Хенриады! Они — Хенриады! И с этим ничего не поделаешь. Они — Хенриады! Джилберт — один из них, ОНА — другая.

Вслух же он сказал:

— И, конечно, нужна одежда для меня и мистера Хенриада. Но это не столь важно.

— Хорошо. Могу я воспользоваться рацией? Будет лучше, если я останусь на судне, пока не закончатся последние приготовления.

Байрон ждал, пока Ризетт отдавал приказы. Потом офицер встал со стула.

— Мне трудно поверить, Вайдемос, что здесь, со мной, ты, а не твой отец. Ты очень похож на него. Он часто рассказывал о тебе. Ты ведь учился на Земле?

— Да, и закончил бы учебу около недели назад, если бы не некоторые события.

Ризетту явно было неловко.

— Кстати, по поводу отправки тебя на Родию... Ты не должен сердиться на нас. Мы не хотели этого. Строго между нами, кое-кому из ребят это очень не понравилось. Конечно, Автарх не советовался с нами. Некоторые из нас — я не буду называть имена — даже настаивали, чтобы мы остановили корабль и сняли тебя с его борта. Естественно, что это было наихудшим из всех возможных вариантов. Но потом ребята решили, что Автарх знает, что делает.

— Наверное, приятно пользоваться таким неограниченным доверием.

— Оно оправдано. Никто не может объяснить, почему иногда он выбирает то или другое решение. Но любое его решение в конечном итоге оказывается правильным. И он до сих пор избегал тиранийской угрозы, чего не смогли другие.

— Например, мой отец.

— Я не имел его в виду, хотя ты, конечно, прав. Даже он. Но Вайдемос был совсем другим человеком, с несколько своеобразными взглядами на жизнь. Он очень нравился всем нам. Смотри, сейчас я полковник, но отец мой был простым металлургом. Для Вайдемоса не было разницы между полковником и металлургом. А вот Автарх... он — другой. Он не допускает к себе близко никого, кем бы тот ни был. У него совершенно отсутствует чувство юмора. Я не смог бы с ним говорить так, как говорю с тобой. С ним приходится обдумывать каждое свое слово. Автарх есть Автарх, и этим все сказано.

— Я во многом согласен с тобой, — кивнул Байрон. — Знаешь ли ты, что он знал о моем присутствии на корабле еще до того, как увидел меня?

— ЗНАЛ? Мы этого не знали. Он собирался отправиться на борт тиранийского корабля, и мы сочли это самоубийством. Нам это не понравилось. Но мы опять же решили, что он знает, что делает. Он мог бы сообщить нам о тебе хотя бы с борта корабля. Ему отлично известно, что для всех прибытие сына Вайдемоса было бы огромной радостью. Но это так похоже на него — он промолчал!

Артемида сидела в каюте на низкой скамеечке. Почти автоматически она разглаживала складки на юбке. Девушка была раздражена и очень устала. На стук в дверь она вскочила на ноги; она не хотела видеть его; она не хотела слышать его; она ненавидела его!

Но это был лишь Джилберт. Она вновь села, сказав:

— Привет, дядя Джил.

Он уселся против нее. Минуту Джил рассматривал ее лицо и вдруг улыбнулся.

— Мне кажется, Арта, провести неделю на корабле — не слишком восхитительное занятие. Ты со мной согласна?

— Дядя Джил, — холодно заметила она, — не надо практи-

коваться в изучении психологии на мне. Если хочешь задеть меня, то лучше оставь свои попытки, потому что тогда я скорее задену тебя.

— Если тебе станет от этого легче...

— Говорю тебе, прекрати!

— Дорогая, ты почему-то поссорилась с Байроном?

— Не смей расспрашивать меня! Оставь меня в покое!

Она помолчала и после паузы добавила:

— Он считает, что отец совершил все то, о чем говорил Автарх. Я ненавижу его за это.

— Твоего отца?

— Нет! Этого доверчивого, глупого, самонадеянного мальчишку!

— Значит, Байрона. Ладно. Ты ненавидишь его. Но ведь любовь и ненависть всегда ходят рядом?

— Дядя Джил, — жалобно спросила она, — мог он в самом деле это совершить?

— Байрон? Совершить что?

— Нет! Отец! Мог отец совершить это? Мог он предать Вайдемоса?

Джилберт задумчиво посмотрел на нее.

— Я не знаю... Но ведь он хотел выдать Байрона тиранийцам? И сделал это.

— Потому что он знал, что это — ловушка, — гневно ответила она. — Тиранийцы знали, кто такой Байрон, и сами послали его к отцу. Отец сделал то, что он обязан был сделать. Это понятно каждому.

— А если при этом вспомнить, — Джилберт смотрел в сторону, — что он пытался убедить тебя выйти замуж по политическим соображениям? Если Хенрик мог пойти на такое...

Она прервала его:

— У отца не было другого выхода.

— Моя дорогая, если ты собираешься найти оправдание каждому поступку своего отца, объясняя это тем, что у него не было выхода, то, возможно, по этим же соображениям он выдал тиранийцам Господина Вайдемоса?

— Я уверена, что он не делал этого! Ты не знаешь отца так, как знаю его я. Он ненавидит тиранийцев, и я это знаю. Он не стал бы помогать им добровольно. Просто он боится их, но сам никогда не стал бы их добровольным союзником.

— А если этого невозможно избежать?

Но она затрясла головой, потом закрыла лицо руками и разрыдалась.

Джилберт посмотрел на Артемиду, беспомощно развел руками и вышел.

Прицеп был прикреплен; его соединял с «Беспощадностью» широкий коридор. Автарх вышел на связь и поинтересовался у Байрона, не нужно ли еще чего-нибудь.

— Нет, — ответил Байрон. — Думаю, нам будет вполне удобно.

— Хорошо. Да, кстати. Ризетт сказал мне, что с Госпожой Артемидой не все в порядке, точнее, она не очень хорошо выглядит. Если ей потребуется медицинская помощь, лучше бы отправить ее на мой корабль.

— С ней все в порядке, — отрезал Байрон.

— Ну, если ты уверен... Готов ли ты стартовать через двенадцать часов?

— Если нужно, то и через два.

Проходя по коридору, Байрон столкнулся с Артемидой. Стараясь, чтобы его голос звучал как можно безразличнее, он сказал:

— Теперь у тебя есть собственные покои. Я не буду надоедать тебе. Большую часть времени я буду проводить в рубке.

Она так же холодно ответила ему:

— Ты не беспокоишь меня, Господин Вайдемоса. И меня не интересует, где ты будешь находиться.

...И вот корабли стартовали. После первого же Прыжка они оказались на краю Туманности. Несколько часов пришлось ожидать, пока компьютер на корабле Джоунти сделает последние расчеты. Навигация внутри Туманности была непростым и малоизвестным делом.

Байрон глядел в смотровое окно. Ничего не видно! Вокруг была темнота, и ни один лучик не прорезал ее. Впервые Байрон понял, насколько приветливы звезды, как они наполняют светом космос.

— Это напоминает черную дыру в пространстве, — пробормотал он, обращаясь к Джилберту.

А потом они вновь совершили Прыжок, на этот раз в глубину Туманности.

Почти в это же время Саймок Аратап, Представитель Великого Хана Тирании, во главе десяти вооруженных военных судов, выслушал своего лоцмана и сказал:

— Это неважно. Следуйте за ними по пятам.

И тиранийские корабли пересекли границы Туманности в той точке, где совсем недавно то же самое совершила «Беспощадность».

Шестнадцать

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

В форме Саймок Аратап чувствовал себя несколько неудобно. Материал, из которого шили на Тирании формы, был груб. Но давней традицией планеты являлось ношение солдатами несколько неудобной одежды, что должно было, по мнению военачальников, вырабатывать в них дисциплину.

И все же Аратап, в нарушение всех традиций, не смог не заметить:

— Что за гадость этот воротничок! Он натирает мне шею!

Майор Андрос, — чей воротничок ничем не отличался и который носил всю жизнь только военную одежду, не признавая иной, — посоветовал:

— Когда вас никто не видит, воротничок вполне можно расстегнуть!

Аратап фыркнул. Из-за полувоенной миссии их экспедиции он вынужден терпеть такие неудобства! И все это продолжается с того момента, как они покинули Родию.

Все началось прозаически.

К нему явился Андрос и сказал:

— Представитель, нам нужно десять кораблей.

— Десять кораблей, майор?

— Да, сэр. Меньшее количество нас не устроит.

— Почему же?

— Мне нужно обеспечить полную безопасность. Молодой человек куда-то собрался. При этом он соблюдает полную конспирацию. Мы должны следовать за ним.

Аратап взглянул на него, и солнечные зайчики, отраженные в его контактных линзах, заиграли на свету. Он меланхолически заметил:

— У нас есть одна проблема. Это проблема Хенрика. Я думаю, он должен сопровождать нас.

— Не вижу необходимости, — ворчливо возразил майор. — Присутствие в нашей экспедиции представителя местных органов власти может быть дурно истолковано.

Аратап задумчиво слушал его. Андрос, конечно, человек компетентный. Стоит ли спорить с ним?

— Я согласен с тобой. Но вспомни недавнюю историю! Казнь старого Господина Вайдемоса — политическая ошибка. В этом не было необходимости! Нужна ли нам теперь смерть его сына? Тут следует пораскинуть мозгами. Народ Родии считает, что юноша похитил дочь Правителя. Девушка очень популярна среди населения. Поэтому было бы вполне логично, если бы Правитель лично попросил нашей помощи в поимке похитителя.

— Не самый лучший предлог для включения болвана Хенрика в тиранийскую военную экспедицию. Это отдает мелодрамой. Перед нами стоят задачи исключительно военного характера.

— Но я же не сказал, дорогой майор, что Хенрик будет командовать кораблем: он не способен командовать и своими слугами. Он просто будет с нами. Никого из жителей Родии больше на борту не окажется.

— Что ж, мне придется согласиться, Представитель, — нехотя сказал майор.

Тиранийский флот расположился в двух световых годах от Линганы. Теперь следовало оценить ситуацию.

Майор Андрос настаивал на немедленном захвате Линганы.

— Автарх Линганы, — говорил он, — ввел нас в заблуждение, называя себя другом Хана, но я никогда не доверял ему. Странно, что как только он вернулся, на встречу с ним примчался молодой Вайдемос.

— Он не мог знать о путешествии Автарха, майор. И к тому же, нам неизвестно, зачем Вайдемосу понадобилось с ним

встречаться. Он кружит на орбите вокруг Линганы. Почему он не приземляется?

— Стоит ли задумываться над тем, что он делает или не делает?

— Хотелось бы высказать одну интересную мысль, майор, — Аратап запустил за воротничок пальцы, чтобы хоть немного ослабить его давление. — Поскольку молодой человек ждет, мы можем предположить, что он ждет кого-то или что-то. Было бы глупо думать, что у него нет никаких намерений. Скорее всего он ждет встречи с другом или друзьями. Тот факт, что он не приземляется на Лингане, означает, что он не вполне уверен в безопасности этого шага. Это означает, что Лингана в целом — и Автарх в частности — не слишком искушены в конспирации. Так подсказывает мне логика.

— Может быть, вы правы. Но если в течение двадцати четырех часов ничего не изменится, у меня не будет другого выхода, кроме как взять Лингану штурмом.

Аратап взглянул на дверь, через которую только что вышел майор. Очень трудно управлять недальновидными людьми. Двадцать четыре часа. За это время что-нибудь должно случиться, иначе ему придется изобретать способ остановить Андроса.

Прозвенел звонок, и в комнате возникла высокая нескладная фигура Хенрика с Родии. За его спиной нерешительно переминался с ноги на ногу охранник. Теоретически Хенрик был совершенно свободен в своих действиях. Во всяком случае, так считал он сам. И поэтому он никогда не обращал внимания на охранника за своей спиной.

Хенрик робко улыбнулся.

— Я не слишком побеспокоил вас, мой господин?

— Вовсе нет. Присаживайтесь, Правитель.

Аратап продолжал стоять. Казалось, Хенрик этого не заметил.

— Мне бы хотелось, Представитель, обсудить с вами нечто важное.

Хенрик сделал паузу, и что-то промелькнуло в его глазах. Продолжил он несколько другим тоном:

— Какое превосходное судно, верно?

— Благодарю вас, Правитель, — Аратап улыбнулся. Девять

остальных кораблей были вполне хороши, но этот, флагманский, представлял собой самую последнюю модель родианской космонавигации. Он полностью олицетворял военный дух Тирании.

— Я пришел, чтобы кое-что рассказать вам, — вновь начал Хенрик. — Сегодня я отправил на Родию обращение к своему народу. Я сообщил в нем, что со мной все в порядке и что скоро моя дочь будет в безопасности.

— Хорошо, — одобрил Аратап. Для него это не было новостью. Он сам писал это обращение, поскольку для Хенрика это оказалось непосильной задачей. Аратап почувствовал жалость к этому человеку, деградировавшему на глазах.

— Мой народ, — продолжал Хенрик, — очень обеспокоен этим похищением. Думаю, мне следует предпринять некоторые действия в этой связи. Народ должен понимать, что сила все еще в руках Хенриадов.

Последние слова он произнес торжественным тоном.

— Думаю, вы правы.

— Враг еще не скрылся от нас?

— Нет, Правитель, враг находится там, где и раньше, неподалеку от Линганы.

— До сих пор? Я помню, что хотел вам сказать. Это очень важно, Представитель. Я должен кое-что рассказать вам. На борту зреет заговор. Я раскрыл его. Мы должны быстро действовать. Заговор...

Он заговорил шепотом.

Аратапа охватило безразличие. К бедному идиоту нужно относиться снисходительно, но сколько же можно тратить на него времени?

— Никакого заговора, Правитель. Наши люди верны и преданны. Кто-то сбил вас с толку. Вы устали.

— Нет-нет. — Хенрик отбросил руку Аратапа, которую тот положил ему на плечо. — Где мы?

— Как это «где»?

— Я имею в виду корабль. На смотровом экране вокруг нас нет звезд. Мы в глубинах космоса. Вы это знаете?

— В самом деле?

— Где-то рядом Лингана. Знаете ли вы об этом?

— Да, в двух световых годах от нас.

— Ах-ах-ах! Представитель, нас никто не слышит? Вы уве-

рены? — Он придвинулся вплотную к Аратапу. — Откуда мы можем знать, что враг находится возле Линганы? Он слишком далеко, чтобы его можно было обнаружить. Нас дезинформируют, а это означает заговор.

Человек, конечно, может считаться сумасшедшим, но это, черт возьми, хорошая мысль! Аратап сказал:

— Это могут знать инженеры, и вовсе не обязательно знать это гражданским лицам.

— Но как Глава экспедиции я должен знать это! Ведь я ее Глава? — Он пристально взглянул на Аратапа. — Мне кажется, майор Андрос не всегда выполняет мои указания. Конечно, я редко приказываю ему. Было бы странно приказывать тиранийскому офицеру. Но я должен найти мою дочь. Ее зовут Артемида. Ее украли у меня, и я приложу все силы, чтобы вернуть дочь. Поэтому я должен все знать. В частности, я должен знать, почему мы решили, что враг находится вблизи Линганы. Ведь там должна быть и моя дочь. Вы знаете мою дочь? Ее зовут Артемида.

Он еще раз пристально взглянул на Представителя. Потом, смутившись, пробормотал:

— Прошу прощения.

У Аратапа перехватило дыхание. Трудно было поверить, что у стоявшего перед ним идиота сохранились хоть какие-нибудь отцовские чувства. Он мягко сказал:

— Я попытаюсь объяснить. Вам известно, что есть прибор под названием «массометр», который может определить наличие в космосе кораблей.

— Да, да.

— Он имеет чувствительность к гравитационным эффектам. Вы понимаете, что я имею в виду?

— О да. Все обладает гравитацией, — руки Хенрика нервно потирали одна другую.

— Хорошо. Массометр действует только в тех случаях, когда корабль находится близко, как вам известно. Менее чем в миллионе миль. Он должен быть удален от ближайшей планеты на такое же расстояние, иначе все, что определит массометр, — это планета, которая намного больше.

— И обладает большей гравитационной силой.

— Отлично, — сказал Аратап, и Хенрик удовлетворенно взглянул на него. Аратап продолжал:

— У нас есть еще один прибор. Это трансмиттер, который просвечивает космос во всех направлениях и обнаруживает в нем предметы энергомагнетического характера. Другими словами, он обнаруживает космические корабли. С его помощью мы обнаружили корабль, на котором прилетели наши враги. Как вам известно, он находится неподалеку от Линганы. И, помимо всего прочего, он никуда не улетает, так что мы обязательно спасем вашу дочь.

Хенрик улыбнулся:

— Отлично, я поздравляю вас, Представитель.

Увы, Хенрик понял очень мало из того, что рассказал ему Аратап. Важнее всего для него была надежда на возвращение его дочери. Что ж...

Вновь позвонили, и вошел майор Андрос. Хенрик вцепился двумя руками в кресло, а на его лице появилось затравленное выражение. Он слегка приподнялся и начал:

— Майор Андрос...

Но Андрос уже говорил, не обращая на беднягу никакого внимания.

— Представитель, — сказал майор, — «Беспощадность» изменила свой курс.

— Значит, он не высаживается на Лингане? — резко спросил Аратан.

— Нет, — прозвучал ответ. — Он совершил Прыжок в сторону, противоположную Лингане.

— Вот как? Хорошо. Вероятно, он следует за каким-нибудь другим кораблем.

— Не за одним, а за многими. Но мы, как известно, можем обнаружить только его.

— В любом случае нужно следовать за ним.

— Приказ уже отдан. Я уверен, что в результате Прыжка он оказался на краю Туманности Лошадиной Головы.

— Что?!

— В этом направлении нет ни одной планетарной системы. Но это только мои умозаключения.

Аратап облизнул пересохшие губы и быстро вышел из рубки, кивком пригласив майора с собой.

Хенрик остался стоять посреди внезапно опустевшей комнаты, задумчиво глядя на дверь. Потом, слегка пожав плечами, он вновь сел.

Лоцман сказал:

— Пространственные координаты «Беспощадности» уже определены, сэр. Они пересекаются внутри Туманности.

— Неважно, — ответил Аратап. — Повсюду следуйте за ними.

Он повернулся к майору Андросу:

— Вот видите, в чем польза ожидания! Теперь мы знаем, куда направляются наши друзья. Наблюдая за ними, мы сможем понять и то, зачем им это нужно.

И эскадра пересекла границы Туманности.

В двадцатый раз Аратап автоматически взглянул на смотровой экран. Собственно, это было абсолютно бессмысленно, потому что за стеклом царила темнота.

Андрос сказал:

— Это уже третья остановка без приземления. Я не понимаю их. Каждая остановка длится несколько дней. Но они и никуда не высаживаются.

— Возможно, им приходится долго рассчитывать следующий Прыжок, — предположил Аратап. — Их Прыжки слишком хороши. Каждый раз они останавливаются совсем близко от звезды. Они наверняка пользуются не только массометром — им известно также расположение планет.

— Почему же они не высаживаются?

— Полагаю, они ищут обитаемую планету. Возможно, им неизвестно точное расположение конспиративного центра. — Он хитро подмигнул майору. — Нам нужно только следовать за ними.

Внезапно до его слуха донесся возглас лоцмана:

— Сэр!

— Да?

— Враг высаживается на планету.

Аратап подал знак майору.

— Андрос, — сказал он, — вы уже знаете?

— Да. Что теперь?

— Ждать. Для начала нам нужно выяснить, что это за планета. И я запрещаю вам предпринимать без моего разрешения какие бы то ни было шаги. Иначе вы вернетесь на Тиранию и вас разжалуют в рядовые.

— Разжалуют?!

— Вы поняли меня? Отлично.

Они шли на посадку, и на смотровом экране начали возникать очертания планеты.

— Поверхность кажется весьма пустынной, сэр, — заметил лоцман.

— Вы можете определить точное расположение «Беспощадности»?

— Да, сэр.

— Тогда приблизьтесь к ней, насколько это возможно.

Они пролетали сквозь атмосферу. Небо над ними было ярко-пурпурного цвета. Аратап огляделся. Их долгое путешествие практически достигло цели!

Семнадцать

И ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ

Для тех, кто никогда не бывал в космосе, поиски обитаемой планеты могут показаться увлекательными или по меньшей мере интересными. Для космолетчика — это одно из самых утомительных заданий; долгая утомительная процедура, требующая многократных проверок, и когда они повторяются по отношению к трем различным звездам, каждый раз с отрицательным результатом, — депрессия, как следствие, оказывается вполне нормальной реакцией.

В случае с нашими героями депрессия больше всех отразилась на Джилберте. Чем дольше продолжались поиски, тем реже находил он что бы то ни было «восхитительным».

Они как раз готовились к Прыжку к четвертой в списке Автарха звезде, и Байрон заметил:

— А все же каждый раз мы оказываемся вблизи звезд. Расчеты Джоунти верны.

Джилберт возразил:

— Статистика показывает, что каждая третья звезда имеет планетарную систему.

Байрон кивнул. Это была хорошо известная статистика. Каждый ребенок знал это из курса элементарной галактографии.

Джилберт продолжал:

— А мы так и не нашли ни одной. Где-то должна быть ошибка.

— Ты смотришь на это со своей колокольни. И потом, что

такое статистика? Все, что мы знали до сих пор, касалось чего угодно, только не Туманности. Может быть, здесь другие законы. Впрочем, мои познания в космогонии невелики.

Он задумался на мгновение и неожиданно спросил:

— Ты знаешь, почему ее назвали Туманностью Лошадиной Головы?

— Первым человеком, посетившим ее, был Горас Хедд[1]. Или ты хочешь сказать мне, что это не так?

— Возможно. Но есть другое объяснение, я слышал его на Земле.

— Да?

— Говорят, что она похожа на лошадиную голову.

— Что такое лошадь?

— Это земное животное.

— Восхитительная мысль, но мне не кажется, что эта Туманность похожа на какое-нибудь животное.

— Смотря откуда смотреть, Джил. С Нефелоса она напоминает человеческую руку с тремя пальцами, но из обсерватории на Земле она и в самом деле похожа на лошадиную голову. Возможно, именно так и возникло ее название, и никакого Гораса Хедда тут никогда не было. Кто знает?

Байрон не вдумывался в смысл собственных слов. Он говорил просто, чтобы что-то говорить.

Возникла пауза. Она затягивалась, потому что Джилберт собирался с духом, чтобы поговорить с Байроном об одном чрезвычайно интересующем его деле. Наконец он решился.

— Где Арта? — спросил он.

— Не знаю, — быстро ответил Байрон. — Я не слежу за ней.

— Зато это делает Автарх. Скоро он переедет сюда жить.

— Это было бы крайне удачно для нее.

Джилберт свел брови на переносице.

— Не будь глупцом, Байрон. Артемида — из Хенриадов. Она не может взять то, что ты дал ей.

— Оставь это, — бросил Байрон.

— Нет. Я не могу молчать. Зачем ты так ведешь себя?! Потому что Хенрик, возможно, причастен к смерти твоего отца? Хенрик — мой кузен, но по отношению ко мне ты не изменился!

— Ну, хорошо, — перебил его Байрон. — Я не изменился

[1]Горас Хедд — в англ. языке означает «лошадиная голова».

по отношению к тебе. Я разговариваю с тобой как всегда. С Артемидой я тоже разговариваю как всегда.

— Как всегда?

Байрон промолчал.

Джилберт сказал:

— Ты сам подталкиваешь ее к Автарху.

— Это ее выбор.

— Нет. Это твой выбор. Слушай, Байрон, — Джилберт понизил голос, положив руку на колено юноши. — Мне не хотелось бы вмешиваться. Но она — самое хорошее, что есть в династии Хенриадов. Если хочешь знать, я люблю ее. У меня нет своих детей.

— Я не спрашивал тебя об этом.

— То, что я говорю тебе, нужно для ее блага. Останови Автарха, Байрон.

— Мне казалось, ты доверяешь ему, Джил.

— Как Автарху — да. Как антитиранийскому вождю — да. Но не как мужчине в отношениях с женщиной. В отношениях с Артемидой.

— Скажи ей об этом.

— Она не станет слушать.

— Ты думаешь, она станет слушать, если об этом скажу я?

— Да, если скажешь искренне.

Пораженный Байрон облизнул губы. Потом он отвернулся со словами:

— Я не хочу говорить об этом.

Джилберт грустно сказал:

— Ты еще пожалеешь.

Байрон не ответил. Почему Джилберт не оставит его одного? Он уже сам много раз жалел о случившемся. Но что он мог поделать? Назад пути не было.

Он попытался дышать через рот, чтобы унять боль в груди.

После следующего Прыжка панорама изменилась. Байрон как раз собирался заснуть. Вдруг Джилберт потряс его за плечо.

— Байрон! Байрон!

Байрон приподнялся на локте и раздраженно спросил:

— В чем дело?

Джилберт отступил на шаг:

— Слушай внимательно. На этот раз мы имеем F-2.

— Никогда не буди меня подобным образом, Джил. F-2, ты говоришь? Думаю, теперь нам сопутствует удача!

— Мне тоже так кажется, и это восхитительно!

Здесь необходимо пояснение. Почти девяносто пять процентов обитаемых планет в Галактике окружены звездами спектрального типа F или G диаметром от 750 до 1500 тысяч миль и с температурой на поверхности от пяти до десяти тысяч градусов. Солнце над Землей имело индекс G-0, над Родией — F-8, над Линганой G-2, как и над Нефелосом. F-2 было немного теплее, но не слишком горячее.

Первые три звезды, у которых они останавливались, относились к спектральному типу K, несколько более меньшему и холодному. Поэтому на планетах в их радиусе действия не могло быть никакой жизни.

Хорошая звезда — это хорошая звезда! Фотография показала, что здесь сосредоточились пять планет, ближняя в ста, а дальняя в пятидесяти миллионах миль от них.

Теодор Ризетт явился к ним, чтобы лично сообщить новость. Он не менее часто, чем Автарх, посещал «Беспощадность», согревая судно своим душевным теплом. На этот раз он сказал:

— Я не знаю, как Автарху удается все это... Пять планет!

Джилберт уточнил:

— Вокруг этой звезды? Ты уверен?

— Безусловно. Хотя четыре из них J-типа.

— А пятая?

— С пятой, очевидно, все в порядке. Атмосфера содержит оксиген.

— А хлориды? — поинтересовался Байрон. — Насколько они просачиваются сквозь атмосферу?

Ризетт вздохнул.

— Пока мы не знаем этого. Если здесь есть хлориды, то они должны быть сконцентрированы на уровне поверхности. Посмотрим.

Джилберт с тоской смотрел на них. Автарх обхаживает Артемиду, а его правая рука стала собутыльником Байрона. «Беспощадность» все больше становилась линганским кораблем. Он подумал, что Байрон знает, что делает, а потом его мысли полностью переключились на новую планету.

Когда они проходили сквозь атмосферу, Артемида была в рубке пилота. Она слегка улыбалась. Байрон изредка поглядывал в ее сторону. Когда она вошла, он сказал:

— Добрый день, Артемида!

Она не ответила.

Потом поздоровалась с Джилбертом и спросила:

— Это правда, что мы приземляемся?

Джил потирал руки.

— Кажется, да, моя дорогая. Через несколько часов мы сможем покинуть наш корабль и отправиться на прогулку по твердой поверхности. Не правда ли, восхитительная мысль?

— Надеюсь, это та планета, которую мы ищем. Если нет, то не будет ничего восхитительного.

— Тогда мы полетим к другой звезде, — с энтузиазмом провозгласил Джилберт.

Внезапно Артемида повернулась к Байрону и холодно спросила:

— Вы что-то сказали, мистер Фаррилл?

— Нет, ничего, — удивленно ответил Байрон.

Она прошла так близко от него, что подол платья задел его колено, и он почувствовал запах ее духов. Его мышцы напряглись.

— Тогда прошу прощения. Мне показалось.

Ризетт все еще был с ними. Он сказал:

— Теперь мы можем узнать об атмосфере немного больше. Много оксигена, почти 30 процентов нитрогена и инертных газов. Это вполне нормально. Хлоридов нет.

Потом помолчал и промычал:

— Хммм...

— В чем дело? — встревоженно воскликнул Джилберт.

— Нету карбондиоксидов. Это совсем нехорошо!

— Почему? — поинтересовалась Артемида, глядя на планету в смотровое стекло.

Байрон коротко ответил:

— Нет карбондиоксидов — нет растительной жизни.

— Да? — Она с дружелюбной улыбкой смотрела на него.

Байрон против желания улыбнулся ей в ответ. Когда она была рядом, он не мог держать себя в руках. Все самовнушение тут же испарялось. Ну что с этим можно поделать?

Джилберт был счастлив. Они приземлялись. Странно было

только то, что до сих пор они не получили ответа ни на один радиосигнал.

— Все это мало похоже на мятежный мир, — заметил Джилберт. — Каков уровень карбондиоксидов, Ризетт?

— Около тысячи процентов.

— Я вижу фермы, — обрадованно воскликнул Джилберт. — Странно, что они никак не реагировали на наши радиосигналы. Хотя, возможно, это просто необходимая осторожность.

Байрон кивнул. Его внезапно охватила надежда, что это тот мир. Он понял, что не может больше ждать. Он немедленно должен высадиться на эту планету!

Это было восхитительное чувство!

Люки открыли, и корабль заполнился атмосферой планеты. Ризетт предостерегал о возможности возникновения респираторных заболеваний вследствие отсутствия карбондиоксида, но Байрон не думал, что за столь короткое время это возможно.

Джилберт сошел с корабля вместе с ними. Они огляделись вокруг и разошлись в разные стороны.

— Скалы! — вдруг воскликнул Джилберт.

— Прекрасно. Мы попробуем послать радиосигнал с вершины самой высокой из них. Если эффекта не последует, попытаемся проделать то же самое на другой стороне планеты. Это сделаем Автарх и я, — Байрон был полон решимости.

Ризетт согласился с ним. Планета оказалась солнечной, и уровень влажности воздуха был невелик, но все же они ежились от пронизывающего холода.

Автарх, чья экипировка на этот раз была дополнена маленьким карбондиоксидным цилиндром, стоял сейчас у главного люка «Беспощадности».

Он спросил:

— Ты поможешь мне в поисках, Фаррилл?

— Конечно, — ответил Байрон. — Ты считаешь, я должен взять оружие?

— Об этом я как-то не думал.

Тон обоих был холоден, как и погода.

Байрон натянул скафандр, снабженный радиосвязью. Автарх сделал то же самое.

— Не слишком тяжелый, — заметил Байрон. Он повернулся и увидел стоящую прямо перед ним Артемиду.

Девушка молчала. Ее платье трепетало на ветру. Запястья были схвачены широкими серебряными браслетами.

На мгновение Байрону захотелось бросить все, вернуться, сжать ее в объятиях, ощутить вкус ее губ...

Но вместо этого он прощально кивнул ей и отвернулся, так что ее ответная улыбка досталась Автарху.

Через пять минут Байрон обернулся и увидел, что она все еще стоит в проеме открытого люка. Перед ними открывался пустынный горизонт, и лишь одинокая скала возвышалась вдалеке.

Байрон подумал вдруг, увидит ли он Артемиду вновь — и будет ли она переживать, если он не вернется никогда?

Восемнадцать

СТРЕМИТЬСЯ К ПОБЕДЕ...

Артемида смотрела им вслед, пока их фигуры не стали крошечными точками. На мгновение, прежде чем они совсем скрылись из виду, один из них оглянулся. Она не могла сказать точно, кто это был, и на сердце у нее залегла печаль.

Он не сказал на прощанье ни слова. Ни единого слова. Ей стало одиноко, ужасно одиноко, как никогда в жизни.

Вернувшись в рубку, она задумчиво уселась в кресло. Она могла бы пойти с ним! Артемида мысленно поправила себя — с ними.

Отогнав от себя крамольную мысль, она спросила:

— Почему они не отвечают, дядя Джил?

— Кто?

— Жители мятежного мира.

Джилберт был чем-то обеспокоен.

— Мы сделаем все от нас зависящее, дорогая. Мы должны найти их!

Он повторил еще раз:

— Должны!

И мгновением позже:

— Но я не могу их найти.

— Кого?

— Байрона и Автарха. Их нигде не видно. Правда, я вижу корабль Автарха.

Артемида прильнула к стеклу. Да, это был корабль, и он сверкал в лучах солнца. Внезапно ей остро захотелось, чтобы можно было повернуть время вспять, чтобы они никогда не приближались к Лингане, чтобы всегда оставались в космосе втроем. Пусть им не всегда было комфортно, но как же она была счастлива тогда! А сейчас она только ненавидит его. Что-то заставляет ее ненавидеть, хотя ей бы хотелось совсем иного...

Внезапно Джилберт воскликнул:

— Что он собирается делать?!

— Кто?

— Ризетт! Я думаю, что это Ризетт. Но он не должен был идти в этом направлении.

— Увеличь изображение, — приказала Артемида.

— На таком маленьком расстоянии? — удивился Джилберт. — Ты ничего не увидишь. Я не смогу навести резкость.

— Увеличь изображение, дядя.

Теперь они ясно видели силуэт Ризетта. Артемида воскликнула:

— Он вооружен. Ты заметил?

— Нет.

— У него в руках бластер, говорю тебе!

Она, вскочив, бросилась к люку.

— Арта! Что ты делаешь?

Она была занята поисками скафандра.

— Я собираюсь выйти отсюда. Ризетт преследует их. Как ты не понимаешь? Автарх вовсе не намерен устанавливать радиосвязь. Это ловушка для Байрона!

— Прекрати! Ты говоришь чепуху!

Но она смотрела на Джилберта невидящими глазами, а ее лицо побелело. О, глупец! Кому этот мальчишка поверил?! Ризетту, который нахваливал его отца, а на самом деле готовился убить его?!

Она сказала:

— Я не знаю, как открывается люк. Открой его.

— Арта, ты не покинешь корабль. Ты же не знаешь, где они!

— Я найду их. Открой люк.

Джилберт отрицательно покачал головой.

— Открой люк! — крикнула она.

Он подчинился. Артемида выскочила наружу и помчалась в сторону скалы. Кровь билась у нее в висках, шлем потерялся по дороге, и теперь голова ее была непокрыта. Но она спешила вперед, держа в руке нейронный хлыст.

Байрон и Автарх не сказали во время своей прогулки ни слова друг другу. Они приближались к скале.

— Какой безнадежный мир, Джоунти, — заметил вдруг Байрон.

Автарх никак не отреагировал на его слова. Он остановился, оглядывая окрестности. Наконец пробурчал себе под нос:

— Это то, что нужно. Идеальное место для наших целей.

«Идеальное место для твоих целей», — подумал Байрон. Он присел на камень, прислушиваясь и чего-то ожидая.

Потом он спокойно добавил:

— Не представляю, что ты скажешь им всем, когда вернешься на корабль, Джоунти. Или я не прав?

Автарх, занятый открыванием двух небольших чемоданчиков, на мгновение замер.

— О чем ты говоришь?

— О том, как ты объяснишь, зачем пришел сюда.

— Я пришел сюда, чтобы попытаться установить радиосвязь, и у меня нет времени на пустую болтовню, Фаррилл.

— Ты вовсе не собираешься устанавливать радиосвязь. Зачем? Ведь мы уже пытались связаться с ними из космоса — и безрезультатно. Так зачем же ты пришел сюда на самом деле, Джоунти?

Автарх сел напротив Байрона. Рука его покоилась на чемоданчике.

— Если у тебя есть сомнения, зачем ТЫ ПОШЕЛ со мной?

— Чтобы узнать правду. Твой человек, Ризетт, говорил мне, что ты собираешься совершить эту маленькую прогулку, и советовал мне пойти с тобой. Я уверен, что, приказывая ему посоветовать мне пойти с тобой, ты придумал какую-нибудь вескую причину. Я попался на эту удочку, и вот мы здесь.

— Так ты хочешь узнать правду? — насмешливо переспросил Автарх.

— Да. Я ее уже почти понял.

— Тогда поведай и мне, что же именно ты понял.

— Ты пришел, чтобы убить меня. Я здесь с тобой наедине, над нами нависает скала, и вполне может случиться так, что я полезу на нее, оступлюсь и упаду. Тебе не понадобится даже пользоваться оружием. Потом ты приведешь людей за моим трупом и, возможно, даже похоронишь меня с почестями.

— И ты веришь в то, что говоришь?

— Да, но ты не застанешь меня врасплох. Мы оба безоружны, и я не думаю, что ты окажешься сильнее меня.

Правой рукой Байрон показал Автарху кукиш.

Джоунти рассмеялся.

— Может быть, мы все же займемся тем, зачем пришли сюда, — радиосвязью?

— Перестань дурачить меня. Я знаю, что ты хочешь убить меня.

— Я бы не советовал тебе повторять эти глупости. Щенок!

— Слушай, — голос Байрона был громким и отчетливым. — Ты говорил, что послал бы меня на верную смерть — я имею в виду Родию — только для того, чтобы навлечь подозрения на Правителя?

— Да.

— Это ложь. Твоей главной целью было, чтобы меня убили. Ты сообщил капитану родийского корабля, кто я на самом деле. Ты не думал, что я вообще попаду к Хенрику.

— Если бы я хотел убить тебя, Фаррилл, то мог бы подложить в твою комнату настоящую бомбу.

— Тогда это было бы сложнее представить как попытку тиранийцев убить меня.

— Я мог убить тебя в космосе, когда впервые попал на борт «Беспощадности».

— Мог. Ты пришел вооруженный бластером и нацелил его на меня. Но когда Ризетт узнал, кто я такой, для тебя стало невозможным убить меня. Твоя ошибка заключалась также в том, что ты не сказал сам своим людям, кто я такой. Не станешь же ты отрицать это, Джоунти?

Лицо Джоунти, без того белое от холода, побелело еще больше.

— Даже сейчас я мог бы убить тебя. И что удержало бы меня?

— Политика, Джоунти. На борту корабля находится Артемида из Хенриадов, и, мне кажется, сейчас она более важная персона, чем я. Убить меня в ее присутствии — означает проиграть так успешно начатую для тебя партию. Ты навсегда потеряешь надежду на успех в ее глазах.

Джоунти вздохнул и сказал:

— Фаррилл, здесь холодно, а становится еще холоднее. Мне кажется, солнце заходит. Ты глуп и очень утомил меня. Все же я хотел бы знать: зачем, по-твоему, мне понадобилось убивать тебя?

— По той же причине, по которой ты убил моего отца.

— ЧТО?!

— Думаешь, я поверил, когда ты обвинил беднягу Хенрика в предательстве? Думаешь, я считаю моего отца таким глупцом, чтобы он мог чересчур довериться Хенрику? Нет, Джоунти! Мой отец должен был очень доверять своему убийце, чтобы позволить ему приблизиться к себе.

Джоунти отступил назад и поддел ногой один из чемоданчиков. Тот раскрылся, и содержимое его вывалилось на землю.

— Я вижу, у тебя разыгралась фантазия. Ты помешан на криминальных историях.

Байрон дрожал, но холод был здесь ни при чем.

— Мой отец был популярен среди твоих людей, Джоунти. Слишком популярен. Автарх не может допустить, чтобы кто-то имел больший авторитет, чем он. Ты избавился от соперника! А от меня хочешь избавиться потому, что боишься, будто я займу его место! — Его голос нарастал и постепенно перешел в крик. — Разве это неправда?

— Нет.

Джоунти нагнулся за чемоданчиком.

— Я могу доказать, что ты ошибаешься. — Он открыл его. — Радиоснаряжение. Посмотри на него. Хорошенько посмотри.

Байрон опустил взгляд на чемоданчик:

— Ну и что это доказывает?

Джоунти выпрямился.

— Ничего. А теперь внимательно взгляни на это.

В руке он держал бластер.

— Я устал от тебя, Фаррилл. Я больше не хочу разговаривать с тобой.

— Ты пронес бластер в чемоданчике с оборудованием! — Изумлению Байрона не было границ.

— А почему бы и нет? Я могу себе это позволить. Я — Автарх Линганы, и я устал от постоянной необходимости выслу-

шивать всяких Господ Вайдемоса. — И он приказал: — Вперед! Полезай на скалу!

Байрон, неотрывно глядя в дуло бластера, отступил на шаг.

— Ты убил моего отца!

— Да, я убил его, — рассмеялся Автарх. — Я говорю тебе это только потому, что тебе недолго осталось жить.

— И ты уже не раз пытался убить меня!

— Да. Ты прав в своих допущениях. И чем сейчас это может помочь тебе? Вперед!

— Нет, — воскликнул Байрон. — Если собираешься стрелять, стреляй.

Автарх раздраженно спросил:

— Ты думаешь, я не сделаю этого?

— Я даже прошу тебя выстрелить.

— Хорошо, — Автарх прицелился в голову Байрона и спустил курок.

Девятнадцать

...И ПОТЕРПЕТЬ ПОРАЖЕНИЕ

Теодор Ризетт прятался за скалой. Он не хотел, чтобы его увидели раньше времени. Бластер он держал в кармане. Солнце благоприятствовало ему: если бы те, за кем он наблюдал, повернули головы в его сторону, оно светило бы им прямо в глаза, и его было бы трудно заметить.

Он отлично слышал их голоса. Все же хорошо он придумал с этим встроенным микрофоном! Ризетт усмехнулся. Все идет по плану, только создатель этого плана явно не рассчитывал на присутствие здесь постороннего.

Артемида не видела бластер. Она не видела и двух фигур на скале. Пять минут назад она заметила Ризетта и теперь следовала за ним. Но он шел слишком быстро. Догоняя его, она дважды упала, но даже не почувствовала этого. При втором падении она рассекла ногу, и теперь за ней оставался багровый след.

Из последних сил она сжимала нейронный хлыст.

Как привлечь к себе его внимание? Она крикнула:

— Ризетт! — И вновь: — Ризетт!

Внезапно она споткнулась. Солнце светило ярко, но мир

потемнел, сознание начало покидать её. Артемида почувствовала, что касается земли, что хлыст выскальзывает из пальцев...

Чьи-то руки подхватили ее. Она с усилием приоткрыла глаза.

— Байрон? — прозвучал еле слышный шепот.

В ответ послышались слова, но это был голос не Байрона. Это голос Ризетта, поняла она.

И тут сознание окончательно покинуло девушку.

На лице Автарха было недоумение, как у ребенка, которому дали игрушку и тут же отобрали ее. Он вновь и вновь нажимал на спуск бластера, однако выстрел так и не раздался.

Байрон сказал:

— Кажется, с твоим бластером что-то не в порядке?

Автарх переводил взгляд с Байрона на оружие. С ужасом он обнаружил, что бластер разряжен. Теперь оружие было просто бесполезной игрушкой. Автарх отбросил его в сторону.

— Око за око, — голос Байрона дрогнул.

Автарх, ничего не говоря, отступил назад.

Байрон медленно шагнул к нему.

— Существует множество способов убийства, но я не буду удовлетворен, если смерть твоя наступит сразу. Тогда ты не успеешь ощутить ее. Это будет плохо. Думаю, я должен продлить этот процесс.

Внезапно до его слуха донесся отчаянный крик:

— Ризетт! Ризетт! Не стреляй!..

В ту же минуту Автарх бросился на Байрона и повалил его на землю. Его пальцы пытались сдавить шею юноши. Байрону удалось вывернуться. Автарх отскочил в сторону, тяжело дыша и готовясь повторить попытку.

Они вновь сцепились и покатились клубком по земле. Потом вскочили, держа каждый свой карбондиоксидный цилиндр наперевес. Внезапно Автарх метнул цилиндр в сторону юноши, но не попал, и цилиндр с грохотом покатился по скале.

Это разозлило Байрона. Подскочив к Автарху, он рывком втащил его на вершину скалы, подталкивая к самому краю. Автарх уже чуть не потерял равновесие, но противник вовремя схватил его за руку.

— Ты подошел слишком близко к краю, Джоунти. Я еще не хочу, чтобы ты умирал. Поэтому не торопись.

Джоунти застонал от бессильной злобы.

И тут прозвучал голос Ризетта:

— Подожди!

— Убей этого человека, Ризетт! Убей его! — заверещал Автарх. В нем возродилась надежда.

Ризетт медленно поднял оружие и прицелился.

— Как ты думаешь, — спросил Байрон, — почему твой бластер оказался разряженным, Джоунти?

— Что?! — Автарх растерянно заморгал.

— Твой бластер разрядил не я, Джоунти. Так кто же? Кто сейчас целится в тебя, Джоунти? Не в меня, Джоунти, в ТЕБЯ?

Повернувшись к Ризетту, Автарх процедил:

— Предатель!

— Не я, сэр, — громко возразил Ризетт. — Предатель тот, кто способствовал смерти Господина Вайдемоса.

— Это не я, — закричал Автарх. — Если это сказал тебе он, то он лжет!

— Это сказал мне ты сам. Я не только разрядил твое оружие, но и снабдил тебя микрофоном, который позволял слышать каждое твое слово и мне, и остальным членам команды. Теперь все знают, кто ты есть на самом деле.

— Я твой Автарх!

— Но также и величайший из предателей.

Теперь Автарх лишь молча переводил глаза с одного на другого. К нему вернулось самообладание. Он холодно спросил:

— Если даже это и правда, что можно изменить? Ничего. Мы сейчас находимся на одной из планет Туманности. Эта планета должна быть мятежным миром, и только мне известны ее координаты.

Он все еще пытался играть роль вождя.

— Ты назовешь их нам, — сказал Байрон.

— Никогда!

Байрон обратился к Ризетту:

— Отправь его на «Беспощадность».

Ризетт тихо сказал:

— Леди Артемида...

— Так это она кричала? Где она?

— Все в порядке. Она вышла без карбондиоксидного ци-

линдра. Углекислый газ замедлил ее кровообращение, и тело автоматически ослабло. Она пыталась бежать, и это еще ухудшило положение.

— Зачем же она догоняла тебя? Чтобы убедиться, что ее дружок не умер?

— Да, именно для этого, — ответил Ризетт. — Только она думала, что я человек Автарха и собираюсь убить ТЕБЯ. Я отправлю на корабль эту крысу, а ты, Байрон...

— Да?

— Возвращайся как можно скорее. Он все же остается Автархом Линганы, и тебе, возможно, придется поговорить с командой. Трудно решиться оборвать жизнь своего господина... Она за той скалой. Поспеши же к ней, пока она не замерзла до смерти. Ее нельзя оставлять там.

Артемида приходила в себя, когда послышались его торопливые шаги.

— Как ты?

— Спасибо, немного лучше. Прости, что доставляю тебе столько хлопот.

Они стояли, глядя друг на друга, и между ними шел беззвучный диалог.

Потом Байрон сказал:

— Я знаю, что мы не сможем повернуть время вспять, и то, что сделано — сделано. Но я хочу, чтобы ты меня поняла.

— Я только и делала все эти дни, что пыталась понять. Ты снова будешь говорить о моем отце?

— Нет. Я знаю, что твой отец невиновен. Автарх оклеветал его. Моего отца убил он сам, и теперь, я думаю, ты не сможешь простить меня. Я знал, что он домогается тебя, Арта! Ты являлась объектом его матримониальных устремлений. Имя Хенриады для его целей было куда важнее имени Вайдемоса! Я оказался ненужным. Он решил, что ты в его руках, и он может смело избавиться от меня. Тогда мы с Ризеттом разработали наш план.

— И ты любил меня все это время?

— Неужели ты сама не знаешь этого, Арта?

— Почему же ты тогда не поделился со мной своими планами?

— Это была не твоя борьба, а моя. Если бы Автарх убил ме-

ня, ты бы, возможно, перестала меня ненавидеть. Ты могла бы выйти за него замуж, быть счастлива...

— И теперь ты боишься, что я буду ненавидеть тебя за то, что ты победил.

— А ты могла бы ненавидеть меня?

Она тихо сказала:

— Все это время я пыталась разлюбить тебя, но у меня так ничего и не получилось.

— Тогда прости меня!

— Я уж давно простила тебя, Байрон, потому что люблю!

И вновь она была в его объятиях. Ее холодные губы касались его щеки и тихо шептали что-то. Время остановилось.

Наконец он опомнился.

— Солнце садится. Становится прохладно.

— Странно, — задумчиво прошептала она, — но мне кажется, что, напротив, потеплело.

Обнявшись, они побрели к кораблю.

Их было пятьдесят — членов команды линганийского корабля — и все они с ожиданием смотрели сейчас на Байрона. Он выступил вперед.

— За что вы боретесь, люди? За что рискуете своими жизнями? Думаю, за свободу Галактики. Галактики, в которой каждый сможет выбрать свой собственный путь. Я прав?

В ответ раздался приглушенный ропот, который мог быть знаком одобрения, но лишенным энтузиазма.

Байрон продолжал:

— За что же боролся ваш Автарх? За себя самого. Он — Автарх Линганы. Если бы он победил, то стал бы Автархом Королевств Космической Туманности. Вы поменяли бы Хана на Автарха. Кто бы выиграл от подобной замены? И стоило ли умирать за это?

Кто-то из толпы выкрикнул:

— Все же он один из нас, а не гнусный тираниец.

Другой перебил его:

— Автарх хотел примкнуть к мятежному миру. Он думал не только о себе.

— Да, он хотел войти в мятежный мир не только со своей организацией, — голос Байрона гремел над толпой. — Он хотел соблазнить их Линганой; он предложил бы им альянс с Хенриадами. И за это, он был уверен, мятежный мир даст ему все, что он попросит. Разве это не мысли собственника и

эгоиста?! И потом, не подвергал ли он неоправданному риску ваши жизни? А мой отец? Он был верным другом свободы и чести. Но он был слишком популярен, и Автарх убрал его с дороги. Автарх может переступить через любого из вас. Можно ли чувствовать себя в безопасности рядом с таким человеком?

— Верно, — веско заявил Ризетт. — Он прав, ребята.

Внезапно тот же самый голос из заднего ряда спросил:

— А мятежный мир? Автарх знал его координаты. А ты их знаешь?

— Об этом мы поговорим позже. Сейчас надо обдумать, какую дорогу мы изберем после...

— Минуточку, мой дорогой юный друг, — раздался тихий прерывистый голос, и Байрон в ужасе оглянулся.

Пятьдесят человек команды вскочили на ноги, но все они пришли на совет безоружными. Их окружил отряд тираний-ских воинов, и сопротивление было бесполезным.

А за спиной Байрона и Ризетта с бластером в каждой руке стоял Саймок Аратап.

Двадцать

ГДЕ?

Аратап внимательно изучал стоящую перед ним четверку. Майора Андроса с ним больше не было, улетела и тираний-ская эскадра.

Остался только флагманский корабль, его команда, и он, Аратап. Лично. Линганийская команда также отбыла.

Он медленно произнес:

— Позвольте предупредить вас, леди и джентльмены. Корабль Автарха в настоящее время под конвоем направляется в Тиранию в сопровождении майора Андроса. Вся команда, в соответствии с законом, предстанет перед судом за измену. Но вот что мне делать с вами?

— Учтите, — заговорил сидящий рядом с ним Хенрик с Родии, — что моя дочь — совсем молоденькая девушка. Она была вовлечена во все это помимо ее воли. Артемида, дитя мое, скажи им, что...

— Твоя дочь, — прервал его Аратап, — будет, несомненно,

освобождена. Как мне известно, ее руки просит тиранийский придворный. Я не забыл этого.

— Я выйду за него замуж, — вмешалась Артемида, — если вы освободите остальных.

Байрон полупривстал, но Аратап жестом усадил его на место. Тиранийский Представитель усмехнулся:

— Моя милая леди! Не требуйте от меня невозможного. Я не Хан, а всего лишь один из его слуг. У меня есть только одно право — судить его по справедливости. Так что же вы предлагаете?

— Мое согласие на замужество.

— А оно никому не нужно. Ваш отец уже дал его за вас. Вы можете предложить что-нибудь еще?

Аратап ожидал взрыва негодования. Ему в глубине души была неприятна его роль. Девушка могла также разразиться слезами, что произвело бы соответствующее впечатление на молодого человека. Ведь они явно влюблены друг в друга. Он определил для себя, что девушка очень привлекательна. Жаль, что она достанется этому старцу, Похангу.

Но она вела себя странно. Она, казалось, не собиралась падать без чувств. Отлично, подумал Аратап. У нее сильная воля. Поханг еще хлебнет с ней горя.

Он обратился к Хенрику:

— Ты просишь о снисхождении также для твоего кузена?

Губы Хенрика беззвучно шевелились.

Джилберт воскликнул:

— Я не нуждаюсь ни в каком снисхождении! Я не хочу от Тирании ничего. Прикажите убить меня.

— К чему эта истерика? — удивился Аратап. — Вы отлично знаете, что я не могу расстрелять вас без суда.

— Он мой кузен, — прошептал Хенрик.

— Это тоже будет учтено. Но не следует рассчитывать на то, что ваша служба Хану влечет за собой дополнительные поблажки. Думаю, ваш родственник скоро усвоит этот урок.

Он был удовлетворен реакцией Джилберта. Этот балбес, по-видимому, и в самом деле ищет смерти. Самое страшное наказание для него — оставить его в живых.

Перейдя к Ризетту, Аратап задумался. Это был один из людей Автарха. В связи с этим он обладал некоторой неприкосновенностью. Он сказал:

— Вы — глупец, который служит предателю. Лучше перейдите на службу к нам.

Ризетт фыркнул.

Аратап продолжил:

— Если вы дорожите своей воинской честью, вы можете потерять ее. Вас будут судить публично, и все узнают, что вы глупец из глупцов. Жаль...

— Но я думаю, мы могли бы поторговаться, — сказал Ризетт.

— Поторговаться?

— У вас есть только массометр. Разве вам не хочется иметь другое современное оборудование?

Аратап отрицательно покачал головой.

— Нет. Для этого у нас есть Автарх. Он и послужит источником информации. Такая торговля меня не интересует.

И он повернулся к юноше. Аратап оставил его на закуску, потому что тот был гораздо умнее остальных. Но он был молод, а молодые люди чаще всего неопасны.

Байрон решил опередить его.

— Как вам удалось найти нас? Он работал на вас?

— Автарх? Не в том смысле, в котором ты думаешь. Думаю, бедняга пытался играть за две команды сразу, и проиграл.

Хенрик с глуповатой улыбкой вмешался в их разговор.

— У тиранийцев есть изобретение, позволяющее следить за кораблями в гиперпространстве.

Аратап быстро обернулся:

— Если вы, мой господин, скажете еще хоть одно слово об изобретении, я разгневаюсь.

Хенрик умолк.

На самом деле это не имело значения. Никто из этой четверки не представлял теперь опасности, но он не должен был допустить, чтобы молодой человек узнал слишком многое.

— Итак, обратимся к фактам, — снова заговорил Байрон. — Почему нас не отправили на Тиранию вместе с остальными? Это произошло потому, что вы еще не решили, как лучше нас убить. Двое из нас Хенриады, я — Вайдемос. Ризетт — хорошо известный офицер линганийской гвардии. Есть еще и пятый, которого вы назвали предателем, — Автарх Линганы. Вы не можете убить ни одного из нас, чтобы это не стало известно всей Галактике. Поэтому вы пытаетесь торговаться с нами — и вам ничего другого не остается.

— Ты не так уж не прав, — согласился Аратап. — И в подтверждение этого я последую твоим советам; неважно, каким образом. Пока же меня занимает только один вопрос: где этот чертов мятежный мир?

Воцарилась тишина. Аратап поочередно смотрел на каждого из них.

— Здесь нет никакого мятежного мира, — сказал Байрон.

— И вы ничего не искали здесь?

— И мы ничего не искали.

— Твои слова смешны.

— Смешон ты, если ожидаешь ответа на свой вопрос.

— Очевидно, — Аратап рассуждал вслух, — что мятежный мир находится в центре октопуса. Чтобы найти его, я должен оставить вас в живых. Каждому из вас есть что терять. Моя леди, я могу избавить вас от ненавистного замужества. Мой господин Джилберт, мы можем создать для вас лабораторию, где вас никто не побеспокоит. Да-да, нам известно о вас больше, чем вы думаете. Полковник Ризетт, вы будете спасены от трибунала и сохраните таким образом свое доброе имя. Ты же, Байрон Фаррилл, вновь станешь Господином Вайдемоса, и мы простим тебе прегрешения твоего отца.

— И вернете его к жизни?

— И восстановим его честь.

— Его честь, — сказал Байрон, — осталась в его поступках и его гибели. Не в вашей власти разрушать или восстанавливать ее.

— Кто-нибудь из вас четверых, — Аратап будто не слышал юношу, — скажет мне, где искать мир. И этот человек получит то, что я ему пообещал. С остальными же произойдет то, что они считают для себя наихудшим, — замужество, заключение, суд, казнь. Предупреждаю: я могу, если нужно, быть весьма жестоким.

Он выждал мгновение.

— Итак, кто же? Если не скажете вы, скажет кто-то другой. Тогда вы потеряете всякие шансы, а я все-таки получу нужную мне информацию.

— Это не поможет, — улыбнулся Байрон. — Мятежного мира нет.

— Автарх считает, что есть.

— Тогда и задайте свой вопрос Автарху.

Аратап выпрямился. Молодой человек явно блефует.

— Видишь, — добавил Байрон, — наш торг не удался. Ты не можешь предложить ничего из того, что мы купили бы. Верно?

Артемида крепко прижалась к нему. Ризетт коротко кивнул, а Джилберт пробормотал:

— Верно.

— Вы сами сделали свой выбор, — процедил Аратап, нажимая кнопку.

Теперь перед ним предстал Автарх.

— Что тебе нужно? — глухо спросил он.

— Сейчас я скажу тебе это, — сказал Аратап. — Во-первых, я хотел встретиться с тобой. Посмотреть, кого же мы поймали. Кстати, в наших руках оказался также молодой человек, который, по твоему замыслу, должен был умереть, но который все еще жив и сумел разрушить все твои планы, хотя ты — Автарх, а он всего лишь заключенный.

Было бы сложно описать выражение лица Автарха при этом сообщении. Но он быстро принял невозмутимый вид.

Не глядя на него, Аратап продолжал:

— Здесь также Джилберт из Хенриадов, который спас жизнь этого юноши и привел его к тебе. Здесь госпожа Артемида, которая, по-видимому, является возлюбленной этого молодого человека. И здесь полковник Ризетт, твое наиболее доверенное лицо, который приложил руку к твоему падению. Чего бы ты пожелал этим людям, Автарх?

— Что тебе нужно? — снова хрипло спросил Автарх.

— Информация. Дай мне ее, и ты вновь станешь Автархом. Твои сведения по заслугам оценят при дворе Хана. Иначе...

— Иначе?

— Иначе все эти люди будут освобождены, а ты казнен.

Лицо Автарха расплылось в коварной улыбке.

— Они не могут быть освобождены. Ведь только я знаю координаты мятежного мира!

— Но я ведь еще не сказал, какого рода информация мне нужна, Автарх!

— Существует только одна вещь, которую ты хотел бы знать.

Ризетт вмешался в этот разговор:

— Если ты и поверишь ему, все равно в конце концов будешь казнен!

Байрон одернул друга.

— Не глупи, — спокойно сказал он. — Ты все равно ничего не сможешь сделать.

— Меня, — произнес Автарх, — мало волнуют и Автархия, и я сам, Ризетт. — Он повернулся к Аратапу. — Они будут казнены? Ты можешь мне обещать? — Он указал пальцем на Байрона: — Особенно этот.

— Да, если такова твоя цена.

— Если я стану его палачом, то ты узнаешь все, что хочешь знать. Я дам тебе ро, тету и фи в парсеках и радианах: 7352.43, 1.7836, 5.2112. Эти три значения указывают положение мятежного мира в Галактике. Теперь ты знаешь их!

— Теперь да, — Аратап поспешно записывал цифры на клочке бумаги.

С криком «Предатель!» Ризетт вскочил на ноги.

Байрон не сумел удержать его. Ризетт боролся с охранником. Тому на помощь пришел другой охранник, но было поздно — Ризетт уже завладел бластером.

— Предатель, — в последний раз повторил он и выстрелил в Автарха. Автарх упал, тело его несколько раз конвульсивно дернулось — и затихло.

Аратап продолжал сохранять невозмутимость. Он только приказал:

— Уберите тело!

Друзья окружили Ризетта. Он порывисто пожал Байрону руку.

— Я убил-таки этого мерзавца!

Байрон отчетливо произнес:

— Ты *попал в ловушку* Аратапа, Ризетт.

— В ловушку? Я просто убил одного негодяя!

— В этом и заключается ловушка. Ты доставил ему удовольствие.

Ризетт ничего не ответил, а Аратап не вмешался. Его лицо выражало удовлетворение. Да, мозги этого юноши отлично работают!

Байрон продолжил:

— Если Аратап имел в виду именно то, что говорил, теперь ему известно то, что он хотел знать. Ведь он допрашивал нас

просто, чтобы испытать. Я был готов к любым, связанным с этим неожиданностям. Ты — нет.

— Я думал, — голос Аратапа звучал необычайно мягко, — что вы сделаете это.

— Вот-вот, — подхватил Байрон. — Теперь тебе ясно, что он вовсе не собирался оставлять Автарха в живых? Все тираннийцы подобны змеям. Ему нужна была только информация Автарха; он не собирался платить за нее; но он не мог рисковать, убивая его собственноручно. За него это сделал ты.

— Правильно, — подтвердил Аратап, — и теперь у меня есть необходимая мне информация.

Где-то зазвонил колокольчик.

— Хорошо, — наконец прервал молчание Ризетт. — Если это доставило ему удовольствие, то же самое можно сказать и обо мне.

— Не совсем так, — прервал его Аратап, — поскольку твой юный друг не довел свои аналитические упражнения до конца. Ты совершил новое преступление. Это влечет за собой...

Внезапно он замолчал. Он услышал чьи-то шаги и скрип открываемой двери. На пороге стоял солдат.

— Что случилось?

— Общая тревога, сэр. Аккумуляторное отделение.

— Пожар?

— Еще точно неизвестно, сэр.

Про себя Аратап воззвал к небу и только сейчас сообразил:

— Где Джилберт?

Он и не заметил, как тот выскользнул из комнаты.

Джилберта нашли в комнате радиосвязи и немедленно доставили в каюту Аратапа.

Аратап раздраженно спросил:

— Кто позволил вам прогулку по кораблю, мой господин? Особенно сейчас, когда объявлена общая тревога.

Потом он продолжил начатую ранее мысль:

— Мне кажется, Ризетт, на сегодня достаточно. У нас есть похищенный тобой, Фаррилл, корабль; есть и мое флагманское судно. С их помощью мы найдем мятежный мир. Мы направимся в точку, которая соответствует координатам Автарха, как только навигаторы рассчитают Прыжок. Это будет одна из тех экспедиций, которая останется в памяти грядущих поколений.

Внезапно он вспомнил о своем отце, командовавшем эскад-

рой, покорявшей миры. Аратап был ДОВОЛЕН, что Андроса нет с ним. Это окажется только ЕГО личным завоеванием.

Пленников разделили. Артемиду поместили с отцом, а Ризетта и Байрона увели в противоположном направлении. Джилберт стонал, что не может оставаться один, и Аратапа тронули его мольбы. Дед этого человека бы великим правителем, — так учила история. Поэтому он позволил поместить беднягу с остальными.

Джилберта поселили к Байрону. Они почти не разговаривали друг с другом. Пришла ночь, но заснуть они тоже не могли. Внезапно Джилберт прошептал:

— Байрон!

— Что?

— Байрон, я сделал это. Все в порядке, Байрон.

— Постарайся уснуть, Джил.

Но Джилберт не мог успокоиться:

— Я сделал это, Байрон! Аратап хитер, но я хитрее. Разве это не восхитительно? Можешь не беспокоиться, Байрон! Я укрепил это.

Джилберт хитро улыбнулся. Так улыбаются маленькие дети, когда совершают что-нибудь разумное.

— Что ты укрепил? — Байрон вскочил на ноги и потряс Джилберта за плечо. — Отвечай же!

— Они нашли меня в радиорубке, — Джилберт хихикнул. — Они думали, что я прячусь. Но я не прятался. Именно я включил сигнал общей тревоги, потому что мне нужно было отвлечь их на некоторое время.

— Что?!

— Это было несложно и заняло всего минуту. Они ничего не заметили. Я сделал это осторожно. Они ничего не узнают, пока не попытаются совершить Прыжок, и тогда все — и корабль, и мы, и Аратап — все взлетит в воздух.

От неожиданности Байрон отступил назад:

— И ты это сделал?!

— Да. — В голосе Джилберта звучала гордость. — Все мы погибнем, Байрон. Я не боюсь смерти, но не хочу умирать в одиночестве. Только не в одиночестве! В момент моей смерти мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь был рядом. Это не страшно: мы все умрем быстро и легко. Это не страшно. Это...

— Идиот! Сумасшедший! — заорал Байрон. — Если бы не ты, у нас еще остался бы шанс победить!

Джилберт не слышал его. В его ушах звучал лишь собственный голос. Байрон бросился к двери.

— Охрана! — кричал он. — Охрана!

Кто знает, сколько им осталось — несколько часов или несколько минут?

Двадцать один

ЗДЕСЬ?

По коридору загрохотали сапоги солдата.

— В чем дело?

— Я должен сейчас же увидеться с Представителем Аратапом.

— И поэтому ты поднимаешь такой шум? — У солдата было не все в порядке с логикой. — После взлета я подумаю, как это сделать.

— Дело не терпит отлагательств, — настаивал Байрон. — Это важно.

— И тем не менее это подождет. Отойди от двери, или познакомишься с моим хлыстом.

— Смотри, — указал Байрон на Джилберта, — этот человек болен. Он может умереть. Это один из Хенриадов, и если он умрет на тиранийском корабле, потому что ты не дал поговорить мне с Аратапом, тебя ожидают не самые лучшие времена.

— А что с ним?

— Не знаю. И поторопись, если тебе не надоела жизнь.

Охранник пробормотал что-то себе под нос и исчез.

Байрон повернулся к Джилберту: в глазах того жил только страх. Он не узнавал юношу.

— Кто ты?

— Я — Байрон. Как ты себя чувствуешь?

Казалось, до Джилберта смысл его слов не доходит. Он переспросил:

— Байрон? — И потом, как бы придя в себя: — Байрон! Они совершают Прыжок? Смерть близка, Байрон!

Сердиться на него было невозможно. Сознание его явно помутилось.

Почему они не дают ему поговорить с Аратапом? Почему не приходят за ним? Байрон бессильно прислонился к стене.

И вновь зазвучали шаги. Он бросился к двери, еще не видя, кто стоит перед ним. Дождался!

Это вновь был охранник. С ним — офицер.

Байрон вздрогнул. Теперь на него были направлены сразу два нейронных хлыста. Он сказал:

— Человек, пришедший с тобой, — не Аратап. Я хочу поговорить с Представителем.

Офицер одернул его:

— Если Джилберт из Хенриадов болен, тебе вовсе не нужно видеть Представителя. Нужен врач.

Только сейчас Байрон разглядел на офицере погоны лейтенанта медицинской службы.

— Хорошо. Послушай меня. Этот корабль не должен совершать Прыжок. Но подобное решение может принять только Представитель, и поэтому я должен увидеться с ним. Можешь ты это понять? Ведь ты — офицер. Ты обязан доложить ему об этом.

Доктор искоса взглянул на юношу, потом обратился к солдату:

— Выведи этого человека отсюда.

Байрон шагнул вперед. Перед ним с отсутствующим взглядом стоял офицер. Офицер, отвернувшись, пытался нащупать пульс Джилберта. Времени на размышления не оставалось. Резкой подсечкой Байрон повалил солдата на пол, одновременно выхватывая из его рук хлыст. Он направил его на офицера:

— Бросай оружие! Живо!

Тот подчинился. Хлыст выпал из его руки.

Байрон выстрелил — раз, потом другой. Два тела, заливая коридор кровью, валялись у его ног. Он повернулся к Джилберту:

— Прости, но и ты тоже, Джил, — и хлыст щелкнул в третий раз.

На лице Джилберта навсегда застыло обиженно-недоумевающее выражение.

Байрон помчался по коридору. На разговоры с Аратапом времени не оставалось. Он ворвался в рубку. На него испуганно смотрел из-за пульта человек в костюме инженерной службы.

— Когда следующий Прыжок? — спросил Байрон.

— Через полчаса. Кто ты?

Байрон не ответил. Хлыст выстрелил в четвертый раз, и тело свалилось со стула. Оставалось всего полчаса.

Он услышал шум. Тогда, спрятав хлыст в карман, он быстро направился в машинное отделение.

У главного компьютера сидели двое. Один из них спросил:

— Кто ты? И что здесь делаешь? Иди на свое место, — на нем были лейтенантские погоны.

— Слушай меня. Сейчас же прекратите подготовку к Прыжку. Мы все взлетим на воздух!

— Погоди, — сказал второй. — Я уже видел этого человека. Это один из пленников. Держи его, Лэнси.

Он прыжком попытался отрезать Байрону дорогу. Байрон стукнул кулаком по пульту, перевернув его.

— Верно, — сказал он. — Я один из пленников. Я Байрон с Вайдемоса. Но то, что я сказал, — правда. Исследуйте компьютер, если не верите мне.

Лейтенант не сводил глаз с нейронного хлыста. Он кротко возразил:

— Это невозможно, сэр, без приказа дежурного офицера или Представителя. Потребуются часы, чтобы изменить программу.

— Тогда зовите его. Зовите Представителя!

— Можно воспользоваться рацией?

— Быстрее!

Внезапно рубка наполнилась людьми. Казалось, вся охрана корабля примчалась сюда, привлеченная производимым ими шумом. Сопротивление было бессмысленно. Байрон отбросил в сторону хлыст.

— Не стреляйте! Я безоружен! Я пришел предостеречь вас! Где-то здесь спрятано взрывное устройство. Прыжок означает гибель для всех нас. Прошу вас только заглушить двигатели. Не теряйте время. Ведь если я прав, вы спасете свои жизни.

На лицах солдат была написана нерешительность. Они явно не знали, что им предпринять. Внезапно раздался неестественно громкий голос:

— По местам! Приготовиться к Прыжку!

Это был Аратап, обращающийся через радиотранслятор. Затем последовал следующий приказ:

— Молодого человека доставьте ко мне. — Байрона схватили. С обеих сторон были два солдата, крепко державшие его под руки. Он попытался вырваться, но они оказались сильнее.

Аратап устало смотрел на Байрона. Юноша вдруг заметил, что его собеседник носит контактные линзы.

— Ты наделал много глупостей, Фаррилл.

— Просто я должен был спасти корабль. Отошлите охрану. Я больше не представляю опасности.

— Охрана останется здесь. Во всяком случае, пока я не услышу рапорт из компьютерного отсека.

Они молча ждали, и каждая минута казалась Байрону вечностью. Внезапно на стене зажглось табло с надписью: «Компьютерный отсек».

Аратап включил рацию:

— Докладывайте!

— Представитель, юноша не солгал!

Помолчав мгновение, Аратап сказал:

— Пересчитайте время Прыжка на шесть часов позже.

Он повернулся к Байрону и холодно отметил:

— Ты был прав.

Жестом он отослал охрану. Они остались одни.

— Пожалуйста, теперь детали.

— Это сделал Джилберт из Хенриадов, когда сумел бежать из вашей каюты. Он же включил сигнал общей тревоги.

Аратап кивнул.

— С годами он не поумнел. Но ты — ты ведь на самом деле испугался не смерти?

— Дело не в моей смерти, — ответил Байрон. — Мятежного мира не существует, как я уже говорил вам и вновь могу повторить. Центр сопротивления — Лингана. Я хотел только отомстить за смерть моего отца, а также избавить леди Артемиду от ненавистного ей замужества. Ну а Джилберт — он просто сумасшедший.

— Но Автарх верил в существование этой таинственной планеты. Ведь он дал мне какие-то координаты!

— Его уверенность базировалась на мечтах сумасшедшего. Джилберт придумал все это двенадцать лет назад. Автарх вычислил по его рассказам двадцать возможных планет. Но все это чепуха!

— И все же кое-что тревожит меня, — заметил Аратап.

— Что?

— Ты слишком старательно отговариваешь меня. Конечно, я благодарен тебе за то, что ты удержал нас от Прыжка. Теперь ты можешь рассчитывать на благосклонность Хана. Ты спас

также и свою жизнь. И все же я не верю, что ты откровенен со мной. В тебе живет юношеский романтизм. В твоем возрасте все хотят стать героями. Именно поэтому мы все же совершим Прыжок.

— Не вижу причин.

— Ты глуп, — Аратап нахмурил брови. — И все же жаль, что ты не на нашей стороне. — Это прозвучало как комплимент. И тут же продолжил: — Сейчас ты вновь будешь посажен под замок. Это простая предосторожность.

Байрон кивнул.

Это были тяжелые часы для Байрона. Аратап решил устроить останкам Джилберта космические похороны и пригласил Байрона принять в них участие. Здесь же присутствовали Артемида и Хенрик. Поймут ли они? Поймет ли ОНА, что он должен был сделать то, что сделал?

Еще его беспокоило то, что корабль вскоре должен совершить Прыжок. Тогда наступят совсем плохие времена.

Он вновь и вновь пытался проанализировать, прав ли он. А что, если он ошибся? Что, если они сейчас совсем близко от мятежного мира? Тогда информация уйдет на Тиранию, и сюда немедленно будет послана целая армада. А сам он умрет, зная, что мог спасти этот мир, но вместо этого способствовал его гибели.

Уже стемнело, а он все еще думал о документе, который не успел разыскать.

Еще Байрона удивляло, что Аратап намерен найти мятежный мир, имея в своем распоряжении только один корабль. Каковы его намерения?

Автарх сказал, что документ похищен много лет назад, но кто владеет им теперь?

Вероятно, тиранийцы. Наверное, они давно знают секрет, как с помощью одного корабля разрушить целый мир.

Если это правда, тогда неважно, существует или нет мятежный мир на самом деле.

Прошло еще немного времени, и к нему явился Аратап собственной персоной. Байрон встал, приветствуя его.

Аратап сказал:

— Мы запросили информацию. В указанном месте ДЕЙ-

СТВИТЕЛЬНО есть звезда. Координаты, данные нам Автархом, верны.

— И?

— Но у нас нет необходимости исследовать относящиеся к ней планеты. Как мне сказали мои астронавигаторы, звезда погасла более миллиона лет назад. Если там и были планеты, то они давно исчезли. Теперь там нет ничего.

— Тогда...

— Тогда ты прав. Мятежного мира на самом деле не существует.

Двадцать два

ТАМ!

Событие это подорвало все основы философии Аратапа. В последнее время он не был самим собой. Он был теперь своим отцом. Он, как и отец, все эти дни вел эскадру кораблей на битву с врагами Хана.

Безумные дни! Там, где он ожидал найти мятежный мир, обнаружилась только пустота. У Хана не было врагов, и не с кем было сражаться. Аратап теперь — просто Представитель, не более того.

Жаль потраченных эмоций. Это было ни к чему.

Он сказал Байрону:

— Ты был прав. Мятежного мира не существует. И теперь я хочу поговорить с тобой.

Молодой человек с сомнением смотрел на него. Аратап вдруг вспомнил, как около месяца назад они встретились впервые. Теперь мальчик повзрослел, и в нем не было страха. «Я впадаю в декадентство, — подумал Аратап. — Многие из нас начинали в свое время симпатизировать этим субъектам. А многие ли желали им добра?»

— Я собираюсь освободить Правителя и его дочь. Этот шаг политически оправдан. Думаю, я могу освободить их прямо сейчас и отправить домой на «Беспощадности». Сможешь ли ты отвезти их?

— Ты освобождаешь меня?

— Да.

— Почему?

— Ты спас мой корабль и мою жизнь.

— Надеюсь, это многому научило вас.

Аратап беззвучно рассмеялся. Ему ОПРЕДЕЛЕННО нравился этот мальчик.

— Теперь я назову тебе и другую причину моего решения. До тех пор, пока я искал нити заговора против Хана, ты был опасен. Когда я понял, что эти нити ведут на Лингану и что ее вождь мертв, ты перестал представлять опасность. На Лингану прибудет суд, и скоро она будет под нашим полным контролем. И все же мы оставим им надежду. Надежду на освобождение.

— Так вы освободите нас всех?

— Это не совсем освобождение, потому что никто из вас не отличается особой лояльностью. С Линганой мы поступим по своему усмотрению, и следующий Автарх вряд ли осмелится восстать против Хана. Ассоциации больше не будет. Мятежники, которых мы захватили, будут сосланы на ближайшие к Тирании планеты. Ты же не сможешь вернуться на Нефелос, и не рассчитывай на это. Ты и полковник Ризетт, вы всегда будете жить на Родии.

— Очень хорошо, — сказал сдержанно Байрон, — но как быть со свадьбой Артемиды?

— Ты хочешь, чтобы она не состоялась?

— Вы должны знать, что мы любим друг друга и хотели бы пожениться.

— Как там говорили древние? «Необходимо прощать ложь влюбленным и дипломатам».

— И все же предупредите Хана, что укрепление правящей фамилии на Родии может грозить ему новыми трудностями, как в случае с Линганой.

Все это время Аратап смеялся.

— Хочешь добрый совет? — отсмеявшись, спросил он.

— Какой?

— Поскорее женись на ней. Для Поханга мы подыщем другую невесту.

Пораженный Байрон протянул ему руку:

— Спасибо, сэр.

Аратап пожал ее.

— Мне не особенно нравится Поханг. Да, я хочу, чтобы ты еще кое-что запомнил. Не давай амбициям одержать в тебе верх. Хотя ты и женишься на дочери Правителя, сам ты нико-

гда не станешь Правителем. Ты не тот человек, который нам нужен.

Аратап проводил «Беспощадность» взглядом. Молодой человек свободен, а сам он уже на полпути в Тиранию. Да, майора Андроса хватил бы удар!

Он должен прибыть на Тиранию. Возможно, с ним встретится Хан, чтобы выслушать его. Взвесив все «за» и «против», Хан, безусловно, поймет, что другое решение было невозможным, и не осудит его.

Ризетт на борту «Беспощадности» также проводил взглядом тиранийский флагман.

— Итак, он отпустил нас! — заметил полковник. — Знаешь, если бы все тиранийцы были похожи на него, я бы пошел к ним на службу. Как ты думаешь, он слышит сейчас, что мы говорим?

Байрон оторвал глаза от пульта:

— Конечно, нет. Да и вряд ли он захотел бы делать это. Вспомни, ведь он первый рассказал нам все, что знал о нас.

В рубку вошла Артемида. Она прижала палец к губам:

— Не так громко. Мне кажется, он уснул. Скоро мы уже будем на Родии, верно, Байрон?

— Чтобы добраться туда, нам хватит одного Прыжка, Арта. Аратап вычислил его для нас.

— Пойду помою руки, — Ризетт вышел из рубки.

Они проводили его взглядами, и Байрон обнял девушку. Он целовал ее глаза, губы, волосы, руки; поцелуи были нежными и легкими.

— Я очень люблю тебя! — сказала она.

— Я люблю тебя так, — ответил Байрон, — что не могу выразить словами. Как ты думаешь, он даст согласие на наш брак?

— Пока не знаю. Но я попытаюсь еще раз все объяснить ему.

Их диалог прервал вернувшийся в рубку Ризетт.

— Значит, нам предстоит прожить на Родии до самой смерти... Не думал я, что меня может ожидать подобное. Эх, и почему этот мятежный мир — только выдумка?

— Мятежный мир существует, Теодор.

— Что?!

— Мятежный мир ЗДЕСЬ.

Ризетт резко ответил:

— Я еще не совсем свихнулся, Байрон.

— Я не лгу. Такой мир СУЩЕСТВУЕТ, и я знаю, где он находится. Я мог узнать это несколько недель назад, но только сейчас мне удалось сопоставить все факты. Вспомни слова Джоунти, когда он понял, что мы с тобой заодно. Помнишь?

— Нет.

— Он сказал, что на свете множество звезд и до любой из них нужно добираться через биллионы миль. Вот тут-то я все и понял.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Артемида.

— Подумай сама. Метеор врезался в корабль дяди Джила и сбил его с курса. Поэтому окончание Прыжка было уже не в нашей системе планет. Так думал дядя Джил. Так считал и Автарх. И оба они ошибались. А что, если при столкновении направление полета и скорость не изменились?

— Тогда...

— Да, тогда корабль приземлился там, где и должен был, — на Родии. И как это я сразу не догадался?

Артемида сказала:

— Но ведь тогда мятежный мир должен быть у нас дома. Это невозможно!

— Почему же невозможно? Этот мир находится где-то в Родийской Системе. У нас есть два способа найти его. Давай опять обратимся к фактам. Что случилось с Джилбертом после возвращения из мятежного мира? Он вновь был на Родии. Он считал, что это — заслуга совершенного тиранийского корабля, хотя скорее всего жители мятежного мира, зная, что на борту этого корабля один из Хенриадов, никогда не оставили бы его в живых, если бы этот мир находился за пределами Родийской Системы. Кто, кроме родийцев, стал бы сохранять жизнь Хенриаду?

Артемида взволнованно перебила его:

— Но если то, что ты говоришь, — правда, то мой отец находится в страшной опасности.

— И находился в ней все последние двадцать лет. Но вовсе не по тем причинам, которые ты имеешь в виду. Однажды Джилберт рассказал мне, как сложно было ему прикидываться дурачком. Но твоему отцу играть свою роль было намного сложнее.

— Ты же не хочешь сказать...

— Именно это я и хочу сказать, Арта. И вот что надоумило меня. Еще когда Автарх обвинял твоего отца в предательстве, я усомнился в том, что мой отец мог оказаться таким доверчивым. Мы были уверены, что отец работал на Джоунти, и ошибались. Еще больше в моей уверенности меня укрепил Джилберт, когда рассказал о том, что отец и Правитель долго разговаривали в библиотеке. На самом деле отец служил Правителю и был просто лазутчиком в стане Джоунти. Знаешь, почему для меня было так важно спасти корабль Аратапа? Не из-за себя, конечно, и даже не из-за тебя. Я должен был спасти Правителя. Он самая важная персона среди нас. Бедняга Джилберт не понимал этого.

Ризетт простонал:

— Я просто не могу во все это поверить.

Внезапно в их разговор вмешался новый голос:

— И тем не менее — поверь. Это правда.

У двери стоял Правитель. Это был его голос и в то же время не его. Он звучал веско и уверенно.

Артемида подбежала к нему:

— Отец! Байрон говорит...

— Я все слышал. — Он ласково провел рукой по ее волосам. — И все это правда. Я даже согласен на ваш брак.

Она изумленно всматривалась в него:

— Ты говоришь совсем не так, как раньше. Ты говоришь...

— Как если бы я не был твоим отцом, — грустно сказал он. — К сожалению, Арта, так будет недолго. Как только мы вернемся на Родию, все будет как прежде.

Байрон затаил дыхание. Хенрик жестом подозвал его к себе.

— Было время, молодой человек, когда мне хотелось принести тебя в жертву. Такое время может возникнуть вновь. И тогда я не смогу защитить тебя. Понимаешь?

Они кивнули друг другу.

— Двадцать лет назад я был не так уверен в себе, — продолжал Хенрик. — Я только вступил в эту роль и страдал нерешительностью. Мне следовало бы убить Джилберта, а я сохранил ему жизнь. Именно поэтому кое-кто теперь знает, что мятежный мир существует и что я — его вождь.

— Это знаем только мы, — возразил Байрон.

— Не считай Аратапа глупее, чем он есть, — Хенрик слегка

усмехнулся. — Вам с ним были известны одни и те же факты, и если ты сумел сделать правильные выводы, значит, то же самое может и он. Я уверен, что и на свободу он отпустил тебя с одной-единственной целью — чтобы поближе подобраться ко мне.

— Значит, мне придется покинуть Родию? — Байрон чуть не плакал.

— Нет. Это будет фатальной ошибкой. Нет никаких причин для подобного поступка, и это может насторожить кое-кого. Поэтому ты останешься с нами и будешь делать вид, что ничего не произошло.

— Но, Правитель, вы не знаете кое-чего. Существует один документ...

— Который искал твой отец?

— Да.

— Твой отец, мой мальчик, тоже знал не все. Он знал о существовании этого документа, но не знал, где документ находится. Если бы он спросил об этом меня, я бы сразу же сказал ему, что на Земле документа давно нет.

— Более того, сэр. Я уверен, что им владеют тиранийцы.

— Ну конечно же, нет! Документ у меня. Вот уже двадцать лет он у меня. Я получил его, когда еще только зрела идея мятежного мира. И я всегда знал, что нужно нам, чтобы победить.

— Это какое-нибудь оружие?

— Это самое мощное оружие во Вселенной. Оно разрушит и Тиранию, и Родию, но спасет Королевства Космической Туманности. Без него мы, конечно, можем противостоять тиранийцам, но при этом только заменим феодальный деспотизм другой формой угнетения. Мы должны стремиться совсем к иной политической модели. Придет время, как это уже было однажды на планете Земля, и появится новый, еще невиданный в Галактике тип правительства. Не Ханство, не Автархия, не Директория.

— Во имя неба, — взмолился Байрон, — так что же это будет?

— Люди.

— Люди? Но как они смогут управлять? Ведь решения должен принимать только один человек?

— Ерунда. История докажет тебе, что это возможно не только на одной маленькой планете, а и во всей Галактике.

Правитель улыбнулся:

— Подойдите, дети. Я хочу благословить вас.

Дрожащей рукой Байрон взял за руку Артемиду. Он был как никогда счастлив. И все же что-то угнетало его.

— Сэр, не сочтите это нахальством, но позволите ли вы мне заглянуть когда-нибудь в этот документ?

Артемида весело рассмеялась:

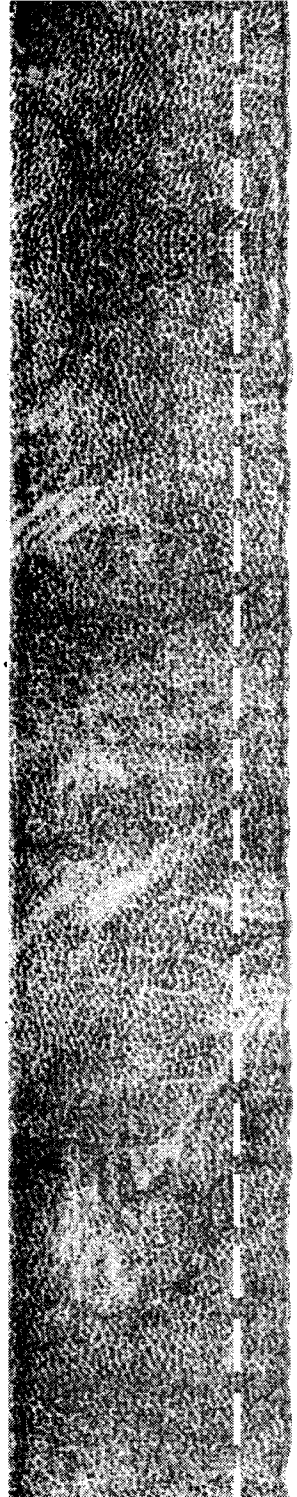
— Если ты не сделаешь этого, отец, моя семейная жизнь не будет удачной.

Хенрик улыбнулся в ответ:

— Я знаю этот документ наизусть. Слушайте.

И глядя в смотровое стекло на родийское солнце, Хенрик начал с тех самых слов, которые были старше — гораздо старше, — чем все планеты Галактики, вместе взятые:

Мы, народ Соединенных Штатов, в целях создания совершенного союза, установления справедливости и равенства, обеспечения независимости и безопасности, одобряем и подтверждаем эту Конституцию Соединенных Штатов Америки...



КАМЕШЕК В НЕБЕ

Глава 1

МЕЖДУ ДВУМЯ ШАГАМИ

За две минуты до своего внезапного исчезновения Джозеф Шварц прогуливался по приятным ему улицам пригородного Чикаго, цитируя про себя Браунинга.

В некотором смысле это было странно, поскольку Шварц едва ли производил впечатление человека, увлекающегося поэзией. Он выглядел именно тем, кем был: портной на пенсии, которому серьезно не хватало того, что сегодняшние умники называют «общим образованием». Благодаря своему стремлению к знаниям он много читал. И хотя его чтение носило бессистемный характер, Шварц знал много «отовсюду понемножку»: память у него была великолепная.

Например, Браунинга он в молодости читал дважды и, конечно же, помнил прекрасно. Большая часть была ему непонятна, но эти три строчки стали особенно дороги в последние годы. И он вновь повторил их про себя в этот яркий солнечный день 1949 года:

> Со мною к радости иди!
> Все лучшее ждет впереди,
> Жизни конец, если ты упустил начало...

Теперь Шварц полностью ощущал их смысл. После юношеской борьбы за жизнь в Европе и позднее, в Соединенных Штатах, безмятежная обеспеченная старость была особенно приятной. У него была хорошая жена, две удачно вышедшие замуж дочери и внук — для утехи в эти последние лучшие годы. О чем еще можно было беспокоиться?

Правда, существовали еще атомные бомбы и все эти разговоры о третьей мировой войне, но Шварц верил в лучшие черты людей и в то, что они не допустят еще одной войны и того, чтобы Земля когда-либо увидела ад разъяренного атома. По-

этому он снисходительно улыбался детям, мимо которых проходил, и мысленно желал им быстрого и не слишком трудного пути через юность к тому лучшему, что впереди.

Он поднял ногу, чтобы переступить через куклу, лежащую посреди тротуара. Спокойно опустить эту ногу ему было не дано...

В другой части Чикаго находился институт ядерной физики, и работавшие в нем люди также имели свои теории относительно моральных качеств человека, но понимали и то, что инструмент для измерения этих качеств до сих пор не создан. Размышления на эту тему зачастую ограничивались упованием на некие высшие силы, которые помогут предотвратить попытки людей превратить изобретения человечества в смертоносное оружие.

Удивительно, что человек, проявляя необузданное любопытство в исследовании атома, способного погубить в считаные секунды половину человечества, обладает столь же удивительной способностью рисковать собственной жизнью ради спасения другого человека.

Как-то доктор Смит, проходя мимо полуоткрытой двери одной из лабораторий, вдруг заметил в ней странное голубое свечение. Химик, бодрый молодой человек, насвистывая, наклонял мензурку, почти до краев наполненную жидкостью, в которой медленно оседал, постепенно растворяясь, белый порошок. Собственно, почти ничего не происходило, но Смит инстинктивно почувствовал тревогу.

Вбежав в комнату, он схватил линейку и сбросил ею на пол стоявший на печи тигель. Послышалось шипение расплавленного металла. Смит почувствовал, как на лице у него выступили капли пота.

Химик ошеломленно уставился на бетонный пол, на котором уже застыли брызги серебристого металла.

— Что случилось? — с трудом выговорил он.

Смит пожал плечами. Он сам еще ничего не понимал.

— Не знаю. Скажите... Чем вы занимались?

— Ничем, — пробормотал химик. — Это всего лишь необработанный уран. Я производил электролиз меди... Понятия не имею, что могло случиться.

— И все же что-то случилось, молодой человек, я видел свечение вокруг этого тигля. А это значит, возникла жесткая радиация. Так, говорите, уран?

— Да, но необработанный уран, это ведь безопасно. Я имею в виду, что чистота — один из наиболее важных критериев расщепления, не правда ли? Вы думаете, произошло расщепление? Это же не плутоний, и его не облучали.

— К тому же, — задумчиво сказал Смит, — масса была ниже критической. Или по крайней мере ниже той критической массы, которую мы знаем. Мы не столь хорошо знаем атом, чтобы быть в нем уверенными. Когда металл остынет, я бы советовал вам собрать его и тщательно изучить.

Он задумчиво оглянулся вокруг, затем подошел к противоположной стене и остановился у точки на уровне плеча.

— Что это? — обратился он к химику. — Это всегда здесь было?

— Что именно? — Молодой человек быстро подошел и взглянул на указанную Смитом точку. Тонкое отверстие, которое могло быть проделано гвоздем, было сквозным.

Химик покачал головой.

— Раньше я этого не видел, правда, я особо и не приглядывался.

Смит молчал. Он отошел назад и приблизился к термостату — прямоугольной коробочке с тонкими металлическими стенками.

— Ну а это что такое?! — Смит мягко коснулся пальцем стенки термостата. В металле тоже было маленькое аккуратное отверстие.

Глаза химика расширились.

— Раньше этого точно не было.

— Хм. А с вашей стороны есть отверстие?

— Черт побери! Да!

— Хорошо. А теперь взгляните в отверстие.

Он приложил палец к дырке в стене.

— Что вы видите?

— Ваш палец. Вы отметили им отверстие?

Смит говорил спокойно, но видно было, что это давалось ему с трудом.

— Посмотрите в противоположном направлении... Что вы видите теперь?

— Ничего.

— Но это место, где стоял тигель с ураном? Вы смотрите прямо на него, не так ли?

— Я думаю, да, — неуверенно сказал химик.

Быстро взглянув на именную табличку на все еще открытой двери, Смит тихо сказал:

— Все это должно оставаться в строжайшем секрете, мистер Дженингс. Вы меня понимаете?

— Конечно.

— Тогда выйдем отсюда. Лабораторию необходимо проверить на радиацию, а нам придется обратиться к врачу.

— Вы думаете, возможно облучение? — Химик побледнел.

— Увидим.

Однако серьезных следов облучения ни у одного из них не нашли. Кровяные тельца были в норме, ничего не показало и исследование корней волос.

Никто в институте так и не смог объяснить, почему тигель с ураном при массе гораздо ниже критической, не подвергавшийся бомбардировке нейронами, неожиданно стал источником жесткой радиации.

В составленном отчете доктор Смит не сообщил всей правды. Он не упомянул об отверстиях в лаборатории и о том, что ближайшее к тиглю отверстие было едва заметно, следующее, на другой стороне термостата, было чуть больше, отверстие же в стене, удаленное на расстояние в три раза большее, имело диаметр крупного гвоздя.

Луч, движущийся по прямой линии, может пройти несколько миль, прежде чем кривизна Земли сделает невозможным его дальнейшее движение, а значит, и разрушение, и достигнет к тому времени десяти футов в диаметре, после чего направится в космос, расширяясь и слабея.

Никогда и ни с кем он не делился этой мыслью.

Никому не рассказывал он и о том, как на следующий день просматривал утренние газеты, поставив перед собой весьма определенную цель.

В гигантской метрополии каждый день исчезает столько людей, но никто еще не приходил в полицию с рассказом об исчезновении человека, причем прямо на виду у всех.

И доктор Смит постарался об этом больше не думать...

Для Джозефа Шварца это произошло прежде, чем он успел шагнуть. Подняв правую ногу, чтобы переступить через куклу, он на мгновение почувствовал головокружение — как будто на

долю секунды вихрь поднял и перевернул его. Когда он наконец опустил ногу, дыхание у него перехватило, он ощутил неожиданную слабость в коленях и стал медленно опускаться на траву.

Долгое время он не решался открыть глаза, но наконец заставил себя сделать это.

Это была правда! Он сидел на траве, хотя ясно помнил, что шел по асфальту.

Дома исчезли! Белые дома, каждый со своим садом, стоявшие здесь один за другим, все исчезли!

И сидел он на газоне, трава была буйной, неподстриженной, вокруг стояли деревья, множество деревьев и еще больше на горизонте.

Когда шок прошел, он заметил, что листья на деревьях желтые и опадают, словно наступила осень.

Осень! Когда он поднял ногу, стоял июльский день и все вокруг было зелено.

Подумав об этом, он автоматически посмотрел на свои ноги и вскрикнул от испуга... Маленькая кукла, через которую он переступил, — маленький фрагмент реальности... Она была здесь!

Дрожащими руками он перевернул куклу и увидел, что перед ним — лишь ее часть. Кукла была не сломана, а скорее разрезана. А как ровно был срезан носок ее туфли! Ни один нож не дал бы такого ровного среза!

Единственным утешением в этом сумасшедшем мире остался его собственный голос, и Шварц заговорил сам с собою.

— Во-первых, я в своем уме. Я ощущаю себя так же, как всегда... Конечно, возможно, что если бы я сошел с ума, то не заметил бы этого...

Он почувствовал панику.

— Что же со мной? Должно быть какое-то другое объяснение. Может быть, сон? Как определить, сплю я или нет?

Он ущипнул себя и почувствовал боль, но тут же покачал головой.

— То, что я чувствую боль, могло мне и присниться. Это не доказательство.

Он с отчаянием оглянулся вокруг. Может ли сон быть столь отчетливым, столь реальным? Где-то он читал, что сон длится не более пяти секунд, а кажущаяся его продолжительность — всего лишь иллюзия.

Слабое утешение. Он взглянул на часы. Секундная стрелка без устали двигалась по кругу. Если это сон, то пять секунд тянутся безумно долго.

Он оторвал взгляд от часов и вытер выступивший на лбу холодный пот.

— Может быть, амнезия?

Никто не ответил на этот вопрос. Шварц закрыл лицо руками. Что, если он поднял ногу, и в это время его сознание соскользнуло куда-то... Что, если три месяца спустя, осенью, или год и три месяца спустя, или десять лет и три месяца спустя, он опустил ногу здесь, и в это время его сознание вернулось... Но тогда где он был и что делал все это время?

— Нет! — У него вырвался громкий крик. — Этого не может быть! — Шварц посмотрел на свою рубашку. Ведь именно ее он надел сегодня утром. А маленькая кукла, откуда взялась она?

Он почувствовал, что теряет контроль над собой, и решил, что это должен быть сон, или он действительно сошел с ума.

Неожиданно Шварц заметил, что изменилось и время дня. Приближался вечер, по крайней мере на это указывали удлинившиеся тени. Он вдруг остро почувствовал свое одиночество. Шварц встал. Конечно же, нужно найти людей, любых людей. А для этого лучше всего выйти на дорогу. И он отправился в ту сторону, где деревья росли более редко.

В воздухе уже ощущалась вечерняя прохлада, и начинало темнеть, когда он вышел к прямой и безликой полосе бетона и направился вдоль нее, с радостью ощущая под ногами твердое покрытие.

Однако дорога была пуста, и он вновь ощутил страх. Он надеялся встретить машину. Что может быть легче, чем остановить ее и сказать:

«Вы едете не в Чикаго?» — И он произнес это вслух.

А что, если он далеко от Чикаго? Что же, тогда любой город, любое место, где есть телефон. У него в кармане всего пять долларов и двадцать семь центов, но ведь существует полиция...

Он продолжал идти посередине дороги, время от времени оглядываясь назад, не обращая внимания на то, что солнце скрылось за горизонтом и на небе появились звезды.

Стало уже совсем темно, а ни машин, ни домов не было.

Джозеф испугался повторного головокружения, когда увидел, что горизонт слева светится. Холодное голубое сияние было отчетливо видно сквозь просветы между деревьями. И это было не зарево лесного пожара — а легкая мерцающая голубизна. И тут он заметил, что так же светится и бетон у него под ногами. Шварц наклонился и дотронулся до него рукой — обыкновенный бетон. И все же глаза улавливали едва заметное сияние.

Шварц с трудом сохранял самообладание. Он был голоден и действительно напуган, когда вдруг справа увидел свет.

Без сомнения, это был дом! Он закричал, но голос его одиноко замер в пустоте. Да, это был дом, проблеск реальности, излучающий свет сквозь ужасную пустоту. Он свернул с дороги и через заросли, между деревьями, через ручей направился на свет.

Странная вещь! Даже ручей слегка фосфоресцировал. Однако Шварц отметил это лишь краем сознания.

И вот он уже возле дома, руками касается белых его стен, про себя отмечая, что он сделан не из кирпича, камня или дерева, а как будто из фосфора. Но Шварц не придал этому особого значения — он искал дверь. Когда он наткнулся на нее и увидел, что звонка нет, то забарабанил по ней и закричал, как демон. Услышав звуки шагов внутри, он благословил очарование человеческого голоса.

— Откройте! — закричал он вновь.

Послышался слабый звук, и дверь открылась.

В глазах вышедшей женщины был заметен испуг. Она была высока и худощава, а чуть поодаль стоял такой же худощавый мужчина в рабочей одежде... Нет, не в рабочей одежде. Собственно говоря, ничего подобного Шварц никогда прежде не видел, но что-то неопределенное говорило, что эта одежда предназначена для работы.

Однако Шварцу было не до размышлений. Для него эти люди и их одежда были прекрасны, прекрасны так, как только может быть прекрасен вид друга для одинокого человека.

Женщина заговорила. Голос ее звучал мягко, но властно. Шварц схватился за дверь, чтобы устоять на ногах.

Он никогда не слышал языка, на котором говорила эта женщина...

Глава 2

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРИШЕЛЬЦА

В тот вечер Ло Марен и ее флегматичный супруг играли в карты, как вдруг ее отец, сидящий в инвалидной коляске, раздраженно отложил свою газету и позвал:

— Арбин!

Арбин Марен ответил не сразу. Он осторожно перебирал карты, обдумывая следующий ход, и, приняв решение, рассеянно отозвался:

— Что вам, Гро?

Седой Гро раздраженно взглянул на зятя и принялся шелестеть газетой. Его успокаивал этот звук. Когда человек еще полон сил, но прикован к инвалидному креслу, ему хочется чем-нибудь выразить свое отношение к происходящему. Гро пользовался своей газетой. Он шелестел ею, жестикулировал, бросал при необходимости.

Гро знал, что на других планетах есть устройства, выпускающие микрофильмы, которые содержат все последние известия. Он подобных вещей не признавал и по-прежнему отдавал предпочтение газете.

— Ты читал об археологической экспедиции, которую они посылают на Землю? — спросил Гро.

— Нет, — спокойно ответил Арбин.

Гро знал, что получит такой ответ, так как, кроме него, газету еще никто не читал, а от видеоэкрана семья в прошлом году отказалась. Однако он привык начинать разговор подобными вопросами.

— Так вот, они ее отправили, — сказал он. — И к тому же на государственные средства. Как тебе это нравится?

Он прочитал вслух:

«Бел Авардан, Глава исследовательского отдела Археологического института, в интервью с надеждой отозвался об ожидаемых ценных результатах археологических исследований, которые будут проведены на планете Земля, расположенной на границе сектора Сириуса (см. карту). «Земля, — сказал он, — с ее архаичной цивилизацией и уникальной природой представляет образец необычной культуры, на которую ученые долго не обращали внимания. У меня есть все основания уже в ближайшее время ожидать революционных перемен в

некоторых из основных концепций социальной эволюции и истории человечества». И так далее, — с усмешкой проговорил Гро.

Арбин Марен, слушавший все это краем уха, пробормотал:

— Что он подразумевает под «необычной культурой»?

Ло Марен, не слушавшая совсем, просто сказала:

— Твой ход, Арбин.

— Ну а тебе не кажется странным, что «Трибуна» напечатала все это? — продолжал Гро. — Ты же знаешь, что они не перепечатают сообщение галактической прессы и за миллион имперских кредов без особой на то причины.

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Потому что они могут сделать из этого передовую статью. Этот парень собирается сюда, и они вылезут из шкуры, чтобы не допустить этого. Ты только посмотри! Взгляни! Почему бы тебе не прочитать это?

Ло Марен отложила карты и плотно сжала свои тонкие губы.

— Отец, — проговорила она. — У нас был трудный день. Давай отложим политику на потом. Пожалуйста.

— «Пожалуйста! Пожалуйста!» — нахмурившись, передразнил ее Гро. — Вы, я вижу, очень устали от старика, раз уже даже не хотите ответить мне. Я все понимаю: сидит здесь в углу и заставляет вас, двоих, работать за троих... Но в чем моя вина? У меня есть силы. Я хочу работать. Вы же знаете, что мои ноги можно было бы вылечить. Но я не могу лечиться, потому что слишком стар и затраты на мое лечение не окупятся. Разве это не «странная культура»? Как еще можно назвать мир, где работоспособному человеку не дают работать? Я думаю...

Он взмахнул руками, и лицо его покраснело от ярости.

Арбин встал и положил руку на плечо старика.

— Стоит ли так переживать, Гро, — сказал он. — Я сейчас прочитаю эту статью.

— Ладно, зачем это нужно, ты ведь все равно согласишься с ними. Все вы, молодые, просто воск в руках Старейших.

— Хватит, папа. Не будем начинать этот спор, — резко сказала Ло.

Арбин не любил, когда упоминали Совет Старейших. Говорить так, как Гро, высмеивать древнейшую культуру Земли было просто опасно.

Конечно, когда Гро был молод, много говорили об отказе от старых путей, но тогда были другие времена. Гро, по-види-

мому, понимал это, но трудно требовать рассудительности от человека, прикованного к инвалидному креслу, для которого не остается ничего другого, как считать дни до следующей Проверки.

Гро почувствовал себя обиженным и замолчал, а вскоре уснул, так и не успев прокомментировать спортивные события. Газета, прошелестев, выскользнула из его рук.

— Может быть, мы слишком грубы с ним, — озабоченно прошептала Ло. — Ведь ему нелегко. Такое существование все равно, что смерть, по сравнению с тем, каким он был раньше.

— Ничего нельзя приравнивать к смерти, Ло. У него есть газеты и книги. Чуть-чуть волнения только придает ему бодрости. Сейчас он спокоен и счастлив.

Арбин вновь взялся за карты, и в это время за дверью раздался дикий нечеловеческий крик.

Арбин замер. Ло со страхом взглянула на мужа.

— Вывези отсюда Гро. Быстро! — скомандовал Арбин. Ло взялась за кресло. Губы ее беззвучно шевелились. Как только кресло двинулось, Гро мгновенно проснулся. Он выпрямился и автоматически потянулся за газетой.

— В чем дело? — раздраженно спросил он.

— Тсс. Все в порядке, — неуверенно пробормотала Ло, увозя кресло в соседнюю комнату. Закрыв дверь, она вопросительно посмотрела на мужа. Снова раздался стук в дверь.

Открыв дверь, они стали рядом, враждебно глядя на низкого полного мужчину, на лице которого скользила неуверенная улыбка.

— Чем мы можем вам помочь? — проговорила Ло с официальной вежливостью и отшатнулась назад, когда мужчина покачнулся и схватился за дверь, чтобы устоять на ногах.

— Он что, болен? — изумленно спросил Арбин. — Помоги мне внести его в дом.

Прошло несколько часов. В тишине спальни Ло и Арбин медленно готовились ко сну.

— Арбин, — проговорила Ло, — а это не опасно?

— Что?

— То, что мы взяли в дом этого человека. Кто он такой?

— Откуда я знаю, — раздраженно ответил он. — Но в конце концов, не можем же мы отказать в крове больному человеку. Если мы не узнаем, кто он такой, то завтра сообщим в региональную службу безопасности, и на этом все закончится.

Он отвернулся, явно не желая продолжать разговор. Однако Ло вновь прервала молчание. Ее тонкий голос звучал еще настойчивее:

— А ты думаешь, он может служить Совету Старейших? Ты же знаешь, как обстоит дело с Гро.

— Ты имеешь в виду его сегодняшние слова? Это абсолютно нереально. Не о чем и говорить.

— Я говорю о другом, и ты знаешь это. Я имею в виду, что мы уже два года нелегально содержим Гро и тем самым нарушаем один из основных законов.

— Мы не навредили никому, — пробормотал Арбин. — Ведь мы вносим свою долю, рассчитанную на трех работоспособных. И как они могли что-то заподозрить? Мы ведь не разрешали ему покидать дом.

— Они могли узнать про инвалидное кресло. Ты покупал мотор и приспособления.

— Не будем снова начинать этот разговор, Ло. Я много раз объяснял, что купил всего лишь стандартный кухонный набор. Кроме того, вообще глупо подозревать, что он — агент Братства. Думаешь, они стали бы проделывать такой трюк из-за какого-то старика в инвалидном кресле? Что, они не могут прийти днем с официальным ордером на обыск? Подумай сама.

— Хорошо, но тогда, — ее глаза неожиданно загорелись, — если ты действительно так думаешь, а я надеюсь, что это правда, он, наверное, чужак. Он не похож на землянина.

— Не может быть! Что ты хочешь этим сказать? Это же просто нелепо! С какой стати кто-то из Империи явится на Землю, именно сюда, к нам?

— Откуда я знаю? Хотя, возможно, это — какой-нибудь преступник.

Эта мысль немедленно увлекла ее.

— Почему бы и нет. Вполне логично. Земля — довольно подходящее место для укрытия. Кто догадается искать его здесь?

— Если только он — чужак. Какие у тебя доказательства?

— Он не знает языка, не так ли? Ты сам убедился в этом. Значит, он явно прибыл с какой-то окраины Галактики, где говорят на каком-то странном диалекте. Я слышала, что жителям Фомальгаута приходится практически заново учить язык, чтобы быть понятыми в имперсуде на Транторе... Понимаешь, что все это может значить? Если он не землянин, то не зарегистрирован в Департаменте Контроля и будет рад избежать это-

го. Мы сможем использовать его вместо отца на ферме, и нас опять будет трое, чтобы выполнять в следующем сезоне работу для троих... Даже сейчас он сможет помочь убрать урожай.

Она вопросительно посмотрела на лицо мужа, выражавшее нерешительность.

— Давай спать, Ло, — сказал он после долгого раздумья. — Обсудим это завтра.

На следующее утро пришла очередь Гро высказать свое мнение. Арбин, который полагался на тестя больше, чем на самого себя, с надеждой изложил ему суть дела.

— Твои трудности, Арбин, — сказал Гро, — явно происходят из-за того, что я зарегистрирован как работоспособный, так что вы должны вносить долю за троих. Я не хочу доставлять вам неприятности. Уже второй год я живу сверх положенного. Хватит.

Арбин смутился:

— Я говорю совсем не об этом. Я и не думаю намекать, что вы нам в тягость.

— Хорошо, но какая разница в конце концов? Через два года будет Проверка, и мне все равно придется уйти.

— По крайней мере, у вас будет два года для книг и отдыха. Зачем вам отказываться от этого?

— Потому что есть еще и Ло. Когда они придут за мною, они заберут и вас. Что я буду за человек, если проживу несколько паршивых лет ценою...

— Перестаньте, Гро. Не нужно драматизма. Мы же много раз говорили вам, что сделаем. Мы сообщим о вас за неделю до Проверки.

— И обманете врача?

— Мы его подкупим.

— Хм... а этот пришелец, он же удвоит вашу вину. Вы будете отвечать и за то, что прятали его.

— Он уйдет. Черт побери, стоит ли сейчас думать о нем?! У нас еще два года. Но что делать с ним теперь?

— Пришелец, — задумчиво произнес Гро. — Пришел и постучал в дверь. Пришел ниоткуда. Разговаривает на непонятном языке... Не знаю, что и посоветовать.

— Он не агрессивен и, кажется, до смерти напуган, — сказал Арбин. — Он не может причинить нам зла.

— Напуган, говоришь? А что, если он помешанный? Что, если его слова — не чужой диалект, а просто лепет безумца?

— Вряд ли. — Однако Арбин был явно обеспокоен.

— Ты уверяешь себя в этом, потому что можешь использовать его. Хорошо, я скажу тебе, что делать. Отвези его в город.

— В Чику? — ужаснулся Арбин. — Зачем?

Гро спокойно сказал:

— Твоя беда в том, что ты не читаешь газет. К счастью для семьи, этим занимаюсь я. Так вот, в Институте атомной физики изобрели прибор для облегчения обучения людей. Об этом была большая статья в воскресном приложении. И им нужны добровольцы. Отвези этого человека. Пусть он будет добровольцем.

Арбин упрямо покачал головой.

— Вы сошли с ума. Я не могу сделать этого. Они в первую очередь спросят регистрационный номер. Начнется расследование, и они узнают все о вас.

— Нет, это им не удастся. Дело в том, что ты абсолютно не прав, Арбин. Институту нужны добровольцы потому, что аппарат еще не испытан. У них, видимо, уже погибло несколько человек, так что, я уверен, они не будут задавать вопросы. А если пришелец погибнет, он будет, по-видимому, не в худшем положении, чем сейчас. А теперь дай мне книжный проектор. И принеси заодно газету, хорошо?

Когда Шварц открыл глаза, была уже вторая половина дня. Он почувствовал тупую, заставляющую замирать сердце боль, которая возникала сама по себе, боль из-за того, что он не видит больше жены, а знакомый ему мир утерян...

Он встрепенулся, когда над дверью загорелся свет и послышался голос, явно принадлежащий хозяину дома, видимо, фермеру. Затем дверь открылась и ему подали завтрак: неизвестную ему мучнистую кашу, напоминавшую кукурузную, и молоко.

Он сказал «спасибо» и энергично кивнул головой.

Фермер что-то ответил и взял в руки висевшую на спинке стула рубашку Шварца. Он внимательно осмотрел ее со всех сторон, особое внимание уделяя пуговицам.

Затем, повесив ее на место, он отодвинул скользящую дверь ванной, и тут Шварц впервые обратил внимание на мягкий молочно-белый цвет стен.

— Пластик, — тихо пробормотал он, используя это всеобъ-

емлющее слово с уверенностью, типичной для профана. Он заметил также, что в комнате не было ни стыков, ни углов, все ее плоскости плавно переходили одна в другую. Тем временем его хозяин делал знаки, смысл которых был ясен: Шварца просили умыться и одеться.

Сопровождаемый одобрительными жестами, он направился в ванную. Единственным неудобством было отсутствие прибора для бритья, однако на все знаки Шварца в ответ было лишь невнятное бурчание. Шварц провел рукой по подбородку и слегка вздохнул.

Знаками же его пригласили занять место в небольшом автомобиле. Машина рванулась вперед, и через некоторое время впереди показались белые дома.

— Чикаго? — быстро проговорил Шварц, указывая на них, вкладывая в эти слова последнюю иррациональную надежду, потому что эти дома меньше всего напоминали город.

Ответа не было, и последняя надежда исчезла.

Глава 3

ОДИН ИЛИ МНОЖЕСТВО МИРОВ?

Бел Авардан, все еще возбужденный после интервью, данного им прессе, ощущал в себе чувство дружелюбия ко всей сотне миллионов звездных систем, входящих во всеобъемлющую Галактическую Империю. Сейчас ему было безразлично, знают ли его в том или ином секторе. Если его теории относительно Земли будут доказаны, его имя будут повторять на всех обитаемых планетах Млечного Пути, на каждой планете, на которую ступила нога человека за тысячелетия его экспансии космоса.

Рано пришедшая к нему известность принесла и некоторые трудности. Ему было всего тридцать пять, и карьера его была полна противоречий. Она началась с потрясшего всех известия о получении им первой ученой степени в университете Арктура. Этот случай был беспрецедентным для человека в возрасте двадцати трех лет. Его диссертация, опубликованная в журнале археологического общества, вызвала что-то наподобие взрыва в научной среде. И это было впервые в истории университета.

Для человека, несведущего в археологии, причины, по которым небольшая статья, озаглавленная «О возрасте артефактов сектора Сириуса и рассмотрении возможной их связи с положениями гипотезы о родине человека», вызвала такой гнев, могли показаться загадочными. Дело в том, что Авардан брал в качестве исходной теорию некой группы мистиков, которых связывали скорее с метафизикой, чем с археологией, о том, что человечество зародилось на одной планете, а затем постепенно расселилось по Галактике. Теория, с энтузиазмом подхваченная писателями-фантастами, не принималась всерьез ни одним из авторитетных археологов Империи.

Однако Авардан стал силой, с которой приходилось считаться даже наиболее уважаемым из них. Всего за десять лет он заслужил авторитет специалиста по памятникам доимперской культуры, сохранившимся в различных уголках Империи.

Им, например, была написана монография о цивилизации сектора Ригеля, где благодаря успехам в развитии робототехники возникла самостоятельная культура, просуществовавшая несколько веков, пока совершенство механических рабов не уменьшило человеческую самостоятельность настолько, что флот Империи без труда одержал победу. Основой классической археологии было положение об одновременной эволюции людей на различных планетах, происходящей независимо друг от друга, как это было на Ригеле. Как доказательства приводились расовые различия людей, все еще не исчезнувшие окончательно, несмотря на долгое кровосмешение. Авардан эффективно противостоял этой концепции, доказывая, что культура Ригеля представляла собой лишь естественный продукт экономических и социальных условий того времени.

Существовали, кроме того, древние записи, в том числе слова Опихуса, которые сторонники классической теории использовали как образец свидетельств человека, цивилизация которого не знала еще межзвездных полетов. Всеми учебниками эти слова использовались как лучшее доказательство теории Мергера, что человечество представляет собой естественную вершину эволюции любого мира, а основой развития служат вода и кислород при определенных уровнях температуры и гравитации, и что возможны браки между представителями независимых видов человечества, которые и имеют место после начала межзвездных путешествий.

Авардан, однако, открыл следы цивилизаций, существо-

вавших за тысячи лет до Опихуса, и доказал, что уже в самых ранних записях есть упоминание о межзвездных полетах. Последней его победой стало доказательство того, что человек появился в исследуемых районах уже обладая высоким уровнем развития.

И вот теперь развитие этой теории привело Авардана на одну из наименее значительных планет Империи, планету по имени Земля.

Авардан прибыл в единственное место Земли, напоминавшее другие планеты Империи, высокогорное плато, затерявшееся среди пустынных вершин на севере Гималаев. Здесь, где никогда не было радиоактивности, высился дворец, архитектура которого явно говорила о его внеземном происхождении. Собственно, это была копия правительственных дворцов, существовавших в более удачных местах. Каменная поверхность плато была покрыта слоем чернозема, на котором, погруженные в искусственную атмосферу и климат, на пять квадратных миль вокруг раскинулись сады и цветники.

Стоимость всего этого по земным масштабам была немыслимо высока, но Империя не скупилась на субсидии. (По статистике, в 827 году галактической эры ежедневно в среднем пятьдесят новых планет получали статус провинции, так как численность их населения достигала миллиона.)

Во дворце жил Наместник Земли, которому в окружении искусственного комфорта иногда удавалось забыть, что он являлся наместником столь низкого мира. Но он всегда помнил, что является аристократом высокого звания и ветвью древнего рода.

Его жена менее поддавалась подобным иллюзиям, особенно, когда с вершины покрытого травой холма видела перед собой линию, отделяющую их от дикой пустоты Земли.

Авардан был принят Наместником гораздо теплее, чем предусматривали официальные требования, потому что он принес с собой атмосферу величественной и безграничной Империи.

Авардан, в свою очередь, нашел много причин для восхищения.

— Это сделано прекрасно и со вкусом, — похвалил он жилище Наместника. — Удивительно, что влияние центральной культуры ощущается и в самых отдаленных частях Империи, господин Энус.

Энус улыбнулся.

— Боюсь, что здесь, на Земле, дворец Наместника гораздо приятнее посещать, чем в нем жить, — это всего лишь красивая оболочка, пустая внутри. Семья, служащие, имперский гарнизон и редкие посетители, такие, как вы, — вот и все, что есть у нас от центральной культуры.

Конечно, даже положение Наместника не позволяло проявлять любопытство относительно планов гостя, однако подобные ограничения теряли силу для человека, оторванного от Империи.

— Вы собираетесь пробыть здесь некоторое время, доктор Авардан? — спросил Энус.

— Трудно сказать. Я прибыл раньше остальной части экспедиции, чтобы ознакомиться с земной культурой и получить необходимые разрешения властей. Например, мне нужно ваше разрешение на посещение определенных мест Земли.

— О, конечно, конечно! Но когда вы начинаете раскопки? И что вы хотите найти в этой куче мусора?

— Если все будет в порядке, я надеюсь разбить лагерь через пару месяцев. А что касается этого мира, то он — что угодно, но не куча мусора. Он совершенно уникален во всей Галактике.

— Уникален? — резко проговорил Наместник. — Ничего подобного. Это самый обыкновенный мир. В большей или меньшей степени — это дыра, помойная яма, к нему подойдет любой эпитет подобного рода, и все же, несмотря на всю его тошнотворность, он не может быть назван уникальным даже по жестокости и остается обычным грубым аграрным миром.

— Однако, — сказал Авардан, несколько озадаченный энергией, с которой это было сказано, — этот мир радиоактивен.

— Ну и что? В Галактике тысячи радиоактивных планет, причем некоторые заражены в гораздо большей степени, чем Земля.

— Это правда, — согласился Авардан, — радиоактивных планет тысячи, но лишь одна из них обитаема. Эта.

— Хорошо, — Наместник неопределенно кивнул, — возможно, в этом смысле планета уникальна. Однако это незавидное отличие.

— Дело не только в статистической уникальности. Биологи утверждают, что на планете, где радиация превышает определенный уровень, жизнь зародиться не может. Радиоактивность Земли значительно выше этого предела.

— Интересно. Я этого не знал. По-моему, это действительно доказывает фундаментальное отличие земных организмов от всех остальных... Это должно заинтересовать вас, ведь вы с Сириуса.

Он иронически усмехнулся и продолжал доверительным тоном:

— Знаете, наибольшая трудность в управлении этой планетой состоит в том, чтобы справиться с антиземными настроениями в Империи, особенно сильными в секторе Сириуса, которые, кстати, вызывают у этих землян довольно интересную реакцию, аналогичную, конечно. Я не утверждаю, что антиземных настроений нет в других областях Галактики, но нигде они так не сильны, как на Сириусе.

— Я не могу согласиться с этим, — порывисто ответил Авардан. — Во мне, например, столько же терпимости, как и в любом другом человеке. Я верю в равенство людей, и земляне для меня не исключение. Живые организмы все одинаковы, все они основаны на веществе, которое мы называем протоплазмой, и все они могут быть облучены радиацией. Как вы и я.

— Но как же тогда могла развиться жизнь на Земле?

— Видите, и вы начинаете удивляться. Однако ответ, по-моему, прост. Дело в том, что уровень радиоактивности на Земле все же недостаточен, чтобы уничтожить уже существующую жизнь.

— Не понимаю, к чему вы ведете, — сказал Энус.

— Разве это не очевидно? Жизнь на Земле зародилась до того, как планета стала радиоактивной.

Энус с удивлением посмотрел на него.

— Но ведь этого не может быть!

— Почему?

— Но как может планета стать радиоактивной? Продолжительность существования радиоактивных элементов составляет миллионы лет. По крайней мере, так меня учили еще в университете. Они должны были существовать еще в необозримом прошлом.

— Однако существует еще искусственная радиоактивность. Возможны тысячи ядерных реакций, в результате которых можно получить какие угодно радиоактивные изотопы. И можно предположить, что когда-то люди использовали некоторые из этих реакций в промышленности без надежного контроля или даже в военных целях. В результате атомной войны на одной планете большая часть верхнего слоя почвы могла стать радиоактивной. Что вы на это скажете?

— Мне все это непонятно, — ответил Энус. — Я, например, не могу представить, как можно использовать ядерные реакции в военных целях, или каким образом они могут выйти из-под контроля.

— Конечно, вы склонны недооценивать ядерные реакции, потому что живете сейчас, когда их контролируют столь просто. Но что, если кто-то, какая-то армия применяла это оружие до того, как была разработана защита? Это все равно, что использовать зажигательные бомбы до того, как огонь догадались тушить водой или песком.

— Хм, — пробормотал Энус, — вы говорите, как Шект.

— Кто этот Шект? — Авардан удивленно взглянул на него.

— Землянин. Один из немногих землян, с которым может разговаривать культурный человек. Он физик и как-то говорил мне, что Земля не всегда была радиоактивной.

— А... Ну что же, ничего странного в этом нет, ведь теория придумана не мною. Это составная часть «Книги древних», содержащей основанную на преданиях историю доисторической Земли.

— «Книга древних»? — Энус, казалось, был удивлен и несколько расстроен. — Где вам удалось ее найти?

— В разных местах. Это было непросто, и мне удалось достать лишь отдельные ее части. Все эти предания, пусть даже лишенные научной основы, довольно важны для моего проекта... А почему вы спрашиваете?

— Потому что это — священная книга радикальной секты землян. Чужакам запрещается ее читать! Неземлян, или чужаков, как они нас называют, линчевали и за меньшее.

— По вашим словам можно подумать, что силы Империи здесь недостаточно для поддержания порядка.

— В случаях святотатства — да. Советую прислушаться к моим словам, доктор!

Прозвучал мелодичный звон колокольчика, гармонирующий с шорохом окружающих их деревьев. Энус встал.

— Кажется, время обедать. Приглашаю вас присоединиться ко мне и насладиться гостеприимством в той степени, в какой его может предоставить этот кусочек Империи на Земле.

После обеда окруженный гостями Авардан еще раз повторил им большую часть своей беседы с Энусом, не вызвав своим рассказом никакого сочувствия.

Румяный мужчина в форме полковника с явно выраженным снисхождением ученого к школяру обратился к нему:

— Если я правильно вас понял, доктор, вы пытаетесь доказать, что эти земные скоты представляют собой древнюю расу, которая, возможно, дала начало всему человечеству?

— Не могу утверждать наверняка, полковник, но, вероятно, именно так и есть. Надеюсь, что через год смогу ответить вам вполне определенно.

— Если вы найдете, что это действительно так, в чем я, доктор, сильно сомневаюсь, то бесконечно меня удивите. Я уже четыре года на Земле, так что опыт у меня немалый. И я знаю, что эти земляне — мошенники и негодяи, причем все подряд. Они ленивы, суеверны, скупы, у них нет и намека на благородство души. Покажите мне землянина, который хотя бы в чем-нибудь может сравниться с полноценным человеком, со мной или с вами, например, и только тогда я поверю, что он может представлять расу наших предков. Но до тех пор увольте меня, пожалуйста, от подобных предположений.

— Землянин хорош, когда он мертв, но и тогда он дурно пахнет, — неожиданно добавил полный мужчина, сидевший у стола.

Авардан нахмурился и, не глядя на него, ответил:

— Я не собираюсь спорить о расовых различиях, тем более что в данном случае это не имеет значения, ведь я говорю о доисторических землянах. Их сегодняшние потомки долго находились в изоляции в довольно необычной окружающей среде, и все же я не стал бы говорить о них столь категорично.

Он повернулся к Энусу.

— Сегодня вы упоминали одного землянина.

— Я? Не помню.

— Физик. Шект.

— А, да. Да.

— Случайно не Афрет Шект?

— Да. Вы о нем слышали?

— Кажется, да. Я все время пытался вспомнить, и, кажется, мне это удалось. Он работает в Институте ядерной физики, в... Как же называется это место? В Чике?

— Да, это именно он. И что вы о нем слышали?

— Только то, что в «Физическом обозрении» была его статья. Я заметил ее потому, что просматривал все, относящееся к Земле, а статьи землян в галактической периодике довольно редки... Короче говоря, суть в том, что он изобрел нечто, на-

званное им Синапсайфер, который должен улучшать умственные способности млекопитающих.

— Действительно? — несколько резко проговорил Энус. — Об этом я не слышал.

— Я могу найти для вас эту заметку. Это довольно интересная статья, хотя я, конечно, не претендую на понимание ее математического обоснования. Аппарат был испытан на каких-то земных животных, кажется, их называют крысами, которых затем учили находить правильный путь к пище через лабиринт. У контрольных обычных крыс на эту задачу уходило втрое больше времени. Вы понимаете, что все это значит, полковник?

— Нет, доктор, не понимаю, — безразлично ответил военный.

— Тогда я должен объяснить. Я твердо уверен, что любой ученый, способный проделать эту работу, пусть даже он землянин, ничуть не ниже меня по умственному развитию.

— Извините, доктор, — вмешался Энус. — Я хотел бы вернуться к Синапсайферу. Доктор Шект проводил эксперименты на людях?

— Вряд ли, — улыбнулся Авардан, — в экспериментах девять десятых крыс погибало. Вряд ли он решился экспериментировать с людьми до получения лучших результатов.

Нахмурившись, Энус откинулся в своем кресле и больше не отзывался.

Еще до наступления полуночи Наместник, предупредив жену, на личном глайдере отбыл в Чику в плохом расположении духа и с чувством гнетущего беспокойства.

Тем же вечером Арбин Марен привез Джозефа Шварца в Чику как добровольца для Синапсайфера Шекта. Сам Шект тем временем уже в течение часа разговаривал с Наместником Земли.

Глава 4

ВЕЛИКАЯ ДОРОГА

Арбин чувствовал себя в Чике беспокойно, как человек, попавший в ловушку. Где-то здесь, в Чике, одном из самых больших городов Земли (в нем проживало около пятидесяти

тысяч жителей), находилось представительство великой Империи.

Арбин никогда не видел людей, прилетевших с других планет, и все же здесь, в Чике, он то и дело оглядывался в страхе, что подобный случай может представиться. Вряд ли он смог бы объяснить и то, как он собирался отличить землянина от чужака, даже если бы тот и попался ему на глаза, однако всем своим существом он чувствовал, что какое-то отличие несомненно должно быть.

Входя в институт, он еще раз оглянулся. Его автомобиль был припаркован на свободном месте, с талоном, обеспечивающим шестичасовую стоянку. Сейчас Арбина пугало буквально все. Воздух, казалось, был полон глаз и ушей.

Только бы этот странный человек не выкинул чего-либо. Хотя он энергично кивнул в знак согласия, но понял ли он? И как он только дал Гро уговорить себя на это безумие? — мучил себя Арбин вопросами.

В это время дверь перед ним открылась, раздавшийся голос вывел его из задумчивости.

— Что вам нужно? — В голосе чувствовалось нетерпение, возможно, что этот вопрос ему пришлось повторить несколько раз.

— Мне нужен человек, с которым можно поговорить относительно Синапсайфера, — хрипло сказал Арбин.

Швейцар изучающе посмотрел на него и сказал:

— Распишитесь здесь.

Арбин убрал руки за спину и поспешно повторил:

— С кем я могу поговорить относительно Синапсайфера?

Гро называл ему имя, но оно вылетело у него из головы.

— Я не могу ничего для вас сделать, пока вы не распишетесь в книге посетителей, — сказал швейцар, в голосе которого слышались железные нотки. — Таковы правила.

Не говоря ни слова, Арбин повернулся и направился прочь. В это время в дверях появилась девушка в белом рабочем халате.

— Доброволец на Синапсайфер, мисс Шект, — обратился к ней швейцар. — Он не хочет называть своего имени.

— Это правда? — обратилась она к Арбину.

— Я хотел бы поговорить с вашим начальником, — сухо ответил он.

— Хорошо, — она, казалось, вовсе не была обескуражена его ответом. — Пойдемте.

С замирающим сердцем он последовал за ней в небольшую приемную.

— Через полчаса доктор Шект примет вас, — мягко проговорила она. — Сейчас он занят...

Она вышла, и Арбин остался один, словно запертый в четырех стенах. Была ли это ловушка? Попал ли он в руки Старейших?

Никогда еще в жизни Арбина ожидание не было столь долгим.

Его светлость Энус, Наместник Земли, встретился с доктором Шектом без особого расположения к беседе с ним, испытывая при этом заметное возбуждение. Для него, четвертый год пребывающего в качестве Наместника на Земле, посещение Чики все еще оставалось событием. Как представитель далекого Императора, официально он занимал положение, равное положению управляющего гигантскими, насчитывающими сотни кубических парсеков, секторами Галактики. В действительности же его жизнь немногим отличалась от ссылки.

Для человека, заключенного в стерильную пустоту Гималаев, окруженного населением, ненавидящим как его, так и Империю, которую он представлял, бегством становилось даже путешествие в Чику.

Однако и эти путешествия были краткосрочными, поскольку здесь, в Чике, он был вынужден постоянно, даже не снимая на ночь, носить пропитанную свинцом одежду, хуже того — постоянно принимать метаболин.

Он горько жаловался на это Шекту.

— Метаболин, — говорил он, разглядывая таблетку, которую держал в руках, — наверно, это настоящий символ всего, что ваша планета означает для меня. Он должен усиливать все обменные процессы, пока я сижу здесь, в этом радиоактивном облаке, которое вы даже не замечаете.

Доктор Шект слушал его с легкой усмешкой. Он производил впечатление близорукого, и не потому, что носил очки, просто у него давно выработалась привычка рассматривать вещи вблизи, взвешивать осторожно все факты, прежде чем сказать что-нибудь. Это был высокий пожилой мужчина, худощавый и несколько сутулый.

Широкая начитанность по вопросам галактической культуры делала его относительно свободным от той абсолютной враждебности и подозрительности, которую средний землянин испытывал даже к такому космополиту, как Энус.

— Я абсолютно уверен, вы не нуждаетесь в таблетках, — сказал Шект. — Метаболин — это один из ваших предрассудков, и вы прекрасно знаете это. Если бы вы не принимали его, то чувствовали бы себя ничуть не хуже.

— Но не будете же вы отрицать, что ваш метаболизм выше моего?

— Нет, конечно, ну и что из этого? Я знаю этот имперский предрассудок, что мы, земляне, отличны от других людей, но в сущности это не так. Уж не приходите ли вы сюда как посланник антиземлян?

— Я говорю серьезно, Шект. Какая еще планета со столь яростным мазохизмом держится за свои бессмысленные традиции? Не проходит и дня, чтобы ко мне не явилась делегация от какого-нибудь из ваших правителей с требованием смертной казни для несчастного, единственное преступление которого в том, что он побывал в запретной зоне, спрятался от Шестидесяти или просто съел больше, чем ему положено.

— Да, но вы всегда с готовностью подписываете эти приговоры. Ваше идеалистическое отвращение, как видно, имеет слабую сопротивляемость.

— Клянусь звездами, я пытаюсь бороться. Но что могу сделать я один? Император требует, чтобы все части Империи жили по своим местным законам. Это мудро и правильно, поскольку лишает поддержки глупцов, готовых восстать при первом подходящем случае.

Стоит мне только возразить, когда ваши Советы, Сенаты и Палаты требуют смерти, что за крики, что за дикий вой поднимается в ту же минуту, какие обвинения сыплются в адрес Империи! Лучше я двадцать лет проведу среди полчищ дьявола, чем на десять минут попаду на подобную Землю.

Вздохнув, Шект почесал затылок:

— Для остальной части Галактики, если только там подозревают о нашем существовании, Земля — это галька в небе. Для нас же это — дом, единственный дом, который у нас есть. И все же мы ничем не отличаемся от вас, просто мы менее удачливы. Мы заключены здесь, на мертвой планете, отрезанные стеной радиации от окружающей нас огромной Галактики, которая от нас отказалась. Вот вы, Наместник, разрешили бы эмигрировать тем людям, которые захотели бы покинуть Землю?

Энус пожал плечами.

— От меня ли это зависит? Люди, живущие на других планетах, не желают стать жертвами земных болезней.

— Земных болезней! — Шект нахмурился. — Подобным представлениям пора положить конец. Мы вовсе не носители смерти. Разве вы умерли, побывав среди нас?

— Честно говоря, — улыбнулся Энус, — я делал все возможное, чтобы избежать лишних контактов.

— Все благодаря вашей пропаганде, основанной исключительно на глупости.

— Так вы, Шект, хотите сказать, что теория о том, что сами земляне радиоактивны, не имеет никакой научной основы?

— Да, конечно, как могут они быть не радиоактивными? Так же, как и вы. Так же, как и любой человек на каждой из сотен миллионов планет Империи. Мы радиоактивны чуть больше, но не настолько, чтобы причинить кому-либо вред.

— Однако жители Галактики верят в обратное. И кроме того...

— И кроме того, вы хотите сказать, что мы не такие, как все. Мы не люди, потому что из-за радиации подвержены мутациям и поэтому изменились во многих отношениях... Тоже не доказано.

— Но в это верят.

— И пока в это будут верить, пока нас, землян, будут считать париями, вы будете находить в нас все то, что вызывает ваше возмущение. Вы невыносимо давите на нас, и разве странно, что мы отвечаем вам тем же? Можете ли вы жаловаться на ненависть, которой мы лишь отвечаем на вашу ненависть? Нет, нет, мы больше защищаемся, чем нападаем.

Энус был огорчен тем, что его слова вызвали такой гнев.

«Даже лучшим из этих землян, — подумал он, — присуще все то же слепое чувство противопоставления Земли всей Вселенной».

— Извините мою бестактность, Шект, — мягко сказал он. — Пусть усталость будет мне оправданием. По существу, мы оба узники Земли. Дайте руку, и будем друзьями.

Шект улыбнулся.

— Слова извинения, произнесенные тоном дипломата Империи. Вы плохой актер, Наместник.

— Тогда будьте хорошим учителем и расскажите мне о вашем Синапсайфере.

Шект вздохнул и нахмурился.

— Вы слышали о приборе? Значит, вы не только администратор, но и физик?

— Положение обязывает. Но, серьезно, я хотел бы узнать что-нибудь о вашем изобретении.

Глаза Шекта заблестели.

— Ну что же, говоря попросту, это прибор, предназначенный для улучшения способностей человека к обучению.

— Человека? В самом деле? И он действует?

— Хотел бы я знать. Необходимы дальнейшие работы. Я опишу вам проблему вкратце, и судите сами. Нервная система человека и животного состоит из нейропротеинового вещества, которое, в свою очередь, складывается из гигантских молекул, находящихся в состоянии очень шаткого электрического равновесия. Молекулу можно вывести из равновесия легчайшим толчком, это выведет из равновесия следующую, и так далее. Процесс будет повторяться, пока не достигнет мозга. Сам мозг представляет собой гигантскую комбинацию подобных молекул, всевозможными способами соединенных друг с другом. Поскольку в наличии имеется примерно десять в двадцатой степени молекул, то число возможных комбинаций исчисляется факториалом десяти в двадцатой степени. Это число столь велико, что если бы все электроны и протоны во Вселенной сами стали бы Вселенными, и все электроны и протоны в этих вновь возникших Вселенных тоже бы стали Вселенными, то и тогда все электроны и протоны во всех получившихся Вселенных были бы ничем в сравнении с... Вы меня понимаете?

— Слава звездам, ни слова.

— Хм... Хорошо, короче говоря, то, что мы называем нервным импульсом, это просто возрастающий электронный дисбаланс, идущий от нервов к мозгу, а затем назад к нервам. Это вам ясно?

— Да.

— Ну что ж, восславим вашу гениальность. Пока импульс передается по нервам клеткам, он передвигается с большой скоростью, поскольку нейропротеины практически находятся

в контакте друг с другом. Однако нервные клетки ограничены в размере и не имеют контакта друг с другом, так как разделены тонким слоем соединительной ткани.

— Ясно, — сказал Энус, — и нервный импульс должен преодолевать барьер.

— Вот именно! Эти слои ослабляют импульс и замедляют его передачу. То же самое справедливо и для мозга. А теперь вообразите, что удалось снизить диэлектрическую постоянную слоев, разделяющих клетки. Человек сможет быстрее думать и лучше воспринимать новое.

— Хорошо, а теперь я вернусь к своему первому вопросу. Прибор действует?

— Я проводил эксперименты на животных.

— И каковы результаты?

— Большинство вскоре умерло от разрушения протеинов мозга, иначе говоря, от их свертывания, словно у яйца, сваренного вкрутую.

Энус вздрогнул.

— Есть что-то невыразимо жестокое в хладнокровии науки. А тем, которые не умерли?

— Ничего определенного, ведь это не люди. Результаты обнадеживающие... Но мне нужны люди. Видите ли, это вопрос природных электронных качеств каждого мозга. Но у меня нет людей для экспериментов. Я приглашал добровольцев, но...

Он развел руками.

— А когда работы будут закончены, что вы собираетесь делать с прибором? — спросил Энус.

Физик пожал плечами.

— Не мне это решать. Вопрос будет рассмотрен на Высшем Совете.

— Вы не думали о том, чтобы сделать изобретение доступным для Империи?

— Я? Ничего не имею против. Но только Высший Совет имеет право...

— Ох, — с нетерпением проговорил Энус, — к черту ваш Высший Совет. Я уже имел с ним дело. Вы согласны говорить с ними, когда это потребуется?

— Но как я могу повлиять на них?

— Вы скажите, что если Земля изготовит безопасный для человека Синапсайфер и сделает его доступным для Галакти-

ки, то земляне получат возможность эмигрировать на другие планеты.

— В таком случае, — иронически проговорил Шект, — у вас возникнет опасность заражения нашими болезнями.

— Вы, земляне, — спокойно сказал Энус, — могли бы даже все вместе быть переселены на другую планету. Подумайте об этом.

В это время дверь открылась, и в кабинет вошла девушка, сразу наполнившая мрачную атмосферу кабинета дыханием весны.

— Заходи, Пола, — сказал Шект. — Ваша светлость, — обратился он к Энусу, — разрешите представить вам мою дочь. Пола, это его светлость господин Энус, Наместник Земли.

Наместник быстро встал и обратился к ней с непринужденной вежливостью, не дав ей закончить неуклюжую попытку сделать реверанс.

— Дорогая мисс Шект, — сказал он, — трудно поверить, что на Земле можно встретить столь прелестное существо. Вы явились бы украшением любого из существующих миров.

Он взял Полу за руку, поспешно и несколько смущенно протянутую в ответ на его жест. На мгновение он сделал движение, как будто собрался поцеловать ее, следуя галантному обычаю предков, но намерение, если таковое и было, осуществлено не было. Полуподнятая рука была высвобождена, возможно, несколько поспешно.

— Я поражена вашей добротой к простой девушке с Земли, — сказала Пола, слегка нахмурившись. — Вы вежливы настолько, что не побоялись даже заразиться...

— Моя дочь, — вмешался Шект, — заканчивает обучение в университете Чики, а сейчас две недели работает у меня в лаборатории в качестве лаборанта. С гордостью могу сказать вам, что когда-нибудь она займет мое место.

— Отец, — мягко сказала Пола, — у меня важное известие для тебя.

В голосе ее послышалось колебание.

— Мне уйти? — спокойно спросил Энус.

— Нет-нет, — сказал Шект. — В чем дело, Пола?

— Есть доброволец, отец.

— На Синапсайфер? — пораженно спросил Шект.

— Так он говорит.

— Ну что ж, — сказал Энус, — как видно, я приношу вам удачу.

— Похоже, — Шект повернулся к дочери. — Отведи его в комнату «С», я сейчас приду.

Когда Пола вышла, он обратился к Энусу:

— Извините, Наместник...

— Конечно. Как долго продлится операция?

— Думаю, что несколько часов. Вы хотите присутствовать?

— Не могу представить себе ничего отвратительнее, дорогой Шект. Я останусь в посольстве до завтра. Вы сообщите мне результаты?

— Да, конечно. — Шект, казалось, был обрадован.

— Хорошо... И подумайте над тем, что я говорил о Синапсайфере.

Энус вернулся к себе еще более обеспокоенный, чем до визита к Шекту.

Глава 5

ДОБРОВОЛЕЦ ПОНЕВОЛЕ

Оставшись один, доктор Шект мягко нажал кнопку вызова, и в кабинет быстро вошел молодой лаборант.

— Пола вам сказала...

— Да, доктор Шект. Я наблюдал за ним на экране. Он определенно не подослан.

— Должен я сообщить Совету, как вы думаете?

— Не знаю, что и посоветовать. Совет не одобряет обычную связь, так как существует возможность перехвата информации.

Он поспешно добавил:

— Может быть, он нам не подойдет? Ведь нам нужны добровольцы до тридцати лет. Он значительно старше.

— Мне нужно посмотреть на него, — сказал Шект.

До сих пор ему удавалось решать все возникающие вопросы вполне официально. Он сообщил достаточное количество информации, чтобы создалось впечатление откровенности, не более того. И вот теперь настоящий доброволец, и сразу же после визита Энуса. Была ли здесь связь? Шект имел неопределенное представление о гигантских скрытых силах, находя-

щихся в противоборстве на изувеченном лице Земли. Однако он знал достаточно, чтобы чувствовать себя полностью в их руках. Но знал он значительно больше, чем подозревали Старейшие.

И все же, что он мог сделать, когда его жизни угрожала двойная опасность?

Через десять минут он был в комнате, где ожидал его доброволец. Мужчина, похожий на фермера, чувствовал себя неуверенно. Его руки беспокойно вздрагивали.

— Итак, сэр, — мягко сказал Шект, — я слышал, что вы не хотите назвать свое имя.

— Мне сказали, что если вы получите добровольца, вопросы задаваться не будут, — твердым голосом проговорил Арбин.

— Хм... Хорошо, но что-нибудь вы хотите сказать? Или вы хотите начать эксперимент немедленно?

— Я? Здесь? Сейчас? — В голосе фермера послышался испуг. — Доброволец — вовсе не я.

— Нет? Вы хотите сказать, что доброволец кто-то другой?

— Вот именно. Я хотел бы...

— Понимаю. Он с вами?

— Можно сказать, да, — осторожно ответил Арбин.

— Хорошо. Теперь говорите ваши условия. Все, что вы скажете, останется между нами. Договорились?

Фермер кивнул.

— Благодарю вас. Я согласен, сэр. У нас есть человек на ферме, дальний... родственник. Он помогает, понимаете...

Арбин запнулся, и Шект серьезно кивнул.

— Он очень хороший работник, очень хороший, но, понимаете, у него не совсем в порядке голова. Он не болен, ничего, из-за чего его следовало бы убрать. Он просто медленно соображает и не разговаривает.

— Он не умеет разговаривать? — Шект, казалось, был поражен.

— Ох нет, умеет. Просто не любит и говорит плохо.

Физик с сомнением посмотрел на него.

— И вы хотите с помощью Синапсайфера улучшить его умственные способности?

Арбин медленно кивнул.

— Он может погибнуть. Вы это понимаете? Мне нужно его согласие.

Фермер покачал головой медленно и упрямо.

— Он не поймет.

Затем настойчиво, почти задыхаясь, добавил:

— Поймите меня, сэр. Этот человек стареет. Это не вопрос Шестидесяти, но что, если на следующей Проверке они решат, что он полоумный, и заберут его? Мы не хотели бы его потерять, и поэтому я привел его сюда.

— Я понимаю. Ведите сюда вашего родственника.

Он дружески похлопал фермера по плечу. Арбин судорожно улыбнулся, чувствуя невыразимое облегчение.

Шект взглянул на тучного человека, лежащего на кушетке. Мужчина спал и дышал при этом ровно и глубоко. Шект нагнулся к нему и не нашел в его лице никаких признаков слабоумия.

Старик! Хм...

Он искоса взглянул на Арбина, который внимательно следил за происходящим.

— Вы не будете возражать против анализа кости?

— Нет, — крикнул Арбин и затем более спокойно добавил: — Я не хочу ничего, что могло бы послужить идентификации.

— Это может оказать нам помощь, если мы будем знать его возраст, — сказал Шект.

— Ему пятьдесят, — отрезал Арбин.

Физик пожал плечами и вновь посмотрел на спящего. Когда его привели, он был, или по крайней мере казался, одиноким и потерянным. Даже гипнотические таблетки, по-видимому, не вызвали у него никаких подозрений, быстрая судорожная улыбка — и он проглотил их.

Лаборант возился уже с последней из нескольких неуклюжих установок, которые вместе составляли Синапсайфер. Нажатие кнопки, и молекулы в поляризованных окнах операционной поменяли свое расположение, сделав их непрозрачными. И теперь лишь искусственный свет озарял своим холодным сиянием пациента, удерживаемого мощным диамагнетическим полем в нескольких дюймах над операционным столом.

Здесь же в темноте сидел Арбин, ничего не понимающий, но тем не менее решительно настроенный самим фактом своего присутствия предотвратить возможные грязные трюки, на которые, по его разумению, способны такого рода ученые.

Физики не обращали на него внимания, занятые подгонкой электродов к голове. Это была долгая и трудная работа, требующая большой точности. Шект болезненно улыбнулся. Конечно, морщины на человеческом лице не всегда давали точное представление о возрасте, но в данном случае их было достаточно. Этот человек был старше пятидесяти.

И тут улыбка исчезла с его лица. Он нахмурился. С морщинами что-то было не так. Они выглядели странно, не совсем...

На мгновение он был готов поклясться, что его череп имеет примитивную форму, словно анахронизм, но...

В конце концов, этот человек психически ненормален, так почему бы и нет? И тут он неожиданно, пораженный, воскликнул:

— Как я не заметил? У этого человека на лице растут волосы!

Он повернулся к Арбину.

— У него всегда была борода?

— Борода?

— Волосы на лице! Идите сюда! Видите?

— Да, сэр. — Арбин лихорадочно соображал. Утром он заметил это, но потом забыл. — Это у него от рождения, — сказал он и добавил: — По-моему.

— Ладно, удалим это. Вы же не хотите, чтобы он выглядел как дикое животное, не так ли?

— Нет, сэр.

— У него волосы и на груди, — сказал лаборант, удалявший волосы с лица.

— Великая Галактика, — сказал Шект, — дайте мне взглянуть! Да это же настоящий ковер! Ладно, оставьте это. В рубашке этого не видно, да и пора заняться электродами. Присоединяйте здесь, здесь и здесь.

Дюжина микроэлектродов, которые должны были уловить тончайшее эхо микротоков, передаваемых от одной клетки мозга к другой, были введены в кожу.

Дольше всего заняла настройка Синапсайфера. Записывались показания приборов, вновь и вновь проверялись инструменты, и опять продолжалась настройка.

Наконец Шект улыбнулся Арбину и сказал:

— Скоро все кончится.

Масса аппаратуры нависла над спящим, как медлительное и прожорливое чудовище. Четыре длинных провода тянулись к рукам и ногам пациента, серая прокладка из чего-то, напоминающего резину, была аккуратно подложена под шею и зажимами крепко закреплена на плечах. Наконец два электрода были закреплены на висках.

Шект не сводил глаз с хронометра, его правая рука лежала на выключателе. Большой палец руки сдвинулся, ничего заметного не произошло. Прошли, казалось, часы, в действительности же всего около трех минут, и палец двинулся вновь.

Помощник Шекта склонился над все еще спящим Шварцем и радостно произнес:

— Он жив.

Прошло еще несколько часов, в течение которых было произведено множество измерений. В комнате царила атмосфера почти дикого восторга. Была уже почти полночь, когда глаза добровольца открылись.

Шект отошел измученный, но счастливый.

— С ним все в порядке, — сказал он, коснувшись ладонью лба пациента. — Несколько дней ему придется побыть здесь, — твердо проговорил он, повернувшись к Арбину.

В глазах Арбина немедленно появилось беспокойство.

— Но... но...

— Можете положиться на меня, он будет в безопасности. Кроме того, он может умереть, если вы заберете его сейчас. Что вам это даст?.. А если он умрет, вам придется объяснять Старейшим, откуда взялся труп.

Последние слова сделали свое дело.

— Но как я буду знать, когда прийти за ним? Я не хочу называть его имени, — проговорил Арбин.

Это было согласие.

— Приходите через неделю, — сказал Шект, — я буду ждать вас. Вы должны верить мне и ничего не бояться.

Было уже далеко за полночь, когда Шект наконец подумал об отдыхе, и то лишь благодаря настойчивости Полы. Но уснуть он не мог. Встав с кровати, он сел у окна, глядя на город, погруженный во тьму ночи. На горизонте, по другую сторону озера, светилось голубое сияние смерти, царившее почти над всей Землей.

События изнурительного дня в бешеном темпе промелькнули в его сознании. После того как напуганный фермер ушел,

первым делом Шект связался с посольством. Энус, должно быть, ждал его, потому что ответил сам.

— А, Шект, добрый вечер. Ваш эксперимент окончен?

— И почти то же самое с моим добровольцем. Бедняга.

— Значит, я был прав, когда решил не оставаться. По-моему, вы, ученые, тоже способны на убийство.

— Он еще жив, Наместник, и, может, нам удастся спасти его, но... — он пожал плечами.

— Да, крысы в этом деле предпочтительнее, Шект... Однако где вы могли привыкнуть ко всему этому?

— Старею, ваша светлость, — просто ответил Шект.

— Опасное занятие у вас, — послышался сухой ответ. — Идите спать, Шект.

И вот Шект сидит здесь, глядя на темный город умирающего мира.

Два года шли испытания Синапсайфера, и два года он был рабом Совета Старейших, или Братства, как они себя называли.

Он написал несколько статей, которые можно было бы опубликовать в Сирианском Журнале Нейрофизиологии и которые могли принести ему столь желанную известность во всей Галактике. Статьи лежали у него в столе. Но они не были опубликованы.

Вместо этого появилась туманная и специально искаженная статья в «Физическом Обозрении». Такова была воля Братства.

И все же Энус был заинтересован. Почему?

Имело ли это связь с другими секретами, о которых он узнал? Подозревала ли Империя то же, что и он?

За двести лет Земля восставала три раза. Под знаменем провозглашаемого древнего величия Земля выступала против гарнизонов Империи, и Галактический Совет не был особенно обрадован тем безвыходным положением, в которое попала Земля, кровью вычеркивая себя из списка населенных планет.

Однако на этот раз все могло быть иначе...

Но действительно ли это так? Насколько он может доверять словам умирающего сумасшедшего, словам, которые на три четверти не имели смысла?

Какая разница? В любом случае он не посмел бы ничего предпринять. Только ждать, хотя он стареет и скоро ему шестьдесят.

Но даже на этом ничтожном, обугленном шарике, Земле, он хотел жить.

Он снова лег и, уже засыпая, подумал о том, не мог ли его разговор с Энусом быть перехвачен Старейшими? Он еще не знал, что Старейшие имели другие источники информации.

Рано утром один из помощников Шекта, молодой лаборант, обдумывал случившееся.

Он восхищался Шектом, однако прекрасно знал, что секретный эксперимент на неизвестном властям добровольце был нарушением приказа Братства, которому был придан статус Закона, что делало неподчинение серьезным проступком.

Кем был этот доброволец? Кто же прислал этого человека? Совет Старейших, втайне от всех, с целью проверить преданность Шекта? А может, Шект — предатель? Вчера днем он говорил с кем-то наедине, с кем-то в нелепой одежде, которую носят чужаки, опасаясь радиоактивного заражения.

В любом случае Шект обречен на гибель, но почему и он должен следовать за ним? Он, такой еще молодой, с почти четырьмя десятилетиями жизни впереди.

Кроме того, это означало бы продвижение... А Шект так стар, что в любом случае доживет лишь до следующей Проверки, так что для него в этом будет не много вреда. Практически никакого.

Лаборант решился. Он на коммутаторе набрал комбинацию из цифр и связался с премьер-министром, который, после Императора и Наместника, был властен над жизнью и смертью любого человека на Земле.

Наступил вечер следующего дня. Туманные впечатления в голове Шварца стали проясняться. Он вспомнил поездку, низкие беспорядочно стоявшие на берегу озера строения, долгое ожидание.

И потом — что? Что? Ах да, они пришли за ним. Потом была комната с инструментами и приборами, две таблетки... Они дали ему таблетки, и он с готовностью их проглотил. Что он терял?

А потом — пустота.

Стоп. Проблески сознания были... Люди, склонившиеся над ним... Девушка, приносившая ему еду...

Проходили дни, и Шварц начал ориентироваться. Мужчину, который приходил к нему, звали доктор Шект. Девушка

была его дочь, Пола. Шварц обнаружил, что он больше не нуждался в бритье. Волосы на лице не росли. Это напугало его. А росли ли они когда-нибудь?

Силы быстро возвращались к нему. Ему разрешили одеваться и ходить.

Страдал ли он амнезией? Была ли это причина, по которой они подвергли его операции? Был ли этот мир естествен и нормален, в то время как все, что он помнил, было фантазией его больного рассудка?

Ему не разрешалось выходить из комнаты даже в коридор. Означало ли это, что он узник? Может быть, он совершил преступление?

Никто не потерян так, как человек, заблудившийся в запутанных коридорах собственного одинокого ума. Никто не беспомощен так, как человек, лишенный памяти!

Пола обучала его новому для него языку. Это ее развлекало. Шварц не был особенно удивлен той легкостью, с которой улавливал и запоминал слова. Он помнил, что в прошлом у него была хорошая память. За два дня он научился понимать отдельные фразы. Через три начал говорить.

На третий день, однако, ему пришлось удивиться. Шект научил его цифрам и решал с ним задачи. Шварц должен был давать ответы, а Шект про себя отмечал, сколько времени у него на это уходит. Затем Шект объяснил ему значение термина «логарифм» и спросил, чему будет равен логарифм двух.

Шварц осторожно подбирал слова. Когда слов не хватало, он дополнял ответ жестами:

— Я — не — сказать. Ответ — не — число.

Шект возбужденно кивнул головой и проговорил:

— Не число. Не это, не то, часть этого, часть того.

Шварц прекрасно понял, что Шект своими словами подтверждает, что ответ — не целое число, а дробь, и поэтому сказал:

— Ноль целых, три, ноль, один, ноль, три — и дальше — цифры.

— Достаточно!

Пришло время удивиться и Шварцу. Как он узнал ответ? Шварц был уверен, что никогда прежде не слышал о логарифмах, и все же у него в голове сразу же появился ответ. Он не имел ни малейшего представления о процессе его вычисле-

ния. Он чувствовал, что его ум начал представлять собой нечто самостоятельное.

А может, он был математиком до того, как его поразила амнезия?

Жить в неизвестности ему было трудно. В Шварце нарастало желание вырваться на волю; где-то там должны быть ответы на все вопросы, которые ему никогда не узнать, если он будет заточен в этой комнате, где он чувствовал себя подопытным кроликом.

Такая возможность представилась на шестой день. Шварцу начали доверять. Утром его посетил Шект, затем он ушел.

Шварц подождал, пока не убедился, что Шект не вернется, после чего медленно закрыл рукой небольшую светящуюся точку на двери; так делали люди, обслуживающие его. Дверь плавно и беззвучно отошла в сторону... Коридор был пуст.

Так Шварц сбежал.

Мог ли он знать, что все шесть дней его пребывания здесь агенты Совета Старейших следили за институтом, его комнатой и им самим?

Глава 6

НОЧНЫЕ СТРАХИ

Ночью дворец Наместника выглядел не менее сказочно, чем днем. Гирлянды вьющихся вечерних цветов (завезенных на Землю) раскрыли белые бутоны, наполняя весь дворец тонким ароматом. В поляризованном свете луны искусственные самоцветы, умело впаянные в орнамент на стенах здания, давали легкое фиолетовое мерцание на фоне металлического блеска.

Энус смотрел на звезды и любовался ими как частью того мира, к которому он принадлежал. Над Землей было обычное небо, которое не имело той непередаваемой красоты небес центральных миров, где звезды были так густы, что темнота ночи почти отсутствовала в их сиянии. Не было у него и своеобразного великолепия пограничных миров, где непроницаемая темнота лишь изредка освещалась тусклым светом одинокой планеты и где одинокие звезды были неотличимы от алмазной пыли Млечного Пути.

На небосклоне Земли сразу были видны две тысячи звезд.

Среди них — Сириус, вокруг которого вращалась одна из десяти наиболее населенных планет Империи, Арктур — столица сектора, в котором родился Энус. Свет Трантора, столицы Империи, тоже затерялся где-то в Млечном Пути.

Энус почувствовал прикосновение к плечу нежной руки и накрыл ее своей.

— Флора! — прошептал он.

— Все устроится, — послышался голос жены. — Уже почти утро, а ты так и не ложился спать после возвращения из Чики. Может, ты позавтракаешь? Мне заказать еду сюда?

— Почему бы и нет?

— Что тебя беспокоит? — мягко спросила она.

— Не знаю, — проговорил Энус, покачав головой. — Я устал от накопившихся проблем... Этот Шект и его Синапсайфер, и этот археолог Авардан с его теориями. И многое другое. Эти земляне! — сквозь зубы продолжал Энус. — Многое указывает на то, что они вновь готовят восстание.

Он посмотрел на жену.

— Ты знаешь, что доктрина Совета Старейших состоит в том, что некогда Земля была единственным домом человечества?

— Но ведь именно об этом говорил Авардан, не так ли?

— Да, именно так, — мрачно произнес Энус, — но он говорил только о прошлом. Совет Старейших говорит и о будущем. Земля, утверждают они, вновь станет столицей расы. Они провозглашают даже приближение мифического второго царствия Земли, предупреждают, что Империя погибнет, а Земля приобретет свое первозданное величие. Трижды подобная чушь вызывала восстания, которые заканчивались массой разрушений на Земле, но это не поколебало их веру.

— Они всего лишь несчастные существа, эти земляне, — сказала Флора. — Что у них есть, кроме веры? Они лишены абсолютно всего: нормального мира, нормальной жизни. Они лишены даже достоинства, которое равняло бы их с другими людьми Галактики. Поэтому они живут в мечтах. Можно ли осуждать их за это?

— Да, можно, — возбужденно воскликнул Энус. — Пусть оставят свои мечты и борются за признание. Они не отрицают своего отличия. Они просто хотят заменить «хуже» на «лучше», и трудно ожидать, что остальная Галактика согласится с ними. Пусть забудут свою помешанность, свои устаревшие и

унизительные «законы». Пусть будут людьми, и на них будут смотреть как на людей... Но не будем об этом. Что, например, происходит с Синапсайфером? Здесь есть кое-что, что не дает мне уснуть. — Энус нахмурился.

— Синапсайфер?.. Это не тот прибор, о котором за обедом говорил доктор Авардан? Ты ведь из-за него ездил в Чику?

Энус кивнул.

— И что ты там узнал?

— Собственно говоря, ничего. Я знаю Шекта. И знаю неплохо. Я уверен, что этот человек умирал от страха все время, пока я с ним говорил. Здесь какая-то грустная тайна, Флора.

— Но машина работает?

— Разве я нейрофизиолог? Шект говорил, что нет. Доброволец, который был подвергнут обработке, как он утверждает, почти мертв. Но я этому не верю. Я чувствовал его возбуждение. Более того. Он торжествовал! Его доброволец жив, и эксперимент завершился благополучно, или я в жизни не видел счастливого человека?! Тогда почему он лгал мне? Ты представляешь, что такое Синапсайфер в действии? Ты понимаешь, что Шект может создать расу гениев?

— Но зачем тогда держать это в секрете?

— Ах! Зачем? Тебе это не ясно. Восстания землян потерпели неудачу? Так увеличьте уровень интеллекта среднего землянина. Удвойте его. Утройте.

— Ох, Энус.

— Мы можем оказаться в положении обезьян, атакованных людьми.

— Ты сгущаешь краски. Бюро внешних провинций всегда может выслать нескольких психологов для выборочной проверки уровня интеллекта землян. Любое отклонение будет обнаружено.

— Да, конечно... Но возможно и что-нибудь другое. Я не уверен ни в чем, кроме того, что восстание готовится.

— Ну а мы готовы к нему?

— Готовы? — Энус с горечью рассмеялся. — Я — да. Гарнизон в готовности. Все, что можно было сделать имеющимися средствами, я сделал. Но, Флора, я не хочу восстания. Я не хочу, чтобы мое наместничество вошло в историю как наместничество восстания. Я не хочу, чтобы мое имя связывали с насилием и смертью. Меня наградили бы за это, но в историю я вошел бы как кровавый тиран. Я предпочел бы известность

человека, который предотвратил восстание и спас бесценные жизни двадцати миллионов дураков, — довольно безнадежно закончил он.

— И ты можешь это сделать?

— Как я могу? Все против меня. Само бюро поддерживает этих фанатиков, присылая сюда Авардана.

— Но я не понимаю, чем может навредить нам этот археолог?

— Разве это не ясно? Он хочет, чтобы ему дали доказать, что Земля — родина человечества, то есть научно подтвердить домыслы этих фанатиков.

— Так останови его.

— Не могу. У него есть разрешение из Бюро Внешних провинций, одобренное Императором. Это абсолютно лишает меня власти над ним. Но и это не худшее, Флора. Знаешь, как он собирается доказывать свою теорию? Попробуй догадаться.

Флора мягко улыбнулась.

— Ты смеешься надо мной. Я же не археолог. Наверное, попробует раскопать какие-нибудь статуи или кости и датировать их по радиоактивности или что-нибудь в этом роде.

— Если бы это было так. Дело в том, что он собирается проникнуть в радиоактивные зоны Земли. Там он намеревается найти артефакты и доказать, что они существовали до того, как почва Земли стала радиоактивной, поскольку он утверждает, что радиоактивность искусственная, и соответственно определить ее возраст.

— Но это почти то же, что сказала я.

— А ты знаешь, что означает проникнуть в радиоактивную зону? Это запрещено одним из основных Законов самих землян.

— Но тогда все отлично. Земляне сами остановят Авардана.

— Прекрасно. Его остановит сам премьер-министр! А как я смогу потом убедить его, что это не правительственный проект, что святотатство исходит не от Империи?

— Премьер-министр не может быть столь обидчивым.

— Не может? — Энус откинулся назад и посмотрел на жену. — Ты в высшей степени наивна. Знаешь, что произошло около пятидесяти лет назад? Я расскажу, и ты сможешь судить сама.

На Земле, видишь ли, нет статуса ее принадлежности к Империи, поскольку эти сумасшедшие земляне считают, что

Земля по праву должна править Галактикой. Однако случилось так, что молодой Станнел Второй (помнишь Императора, который был не совсем в своем уме, так что от власти его почти сразу отстранили) приказал, чтобы инсигния Императора была поднята в столице Земли Вашене, в их Зале Совета. Сам по себе приказ был резонным, поскольку инсигния имеется в любом Зале Совета, на каждой планете Галактики как символ единства Империи. И вот что произошло.

В день, когда инсигния была поднята, город превратился в скопление бунтовщиков. В Вашене фанатики сорвали инсигнию и напали на гарнизон. У Станнела Второго хватило безумия требовать выполнения приказа, даже если бы это потребовало уничтожения всех землян, но он был отстранен от власти, и Эдар, его преемник, отменил приказ. И вновь воцарился мир.

— Ты хочешь сказать, — с недоверием проговорила Флора, — что инсигнию так и не подняли вновь?

— Именно так. И Земля — единственная из миллионов планет Империи, не имеющая инсигнии в Зале Совета. Планета, на которой мы сейчас находимся, самая ничтожная. Но они вновь будут драться до последнего человека, повтори мы сейчас эту попытку. А ты спрашиваешь, чувствительны ли они? Да они просто сумасшедшие.

Наступившую тишину вновь нарушил слабый голос Флоры:

— Энус?

— Да.

— Восстание беспокоит тебя не только потому, что оно может повлиять на твою карьеру. Мне кажется, ты ждешь действительно опасного для Империи... Не скрывай от меня. Ты боишься, что эти земляне победят?

— Флора, я не могу говорить об этом. Это даже не догадка... Может быть, четыре года в этом мире — это слишком много для нормального человека. Но почему эти земляне так уверены в себе?

— Откуда ты это знаешь?

— О, я знаю. У меня есть источники информации. В конце концов, их сокрушали трижды. У них не должно остаться иллюзий. Им противостоят двести миллионов миров, каждый из которых сильнее их, и все же они уверены в себе. Они столь тверды в своей вере в какую-то судьбу или сверхъестествен-

ную силу, во что-то известное только им. Может быть... может быть...

— Может быть что, Энус?

— Может быть, у них есть свое оружие?

— Оружие, с помощью которого один мир сможет победить двести миллионов? Ты паникуешь. Такого оружия нет.

— Я уже упоминал Синапсайфер.

— Но его действие можно обнаружить. Может быть, тебе известно другое оружие, которое они могут использовать?

— Нет, — неохотно ответил Энус.

— В этом-то все и дело. Такое оружие и невозможно. А почему бы тебе не связаться с премьер-министром и из лучших побуждений предупредить его о планах Авардана? Это отведет все подозрения по поводу участия Империи в этом глупом нарушении их обычаев. И в то же время ты, не вмешиваясь, остановишь Авардана... А теперь, почему бы тебе не поспать? Прямо здесь. Можно опустить кресло, а когда ты проснешься, я пришлю завтрак. При солнце все видится по-другому.

Так Энус после бессонной ночи заснул за пять минут до рассвета.

А спустя восемь часов премьер-министр узнал от него об Авардане и его миссии.

Глава 7

РАЗГОВОР С СУМАСШЕДШИМИ

Что касается Авардана, то его интересовало только то, как заполнить свое свободное время. Его корабль «Опихус», на котором прибудут остальные члены экспедиции, можно ожидать не раньше чем через месяц, поэтому в течение месяца он будет полностью предоставлен самому себе.

На шестой день по прибытии на Землю Бел Авардан воспользовался услугами Земной Компании воздушных перевозок и сел на стартоплан между Эверестом и столицей.

Он сознательно отказался от скоростного глайдера, предложенного Энусом, поскольку, как человек здесь чужой и как археолог, хотел увидеть жизнь людей, населяющих Землю.

Была и другая причина.

Авардан жил в секторе Сириуса, пресловутом первом сек-

торе Галактики, где антиземные настроения были особенно сильны. И все же он предпочитал считать, что у него не было подобных предрассудков. Конечно, у него сложилась привычка думать о землянах как о неких нелепых существах, даже само слово «землянин» казалось ему нелепым. Но он действительно был лишен предрассудков.

Так, по крайней мере, он думал. Например, если бы землянин, обладающий необходимыми знаниями и способностями, выразил желание присоединиться к его экспедиции, он бы согласился... Только если другие участники экспедиции не будут возражать.

Он задумался. Конечно, он смог бы есть вместе с землянином или даже спать на одной кровати в случае необходимости, но при условии, что землянин будет достаточно чист и здоров.

Собственно говоря, он смог бы во всех отношениях рассматривать его как любого другого человека. И все же нельзя отрицать, что он никогда не сможет забыть, что землянин — это землянин.

И вот ему представился случай проверить себя. Он летел в самолете в окружении землян и чувствовал себя вполне естественно.

Авардан оглянулся на обычные и ничем не примечательные лица пассажиров. Отличил бы он этих землян в толпе от других людей? Вряд ли.

От этих мыслей его отвлек смех. Объектом внимания пассажиров были пожилые мужчина и женщина.

Авардан повернулся к соседу.

— Что там происходит?

— Сорок лет они были женаты и сейчас совершают поездку вокруг Земли.

Пожилой мужчина, раскрасневшийся от удовольствия, многословно рассказывал историю своей жизни. Жена время от времени вмешивалась, педантично исправляя малозначительные подробности. Все это выслушивалось окружающими с величайшим вниманием, и земляне показались Авардану такими же теплыми и человечными, как любые другие люди в Галактике.

И тут кто-то спросил:

— А когда ваши Шестьдесят?

— Через месяц, — с готовностью ответил мужчина, — шестого ноября.

— Ну что ж, — сказал спрашивающий, — надеюсь, вам повезет с погодой в этот день. Помню, когда было Шестьдесят моего отца, лил проливной дождь. Я пошел с ним, знаете, в такой день человек нуждается в компании, и он все время жаловался на дождь. Слушай, сказал я, что ты жалуешься, отец? Ведь возвращаться-то придется мне.

Раздался общий взрыв смеха, к которому не замедлила присоединиться и пожилая чета. Авардан, однако, почувствовал приступ ужаса, вызванного ясным и невыносимым подозрением.

— Эти шестьдесят, — обратился он к сидящему рядом мужчине, — о которых они говорят, имеется в виду, что человека, достигшего шестидесяти, убивают?

В голосе Авардана было что-то, заставившее соседа с подозрением посмотреть на него. Наконец он сказал:

— Ну а вы что думали?

Авардан сделал рукой неопределенный жест и довольно глупо улыбнулся. Ему был известен этот обычай, но лишь по книгам, по обсуждению в научных статьях. Но теперь его окружали люди, которые по закону могли жить только до шестидесяти.

Мужчина все еще смотрел на него.

— Слушай, парень, откуда ты? У вас что, не знают о Шестидесяти?

— Мы называем это «время», — с трудом выговорил Авардан. — Я оттуда. — Он неопределенно показал большим пальцем назад и после минутного колебания собеседника отвел от него свой жесткий изучающий взгляд.

Тем временем пожилой мужчина заговорил вновь.

— Она идет со мной, — сказал он, кивая на свою добродушную жену. — У нее еще остается три месяца, но она предпочитает уйти со мной.

Вскоре, казалось, все пассажиры погрузились в вычисления времени, оставшегося каждому из них.

Низкий мужчина в облегающей одежде, с решительным выражением лица, твердо произнес:

— У меня осталось двенадцать лет, три месяца и четыре дня, и никуда от этого не деться.

— Они могут вычислить это с точностью до дня, — проговорил стройный молодой человек. — А есть люди, живущие дольше своего времени.

— Точно, — сказал другой, вызвав общее согласие и возмущение.

— Я, — продолжал молодой человек, — не вижу ничего странного в том, что человек желает продлить свою жизнь, особенно, если у него есть дела, требующие завершения. Но эти паразиты, пытающиеся протянуть до следующей Проверки, пожирают еду следующего поколения...

— Но разве возраст всех не зарегистрирован? — мягко вмешался Авардан. — Они не смогут долго скрываться, не так ли?

Все замолчали, немало смущенные выражением столь глупого идеализма.

Наконец кто-то, как будто пытаясь перевести разговор на другую тему, дипломатично произнес:

— Не думаю, чтобы жизнь после шестидесяти имела какой-то смысл.

— Для фермера никакого, — согласился с ним другой. — Нужно быть сумасшедшим, чтобы после полувековой работы на полях не радоваться ее окончанию. Но что вы скажете относительно чиновников и администраторов?

Наконец пожилой мужчина, сорокалетие свадьбы которого вызвало этот разговор, осмелился высказать свое мнение, ободренный, вероятно, тем, что ему, как очередной жертве Шестидесяти, терять было нечего.

— Разное бывает, знаете ли, — подмигнул он с лукавым намеком. — Я знал человека, которому исполнилось шестьдесят во время Проверки восемьсот десятого года, а он продолжал жить до восемьсот двадцатого. До шестидесяти девяти лет! Представляете!

— Как же ему это удалось?

— У него были какие-то деньги, а брат его был членом Совета Старейших. Для такой комбинации нет ничего невозможного.

Замечание вызвало общее согласие.

— Слушайте, — сказал все тот же молодой человек. — У меня был дядя, который прожил лишний год, всего год. Это был один из тех себялюбцев, которые, знаете, не особенно желают уходить. Какое ему было дело до остальных... Случилось так, что я не знал об этом, иначе я, конечно же, сообщил бы о нем, уверяю вас, потому что каждый должен уйти в свое время. Так или иначе, обман обнаружился. Братство вызвало меня и брата и пожелало узнать, почему мы не сообщили о нем. Я от-

ветил, что ничего не знал и никто в семье не знал об этом. Я сказал им, что мы не виделись десять лет. И все равно пришлось заплатить кругленькую сумму в пять сотен кредитов.

Выражение беспокойства на лице Авардана усилилось. Уж не сумасшедшие ли эти люди, которые воспринимают смерть как должное и отказываются от своих друзей и родственников, которые пытаются избежать смерти? Не попал ли он случайно на самолет, перевозящий сумасшедших? Или это были просто земляне?

А его сосед вновь хмуро посмотрел на него. Голос его прервал размышления Авардана.

— Эй, парень, где это «оттуда»?

— Извините?

— Я спрашивал, откуда ты. Ты сказал «оттуда». Что это за «оттуда»? А?

Авардан почувствовал, что окружающие подозрительно смотрят на него. Не приняли ли его за члена их Совета Старейших? А может, его считают провокатором?

И он ответил им вспышкой откровенности.

— Я не с Земли. Меня зовут Бел Авардан, и я из сектора Сириуса. А ваше имя? — И он протянул руку.

Его ответ прозвучал как брошенная в салон самолета атомная капсула.

Возникший испуг землян быстро перешел в яростную, злобную враждебность, направленную на него. Мужчина, сидевший рядом с ним, поднялся и пересел на другое место.

Все отвернулись. Плечи плотно сомкнулись вокруг него. На мгновение в Авардане вспыхнуло негодование. Земляне смеют так обращаться с ним! Земляне! Он протянул им руку дружбы. Он снизошел до них, и вот чем они ему ответили.

Преодолев усилие, он расслабился. Ясно, что предубеждение не могло быть односторонним, ненависть порождала ненависть.

Остальную часть путешествия он провел в молчаливом одиночестве, не обращая внимания на разговоры за спиной и бросаемые на него время от времени взгляды.

Приземление в Чике было воспринято им с радостью, хотя Авардан мысленно усмехнулся, взглянув из самолета на «лучший город» Земли.

Его багаж был перенесен в автомобиль. Здесь он, по край-

ней мере, был единственным пассажиром, так что вряд ли можно было ожидать каких-либо неприятностей.

— В посольство, — сказал он шоферу, и машина тронулась с места.

Так Авардан впервые оказался в Чике, и произошло это в тот день, когда Шварц сбежал из Института Ядерной Физики.

Глава 8

ВСТРЕЧА В ЧИКЕ

Доктор Шект в двадцатый раз посмотрел свои записи и поднял глаза на Полу, входящую в его кабинет. Нахмурившись, она сняла свой рабочий халат.

— Итак, отец, ты до сих пор не ел?

— А? Конечно, я ел... Что это?

— Это обед. По крайней мере, это было обедом. То, что ты ешь, скорее напоминает завтрак. Какой смысл в том, что я приношу обед сюда, если ты его не ешь?

— Не нервничай. Я съем. Ты же знаешь, что я не могу прерывать важный эксперимент ради приема пищи.

Он вновь взглянул на заметки.

— Ты не представляешь, что за человек этот Шварц. Я рассказывал тебе о его черепе?

— Он имеет примитивную форму. Ты говорил.

— Но это не все. У него тридцать два зуба, в том числе один, должно быть, вставленный искусственно, да еще так странно. По крайней мере, я еще не видел зуба, который бы крепили к соседним, вместо того, чтобы вживлять в челюстную кость. Ты когда-нибудь видела человека с тридцатью двумя зубами?

— Я не занимаюсь подсчетом чьих-либо зубов, отец. Сколько их должно быть, двадцать восемь?

— Именно. Но я еще не закончил. Вчера мы провели внутренний анализ. Как ты думаешь, что мы нашли?.. Угадай!

— Кишки?

— Пола, ты стремишься меня разозлить, но это тебе не удастся. Можешь не гадать, я тебе скажу. Шварц имеет открытый аппендикс три с половиной дюйма длиной. Великая Галактика, это совершенно беспрецедентный случай. Я консуль-

тировался у медиков, — со всеми предосторожностями, конечно, — аппендикс не бывает длиннее, чем половина дюйма, и никогда не открыт.

— Ну и что это значит?

— То, что этот человек — настоящее живое ископаемое. — Он поднялся с кресла. — Слушай, Пола, я думаю, мы не должны отдавать Шварца. Он представляет собой слишком ценный образец.

— Нет, нет, отец, — быстро проговорила Пола, — ты не можешь этого сделать. Ведь ты обещал фермеру вернуть Шварца, и ты должен это сделать. Это необходимо самому Шварцу. Мне кажется, он несчастен.

— Несчастен! И это когда мы обращаемся с ним как с богатым чужаком.

— Какое это имеет значение? Бедняга привык к своей семье, к своей ферме. Там он прожил всю свою жизнь. И вот теперь ему пришлось пережить страх и страдания, и рассудок его стал работать иначе. Трудно ожидать, чтобы он все понял. Мы должны вспомнить о его человеческих правах и вернуть его семье.

— Но, Пола, интересы науки...

— Чепуха! Как ты думаешь, что скажет Братство, когда услышит об экспериментах, проведенных без их разрешения? Думаешь, их беспокоят интересы науки? Позаботься о себе, если не хочешь заботиться о Шварце. Чем дольше ты его продержишь здесь, тем больше шансов, что об этом узнают. Ты отправишь его домой завтра ночью, так, как это планировалось, слышишь?.. Я пойду посмотрю, не нужно ли Шварцу чего-нибудь.

Не прошло и пяти минут, как она вернулась с растерянным лицом.

— Отец, он сбежал!

— Кто? — пораженно спросил он.

— Шварц! — воскликнула она, чуть не плача. — Ты, наверное, забыл закрыть дверь, когда вышел от него.

Шект вскочил на ноги.

— Когда?

— Не знаю. Но, должно быть, недавно. Когда ты был у него?

— Самое большее пятнадцать минут назад.

— Хорошо, — с неожиданной решительностью проговорила она. — Я побегу за ним. Ты останешься здесь. Если его найдет кто-нибудь другой, то легче мне его забрать, чтобы отвести подозрения от тебя. Понимаешь?

Шект лишь кивнул.

Джозеф Шварц не чувствовал никакой радости, поменяв неволю института на просторы улицы. Он не питал никаких иллюзий относительно своей свободы, и у него не было какого-либо плана действий.

Если им и руководил какой-то рациональный импульс (вроде слепого желания сменить бездействие на любую деятельность), то это была надежда натолкнуться на что-нибудь, что помогло бы ему обрести исчезнувшую память. Сейчас он был полностью убежден в том, что страдает амнезией.

Однако встреча с городом погасила его энтузиазм. Стояла поздняя осень. И Чика, освещенная солнцем, была молочно-белой. Здания, как и дом фермера, казалось, были сделаны из фарфора. Какое-то неопределенное чувство подсказывало ему, что города должны быть коричневыми и красными и гораздо более грязными. В последнем он был уверен.

Он шел медленно, каким-то образом чувствуя, что официальных поисков не будет. Собственно говоря, в последние дни он чувствовал в себе возросшую чувствительность к окружающей его «атмосфере». Это была часть перемен в его мышлении, начинавшихся...

Он мысленно вернулся назад.

В любом случае атмосфера госпиталя носила отпечаток скрытности, связанной со страхом, как ему казалось. Так что они не могут преследовать его в открытую. Но откуда? Была ли эта странная активность его мышления связана с амнезией?

Он миновал еще один перекресток. Автомобилей было относительно мало. Одежда пешеходов выглядела довольно нелепо, без швов, без пуговиц, разных цветов. Но такая же одежда была и на нем. Он попытался вспомнить, куда исчезла его старая одежда, потом усомнился, была ли у него вообще одежда. Трудно быть уверенным в чем-либо, когда человек вообще сомневается в своей памяти.

Но он так ясно помнил свою жену, детей. Они были реальны. Он остановился на середине тротуара и с трудом взял себя в руки. Возможно, они были искаженными версиями реальных людей этой нереально выглядевшей жизни, к которой должен был принадлежать и он.

Неожиданно он почувствовал голод. Он оглянулся вокруг.

Ничего поблизости не напоминало ресторана. Хотя откуда он знает? Ведь он же не знает этого слова на новом для него языке.

Он внимательно смотрел на дома, мимо которых проходил, и вскоре увидел внутри одного из них небольшие столы, за которыми ели люди. По крайней мере, хоть это не изменилось. *Люди, которые ели, жевали и глотали.*

Шварц вошел внутрь и замер в замешательстве. Никто не подавал пищу, никто ее не готовил, не было заметно никаких признаков кухни. Он собрался предложить вымыть тарелки в обмен на еду, но к кому обращаться с этим предложением?

Он неуверенно приблизился к сидящим за одним из столов, старательно выговаривая слова:

— Еда. Где? Пожалуйста.

Они удивленно посмотрели на него. Один быстро и совершенно непонятно заговорил, похлопывая по небольшому устройству на краю стола. Второй раздраженно присоединился к нему.

Шварц с отчаянием повернулся, собираясь уходить, и тут он почувствовал руку, остановившую его...

Гранц заметил полное грустное лицо Шварца еще через окно.

— Что ему надо? — проговорил он.

Месстер, сидевший за тем же столом, спиной к окну, оглянулся и ничего не ответил.

— Он вошел, — сказал Гранц, и Месстер ответил:

— Ну и что?

— Ничего.

Однако вскоре вошедший беспомощно оглянулся вокруг, приблизился к ним и произнес со странным акцентом:

— Еда. Где? Пожалуйста.

Гранц взглянул на него.

— Еда здесь, приятель. Сядь к любому столику и воспользуйся пищематом... Пищематом! Ты не знаешь, что это такое?.. Посмотри на беднягу, Месстер. Он смотрит на меня так, как будто не понял ни слова из того, что я сказал. Эй, парень, смотри — вот эта штука. Брось в нее монету... Эй, подожди. — Он поймал за рукав Шварца, когда тот уже собирался уходить.

— Деньги, друг, деньги.

Он достал из кармана блестящую монету в полкредита.

— У тебя есть? — спросил он.

Шварц медленно покачал головой.

— Ну что же, тогда держи! — Он положил полкредита в карман и достал более мелкую монету.

Шварц нерешительно принял ее.

— Правильно. Только не стой здесь. Брось ее в пищемат. *Вот в эту штуку.*

Неожиданно Шварц почувствовал, что понимает его. Пищемат имел ряд отверстий для монет различного достоинства и ряд кнопок под светлыми прямоугольниками, надписи над которыми он прочитать не мог. Шварц указал на стоявшую на столе еду и, проведя пальцем по кнопкам, вопросительно поднял глаза.

— Сандвич недостаточно хорош для него, — раздраженно сказал Месстер. — Не выбрасывай деньги, Гранц.

— Ничего, завтра получка... Смотри, — обратился он к Шварцу и, опустив в пищемат свою монетку, достал широкий металлический контейнер из углубления в его стене. — Теперь возьми это на другой стол...

Шварц осторожно перенес контейнер на соседний стол. Сбоку контейнера была прикреплена ложка, покрытая прозрачной пленкой, разорвавшейся при первом же прикосновении. Как только пленка была порвана, контейнер разошелся по шву.

Еда была холодной, но для него это не имело значения. Через минуту он заметил, что она нагревается, и замер в замешательстве... Вскоре подливка закипела, затем вновь остыла, и Шварц принялся за еду.

Гранц и Месстер все еще сидели на своих местах, когда он вышел. За необычным посетителем следил еще один человек, на которого Шварц не обратил внимания.

Не заметил Шварц и того, что от самого института за ним, не отставая, следил худой маленький человек.

Бел Авардан, выкупавшись и сменив одежду, упрямо решил выполнить свой первоначальный замысел наблюдения за существами, населяющими Землю, в их естественной среде обитания. Стояла приятная погода, дул легкий освежающий ветерок, сама деревня, то есть город, была светлой, спокойной и чистой. Не так уж и плохо.

В полдень, обедая, он стал свидетелем небольшой сценки, в которой участвовали двое землян, вошедших вскоре после него, и пришедший после них пожилой мужчина. Авардан

мельком следил за ними, просто противопоставляя этот случай неприятному инциденту в самолете. Двое мужчин за столом явно были водителями аэротакси: людьми небогатыми, но поступившими милосердно.

Нищий вышел, а минуты две спустя и Авардан.

Людей на улице значительно прибавилось, приближался конец рабочего дня.

Он поспешно отошел в сторону, чтобы не столкнуться с бегущей молодой девушкой.

— Извините меня, — сказал он.

Девушка была одета в стереотипную белую униформу. Казалось, она была чем-то озабочена. Он слегка прикоснулся к ее плечу.

— Не могу ли я вам помочь? У вас неприятности?

Девушка остановилась и испуганно посмотрела на него. У нее были каштановые волосы, темные глаза, тонкая талия. Ей было от девятнадцати до двадцати одного года.

Она ответила, чуть не плача:

— Ох, это бесполезно. Не обращайте на меня внимания. Трудно рассчитывать найти кого-то, не имея никакого представления, где искать.

На глазах ее появились слезы. Она тяжело вздохнула.

— Вы не видели пожилого мужчину лет пятидесяти в белом с зеленым костюме, без шапки, несколько лысоватого?

Авардан удивленно взглянул на нее.

— Что? Зеленый с белым?.. Трудно поверить... Слушайте, этот человек — он говорит с трудом?

— Да, да. Значит, вы его видели?

— Минут пять назад он обедал с двумя мужчинами... Вон они... Эй, вы, — он приблизился к ним.

Гранц быстро встал.

— Такси, сэр?

— Нет, но если вы расскажете о человеке, который ел с вами, то получите плату. Куда он пошел?

Гранц выглядел огорченно.

— Хотел бы вам помочь, но я видел его первый раз в жизни.

Авардан повернулся к девушке.

— Если бы он пошел навстречу вам, то вы бы его увидели. И он не мог уйти далеко. Значит, нужно идти в противоположную сторону. Я узнаю его, если увижу.

Он предложил помощь под влиянием импульса. Неожиданно он почувствовал, что улыбается ей.

— А что он сделал? — неожиданно вмешался Гранц. — Может быть, он нарушил какой-нибудь закон?

— Нет, нет, — поспешно ответила она. — Он лишь немного нездоров, вот и все.

После того, как они отошли, Месстер посмотрел им вслед.

— Немного нездоров? Как тебе это понравилось, Гранц? Немного нездоров.

Он вопросительно посмотрел на товарища.

— Что на тебя нашло? — с беспокойством спросил Гранц.

— Ничего, что заставляет меня чувствовать себя не совсем здоровым. Этот парень явно сбежал из госпиталя. Его ищет медсестра, и к тому же очень обеспокоенная медсестра. Стала бы она беспокоиться, если бы он был всего лишь немного нездоров? Ты заметил, что он почти не разговаривает и почти ничего не понимает?

В глазах Гранца неожиданно появился страх.

— Не думаешь же ты, что это горячка?

— Я как раз думаю, что это был случай радиационной горячки, причем зашедшей далеко. А он стоял в футе от нас. Ничего хорошего это не...

Рядом с ними оказался маленький худой человек с вкрадчивым голосом, появившийся ниоткуда.

— В чем дело, господа? У кого здесь радиационная горячка?

— Кто вы такой? — с неприязнью спросил Месстер.

— Хо, — сказал маленький человек, — вы хотите знать, кто я такой? Дело в том, что я посланник Братства, представьте себе.

Он блеснул маленьким светящимся значком на отвороте куртки.

— А теперь, именем Совета Старейших, что значат все эти разговоры о радиационной горячке?

— Я ничего не знаю, — сказал Месстер испуганно и глухо. — Медсестра искала здесь какого-то больного, и я подумал: не радиационная ли горячка у него? Ведь мы не нарушали законов, не так ли?

— Хо! Это вы-то будете учить меня законам? Занимайтесь лучше своим делом и предоставьте мне беспокоиться о законах.

Маленький человек потер руку об руку, быстро оглянулся вокруг и быстро пошел вслед за Полой и Авардaном.

— Вот он! — Пола лихорадочно сжала руку своего спутника. Все произошло быстро, легко и случайно. Шварц неожиданно появился в главном ходе большого магазина самообслуживания.

— Я его вижу, — прошептал Авардан. — Стойте здесь, а я пойду за ним. Если он увидит вас и затеряется в толпе, нам его не найти.

Они вошли в магазин. Авардан не спеша приблизился к Шварцу, и его сильная рука крепко сжала плечо беглеца.

Шварц вздрогнул и испуганно рванулся прочь. Однако из хватки Авардана не могли вырваться люди и посильнее Шварца. Авардан улыбнулся и спокойно, так, чтобы это могли слышать случайные свидетели, проговорил:

— Привет, старина, давно не виделись. Как поживаешь?

К ним присоединилась Пола.

— Шварц, — прошептала она, — пойдемте с нами.

На мгновение Шварц напрягся, сопротивляясь, затем сдался.

— Я — иду — с — вами, — устало произнес он, но неожиданно грохот громкоговорителя заглушил его слова.

— Внимание! Внимание! Внимание! Администрация приказывает всем, соблюдая порядок, покинуть магазин через выход на пятую линию. В дверях предъявлять регистрационные карточки. Выполнять быстро. Внимание! Внимание! Внимание!

Объявление повторяли трижды, последний раз под топот ног толпы, выстраивающейся в линию у выхода.

— Что случилось? В чем дело? — слышалось со всех сторон.

— Пойдемте, — сказал Авардан, пожав плечами.

Однако Пола покачала головой.

— Мы не можем...

— Почему? — Археолог нахмурился.

Не ответив, девушка отошла в сторону. Могла ли она сказать, что у Шварца нет регистрационной карточки? Кем был этот человек? Почему он помогал ей? Она была в отчаянии.

— Вам лучше уйти, иначе у вас могут быть неприятности, — тихо проговорила она.

Верхние этажи магазина уже опустели. Авардан, Пола и

Шварц образовали небольшой неподвижный островок в потоке людей.

Позднее, вспоминая, Авардан понял, что в этот момент он мог бы и покинуть девушку. Покинуть и никогда больше не увидеть! И все было бы иначе.

Но он ее не оставил. Едва ли она была привлекательна, охваченная страхом и отчаянием. Но ее беспомощность вызывала у него сочувствие.

Он шагнул, чтобы уйти, и остановился.

— Вы так и будете здесь стоять?

Она кивнула.

— Но почему?

— Потому что, — Пола больше не могла сдерживать слезы, — я просто не знаю, что делать.

Это просто маленькая испуганная девочка, хотя и землянка.

— Если вы объясните мне, в чем дело, я постараюсь помочь, — мягко сказал Авардан.

Ответа не было.

И тут к ним приблизился маленький человек.

Глава 9

КОНФЛИКТ В ЧИКЕ

Лейтенант расположенного в Чике гарнизона Марк Клавдий лениво зевнул, с непередаваемой скукой глядя в пустоту. Заканчивался второй год его службы на Земле, и он с нетерпением ждал смену.

Нигде в Галактике проблема поддержания дисциплины в гарнизоне не была столь сложной, как в этом кошмарном мире. На других планетах существовала определенная дружба между военными и гражданским населением, особенно его женской частью. Там существовала свобода.

Здесь же гарнизон был тюрьмой. В казармы поступал отфильтрованный воздух, свободный от радиоактивной пыли. Здесь надевали пропитанную свинцом одежду, холодную и тяжелую, без которой солдаты подвергались серьезному риску заражения.

Что же оставалось, кроме ворчания, сна и медленного сумасшествия?

Лейтенант Клавдий покачал головой, тщетно пытаясь забыться, еще раз зевнул, сел и начал натягивать туфли.

В следующую минуту он вскочил на ноги, успев надеть лишь одну туфлю, и отдал честь.

Полковник неодобрительно оглядел его и сухо приказал:

— Лейтенант, поступили сообщения о беспорядках в деловом районе. Вы с подразделением дезактивации отправитесь в магазин Дунхама и восстановите порядок. Позаботьтесь, чтобы ваши люди были надежно защищены от заражения радиационной горячкой.

— Радиационная горячка! — воскликнул лейтенант. — Извините, сэр, но...

— Будьте готовы отбыть через пятнадцать минут, — холодно сказал полковник.

Авардан заметил маленького человека первым и замер, когда тот сделал едва заметный приветственный жест.

— Привет, парень. Скажи леди, что вовсе ни к чему увлажнять помещение.

Пола резко подняла голову и затаила дыхание.

— Чего вы хотите? — резко проговорил Авардан.

Маленький человек с пронзительным взглядом уверенно отошел от прилавка, заваленного какими-то пакетами. Тон его был одновременно и заискивающим, и дерзким.

— Есть возможность выйти отсюда, — сказал он, — но вам, мисс, не стоит утруждать себя. Я сам отведу вашего человека назад в институт.

— В какой институт? — со страхом спросила Пола.

— Ну, не стоит, — сказал маленький человек. — Я Наттер, тот парень, который торгует фруктами напротив института. Я видел вас там много раз.

— Слушайте, — неожиданно вмешался Авардан, — в чем дело?

Наттер весело пожал щуплыми плечами.

— Они думают, что у этого парня радиационная горячка...

— Радиационная горячка? — одновременно воскликнули Пола и Авардан.

Наттер кивнул.

— Именно. С ним ели двое, и это их слова. Знаете, такие новости быстро расходятся.

— Так они просто ищут кого-то с горячкой? — спросила Пола.

— Именно.

— А вы почему не боитесь горячки? — спросил вдруг Авардан.

— А чего мне бояться? У этого парня нет горячки. Посмотрите на него. Румянца нет, глаза в порядке. Я знаю, как выглядят больные лихорадкой. Согласитесь, мисс, и мы выйдем отсюда.

Однако Полой вновь овладел страх.

— Нет, нет. Это невозможно. Он... он...

— Я могу вывести его. Никаких вопросов, никаких регистрационных карточек.

Пола с трудом сдержала восклицание.

— Вы столь важная персона? — с нескрываемой неприязнью спросил Авардан.

Наттер хрипло рассмеялся и показал свой значок.

— Посланник Совета Старейших. Никто не задает мне вопросов.

— И почему вы заинтересованы в этом?

— Деньги. Вы нуждаетесь в помощи, и я могу оказать ее. Все совершенно честно. Вы и я оцениваем эту услугу в сто кредитов. Пятьдесят сейчас, пятьдесят потом.

— Вы отведете его к Старейшим? — с ужасом прошептала Пола.

— Зачем? Им он ни к чему, а для меня стоит сотню кредитов. Если вы дождетесь чужаков, то они пристрелят его, не разбираясь, есть ли у него горячка. Вы же знаете чужаков, убить землянина — для них пустяк. Это даже доставит им удовольствие.

— Возьмите леди с собой, — сказал Авардан.

Маленькие глаза Наттера смотрели на него лукаво и пронзительно.

— О нет. Это было бы неоправданным риском. Я могу провести одного человека, но не двух. И если я беру только одного, то того, кто стоит больше.

— А что, если я пристукну тебя, — проговорил Авардан, хватая его за руку, — и сделаю из тебя калеку? Что тогда?

Наттер вздрогнул, однако быстро взял себя в руки и улыбнулся.

— Что ж, тогда вам крышка. Вас все равно схватят, а к преступлениям прибавится еще одно. Так что лучше попридержите свои руки.

— Пожалуйста, — Пола удержала руку Авардана, — мы должны использовать этот шанс. Пусть будет так, как он предлагает... Вы не обманете нас, не так ли?

Наттер усмехнулся.

— Ваш друг вывихнул мне руку. А я не люблю, когда со мной поступают подобным образом. За это я возьму дополнительные сто кредитов. Итого двести.

— Отец вам заплатит...

— Сотня задатка, — упрямо ответил он.

— Но у меня нет ста кредитов. — Пола заплакала.

— Не беспокойтесь, мисс, — глухо проговорил Авардан, — у меня есть деньги.

Он вынул кошелек, достал несколько банкнот и бросил их Наттеру.

— Действуйте!

— Идите с ним, Шварц, — прошептала Пола.

Ни о чем не думая и ни о чем не беспокоясь, Шварц подчинился. В этот момент он пошел бы даже в ад, не испытывая никаких эмоций.

Они остались одни, глядя друг на друга. Возможно, впервые Пола по-настоящему посмотрела на Авардана и с удивлением заметила, что он привлекателен. Держался он уверенно и спокойно.

Они не знали даже имени друг друга.

— Меня зовут Пола Шект, — с улыбкой сказала она.

Авардану ее улыбка напоминала теплое сияние, которое пробуждало у него чувство... Однако он прогнал прочь эти мысли. Землянка!

Ответил он не так приветливо, как намеревался:

— Я — Бел Авардан.

— Я должна поблагодарить вас за помощь, — сказала девушка.

Авардан сделал протестующий жест.

— Я думаю, что теперь ваш друг в безопасности и вы можете идти.

— Да, конечно.

В это время вдали послышался шум и пронзительные крики. В глазах девушки появился страх.

— В чем дело? — спросил Авардан.

— Это солдаты Империи.

— Вы их боитесь? — В Авардане заговорил самоуверенный

неземлянин — археолог с Сириуса, для которого солдаты Империи ассоциировались с разумом и гуманностью.

— Не бойтесь чужаков, — сказал он, снисходя даже до использования местного термина для неземлян, — я беру их на себя.

— Нет, нет, даже не пытайтесь, — с неожиданным беспокойством проговорила она. — Не заговаривайте с ними, просто делайте то, что скажут.

Авардан улыбнулся.

Охранники заметили их, когда до выхода им осталось пройти еще немного, и поспешно отошли назад. В это время появилась группа солдат в круглых стеклянных шлемах, перед которыми толпа в ужасе раздвинулась в стороны.

Лейтенант Клавдий, шедший впереди, приблизился к охранникам-землянам у главного входа.

— Эй, у кого здесь горячка?

Его лицо слегка искажало защитное стекло шлема, содержащего чистый воздух. Радио, через которое он говорил, придало голосу металлический оттенок.

Охранник склонил голову с выражением глубокого почтения.

— С вашего разрешения, ваша честь, мы изолировали его в магазине. Двое, бывшие с ним, сейчас стоят перед вами.

— Вот эти? Отлично. Пусть остаются здесь. Теперь я хочу в первую очередь избавиться от этой толпы. Сержант! Очистите площадь!

Последовала зловещая процедура. Сгущающиеся сумерки нависли над Чикой, и вскоре толпа растворилась в темноте. На улицах загорелось мягкое искусственное освещение.

Лейтенант Клавдий постучал концом своей нейроплети по тяжелым ботинкам.

— Вы уверены, что больной в магазине?

— Он не выходил, ваша честь. Значит, должен быть там.

— Хорошо, предположим, что это так, и не будем терять времени. Сержант! Дезактивировать здание!

Группа солдат, изолированная герметическими костюмами, направилась в здание.

Прошло четверть часа.

Авардан внимательно наблюдал за происходящим.

Когда последние солдаты вышли на улицу, была уже глубокая ночь.

— Опечатать двери!

Теперь лейтенант подошел к Поле и Авардану.

— Как его звали? — спросил он голосом, полным безразличия, и добавил: — Больной должен быть убит.

Ответа он не получил. Пола опустила глаза, а Авардан с любопытством наблюдал за ним. Офицер Империи, не сводя с них глаз, сделал полшага вперед.

— Проверьте их на инфекцию, — дал он команду солдатам.

Приблизившийся к ним офицер со значком имперской медицинской службы не был особенно вежлив при обследовании.

— Инфекции нет, лейтенант. Если бы они заразились сегодня днем, это было бы заметно уже сейчас.

— Ухм... — Лейтенант снял шлем и хрипло спросил у Полы: — Твое имя, скво?

Обращение само по себе было оскорблением, тон же, которым оно было произнесено, усиливал его вдвойне, однако Пола не проявила никаких признаков негодования.

— Пола Шект, — шепотом ответила она.

— Документы!

Пола достала розовую книжицу из небольшого кармана своей белой куртки.

Лейтенант при свете карманного фонаря просмотрел ее и бросил на землю. Пола нагнулась, быстро подняла ее.

Авардан нахмурился и решил, что настало время вмешаться.

— А теперь посмотрите сюда, — сказал он.

Лейтенант с яростью в глазах повернулся к нему.

— Что ты сказал?

В ту же минуту Пола оказалась между ними.

— С вашего разрешения, сэр, этот человек не имеет к происшедшему никакого отношения. Я вижу его впервые...

Лейтенант оттолкнул ее в сторону.

— Я спрашиваю, что ты сказал?

Авардан ответил ему холодным взглядом.

— Я сказал — а теперь посмотрите сюда. И я хочу добавить, что мне не нравится, как вы обращаетесь с женщиной. Я советую вам улучшить свои манеры.

Лейтенант Клавдий невесело улыбнулся.

— Откуда это ты взялся? Ты не знаешь, что следует добавлять «сэр», обращаясь ко мне? Ты что, забыл свое место? Ну

что ж, вспомню, какое удовольствие я испытывал, обучая землян.

И его ладонь с быстротой броска змеи дважды прошлась по лицу Авардана. Авардан пораженно отступил назад, чувствуя шум в ушах. Затем он мгновенно перехватил направленную на него руку, успел заметить удивление, появившееся на лице его противника...

Он слегка напрягся...

Лейтенант с глухим стуком свалился на землю, разбив свой шлем.

Авардан мстительно улыбнулся.

— Может быть, еще какой-нибудь подонок попытается проделать то же самое с моим лицом?

Однако сержант уже поднял свой нейрохлыст. Щелкнул спуск, и появилась слабая фиолетовая вспышка. Тело Авардана застыло от невыносимой боли. Он медленно стал опускаться на колени, а затем, потеряв сознание, упал.

Когда туман в его сознании рассеялся, Авардан почувствовал приятную прохладу на лбу. Он попробовал открыть глаза. Веки, казалось, были подвешены на ржавых шарнирах. Отказавшись от попытки, он бесконечно медленно (движения каждой мышцы вызывали острую боль) поднял руку к лицу.

Маленькая рука держала мягкое влажное полотенце...

Он с трудом открыл один глаз. Все перед ним было словно в пелене.

— Пола, — проговорил он.

Ответом было тихое радостное восклицание.

— Да. Как вы себя чувствуете?

— Как после смерти, — с трудом выговорил он. — За исключением боли... Что произошло?

— Нас привезли на военную базу. Здесь был полковник. Они обыскали вас... я не знаю, что они собираются делать, но... Ох, не нужно было вам бить лейтенанта. Мне кажется, вы сломали ему руку.

Авардан с трудом улыбнулся.

— Отлично. Жаль, что не шею.

— Но сопротивление офицеру Империи — серьезное преступление. — В ее голосе слышался испуг.

— В самом деле? Это мы еще посмотрим.

— Тсс... Они возвращаются.

В комнату вошел полковник.

Авардан закрыл глаза и расслабился. Восклицание Полы дошло до него слабым эхом, и, почувствовав прикосновение иглы шприца, он не смог даже пошевельнуться.

А затем наступило изумительное спокойствие, боль испарилась. Напряжение, сковывающее мышцы рук и ног, исчезло. Он быстро открыл глаза и одним движением сел.

Полковник задумчиво посмотрел на него.

— Итак, доктор Авардан, — сказал он, — прошлым вечером произошел неприятный инцидент.

Авардан коротко рассмеялся.

— Неприятный, говорите? Мне кажется, это несколько неподходящее определение.

— Вы сломали руку офицеру Империи, выполнявшему свои обязанности.

— Офицер первым ударил меня. В его обязанности не входит оскорбление меня как словесно, так и физически. Как свободный гражданин Империи я имел право защищаться.

Полковник смутился, видимо, не находя слов. Пола смотрела на обоих широко открытыми от удивления глазами.

— Я полагаю, — наконец мягко произнес он, — что все происшедшее следует считать несчастным случаем. Думаю, что лучше будет забыть обо всем.

— Забыть? Не думаю. Я гостил во дворце Наместника, и его может заинтересовать то, как его гарнизон поддерживает порядок на Земле.

— Я заверяю, что вы получите публичное извинение.

— К черту. Что вы собираетесь делать с мисс Шект?

— Что вы предлагаете?

— Вы освободите ее, вернете документы и извинитесь — немедленно.

— Конечно, — покраснев, с усилием выговорил полковник. — Он повернулся к Поле: — Соблаговолите, леди, принять мои глубочайшие извинения...

Темные стены казарм остались позади. За десять минут аэротакси доставило их на территорию города, и теперь они стояли возле института, погруженного в безмолвную темноту. Было уже за полночь.

— Не понимаю, — сказала Пола. — Должно быть, вы — очень важная персона. Странно, что я не слышала вашего

имени. Я и не представляла, что чужаки могут так относиться к землянину.

Авардану не очень-то хотелось признаваться, но все же он решился покончить с недоговорками.

— Я не землянин, Пола, я — археолог из сектора Сириуса.

Пола быстро повернулась к нему, лицо ее, залитое лунным светом, было бледно.

— Значит, вы сопротивлялись солдатам потому, что вам ничего не угрожало, и вы знали это. А я думала...

В ее словах звучала резкая горечь.

— Я должна была догадаться. Покорнейше прошу простить меня, сэр, если сегодня я в своем неведении позволила себе быть неуважительной по отношению к вам...

— Пола, — воскликнул он, — в чем дело? Ну и что, если я не землянин? Разве это делает меня иным, чем пять минут назад?

— Вам нужно было предупредить меня, сэр.

— Я не просил называть меня «сэр». Не будь такой, как они все, слышишь?

— Как кто, сэр? Как отвратительные звери, населяющие Землю?.. Я должна вам сто кредитов.

— Забудьте, — неприязненно сказал Авардан.

— Я не могу выполнить этот приказ. Если вы оставите мне свой адрес, завтра я вышлю деньги.

Авардан неожиданно почувствовал ожесточение.

— Вы должны мне гораздо больше, чем сто кредитов.

Пола закусила губу и проговорила покорным тоном:

— Я могу возвратить лишь эту часть своего огромного долга. Итак, ваш адрес?

— Посольство, — бросил он через плечо, растворяясь во тьме.

Проводив его взглядом, больше не в силах сдерживаться, Пола заплакала.

Шект встретил Полу в дверях своего кабинета.

— Он вернулся, — сказал он. — Его привел маленький худой человек.

— Хорошо, — с трудом выговорила Пола.

— Он потребовал двести кредитов, и я заплатил.

— Он должен был получить сто, но это пустяки. — Она прошла в кабинет.

— Я страшно беспокоился, — проговорил Шект. — Эти беспорядки по соседству... Я не смел никого расспрашивать, чтобы не подвергать тебя опасности.

— Все в порядке. Ничего не случилось... Разреши переночевать здесь, отец.

Однако, несмотря на усталость, уснуть она не смогла, потому что думала об Авардане. Да, что-то с ней произошло! Она встретила человека, и он был чужаком.

Но у нее есть его адрес.

Глава 10

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ

Эти два землянина имели прямое отношение к власти. Только один из них обладал реальной властью, а второй — ее видимостью.

Они были противоположны друг другу, эти двое землян.

Так, премьер-министр был наиболее значительным человеком Земли, признанным правителем планеты, подчиняющимся непосредственно Императору или его представителю — Наместнику. Его же секретарь, казалось, был никем. Просто — член Совета Старейших, занимающийся незначительными делами, порученными ему премьер-министром, который при желании всегда мог его уволить.

Премьер-министр, известный всей Земле, рассматривался как верховный арбитр в делах, касающихся законов. Именно он объявлял освобождение от Шестидесяти, судил нарушителей обычаев, тех, кто не был согласен с долей производства и потребления, нарушителей запретных территорий и так далее.

В то же время секретарь не был известен широкому кругу лиц, за исключением Совета Старейших.

Премьер-министр хорошо владел языком и часто выступал с высоко эмоциональными речами с налетом сентиментальности. Он был светловолосым, с аристократическими чертами лица.

Курносый же секретарь с непропорциональным лицом

предпочитал краткость велеречивости, ворчание — словам, а безмолвие — ворчанию.

Именно премьер-министр обладал видимостью власти, а на самом деле она принадлежала секретарю. Оставаясь наедине в кабинете премьер-министра, оба эти человека осознавали это со всей очевидностью.

На этот раз премьер-министр был раздражен и озадачен, а секретарь — холодно равнодушен.

— Чего я не могу понять, — говорил премьер-министр, — так это связи между двумя сообщениями, которые вы доставили мне. Сообщения, сообщения...

Он поднял руку над головой и яростно ударил по воображаемой кипе бумаги.

— У меня нет для них времени.

— Вот именно, — холодно произнес секретарь. — Поэтому вы и наняли меня. Я читаю их, обдумываю, принимаю по ним решения.

— Хорошо, друг мой Балкис, стало быть, это ваше дело. С этими пустяками следует разобраться быстро.

— Пустяками? Когда-нибудь ваше сиятельство может постичь большая неудача, если вы не научитесь яснее судить о вещах... Давайте посмотрим, что означают эти доклады, а потом я вас спрошу, считаете ли вы их по-прежнему пустяками. Во-первых, у нас имеется сообщение от сотрудника Шекта, и это первое, что навело меня на след.

Балкис язвительно улыбнулся.

— Ваша светлость, разрешите мне напомнить вам о некоторых важных исследованиях, вот уже несколько лет ведущихся на Земле.

— Тсс! — Премьер-министр неожиданно утратил внешнее величие и растерянно посмотрел на секретаря.

— Ваша светлость, только уверенность принесет нам победу... Вы знаете, конечно, что успех определенных замыслов зависит от правильного использования маленькой игрушки Шекта — Синапсайфера. И вот, без предупреждения, Шект подвергает обработке неизвестного человека, тем самым полностью нарушая наши указания.

— Здесь, — заметил премьер-министр, — все просто. Пристрелите Шекта, заключите неизвестного под стражу, и делу конец.

— Нет, нет. Вы слишком прямолинейны, ваше сиятельст-

во. Вы не уловили самой сути. Важно не то, что сделал Шект, а то, почему он это сделал. Заметьте, совпадения, существующие в этом деле, — целая цепь многозначительных признаков. В тот же день Шекта посетил Наместник Земли, и сам Шект с выражением преданности сообщил нам обо всем происшедшем между ними. Энус хотел получить Синапсайфер для Империи. Кажется, он обещал помощь участием самого Императора.

— Хмм... — произнес премьер-министр.

— Вы заинтригованы? Подобное предложение выглядит привлекательно в сравнении с опасностями, исходящими от взятого нами направления... Вы помните, нам обещали пищу во время голода пять лет назад. Купить мы ничего не могли, потому что не имели имперских кредитов, а производимые у нас товары, как зараженные радиацией, они принимать не желали. Получили ли мы пищу безвозмездно, как это было обещано? Дали ли нам хотя бы заем? Сотни тысяч людей умерли от голода. Не стоит верить обещаниям чужаков.

Но не в этом дело. Что дала Шекту его демонстрация лояльности? Конечно же, то, что мы перестанем в нем сомневаться. И наверняка не будем подозревать его в измене.

— Вы подразумеваете самовольный эксперимент?

— Да, ваше сиятельство. Кем был человек, подвергнутый обработке? У нас есть его фотография и благодаря помощи лаборанта Шекта другие сведения о нем. Проверка в отделе планетарной регистрации не дала результатов. Отсюда вывод — он не землянин, то есть чужак. Далее, Шект должен был знать об этом, так как регистрационную карточку подделать невозможно. Так, неоспоримые факты подводят нас к мысли, что Шект сознательно подверг обработке на Синапсайфере чужака. Но почему?

Ответ на это может быть болезненно прост. Шект не является идеальным инструментом для наших целей. В молодости он был ассимиляционистом, даже выступал за выборы на платформе партии, ратующей за сотрудничество с Империей.

— Этого я не знал. Почему мне не сообщили? Шект опасен для нас.

Балкис мягко и снисходительно улыбнулся.

— Шект изобрел Синапсайфер и по-прежнему остается единственным человеком, по-настоящему понимающим его действие. За ним всегда наблюдали, а теперь будут наблюдать

еще пристальнее. Не забывайте, что предатель в наших рядах, которого мы знаем, может нанести неприятелю больше вреда, чем преданный человек принесет нам пользы.

Итак, пойдем дальше. Шект подверг обработке на Синапсайфере чужака. Зачем? Прибор можно использовать лишь для одной цели — улучшения мышления. Зачем им это понадобилось? А затем, что только так можно превзойти наших ученых, мышление которых уже улучшено Синапсайфером. Что скажете? Это означает, что у Империи есть, по крайней мере, отдаленные подозрения относительно того, что готовится на Земле. Пустяки ли это, ваше сиятельство?

На лбу премьер-министра выступили капли пота.

— Вы уверены в этом?

— Факты складываются в головоломку, которую можно решить только таким образом. Чужак, подвергнутый обработке, обладает неординарной, можно сказать, даже отталкивающей внешностью. Неплохой ход, потому что и лысоватый полный человек может быть лучшим агентом разведки Империи. О да, да. Кому еще можно поручить подобную миссию?.. Однако мы следим за этим пришельцем, чье имя, между прочим, насколько нам известно, Шварц. Проанализируем теперь оставшиеся сообщения.

Премьер-министр быстро взглянул на них.

— Те, которые касаются Бела Авардана?

— Доктора Бела Авардана, — уточнил Балкис. — Известного археолога из прекрасного сектора Сириуса — этого края смелых и благородных болванов.

Итак, мы имеем, так сказать, отражение Шварца в кривом зеркале, поэтический контраст. Вместо неизвестного — знаменитая личность. Он является не тайно, нет, его приезд вполне официален. О нем сообщает не какой-то неизвестный лаборант, а сам Наместник Земли.

— Вы думаете, здесь есть связь?

— Вполне можно допустить, что один предназначен для отвлечения внимания от другого. Или же, учитывая, что правящие классы Империи достаточно профессиональны в плетении интриг, перед нами могут быть образцы двух методов маскировки. В случае со Шварцем свет погашен. В случае с Аварданом он слепит нам глаза. Ни в одном, ни в другом случае мы не должны увидеть ничего... Вспомните, о чем предупреждал нас Энус, говоря об Авардане.

Премьер-министр задумчиво потер нос.

— Он говорил, что Авардан возглавляет археологическую экспедицию и намеревается с научной целью проникнуть в запретные зоны. Он заявил, что не желает нарушения наших обычаев, и что если мы сумеем вежливо остановить Авардана, то он постарается оправдать наши действия перед Имперским Советом. Что-то в этом роде.

— И мы начали пристально наблюдать за Аварданом. С какой целью? Чтобы предотвратить самовольное проникновение в запретные зоны. Перед нами Глава археологической экспедиции без людей, корабля и оборудования. Перед нами чужак, который не остается среди своих в Гималаях, а отправляется путешествовать по Земле, причем первым делом едет в Чику. И как наше внимание отвлекают от всех этих странных и подозрительных обстоятельств? Просто предлагают нам наблюдать за чем-то, не имеющим никакого значения.

Заметьте также, что Шварца шесть дней скрывали в институте. И вдруг он убегает. Не странно ли это? Дверь неожиданно оказалась незапертой. И так же неожиданно никого не оказалось в коридоре. А в какой день он сбежал? Именно в тот, когда Авардан прибыл в Чику. Еще одно странное совпадение.

— Значит, вы думаете... — растянуто произнес премьер-министр.

— Я думаю, что Шварц — агент чужаков на Земле, Шект — их связной с представителями среди нас, а Авардан поддерживает их связь с Империей.

Обратите внимание на профессионализм, с которым была организована встреча Шварца и Авардана. Шварцу позволяют сбежать, а спустя определенное время за ним направляется дочь Шекта. Прекрасная страховка на случай какого-либо сбоя в их рассчитанной комбинации — она неожиданно находит его, и для окружающих он становится бедным больным пациентом.

Теперь следите внимательно. При первой встрече Шварц и Авардан, казалось бы, не замечают друг друга. Это предварительная встреча, которая просто должна подтвердить, что все в порядке и можно переходить к следующему этапу... По крайней мере в том, что они недооценивают наши возможности, их обвинить нельзя.

Авардан встречает дочь Шекта. Разыграв небольшую сценку, они направляются в магазин, где к ним присоединяется

Шварц. Для встречи выбрано идеальное место. Ни одна пещера в горах не обеспечит большей безопасности. Все слишком открыто, чтобы вызвать какие-либо подозрения. Изумительно, нужно отдать должное нашим противникам.

Премьер-министр скорчился в своем кресле.

— Противник, у которого слишком много достоинств, может одержать победу.

— Это невозможно. Он уже потерпел поражение. И здесь нужно вспомнить неоценимого Наттера.

— Кто это такой?

— Всего лишь незначительный агент, действовавший по собственной инициативе. Его заданием было наблюдение за Шектом. С этой целью он держал лоток с фруктами напротив института. На последней неделе ему было поручено следить за Шварцем.

Он видел, как человек, известный ему по фотографиям, сбежал, и, оставаясь незамеченным, следил за каждым его шагом. Это в его докладе описаны вчерашние события. С невероятной интуицией он догадался, что действительной целью «бегства» была встреча с Аварданом. В одиночку он не мог следить за этой встречей и поэтому решил не допустить ее. Он сообщает местным властям о больном радиационной горячкой, и, к счастью, они оказались достаточно сообразительными, чтобы действовать быстро. Магазин был очищен от людей, и тем самым маскировка, на которую они рассчитывали, исчезла. Они остаются одни в магазине, в весьма подозрительном положении. И тут к ним подходит Наттер и предлагает отвести Шварца в институт. Они соглашаются, потому что другого выхода у них нет. И таким образом в этот день Авардан и Шварц не сказали друг другу ни слова. К счастью, он не сделал глупости, арестовывая Шварца. Таким образом, наши противники по-прежнему не знают о провале, что позволяет нам вести еще более крупную игру.

Но Наттер на этом не остановился. Он уведомил имперский гарнизон, и это был великолепный шаг, поскольку он создал ситуацию, на которую Авардан явно не рассчитывал. Ему оставалось либо раскрыть себя как чужака, отказавшись тем самым от дальнейших действий, успех которых, по-видимому, зависел от его маскировки под землянина, либо продолжать скрывать свое происхождение со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями. Он выбирает вто-

рую, более героическую возможность и даже ломает руку офицеру Империи, чтобы это выглядело достоверно. Это, по крайней мере, нужно зачесть в его пользу. Его действия весьма знаменательны. Зачем чужаку подставлять себя под нейрохлыст из-за какой-то землянки, если речь не шла о деле первостепенной важности?

Черты лица премьер-министра исказил страх.

— Хорошо вам, Балкис, из подобных мелких деталей плести свою сеть. Вы делаете это умело, и я чувствую, что дела обстоят именно так, как вы говорите. Логика не оставляет другой возможности... Но это значит, что они совсем близко, Балкис. Совсем близко... И на этот раз они будут безжалостны.

Балкис пожал плечами.

— Они не могут быть совсем близко, иначе, учитывая потенциальную опасность для всей Империи, удар был бы нанесен немедленно. А их время ограничено. Чтобы чего-либо достичь, Авардан должен встретиться со Шварцем, так что я могу предсказать вам будущие события. Шварца необходимо сейчас же отослать и подождать, пока спадет накал событий.

— Но куда его послать?

— И на это есть ответ. Шварца привез в институт мужчина, по-видимому, фермер. Его описание дают как лаборант Шекта, так и Наттер. Мы просмотрели личные дела всех фермеров, живущих в пределах шестидесяти миль от Чики, и Наттер опознал мужчину. Его зовут Арбин Марен. Независимо от него это подтвердил и лаборант.

Мы незаметно навели о нем справки, и похоже на то, что он содержит своего тестя-инвалида, скрывая его от Шестидесяти.

Премьер-министр ударил по столу.

— Подобные случаи стали слишком часты, Балкис. Необходимо усилить наказания...

— Тут дело не в том, ваше сиятельство. Важно другое: поскольку фермер нарушает законы, его можно шантажировать.

Шект и его друзья-чужаки нуждаются в подручном, у которого Шварц мог бы безопасно скрываться дольше, чем в институте. Этот, по-видимому, ничего не подозревающий и беззащитный фермер идеально подходит для данной цели. Что же, за ним будут следить. Мы не выпустим Шварца из поля зрения... Чтобы организовать ему встречу с Аварданом, нужно

время, и на этот раз мы будем к ней готовы. Теперь вам все ясно?

— Да.

— Хвала Земле. Тогда я покину вас. — И, иронически улыбнувшись, он добавил: — С вашего разрешения, конечно.

Премьер-министр, не замечая иронии, кивнул.

Секретарь направился в свой небольшой кабинет. Временами, когда он оставался один, мысли выходили из-под жесткого контроля и обращались к потайным уголкам его сознания.

Не много места занимали в них Шект, Шварц, Авардан и еще меньше — премьер-министр.

Перед Балкисом представал вид планеты Трантора, откуда осуществлялось управление гигантскими метрополиями планет всей Галактики. Управление велось из дворца, шпили и изогнутые арки которого он, да и никакой другой землянин, никогда не видел. Он думал о невидимых лучах великолепия и могущества, протянувшихся от солнца к солнцу и сходящихся здесь, в центральном дворце, в руках этой абстракции — Императора, который в конце концов был всего лишь человеком.

Его ум упрямо держался за мысль о собственном могуществе, дающем возможность чувствовать себя богом при жизни. Он сосредоточенно думал о том, кто был всего лишь человеком...

Всего лишь человеком! Как и он!

И он может быть...

Глава 11

УМ, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛСЯ

Перемены в сознании Джозефа Шварца происходили незаметно. Неоднократно в тишине ночи он пытался проследить ход этих перемен и найти переломный момент.

Сначала был день страха, когда он оказался один в этом странном мире. Воспоминания об этом дне были так же туманны, как и память о самом Чикаго. Потом — путешествие в Чику, так непонятно закончившееся. Он часто об этом думал.

Какая-то машина, проглоченные таблетки. Дни выздоровления, затем бегство, блуждание по городу, необъяснимые со-

бытия в магазине. И как ясно он все помнит сейчас, два месяца спустя, насколько точна его память!

Уже тогда все начало казаться странным. Он стал чувствовать обстановку. Доктор и его дочь были неспокойны, даже напуганы. Знал ли он это тогда? Или же это было лишь беглое впечатление, усиленное затем его догадками?

Но и затем, в магазине, за мгновение до того, как мужчина схватил его, всего за мгновение, он почувствовал его приближение. Предостережение пришло слишком поздно, чтобы спасти его, но это был определенный признак перемен.

И кроме того — головокружение. Нет, не совсем головокружение. Скорее пульсация, как будто в его голове начинала работать скрытая динамо-машина. Ничего подобного в Чикаго не было, если, конечно, предположить, что его воспоминания о Чикаго имели какой-то смысл. Не было этого и в первые дни его пребывания здесь.

Сделали ли с ним что-то в Чике? Машина? Таблетки, предназначенные для обезболивания? Операция? И его мысли вновь, уже в сотый раз, остановились на этом рубеже.

Он покинул Чику на следующий день после неудачного побега, и с этого момента время пошло быстрее.

Гро в своем кресле повторял слова, указывая на предметы или делая движения, так же как до него это делала Пола. И однажды Гро прекратил издавать бессмысленные звуки и заговорил по-английски. Или нет, это он, Джозеф Шварц, прекратил говорить по-английски и стал издавать звуки, которые больше не были бессмысленны.

Все было так просто. За четыре дня он научился читать, удивившись сам. Когда-то в Чикаго у него была, или ему казалось, что была, отличная память. Но на подобное он способен не был. Неизвестно откуда взявшиеся способности Шварца совершенно не вызывали удивления у Гро.

Шварц махнул на все рукой.

Позднее, когда осень по-настоящему окрасила все в желтый цвет, его взяли на полевые работы. Он с легкостью управлялся со сложнейшими машинами после первого же объяснения.

Шварц ждал привычных холодов зимы, но их не было. Зиму он провел, разрыхляя и удобряя землю, всячески подготавливая ее к весеннему севу.

Разговаривая с Гро, он пытался объяснить, что такое снег, но тот лишь удивленно посмотрел на него и ответил:

— Замерзшая вода, падающая как дождь, а? Так это называется снег. Я знаю, что такое бывает на других планетах, но не на Земле.

Позднее Шварц следил за температурой и обнаружил, что она почти не меняется изо дня в день, и все же дни становились короче. Впервые к нему пришла мысль, что он не на Земле.

Он пробовал читать некоторые книги Гро, но вскоре отказался от этого занятия. Изложенные исторические факты, социологические аспекты жизни этих людей ставили его в затруднительное положение.

Загадки продолжались. Все дожди были однообразно теплы. Шварцу строго запрещалось приближаться к определенным местам, однако голубое сияние горизонта все сильнее манило к себе.

После ужина он незаметно покинул дом, но не успел пройти и мили, как послышался шум двигателя автомобиля и свирепый окрик Арбина. Шварцу пришлось остановиться и вернуться назад.

— Вы должны держаться подальше от всего, что светится ночью, — раздраженно проговорил фермер.

— Почему? — покорно спросил Шварц.

— Потому, что это запрещено, — последовал резкий ответ, потом длинная пауза, и Арбин добавил: — Вы действительно не знаете, что это такое, Шварц?

Шварц развел руками.

— Откуда вы явились? Вы чужак?

— Что такое чужак?

Арбин пожал плечами и ушел.

Однако эта ночь имела огромное значение для Шварца, потому что за время его короткого путешествия странные ощущения в сознании он сам для себя определил как Мысленный Контакт.

Он еще раз прокрутил в своем сознании то, что произошло. Он был один в багряной темноте. Его шаги по пружинящему покрытию дороги были почти беззвучны. Он не слышал и не видел никого вокруг. Он не чувствовал ничего.

Не совсем... Казалось, кто-то прикоснулся к нему, но не к

его телу. Это было не совсем прикосновение, скорее присутствие, что-то напоминающее едва заметную щекотку.

Их было два — два разных контакта издалека. Второй (как он различал их?) усиливался (хотя нет, это было неподходящее слово), он становился отчетливым, более явным.

Он знал, что это был именно Арбин. Он знал это, по крайней мере, за пять минут до того, как услышал шум автомобиля, за десять минут до того, как увидел Арбина.

Затем эти мысленные контакты повторялись все чаще и чаще.

Теперь он всегда знал, когда Арбин, Ло или Гро находились в пределах сотни футов от него, даже если у него не было никаких оснований предполагать, что они там. В подобное трудно поверить, и все же он начал воспринимать это как нечто естественное.

Шварц проэкспериментировал и выяснил, что может с точностью указать, где находится один из них, он мог различать их, поскольку каждый имел свой, отличный от других, мысленный контакт. Рассказывать об этом кому-либо так и не отважился.

Иногда он задумывался, что означает первый мысленный контакт, который он ощутил, направляясь к сиянию на горизонте. Это был не Арбин, не Ло и не Гро. Хотя имело ли это какое-нибудь значение?

Как выяснилось позже — имело. Однажды он вновь почувствовал этот контакт. Тогда он спросил у Арбина:

— Что это за леса за южными холмами?

— Ничего особенного, — грубовато ответил тот. — Это министерская земля.

— Что это значит?

Арбин, казалось, был раздражен.

— Какое вам до этого дело? Ее называют министерской землей, потому что она принадлежит премьер-министру.

— Так на ней ничего не выращивают?

— Она не предназначена для этого. — В голосе Арбина чувствовалось возмущение. — Это был огромный центр. В древности. Это священное место, которое никто не имеет права посещать. Слушайте, Шварц, если вы хотите жить спокойно, умерьте любопытство и делайте свою работу.

— Значит, никто не может там жить?

— Вот именно. Вы правы.

— Вы уверены?

— Уверен... И не пытайтесь ходить туда. Иначе вам конец.

— Не буду.

Шварц, задумавшись, отошел, чувствуя странное беспокойство. Именно из этого леса пришел мысленный сигнал, и на этот раз к ощущению добавилась нечто новое. Это был враждебный, угрожающий сигнал.

И все же он не смел ни о чем рассказывать никому из членов фермерского семейства. Они бы не только не поверили ему, но положение его стало бы еще хуже. Он знал это. Собственно говоря, он знал слишком много.

Кроме того, он помолодел, похудел и стал шире в плечах. Его мышцы стали сильнее и выносливее, пищеварение улучшилось. Все это было результатом работы на свежем воздухе. Но было кое-что еще, что в большей степени привлекало его внимание. Это были изменения в его мышлении.

Старики обычно забывают, как они умели думать в юности, забывают быстроту своих мысленных решений, смелость юношеской интуиции, живость воображения. Они привыкают больше задумываться над разнообразными причинами, и поскольку это в конечном итоге дает опыт, считают себя мудрее молодых.

С огромным удовольствием почувствовал Шварц, что понимает все мгновенно, что продвигается от понимания объяснений Арбина к предвидению их, к мысленному опережению собеседника. Это давало ему более реальное ощущение молодости, чем отличное физическое самочувствие.

И вот однажды, спустя два месяца от начала жизни у фермера, Шварц, играя с Гро в шахматы, невольно обнаружил свои новые качества.

Шахматы были те же, только изменились названия фигур. Они были такими, как он их помнил, — это всегда утешало его. По крайней мере в этом отношении память его не обманывала.

Гро рассказал ему о существующих разновидностях шахмат. Среди них были шахматы, в которые играли вчетвером, причем каждый игрок имел свою доску, углами соприкасающуюся с другими, пятая доска, как нейтральная территория, занимала пространство в центре. Существовали объемные шахматы, с расположенными друг над другом восемью досками, в которых каждая фигура двигалась в трех измерениях, так

же, как они обычно двигались в двух, с удвоенным количеством фигур. Победа засчитывалась при мате, поставленном одновременно обоим королям противника. Довольно популярны были шахматы, в которых первоначальное положение фигур определялось бросками костей, или же такие, в которых возможности фигуры зависели от места ее расположения на доске.

Шварц и Гро сыграли уже около полусотни партий.

Сначала Шварц весьма слабо ориентировался в шахматах и в первых партиях постоянно проигрывал. Однако со временем поражения становились все реже. Постепенно Гро стал чаще проигрывать, и каждое поражение сопровождалось его ворчанием.

Гро играл белыми, и его пешка уже прошла на поле противника.

Шварц со скучающим выражением лица следил за игрой, она становилась ему неинтересной, так как он предчувствовал каждый ход, который намеревался сделать Гро. Все это происходило так, будто Гро имел туманное окно в голове. То, что Шварц почти инстинктивно предугадывал следующий ход противника, было лишь частью окружающих его загадок.

Они играли на «ночной» доске со Шварцем светящимися в темноте голубыми и оранжевыми квадратами. Фигуры, обычно нелепые статуэтки из красноватого пластика, ночью преображались. Половина из них излучала кремовую белизну, придававшую им вид холодного блестящего фарфора, вторая половина светилась слабым красным светом.

Светящиеся фигуры словно скользили по доске по своей воле, тогда как движущая их рука полностью терялась в темноте.

Шварц боялся. Он рисковал узнать о своем безумии, но ему необходимо было знать правду.

— Где я? — неожиданно проговорил он.

Гро, прервав осторожное продвижение своей фигуры, посмотрел на него.

— Что?

Шварц не знал слов, означающих «страна» или «народ».

— Что это за мир? — спросил он, делая ход.

— Земля, — последовал короткий ответ, и Гро с энтузиазмом снял с доски фигуру противника.

Это был совершенно неудовлетворительный ответ. Слово,

которое использовал Гро, Шварц мысленно перевел как «Земля». Но что такое «Земля»? Любая планета — «земля» для живущих на ней. Он передвинул на две клетки королевскую пешку, заставив ладью Гро отступить.

— Какой сейчас год? — спросил Шварц со всем спокойствием и обыденностью, на которые был способен.

Гро замер. Возможно, он был даже напуган.

— Что это на тебя нашло сегодня? Не хочешь играть. Если это доставит тебе удовольствие, сейчас 827 год. Г.Э. — добавил он иронически и, нахмурившись, стал обдумывать очередной ход. Шварц мягко спросил:

— Что такое Г.Э.?

— Что? — недовольно переспросил Гро. — А, ты все еще интересуешься, какой сейчас год? Что же, я забыл, что ты научился говорить всего месяц назад. Но ты хорошо соображаешь. Ты действительно не знаешь? Это значит 827 год галактической эры. Галактическая эра — Г.Э., ясно? 827 год со времени основания Галактической Империи, со дня коронования Франкена Первого. А теперь твой ход, пожалуйста.

Однако Шварц задержал его руку, готовую сделать ход. Им овладело отчаяние.

— Минутку, — сказал он, ставя фигуру на место. — Вы знаете эти названия: Америка, Азия, Соединенные Штаты, Россия, Европа?..

Возможно, Гро слегка покачал головой, но Шварцу не нужно было этого видеть. Он почувствовал отрицание так же ясно, как если бы оно было высказано.

— Вы не знаете, где можно найти карту? — сделал он еще одну попытку.

— Никаких карт, — проворчал Гро, — если ты не хочешь рискнуть своей головой в Чике. Я не географ.

— Рискнуть головой? Почему? — взволновался Шварц. Может быть, он совершил преступление и Гро знает об этом?

— У Солнца девять планет, не так ли? — спросил он с сомнением.

— Десять, — последовал уверенный ответ.

Шварц колебался. Конечно, они могли открыть еще одну планету, о которой он не слышал. Но тогда откуда Гро знает о ней? Он подсчитал на пальцах.

— Шестая планета, у нее есть кольца?

Гро медленно продвинул вперед королевскую пешку, и Шварц мгновенно сделал то же самое.

— Ты имеешь в виду Сатурн? — спросил Гро. — Конечно, у него есть кольца. — Он раздумывал, взять ли пешку короля или пешку ладьи. Последствия и того и другого хода были неясны.

— А между Марсом и Юпитером находится пояс астероидов — маленьких планет? Я имею в виду, между четвертой и пятой планетами?

— Да, — пробормотал Гро. Он вынул изо рта трубку и напряженно размышлял.

Шварц уловил его невнимание и был раздражен. Теперь, когда он удостоверился, что находится на Земле, игра не значила для него абсолютно ничего.

— А ваши книги, они реальны? Существуют другие планеты? На них живут люди?

На этот раз Гро оторвал глаза от доски, вглядываясь в темноту.

— Ты спрашиваешь серьезно?

— Существуют?

— Клянусь Галактикой! По-моему, ты действительно не знаешь!

Шварц почувствовал себя униженным собственным невежеством.

— Пожалуйста...

— Конечно, существуют планеты. Миллионы планет! Почти каждая звезда, которую ты видишь, имеет планеты, их имеют и большинство тех звезд, которые не видны. Все это часть Империи.

В сознании Шварц ощущал слабое эхо его слов, идущее непосредственно от одного ума к другому. Он чувствовал, что с каждым днем мысленный контакт становится все сильнее. Возможно, вскоре он будет слышать эти тихие слова, когда собеседник думает, не произнося их вслух.

И тут впервые он наконец подумал о возможной альтернативе безумия. Прошел ли он каким-то образом сквозь время? Может быть, проспал?

— Как давно это все произошло, Гро? — хрипло проговорил он. — Сколько времени прошло с того момента, когда была только одна планета?

— Что ты хочешь этим сказать? — Гро неожиданно стал осторожен. — Ты как-нибудь связан со Старейшими?

— С кем? Я не связан ни с кем, но разве не была Земля единственной планетой?.. Не была?

— Старейшие говорят, что была, — мрачно сказал Гро, — но кто знает? Планеты существовали в течение известной истории.

— Сколько это времени?

— Я думаю — тысячи лет. Пятьдесят тысяч, сто тысяч — не знаю.

Тысячи лет! Шварц почувствовал прорывающийся хрип в горле и, охваченный паникой, сдержал его. И все это между двумя шагами? Мгновение — и он миновал тысячи лет? Он вновь вернулся к амнезии. Его идентификация Солнечной системы должна быть результатом пробивающейся сквозь туман болезни искаженной памяти.

Тем временем Гро делал очередной ход, и почти автоматически Шварц мысленно отметил ошибку. Он задержался, прежде чем приступить к конечной атаке.

— Земля — ее Глава, не так ли? — сказал он.

— Глава чего?

— Имп...

Гро расхохотался так, что фигуры на доске задрожали.

— Слушай, я устал от твоих расспросов. Ты что, круглый дурак? Похожа ли Земля на главу чего-либо? — Послышалось тихое жужжание, и кресло Гро объехало стол. Шварц почувствовал пальцы, сжавшие его руку.

— Смотри! Смотри сюда! — Голос Гро перешел в отрывистый шепот. — Видишь горизонт? Сияние?

— Да.

— Это Земля — вся Земля такая.

— Я не понимаю.

— Почва Земли радиоактивна. Она светится, светилась и будет светиться всегда. Ничего не растет. Никто не может жить... Неужели ты действительно не знал этого? Как ты думаешь, почему у нас установлено Шестьдесят?

Инвалид успокоился и вновь объехал стол.

— Твой ход.

Шестьдесят! Опять мысленный контакт с неуловимой атмосферой угрозы. Шварц автоматически передвигал фигуры, с замирающим сердцем обдумывая услышанное.

Спустя некоторое время он заговорил вновь.

— Что такое Шестьдесят?

— Почему ты спрашиваешь об этом? — с резким недружелюбием проговорил Гро. — Что тебе нужно?

— Пожалуйста, — покорно произнес Шварц. — Я совершенно безвредный человек. Я не знаю ни кто я, ни что со мной случилось. Возможно, у меня амнезия.

— Весьма вероятно. Ты сбежал от Шестидесяти? Говори правду?

— Но я же сказал, что не знаю, что такое Шестьдесят!

По-видимому, Гро поверил в его искренность. Долгое время он молчал. Шварц отчетливо чувствовал его мысленный контакт, но не мог разобрать слов.

— Шестьдесят — это твое шестидесятилетие, — медленно сказал Гро. — Земля может содержать двадцать миллионов человек, не больше. Чтобы жить, человек должен работать. Кто не может работать, тот не может жить. После шестидесяти ты не можешь работать...

— И тогда... — Шварц замер с открытым ртом.

— Человека устраняют. Это не больно.

— Его убивают?

— Это не убийство, — жестко проговорил Гро. — Так должно быть. Другие планеты не желают принимать нас, а мы должны как-то освободить место для детей. Это долг старшего поколения перед младшим.

— А что, если кто-то скроет, что ему шестьдесят?

— Зачем? Жизнь после шестидесяти невесела. И каждые десять лет проводится Проверка, и всех, кто достаточно глуп, чтобы пытаться жить, так или иначе обнаружат. Кроме того, у них зарегистрирован возраст каждого.

— Но не мой. — Слова сами вырвались у него. — Кроме того, мне всего пятьдесят — исполнится.

— Это не имеет значения. Они могут проверить возраст, проведя анализ костей. Ты не знал этого? Подобные вещи невозможно скрыть. На этот раз они заберут меня... Твой ход.

Шварц проигнорировал напоминание.

— Вы имеете в виду, что они...

— Именно. Мне всего пятьдесят пять, но посмотри на мои ноги. Могу ли я работать? В нашей семье зарегистрировано трое, и соответственно на троих рассчитана наша доля. Нужно было сообщить, когда меня разбил паралич, и долю бы уменьшили, но тогда я получил бы предварительные Шестьдесят, а Арбин с Ло не пожелали этого. Они повели себя как дураки,

потому что это означало тяжелую работу для них, пока не появился ты. И все равно в следующем году меня заберут... твой ход.

— В следующем году Проверка?

— Точно... Твой ход.

— Подождите! — нетерпеливо воскликнул Шварц. — Но кто-нибудь живет после шестидесяти? Есть исключения?

— Не для таких, как мы с тобой. Премьер-министр и члены Совета Старейших живут полную жизнь, некоторые ученые, имеющие особые заслуги. Таких немного. Может быть, дюжина... Твой ход!

— Кто это решает?

— Премьер-министр, конечно. Ты будешь ходить?

Однако Шварц встал.

— Это не имеет смысла. Я ставлю мат в пять ходов. — И он быстро назвал свои действия. — Хорошая партия, — автоматически добавил он.

Гро посмотрел на доску, после чего с криком сбросил ее со стола. Светящиеся фигуры рассыпались по земле.

— Вы... со своей проклятой болтовней... — закричал он.

Однако Шварц был поглощен мыслью спасения от Шестидесяти. Потому что, хотя Браунинг и сказал:

Со мною к старости иди!
Все лучшее ждет впереди... —

Сказано это было на Земле, на которой жили миллиарды людей, и на всех хватало пищи. Лучшее, которое ждет впереди, теперь означало шестьдесят и смерть.

Шварцу было шестьдесят два года.

Шестьдесят два...

Глава 12

УМ, КОТОРЫЙ УБИВАЕТ

Все было очень тщательно обдумано Шварцем. Раз он не хотел умирать, необходимо покинуть ферму. Если он останется здесь, то будет Проверка, а вместе с ней смерть. Итак, надо покинуть ферму. Но куда идти?

Он вспомнил, что это было, — госпиталь? — в Чике. Там о

нем заботились. Но почему? Потому, что он был для них объектом научного опыта. Но разве не остался он им и теперь? Он может разговаривать, может описать им симптомы, чего прежде сделать не мог. Он может даже рассказать им о мысленном контакте.

А что, если мысленным контактом обладали все люди? Может ли он знать, так это или нет?.. Ни у Арбина, ни у Ло, ни у Гро его не было. Это он знал. Не слыша и не видя его, они не знали, где он находится. Да и не выигрывал бы он у Гро в шахматы, если бы тот мог...

Стоп, ведь шахматы — популярная игра. А если бы люди обладали мысленным контактом, играть в эту игру было бы невозможно.

Эти размышления привели Шварца к мысли, что он обладает особым психологическим складом ума. Возможно, роль подопытного предполагала не особенно приятную жизнь.

А если предположить, что верна новая пришедшая ему в голову гипотеза? Что, если он не болен амнезией, а прибыл из прошлого? Значит, он представляет ценность для историков, археологов. При очередной Проверке можно все рассказать, и, значит, ему не грозит смерть.

Если ему поверят, конечно.

Вот доктор должен ему поверить. Он был небрит в то утро, когда Арбин отвез его в Чику. Он прекрасно помнит это. Позже волосы на лице расти перестали, значит, они что-то сделали с ним. Тогда доктор должен помнить, что он — Шварц — имел на лице волосы. Разве этого мало? Гро и Арбин никогда не брились. Как-то Гро сказал ему, что волосы на лице имеют только звери.

Итак, нужно найти доктора.

Как его звали? Шект?.. Да, Шект.

Но он так плохо знал этот ужасный мир! Если он уйдет ночью, ему трудно будет ориентироваться в пути, он может попасть в радиоактивные ловушки, о которых ничего не знает. Поэтому с отчаянием человека, не имеющего выбора, рано утром он вышел на шоссе.

До ужина его ждать не будут, а за это время он успеет уйти далеко.

Первые полчаса у него было приподнятое настроение, впервые с того времени, как все это началось. Наконец он что-то делает, пытается бороться с окружающим его миром.

И на этот раз перед ним стояла цель! Это был не просто бессмысленный побег, как тот раз в Чике.

Для старика он — в неплохой форме. Он им еще покажет!

И тут Шварц замер. Он остановился посередине шоссе потому, что вдруг напомнило о себе что-то, о чем он забыл.

Это был тот странный сигнал, неизвестный мысленный сигнал, который он почувствовал, когда пытался достичь светящегося горизонта, но был задержан Арбином, сигнал с министерской земли.

Сейчас он почувствовал, что этот кто-то — сзади и следит за ним.

Он внимательно прислушался или, по крайней мере, сделал то, что было эквивалентом этого действия по отношению к мысленному контакту.

Он не приближался, но усиливался. Он содержал осторожность и враждебность, но не отчаяние.

Стало ясно и другое. Целью преследователя было не выпускать его из виду, к тому же он был вооружен.

Осторожно, почти бессознательно, Шварц повернулся, пристально вглядываясь в горизонт. И сигнал, полученный им, мгновенно изменился. Он стал осторожным, неуверенным в собственной безопасности и в успехе своих планов, в чем бы они ни состояли. Еще яснее стал факт наличия у преследователя оружия, как будто тот размышлял о возможности его применения в случае необходимости.

Шварц понимал, что сам он был безоружен и беззащитен. Он знал, что преследователь скорее убьет его, чем позволит скрыться, убьет при первом же подозрительном движении... Этот невидимый преследователь...

И Шварц продолжал идти, зная, что преследователь где-то достаточно близко и готов при случае убить его. Его спина застыла от ожидания неизвестности. Как выглядит смерть?

Шварц держался за мысленный сигнал преследователя, как за спасение. Он должен уловить миг усиления интенсивности, означающий, что оружие направлено на него, спуск нажат и смерть близка. В этот момент он упадет на землю, убежит...

Но зачем? Раз существовали Шестьдесят, не лучше ли встретить смерть сразу?

Теория прыжка во времени вновь ускользнула из его сознания, скорее это все-таки амнезия. Возможно, он опасный

преступник, за которым нужно следить. Возможно, его подсознание защищается амнезией от признания какой-то огромной вины.

Так он шел по пустому шоссе навстречу неизвестной судьбе, преследуемый смертью.

Было темно, и дул пронизывающий ветер. По подсчетам Шварца, был декабрь, что подтверждало и время восхода солнца, однако в прохладе ветра не чувствовалось холода зимы.

Шварц давно решил, что источником постоянного тепла этой планеты (Земли?) было не только Солнце. Радиоактивная почва сама излучала энергию, незаметную на квадратном футе, но гигантскую в масштабе миллионов квадратных миль.

Мысленный контакт невидимого в темноте преследователя приблизился. По-прежнему пристальный и настороженный. Следить в темноте было трудно. Возможно, он не хотел рисковать?

— Эй! Эй, послушайте! — раздался тонкий и гнусавый голос. Шварц замер и медленно повернулся.

Маленькая фигура, с трудом различимая в темноте, не спеша приближалась к нему.

— Эй! Хорошо, что я вас встретил. Не очень весело идти одному. Не возражаете, если я пойду с вами?

— Здравствуйте, — вяло ответил Шварц. Это была материализация того самого мысленного контакта преследователя. И лицо мужчины было ему знакомо. Оно относилось к его туманным воспоминаниям о Чике.

И тут преследователь проявил все признаки распознания.

— Слушайте, я вас знаю. Точно!.. А вы меня помните?

Поверил бы он в искренность говорившего в другое время и при других условиях, Шварц не знал. Однако сейчас он не мог не заметить, что этот тонкий слой деланого распознания не мог скрыть мысленного сигнала, который говорил, кричал ему, что этот маленький человек с пронзительными глазами знал его с самого начала. Знал и готов был в случае необходимости использовать против него оружие.

Шварц покачал головой.

— Ну как же, — настаивал маленький человек. — Помните магазин? Я забрал вас тогда из толпы. — Он делано рассме-

ялся. — Они еще думали, что у вас радиационная горячка. Вы должны помнить.

Шварц действительно помнил, смутно и неопределенно. Человек, похожий на этого, и толпа, которая сначала закрыла им дорогу, а затем расступилась перед ними.

— Да, — сказал он. — Рад вас встретить. — Ответ не был особенно остроумным, но Шварц на лучшее способен не был, и маленький человек, по-видимому, не имел ничего против.

— Меня зовут Наттер, — проговорил он, протягивая маленькую руку. — В тот раз я не имел возможности с вами поговорить, но я рад, что представился еще один случай... Давайте познакомимся.

— Шварц, — и он обменялся с маленьким человеком кратким рукопожатием.

— Как вы здесь оказались? — спросил Наттер. — Идете куда-нибудь?

Шварц пожал плечами.

— Просто гуляю.

— Любите ходить пешком? Я тоже. Свежий воздух и так далее. Но всегда приятно иметь спутника. Куда вы идете?

Второй раз Наттер задал этот вопрос, и мысленный сигнал явно говорил, сколь важно для него это. Шварц засомневался, что ему удастся избежать этой темы. Он чувствовал беспокойство в уме преследователя. Никакая ложь не могла ему помочь. И Шварц не знал этот новый мир настолько, чтобы лгать.

— Я иду в больницу, — сказал он.

— Больницу? Какую больницу?

— Ту, в которой я был в Чике.

— Вы имеете в виду институт. Не так ли? Тот, в который я отвел вас тогда из магазина.

Беспокойство и растущая напряженность.

— К доктору Шекту, — сказал Шварц. — Вы его знаете?

— Я о нем слышал. Большой человек. Вы больны?

— Нет, но я должен время от времени навещать его.

Звучит ли это убедительно?

— Пешком? — проговорил Наттер. — Разве он не присылает за вами машину? — По-видимому, его слова прозвучали неубедительно.

Шварц промолчал. Наступила натянутая тишина.

Однако Наттер был общителен.

— Слушайте, скоро будет стоп-пункт. Я закажу такси из города. Оно встретит нас на дороге.

— Стоп-пункт?

— Конечно. Они разбросаны вдоль всего шоссе. Видите, вот и он.

Он шагнул в сторону от Шварца, и тот вдруг понял, что кричит:

— Стойте! Ни с места!

Наттер остановился. Когда он повернулся, на его лице не было прежней любезности.

— Что с вами?

Шварц почувствовал, что его знания языка едва хватает для той скорости, с которой у него вырвались слова.

— Я устал от этого притворства. Я знаю вас и знаю, что вы собираетесь делать. Вы хотите сообщить кому-то, что я иду к доктору Шекту. Они будут ждать меня в городе и пришлют за мной машину. А если я попытаюсь убежать, вы меня убьете.

На лице Наттера появились морщины.

— Ты чертовски прав насчет последнего, — пробормотал он. Это не было предназначено для ушей Шварца и не достигло их, но слова мягко появились на самом краю мысленного сигнала.

Вслух он сказал:

— Господи, вы меня удивляете. — В то же время его рука двигалась по направлению к бедру.

И Шварц утратил контроль над собой. В диком бешенстве он замахал руками.

— Оставьте меня в покое, слышите, вы! Что я вам сделал? Убирайтесь!

Его голос перешел в хриплый крик, лоб напрягся от ненависти и страха перед существом, стоящим перед ним, ум которого источал такую враждебность. Его собственные эмоции сконцентрировались в давлении на мысленный контакт, пытаясь избежать его навязчивости, освободиться от него...

И все исчезло. Исчезло неожиданно и сразу. На мгновение он почувствовал невыносимую боль, не в себе, а в противнике, и потом — пустота. Мысленного контакта больше не было.

Наттер медленно осел на землю и повалился лицом вниз.

Шварц нагнулся над ним. Наттер был маленьким человеком, и повернуть его не составляло особого труда. На его лице

застыло выражение непередаваемого страдания. Шварц приложил руку к его груди. Сердце не билось.

Он выпрямился, чувствуя наполнявший его ужас перед самим собой.

Он убил человека!

Затем пришло изумление.

Не дотронувшись до него! Он убил этого человека одной ненавистью, ударяя каким-то образом по мысленному контакту.

Какими силами он обладал еще?

Шварц быстро принял решение. Обыскав карманы Наттера, он нашел деньги. Отлично! Это ему пригодится. Покончив с этим, он оттащил труп в поле, где его скрыла высокая трава.

Он шел еще два часа. Другие мысленные контакты не появлялись. Вскоре он достиг границ Чики.

Чика для Шварца была всего лишь деревней, и по сравнению с Чикаго, каким он его помнил, численность населения была абсолютно ничтожной. И все же в первое время мысленных контактов было невыносимо много. Они изумляли и смущали его.

Так много! Одни неопределенные и рассеянные, другие ясные и отчетливые. Его миновали люди, ум которых, казалось, обладал взрывной интенсивностью, и другие, мысли которых не содержали ничего, кроме ленивого пережевывания только что съеденного завтрака.

Сначала Шварц воспринимал каждый контакт как персональное обращение, однако менее чем за час научился не обращать на это внимания.

Теперь он слышал слова, даже когда их не произносили вслух. Это было нечто новое, и он почувствовал, что прислушивается к ним. Это были тихие, возникающие непонятно откуда словосочетания, как далекий, далекий шорох ветра... А с ними появились живые, трепещущие эмоции и другие тонкие, неуловимые ощущения, которые невозможно было описать — так, что весь мир был лишь панорамой кипящей жизни внутри его.

Проходя мимо зданий, он почувствовал, что может проникнуть внутрь их, просто направляя туда свое сознание, как

вещь, которую он держит на привязи и которая способна проникать сквозь невидимые для глаза отверстия.

Он остановился перед большим зданием с белокаменным фасадом и задумался. Они (кем бы они ни были) искали его. Он убил преследователя, но должны были быть другие, те, с которыми он хотел связаться. Лучшим выходом для него было бы скрыться на несколько дней, но как это сделать?.. Может быть, работа?..

Он мысленно проник в стоящий перед ним дом. Где-то в его глубине он почувствовал мысленный контакт, который мог означать работу для него. Здесь нужны были текстильные рабочие, а он когда-то был портным.

Шварц вошел внутрь, однако никто не обращал на него внимания. Он тронул чье-то плечо.

— Извините, где я могу узнать насчет работы?

— В эту дверь! — Донесшийся до него мысленный контакт был полон раздражения и подозрительности.

За узкой дверью худой мужчина с острым подбородком быстро задал ему несколько вопросов и указал на классификационную машину, на которой нужно было набрать ответы.

С одинаковой неуверенностью Шварц отвечал правду и неправду.

Наконец мужчина с явной незаинтересованностью обратился к нему. Вопросы следовали один за другим: Возраст?.. Пятьдесят два? Хм. Состояние здоровья?.. Квалификация?.. Работали с текстилем? С каким сортом?.. Термопластик?.. Эластомерик?.. У кого работали последний раз?.. Его имя... Вы не из Чики?.. Где ваши документы?.. Вы должны были взять их с собой, раз собирались устраиваться на работу... Ваш регистрационный номер?..

Такого поворота дел Шварц не предвидел. И мысленный контакт сидящего перед ним человека начал меняться, становясь подозрительным и осторожным.

— Мне кажется, — нервно проговорил Шварц, — что я не подойду для этой работы.

— Нет, нет, подождите, — мужчина кивнул ему. — У нас есть кое-что для вас. Минутку. — Он улыбнулся, но мысленный контакт стал отчетливее и еще враждебнее.

Он нажал кнопку вызова на столе...

Охваченный неожиданным страхом, Шварц бросился к двери.

— Держите его! — тут же закричал мужчина, выскакивая из-за стола.

Шварц ударил по мысленному контакту, яростно атакуя его своей волей, и услышал стон позади. Он быстро оглянулся. Мужчина сидел на полу, сжав лицо руками. Какой-то человек нагнулся над ним, а затем направился к Шварцу. Шварц не ждал ни минуты.

Он выбежал на улицу, полностью сознавая, что теперь его начнут искать, имея его полное описание, и что по крайней мере этот мужчина его узнает.

Он наугад бежал по улицам, привлекая к себе внимание все большего числа людей. Подозрение, подозрение отовсюду, подозрение потому, что он не мог понять, где настоящие враги, те, которые излучали не только подозрение, но и уверенность, и поэтому неожиданный удар нейрохлыста он предугадать не смог.

Шварц почувствовал неожиданно возникшую невыносимую боль, как от удара плети, боль, сжавшую его в стальных объятиях. Затем он провалился в темноту.

Глава 13

ПАУЧЬЯ СЕТЬ В ВАШЕНЕ

Отличительной чертой парка при здании Собрания Старейших в Вашене было царящее здесь спокойствие. Суровый аскетизм, так можно было бы определить ту неподдельную степенность, с которой группы новичков совершали свою прогулку среди деревьев Квадрата, где не имел права появляться никто, кроме Старейших. Время от времени мимо проходил кто-нибудь из высокопоставленных Старейших, одетый в зеленую мантию, величественно принимая приветствия.

Изредка здесь появлялся премьер-министр.

И вот сегодня премьер-министр почти бежал, не обращая внимания на почтительные жесты рук, чувствуя за спиной осторожные взгляды, непонимающие переглядывания и слегка поднятые в удивлении брови.

Он ворвался в Зал Собраний через служебный вход и побежал по пустому коридору, затем забарабанил в дверь, открывшуюся при нажатии ноги сидящего в комнате, и вошел.

Секретарь искоса взглянул на него из-за своего маленького стола, на котором был установлен миниатюрный телевизор с экранируемым приемом, и продолжал внимательно слушать сообщения.

Премьер-министр резко стукнул по столу.

— Что это такое? Что происходит?

Секретарь холодно посмотрел на него и отодвинул телевизор в сторону.

— Мое почтение, ваша светлость.

— Не нужно церемоний! — нетерпеливо прокричал премьер-министр. — Я хочу знать, что происходит.

— Если в двух словах, то наш подопечный сбежал.

— Вы хотите сказать, что человек, которого Шект подверг обработке Синапсайфером — чужак-шпион, — тот, который был на ферме...

Неизвестно, как много определений произнес бы еще обеспокоенный премьер-министр, если бы секретарь не прервал его безразлично:

— Именно.

— И почему мне не сообщили? Почему мне ничего не сообщили?

— Необходимо было действовать немедленно, а вы были заняты. Поэтому я надеялся на свои силы.

— Да, вас очень беспокоит моя занятость, когда вы хотите обойтись без меня. Но я не позволю обходить меня стороной. Я не...

— Мы зря теряем время, — невозмутимо произнес секретарь, и премьер-министр запнулся посреди начатой фразы. Он закашлялся, не зная, что сказать, и мягко проговорил:

— Расскажите подробности, Балкис.

— Подробностей почти нет. После двух месяцев терпеливого ожидания этот Шварц покидает ферму, за ним следят, но он уходит от слежки.

— Как уходит?

— Точно мы не знаем, но факты следующие. Наш агент, Наттер, прошлой ночью пропустил три сеанса связи. По шоссе, по направлению к Чике, был послан его напарник, который и нашел его у обочины шоссе мертвого.

Премьер-министр побледнел.

— Его убил чужак?

— Вероятно, хотя мы не можем утверждать наверняка. Не

было обнаружено никаких признаков насилия, кроме выражения боли на его лице. Конечно, будет произведено вскрытие. Он мог умереть и от инфаркта в самый неподходящий момент.

— Это было бы невероятным совпадением.

— Я тоже так думаю, — холодно ответил секретарь. — Однако, если его убил Шварц, то события становятся еще более загадочными. Видите ли, из того, о чем мы говорили раньше, вполне определенно следует, что Шварц должен был отправиться в Чику, чтобы встретиться с Шектом, да и Наттер был найден на дороге между фермой Марена и Чикой. Поэтому три часа назад мы объявили в городе розыск, и человек был схвачен.

— Шварц? — недоверчиво спросил премьер-министр.

— Именно он.

— Почему вы этого не сказали сразу?

Балкис пожал плечами.

— Ваша светлость, у нас есть более важные дела. Я сказал, что Шварц в наших руках. Но он был схвачен легко и быстро, и мне трудно соотнести это со смертью Наттера. Как может быть он одновременно столь умным, чтобы обнаружить и убить Наттера, одного из наших людей, и столь глупым, чтобы открыто искать работу?

— Он искал работу?

— Да... Это дает возможность выдвинуть две версии. Или он уже передал имеющиеся у него сведения Шекту или Аварданy, или же он позволил себя схватить с целью отвлечь внимание; не исключено, что действуют и другие агенты, которых мы не обнаружили и которых он прикрывает. В любом случае мы не должны быть чересчур спокойными.

— Не знаю, — беспомощно сказал премьер-министр, красивое лицо которого выражало беспокойство. — Все это слишком сложно для меня.

Балкис усмехнулся с почти нескрываемым презрением и объявил:

— Через четыре часа у вас назначена встреча с профессором Белом Аварданом.

— У меня? Зачем? Что мне ему говорить? Я не хочу его видеть.

— Успокойтесь. Вы должны видеть его, ваше сиятельство. Это кажется мне необходимым, потому что близится время начала этой фиктивной экспедиции, и он должен сыграть

свою роль, спрашивая вашего разрешения на исследование запретных зон. Об этом предупредил нас Энус, а уж он должен знать подробности этой комедии. Вы должны воздать ему тем же и сделать вид, что принимаете все всерьез.

— Хорошо, я попробую, — кивнул премьер-министр.

Бел Авардан прибыл вовремя и имел возможность оглядеться вокруг. Для человека, хорошо знакомого с лучшими произведениями архитектуры Галактики, здание Собрания Старейших выглядело не более чем примитивная коробочка из гранита и стали, выполненная в архаическом стиле. Для того, кто был к тому же археологом, оно своим мрачным, почти диким аскетизмом могло олицетворять жилище, соответствующее мрачному, почти дикому образу жизни. Эта примитивность у него ассоциировалась с далеким прошлым.

Мысленно Авардан вновь вернулся назад. Его двухмесячное путешествие по западному континенту оказалось не совсем приятным. Все испортил тот первый день. Воспоминание о событиях того дня мгновенно его разозлило. Эта девушка была груба, неблагодарна, настоящая землянка. Почему он должен чувствовать себя виноватым? И все же...

Учитывал ли он, каким потрясением для нее было узнать, что он чужак? Он вспомнил и оскорбившего ее офицера, которому он отплатил сломанной рукой за высокомерие и жестокость. Да и мог ли он знать, сколько ей уже довелось претерпеть от чужаков. Неужели он оказался для нее одним из них?

Если бы он был более терпеливым... Он даже не помнил точно ее имени. Пола, а дальше? Странно. Обычно он не жаловался на память. Была ли это подсознательная попытка все забыть?

Что же, это совсем неглупо. Забыть! Собственно говоря, о чем ему помнить? Землянка. Обыкновенная землянка.

К радости Авардана, появился премьер-министр. Это означало конец воспоминаниям о том дне в Чике. Однако он чувствовал, что они еще вернутся. И эти мысли возвращались к нему все время.

Что касается премьер-министра, то он был облачен в но-

вую блестящую мантию. Его лицо было спокойно и невозмутимо.

Разговор между ними прошел по-дружески. Авардану пришлось передать добрые пожелания людям Земли от некоторых высокопоставленных политиков Империи. Затем речь зашла о важности археологии для граждан Империи, о вкладе, который она вносит в великое положение, о том, что люди всех планет — братья. Премьер-министр заметил, что земляне с этим согласны и надеются, что вскоре наступит время, когда остальная часть Галактики перейдет в этом отношении от теории к практике.

— Именно с этой целью, — слегка усмехнувшись, сказал Авардан, — я пришел к вам, ваше превосходительство. Различия между Землей и некоторыми находящимися по соседству провинциями Империи, возможно, в большей степени обусловлены несходством образа мыслей проживающих людей. И все же множество разногласий можно было бы устранить, доказав, что земляне не отличаются в расовом отношении от других граждан Галактики.

— И как вы намереваетесь это сделать?

— Трудно объяснить это словами. Возможно, вам известны два основных направления в археологии, называемых теорией Мергера и теорией расселения.

— Я знаком с ними в общих чертах.

— Великолепно. Так вот, теория Мергера утверждает, что различные части человечества, развивающиеся независимо друг от друга, на определенном этапе смешались в результате межвидовых браков. Подобная концепция основывается на сегодняшней схожести людей.

— Да, — сухо ответил премьер-министр, — и кроме того, из этой концепции следует, что существует несколько сотен или тысяч самостоятельно развившихся существ человеческого типа, обладающих столь близким химическим и биологическим родством, что возможны взаимные браки между ними.

— Действительно, — с удивлением проговорил Авардан. — Вы коснулись самого слабого ее места. И все же большинство археологов не обращают на это внимания, упорно придерживаясь теории, что в изолированных частях Галактики могут существовать подвиды человечества, не смешавшиеся с остальными и сохранившие свои отличия.

— Вы имеете в виду Землю, — заметил премьер-министр.

— Земля берется как пример. С другой стороны, теория расселения...

— Считает всех нас потомками одной планетарной группы людей.

— Именно.

— Мой народ, — сказал премьер-министр, — основываясь на доказательствах из нашей истории и определенных источниках, которые священны и потому не могут быть показаны чужаку, верит, что Земля является первоначальной родиной человечества.

— В это же верю и я и прошу вас помочь мне доказать это всей Галактике.

— И на чем основан ваш оптимизм?

— На моем убеждении, что многие примитивные артефакты и архитектурные памятники могут быть расположены в тех зонах вашей планеты, которые, к несчастью, радиоактивны. Их возраст может быть точно определен.

Однако премьер-министр, не дослушав, отрицательно покачал головой.

— Об этом не может быть и речи.

— Почему? — удивился Авардан.

— Прежде всего, — произнес премьер-министр, — чего вы надеетесь добиться? Если вы докажете свою правоту, даже если на всех планетах согласятся с вами, что изменит тот факт, что миллион лет назад все мы были землянами? В конце концов, миллион лет назад все мы были обезьянами, и все же никто не называет их своими родственниками.

— Вы приводите доказательства в пользу своих противников, — неохотно произнес Авардан, закусив нижнюю губу.

— Потому что я спрашиваю себя, что скажут по этому поводу мои противники. Таким образом, вы не достигнете ничего, за исключением, быть может, дальнейшего обострения ненависти к нам.

— Но существуют еще интересы чистой науки, расширения наших знаний...

Премьер-министр кивнул.

— Я искренне огорчен, что мне приходится этому препятствовать. Я бы с радостью помог вам, но земляне — упрямый и гордый народ, которому столетиями приходилось проявлять смирение из-за... отношения к ним в определенных частях Галактики, достойного сожаления. У них есть определенные та-

бу, определенные обычаи, которые даже я не посмею нарушить.

— И радиоактивные зоны...

— Да, они являются одним из наиболее серьезных запретов. Даже если бы я дал вам свое разрешение, а я сделал бы это с величайшим удовольствием, это вызвало бы лишь беспорядки, которые не только подвергнут опасности вас и членов вашей экспедиции, но и спровоцируют враждебные действия против Земли со стороны Империи. Допустив это, я потеряю доверие моего народа.

— Но я собираюсь принять все возможные предосторожности. Если вы хотите, можете послать со мной наблюдателей... Или же я могу дать обещание не публиковать никаких полученных результатов без предварительной консультации с вами.

— Вы искушаете меня. Ваш замысел очень интересен. Но вы переоцениваете мои возможности, даже если мы оставим в стороне вопрос о чувствах моего народа. Я не обладаю абсолютной властью. Собственно говоря, моя власть весьма ограничена, и все вопросы должны передаваться на рассмотрение Совета Старейших, прежде чем по ним будет принято окончательное решение.

Авардан покачал головой.

— Очень жаль. Наместник предупреждал меня о трудностях, но я все же надеялся... Когда вы проконсультируетесь со своим Советом?

— Президиум Совета соберется через три дня. Не в моих силах изменить повестку дня, так что, возможно, пройдет несколько дней, прежде чем будет обсужден ваш вопрос. Скажем, неделя.

Авардан рассеянно кивнул.

— Хорошо. Между прочим, ваше превосходительство...

— Да?

— Я хотел бы встретиться с одним ученым, живущим на вашей планете. Доктор Шект из Чики. Поскольку я уверен, что он человек занятой, не могу ли я попросить у вас сопроводительное письмо?

Премьер-министр заметно сосредоточился и некоторое время молчал.

— Могу ли я спросить, с какой целью вы желаете его видеть? — проговорил он наконец.

— Конечно. Я читал об изобретенном им приборе, который он, кажется, назвал Синапсайфером. Дело касается нейрохимии мозга и может оказаться весьма интересным для одного моего замысла. Я занимался работой по разбиению человечества на энцефалогические группы, знаете, по различным типам мозговых токов.

— Ухм... Я кое-что слышал об этом изобретении. Кажется, ему не удалось добиться успеха.

— Что же, возможно, вы правы, но он специалист в этой области и может быть мне очень полезен.

— Понимаю. В таком случае письмо для вас будет приготовлено. Конечно, вы не должны упоминать о своих намерениях в связи с запретными зонами.

— Разумеется, ваше превосходительство. — Авардан встал. — Благодарю вас за любезность и могу лишь выразить надежду, что Совет Старейших будет благосклонен к моим замыслам.

Секретарь появился сразу после ухода Авардана. На его губах застыла свойственная ему холодная злобная улыбка.

— Отлично, — проговорил он. — Вы держались отлично, ваша светлость.

Премьер-министр мрачно посмотрел на него.

— Зачем он хочет встретиться с Шектом?

— Вы удивлены? Не стоит. Все прекрасно согласуется. Вы заметили его холодность, когда вы отказали в его просьбе? Была ли это реакция ученого, переживающего, что нечто без всякой причины ускользает из его рук? Или же это была реакция человека, сыгравшего свою роль и довольного, что дело уже сделано? И снова странное совпадение. Шварц убегает и пробирается в Чику. На следующий день здесь появляется Авардан и после равнодушной болтовни о своей экспедиции между прочим упоминает, что направляется в Чику, чтобы встретиться с Шектом.

— Но почему он сказал об этом, Балкис? Это выглядит безрассудно.

— Потому что вы прямолинейны. Представьте себя на его месте. Он считает, что мы ничего не подозреваем. В подобных случаях победу приносит искренность. Он отправляется на встречу с Шектом. Отлично! Он откровенно говорит об этом.

Он даже просит письмо. Что может быть лучшей гарантией его честных и откровенных намерений? И это поднимает другой вопрос. Шварц мог обнаружить, что за ним следят. Но у него не было времени предупредить сообщников, иначе перед нами не разыгралась бы эта комедия.

Секретарь прищурил глаза, закончив плести свою словесную сеть.

— Трудно сказать, сколько времени пройдет, прежде чем отсутствие Шварца покажется им подозрительным, но, по крайней мере, Авардан за это время успеет встретиться с Шектом. Мы схватим их вместе, и они не смогут выкрутиться.

— Сколько у нас есть времени? — спросил премьер-министр.

Балкис задумчиво посмотрел на него.

— Пока точно ответить нельзя, а с тех пор, как стало известно об измене Шекта, мы утроили скорость приготовлений, и все идет хорошо. Мы ждем лишь математические расчеты необходимых орбит. Несовершенство наших компьютеров задержит нас. Что же... Теперь это вопрос всего нескольких дней.

— Дней?! — Это было сказано тоном, в котором странно смешались торжество и ужас.

— Дней! — повторил секретарь. — Но помните, что всего одной бомбы за две секунды до нулевого времени будет достаточно, чтобы остановить нас. И даже после этого будет период от одного до шести месяцев, в течение которого возможен ответный удар. Так что мы еще не в полной безопасности.

Несколько дней! И начнется небывалая в истории Галактики битва, и Земля атакует всю Империю.

Руки премьер-министра слегка дрожали.

Глава 14

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

За два месяца, прошедшие со дня, когда Синапсайфер Шекта был испытан на Шварце, физик неузнаваемо изменился.

Он похудел, стал больше сутулиться, изменилось его поведение — он стал рассеянным, напуганным. Он замкнулся в се-

бе, начал избегать даже ближайших сотрудников, которых сторонился столь явно, что это было заметно всем.

Лишь с дочерью Шект был откровенен, возможно, потому, что и она как-то ушла в себя. Старалась быть незаметной на работе.

— Они следят за мной, — говорил он. — Я это чувствую. Я ни на минуту не могу оставаться один. Всегда кто-нибудь рядом. Они не хотят даже, чтобы я писал отчеты.

И Пола это чувствовала, но, чтобы подбодрить отца, вновь и вновь повторяла:

— Но в чем они могут обвинить тебя? Даже если ты и провел эксперимент на Шварце, не такое уж страшное это преступление. Они бы просто вызвали тебя «на ковер» за это.

Однако он бормотал с бледным лицом:

— Они не разрешат мне жить. Приближаются мои Шестьдесят, и они не разрешат мне жить.

— После всего, что ты сделал? Чепуха!

— Я слишком много знаю, Пола, и они мне не верят.

— Слишком много знаешь о чем?

Он слишком устал и не мог больше нести эту тяжесть. И он рассказал ей. Сначала она не поверила ему, но потом, когда поняла, что все это правда, застыла, охваченная ужасом.

На следующий день Пола с другого конца города позвонила в посольство. Говоря через платок, она спросила доктора Бела Авардана.

Его не было. Они думали, что он может быть в Бонере, шесть тысяч миль отсюда, но не были уверены. Да, но он скоро должен вернуться в Чику, но когда — они сказать не могут. Может быть, она назовет свое имя? Они попытаются с ним связаться.

Тут Пола прервала связь и прижалась щекой к стеклянной стенке кабины, с радостью ощущая ее прохладу. Глаза ее были полны слез.

Дура, дура!

Он помог ей, а она так себя вела. Он подставил себя под нейрохлыст, чтобы защитить от чужака достоинство маленькой землянки, и чем она ему отплатила?!

Сто кредитов, отправленные ею на следующее после происшествия утро, вернулись назад. Она хотела использовать их, чтобы прийти и извиниться перед ним, но не решалась. И как

бы она проникла в посольство, куда могли входить лишь чужаки?

Только он мог помочь ей теперь. Он, чужак, который мог разговаривать с землянином как с равным. Она никогда бы не догадалась, что он — чужак, не скажи он об этом. Он был такой сильный и уверенный в себе. Он должен знать, что делать. Он должен помочь, ибо на гибель обречена вся Галактика. У Полы промелькнула злорадная мысль о том, что чужаки заслужили такую участь своим пренебрежительным отношением к землянам. Но касалось ли это их всех? Женщин и детей, больных и стариков? Таких, как Авардан? Тех, которые никогда не слышали о Земле? И в конце концов, все они были людьми. Столь страшная месть топила в море крови ту справедливость, которой служила Земля.

И вдруг, совершенно неожиданно, — звонок от Авардана. Шект покачал головой.

— Я не могу ему этого сказать.

— Ты должен, — жестко сказала Пола.

— Здесь? Это невозможно, это погубит нас обоих.

— Тогда прогони его. Я позабочусь обо всем. — Ее сердце бешено стучало. Конечно, причиной была лишь эта потребность спасти бесчисленные миллиарды человеческих жизней.

Бел Авардан поможет что-нибудь предпринять!

Авардан был в полном неведении относительно происходящего. Поведение Шекта он воспринял так, как оно выглядело (как ничем не спровоцированную грубость, что так свойственна землянам).

Авардан тщательно подбирал слова:

— Мне не хотелось бы обременять вас своим посещением, доктор, не будь я профессионально заинтересован в вашем Синапсайфере. И мне говорили, что в отличие от многих землян вы не настроены враждебно к людям с других планет.

По-видимому, он сказал что-то не то, потому что доктора Шекта буквально передернуло от его слов.

— Кем бы ни был ваш информатор, он весьма ошибается, приписывая мне особое дружелюбие к подобным гостям. У меня нет симпатий и антипатий. Я — землянин...

Авардан стиснул зубы.

— Поймите, доктор Авардан, — послышался поспешный шепот, — мне очень жаль, что я выгляжу невежливым, но я действительно не могу...

— Я все понимаю, — холодно прервал археолог, хотя он не понимал абсолютно ничего. — Прощайте, сэр.

Шект слабо усмехнулся.

— Моя занятость...

— Я тоже очень занят, доктор Шект.

Он повернулся к двери, проклиная всех землян и невольно вспоминая некоторые пословицы, столь часто повторяемые его согражданами. Например, такие: «Вежливость на Земле подобна сухости в океане» или «Землянин дает тебе что угодно, пока это не стоит ему ничего или меньше того».

Его рука уже пересекла фотоэлектрический луч, открывающий входную дверь, когда он услышал сзади чьи-то быстрые шаги и предостерегающий шепот. В его руке оказался лист бумаги. Повернувшись, он успел заметить лишь промелькнувшую фигуру в красном.

Только сев в нанятый им наземный автомобиль, Авардан развернул бумагу и прочитал:

«Сегодня в восемь часов вечера будьте у дома игр. Убедитесь, что за вами не следят».

Авардан нахмурился, раз пять перечитал записку и даже просмотрел ее на свет, как будто ожидая увидеть невидимые слова. Невольно он оглянулся. Улица была пуста. Он сделал движение, чтобы выбросить бумагу в окно, но, поколебавшись, сунул ее в карман.

Несомненно, что, если бы он вечером не сделал того, к чему призывала записка, все было бы кончено, и, возможно, нескольким триллионам людей не удалось бы избежать смерти. Но этого не случилось.

По дороге он раздумывал, была ли отправителем записки...

К восьми часам вечера его машина скользила среди длинного потока машин по извивающейся дороге, ведущей к дому игр. Лишь раз он спросил путь, и прохожий, с подозрением оглядев его (очевидно, ни один землянин никогда не был свободен от этой всеобъемлющей подозрительности), коротко ответил:

— Вам нужно просто следовать за другими машинами.

Похоже, действительно все машины направлялись в дом игр, потому что он увидел, что все они, одна за другой, исчезают в отверстии въезда на подземную стоянку. Вырвавшись из потока, он объехал дом игр и стал ждать, сам не зная чего.

Стройная девушка отделилась от толпы прохожих и нагнулась к окну его автомобиля. Он удивленно посмотрел на нее, но она одним движением открыла дверь и оказалась внутри салона.

— Извините, — проговорил он, — но...

— Тсс! — Девушка пригнулась к сиденью. — За вами следили?

— А должны были?

— Не смейтесь. Поезжайте прямо вперед. Свернете, когда я скажу... Чего вы ждете?

Он узнал голос. Капюшон соскользнул на плечи, открыв каштановые волосы. Темные глаза пристально смотрели на него.

— Будет лучше, если вы поедете, — мягко сказала она.

Он подчинился, и за следующие пятнадцать минут она не сказала ему ничего, если не считать тихих указаний относительно направления движения.

Авардан украдкой взглянул на нее и с неожиданным удовольствием подумал, что она еще красивее, чем он ее помнил. Странно, что на этот раз он не чувствовал никакого негодования.

Они остановились в безлюдном районе. После небольшой паузы Пола, посмотрев на него, сказала:

— Доктор Авардан, я сожалею, что мне пришлось проделать все это, чтобы поговорить с вами с глазу на глаз. Я знаю, что мне нечего терять в ваших глазах...

— Не думайте так, — проговорил он.

— Я не могу так не думать. Я хочу, чтобы вы знали, что я полностью понимаю, как низко и неблагодарно я вела себя той ночью.

— Не надо, пожалуйста, — он посмотрел в сторону. — Я мог бы быть более дипломатичным.

— Что же... — Пола на минуту замолчала, чтобы немного прийти в себя. — Но не для этого мы приехали сюда. Вы — единственный чужак, которого я встретила, способный быть вежливым и благородным, и я нуждаюсь в вашей помощи.

Авардан подумал недовольно: «Неужели только это было причиной?» И он спросил холодно:

— Да?

— Нет, — закричала она в ответ. — Нет, не я, доктор Авардан, вся Галактика. Мне не надо ничего. Ничего!

— В чем дело?

— Во-первых... Я не думаю, чтобы кто-нибудь следил за нами, но если вы услышите какой-нибудь шум, то вы... то вы, — она замерла, — обнимите меня, и... и... вы знаете.

Он кивнул и сухо произнес:

— Я думаю, что это я смогу сымпровизировать легко. Стоит ли ждать шума?

Пола покраснела.

— Пожалуйста, не шутите и поймите правильно мои намерения. Это лишь для того, чтобы отвести подозрения от нас. Это единственное, что будет выглядеть убедительно.

— Все настолько серьезно? — мягко проговорил Авардан.

Он с любопытством посмотрел на нее. Она казалась такой юной и беззащитной. Всю свою жизнь он руководствовался здравым смыслом. И гордился этим. Он был человеком сильных страстей, но умел их усмирять. И вот только потому, что девушка выглядела слабой, он испытывал иррациональную потребность защищать ее.

— Да, это серьезно, — сказала она. — Я кое-что вам расскажу, но знаю, что сначала вы мне не поверите. Но я попытаюсь убедить вас. Я хочу, чтобы вы поняли, что я откровенна с вами. Но в первую очередь вы должны решить, останетесь ли вы с нами после того, как я вам все расскажу и вы обдумаете услышанное. Я даю вам пятнадцать минут, и если я не внушаю вам доверия, я уйду, и на этом все закончится.

— Пятнадцать минут? — Он невольно усмехнулся, затем снял свои часы и положил их перед собой. — Хорошо.

Она сжала руками колени, глядя через стекло вперед.

Авардан почувствовал, что она искоса посмотрела на него, и поспешно отвел взгляд.

— В чем дело? — спросил он.

Пола повернулась к нему и закусила нижнюю губу.

— Я смотрела на вас.

— Да, я это заметил. У меня пятно на носу?

— Нет, — она слегка улыбнулась, первый раз после того, как села в машину. — Просто я все время удивляюсь, почему вы не носите свинцовую одежду, если вы чужак. Именно это обмануло меня в тот раз. Чужаки обычно напоминают мешок с картошкой.

— А я не напоминаю?

— О нет, — в ее голосе неожиданно появился оттенок восхищения, — вы напоминаете... вы очень похожи на древнюю мраморную статую, за исключением того, что вы живой и теплый... Извините. Я веду себя дерзко.

— Вы говорите обо мне так, будто я считаю вас землянкой, которая забыла свое место. Вам придется прекратить думать обо мне подобным образом, или мы не сможем быть друзьями... Я не верю в предрассудки радиоактивности. Я измерил радиоактивность атмосферы Земли, провел опыты на животных в лаборатории и вполне убежден, что эта радиация не может мне повредить. Я здесь уже два месяца и не ощущаю никаких болезненных симптомов. Хотя, признаюсь, небольшие предосторожности я все же принял. Однако пропитанной свинцом одежды я не ношу.

Все это было сказано серьезным тоном, и она вновь улыбнулась.

— По-моему, вы немного сумасшедший.

— Вы так думаете? Вы удивились бы, если бы знали, как много умных и знаменитых археологов говорили то же самое, причем в длинных речах.

— Так вы будете меня слушать? — неожиданно спросила она. — Пятнадцать минут прошло.

— А вы как думаете?

— Я думаю, что это вполне возможно. В противном случае вы не сидели бы здесь. Особенно после всего, что я сделала.

— Разве у вас создалось впечатление, что я заставляю себя сидеть рядом с вами? — мягко проговорил он. — Если да, то вы ошибаетесь. Знаете, Пола, я никогда не видел девушки такой красивой, как вы.

Она со страхом посмотрела на него.

— Пожалуйста, не надо. Я стремлюсь вовсе не к этому. Вы мне верите?

— Конечно, Пола. Расскажите мне свою историю. Я поверю и помогу. — Он безоговорочно верил в то, о чем говорил. В этот момент Авардан с готовностью взялся бы даже свергнуть Императора. Он не бывал прежде влюблен, и на этом он мысленно заставил себя остановиться.

Любовь? К землянке?

— Вы встречались с моим отцом, доктор Авардан?

— Доктор Шект — ваш отец? Зовите меня, пожалуйста, Белом. Я буду звать вас Полой.

— Если вы этого хотите, я постараюсь. Я думаю, вы очень злы на него.

— Он не был особенно вежлив.

— Он не мог иначе. За ним следят. Собственно говоря, мы договорились с ним заранее, что он отправит вас ни с чем, после чего с вами встречусь я. Видите, это наш дом... Дело в том, — ее голос перешел в быстрый шепот, — на Земле готовится восстание.

Авардан не смог сдержать удивления.

— Не может быть! — проговорил он, широко открыв глаза. — В самом деле?

Однако Пола тут же разозлилась.

— Не смейтесь. Вы обещали выслушать и поверить мне. На Земле готовится восстание, и это серьезно, потому что Земля может уничтожить всю Империю.

— Земля в силах сделать это? — Авардан подавил желание рассмеяться. — Пола, насколько хорошо вы знаете галактографию? — мягко спросил он.

— Не хуже любого другого, учитель, но какое это имеет отношение к тому, о чем я говорю?

— Прямое. Объем Галактики — несколько миллионов кубических световых лет. Это включает двести миллионов населенных планет и приблизительно пятьсот квадриллионов человек населения. Правильно?

— Думаю, что да, раз вы так говорите.

— Это именно так, поверьте мне. Земля же — одна планета с населением в двадцать миллионов, лишенная всех материальных ресурсов. Другими словами, на каждого землянина приходится двадцать пять биллионов граждан Галактики. Что может сделать Земля при соотношении сил двадцать пять биллионов к одному?

Пола преодолела сомнение, на мгновение овладевшее ею.

— Бел, — твердо ответила она, — я не знаю, но мой отец может ответить на этот вопрос. Он не посвятил меня в детали, потому что боится подвергать опасности мою жизнь. Однако если вы пойдете со мной, то все узнаете. Он сказал, что Земля может уничтожить всю жизнь в Галактике, и он знает это наверняка. Он никогда не ошибался.

Ее щеки порозовели от нетерпения, и Авардан почувство-

вал страстное желание прикоснуться к ним. (Как мог он раньше чувствовать ужас от прикосновения к ней?)

— Уже есть десять часов? — спросила Пола.

— Да, — ответил он.

— Тогда он должен ждать нас наверху, если они его не арестовали. — Она невольно вздрогнула. — Мы поднимемся в дом, и если вы пойдете со мной...

Она положила руку на кнопку, контролирующую двери, и неожиданно замерла. Затем хрипло прошептала:

— Кто-то идет... Ох, быстрее...

Остальное прошло гладко. Авардан без труда вспомнил ее первоначальные наставления. Его руки легким движением обняли ее, и он почувствовал, как их губы встретились...

Прошло немало времени, прежде чем он заговорил.

— Должно быть, это был уличный шум.

— Нет, — прошептала она, — я не слышала никакого шума.

Он удивленно посмотрел на нее, но она не отвела глаз.

— Серьезно? Ты — само коварство.

Глаза Полы вспыхнули.

— Я хотела, чтобы ты поцеловал меня, и не жалею об этом.

— Думаешь, я жалею? Поцелуй меня еще раз, только теперь потому, что этого хочу я.

Еще одна длинная пауза, потом она отстранилась от него, поправляя волосы и разглаживая воротник платья.

— Я думаю, сейчас нам лучше будет подняться в дом. Выключи свет. У меня есть фонарь.

Авардан вышел за ней из машины.

— Возьми меня за руку, — сказала она. — Здесь ступеньки.

— Я люблю тебя, Пола, — прошептал он за ее спиной. Это получилось так просто и звучало так правдиво. — Я люблю тебя, Пола, — повторил он.

— Ты почти не знаешь меня, — мягко проговорила она.

— Нет. Клянусь, я знаю тебя всю жизнь. Всю мою жизнь, Пола, два месяца я мечтал о тебе.

— Я всего лишь землянка, сэр.

— Тогда и я буду землянином. Испытай меня.

Он остановил ее и мягко поднял ее руку, пока свет фонарика не осветил ей лицо.

— Почему ты плачешь?

— Потому что, когда отец расскажет то, что он знает, вы поймете, что не можете любить землянку.

— Испытай меня и в этом.

Глава 15

ПОТЕРЯННОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО

Авардан встретился с Шектом в задней комнате на втором этаже дома, окна которой были тщательно поляризованы до полной непроницаемости. Пола осталась внизу, настороженно ожидая в кресле и следя за погруженной в темноту улицей.

Сутулая фигура Шекта производила несколько иное впечатление, чем несколько часов назад.

Лицо физика, по-прежнему изможденное и усталое, теперь, вместо прежнего колебания, выражало почти отчаянную решимость.

— Доктор Авардан, — сказал он, и голос его был тверд, — я должен извиниться за мое сегодняшнее поведение. Я надеюсь, что вы поймете...

— Признаюсь, что мне это не удавалось, но думаю, теперь все будет иначе.

Шект сел за стол и кивнул на бутылку с вином. Авардан сделал отрицательный жест.

— Если вы не возражаете, я попробую фрукты... Что это? В жизни не видел ничего подобного.

— Это один из сортов апельсинов, — ответил Шект, — которые растут только на Земле. Кожура легко снимается. — Он показал, и Авардан с любопытством надкусил сочный плод.

— Это изумительно, — воскликнул он. — Земля никогда не пробовала экспортировать их?

— Старейшие, — мрачно проговорил физик, — не особенно склонны к торговле с внешним миром. Да и наши соседи не стремятся торговать с нами. Это всего лишь один из аспектов наших трудностей.

Авардан неожиданно почувствовал приступ раздражения.

— Ничего не может быть глупее. Уверяю вас, иногда меня охватывает отчаяние, когда я вижу, что может существовать в сознании людей.

Шект пожал плечами со снисходительностью человека с жизненным опытом.

— Боюсь, что это часть антиземной политики, которую разрешить невозможно.

— Но эту проблему делает неразрешимой именно то, что никто по-настоящему не желает ее решения, — воскликнул археолог. — Сколько землян способствуют этому, ненавидя подряд всех жителей Галактики. Действительно ли ваш народ стремится к равенству, взаимному уважению? Нет! Большинство из них желает лишь, в свою очередь, занять место наверху.

— Возможно, в том, что вы сказали, немало правды, — грустно проговорил Шект. — Этого я не отрицаю. Но это не вся правда. Дайте нам только возможность, и новое поколение землян достигнет зрелости без самовыделения, всем сердцем веря в единство всех людей. Ассимиляционисты с их терпимостью и верой в возможность компромисса не раз имели сильные позиции на Земле. Я — один из них. Или, по крайней мере, я им был. Однако Землей сейчас правят Зелоты. Это крайние националисты, верящие в прошлое и будущее величие Земли. Это от них должна быть защищена Империя.

Авардан нахмурился.

— Вы имеете в виду восстание, о котором говорила Пола?

— Доктор Авардан, — мрачно проговорил Шект, — нелегко убедить кого-либо в столь нелегкой перспективе, как покорение Землей всей Галактики, но это правда. Я не обладаю особой храбростью и ужасно хочу жить. Поэтому вы можете представить, сколь опасным должен быть кризис, заставивший меня пойти на предательство в то время, когда местные власти не спускают с меня глаз.

— Что же, — сказал Авардан, — если это так серьезно, то я должен сразу предупредить вас. Я помогу вам всем, сделаю все, что в моих силах, но только как гражданин Империи. Я не обладаю здесь никаким официальным статусом и не имею особого влияния ни на Совет, ни на Наместника. Я именно тот, за кого себя выдаю, — археолог, прибывший сюда только с научными целями. Поскольку вы готовы на все, не лучше ли вам встретиться с Наместником? Он действительно сможет что-то предпринять.

— Именно этого я и не могу сделать, доктор Авардан. За мной поэтому и следят, чтобы не допустить этого. Когда вы

пришли сегодня утром, я подумал даже, что, возможно, вас прислал Энус. Я считал, что он что-то подозревает.

— Возможно, он и подозревает, этого нельзя отрицать. Если вы пожелаете, я смогу все ему передать.

— Благодарю. Именно этого я и хочу. Используйте свои возможности, доктор, чтобы отвести от Земли слишком суровое возмездие.

— Конечно. — Авардан чувствовал беспокойство. Он был убежден, что имеет дело со стариком, возможно, безвредным, но явно ненормальным. Однако единственное, что он мог, — это дослушать и попытаться успокоить его — ради Полы.

— Из сказанного вами сегодня утром я понял, что вы слышали о Синапсайфере, — проговорил Шект.

— Да, действительно. Я читал вашу статью в «Физическом обозрении». Я говорил о вашем изобретении с Наместником и премьер-министром.

— С премьер-министром?

— Да. Когда просил у него письмо, которое вы, боюсь, так и не прочитали.

— Сожалею. Но лучше бы вы не говорили... Что вы знаете о Синапсайфере?

— Это довольно интересная неудача. Он предназначен для улучшения способностей к обучению. Он был до некоторой степени удачно испытан на крысах, но оказался непригоден для людей.

— Да, из этой статьи вы большего узнать и не могли, — кивнул Шект. — Эксперимент был представлен неудавшимся, а наиболее интересные результаты намеренно не опубликованы.

— Хм. Несколько необычное трактование научной этики, доктор Шект.

— Согласен с вами. Но мне пятьдесят пять, а если вы знакомы с законами Земли, то знаете, что мне осталось недолго жить.

— Шестьдесят. Да, я слышал об этом даже больше, чем мне того хотелось бы. — И он с горечью вспомнил свое первое путешествие. — Насколько я знаю, для выдающихся ученых делают исключения.

— Вы правы. Но это решает премьер-министр и Совет Старейших, и их решение не изменит даже Император. Мне поставили условие: держать в секрете все, что касается Синапсайфера, в обмен на мою жизнь. — Он беспомощно развел ру-

ками. — Мог ли я тогда знать о последствиях, о том, как машина будет использована?

— И как же ее использовали? — достав сигареты, Авардан предложил Шекту, но тот отказался.

— Я подхожу к этому... Одного за другим, после того, как мои эксперименты показали безопасность использования Синапсайфера на человеке, обработке подвергли некоторых биологов Земли. Все они остались живы, кстати, все эти люди, как я знал, симпатизировали Зелотам. Однако через некоторое время стали проявляться побочные эффекты, и один из них был подвергнут вторичной обработке. Я не смог спасти его. Но из его предсмертного бреда я узнал обо всем.

Время приближалось к полуночи. День был длинным и полным событий. Однако что-то не давало покоя Авардану.

— Давайте перейдем к сути, — сказал он.

— Немного терпения. Я должен объяснить все подробности, чтобы вы мне поверили. Вы, конечно, знаете о радиоактивности Земли...

— Да, я хорошо знаком с этим вопросом.

— И о том, как она влияет на жизнь землян?

— Да.

— Тогда я не буду об этом говорить. Хочу только сказать, что процент мутаций на Земле больше, чем в любой другой части Галактики. Поэтому утверждения наших противников, что земляне отличны от других людей, имеют долю правды. Собственно говоря, число мутаций очень мало, и большинство из них не обладает жизненной стойкостью. Если в землянах и произошли какие-то устойчивые изменения, то это те изменения химического состава их тел, которые дали им большую сопротивляемость окружающей среде. Так, они обладают большим сопротивлением к воздействию радиации...

— Доктор Шект, это мне знакомо.

— Тогда приходило ли вам когда-нибудь в голову, что процессы мутаций происходят и у других живущих на Земле существ?

После короткой паузы Авардан ответил:

— Нет, но, конечно же, это неизбежно.

— Так оно и есть. У нас гораздо больше разновидностей домашних животных, чем на любой другой обитаемой планете. Апельсин, который вы ели, — продукт мутации. Между прочим, это — одна из причин, делающих их экспорт невоз-

можным. Чужаки не доверяют нашим продуктам, как и нам. И конечно, то, что относится к растениям и животным, применимо также к микромиру.

И тут Авардан действительно почувствовал страх.

— Вы имеете в виду бактерии? — спросил он.

— Я имею в виду все формы примитивной жизни. Микробы, бактерии и самовоспроизводящиеся протеины, которые называют вирусами.

— И к чему вы ведете?

— Я думаю, что вы догадываетесь. Неожиданно вы проявили интерес. Видите ли, среди ваших сограждан существует мнение, что земляне — носители смерти, что земляне приносят неудачи...

— Все это я знаю. Обыкновенные предрассудки.

— Не совсем. Это-то самое страшное. В предрассудке есть доля истины. Видите ли, иногда землянин носит в себе некоторые мутированные формы микроскопических паразитов, подобных которым нет ни на какой другой планете. А чужаки не обладают особой сопротивляемостью к их действию. Последствия — вопрос простой биологии, доктор Авардан.

Авардан молчал.

— Конечно, иногда они атакуют и нас, — продолжал Шект. — Но у нас поколениями вырабатывается иммунитет против новых вирусов и микробов. Чужаки же его не имеют.

— Вы хотите сказать, — проговорил Авардан со странным чувством, — что контакт с вами сейчас...

Он отодвинул свой стул назад, думая о вечерних поцелуях.

Шект покачал головой.

— Конечно же, нет. Мы не распространяем болезнь, мы просто носим ее в себе, если она есть, что, кстати, случается редко. Если бы я жил на вашей планете, то носил бы в себе не больше микробов, чем вы. У меня нет особой предрасположенности к этому. Даже здесь существует лишь один из квадриллиона квадриллионов, представляющий действительную опасность. Вероятность того, что вы заразитесь сейчас, не больше, чем то, что метеорит пробьет крышу этого дома и попадет в вас. Если же, конечно, упомянутые микробы специально не выбраны, изолированы и сосредоточены для вас.

После продолжительной паузы Авардан спросил сдавленным голосом:

— Земляне это сделали? — Он перестал думать о ненормальности Шекта и готов был поверить ему.

— Да. Сначала из абсолютно невинных побуждений. Наши биологи, конечно, были заинтересованы в особенностях земной жизни и недавно получили вирус обычной горячки.

— Что такое обычная горячка?

— Слабая эпидемическая земная болезнь. Она всегда у нас существовала. Большинство землян перенесли ее в детстве, и симптомы ее известны. Болезнь длится четыре-шесть дней, после чего человек приобретает иммунитет. И я, и Пола перенесли ее. Время от времени встречается более сильная форма этой болезни, вызванная несколько отличным вирусом, называемая радиационной горячкой.

— Я о ней слышал, — сказал Авардан.

— В самом деле? Ее название происходит из-за ошибочного мнения, что заболевание вызывается облучением в радиоактивных зонах. Действительно, после облучения часты заболевания, потому что в этих зонах вирус наиболее способен мутировать в опасные формы. Однако причина болезни — вирус, а не радиация. После заражения симптомы болезни появляются через два часа. Губы поражаются настолько сильно, что человек почти не может разговаривать, смерть может наступить в течение нескольких дней.

Но главное то, что земляне адаптировались к обычной горячке, а чужаки — нет. Иногда ею заболевает кто-нибудь из имперского гарнизона, и в этом случае он реагирует точно так же, как землянин на радиационную горячку. Обычно он умирает в течение двенадцати часов. Затем его сжигают. Это делают земляне, поскольку солдаты гарнизона рискуют смертельно заболеть при приближении к нему.

Как я сказал, вирус был получен десять лет назад. Это нуклеопротеин, как и большинство выделяемых вирусов, содержащий необычайно высокий процент радиоактивных углерода, фосфора и серы. Говоря «необычайно высокий», я подразумеваю, что пятьдесят процентов его углерода, серы и фосфора — радиоактивны. Предполагаю, что воздействие на организм, в котором он находится, обусловлено не столько отравляющим действием вируса, сколько его радиоактивностью. Естественно, выглядит логичным, что земляне, адаптировавшиеся к гамма-радиации, переносят болезнь легко. Как вы

знаете, изотопы нельзя разделить. Только полученный нами вирус может это сделать. Но затем исследования стали вестись в другом направлении.

Я буду краток, доктор Авардан, но думаю, вам все будет понятно. Эксперименты могли проводиться на животных с других планет, но не на самих чужаках. Чужаков на земле слишком мало, чтобы исчезновение кого-нибудь из них осталось незамеченным. Итак, группа бактериологов была послана на Синапсайфер и вернулась с многократно улучшенной способностью к мышлению. Именно́ они создали новую математическую модель химии протеинов, которая позволила искусственно создать вирус, способный поражать только живущих на других планетах Галактики, — чужаков.

Авардан вдруг почувствовал страшную усталость. Он ощутил капли пота, выступившего на лице.

— Так вы хотите сказать, — с трудом выговорил он, — что Земля намеревается распространить этот вирус по Галактике и затеять гигантскую бактериологическую войну...

— В которой никто не сможет одержать победы. Как только начнется эпидемия, миллионы будут умирать ежедневно, и ничто не сможет остановить этого. Грузовые корабли будут переносить инфекцию, и болезнь каждый раз будет вспыхивать в новом месте. И никто не сможет связать этого с Землей. Со временем станет сомнительно и наше выживание, поскольку опустошение зайдет так далеко, чужаки будут в таком отчаянии, что перестанут считаться с чем-либо.

— И все умрут? — Авардан все еще не верил, не мог представить того, о чем говорил Шект.

— Возможно, что нет. Исследования производились в обоих направлениях. У нас есть и противоядие, которое можно будет использовать в случае немедленной капитуляции. Возможно, люди выживут в каких-нибудь отдаленных концах Галактики, не исключено существование у кого-нибудь врожденного иммунитета.

Авардан больше не мог сомневаться в правдивости услышанного. Голос Шекта звучал слабо и устало:

— В этом виновата не Земля. Кучка лидеров, отвечая на давление, отделившее их от остальной Галактики, с сумасшедшей силой ненавидя тех, кто это давление на них оказывает,

желая любой ценой отомстить... И все же я прежде всего — человек, а уж потом — землянин.

Должны ли триллионы умирать из-за миллионов? Должна ли цивилизация Галактики быть уничтоженной ради мести, пусть даже вполне оправданной, одной планеты? И станем ли мы лучше жить после этого? Могущество Галактики останется сосредоточенным на планетах, обладающих ресурсами, которых у нас нет. Поколение землян может править Трантором, но их потомки, став транторианами, в свою очередь, будут свысока смотреть на оставшихся на Земле. И кроме того, будет ли лучше от этого человечеству, если тиранию Галактики сменит тирания Земли? Нет... нет... должен существовать путь для всех людей, путь к свободе и справедливости.

Он закрыл лицо руками, медленно покачивая головой из стороны в сторону.

Слушавший в оцепенении Авардан пробормотал:

— В том, что вы сделали, нет предательства. Я немедленно направляюсь в Гималаи. Наместник мне поверит. Он должен поверить.

В это время раздались быстрые шаги, и в открывшейся двери показалось испуганное лицо Полы.

— Отец... Сюда идут какие-то люди.

Лицо Шекта потемнело.

— Быстро выходите через гараж, доктор. Возьмите Полу и не беспокойтесь обо мне. Я их задержу.

Однако у входа их уже поджидал человек в зеленой накидке. Чуть улыбаясь, он небрежно держал в руках нейроплеть. Было слышно, как забарабанили в дверь главного входа.

— Кто вы такой? — неуверенно спросил Авардан, обращаясь к человеку в зеленом. Он заслонил собой Полу.

— Я? — хрипло проговорил человек. — Я всего лишь ничтожный секретарь его светлости, премьер-министра. — Он сделал шаг вперед. — Я уже почти отчаялся вас дождаться. Хм, и девчонка. Зря, зря...

— Я гражданин Империи, — спокойно сказал Авардан, — и не признаю за вами права задерживать меня, а также врываться в дом без официального ордера.

— Я, — секретарь слегка постучал по своей груди свободной рукой, — представляю все права и власть на этой планете, а скоро и во всей Галактике. Все вы в наших руках, даже Шварц.

— Шварц? — воскликнула Пола.

— Вы удивлены? Я сейчас отведу вас к нему.

Последним, что помнил Авардан, была его злобная улыбка и вспышка нейрохлыста. Чувствуя оглушающую боль, он провалился в пустоту.

Глава 16

РЕШИ, НА ЧЬЕЙ ТЫ СТОРОНЕ!

Некоторое время Шварц беспокойно лежал на твердой скамье в одной из подземных комнат «Зала исправления» Чики.

Зал, как обычно его называли, представлял собой символ власти премьер-министра и его окружения.

За прошедшие века немало землян в его стенах ждали суда за совершенные ими противозаконные деяния: нежелание работать, стремление жить сверх положенного времени и т. п.

Иногда, когда в суде рассматривались совершенно нелепые преступления, вмешивался Наместник — и наказание могло быть отменено.

Обычно, когда Совет требовал смерти, Наместнику приходилось соглашаться. В конце концов, в жертву приносился всего лишь землянин...

Вполне естественно, что обо всем этом Джозеф Шварц не знал ничего. Его поле зрения ограничивалось небольшой комнатой, стены которой освещал тусклый свет. В комнате находились две жесткие скамейки и стол. Ниша в стене служила ванной и санузлом. Окон, через которые можно было видеть небо, не было, приток воздуха через вентиляционное отверстие был едва ощутим.

Шварц взъерошил волосы и неуклюже сел. Его попытка сбежать в никуда (потому что где на Земле он мог чувствовать себя в безопасности?) закончилась неудачно.

Для развлечения у него оставался только мысленный контакт.

Но хорошо это было или плохо?

Пока он жил на ферме, Шварц ощущал эту способность как странный, беспокоящий дар природы, которого он раньше не знал, о возможностях которого не думал. Теперь у него было время все обдумать.

Двадцать четыре часа в сутки размышлять над своим положением. От этого можно было сойти с ума. Он мог ощущать проходящих мимо тюремщиков. Шварц осторожно заглянул в их умы. Они распались, как скорлупа расколотого ореха, из которого обильным дождем полились их знания и чувства.

Он узнал много о Земле и Империи, больше, чем мог бы узнать за два месяца пребывания на ферме.

Конечно, он узнал и то, что приговорен к смерти!

Это могло наступить сегодня, могло завтра. Но он должен умереть! Неожиданно он смирился и воспринял известие почти благодарно.

Дверь открылась, и Шварц, охваченный страхом, вскочил на ноги. Можно было всем своим сознанием смириться со смертью, но тело оставалось диким животным, не желающим ничего слушать. Это смерть!

Нет, это была не смерть. Появившийся мысленный контакт не говорил о смерти. Вошел часовой, держа в руках наготове металлический прут. Шварц знал, что это такое.

— Пошли со мной, — резко проговорил он.

Шварц последовал за охранником.

Комната, в которую его привели, была очень большой. В ней находились двое мужчин и девушка, похожие на трупы, лежащие на высоких плитах. И все же это были не трупы, доказательством чему служили три активных мозга.

Парализованы! Но они ему знакомы!.. Почему они так знакомы?

Он остановился, чтобы рассмотреть их, но рука охранника прикоснулась к его плечу.

— Проходи.

Здесь же была четвертая плита, пустая. В уме стражника не было смерти, и Шварц взгромоздился на нее. Он знал, что последует.

Стальной стержень охранника коснулся каждой из его конечностей. Они окаменели и, казалось, исчезли, осталась чувствительной одна голова, парящая в пустоте.

Он повернул ее.

— Пола, — воскликнул он, — ведь вы — Пола, не правда ли? Девушка, которая...

Она кивнула. Он не узнал ее мысленный контакт. Два ме-

сяца назад он еще не чувствовал этого. В то время его развитие достигло только стадии чувствительности к «атмосфере». Он ясно помнил это.

Из их сознания он мог узнать дальнейшие подробности. Человек рядом с девушкой был доктором Шектом, другой мужчина — доктор Бел Авардан. Он мог узнать их имена, почувствовать их отчаяние, ощутить страх в сознании девушки.

На мгновение ему стало жаль их, но затем он вспомнил, кем они были. И сердце его сжалось от негодования.

«Пусть умирают!»

Трое пленников уже почти час находились здесь. В комнате, где они оказались, могло поместиться не менее сотни человек. Они чувствовали себя потерянными и одинокими в пустоте. Говорить было нечего. Горло Авардана пересохло, и он бессильно ворочал головой из стороны в сторону. Это была единственная его часть, которая могла двигаться.

Глаза Шекта были закрыты, губы бледны и сухи.

— Шект. Слушайте, Шект! — слабо прошептал Авардан.

— Что?.. Что? — такой же слабый шепот.

— Что вы делаете? Спите? Думайте, думайте!

— Зачем? О чем думать?

— Кто такой Джозеф Шварц?

— Ты не помнишь, Бел? — прозвучал тонкий и усталый голос Полы. — Тогда, в магазине, мы встретились впервые.

После яростной борьбы с собой Авардану удалось поднять голову на два мучительных дюйма. Теперь ему стала видна часть лица Полы.

— Пола! Пола! — Если бы он мог приблизиться к ней, так, как он мог это делать в течение двух месяцев, когда не воспользовался такой возможностью. Она смотрела на него, улыбаясь так слабо, что эта улыбка могла бы принадлежать статуе.

— Мы еще победим, — проговорил он. — Вот увидишь.

Но она покачала головой, насколько позволяла больно сжатая шея.

— Шект, — вновь заговорил Авардан, — слушайте. Как вы встретились с этим Шварцем? Он был вашим пациентом?

— Синапсайфер. Он пришел как доброволец.

— И был подвергнут обработке?

— Да.

Авардан обдумал услышанное.

— Что побудило его прийти к вам?

— Не знаю.

— Но тогда... Может, он работает на Империю?

(Шварц отлично понимал его мысли и внутренне усмехался, но молчал и решил в дальнейшем не говорить ничего.)

Шект покачал головой:

— Работает на Империю? Вы так думаете, потому что это сказал секретарь. Чушь. Да и какое значение это имеет? Он так же беспомощен, как и мы... Слушайте, Авардан, если мы придумаем какую-нибудь убедительную историю, они подождут. Мы могли бы...

Археолог глухо рассмеялся.

— Могли бы остаться в живых? В то время, когда Галактика будет мертва и цивилизация разрушена? Жить? С тем же успехом я могу умереть.

— Я думаю о Поле, — пробормотал Шект.

— Я тоже, — сказал Авардан. — Спросим ее... Пола, мы сдадимся или попытаемся выжить?

Голос Полы был тверд.

— Я выбрала, на чьей я стороне. Я не хочу умирать, но, если моя сторона обречена на смерть, я погибну вместе с ней.

Авардан почувствовал торжество. Когда он заберет ее на Сириус, они будут называть ее землянкой, но она — равная им, и он с огромным удовольствием выбьет зубы любому...

И тут он вспомнил, что вряд ли заберет ее на Сириус, как и кого-либо другого. Да и сам он вряд ли увидит Сириус.

И затем, отбросив мысли об этом, он прокричал:

— Эй, вы! Как вас там! Шварц!

Шварц на мгновение поднял голову и взглянул на обращающегося к нему человека.

Он не сказал ничего.

— Кто вы такой? — продолжал Авардан. — Как вы оказались замешанным во все это? Ваша роль?

При этом вопросе вся несправедливость происшедшего вновь всплыла в сознании Шварца. Вся безобидность его прошлого, весь ужас настоящего ожили в нем, и он в ярости ответил:

— Я? Я — честный человек, упорно трудившийся всю жизнь. Я не приносил вреда никому, никого не беспокоил, заботился о своей семье. — И затем совершенно неожиданно: — Нет, не в Чику! — яростно закричал Шварц. — Я попал в этот сумасшедший мир... Ох, какое мне дело, верите вы или нет?

Мой мир в прошлом. Там была земля и еда, и два миллиарда людей, и это был мой единственный мир.

Авардан молчал, пораженный этой словесной атакой. Он повернулся к Шекту...

— Вы его понимаете?

— А вы знаете, — проговорил Шект, — ведь он имеет аппендикс — трех с половиной дюймов длины. Помнишь, Пола? И зуб мудрости. И волосы на лице.

— Да! Да! — вызывающе прокричал Шварц. — И я хотел бы иметь хвост, чтобы показать его вам. Я из прошлого. Я прошел сквозь время. Только я не знаю, как и почему. А теперь оставьте меня в покое.

Неожиданно он добавил:

— Они скоро придут за нами. Это ожидание предназначено лишь для того, чтобы сломать нас.

— Откуда вы знаете? — поспешно спросил Авардан. — Кто вам сказал?

Шварц молчал.

— Коренастый курносый человек — это секретарь?

Шварц не мог узнать внешне человека, с которым контактировал только мысленно. На мгновение он вспомнил контакт сильного, обладающего совестью человека, который, кажется, был секретарем.

— Балкис? — с любопытством спросил он.

— Что? — переспросил Авардан, но Шект прервал его:

— Так зовут секретаря.

— Ох... Что он сказал?

— Он не сказал ничего, — ответил Шварц. — Я знаю. Это смерть для всех нас, и спасения нет.

Авардан понизил голос.

— Вам не кажется, что он сумасшедший?

— Не знаю... Его череп. Он имеет примитивную форму, очень примитивную.

Авардан был поражен.

— Вы хотите сказать... Нет, это невозможно.

— И я всегда думал так же. — На мгновение голос Шекта стал слабой имитацией нормального тона, как будто наличие научной загадки заставило его забыть о положении, в котором он находился. — Была рассчитана энергия, необходимая для перемещения вдоль временной оси, и был получен результат, превышающий бесконечность, так что идея всегда выглядела

невозможной. Но некоторые говорили о вероятности «временных ошибок», знаете, аналогичных геологическим ошибкам. Например, на глазах исчезали космические корабли. Из древности широко известен случай с Гора Деваллоу, который однажды вошел в свой дом и больше оттуда не вышел, но внутри его тоже не было. В галактографических справочниках последнего столетия была зафиксирована планета, которую посетили три экспедиции и привезли новое ее описание. Затем эта планета исчезла. Кроме того, в ядерной физике существуют определенные открытия, которые опровергают закон сохранения массы, энергии. Это пытаются объяснить переходом некоторой массы вдоль временной оси. Например, урановые ядра в смеси с медью и барием в определенной пропорции при облучении гамма-лучами создают резонансную систему...

— Отец, — проговорила Пола, — хватит! Это бесполезно...

Однако Авардан вмешался голосом, не допускающим возражения:

— Подождите. Дайте мне подумать. Кто может проверить это лучше, чем я? Разрешите мне задать несколько вопросов... Слушайте, Шварц.

Шварц снова поднял на него глаза.

— Ваш мир был единственный в Галактике?

Шварц кивнул и глухо ответил:

— Да.

— Но это вы так считаете. Я хочу сказать, что у вас не было межзвездных путешествий и проверить вы не могли. Могли существовать и другие населенные планеты.

— Этого я не могу знать.

— Да, конечно. Жаль. А как насчет атомной энергии?

— У нас были атомные бомбы. Урановые... и плутониевые... Я думаю, что именно это сделало планету радиоактивной. Должно быть, была еще одна война... Атомные бомбы. — И Шварц мысленно вновь вернулся в Чикаго, в свой старый мир. Ему стало жаль, но не себя, а тот прекрасный мир...

Тем временем Авардан, немного подумав, сказал:

— Хорошо. У вас, конечно, был язык.

— На Земле? Множество языков.

— А ваш?

— Английский.

— Хорошо, скажите что-нибудь на нем.

Уже больше двух месяцев Шварц ничего не говорил по-английски. Он медленно произнес:

— Я хочу вернуться домой, к своему народу.

Авардан обратился к Шекту:

— На этом языке он говорил, когда пришел к вам?

— Трудно сказать, — озадаченно ответил тот. — Странные звуки тогда, и странные звуки сейчас. Как я могу их сравнивать?

— Хорошо, оставим это... Как будет «мать» на вашем языке, Шварц?

Шварц ответил.

— Угу. А отец, один, два, три... дом... человек... и так далее. — Когда Авардан наконец остановился, чтобы перевести дыхание, на лице его было выражение изумления.

— Шект, — сказал он, — или этот человек тот, за кого он себя выдает, или я — жертва самого дикого бреда, который только можно вообразить. Он говорит на языке, практически эквивалентном надписям, найденным в раскопках пятидесятитысячелетней давности, обнаруженных на Сириусе, Арктуре, альфе Центавра и многих других планетах. Он говорит на нем. Язык был расшифрован лишь недавно, и в Галактике найдется не более дюжины человек, кроме меня, способных понять его.

— Вы в этом уверены?

— Уверен ли я? Конечно, уверен. Я — археолог. Знать подобные вещи входит в мою профессию.

На мгновение Шварц почувствовал, что броня его безразличия дала трещину. Впервые он почувствовал возвращение утраченной им индивидуальности. Секрет раскрылся, он был человеком из прошлого, и они поверили в это. Это доказывало, что он в своем уме, уничтожало его гнетущее сомнение, и он обрадовался этому.

— Он был необходим мне, — вновь заговорил Авардан, сгорая в святом огне своей профессии. — Шект, вы не представляете, что это значит для археологии. Шект, это — человек из прошлого. Слушайте, мы можем заключить сделку. Ведь это же доказательство, которое ищет Земля. Они могут его получить. Они могут...

— Я знаю, о чем вы думаете, — иронически прервал его Шварц. — Вы думаете, что благодаря мне Земля может доказать, что она — источник цивилизации и что они все будут благодарны за это. Я говорю вам — нет! Я думал об этом, и я бы променял на это всю жизнь. Но они не поверят ни мне, ни вам.

— Существуют неопровержимые доказательства.

— Они не будут слушать. И знаете почему? Потому что у них есть определенные устоявшиеся идеи относительно прошлого. Любые перемены, даже основанные на правде, будут святотатством в их глазах. Они хотят сохранить свои традиции.

— Я думаю, он прав, Бел, — заметила Пола.

Авардан сжал губы.

— Мы можем попытаться.

— И потерпим неудачу, — продолжал настаивать Шварц.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю. — В его словах было столько убеждения, что Авардан умолк.

В усталых глазах Шекта вдруг появился интерес:

— Вы чувствовали какие-нибудь неприятные эффекты после Синапсайфера?

Шварц не знал этого слова, но понял его значение. Они оперировали, оперировали его мозг. Сколько нового он узнал!

— Нет, — ответил он.

— Но я вижу, вы быстро выучили наш язык. Вы говорите очень хорошо. Это вас не удивляет?

— У меня всегда была отличная память, — холодно проговорил Шварц.

— И вы чувствуете себя таким же, как до операции?

— Именно.

Шект жестко сказал:

— Зачем вы скрываете? Я уверен, что вы знаете, о чем я думаю.

Шварц коротко рассмеялся.

— Что я могу читать мысли? Хорошо, и что дальше?

Но Шект не ответил. Он повернул к Авардану свое бледное беспомощное лицо.

— Он читает мысли, Авардан. Чего бы я мог с ним добиться! И быть здесь... Беспомощным...

— Что?! — с силой выдохнул Авардан.

Даже лицо Полы выражало теперь заинтересованность.

— Вы действительно это можете? — обратилась она к Шварцу.

Он кивнул ей. Она заботилась о нем когда-то, а теперь вот ее ждет смерть. Но ведь она была предателем!

Шект произнес:

— Авардан, вы помните бактериолога, о котором я вам рассказывал, того, который умер после обработки Синапсайфером? Одним из первых симптомов его помешательства было утверждение, что он может читать мысли. И он действительно мог. Я обнаружил это незадолго до его смерти и держал в секрете. Я не рассказывал никому, что это возможно, Авардан, но это возможно. Видите ли, с понижением сопротивления мозговых клеток мозг может обретать возможность улавливать магнитные поля, создаваемые микротоками мыслей других людей, и трансформировать их внутри себя. Здесь тот же принцип, что и у обычного записывающего устройства. Это — телепатия.

Шварц продолжал упорно и враждебно молчать, когда Авардан повернулся к нему.

— Но если это так, Шект, может, мы постараемся его использовать? — Ум археолога напряженно работал, обдумывая невозможное. — Может быть, нам удастся выбраться отсюда. Должен быть способ.

Но Шварц холодно воспринимал трепетание мысленных контактов, которое так ясно ощущал.

— Вы имеете в виду чтение их мыслей, — проговорил он. — Чем это может помочь? Я способен и на большее. Например, как вам понравится это?

Авардан почувствовал легкий толчок и вскрикнул от неожиданной боли.

— Это сделал я, — сказал Шварц. — Хотите еще?

— Вы можете проделать это с охранниками? — выговорил Авардан. — С секретарем? Как вы дали им привести себя сюда? Великая Галактика! Шект, у нас не будет никаких проблем. Теперь слушайте, Шварц...

— Нет, — сказал Шварц, — вы слушайте. Зачем мне убегать отсюда? Куда я попаду? По-прежнему в этот мертвый мир. Я хочу вернуться домой и не могу это сделать. И я хочу умереть.

— Но это вопрос жизни всей Галактики, Шварц. Вы не можете думать о себе.

— Не могу? А почему бы и нет? Какое мне дело до вашей Галактики? Пусть проваливается ко всем чертям! Я знаю, что

намеревается сделать Земля, и рад этому. Недавно эта леди сказала, что решила, на чьей она стороне. Что ж, это решил и я, и моя сторона — Земля!

— Что?

— Почему бы и нет? Я — землянин.

Глава 17

ИЗМЕНИ РЕШЕНИЕ!

А потом опять был очередной допрос...

Прошел час с того времени, как Авардан, очнувшись, почувствовал, что лежит беспомощный, как мясная туша в ожидании разделки. И ничего не произошло. Ничего, кроме этой горячечной бесполезной болтовни в невыносимом ожидании.

Ослабевший, Авардан боялся, что у него не хватит сил сопротивляться следователю. Он сказал:

— Я думаю, за нами следят. Мы должны поменьше говорить.

— Нет, — послышался ровный голос Шварца. — Никто нас не подслушивает.

Археолог готов был автоматически отреагировать своим «откуда вы знаете», но промолчал. Он остро позавидовал, что не у него такая сила! А у человека из прошлого, который называет себя землянином и хочет умереть, есть такая сила!

В поле его зрения попадал лишь кусок потолка. Повернувшись, он мог видеть неправильный профиль Шекта, с другой стороны — голую стену. Подняв голову, он смотрел на бледное лицо Полы.

Иногда его жгла мысль, что с ним, гражданином Империи, Галактики, так несправедливо обошлись земляне, и он позволил им это сделать.

Но и она исчезла.

— Бел? — Слово прозвучало неожиданно приятно для него, прервав мысли о смерти.

— Да, Пола?

— Я думаю, они не будут тянуть особенно долго.

— Может быть, дорогая... Как жаль. Ведь мы потеряли два месяца.

— Это моя вина, — прошептала она. — Моя вина. Но у нас

есть, по крайней мере, эти последние минуты. Мы должны их использовать.

Авардан не смог ответить. Мысли вихрем проносились в его голове. Было ли это лишь плодом его воображения или он действительно чувствовал твердый пластик, на котором лежало его безжизненное тело? Как долго длится паралич?

Необходимо убедить Шварца помочь. Он попробовал проконтролировать свои мысли, заранее зная, что это невозможно.

— Шварц, — позвал он...

Шварц лежал такой же беспомощный, как и остальные, но его мучения были гораздо глубже. В нем одном была сконцентрирована боль его спутников.

В самом себе он еще мог поддерживать это сжимающее душу стремление к смерти, к ее бесконечному спокойствию и умиротворенности, побеждать последние капли любви к жизни, которая так недавно, всего два дня назад, заставила его бежать с фермы. Но окруженный другими? С гнетущим страхом смерти, как саван нависшим над Шектом, с досадой и непреодолимым желанием действия в энергичном уме Авардана, с глубоким и отчаянным разочарованием девушки?

Он должен закрыть свое сознание от страданий других! У него есть своя жизнь и своя смерть. Какое ему до них дело?

И тут Авардан позвал его. Шварц уже знал зачем. Они хотят, чтобы он их спас. Почему он должен это делать? Почему?

— Шварц, — вкрадчиво повторил Авардан, — вы могли бы стать героем. Вам не из-за чего умирать здесь, не из-за этих же людей, которые схватили вас.

Но Шварц лихорадочно перебирал в памяти воспоминания своей юности, стараясь заполнить ими колеблющийся ум. Странная смесь событий из прошлого и настоящего вызывала у него раздражение. Он сказал сдержанно:

— Да, я могу стать героем и... предателем. Эти люди хотят убить меня. Вы называете их людьми, но это произносит ваш язык, мысленно же вы их называете чем-то, чего я понять не могу, но это нечто отвратительное. И только потому, что они земляне.

— Это ложь, — горячо возразил Авардан.

— Это не ложь, — последовал такой же горячий ответ, — и все знают это. Они хотят убить меня, да, но только потому,

что считают меня одним из людей вашего сорта, людей, которые обрекли целую планету на беспросветное существование, на унижение несносным высокомерием. Так защищайтесь сами от этих «ничтожеств и паразитов», которым неожиданно удалось создать угрозу для своих богоподобных повелителей. И не просите помощи у одного из них.

— Вы говорите, как Зелот, — пораженно произнес Авардан. — Почему? Вам причиняли страдания? Вы говорите, что жили на большой и независимой планете. Вы были землянином, когда Земля была единственной носительницей жизни. Вы — один из нас, один из правителей. Зачем же отождествлять себя с отчаявшимся меньшинством? Это не та планета, которую вы помните. Моя планета гораздо больше напоминает старую Землю, чем этот умирающий мир.

Шварц рассмеялся.

— Я — один из правителей, говорите? Что же, не будем спорить об этом. Это бессмысленно. Поговорим вместо этого о вас. Вы — прекрасный образец того, что присылает нам Галактика. Вы снисходительны и поразительно добросердечны. Вы восхищаетесь собой, потому что обращаетесь с доктором Шектом как с равным. Но подсознательно, я с трудом различаю это, вы чувствуете себя неловко в его обществе. Вам не нравится, как он говорит и как он выглядит. Вообще, он не нравится вам. Вам не нравится то, что он предает Землю... Да, недавно вы целовали девушку с Земли и теперь смотрите на это как на слабость. Вы стыдитесь этого...

— Клянусь звездами, нет... Пола, — отчаянно воскликнул Авардан, — не верь ему. Не слушай его.

— Не отрицай этого, — мягко проговорила Пола. — Он смотрит под поверхность того, что осталось в тебе еще с детства, Бел. Он увидел бы то же самое и у меня. Он увидел бы подобное, загляни он в свое сознание.

Шварц почувствовал, что краснеет.

Голос Полы остался таким же ровным, когда она обратилась непосредственно к нему:

— Шварц, раз вы можете читать мысли, загляните в мои. Скажите, замышляла ли я предательство. Узнайте мысли моего отца. Скажите, разве не правда то, что он легко мог бы избежать Шестидесяти, согласись он сотрудничать с сумасшедшими, замыслившими уничтожить Галактику. Чего он достиг своим предательством?.. И посмотрите еще, желает ли кто-ли-

бо из нас вреда Земле или землянам. Вы сказали, что чувствовали ум Балкиса. Я не знаю, насколько вам удалось его рассмотреть. Но когда он вернется, тогда будет слишком поздно — узнайте его мысли. Поймите, что он — сумасшедший... А потом — умрите!

Шварц молчал.

— Хорошо, Шварц, — поспешно вмешался Авардан, — загляните теперь в мое сознание, как хотите глубоко. Я родился на Беронне, в секторе Сириуса. Я прожил жизнь в атмосфере антиземных настроений и, конечно, ничего не могу поделать со своим подсознанием. Но загляните в сознание и скажите, разве не поборол я эти предрассудки в зрелые годы? Не в других, что было бы легко, а в себе, прилагая к этому все усилия.

Шварц, вы же не знаете нашей истории! Вы не знаете о тысячах, десятках тысяч лет, в течение которых человек расселялся по Галактике, о войнах и страданиях людей. Вы не знаете о первых веках Империи, с их сменяющими друг друга беспорядками, деспотизмом и хаосом. Ведь всего двести лет, как Галактическое правительство обрело действительную власть. Под его управлением все планеты получили культурную автономию, право самим решать свои дела, участвовать в общем управлении.

Никогда в истории человечество не было так свободно от войн и нищеты, как сейчас, никогда экономика не управлялась так разумно, никогда перспективы на будущее не были столь яркими. И вы согласитесь разрушить это и начать все сначала? И ради чего? Ради деспотизма, несущего лишь подозрительность и ненависть.

Обида Земли справедлива, и когда-нибудь с этим будет покончено, если Галактика выживет. Но то, что намереваются сделать они, — не решение. Вы знаете, что они хотят сделать?

Если бы Авардан обладал способностями, появившимися у Шварца, он отчетливо почувствовал бы борьбу в его сознании. Тем не менее он инстинктивно понял, что пришло время сделать передышку.

Шварц был тронут. Все эти планеты обречь на смерть... На мучения и гибель от ужасной болезни... Наконец, был ли он землянином? Просто землянином? В молодости он покинул Европу и отправился в Америку, но не остался ли он тем же человеком, несмотря на это? И если после него люди покинули больную и израненную Землю и отправились в заоблачные

миры, стали ли они в меньшей степени землянами? И принадлежала ли им вся Галактика? Разве не были они все потомками его и братьями?

— Хорошо, — с трудом выговорил он. — Я с вами. Чем я могу помочь?

— Как далеко может проникнуть ваше сознание? — нетерпеливо спросил Авардан, как будто боясь, что этот человек передумает вновь.

— Не знаю. За дверью кто-то есть. Наверное, охрана, я думаю, что смогу достичь даже улицы, но чем дальше, тем менее отчетливым становится контакт.

— Естественно, — сказал Авардан. — А что с секретарем? Можете вы его найти?

— Не знаю, — пробормотал Шварц.

Пауза... Минуты тянулись невыносимо.

— Ваши мысли мне мешают, — проговорил Шварц. — Не смотрите на меня. Думайте о чем-то другом.

Они попытались. Еще одна пауза. Потом:

— Нет, я не могу, я не могу.

— Я могу двигаться чуть-чуть, — с робостью воскликнул Авардан. — Великая Галактика, я могу пошевелить ногой... Ох! — Каждое движение было таким неуклюжим.

— Как сильно вы можете травмировать человека, Шварц? — спросил он. — Я имею в виду, можете ли вы проделать это сильнее, чем только что со мной?

— Я убил человека.

— Убили? Как вы это сделали?

— Не знаю. Это получилось само собой. Это... Это... — Шварц выглядел комически в своей попытке выразить невыразимое.

— Хорошо, а можете вы справиться сразу больше чем с одним противником?

— Я не пробовал, но думаю, что нет. Я не могу читать мысли двух людей одновременно.

— Он не может убить секретаря, Бел, — вмешалась Пола. — Ничего не получится.

— Почему?

— Как мы выберемся отсюда? Даже если мы застанем секретаря одного и убьем его, сотни людей будут ждать нас снаружи. Ты об этом подумал?

Однако ее прервал хриплый голос Шварца.

— Я нашел его.

— Кого? — воскликнули все трое. Даже Шект напряженно вглядывался в него.

— Секретаря. Кажется, это его мысленный контакт.

— Держите его. — Авардану удалось повернуться на бок за время своих попыток убедить Шварца, и сейчас он рухнул с плиты, ударился о пол и тщетно пытался подняться, опираясь на свои полупарализованные ноги.

— Выжмите его, Шварц. Выдавите столько информации, сколько возможно.

Шварц напрягся до головокружения. Он сжимал и отпускал щупальца своего мозга, вслепую, неуклюже, как младенец, вытягивающий неуверенные руки за предметом, которого не может достать. Пока наконец он не достал то, что смог найти, и теперь смотрел... смотрел...

С трудом, напрягшись, он произнес:

— Триумф! Он уверен в успехе... Что-то насчет космических ракет. Он отправил их... Нет, не отправил. Он собирается их отправить.

— Это автоматически управляемые снаряды, несущие вирус, — простонал Шект. — Они направлены на разные планеты.

— Но где они хранятся, Шварц? — настаивал Авардан. — Ищите, ищите...

— Здание... Я не все понимаю... Пять концов — звезда — название — Слу — кажется...

— Это оно, — вновь вмешался Шект. — Клянусь всеми звездами, это оно. Храм в Сенлу. Он со всех сторон окружен радиоактивными ловушками. Никто, кроме Старейших, не может туда войти. Это возле пересечения двух больших рек, Шварц?

— Не могу... Да-да-да.

— Когда, Шварц, когда? Когда они будут отправлены?

— Я не мог разобрать день, но скоро, скоро. Его ум переполнен этим... Очень скоро. — Он, казалось, изнемогал от усилия.

Авардан наконец с трудом, пошатываясь, оперся на руки и колени.

— Он идет сюда?

— Да. Он возле двери.

Дверь открылась.

Голос Балкиса был исполнен холодного торжества:

— Доктор Авардан! Не лучше ли вам вернуться на свое место?

Авардан взглянул на него, полностью сознавая нелепость своего положения, однако ответить было нечего, и он молчал. Он медленно опустился на пол и остался в этом положении, тяжело дыша. Ах, как ему хотелось броситься на Балкиса и выхватить оружие у противника...

Со светящегося мягким светом флексипластового пояса секретаря, слегка покачиваясь, свисала не нейроплеть. Это был настоящий бластер крупного калибра, способный мгновенно разнести человека на атомы.

Секретарь разглядывал лежащую перед ним четверку со злобным удовлетворением. Он делал вид, что не обращает внимания на девушку, но с остальными было все ясно. Здесь был предатель — землянин, агент Империи и таинственное существо, за которым они следили два месяца. Были ли у них сообщники?

Конечно, существовал еще Энус и Империя. В лице этих шпионов и предателей были отсечены их руки, но где-то еще оставался действующий мозг, который мог выслать новые руки.

Секретарь стоял в непринужденной позе, скрестив руки на груди, презрительно игнорируя возможность нападения на него. Голос его был спокоен и мягок.

— Необходимо внести в наши отношения ясность. Земля находится в состоянии войны с Галактикой, пока еще не объявленной, но тем не менее войны. Вы — наши узники, и с вами будут обращаться соответственно сложившейся ситуации. Принятая кара для шпионов и предателей — смерть...

— Только в случае официально объявленной войны, — яростно прервал его Авардан.

— Официальной войны? — переспросил секретарь с почти нескрываемой насмешкой. — Что такое официальная война? Земля всегда находилась в состоянии войны с Галактикой, независимо от того, объявили мы об этом или нет.

— Не спорь с ним, — проговорила Пола, обращаясь к Авардану. — Пусть скажет то, что хочет, и покончим с этим.

Авардан улыбнулся ей. Это была странная судорожная улыбка, потому что в то же время он, совершив неимоверное усилие, поднялся на ноги и остался стоять, тяжело дыша.

Балкис тихо засмеялся. Он не спеша приблизился к археологу, так же не спеша положил ему руку на грудь и толкнул.

С безвольно повисшими, неслушающимися руками, с застывшими мышцами туловища, которые не могли поддерживать равновесие тела, Авардан не устоял на ногах.

Пола, затаив дыхание и борясь с собственным неподчиняющимся телом, начала медленно спускаться со скамьи.

Балкис отбросил ее к Авардану.

— Влюбленные, — презрительно проговорил он. — Вот он, твой сильный чужак. Беги к нему! Что же ты медлишь? Обними своего героя и забудь в его объятиях, что на нем кровь и пот миллионов замученных землян. И вот он лежит здесь, доблестный и смелый, повергнутый на Землю легким прикосновением рук землянина.

Пола поднялась на колени рядом с лежащим Аварданом, ощупывая его голову, боясь увидеть кровь или что-либо более ужасное. Глаза Авардана медленно открылись, а губы прошептали:

— Все в порядке.

— Он трус! — сказала Пола. — Он сражается с парализованным человеком и хвастается победой. Поверь, таких землян немного.

— Я знаю, иначе ты не была бы землянкой.

Секретарь стоял не шевелясь.

— Как я уже сказал, вы обречены, но тем не менее ваша жизнь может быть выкуплена. Вас интересует цена?

— Будь вы на нашем месте, вас бы это интересовало. Это я знаю, — вызывающе бросила Пола.

— Тсс, Пола, — Авардан все еще не восстановил дыхания. — Что вы предлагаете?

— О, — произнес Балкис, — вы желаете себя продать? Так, как это бы сделал на вашем месте я? Я — ничтожный землянин?

— Вам виднее, кто вы такой, — парировал Авардан.

— Что касается остального, я не продаю себя, я покупаю ее.

— Я отказываюсь быть проданной, — заявила Пола.

— Как трогательно, — раздраженно сказал секретарь. — Он снизошел до наших женщин, наших скво, и все еще играет в жертвенность.

— Что вы предлагаете? — повторил свой вопрос Авардан.

— Следующее. Вам стало известно что-то о наших планах. Откуда это узнал доктор Шект, догадаться нетрудно, но как это дошло до Империи — непонятно. Поэтому мы хотели бы узнать, что известно Империи. Не то, что узнали вы, Авардан, а то, что знает Империя.

— Я — археолог, а не шпион, — отрезал Авардан. — Я понятия не имею, что известно Империи, но надеюсь, что немало.

— Так я и думал. Что же, вы сможете переменить свое мнение. Это касается всех вас.

Все это время Шварц молчал, не открывая глаз.

Секретарь подождал, после чего с некоторой злостью произнес:

— Тогда я скажу, что будет наградой вашей несговорчивости. Это будет не просто смерть, потому что я абсолютно уверен, что все вы готовы к этому неприятному и неизбежному варианту. Вас, доктор Шект, и вашу дочь при сложившихся обстоятельствах наиболее подходящим решением будет отослать на Синапсайфер. Вы меня понимаете, доктор Шект?

В глазах физика застыл смертельный ужас.

— Да, вижу, что понимаете, — продолжал Балкис. — Конечно, с помощью Синапсайфера можно повредить мозговую ткань настолько, что человек превратится в полного дебила. Это весьма отвратительное зрелище: человека нужно кормить, чтобы он не умер от голода, мыть, чтобы он не покрылся слоем грязи, держать взаперти, чтобы не пугать окружающих. Это может стать хорошим уроком для других. Что касается вас, — и секретарь повернулся к Авардану, — вы с вашим другом Шварцем — граждане Империи, и поэтому подходите для интересного эксперимента. Нам еще не довелось испытать созданный нами вирус на вас, подонках из Галактики. Будет интересно убедиться в правильности наших расчетов. Знаете, такая небольшая доза, что смерть придет не сразу. Болезнь будет съедать вас в течение недели, если мы правильно рассчитаем дозу. Это будет очень больно.

Он сделал паузу и посмотрел на них.

— Все это, — проговорил он, — альтернатива нескольких нужных слов, сказанных сейчас. Что известно Империи? Действуют ли сейчас другие агенты? Каковы их планы, если такие есть, принятия контрмер?

— Как мы можем быть уверены, что вы не убьете нас, даже если узнаете все, что хотите? — пробормотал Шект.

— Даю слово, что в случае отказа вы умрете страшной смертью. Так что придется пользоваться предлагаемой возможностью. Что скажете?

— У нас есть время?

— А разве я не давал вам времени? Три минуты прошли с того момента, как я вошел, а я все еще вас слушаю... Так вам

есть что сказать? Что, нечего? Вы должны понять, что время невозможно растягивать до бесконечности. Авардан, вы все еще напрягаете мускулы. Вы, наверное, думаете, что сможете приблизиться ко мне, прежде чем я возьму в руки бластер. Ну, и что бы это вам дало? За дверями сотни людей, а мои планы будут реализованы и без моего участия. Даже назначенное мною наказание не минует вас. Или вы, Шварц. Вы убили нашего человека. Это сделали вы, не так ли? Может быть, вы думаете, что удастся убить и меня?

Шварц впервые посмотрел на Балкиса и холодно сказал:

— Я мог бы, но этого не сделаю.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Ничуть. Это очень жестоко с моей стороны. Вы сами сказали, что есть вещи хуже, чем простая смерть.

Авардану пришла в голову мысль, что Шварц что-то задумал.

Глава 18

ДУЭЛЬ

Шварц испытывал странное, лихорадочное возбуждение; все, задуманное им, казалось так просто. Частью сознания он держал ситуацию под контролем. Другая часть не могла в это поверить. Он был позже других введен в состояние паралича. Даже Шект уже сидел, в то время как он мог лишь слегка поднять руку.

И, пристально глядя в исполненный враждебности ум секретаря, бесконечно грязный и бесконечно злобный, Шварц начал дуэль.

— Первоначально я был на вашей стороне, — сказал он, — несмотря на то, что вы намеревались меня убить. Мне казалось, что я понимаю ваши чувства и намерения... Но сознания этих трех людей относительно чисты, в то время как ваше — вне всяких сомнений. Вы сражаетесь даже не ради землян, а ради собственной власти. Я вижу, что вы мечтаете не о свободной, а о вновь порабощенной Земле. Я вижу не уничтожение власти Империи, а замену ее личной диктатурой.

— И все это вы видите? — произнес Балкис. — Что ж, вы можете видеть все, что вам угодно. В конце концов, мне не настолько нужна эта информация, чтобы терпеть вашу наглость. Вы своего дождались. Удивительно, что может сделать давление

даже с теми, кто клянется, что большая скорость невозможна. Вы не заметили этого, мой драматический чтец мыслей?

— Нет, — ответил Шварц. — Я не искал и поэтому не заметил этого... Но я не могу узнать это сейчас. Два дня... Меньше... Посмотрим... Вторник... Шесть часов утра... Время Чики.

Бластер наконец оказался в руке секретаря. Он быстро подскочил к беспомощно лежавшему Шварцу.

— Откуда вы это знаете?

Шварц замер, вытягивая и сжимая свои мысленные щупальца. Физически это отразилось лишь в напрягшихся мышцах лица и морщинах на лбу, но все это не имело никакого значения, просто второстепенные эффекты значительного усилия. То, что охватило и сжало мысленный контакт противника, находилось глубоко в его сознании.

Авардан с интересом наблюдал разыгравшуюся сцену.

— Я держу его... — задыхаясь, прошептал Шварц. — Заберите у него оружие. Я не могу удержать... — Шепот перешел в хрип и замер.

И тут Авардан понял. Шатаясь, он поднялся на четвереньки. Затем медленно, с невероятным напряжением заставил себя принять устойчивое положение, выпрямиться. Пола неудачно попыталась подняться вслед за ним. Шект спустился с плиты и стал на колени. Шварц лежал неподвижно, с напряженным лицом.

Секретарь, казалось, словно был поражен взглядом медузы Горгоны. На его гладком, лишенном морщин лбу медленно выступил пот, а лицо было бесстрастно. Только правая рука, державшая бластер, проявляла признаки жизни. Присмотревшись, можно было заметить ее слабую дрожь, странное, колеблющееся давление на спусковую кнопку: легкое, недостаточное, чтобы причинить вред, но повторяющееся, повторяющееся.

— Держите его, — со злорадным наслаждением выговорил Авардан. Он пытался подняться. — Дайте мне до него добраться.

Его ноги дрожали. Ему казалось, что он как в кошмаре пробирается сквозь патоку, плывет в смоле, заставляя работать неслушающиеся мускулы, так медленно, так медленно...

Он еще не понимал разыгравшегося перед ним отчаянного противоборства.

У секретаря была лишь одна цель — приложить ничтожное

усилие и нажать пальцем на кнопку бластера, чтобы привести его в действие.

Шварц всеми своими силами старался не допустить этого. Но среди всей массы ощущений мысленного контакта противника он не мог понять, какая именно зона мозга непосредственно связана с этим пальцем. Поэтому его усилия были направлены на создание полного оцепенения...

Мысленный контакт секретаря яростно сопротивлялся чужой воле. Шварцу противостоял сообразительный и бесстрашный ум. На мгновение он замирал, ожидая, а затем предпринимал новую отчаянную попытку...

Шварцу казалось, что он сжимает борющегося, яростно вырывающегося противника, которого должен удержать любой ценой.

Но ничего этого не было заметно. Только нервное подергивание скулы Шварца, его дрожь, закушенные до крови губы и эти едва заметные движения пальца Балкиса...

Авардан остановился, чтобы передохнуть. Его вытянутый палец уже коснулся накидки секретаря, когда он почувствовал, что больше двигаться не может. Пораженные болью легкие не могли обеспечить воздухом омертвевшие конечности. На глазах от усилия выступили слезы, сознание был затуманено болью.

— Еще немного, Шварц, — задыхаясь, выговорил он. — Держите его, держите...

Медленно, очень медленно Шварц покачал головой.

— Я не могу, я не могу...

И действительно, весь мир ускользал от него, все перемешивалось, становилось тусклым и расплывчатым. Щупальца его сознания становились жесткими и непослушными.

Палец секретаря еще раз нажал на спуск и не отошел назад. Он надавливал все сильнее.

Шварц почувствовал, как расширяются, выходят из орбит его глаза, как бешено колотится сердце. Он ощущал растущее торжество в глазах противника...

И тут Авардан рванулся вперед. Его непослушное тело с вытянутыми руками рухнуло на Балкиса.

Скованный чужой волей, секретарь упал вместе с ним. Бластер отлетел в сторону, со стуком упал на пол.

Почти в то же мгновение ум Балкиса обрел свободу. Шварц, чувствуя полнейшее смятение в сознании, отступил.

Балкис пытался выбраться из-под Авардана, придавившего его мертвым грузом. Коленом он резко толкнул противника в пах, вкладывая в удар всю свою ненависть, кулаком ударил Авардана в челюсть. Приподнявшись, он оттолкнул его.

Тяжело дыша, секретарь вскочил на ноги и замер вновь. На него в упор смотрел Шект. Его трясущаяся правая рука, поддерживаемая левой, сжимала бластер, направленный на секретаря.

— Вы, кучка глупцов, — со злостью крикнул секретарь, — чего вы добиваетесь? Стоит мне только позвать...

— И вы тотчас же умрете, — тихо сказал Шект.

— Убив меня, вы ничего не достигнете, — жестко проговорил Балкис, — и вы знаете это. Вы не спасете Империю, из-за которой предали нас, вы не спасете даже себя. Отдайте мне оружие, и вы будете свободны.

Он протянул руку, но Шект лишь невесело рассмеялся.

— Я не настолько глуп, чтобы поверить в это.

— Может быть, но вы полупарализованы. — И секретарь сделал резкое движение вправо. Это у него получилось гораздо быстрее, чем слабая рука физика смогла повернуть бластер.

И теперь ум Балкиса был полностью сосредоточен на том, чтобы ускользнуть от бластера. Тем временем Шварц сконцентрировал свои силы для последнего удара, после которого секретарь, споткнувшись, рухнул на землю.

Авардан с трудом поднялся на ноги.

— Шварц, вы можете двигаться? — спросил он.

— Немного, — послышался усталый ответ.

Шварц соскользнул со своего ложа.

— Кто-нибудь приближается сюда?

— Я не чувствую никого.

Авардан склонился над распростертым Балкисом и грубо перевернул его на спину. Он попытался нащупать пульс, после чего положил руку на грудь лежащего.

— Сердце, по крайней мере, стучит... Вы обладаете страшной силой, Шварц. Почему вы не сделали этого раньше?

— Я пытался дольше удержать его в состоянии оцепенения. Я надеялся, что мы сможем заставить его вывести нас отсюда, используя его при этом как прикрытие.

— Мы можем и сейчас это сделать, — неожиданно оживившись, проговорил Шект. — Отсюда всего полмили до импер-

ского гарнизона. Добравшись туда, мы будем в безопасности и сможем связаться с Энусом.

— Как мы туда доберемся, если за дверями сотни вооруженных людей, не говоря уже о дальнейшем пути... А как мы будем передвигаться с этим зеленым манекеном? — Авардан невесело улыбнулся.

— И, кроме того, — мрачно добавил Шварц, — я не могу удерживать его долго. Вы же видели...

— Это с непривычки, — серьезно сказал Шект. — Теперь слушайте, Шварц. Я немного представляю то, как вы действуете. Ваше сознание превращается в приемную установку электромагнитного поля чужого ума. Я думаю, что вы можете создавать и свое поле. Вы меня понимаете?

Шварц болезненно скривился, чувствуя себя неуверенно.

— Поймите меня, — настаивал Шект. — Вы должны сосредоточиться на том, что вы от него хотите. Прежде всего, мы вернем ему бластер.

— Что?! — почти одновременно прозвучали три изумленных голоса.

Шект заговорил громче.

— Он должен вывести нас отсюда. Другого выхода у нас нет, не так ли? И как лучше устранить всяческие подозрения, чем позволив ему нести оружие?

— Но я же говорю, что не могу удержать его. — Шварц сгибал и разгибал руки, пытаясь восстановить подвижность тела. — Что мне ваши теории, доктор Шект! Вы просто не представляете, что это такое.

— Я вас понимаю, но мы должны использовать эту возможность. Попытайтесь еще раз, Шварц. Заставьте его пошевелить рукой, когда он придет в себя.

Секретарь застонал, и Шварц почувствовал возвращающийся мысленный контакт. Молча, испытывая чуть ли не страх, он дал ему набрать силу и затем мысленно стал подчинять своей воле.

У секретаря поднялась рука. Зловеще улыбаясь, землянин из прошлого поднял глаза, но взгляды всех были сосредоточены только на лежащем с приподнятой головой Балкисе, на его глазах, в которые возвращалось сознание, а рука совершала странные и нелепые движения.

Шварц принялся за дело.

Секретарь неуклюже, чуть не потеряв равновесие, поднялся. И затем, скованный чужой волей, начал неестественно танцевать.

В танце не было ни ритма, ни красоты, и на всех он произвел жуткое впечатление.

Шект осторожно приблизился к роботоподобному секретарю и не без колебания протянул руку, в которой рукояткой вперед лежал бластер.

— Помогите ему взять оружие, Шварц, — проговорил физик.

Рука Балкиса неуклюже вытянулась вперед и неуверенно взяла оружие. На мгновение в его глазах появился и тут же погас торжествующий блеск. Очень медленно бластер занял свое место на поясе, и рука отошла в сторону.

Язвительная улыбка озарила лицо Шварца.

— Он почти в моих руках!

— Отлично. Вы можете его удержать? — спросил Шект.

— Он дьявольски сопротивляется. Однако удерживать его мне легче, чем в прошлый раз.

— Это потому, что вы знаете, что делаете, — сказал Шект не совсем уверенно. — Теперь действуйте.

— Вы можете заставить его говорить? — вмешался Авардан.

Последовала пауза, затем секретарь издал тихое протяжное рычание. Еще одна пауза, и вновь рычание.

— Это все, — с сожалением произнес Шварц.

— Но почему ему это не удается? — обеспокоенно спросила Пола.

Шект пожал плечами.

— Тут действуют сложные и чувствительные мышцы. Это не то, что воздействие на грубые мускулы конечностей. Ничего, Шварц. Мы обойдемся и без этого.

Следующие два часа этой странной одиссеи каждый из них пережил по-своему.

Шект, например, обрел необычную твердость. Все его внутренние переживания заслонил страх за Шварца. Его глаза следили лишь за его нахмуренным, искаженным усилием лицом. Других он почти не замечал.

Охранники, стоящие за дверью, резко вытянулись, увидев секретаря, зеленая накидка которого символизировала высокое положение и власть. Секретарь неуверенно ответил на приветствие и в компании Шекта, Шварца, Авардана и Полы проследовал дальше.

Лишь когда они миновали большой зал, Авардан осознал

все безумие происходящего и то, что все они были на грани смерти... И вдруг — это внезапное, чудесное спасение...

Он взглянул с нежностью на Полу и понял, что более желанного существа он еще не встречал.

Впоследствии он помнил только о ней. Лишь о ней...

Шварц изнемогал. Извивающаяся дорога, начинающаяся у боковых дверей, через которые они вышли, была пуста, и он был невыразимо рад этому.

Только Шварц полностью осознавал, что ждет их в случае неудачи. В подчиненном ему сознании противника он чувствовал невыносимое унижение, всепоглощающую ненависть, готовность на все. Ему пришлось искать в этом сознании местоположение правительственной наземной машины, путь к ней... И в поисках этого он также ощутил решимость секретаря отомстить немедленно, если возникнет возможность спастись.

Когда они приблизились к автомобилю, Шварц с трудом заговорил. Он не смел расслабиться достаточно, чтобы быть способным на нормальную речь.

— Не могу... вести машину.. заставить... его... управлять сложно... не могу...

Шект мягко пробормотал что-то успокаивающее. Он не смел прикоснуться к нему, не смел говорить, как обычно, не смел даже на секунду отвлечь внимание Шварца.

— Только посадите его на заднее сиденье, Шварц, — прошептал он. — Я буду управлять. Я умею. Держите его, я заберу бластер.

У секретаря была специальная модель наземного автомобиля. А раз специальная, значит, отличная от других. Она привлекала внимание. Ее включенные фары напоминали изумрудные вспышки пульсирующего света. Люди останавливались, глядя ей вслед, а автомобили поспешно уступали дорогу.

Если бы эта примечательная машина мчалась не так быстро, случайный прохожий мог бы заметить бледного напуганного секретаря на заднем сиденье. И это, быть может, показалось бы ему подозрительным.

Солдат преградил им дорогу, закрыв блестящие хромированные ворота, ошеломляющее величие которых было присуще всем строениям Империи и создавало резкий контраст с приземистой и неуклюжей архитектурой Земли. Громадное

силовое ружье стража было угрожающе поднято, машина остановилась.

Авардан выглянул:

— Я — гражданин Империи, солдат. Я хочу говорить с вашим офицером.

— Мне необходимо видеть ваши документы, сэр.

— Их у меня забрали. Я — Бел Авардан с Бернонна. Это сектор Сириуса. Мое дело касается Наместника, и я спешу.

Солдат поднес ко рту руку и тихо сказал что-то в микрофон, спрятанный на запястье. Некоторое время он ждал ответа, после чего опустил ружье и отошел в сторону. Ворота медленно открылись.

Глава 19

У РОКОВОЙ ЧЕРТЫ

В полдень находящийся в Вашене премьер-министр попытался по персональному каналу связаться со своим секретарем, но того не смогли нигде найти. Премьер-министр был раздражен, младшие чиновники Зала исправлений находились в смятении.

Охранники на все вопросы с уверенностью заявили, что секретарь вместе с пленными вышел в десять тридцать утра... Нет, он не оставил никаких указаний. Они не знают, куда он направлялся, конечно же, не их дело спрашивать об этом. Общее беспокойство и неуверенность усилились.

В два часа дня пришло первое сообщение, что машину секретаря видели утром, никто не заметил, был ли в ней секретарь, некоторым показалось, что он управлял машиной, но в этом никто не был уверен.

В два тридцать было точно установлено, что автомобиль въехал в расположение гарнизона Империи.

Около трех было окончательно решено связаться с гарнизоном. На вызов ответил лейтенант.

Они узнали, что пока невозможно дать информацию по интересующему вопросу. Однако офицеры его высочества Императора проследят за соблюдением законности. Затем было высказано требование, чтобы известие об отсутствии члена

Совета Старейших не получало широкой огласки без дальнейших консультаций.

Но этого было достаточно, чтобы вызвать эффект, прямо противоположный желаемому.

Вовлеченные в заговор люди решили, что секретарь — в руках противника (за сорок восемь часов до начала действия!), а это означает либо раскрытие заговора, либо предательство Балкиса.

Население Чики заволновалось...

И решение было принято...

Профессиональные ораторы вышли на улицы. Тайные склады с боеприпасами были открыты, и оружие появилось в руках людей. Потоки людей направились к гарнизону, куда вскоре было отправлено новое послание, на этот раз через специального посла.

Тем временем в гарнизоне тоже было неспокойно. Все началось с того, что встретивший машину молодой офицер протянул руку за бластером секретаря.

— Я заберу это, — коротко сказал он.

— Отдайте ему, Шварц, — проговорил Шект.

Когда бластер был унесен, Шварц со вздохом облегчения отпустил Балкиса.

Авардан был готов к попытке секретаря освободиться. Когда Балкис, как разжатая сильная пружина, рванулся из машины, археолог навалился на него, ожесточенно работая кулаками.

Офицер резко дал команду, и к ним бросились солдаты. Авардана грубо оттащили в сторону, секретарь остался безмолвно лежать на сиденье. Из угла рта у него сочилась кровь. Разбитая щека Авардана тоже кровоточила.

Археолог поправил волосы, после чего твердо произнес:

— Я обвиняю этого человека в заговоре с целью свержения правительства Империи. Я должен немедленно поговорить со старшим офицером.

— Я доложу ему, — вежливо сказал офицер. — Предлагаю всем вам следовать за мной.

И на несколько часов все замерло. Шекта, Полу, Авардана и Шварца поместили в отдельную и довольно чистую комнату. Впервые за двенадцать часов они смогли поесть.

И все же комнату охраняли, и с течением времени Авардан начал терять терпение и воскликнул:

— Мы же просто сменили тюрьму!

Серая армейская жизнь текла своим чередом. О них, казалось, забыли. Шварц уснул, да и у Авардана глаза слипались. Шект время от времени тряс головой, чтобы не уснуть.

— Осталось всего девять часов.

— Я знаю, но нужно ждать.

— Кто из вас утверждает, что он — гражданин Империи? — послышался иронический голос.

Авардан вскочил на ноги:

— Я...

И голос его замер, когда он узнал говорившего. Лейтенант жестко усмехнулся. Его левая рука все еще была несколько скована. И напоминала Авардану об их последней встрече.

— Бел, этот офицер... тогда в магазине... — слабо прошептала Пола.

— Тот, которому он сломал руку, — резко добавил офицер. — Меня зовут Клавдий, да, я действительно тот самый человек. Итак, вы с Сириуса, не так ли? И все же вы связались с этими... До чего может опуститься человек! И девчонка по-прежнему с вами. — Он сделал паузу и затем медленно и отчетливо произнес: — Земная скво!

Авардан с трудом сдержался. Только не сейчас... не сейчас...

— Я могу видеть полковника, лейтенант? — спросил он, заставляя себя говорить спокойно.

— Боюсь, что полковника сейчас здесь нет.

— Вы хотите сказать, что его нет в городе?

— Я этого не говорил. Его можно найти, если дело достаточно серьезно.

— Могу я видеть дежурного офицера?

— В данный момент это — я.

— Тогда позовите полковника.

Лейтенант медленно покачал головой.

— Я не уверен в том, что это необходимо.

Авардан нетерпеливо закричал.

— Ради Галактики, прекратите эту игру! Это вопрос жизни и смерти.

— В самом деле? — Лейтенант Клавдий с деланым аристократизмом покачал маленькой элегантной тростью. — Вы могли бы попросить приема и у меня.

— Хорошо. Я жду.

— Я сказал — вы могли бы попросить.

— Вы можете принять меня, лейтенант?

Однако лейтенант был мрачен.

— Я сказал — попросить, смиренно.

Авардан побледнел и сделал шаг назад. Пола взяла его за рукав.

— Пожалуйста, Бел. Ты не должен его злить.

— Бел Авардан смиренно просит приема у дежурного офицера, — хрипло прорычал археолог.

— Я подумаю, — сказал лейтенант Клавдий.

Он приблизился к Авардану и резко ударил его по раненой щеке.

Авардан, сцепив зубы, еле подавил восклицание.

— Однажды вы обиделись на это, — произнес лейтенант. — А на этот раз?

Авардан молчал.

— Вас примут, — сказал лейтенант.

Авардан шел в окружении четырех солдат. Лейтенант возглавлял шествие.

Шект и Пола остались одни со спящим Шварцем.

— Я не слышу его больше, а ты? — спросил Шект.

Пола покачала головой.

— Я тоже. Ты думаешь, он может сделать что-нибудь с Белом?

— Что ты, — мягко проговорил физик. — Ты забываешь, что он не такой, как мы. Он — гражданин Империи, и с ним не могут расправиться так просто... Ты любишь его?

— Очень. Хотя это глупо, я знаю.

— Конечно, — Шект горько усмехнулся. — Он — честный человек. С этим я согласен. Но что он может сделать? Остаться с нами в этом мире? Взять тебя с собой? Представить землянку своим друзьям? Семье?

Пола заплакала.

— Я знаю. У нас нет никакого будущего.

Шект вновь поднялся на ноги, как будто последняя фраза напомнила ему об их положении.

— Я его опять не слышу, — повторил он.

Он говорил о секретаре, помещенном в соседнюю комнату, откуда постоянно доносились его шаги. Но теперь все стихло.

Сейчас секретарь казался им средоточием всех враждебных сил, несущих смерть и разрушение мирам Галактики. Шект прикоснулся к Шварцу.

— Проснитесь, — сказал он.

Шварц приподнялся.

— Что такое? — Он почти не отдохнул, и усталость вновь со всей силой навалилась на него.

— Вы можете сказать, где сейчас Балкис? — нетерпеливо спросил Шект.

— Ох... Да. — Шварц сконцентрировался и протянул щупальца своего сознания в поисках знакомого ему ума.

Он нашел его, но в контакт пока не вступал — это было неприятно.

— Он на другом этаже, — прошептал Шварц. — Он с кем-то говорит.

— С кем?

— Я не соприкоснулся еще с сознанием этого человеа. Подождите... Дайте послушать. Может быть, секретарь... Да, он называет его полковником.

Шект с Полой быстро переглянулись.

— Но ведь это похоже на предательство? — пробормотала Пола.

— Не знаю, — горько проговорил Шект. — Я готов поверить чему угодно.

Лейтенант Клавдий улыбался. Он сидел за столом с бластером в руках. Четверо солдат стояли за ним.

— Я не люблю и никогда не любил землян, — сказал он. — Это — отбросы Галактики. Они заразны, суеверны, ленивы. Это — вырожденцы. Но, клянусь звездами, большинство из них знает свое место. Я даже могу их как-то понять. Они такими родились, и это не их вина. Конечно, я не позволил бы им то, что позволяет Император, — я имею в виду их проклятые обычаи и традиции, — будь я на месте Императора... Но ничего. Когда-нибудь мы научим...

— Послушайте, — взорвался Авардан. — Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать...

— Слушать будете вы, потому что я не закончил. Я как раз собирался сказать, что не понимаю логики любителей землян. Когда человек ползает вместе с ними в грязи, бегает за их женщинами, я теряю всякое уважение к нему. Он еще хуже их...

— Хватит! — яростно закричал Авардан. — Вы знаете, что существует заговор против Империи? Вы знаете всю серьезность положения? Каждая минута промедления подвергает опасности квадриллионы людей в Галактике.

— Не знаю, не знаю, доктор Авардан. Вы ведь доктор, не правда ли? Нельзя забывать ваш титул. Видите ли, у меня своя теория. Вы — один из них. Возможно, вы и родились на Сириусе, но у вас — черное сердце землянина, и вы используете свое гражданство в их интересах. Вы похитили этого земного правителя, этого Старейшего. (Само по себе, кстати говоря, это довольно неплохо.) Но земляне уже ищут его. Они отправили нам послание.

— Отправили? Уже? Тогда о чем мы говорим. Я должен видеть полковника, если...

— Вы ожидали беспорядка, восстания? Возможно, вы планировали даже, что это вызовет столкновение с гарнизоном?

— Вы в своем уме? Зачем это?

— Что же, вы не будете возражать, если мы отпустим Старейшего?

— Вы этого не сделаете. — Авардан поднялся, и на мгновение показалось, что он готов броситься на офицера.

Рука лейтенанта сжала бластер.

— Не сделаем? Теперь слушайте. Я немного заинтересован в этом деле. Я дал тебе пощечину, унизил тебя на глазах твоих друзей-землян. Я заставил тебя сидеть и слушать, какое ты ничтожество. И теперь я с удовольствием подожду предлога, чтобы сделать с твоей рукой то же, что ты сделал с моей. Ну, сделай только шаг.

Авардан замер.

Клавдий засмеялся и отложил бластер в сторону.

— К сожалению, я должен сохранить тебя для полковника. Он примет тебя в пять часов.

— Вы это знали, знали все время, — хрипло произнес Авардан.

— Конечно.

— Если потерянное нами время, лейтенант, означает, что ничего уже нельзя сделать, тогда никто из нас долго не проживет. — Он говорил леденящим, устрашающим тоном. — Но вы умрете первым, потому что я отдам этому последние свои минуты.

— Я буду ждать тебя, любитель землян. В любое время.

Вся жизнь полковника прошла в гарнизоне. У него не было особых возможностей добиться той славы, о которой мечтает каждый офицер. Полковник не очень к ней и стремился. В течение своей долгой военной службы он побывал во всех уголках Галактики, и гарнизон Земли не представлялся ему чем-то необычным. Он желал лишь мирной, спокойной службы и ради этого готов был на что угодно.

Вошедший Авардан заметил, что полковник выглядит очень устало. С отсутствующим видом он пощелкивал суставами пальцев, затем официально посмотрел на вошедшего.

— Очень неприятная история... все это... — проговорил он, — очень. Я припоминаю вас, молодой человек. Вы — Бел Авардан с Сириуса, и по вашей вине у нас уже возникли затруднения. Вы что, не можете не попадать в неприятные истории?

— Это касается не только меня, полковник, но и всей Галактики.

— Да, я знаю, — нетерпеливо сказал полковник. — Или, по крайней мере, знаю то, что вы утверждаете это. Я слышал, у вас больше нет документов.

— Их у меня забрали, но меня знают в Гималаях. Сам Наместник знает меня, и я надеюсь, он не допустит, чтобы случилось нечто непоправимое.

— Посмотрим. А пока я бы хотел выслушать вашу версию происшедшего.

— Мне стало известно о заговоре небольшой группы землян с целью насильственного свержения правительства Империи.

— Вы заходите слишком далеко, молодой человек, делая подобное, ничем не обоснованное заявление. Земляне могут устроить беспорядки, напасть на гарнизон, нанести нам значительный ущерб, — готов я признать, — но не уничтожить силы Империи на планете, не говоря уже о свержении правительства Империи. И все же я готов выслушать подробности этого... за... заговора.

— К сожалению, дело настолько серьезно, что я считаю необходимым рассказать об этом самому Наместнику, лично. С вашего позволения, я требую немедленно связаться с ним.

— Ухм... Давайте не будем действовать поспешно. Знаете ли вы, что привезенный вами человек — секретарь премьер-министра Земли, один из наиболее важных Старейших?

— Прекрасно знаю.

— И тем не менее утверждаете, что он — Глава упомянутого заговора?

— Так оно и есть.

— Ваши доказательства?

— Я уверен, вы поймете меня, если я скажу, что не могу обсуждать этот вопрос ни с кем, кроме Наместника.

Полковник нахмурился и стал разглядывать свои ногти.

— Вы сомневаетесь в моей компетентности?

— Ничуть. Думаю, что только Наместник обладает достаточной властью для принятия необходимых мер.

— О каких мерах вы говорите?

— Необходимо полностью уничтожить определенное здание на Земле не позже, чем через двенадцать часов, иначе под угрозой гибели окажутся почти все жители Галактики.

— Какое здание? — устало спросил полковник.

Авардан не ответил.

— Могу я просить предоставить мне связь с Наместником?

Наступила томительная пауза. Наконец полковник сухо проговорил:

— Вы понимаете, что, похитив землянина, поставили себя в положение человека, дело которого может рассматривать земной суд? Обычно правительство защищает своих граждан и настаивает на передаче дела в Галактический суд. Однако равновесие здесь очень шатко, а я имею прямые указания по возможности избегать конфликтов. Поэтому, если вы не будете отвечать на мои вопросы, я буду вынужден передать вас и ваших друзей местной полиции.

— Но это будет смертный приговор. Для вас тоже!.. Полковник, я — гражданин Империи, и я требую встречи с Наместником.

Сигнал зуммера на столе заставил его остановиться. Полковник повернулся, нажал кнопку.

— Да?

— Сэр, — раздался отчетливый голос, — толпа людей окружила форт. По-видимому, они вооружены.

— Столкновения были?

— Нет, сэр.

На лице полковника не было заметно никаких чувств. Это, по крайней мере, было его профессией.

— Привести в готовность артиллерию и авиацию, всех людей на боевые позиции. Огонь открывать только при крайней необходимости. Ясно?

— Да, сэр. Землянин с флагом посла просит принять его.

— Пришлите его сюда. И приведите еще раз секретаря премьер-министра.

Закончив разговор, полковник холодно посмотрел на археолога.

— Надеюсь, вы понимаете, к чему привели ваши действия?

— Я требую разрешить мне присутствовать при вашей встрече с ними, — закричал Авардан, от гнева почти утратив контроль над собой, — и кроме того, я требую объяснить, почему, в то время как я находился под стражей, вы вели переговоры с этим изменником. Я знаю, что вы говорили с ним раньше, чем со мной.

— Вы меня в чем-то обвиняете? — угрожающим голосом произнес полковник. — Если да, то выражайтесь яснее.

— Я не обвиняю вас ни в чем. Однако я напоминаю, что вам придется впоследствии ответить за свои действия, и вы можете снискать известность человека, своим упрямством уничтожившего свой народ.

— Хватит! Во всяком случае, перед вами я ни в чем отчитываться не обязан. С этого момента все будет идти как я пожелаю. Вы поняли?

Глава 20

РОКОВАЯ ЧЕРТА

Секретарь прошел в открытую солдатом дверь. На его темных выпуклых губах застыла холодная улыбка. Он кивнул полковнику, игнорируя присутствие Авардана.

— Сэр, — обратился полковник к землянину, — я сообщил премьер-министру о причинах вашего пребывания здесь. Конечно же, ваше заключение здесь — абсолютно... за... необычайный случай, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы как можно скорее увидеть вас на свободе. Однако здесь находится господин, который, как вам, вероятно, известно, выдвигает против вас очень серьезное обвинение, которое мы должны проверить...

— Я вас понимаю, полковник, — спокойно сказал секретарь. — Однако, как я вам уже объяснил, этот человек пробыл на Земле всего около двух месяцев, насколько мне известно, так что он не имеет ни малейшего понятия о наших делах. Довольно неубедительная основа для какого-либо обвинения.

— Я — археолог по профессии, — яростно возразил Авар-

дан, — и занимаюсь изучением Земли и ее обычаев. Я немало знаю о ваших делах. Кроме того, обвинение выдвигаю не я.

Секретарь ни разу не взглянул на археолога. Он обращался исключительно к полковнику.

— Один из наших местных ученых вовлечен в это дело. С приближением шестидесяти лет он начал страдать манией преследования. Кроме того, есть еще один человек, неизвестно откуда взявшийся и страдающий вдобавок умственным заболеванием. Никто из этой тройки не может представить доказательства...

Авардан вскочил:

— Я требую, чтобы меня выслушал...

— Сядьте, — холодно сказал полковник. — Вы отказались обсудить дело со мной. Пусть будет по-вашему. Позовите человека с флагом посла.

Это был еще один член Совета Старейших. Лишь слегка вздрогнувшие веки выразили его чувства при виде секретаря. Полковник поднялся с кресла и произнес:

— Вы говорите от имени собравшихся у форта людей?

— Да.

— Я полагаю, это мятежное и незаконное собрание выдвигает требование освободить находящегося здесь вашего соотечественника?

— Да. Он должен быть немедленно освобожден.

— Согласен! Тем не менее, исходя из законности, порядка и уважения к представителям его величества Императора на этой планете, этот вопрос не может обсуждаться в то время, как ваши люди с оружием выступают против нас.

— Полковник прав, брат Кори, — вежливо проговорил секретарь. — Пожалуйста, успокойте людей. Я здесь в полной безопасности. Опасность не угрожает никому. Вы меня понимаете? Никому. Передайте это Старейшим.

— Хорошо, Брат. Я рад, что ты в безопасности.

Он вышел.

— Я прослежу, чтобы вы здесь оставались в полной безопасности, пока положение в городе нормализуется, — сказал полковник.

— Благодарю вас за помощь.

Авардан снова встал.

— Я протестую. Вы собираетесь освободить этого будущего убийцу, который собирается убить все человечество, и в то же

время не даете мне встретиться с Наместником, хотя я требую лишь того, что гарантирует мои права гражданина Империи. — И в приступе отчаяния он добавил: — Неужели вы проявите больше внимания к земной собаке, чем ко мне?

Голос секретаря заглушил его последнюю вспышку гнева.

— Полковник, я готов остаться здесь до прибытия Наместника, если этот человек требует того. Измена — серьезное обвинение, и это подозрение, пусть даже ни на чем не основанное, может оказаться достаточным, чтобы сделать меня бесполезным для моего народа. Я буду рад возможности доказать Наместнику свою преданность Империи.

— Я восхищен вашими чувствами, — натянуто произнес полковник, — и честно признаю, что на вашем месте я вел бы себя совсем иначе. Ваш народ может гордиться вами. Я попытаюсь связаться с Наместником.

Авардан не сказал больше ни слова и был отведен в свою камеру.

Долгое время он сидел неподвижно, не глядя ни на кого.

— Ну и что? — наконец спросил Шект.

Авардан покачал головой.

— Я все погубил.

— Что вы сделали?

— Вышел из себя, кричал, оскорблял полковника, ничего не добился. Я не дипломат, Шект.

Неожиданно он почувствовал необходимость оправдаться.

— Что я мог сделать? — воскликнул он. — Балкис уже говорил с полковником, поэтому я не мог ему доверять. Что, если ему предложили спасти свою жизнь? Что, если он с самого начала участвовал в заговоре? Я знаю, это — дикая мысль, но я не мог рисковать. Все было слишком подозрительно. Я требовал встречи с Энусом.

Физик вскочил на ноги.

— Значит, Энус будет здесь?

— Я думаю, да. Но только по личной просьбе Балкиса, и этого я понять не могу.

— По личной просьбе? Значит, Шварц прав.

— Да? Что же он говорит?

Шварц уселся на своей кровати, пожал плечами в ответ на вопросительные взгляды и беспомощно развел руками:

— Я уловил мысленный контакт секретаря, когда его вели

мимо нашей комнаты. Он долго разговаривал с этим офицером, которого вы упоминали.

— Я знаю.

— Однако в сознании офицера нет предательства.

— Что же, — пробормотал Авардан, — значит, я ошибался. А как насчет Балкиса?

— В его сознании нет беспокойства или страха, только ненависть. И сейчас она в основном направлена на нас, схвативших и привезших его сюда. Мы больно ранили его самолюбие, и он хочет нам отомстить. Причем от него можно ожидать самого худшего.

— Вы хотите сказать, что он рискнет всеми своими планами только для того, чтобы уничтожить нас? Это сумасшествие.

— Я знаю, — уверенно сказал Шварц. — Он — сумасшедший.

— И он думает, что ему это удастся?

— Именно.

— Тогда нам необходимы вы, Шварц, ваш ум. Слушайте...

Однако Шект покачал головой.

— Нет, Авардан, это у нас не получится. Я разбудил Шварца, когда вы ушли, и мы все обсудили. Его психические силы, о которых он сам имеет лишь туманное представление, явно не контролируются им в достаточной степени. Он может оглушить, парализовать или даже убить человека. Он может контролировать большие мышцы тела человека даже против его воли, но не более. Вспомните, секретаря он не смог заставить говорить, и не мог также координировать его движения достаточно четко, чтобы заставить управлять автомобилем, контролировать равновесие при ходьбе тоже было трудно. Поэтому ясно, что мы не сможем управлять Энусом, не сможем заставить его издать приказ. Как видите, я подумал об этом... — Шект покачал головой и умолк.

Авардан взглянул на часы. Была уже почти полночь, оставалось так мало времени! На какое-то время он заснул, затем свет разбудил его. Он оглянулся ошеломленно и беспомощно. Сейчас здесь собрались все, даже Наместник прибыл наконец. Пола сидела рядом с ним, вложив ему в ладонь свои маленькие и теплые руки. Выражение страха и усталости на ее лице сильнее, чем что-либо другое, настраивало его против Галактики.

Может быть, все они заслужили смерть, глупые, глупые...

Шекта и Шварца он почти не замечал. Они сидели слева от него. И здесь же был Балкис, проклятый Балкис со своими выпуклыми губами, синяком, расплывшимся по одной щеке.

Лицом к ним стоял Энус, хмурый, нерешительный, почти нелепый в своей тяжелой бесформенной, пропитанной свинцом одежде.

И он тоже был глупцом. Авардан его тоже ненавидел.

Мотивы, заставившие Энуса прибыть в Чику, были туманными, но тем не менее убедительными. «Собственно, — говорил он себе, — все ограничивается этим достойным сожаления похищением одного из типов в зеленых накидках. Обвинения выглядят дико, полковник мог бы с этим справиться сам».

Но здесь был Шект... Он был замешан в этом... И не как обвиняемый, а как обвинитель. Это казалось странным.

Наместник вполне осознавал, что непродуманное решение вызовет недовольство землян, может быть, восстание. А это ослабит его положение и помешает продвижению по службе. Что касается длинной речи, произнесенной Аварданом о вирусе и распространяющейся по Галактике эпидемии, то мог ли он относиться к этому серьезно?

А если он начнет действовать, как это будет выглядеть в глазах вышестоящих властей?

И все же как не верить Авардану, известному археологу?

Энус, обдумывая решение, обратился к секретарю:

— Конечно, вам есть что сказать по этому вопросу?

— Удивительно мало, — проговорил секретарь доверительным тоном. — Я хотел бы узнать, какие есть доказательства для обвинения?

— Ваше превосходительство, — с трудом сдерживая эмоции, сказал Авардан, — я уже говорил вам, что вчера этот человек полностью подтвердил все, что я сказал.

— Возможно, — заметил секретарь, — ваше превосходительство, вы предпочитаете поверить в это, но это лишь еще одно ничем не подтвержденное заявление. Пока же единственным фактом остается то, что я был насильственно схвачен, а не они, что моя, а не их жизнь подвергалась опасности. А теперь я бы хотел, чтобы мой обвинитель объяснил, как он узнал все это за два месяца пребывания на планете, в то время как вы, Наместник, за годы службы здесь не обнаружили ничего уличающего.

— В том, что говорит Брат, есть смысл, — с трудом признал Энус.

— Откуда вы это узнали?

— До признания обвиняемого я узнал об этом от доктора Шекта, — сухо ответил Авардан.

— Так ли это, доктор Шект? — Наместник посмотрел на физика.

— Да, ваше превосходительство.

— Откуда это стало известно вам?

— Доктор Авардан все рассказал, и был совершенно точен, говоря о том, как был использован Синапсайфер, и о предсмертных словах бактериолога Смитко. Этот Смитко участвовал в заговоре. Его слова записаны, и эта запись может быть предоставлена.

— Но, доктор Шект, заявление умирающего человека, находящегося в бреду, если верить словам доктора Авардана, не имеет особой достоверности. У вас есть что-либо еще?

Авардан прервал его, ударив кулаком по креслу и закричав:

— Разве это заседание суда? Что, кто-нибудь нарушил правила дорожного движения? У нас нет времени на раздумье над доказательствами или сравнение их с помощью микрометра. Я говорю вам, у нас есть время до шести утра, то есть пять с половиной часов, чтобы отвести эту смертельную опасность... Вы и раньше знали доктора Шекта, ваше превосходительство. Обманывал ли он вас?

— Никто не обвиняет доктора Шекта в преднамеренной лжи, — быстро вмешался Балкис. — Просто он стареет и в последнее время сильно обеспокоен приближением своей шестидесятой годовщины. Боюсь, что сочетание возраста и страха обусловило некоторую умственную несбалансированность, достаточно часто встречающуюся здесь, на Земле. Посмотрите на него. Выглядит ли он вполне нормально?

Конечно же, физик выглядел сникшим и беспокойным, потрясенный тем, что ему пришлось пережить, и тем, что еще предстояло.

И все же Шект заставил себя говорить спокойно:

— Я мог бы сказать, что последние два месяца я находился под постоянным контролем Старейших, что все мои письма подвергались цензуре. Но ясно, что подобные жалобы могут быть отнесены на счет моей «ненормальности». Однако здесь присутствует Джозеф Шварц, человек, который добровольцем

пришел на Синапсайфер в тот день, когда вы посетили меня в институте.

— Я помню. — Энус почувствовал облегчение, что разговор отклонился в сторону. — Это тот человек?

— Да.

— Он выглядит не хуже, чем до эксперимента!

— Гораздо лучше. Обработка Синапсайфером была исключительно удачной, потому что он с самого начала обладал отличной памятью, чего я прежде не знал. Сейчас его ум стал чувствительным к мыслям других людей...

Энус подался вперед и пораженно воскликнул:

— Что? Вы утверждаете, что он читает мысли?

— Это можно продемонстрировать, ваше превосходительство. Но я думаю, Брат подтвердит сказанное.

Секретарь бросил на Шварца быстрый, полный ненависти взгляд и проговорил с едва заметной дрожью в голосе:

— Это правда, ваше превосходительство. Этот человек обладает определенными гипнотическими способностями, хотя является ли это следствием обработки на Синапсайфере, я не знаю. Могу добавить, что о самой обработке нет никаких записей, что, согласитесь, весьма подозрительно.

— Записи не проводились, — спокойно сказал Шект, — в соответствии с указаниями премьер-министра.

Но секретарь лишь пожал плечами в ответ.

— Оставим эти бессмысленные споры, — безапелляционно сказал Энус. — Какое отношение к делу имеют способности этого Шварца, какими бы они ни были?

— Шект хочет сказать, — вмешался секретарь, — что Шварц может прочитать мои мысли.

— Это правда? Ну и что он думает? — спросил Наместник, обращаясь к Шварцу.

— Он думает, — ответил Шварц, — что никаких шансов убедить вас в своей правоте у нас нет.

— Совершенно верно, — усмехнулся секретарь, — хотя этот вывод едва ли требует особых способностей.

— И кроме того, — продолжал Шварц, — что вы несчастный глупец, боящийся действовать, желающий только покоя, надеющийся своей справедливостью и беспристрастностью покорить землян. Поэтому вы представляетесь ему еще большим глупцом.

Секретарь покраснел.

— Я отрицаю все это. Это явная попытка заслужить ваше расположение, ваше превосходительство.

— Это не так легко сделать, — сказал Энус и добавил, обращаясь к Шварцу: — А что думаю я?

— То, что если я и вижу, что происходит в голове человека, то мне совсем не обязательно говорить об этом правду, — ответил Шварц.

Брови Наместника удивленно поднялись.

— Вы правы, совершенно правы. Вы подтверждаете правоту утверждений доктора Авардана и Шекта?

— Каждое слово!

— Вот как! И все же пока не будет найден второй такой, как вы, причем не заинтересованный в деле, ваши доказательства не могут иметь юридической силы, даже если мы будем полностью убеждены, что вы — телепат.

— Но это не юридический вопрос, — воскликнул Авардан, — это вопрос безопасности Галактики.

— Ваше превосходительство, — воскликнул секретарь, — я требую, чтобы этого Шварца удалили из комнаты.

— Почему?

— Этот человек, кроме чтения мыслей, обладает некоторыми особыми свойствами. Я был схвачен, потому что был парализован. Я боюсь, что сейчас он может предпринять что-нибудь подобное против меня или даже против вас.

Авардан встал, желая что-то сказать, но секретарь не дал ему заговорить.

— Нельзя быть уверенным ни в чем сказанном, пока присутствует человек, который может незаметно влиять на суждения с помощью упомянутых способностей.

Энус быстро принял решение. Он отдал приказ, и Джозеф Шварц, не проявляя сопротивления, без малейших следов беспокойства на своем лунообразном лице, был уведен прочь.

Для Авардана это был последний удар.

Секретарь встал и на мгновение замер, этакая низкая зловещая фигура в зеленом, сильная в своей уверенности.

Он начал официальным тоном:

— Ваше превосходительство, вся убежденность и заявления доктора Авардана основаны на свидетельстве доктора Шекта. В свою очередь, уверенность доктора Шекта основывается на бреде умирающего человека. И все это, ваше превосходительство, все это почему-то не проявлялось, пока Джозеф Шварц не был подвергнут обработке на Синапсайфере.

Кто же такой Джозеф Шварц? Пока он не появился на сцене, доктор Шект был нормальным, спокойным человеком. Вы сами, ваше превосходительство, говорили с ним непосредственно перед тем, как появился Шварц. Было ли в нем что-либо необычное? Сообщал он вам о заговоре против Империи? Был ли он хотя бы обеспокоен? Сейчас он говорит, что фальсифицировал результаты работы на Синапсайфере по приказу премьер-министра. Говорил ли он об этом тогда? Или только сейчас, после того, как появился Шварц? И опять-таки, кто такой Джозеф Шварц? Он говорил на неземном языке, когда был приведен впервые. Это нам удалось узнать позже, когда мы начали сомневаться в душевном равновесии доктора Шекта. Его привел фермер, абсолютно ничего о нем не знавший. И с тех пор нам так и не удалось ничего о нем узнать.

Однако этот человек обладает необычными способностями. Он может оглушить человека на расстоянии сотни ярдов простой мыслью и убить при более близком контакте. Я сам был им парализован; он манипулировал моими руками и ногами, а при желании мог бы манипулировать и умом.

И я убежден, что Шварц манипулировал умами этих людей. Они утверждают, что я держал их в заточении, угрожал смертью, что я сознался в предательстве... Однако задайте им один вопрос, ваше превосходительство. Не были ли они постоянно подвержены влиянию Шварца, этого человека, способного контролировать их умы?

Разве не может Шварц оказаться предателем? Если нет, то кто он такой, этот Шварц?

Секретарь сел с выражением торжества на лице.

Авардан чувствовал себя так, как будто его мозг поместили в циклотрон и он вращается там с увеличивающейся скоростью.

Что он мог ответить? Что Шварц из прошлого? Какие у него доказательства? То, что этот человек говорил на древнем языке? Но только он, Авардан, может подтвердить это. Да, его умом могли манипулировать. В конце концов, кто может быть уверен, что это не так? Кто такой Шварц? Что так убедило его в реальности этого плана покорения Галактики?

Он задумался вновь. Откуда эта убежденность в реальности заговора? Он был археологом и привык ставить все под сомне-

ние, но сейчас... Результат ли это слов одного человека? Одного поцелуя? Или все-таки Джозеф Шварц?

Он не может думать. Не может!

— Итак? — В голосе Энуса слышалось нетерпение. — Вы что-нибудь хотите сказать, доктор Шект? Или вы, доктор Авардан?

Тишину неожиданно прервал пронзительный голос Полы:

— Зачем вы спрашиваете? Неужели не ясно, что все это ложь? Ох, всех нас ждет смерть, и мне все равно, но мы могли бы остановить это, могли бы... А мы вместо этого просто сидим здесь и... и... разговариваем... — Она расплакалась.

— Итак, разговор закончился истерикой, — сказал секретарь. — Ваше превосходительство, я предлагаю следующее. Мои обвинители утверждают, что вирус и все остальные плоды их воображения должны быть пущены в действие в определенное время, кажется, в шесть часов утра. Я готов неделю находиться в вашей власти. Если то, о чем они говорят, — правда, известие об эпидемии в Галактике придет на Землю в течение нескольких дней. Если подобное случится, то Земля все еще под контролем сил Империи...

— Земля — действительно прекрасная плата за всю Галактику, — пробормотал бледный Шект.

— Я ценю свою жизнь и жизни моих соотечественников. Мы — заложники, подтверждающие свою невиновность, и я готов сейчас же сообщить Совету Старейших, что по собственной воле останусь здесь на неделю, чтобы предотвратить возможные беспорядки.

Он скрестил руки на груди.

Энус с беспокойством поднял глаза.

— Я не вижу вины этого человека...

Авардан больше не мог этого терпеть. Он вскочил и со зловеще-спокойным выражением лица рванулся к Наместнику. О чем он думал, осталось неизвестным. Впоследствии он и сам не мог этого вспомнить. Да это и не имело никакого значения. У Энуса была нейроплеть, и он ею, конечно же, воспользовался.

В третий раз со времени пребывания на Земле все в Авардане взорвалось вспышкой боли, закружилось и исчезло.

Пока он был без сознания, время неумолимо двигалось вперед...

Глава 21

ЗА РОКОВОЙ ЧЕРТОЙ

И вот наступило шесть часов.

Стрелки часов двинулись дальше, пройдя роковую черту.

Забрезжил свет...

Перед глазами Авардана мелькали туманные тени, исчезающие и появляющиеся, а затем приобретающие очертания.

Лицо... Глаза, глядевшие прямо в глаза...

— Пола! — Все вокруг стало ясным и отчетливым. — Который час?

Он сильно в порыве чувства сжал ее руку.

— Начало восьмого, — прошептала она. — За чертой.

Он нетерпеливо оглянулся вокруг и приподнялся, не обращая внимания на жгучую боль в суставах.

Шект, сидевший на стуле, коротко и печально кивнул.

— Все кончено, Авардан.

— Значит, Энус...

— Энус, — сказал Шект, — не воспользовался случаем. Странно ли это? — Он рассмеялся сухим отрывистым смехом. — Трое, без чьей-либо помощи, узнают о гигантском заговоре против человечества, самостоятельно захватывают его организатора и отдают его в руки правосудия. Как в сказке, не правда ли? Три всепобеждающих героя предотвращают несчастье в последнюю минуту. Все, как у нас, с той лишь разницей, что никто не поверил в это. Забавно...

Авардан в смятении отвернулся. Глаза Полы, как две черные Вселенные, были полны слез. На мгновение он каким-то образом растворился в них, они стали настоящей Вселенной, сияющей множеством звезд. И к этим звездам стремительно направлялись маленькие блестящие цилиндры, поглощая в гиперпространстве световые года по точно просчитанным траекториям. Скоро, может быть, они приблизятся, войдут в атмосферу, рассыплются невидимым дождем вируса...

Да, все кончено.

Теперь ничего нельзя сделать.

— Где Шварц? — слабо спросил он.

Пола лишь покачала головой.

— Они так и не привели его назад.

Дверь открылась, и Авардан, не смирившись с мыслью о смерти, поднял глаза с проблеском надежды.

Но это был Энус, и Авардан отвернулся с жестким выражением лица.

Энус вошел, на минуту остановив взгляд на отце и дочери. Они ничего не значили для него, но каким бы коротким и жестоким ни было их будущее, то, что ожидало Наместника, было еще короче и ужасней.

Энус тронул Авардана за плечо.

— Доктор Авардан?

— Ваше превосходительство? — ответил Авардан, горько и не особенно удачно подражая интонациям обращения к Наместнику.

— Шесть часов прошло. — Энус не спал этой ночью. Его официальное признание невиновности Балкиса не давало ему уверенности в психической нормальности обвинявших секретаря.

— Да, — сказал Авардан, — прошло шесть часов, а звезды по-прежнему сияют.

— Вы все еще считаете, что были правы?

— Ваше превосходительство, — проговорил Авардан, — через несколько часов умрут первые жертвы. Их не заметят. Люди умирают каждый день. Через неделю за ними последуют тысячи тысяч. Процент выздоровления будет близок к нулю. Известные средства окажутся бесполезными. Некоторые планеты запросят помощи в борьбе с эпидемией. Через две недели к ним присоединятся десятки планет, и в ближайших секторах будет объявлен карантин. Через месяц Галактика станет скопищем людей, терзаемых болезнями. Через два месяца нетронутыми останутся около двух десятков планет. Через шесть месяцев Галактика будет мертва... И что будете делать вы, когда придут эти первые сообщения?

Разрешите мне предсказать и это. Вы отправите рапорты, что источником эпидемии могла быть Земля. Это не спасет никого. Вы объявите войну Старейшим Земли. Это не спасет никого... Вы сотрете землян с лица этой планеты. Это не спасет никого... Или же вы станете действовать как посредник между вашим другом Балкисом и Галактическим советом или его оставшимися преемниками? Вам может достаться честь продать искалеченные остатки Империи Балкису в обмен на противоядие, необходимое всем зараженным планетам.

Энус неуверенно улыбнулся.

— Мне кажется нелепым ваш драматизм.

— О да. Я — мертвый человек, и вы — труп. Но мы будем чертовски спокойны и выдержанны, не правда ли?

— Если вы намекаете на использование нейрохлыста...

— Ничего подобного, — иронически проговорил Авардан. — Я привык к нему. Я просто не замечаю его теперь.

— Тогда я изложу все настолько последовательно, насколько смогу. Это скверная история. Было бы трудно составить впоследствии обоснованный отчет, так же, как трудно действовать сейчас без веских доказательств. Ваш голос — единственный, имеющий вес, поскольку остальные обвинители — земляне. Предположим, вы подпишете заявление, что обвинение было выдвинуто в то время, как вы... Что же, мы придумаем выражение, которое будет объяснять ваши фантазии.

— Это будет нетрудно. Скажем, я был не в своем уме, пьян, одурманен наркотиками, загипнотизирован. Подойдет любое.

— Образумьтесь. Послушайте, уверяю вас, вы были намеренно вовлечены в это. — Он перешел на напряженный шепот: — Вы с Сириуса. Как вы могли влюбиться в землянку?

— Что?

— Не кричите. Сможете ли вы дома добиться гражданства для нее? Об этом вы думали? — Он кивнул головой в сторону Полы.

Мгновение Авардан удивленно смотрел на него. Затем он ловко схватил за горло высшего представителя имперской власти на Земле. Энус отчаянно пытался разжать его руки.

— Вот как? — проговорил Авардан. — Вы имеете в виду мисс Шект? Если да, то я хотел бы услышать уважительное обращение. А, убирайтесь... Все равно вы мертвы.

— Доктор Авардан, — задыхаясь, выговорил Энус, — считайте, что вы арес...

Дверь открылась вновь, и в комнату вошел полковник.

— Ваше превосходительство, земляне вернулись.

— Что? Разве Балкис не говорил с властями? Он должен был предупредить, что останется здесь на неделю.

— Он по-прежнему находится здесь, как и эти люди. Мы готовы открыть огонь, я советую это сделать как военный.

— Подождите, пока я переговорю с Балкисом. Пришлите его сюда. — Он повернулся. — Доктор Авардан, с вами я разберусь позже.

Балкис вошел улыбаясь. Он официально кивнул Энусу, ответившему ему искренним приветствием.

— Слушайте, — отрывисто проговорил Наместник, — мне сообщили, что ваши люди собираются вблизи форта. Это противоречит нашему договору... Мы не хотим кровопролития, но и наше терпение имеет границы. Вы можете заставить их разойтись мирно?

— Если пожелаю, ваше превосходительство.

— Если пожелаете? Вам лучше пожелать. И немедленно.

— Ничего подобного, ваше превосходительство! — Секретарь рассмеялся и резко поднял руку. — Теперь я здесь командир. Ты не слишком рад этому и за это умрешь! Или будешь жить рабом, если пожелаешь, но запомни, это будет нелегкая жизнь.

Неожиданность пылкого заявления не произвела видимого эффекта на Энуса. Даже сейчас, получив тягчайший за свою жизнь удар, он сохранил спокойствие дипломата Империи, лишь в глазах появилось беспокойство.

— Значит, я потерял так много, проявив терпение? История с вирусом была правдой? — В его голосе слышалось почти отвлеченное удивление. — Но Земля, вы сами — все вы — мои заложники.

— Ничего подобного, — мгновенно ответил ему секретарь с торжеством. — Это вы и ваши люди — мои заложники. Вирус, распространяющийся сейчас по Вселенной, не миновал и Землю. Достаточное количество уже распылено вблизи каждого гарнизона на планете, включая Гималаи. У нас, землян, выработан иммунитет, но как чувствуете себя вы, Наместник? Слабость? Сухость в горле? Ваша голова горит? Если нет, то это наступит скоро. И только от нас вы сможете получить лекарство.

Долгое время Энус молчал. Его тонкое лицо неожиданно стало надменным.

Затем он повернулся к Авардану и с холодной вежливостью произнес:

— Доктор Авардан, выяснилось, что я должен просить прощения за то, что сомневался в ваших словах. Доктор Шект, мисс Шект, примите мои извинения.

Авардан усмехнулся.

— Благодарю вас, это огромное облегчение для всех нас.

— Я достоин вашего сарказма, — сказал Наместник. — Я возвращаюсь в Гималаи, чтобы умереть вместе с семьей. Конечно же, не может быть и речи о каком-то соглашении с этим... человеком. Я уверен, солдаты Империи перед смертью выполнят свой долг, и немногие земляне останутся в живых, чтобы присутствовать при нашей смерти... Прощайте.

— Подождите. Подождите. Не уходите.

Очень медленно Энус оглянулся на звук голоса.

В дверях стоял Джозеф Шварц.

Секретарь сжался и быстро отступил назад, с неожиданным беспокойством вглядываясь в человека из прошлого.

— Нет, — прохрипел он, — вам не удастся узнать от меня состав лекарства. Лишь несколько человек знают его, а еще несколько знают, как его применять. Все они находятся в безопасности, вне вашей досягаемости, и будут там, пока вирус не сделает свою работу.

— Они вне досягаемости сейчас, — согласился Шварц, — но вряд ли останутся там на время, достаточное, чтобы вирус начал действовать. Видите ли, вируса больше не существует.

Все молчали, не понимая его слов. Мысль, пришедшая в голову Авардану, заставила его вздрогнуть. Был ли он специально замешан во все это? Была ли это одна гигантская мистификация, в которую секретарь был вовлечен так же, как и он? Если да, то зачем?

Его раздумья прервал Энус.

— Быстрее. Говорите, что вы имеете в виду.

— Все очень просто, — сказал Шварц. — Прошлой ночью я понял, что ничего не сделаю, сидя здесь и слушая разговоры. Поэтому я долгое время осторожно воздействовал на сознание секретаря... И, наконец, он попросил, чтобы меня удалили из комнаты. Это было именно то, чего я хотел, все остальное было просто.

Я оглушил своего охранника и отправился искать взлетную полосу. Самолеты с полным снаряжением были готовы к взлету. Экипажи ждали на своих местах. Я выбрал один из них, и мы вылетели к Сенлу.

Секретарь, казалось, хотел что-то сказать, но только беспомощно открывал и закрывал рот, затем с трудом произнес:

— Но вы не могли никого заставить управлять самолетом, Шварц. Все, что вам удавалось, это приказать человеку идти.

— Да, когда это было против его воли. Но мне было известно, что люди с Сириуса ненавидят землян. Поэтому я искал летчика, который бы родился в секторе Сириуса, и нашел лейтенанта Клавдия.

— Лейтенанта Клавдия? — воскликнул Авардан.

— Да... О, вы знаете его? Да, я вижу это совершенно отчетливо в вашем сознании.

— Еще бы... Продолжайте, Шварц.

— Этот офицер ненавидел землян с такой силой, что мне трудно было его понять, даже проникнув в его сознание. Он хотел их уничтожить. Его сдерживала лишь дисциплина. Это был совершенно отличный случай. Всего лишь маленькое внушение, небольшой толчок, и дисциплина потеряла для него значение. Незаметно я забрался вместе с ним в его самолет.

— Как вы нашли Сенлу? — прошептал Шект.

— В мое время, — ответил Шварц, — существовал город Сент-Луис. Он находился у пересечения двух больших рек... Я мысленно приказал лететь туда. И мы нашли Сенлу. Была ночь, но в море радиоактивности виднелся темный островок, а доктор Шект говорил, что храм представляет собой изолированный от всего оазис нормальной почвы. Мы сбросили осветительные ракеты (после моего мысленного приказа), и я увидел пятиконечное здание, информацию о котором я уловил в сознании секретаря... Сейчас там нет ничего, кроме ямы в сотню футов глубиной. Это произошло в три часа утра. Как видите, вирус отправлен не был.

Из горла секретаря вырвалось яростное звериное рычание. Он сделал попытку броситься на Шварца, но затем, согнувшись, вдруг рухнул на землю.

— Я не прикасался к нему, — тихо сказал Шварц. И, глядя на распростертое на полу тело, добавил: — Я вернулся до шести часов. Балкис должен был все рассказать. Я знал это из его сознания, но он не раскрылся. И вот он сделал то единственное, что я не заставлял его делать...

Глава 22

ЛУЧШЕЕ ЖДЕТ ВПЕРЕДИ

Прошло тридцать дней с того времени, как Джозеф Шварц вылетел из аэропорта в ночь, на которую было назначено уничтожение Галактики, слыша позади бешеный вой сирен и передаваемые приказы немедленно вернуться.

Он не вернулся, пока не уничтожил храм в Сенлу.

Героизм был признан официально. В его кармане лежала лента ордена «Солнца и звездолета» первой степени. Во всей Галактике лишь еще два подобных ордена были вручены людям при жизни.

Это уже кое-что для бывшего портного.

Конечно, никто, за исключением самых посвященных, не знал, что он сделал, но это не имело значения. Когда-нибудь в книгах по истории это отразят как яркое и незабываемое событие прошлого.

Тихой ночью он шел по направлению к дому доктора Шекта. Город был спокоен, так же спокоен, как звёздный блеск над ним. В отдаленных местах Земли еще орудовали банды зелотов, но их лидеры были мертвы или схвачены.

Первые гигантские караваны с нормальной почвой уже находились на пути. Энус вновь предложил переселить землян на другую планету, но предложение не было принято. Земляне не желали этого. Они хотели сами переделать свою планету, воссоздать дом предков, родину человечества. Они хотели своими руками заменить зараженную почву здоровой, увидеть живую зелень там, где все было мертво.

Предстояла гигантская работа, на нее могли уйти века, ну и что? Галактика пришлет машины, корабли Галактики доставят пищу. Галактика даст почву. Это — крупица того, чем могла помочь Земле Галактика с ее мощными ресурсами.

И благодаря этой помощи земляне вновь станут равными всем людям на других планетах. И вновь обретут былое достоинство. Но это все впереди...

От этих мыслей сердце Шварца радостно стучало. Он подошел к дому Шекта. На следующей неделе ему с Аварданом предстояло лететь к великим центральным мирам Галактики. Кто еще из его поколения когда-либо покидал Землю?

И на мгновение он вспомнил старую Землю, его Землю, давно мертвую.

А для него прошло лишь три с половиной месяца...

Он остановился, готовый нажать звонок, когда его мозг уловил разговор за дверью. Как отчетливо он ощущал сейчас мысли других людей!

Это был, конечно, Авардан, его сознание было наполнено чувствами и говорило больше, чем сказанные им слова:

— Пола, я ждал и думал, думал и ждал. Я больше не могу. Ты едешь со мной.

И Пола, сознание которой было тоже переполнено чувствами, отвечала с явным колебанием:

— Я не могу, Бел. Это абсолютно невозможно. Мое происхождение и воспитание... Я буду чувствовать себя глупо на этих больших планетах. И, кроме того, я всего лишь зем...

— Не говори этого. Ты — моя жена и все. Если кого-то интересует, кто ты и откуда, ты родилась на Земле, и ты — гражданка Империи. Если нужны дальнейшие подробности, ты — моя жена.

— Хорошо, а что будет после того, как ты посетишь свое археологическое общество на Транторе?

— Потом? Что ж, сначала мы посетим все наиболее значительные планеты Галактики, даже если придется заказывать специальный корабль. Ты увидишь всю Галактику, это будет лучшим подарком к нашей свадьбе, который только могут обеспечить правительственные деньги.

— И затем...

— И затем мы вернемся на Землю и будем трудиться над ее преобразованием.

— Но почему ты собираешься заниматься этим?

— Потому что я люблю тебя, и это то, чего хочешь ты, и потому, что я — патриот Земли, ведь мне выдали документы почетного гражданина.

— Хорошо...

И на этом разговор прекратился.

Но мысленные контакты, конечно, не исчезли, и Шварц с радостью и некоторым смущением отошел от двери. Он может подождать. Впереди еще столько времени.

Он ждал на улице под сияющими холодными звездами, в которых угадывались целые миры Галактики.

Для себя, и для новой Земли, и для всех этих миллионов планет он вновь тихо повторял эти древние стихи:

Со мною к старости иди!
Все лучшее ждет впереди,
Жизни конец, если ты упустил начало...

СОДЕРЖАНИЕ

РОБОТЫ И ИМПЕРИЯ. Роман.
Перевод с английского М. Букашкиной 5

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ. Роман.
Перевод с английского З. Бобырь 367

ЗВЕЗДЫ КАК ПЫЛЬ. Роман.
Перевод с английского И. Ткач 477

КАМЕШЕК В НЕБЕ. Роман.
Перевод с английского И. Ткач 629